ВРЕМЕННИКЪ

ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ.

Книга семьдесятъ вторая.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія Э. Г. Фалькъ и Губернскаго Правленія.
1907.

Печатано по опредѣленіямъ Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Директоръ *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

семьдесятъ второй книги Временника Лицея.

LXXII книга вышла 15 ноября 1897 г; въ ней 30 листовъ.

ОТЧЕТЪ

Правленія Попечительства о недостаточныхъ студентахъ Демидовскаго Юридическаго Лицея

съ 1 Іюля 1896 года по 1 Іюля 1897 года.

Уставъ Попечельства о недостаточныхъ студентахъ Демидовскаго Юридическаго Лицея въ Ярославлѣ, начавшій свои дѣйствія съ 1871 года, утвержденъ былъ Высочайшею властію 28 апрѣля 1871 года.

Средства Попечительства, по правиламъ, утвержденнымъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, составляются изъ ежегодныхъ взносовъ членовъ. Кромѣ того предоставлено Попечительству право устраивать публичныя лекціи, концерты и спектакли. Членами почетными, оказавшими особыя услуги, или дѣйствительными, могутъ быть совершеннолѣтнія лица обоего пола. всѣхъ званій и состояній. Почетныхъ членовъ къ концу отчетнаго года состояло 35, а дѣйствительныхъ. внесшихъ въ годъ не менѣе 5 рублей—17, въ предъидущихъ же годахъ дѣйствительныхъ членовъ было: 99, 102. 76, 83, 72, 54, 74. 60, 74, 65, 52, 45, 22, 24, 21, 30, 17, 16, 16, 13, 17, 11, 63, 30 и 28.

Постоянныхъ пособій въ отчетномъ году поступило: отъ Ярославской городской Думы 100 руб. и отъ Ярославской уѣздной земской управы 100 руб., отъ Губернской земской управы 50 руб. и отъ Министерства На-

роднаго Просвѣщенія 300 руб. Процентовъ съ капитала Попечительства, состоящаго къ концу отчетнаго года въ 15100 руб., получено было 554 руб. 32 коп.

Пособія студентамъ выдавались въ размѣрѣ, смотря по состоянію кассы и дѣйствительной бѣдности, отъ 3 до 12 р. въ мѣсяцъ. Уплатой за слушаніе лекцій дана нѣсколькимъ молодымъ людямъ возможность состоять студентами и не быть уволенными изъ числа ихъ за невзносъ этой платы.

Заимообразно выдано было въ отчетномъ году 341 руб. 84 коп., въ уплату же долговъ поступило 419 руб. 56 коп.

СПИСОКЪ

Членовъ Попечительства.

а) Почетные:

1. *Вахромѣевъ* Иванъ Александровичъ— Ярославскій городской голова—25 руб.

2. *Глаголевъ* Иванъ Матвѣевичъ—присяжный повѣренный изъ Москвы.

3. *Головщиковъ* Константинъ Дмитріевичъ—секретарь Лицея.

4. *Деляновъ* графъ Иванъ Давыдовичъ—Министръ Народнаго Просвѣщенія.

5. *Іонаѳанъ* Архіепископъ Ярославскій.

6. *Калачевъ* Викторъ Васильевичъ, Ярославскій землевладѣлецъ— бывшій Костромской губернаторъ.

7. *Капнистъ* графъ Павелъ Алексѣевичъ—бывшій Попечитель Московскаго учебнаго округа.

8. *Капустинъ* Михаилъ Николаевичъ—Попечитель Петербургскаго учебнаго округа.

9. *Клириковъ* Николай Павловичъ—титулярный совѣтникъ.

10. *Коншинъ* Владиміръ Дмитріевичъ коммерціи совѣтникъ изъ Москвы.

11. *Кремлевъ* Николай Александровичъ — бывшій Директоръ Лицея.

12. *Липинскій* Маріанъ Александровичъ — доцентъ Лицея.

13. *Лопатина* Глафира Александровна — потомственная почетная гражданка.

14. *Мещерская* княгиня Марія Александровна — изъ Москвы

15. *Мещерскій* князь Николай Петровичъ — бывшій Попечитель Московскаго учебнаго округа.

16. *Пастухова* Анна Васильевна — потомственная почетная гражданка.

17. *Пастухова* Елена Яковлевна — потомственная почетная гражданка.

18. *Пастуховъ* Дмитрій Александровичъ — потомственный почетный гражданинъ

19. *Пастуховъ* Иванъ Александровичъ потомственный почетный гражданинъ.

20. *Пастуховъ* Николай Петровичъ потомственный почетный гражданинъ.

21. *Рукавишникова* Евдокія Николаевна — изъ Москвы.

22. *Рукавишниковъ* Константинъ Васильевичъ — почетный мировой судья изъ Москвы.

23. *Синельникова* Анастасія Петровна — изъ Петербурга

24. *Смирновъ* Андрей Павловичъ — судебный слѣдователь изъ Ветлуги — 10 руб.

25. *Соболевъ* Иванъ Николаевичъ — бывшій Ярославскій городской голова.

26. *Солдатенковъ* Косма Терентьевичъ — потомственный почетный гражданинъ изъ Москвы.

27. *Тарасовъ* Иванъ Трофимовичъ — ординарный профессоръ Московскаго Университета.

28. *Терещенко* Ѳедоръ Артемьевичъ — дѣйствительный статскій совѣтникъ изъ Москвы.

29. *Федотова* Гликерія Николаевна—артистка Императорскихъ театровъ.

30. *Чистяковъ* Дмитрій Ивановичъ—статскій совѣтникъ.

31. *Шнейдеръ* Августъ Августовичъ—содержатель аптеки въ Ярославлѣ.

32. *Шостаковскій* Петръ Адамовичъ—Директоръ Московской консерваторіи

33. *Шпилевскій* Сергѣй Михайловичъ Директоръ Лицея.

34. *Щелкова* Нина Антоновна.

35. *Якушкинъ* Евгеній Ивановичъ—дѣйствительный статскій совѣтникъ—5 руб.

Итого отъ почетныхъ членовъ въ отчетномъ году поступило 40 рублей.

б) Дѣйствительные члены:

Базанова Юлія Ивановна изъ Москвы и *Өедоровъ* Николай Васильевичъ, судебн. слѣдов. по 100 р.—200 р.;

Фонъ-Дервизъ Павелъ Александровичъ и Любовь Александровна—300 руб.

Вознесенскій Николай Аркадьевичъ, суд слѣдов изъ Кологрива, *Бодиско* Николай Константиновичъ изъ Новочеркаска, *Лопатинъ* Семенъ Яковлевичъ; *Ледницкій* Александръ Робертовичъ, прис. повѣр. въ Москвѣ. *Славновскій* Алексѣй Александровичъ податной инспекторъ въ Астрахани—по 10 р., итого 50 руб.

Лавровъ Веніаминъ Тихоновичъ пом. надзирателя акциза въ Брянскѣ, *Поповъ* И. А.—мировой судья Горигорѣцкаго округа Могилевской губерніи. *Потѣхинъ* Павелъ Борисовичъ, дѣлопроизводитель Департамента Народнаго Просвѣщенія, *Стефановскій* Д. Н. Товарищъ прокурора Ярославскаго окружнаго суда, *Маслаковъ* Иліодоръ Васильевичъ - Товарищъ прокурора Казанскаго окружнаго суда; *Хомутова* Ольга Павловна, по 5 руб., итого 30 руб.

Демидовъ Павелъ Александровичъ Почетный Попечитель Лицея 100 руб., онъ же за почетный билетъ на студенческій вечеръ 50 руб.

Бабіевскій Иванъ Григорьевичъ, Управляющій Ташкентской контрольной палатой за почетный билетъ — 100 руб.

Отъ Товарищества Мануфактуры Морозова съ сыновьями 50 руб., отъ бывшаго студента Лицея Ильи Лазаревича *Полякова* за почетный билетъ — 100 руб.

ВѢДОМОСТЬ

объ оборотахъ суммъ Попечительства за время съ 1 Іюля 1896 по 1 Іюля 1897 г.

1. От прошедшаго года въ остаткѣ суммъ было:

Наличными	197 р.	32 к.
Билетами	14600 »	— »
Сверхъ того въ долгахъ за студентами .	2214 »	1 »

2. Приходъ.

Въ іюлѣ:	Возвращено въ уплату долговъ	106 »	66 »
	Получено членскихъ взносовъ	100 »	— »
	Получено % съ капиталовъ	262 »	20 »
	Итого . .	468 »	86 »
Въ августѣ:	Возвращено въ уплату долговъ	23 »	5 »
	Полученъ членскій взносъ .	5 »	— »
	Итого . .	28 »	5 »

Въ сентябрѣ:	Членскихъ взносовъ . .	15 »	— ›
	Возвращено въ уплату долговъ	15 ›	50 »
	Получено °/₀ съ капитала Попечительства . . .	160 »	7 »
	Итого . .	190 ›	57 ›
Въ октябрѣ:	Членскій взносъ . . .	16 ›	30 ›
	Возвращено въ уплату долговъ	61 ›	50 »
	Получено пособіе отъ Ярослав. уѣздной Земской Управы .	100 ›	— ›
	Итого . .	177 ›	80 »
Въ ноябрѣ:	Получено со студенческаго вечера	1332 »	62 ›
	Возвращено въ уплату долговъ	5 »	— ›
	Членскій взносъ . . .	25 ›	— ›
	Итого . .	1362 »	62 ›
Въ декабрѣ:	Возвращено въ уплату долговъ	22 ›	— ›
	Получено пособіе отъ г. Фонъ-Дервизъ	200 ›	— ›
	Членскихъ взносовъ . .	5 »	— ›
	Итого . .	227 »	— »
Въ январѣ:	Членскій взносъ . . .	15 ›	— »
	Возвращено въ уплату долговъ	55 ›	66 ›
	Получено °/₀ . . .	132 ›	5 »
	Итого . .	202 »	71 ›

Въ февралѣ:	Поступило въ уплату долговъ	47	»	— »
	Итого .	47	»	— »
Въ мартѣ:	Пособіе отъ Город. Управы .	100	»	— »
	Получено въ уплату долговъ	16	»	66 »
	Получено въ возмѣщеніе 5 % сбора съ капитала Попечител.	26	»	37 »
	Итого . .	143	»	3 »
Въ апрѣлѣ:	Получено пособія отъ суд. слѣдов. В. В. Ѳедорова .	100	»	— »
	Получено въ уплату долговъ	46	»	66 »
	Отъ публичныхъ лекцій проф. Щеглова	79	»	69 »
	Пособіе отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія .	300	»	— »
	Членскій взносъ . .	10	»	— »
	Итого . . .	536	»	35 »
Въ маѣ:	Получено пособіе отъ Яросл. Губ. Земск. Управы . .	50	»	— »
	Пособіе отъ уѣздной Земской Управы	100	»	— »
	Возвращено въ уплату долговъ	48	»	66 »
	Итого . .	198	»	66 »

Въ іюнѣ:	Получено на уплату долговъ	16	› 66	»
	Итого . .	16	› 66	»
	Всего поступило наличными	3599	› 13	›
	А съ остаточными: наличными	3796	› 45	›
	билетами .	14600	› —	»

3. Расходъ.

Въ іюлѣ:	Выдано пособій 10 студентамъ	62	› —	›
	Перечислено 10% изъ полученныхъ % за мартъ и іюнь	36	› 20	›
	Итого . .	98	› 20	›
Въ августѣ:	Выдано пособій 6 студентамъ	36	› —	›
	Уплачено за страхованіе 5 % съ выигрышами билета .	2	› 15	›
	Выдано 1 студенту заимообразно	9	» —	›
	Итого . .	47	› 15	›
Въ сентябрѣ:	Перечислено 10% въ основной капиталъ . . .	17	› 50	›
	Выдано пособій 21 студенту	141	› —	»
	Выдано 2 студентамъ заимообразно	26	› —	›
	Итого . .	214	» 50	›

Въ октябрѣ:	Выдано 3 студентамъ заимообразно	40 ›	—	»
	Выдано пособій 18 студентамъ	117 ›	—	»
	Перечислено въ 10°/₀ отчисленіе . . .	12 ›	80	»
	Итого . .	171 »	30	»
Въ ноябрѣ:	На покупку двухъ свидѣтел. 4°/₀ государственной ренты .	198 ›	95	»
	Выдано пособій 23 студентамъ	167 ›	—	›
	Перечислено въ 10°/₀ отчисленіе . . .	145 ›	12	›
	Внесено за 11 студентовъ за слушаніе лекцій . . .	220 »	—	›
	Итого . .	731 ›	7	›
Въ декабрѣ:	Выдано пособій 20 студентамъ	140 ›	—	›
	Перечислено въ 10°/₀ отчисленіе	20 ›	50	›
	Выдано двумъ студентамъ заимообразно	47 »	22	›
	Внесено за двухъ студентовъ за слушаніе лекцій . .	40 ›	—	»
	Итого . .	247 »	72	›
Въ январѣ:	Выдано двумъ студентамъ заимообразно	20 ›	—	›
	Перечислено въ 10°/₀ отчисленіе	15 ›	50	›
	Выдано пособій 25 студентамъ	184 ›	—	›

	На погребеніе студента Пожарскаго	25	—	
	На покупку одного свидѣтельства 4% ренты . . .	99	95	
	Итого . .	344	45	
Въ февралѣ:	Выдано пособій 23 студентамъ	166	—	
	Выдано 4 студентамъ заимообразно	57	—	
	Итого . .	223	11	
Въ мартѣ:	Выдано 3 студентамъ заимообразно	46	66	
	Выдано пособій 34 студентамъ	216	—	
	10% отчисленіе . . .	18	37	
	Внесено за слушаніе лекцій за 1-ю половину 189⁶/₇ уч. года за 18 студентовъ . .	360	—	
	Итого . .	651	3	
Въ апрѣлѣ:	Выдано пособій 35 студентамъ	250		
	10% отчисленіе . . .	48	55	
	Выдано 2 студентамъ заимообразно	18	62	
	Внесено за слушаніе лекцій за 1-ю половину 1897 г. за одного студента . . .	20	—	
	Итого . .	337	17	

Въ маѣ:	Выдано пособій 39 студентамъ	267 » — »
	Выдано 5 студентамъ заимообразно	68 » 32 »
	Перечислено въ 10% отчисленіе	21 » — »
	Итого . .	356 » 32 »
Въ іюнѣ:	Выдано пособій 10 студентамъ	57 » — »
	Выдано одному студенту заимообразно	10 » — »
	Итого . .	67 » — »

Итого израсходовано:

На пособія студентамъ . . .	1807 » — »
На уплату за слушаніе лекцій .	640 » — »
Выдано заимообразно . . .	341 » 84 »
10% отчисленіе	335 » 54 »
За страхованіе билета . . .	3 » 65 »
Выдано на погребеніе студента .	25 » — »
Итого . .	3163 » 3 »

Изъ числа 10% отчисленія употреблено на покупку свидѣтельствъ Государственной 4% ренты за № 79-мъ 200 р. и за № 158 въ 100 руб.	298 » 45 »
Къ 1-му числу іюля остается по книжкѣ сберегательной кассы . . .	64 » — »
и наличными	17 » 13 »
Итого . .	379 » 58 »

Въ остаткѣ:

Наличными	304 »	61 »
Билетами	15100 »	— »
Въ долгахъ за студентами къ началу отчетнаго года было	2214 »	1 »
Въ отчетномъ году вновь выдано заимообразно	341 »	— »
Итого: наличными	2545 »	62 »
билетами .	15100 »	— »
Въ уплату долговъ въ отчетномъ году поступило	419 »	51 »
Затѣмъ остается неуплаченныхъ долговъ	2214 »	1 »

Въ числѣ этой послѣдней суммы считаются должниками:

а) **Окончившіе уже курсъ**: *Агафоновъ* Николай выпуска 1887 г. 30 р.; *Алферовъ* Владиміръ 10 р; *Аракельянцъ* Гавріилъ 20 р; *Асотскій* Павелъ вып. 1887 г. 29 р.: *Ажисантовъ* Михаилъ выпуска 1893 г. 21 руб.; *Базыкинъ* Александръ выпуска 1889 г. 50 р.; *Безсоновъ* Алексѣй вып 1883 г. 6 руб; *Барковскій* Оскаръ вып. 1896 г. 20 р.; *Браиловскій* Николай вып. 1891 г. 25 р.; *Бѣляевъ* Валеріанъ 10 р.; *Васильевъ* Николай 20 р; *Васильевъ* Петръ вып. 1891 г. 23 р.; *Введенскій* Николай выпуска 1883 года (въ Вологодскомъ судѣ) 10 р.; *Вереденко* Өедоръ вып. 1891 г. 35 р.; *Воскресенскій* Василій 10 р.; *Гарскій* Сергѣй вып. 1891 г. 15 р., *Георгіевскій* Александръ выпуска 1888 г. 37 р.; *Гутманъ* Лейба выпуска 1886 г. 33 р.; *Городцовъ* Петръ выпуска 1890 г 24 р.; *Добротинъ* Александръ выпуска 1893 г. 28 р.; *Желябужскій* Владиміръ 5 р.; *Замахаевъ* Сергѣй выпуска 1887 г. 15 р.; *Звѣздинъ* Александръ выпуска

1887 г. 25 р.; *Ивановъ* Михаилъ выпуска 1895 г. 12 р.; *Ивановъ* Иванъ выпуска 1895 г. 10 р; *Ильницкій* Матвѣй вып. 1896 г 20 р.; *Клементьевъ* Григорій выпуска 1887 г. 11 р.; *Кишкинъ* Алексѣй вып. 1896 г. 20 р.; *Козловскій* Сергѣй выпуска 1883 г. 10 р.; *Краснянскій* Николай 20 р.; *Крживолкольскій* Болеславъ 12 р.; *Кобылинскій* Владиславъ 10 р; *Кротковъ* Викторъ 4 р.; *Коровкинъ* Сергѣй 10 р.; *Крыловъ* Николай 10 р.; *Куклинъ* Михаилъ 15 р.; *Лапотниковъ* Василій вып. 1896 г. 25 р.; *Лебедевъ* Павелъ выпуска 1884 г 2 р.; *Любомудровъ* Михаилъ вып. 1881 г. (судебный слѣдователь въ Ставрополѣ Кавказскомъ) 7 р.; *Марковъ* Александръ вып. 1886 г. 21 р 78 коп.; *Макалинскій* Петръ 35 р: *Малининъ* Иванъ вып. 1886 г 10 р; *Милашевскій* Алексѣй 15 р.; *Милицинъ* Петръ 12 р.; *Мининъ* Антонъ выпуска 1891 г. 10 р.; *Миницкій* Павелъ вып 1896 г. 47 руб.; *Мирмиковъ* Сергѣй вып. 1886 г. 23 р.; *Мулинъ* Иванъ вып. 1891 г. 10 р.; *Нелидовъ* Сергѣй вып 1896 года 15 р.; *Осинскій* Михаилъ вып 1890 г. 10 р.; *Остроглазовъ* Андрей вып. 1897 г. 35 р; *Перошковъ* Василій выпуска 1890 г. 33 р.: *Поваренныхъ* Иванъ вып. 1890 г. 18 р.; *Покровскій* Иванъ вып 1887 г. 16 р; *Покровскій* Сергѣй выпуска 1884 года 12 руб. 22 коп.; *Поповъ* Павелъ выпуска 1892 года 12 руб.; *Преображенскій* Алексѣй Васильевичъ 30 руб.; *Положенцевъ* Григорій вып. 1895 г. 10 руб; *Преображенскій* Алексѣй Петровичъ 55 р.; *Прусовъ* Николай вып. 1891 г. 20 р; *Подкопаевъ* Николай вып 1897 г. 10 р; *Разумовъ* Михаилъ вып. 1891 г. 10 р; *Рацишевскій* Петръ 30 р; *Самойловичъ* Владиміръ вып. 1884 года 10 руб; *Сущинскій* Германъ вып 1884 г. 17 р; *Страддинъ* Иванъ 10 р.; *Стеблинъ-Каменскій* Борисъ 10 р; *Страховъ* Иванъ вып. 1878 г. 16 р; *Талалай* Абрамъ выпуска 1891 г 10 р.; *Тихонравовъ* Александръ вып. 1883 г. 15 р.; *Третьяковъ* Иванъ вып. 1885 г. 30 р.; *Троицкій* Николай вып. 1885 г. 10 р: *Феликсовъ* Евгеній вып. 1885 г (судебнымъ слѣдователемъ въ Белебеѣ) 26 руб.; *Чекмаревъ* Николай выпуска 1892 года 15 руа.; *Чи-*

стяковъ Константинъ вып. 1892 г. 10 руб.; *Чумаевскій* Алексѣй вып. 1885 г. 10 р.; *Шевелевъ* Евгеній вып. 1892 г. 30 р.; *Юрьевъ* Алексѣй вып. 1883 г. 24 р.; *Язвицкій* Константинъ вып. 1880 г 10 рублей.

и б) **Выбывшіе изъ Лицея до окончанія курса**: *Боборыкинъ* Павелъ 3 р; *Булгаковъ* Иванъ 30 р.; *Введенскій* Василій 19 руб.; *Воиновъ* Иванъ 20 р.; *Востоковъ* Николай 10 р; *Гедеоновскій* Александръ 30 р.; *Грачевъ* Александръ 15 р.; *Громовъ* Иванъ 34 р.; *Горецкій* Янъ 51 р.; *Декаполитовъ* Михаилъ 5 р; *Денисовъ* Иванъ 20 руб.; *Жерелло* Иванъ 36 р.; *Заринскій* Иванъ 32 руб.; *Ильинскій* Николай 42 р; *Короткевичъ* Анатолій 15 р.; *Лавровъ* Евгеній 10 р; *Марчевскій* Павелъ 10 р.; *Никольскій* Алексѣй 9 р.; *Окинчицъ* Мячеславъ 10 р; *Перфильевъ* Иванъ 6 р.; *Песоченскій* Иванъ 15 р; *Преображенскій* Сергѣй 42 р.; *Птицынъ* Николай 12 р.; *Рума* Леопольдъ 15 р; *Смольянниковъ* Павелъ 25 р.; *Снигиревъ* Николай 10 р; *Соловьевъ* Александръ 18 р. *Станкевичъ* Яковъ 16 р. *Ухановъ* Александръ 12 р.; *Шестеркинъ* Павелъ 8 руб.

Печатано по определенію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Директоръ *С. Шпилевскій*

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типографія Губернскаго Правленія.

1897.

ЖУРНАЛЫ

Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

1895 года мая 4 дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ за Директора Ординарнаго Профессора Н. С. Суворова, **присутствовали:** профессоръ Богословія Протоіерей *Н А Тихвинскій*, ис. д. экстра-ординарныхъ профессоровъ: *В. Г. Щегловъ* и *Э. Н. Берендтсъ*, ис. д. доцентовъ: *М. А. Липинскій* и *А. Е. Минервинъ*, приватъ-доценты *А. Р. Свирщевскій*, *В. А. Юшкевичъ* и *Д. Н. Стефановскій.*

СЛУШАЛИ:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложеніе Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 3 сего мая за № 8159, коимъ разрѣшаетъ окончившему въ 1894 году курсъ наукъ въ Лицеѣ *Виктору Кропкову* продлить срокъ для подачи кандидатскаго сочиненія до декабря сего года. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

3. Прошенія—бывшаго студента Харьковскаго Университета *Θедора Корніенко* и кандидата естественныхъ наукъ Петербургскаго Университета *Бориса Орнштейна* о допущеніи ихъ къ испытаніямъ на степень кандидата юридическихъ наукъ. По разсмотрѣніи документовъ означенныхъ лицъ, **опредѣлили:** Допустить ихъ къ испытаніямъ на степень кандидата юридическихъ наукъ въ маѣ настоящаго года.

4. Прошеніе кандидата юридическихъ наукъ *Петра Иванова* объ оставленіи его при Лицеѣ для приготовленія къ профессорскому званію еще на полгода. **Опре-**

дѣлили: Просить ходатайства Его Сіятельства г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предъ Господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ оставленіи г. *Иванова* при Лицеѣ для приготовленія къ профессорскому званію безъ содержанія еще на полгода.

5. По выслушаніи отзывовъ о кандидатскихъ сочиненіяхъ: *Боголюбскаго Александра* «Переселеніе крестьянъ, какъ мѣра обезпеченія земельнаго быта» (профессора Э. Н. Берендтса) и *Стеблина-Каменскаго Бориса* «Объ имущественномъ наймѣ» (приватъ-доцента В. А. Юшкевича), **Опредѣлили**: Удостоить Боголюбскаго и Стеблина-Каменскаго степени кандидата юридическихъ наукъ и отзывы о ихъ сочиненіяхъ напечатать во Временникѣ Лицея.

6. По прочтеніи статьи 9 журнала засѣданія 19 апрѣля заслушано было прилагаемое при семъ особое мнѣніе ординарнаго профессора Н. С. Суворова. По обсужденіи, всѣ члены Совѣта остались по вопросу объ избраніи приватъ-доцента Юшкевича при прежнемъ мнѣніи. **Опредѣлили**: При представленіи начальству Округа результатовъ избранія г. Юшкевича приватъ-доцентомъ на будущій учебный годъ, приложить въ копіи заслушанное нынѣ отдѣльное мнѣніе профессора Суворова.

(Приложеніе къ ст. 6 й).

Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея

Ординарнаго Профессора Н. Суворова

особое мнѣніе.

При избраніи приватъ доцентовъ на будущій $189^5/_6$ учебный годъ въ засѣданіи 19 апрѣля, подъ предсѣдательствомъ г. Директора Лицея, большинство членовъ Совѣта нашло возможнымъ подвергнуть, между прочимъ, баллотировкѣ В. А. Юшкевича, который былъ опредѣленъ въ началѣ минувшаго учебнаго года на должность

преподавателя въ Лицеѣ не по избранію отъ Совѣта, а по назначенію отъ Его Сіятельства г. Министра Народнаго Просвѣщенія. Примѣненіе къ г. Юшкевичу баллотировки я нахожу неправильнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) Назначеніе г. Юшкевича въ приватъ-доценты г. Министромъ уже само по себѣ указывало, что Совѣтъ, не испросивъ предварительно разъясненія отъ высшаго начальства, не можетъ собственною властью баллотировать (съ возможностью слѣдовательно и забаллотировать) преподавателя, не по избранію отъ Совѣта занявшаго преподавательскую должность. Ранѣе въ нашей практикѣ былъ случай назначенія также г. Министромъ А. В. Шмидта приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ международнаго права, и Совѣтъ Лицея въ 1892 году ходатайствовалъ предъ высшимъ начальствомъ о разъясненіи, можетъ-ли онъ подвергнуть баллотировкѣ г. Шмидта; на каковое ходатайство и послѣдовало разъясненіе въ утвердительномъ смыслѣ. Таковое же ходатайство слѣдовало-бы, по моему мнѣнію, возбудить Совѣту и въ настоящемъ случаѣ. Если бы нынѣшній случай съ г. Юшкевичемъ былъ вполнѣ сходенъ съ означеннымъ дѣломъ г. Шмидта, то даже и при полной аналогіи для меня оставалось бы сомнительнымъ, можетъ-ли самъ Совѣтъ обобщать единичное распоряженіе высшей власти, состоявшееся для отдѣльнаго случая и въ примѣненіи къ отдѣльному лицу и носящее диспензаціонный характеръ, распространеніемъ его на другіе подобные случаи. Изъ того, что напр., высшее начальство разрѣшаетъ студенту, находящемуся въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, сдачу экзаменовъ не въ обычное время, оставленіе на третій годъ на томъ же курсѣ и проч., не слѣдуетъ, чтобы другимъ студентамъ, находящимся въ такихъ же точно обстоятельствахъ, самъ Совѣтъ собственною властію могъ разрѣшать тѣ или другія отступленія отъ общихъ правилъ. Напротивъ, естественно думать, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ должно испрашивать разрѣшеніе высшей власти, подобно тому какъ сепаративный законъ не можетъ допускать распространительнаго толкованія и аналогическаго примѣненія. 2) На

самомъ дѣлѣ нынѣшній случай съ г. Юшкевичемъ существенно разнится отъ случая съ г. Шмидтомъ, восходившаго на разрѣшеніе начальства въ 1892 году. Изъ бумаги Его Сіятельства г Попечителя Учебнаго Округа отъ 27 августа 1894 года за № 13095 не только видно, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія назначилъ г. Юкшевича въ Лицеѣ приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ гражданскаго права, какъ раньше назначенъ былъ г. Шмидтъ приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ международнаго права, но, что по всеподданнѣйшему докладу г. Министра въ 16 день августа Высочайше соизволено на выдачу Юшкевичу за чтеніе лекцій вознагражденія въ размѣрѣ 2000 р. въ годъ, между тѣмъ какъ обыкновенное вознагражденіе приватъ-доценту никогда не превышаетъ 1200 руб. въ годъ. Предполагать, что при назначеніи г. Юшкевича преподавателемъ въ Лицей и при испрошеніи г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія Высочайшаго соизволенія на выдачу г. Юшкевичу вознагражденія въ размѣрѣ 2000 руб. въ годъ имѣлась въ виду высшею властію возможность баллотировки, а слѣдовательно и забаллотированія въ концѣ каждаго учебнаго года, я рѣшительно затрудняюсь. Допуская такое предположеніе, я долженъ бы былъ вмѣстѣ съ тѣмъ самое Высочайшее соизволеніе на выдачу вознагражденія въ опредѣленномъ усиленномъ размѣрѣ разсматривать какъ состоявшееся условно, какъ поставленное въ зависимость отъ ежегоднаго избранія или неизбранія г. Юшкевича Совѣтомъ Лицея. На мой взглядъ поэтому гораздо надежнѣе было бы обратиться за разъясненіемъ къ высшему начальству, чѣмъ прибѣгать къ рискованному толкованію Высочайшаго соизволенія и придавать послѣднему тотъ смыслъ, что Высочайшее повелѣніе о выдачѣ преподавателю ежегоднаго вознагражденія въ размѣрѣ 2000 рублей будетъ дѣйствовать подъ условіемъ, если Совѣтъ будетъ избирать этого преподавателя ежегодно.

3. Воздерживаясь, въ виду приведенныхъ соображеній отъ участія въ баллотировкѣ г Юшкевича, я полагаю, что уже въ силу заявленныхъ мною въ засѣданіи

19 апрѣля сомнѣній и возраженій Совѣту слѣдовало бы не спѣшить, а повременить баллотировкою, такъ какъ спѣшить нѣтъ особой надобности, т. е. времени до начала будущаго учебнаго года остается еще довольно и, слѣдовательно, обращеніе къ высшому начальству за разъясненіемъ не вносило бы никакого затрудненія въ ходъ дѣлъ Лицея. Напротивъ, предпринимая баллотировку г. Юшкевича, не смотря на заявленныя мною сомнѣнія и возраженія, Совѣтъ могъ стать въ положеніе, весьма затруднительное. Одинъ изъ членовъ Совѣта, объявляя мнѣніе свое свободно и явственно по прямому своему разумѣнію и чистой совѣсти (ст. 147 т. II ч. 1 св. зак. общ. губ. учр.), находитъ, что примѣненіе баллотировки въ данномъ случаѣ было бы неправильно и, не впадая въ логическое самопротиворѣчіе, не можетъ принять въ ней участіе, развѣ лишь опять подъ условіемъ, на случай, если баллотировка окажется впослѣдствіи правильною, но о возможности такой условной баллотировки я ничего не знаю и потому принять участіе въ баллотировкѣ отказался. Большинство Совѣта, не принявъ во вниманіе сомнѣнія, заявленныя однимъ изъ членовъ, обошлось безъ этого члена, который находился на лицо, такъ что въ голосованіи по данному вопросу объ избраніи г. Юшкевича принимали участіе не всѣ присутствующіе члены. Въ данномъ случаѣ я очень радъ, что г. Юшкевичъ избранъ единогласно четырьмя, клавшими шары, членами и готовъ присоединить свой голосъ къ голосамъ другихъ членовъ Совѣта. Но исходъ выбора могъ быть и иной. Допустимъ, что было-бы положено два избирательныхъ и два неизбирательныхъ шара четырьмя, принимавшими участіе въ избраніи членами Совѣта, тогда избраніе нужно бы было считать несостоявшимся, т. е. г. Юшкевича считать забаллотированнымъ, въ виду того, что не составилось большинства голосовъ въ его пользу, а между тѣмъ на лицо находился пятый членъ Совѣта, который могъ бы своимъ шаромъ составить требующееся для избранія большинство. Этотъ пятый членъ однако не могъ принимать участія въ избраніи, потому что не счи-

талъ Совѣтъ компетентнымъ къ таковому избранію безъ явственнаго уполномоченія со стороны высшей власти Въ результатѣ получилось бы ненормальное положеніе дѣла, которое во всякомъ случаѣ не могло бы имѣть мѣста, если бы Совѣтъ Лицея, принявъ во вниманіе заявленныя однимъ изъ членовъ сомнѣнія въ допустимости баллотировки г. Юшкевича, прежде чѣмъ приступить къ ней, обратился за разъясненіемъ къ высшему начальству, что, какъ выше было замѣчено, не сопровождалось бы никакимъ вреднымъ для дѣлъ Лицея промедленіемъ.

Ординарный Профессоръ *Н. Суворовъ.*

(Приложенія къ ст. 5 й).

I. Отзывъ о диссертаціи А. Боголюбскаго „Переселенія крестьянъ какъ мѣра обезпеченія земельнаго быта".

Авторъ избралъ темою вопросъ объ аграрно-политическомъ значеніи переселеній крестьянъ, вопросъ несомнѣнно животрепещущій и обсуждаемый въ нашей ученой и неученой литературѣ съ большимъ вниманіемъ, что очень понятно, такъ какъ переселеніе крестьянъ изъ такъ называемыхъ густонаселенныхъ губерній коренной Россіи на дѣвственныя земли Сибири является повидимому послѣднимъ средствомъ спасенія отъ полной нищеты крестьянъ, успѣвшихъ истощить силы чернозёма. Но этотъ вопросъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ самыхъ сложныхъ и трудныхъ, въ виду того что нужно обратить вниманіе не только на интересы настоящаго положенія, но и оградить сибирскій край отъ того способа хозяйничанья, благодаря которому черноземнымъ губерніямъ угрожаетъ опасность превращенія въ голую пустыню.

Нельзя не признать, что г. Боголюбскій отнесся серіозно и добросовѣстно къ своей задачѣ.

Предварительно онъ даетъ бѣглый очеркъ исторіи пе-

реселенческаго дѣла, объясняя причины переселенческаго движенія въ разные періоды русской исторіи, затѣмъ разбираетъ возраженія, приводимыя противниками переселеній, наконецъ въ трехъ главахъ разсматриваетъ организацію переселеній. Въ 1 главѣ онъ разсматриваетъ приготовленіе къ переселеніямъ на старомъ мѣстѣ, во 2—движеніе переселенцевъ, въ 3—устройство ихъ на новомъ мѣстѣ, стараясь опредѣлить роль государствъ, обществъ и частныхъ лицъ въ дѣлѣ организаціи переселеній.

Изложеніе ясное, легкое, выводы большею частью логичны, и съ критическими замѣчаніями почти всегда можно согласиться.

Въ виду указанныхъ достоинствъ работы я ходатайствую о признаніи автора достойнымъ искомой степени.

Э. Берендтсъ.

II. Отзывъ о кандидатскомъ сочиненіи Бориса Стеблина-Каменскаго.

Привата-доцента В. А. Юшкевича.

Кандидатская диссертація г. Стеблина-Каменскаго на тему «объ имущественномъ наймѣ» представляетъ объемистую рукопись въ 30 слишкомъ листовъ канцелярскаго формата.

Тему свою авторъ старается развить по сравнительному методу, излагая ученіе объ имущественномъ наймѣ не только по отечественнымъ законамъ, но и по римскому и новѣйшимъ законодательствамъ.

Поставленною авторомъ себѣ задачей сравнительнаго изложенія опредѣляется и внѣшнее, основное раздѣленіе его труда: онъ распадается на двѣ части. 1-я трактуетъ объ имущественномъ наймѣ по римскому и новѣйшимъ законодательствамъ; 2-я объ имущественномъ наймѣ по русскому праву. Обѣимъ частямъ предпосылается неболь-

шое введеніе въ видѣ краткаго обзора общихъ элементовъ ученія объ имущественномъ наймѣ.

Вопросы, которыхъ г. Стеблинъ-Каменскій касается въ своемъ сочиненіи, суть всѣ важнѣйшіе вопросы ученія объ имущественномъ наймѣ. Въ 1-й части мы находимъ опредѣленіе имущественнаго найма. отграниченіе этого понятія отъ смежныхъ юридическихъ фигуръ и понятій, разсужденія о субъектѣ, объектѣ имущественнаго найма, о наемной платѣ, срокѣ найма, взаимныя права и обязанности сторонъ въ договорѣ имущественнаго найма, о заключеніи этого договора и о его прекращеніи. 2-я часть, посвященная отечественному праву, говоритъ довольно подробно въ отдѣльныхъ главахъ, послѣ небольшаго введенія: 1) о наймѣ частной движимости и городской недвижимости частными лицами. 2) о наймѣ казенныхъ недвижимыхъ имуществъ частными лицами и частныхъ имуществъ казны и, наконецъ, 3) объ арендѣ земельныхъ имуществъ. Трудъ г. Стеблина-Каменскаго не оставляетъ никакихъ сомнѣній, что авторъ овладѣлъ важнѣйшими, относящимися до его темы литературными пособіями и постановленіями отечественныхъ законовъ объ имущественномъ наймѣ, что онъ умѣетъ съ достаточною ясностью и систематичностью излагать юридическія мысли и что онъ вполнѣ усвоилъ себѣ основныя понятія гражданскаго права. Но съ другой стороны диссертація г. Стеблина-Каменскаго страдаетъ цѣлымъ рядомъ недостатковъ Поставивъ себѣ задачею сравнительное изложеніе ученія объ имущественномъ наймѣ по римскому праву, иностраннымъ законодательствамъ и русскимъ законамъ, авторъ недостаточно оттѣнилъ внутреннее соотношеніе отдѣльныхъ постановленій въ томъ или другомъ законодательствѣ, не указалъ на сходства и различія; онъ грѣшитъ иногда ненужными повтореніями, излишнею растянутостью изложенія и не отличается самостоятельностью и остротою сужденія. Такимъ образомъ его диссертація не представляетъ никакихъ литературныхъ достоинствъ.

Однако, принимая во вниманіе, что указанныя по-

ложительныя стороны работы вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ, предъявляемымъ къ кандидатской диссертаціи, я полагаю возможнымъ ходатайствовать передъ Совѣтомъ Демидовскаго Юридическаго Лицея о присужденіи ему искомой степени.

В. А. Юшкевичъ.

Засѣданіе 27 мая 1895 года.

За невозможностью приватъ-доценту *А. В. Шмидту* явиться нынѣ въ Лицей для производства экзаменовъ, **опредѣлили**: Поручить производство таковыхъ по Международному праву ис. д экстра-ординарнаго профессора *В. Г. Щеглову.*

1895 года мая 30 дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора Заслуженнаго Ординарнаго Профессора *С. М. Шпилевскаго*, **присутствовали:** ординарные профессоры: *Н. С. Суворовъ*, *Э. Н. Берендтсъ*, Профессоръ Богословія Протоіерей *Н. А. Тихвинскій*, ис. д. экстра-ординарнаго профессора *В. Г. Щегловъ*, ис. д. доцентовъ: *М. А Липинскій*, *А. Е. Минервинъ*, *М. М. Катковъ*, приватъ-доценты: *А Р. Свирщевскій*. *В. А. Юшкевичъ* и *Д. Н. Стефановскій*. **Не присутствовали** приватъ-доценты: *А. В. Шмидтъ* и *И. Я. Гурляндъ* по нахожденіи въ отпуску.

С Л У Ш А Л И:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Предложенія г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 5 и 18 мая сего года за №№ 8265 и 9122, коими разрѣшаетъ къ напечатанію во Временникѣ Лицея протоколы засѣданій Совѣта 20 февраля, 24 ап-

рѣля. 11, 29 и 31 мая и 12 іюня 1893 года **Опредѣлили:** Принять къ исполненію.

3. Предложеніе г Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 26 мая сего года за № 9824, коимъ увѣдомляетъ, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшаетъ 1) выдѣлить изъ читаемыхъ въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ, положенныхъ по уставу онаго, предметовъ въ особую группу, которая должна подлежать вѣдѣнію испытательной коммиссіи, имѣющей образоваться при Лицеѣ примѣнительно къ уставу университетовъ 1884 года: систему римскаго права, русское гражданское право, гражданское судопроизводство, уголовное право, уголовное судопроизводство и торговое право и 2) при установленіи правилъ для испытаній въ упомянутой коммиссіи считать подвергающихся испытанію въ оной студентами Лицея до окончанія испытанія, а равно не увольнять изъ Лицея тѣхъ студентовъ IV курса, кои или не приступятъ къ экзаменамъ въ коммиссіи, или не выдержатъ экзаменовъ, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы на IV курсѣ студентъ не оставался болѣе двухъ лѣтъ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

4. Прошеніе состоящаго при Лицеѣ стипендіатомъ для приготовленія къ каѳедрѣ государственнаго права, кандидата юридическихъ наукъ *Александра Золотарева* объ оставленіи его при Лицеѣ для окончательной подготовки къ магистерскому экзамену, еще на полгода безъ содержанія. **Опредѣлили:** Просить ходатайства г. Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ предъ Его Сіятельствомъ Господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ оставленіи г. Золотарева профессорскимъ стипендіатомъ безъ содержанія, срокомъ по 1 января 1896 года.

5. Прошеніе студента Лицея 4 курса *Евгенія Поспѣлова* о выдачѣ ему, какъ достигшему нынѣ 27 лѣтняго возраста, удостовѣренія для представленія въ Покровское уѣздное по воинской повинности Присутствіе при исходатайствованіи дополнительной отсрочки отбыванія воинской повинности до окончанія имъ образованія въ Ли-

цеѣ. **Опредѣлили:** Выдать студенту Поспѣлову надлежащее удостовѣреніе, указавъ въономъ, что означенный студентъ Поспѣловъ можетъ окончить курсъ къ 1-му іюня 1896 года.

6. Г. Директоръ заявилъ, что г.г. профессорами и преподавателями Лицея во второй половинѣ $189^4/_5$ учебнаго года прочитано и пропущено следующее число лекцій:

	Прочитано.	ПРОПУЩЕНО.		
		По болѣзни.	По нахожденію въ отпуску.	По дѣламъ службы.
С. М. Шпилевскимъ . .	32	10	»	14
Н. С. Суворовымъ . .	98	»	»	»
Прот. Н. А. Тихвинскимъ	16	10	»	»
Э. Н. Берендтсомъ . .	34	»	8	»
В. Г. Щеглoвымъ . . .	64	4	»	»
М. А. Липинскимъ . .	50	8	»	»
А. Е. Минервинымъ . .	62	»	»	»
М. М Катковымъ . . .	48	4	»	»
А. Р. Свирщевскимъ . .	36	10	6	2
А. В. Шмидтомъ . . .	16	14	»	»
И. Я Гурляндомъ . .	21	3	»	»
В. А. Юшкевичемъ . .	51	»	»	»
Д. Н. Стефановскимъ .	39	»	»	»
Всего .	567	63	14	16

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

7. По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи отзывовъ привать-доцента И. Я. Гурлянда о кандидатскихъ сочиненіяхъ: *Бестужева-Рюмина* «Положеніе о привилегіяхъ 1833 года», *Бугона* «Договоръ коммиссіи, его юридическая природа, экономическое значеніе и роль въ современномъ торговомъ оборотѣ», *Радченко* «Авторское право и издательскій договоръ» и ис. д. экстра-ординар-

наго профессора В. Г. Щеглова о сочиненіи *Шевелева* подъ заглавіемъ «Поземельная собственность въ первобытномъ обществѣ». **Опредѣлили:** Удостоить Бестужева-Рюмина, Бугона, Радченко и Шевелева степени кандидата юридическихъ наукъ, о чемъ и выдать имъ надлежащіе аттестаты, а отзывы о ихъ сочиненіяхъ напечатать во Временникѣ Лицея.

8. Представлены своевременно кандидатскія сочиненія окончившими курсъ наукъ въ Лицеѣ: *Гощинскимъ Константиномъ* «Литературная собственность и контрафакція», *Михинымъ Дмитріемъ* «Изложеніе теоріи чистаго дохода или прибавочной стоимости Карла Маркса въ связи съ историческимъ очеркомъ развитія ученія о происхожденіи чистаго дохода» и *Мясниковымъ Петромъ* «Псковскія лѣтописи, какъ матеріалъ для исторіи Русскаго права». **Опредѣлили**: Передать эти сочиненія для разсмотрѣнія и доставленія въ Совѣтъ отзывовъ о нихъ: первое И. Я. Гурлянду, второе А. Р. Свирщевскому и послѣднее С. М. Шпилевскому.

9. По разсмотрѣніи списковъ студентовъ Лицея 1-го курса съ отмѣтками, полученными ими на происходившихъ во 2-й половинѣ мая сего года испытаніяхъ. **опредѣлили:** 1) Удостоить перевода на 2-й курсъ слѣдующихъ студентовъ: *Болотова* Петра, *Васильевскаго* Константина, *Верхоглядова* Николая, *Виноградова* Константина, *Ежова* Вячеслава, *Кленовскаго* *Бориса*, *Ковальскаго* Казиміра, *Константинова* Петра, *Новикова* Николая, *Окерблома* Владиміра, *Пожарскаго* Петра, *Польнова* Павла, *Протасьева* Александра, *Рождественскаго* Николая, *Русина* Александра, *Севастьянова* Вячеслава, *Серебрякова* Алексѣя, *Столбова* Ивана, *Сферина* Аристарха, *Ткаченко* Дмитрія, *Торна* Константина, *Троицкаго* Николая, *Шійко* Василья, *Шпицберга* Ѳедора, *Муранова* Якова, *Деканова* Павла и *Осипова* Павла; 2) считать окончившими испытанія за 1-й курсъ студентовъ: а) 2-го курса *Бокщанина* Густава, *Вергелесова* Николая, *Воротынскаго* Владислава, *Воскресенскаго* Владиміра, *Вышеславцева* Евгенія, *Ежова* Михаила, *Жаба* Михаила, *Жда-*

нова Геннадія, *Кедрова* Бориса, *Кожина* Константина, *Королева* Николая, *Ловцова* Василья, *Пашинскаго* Здзислава, *Переломова* Александра, *Попова* Александра, *Селиверстова* Алексѣя, *Срединскаго* Александра, *Филиппова* Евгенія, *Фогеля* Вернера, *Шкляра* Ивана *Аврамова* Александра и *Покровскаго* Николая; б) 3-го курса: *Алябьева* Тимофея, *Байера* Анатолія, *Блюммера* Ивана, *Боянуса* Александра, *Герца* Гвидона, *Головню* Петра, *Горяинова* Евгенія, *Домбровскаго* Владиміра, *Закхеева* Петра, *Красильникова* Константина, *Манусовича* Александра, *Маркова* Евсѣя, *Осинскаго* Павла, *Писаренко* Константина, *Пынина* Петра, *Сербина* Вячеслава, *Стопани* Александра, *Тельпугова* Антонія, *Фратицу* Ивана, *Хабарова* Алексѣя, *Цвѣтаева* Николая, *Чепика* Александра, *Чукаловскаго* Ивана, *Юдичева* Аркадія, *Яковлева* Евгенія, *Ильницкаго* Матвѣя и *Фрейберга* Константина; в) 4-го курса: *Бошняка* Константина, *Брянчанинова* Ореста, *Бѣльченко* Александра, *Замятина* Николая, *Зиссермана* Льва, *Иванова* Николая, *Лопатина* Леонида, *Мойгиса* Ивана, *Пархомовича* Алексѣя, *Петерсона* Германа, *Петрушевскаго* Павла, *Рабиновича* Евну, *Тарковскаго* Владислава, *Богданова* Григорья, *Воробьева* Павла, *Красткалнъ* Андрея, *Кроллау* Евгенія, *Ненарокова* Александра, *Пенякова* Михаила, *Сейферта* Эдуарда, *Самолова* Константина, *Сотникова* Василья, *Стати* Евгенія, *Уската* Григорія, *Чентукова* Өедора и *Өедоровскаго* Василья; 3) оставить на первомъ курсѣ на 2-й годъ: *Арычкина* Александра, *Діомидова* Александра, *Рыжкова* Ивана, *Смирнова* Николая, *Смирнова* Сергѣя и *Шестоперова* Павла и 4) уволить изъ числа студентовъ, какъ пробывшаго на курсѣ два года, *Бѣляева* Всеволода.

10. По разсмотрѣніи общаго списка студентовъ 2-го курса съ отмѣтками, полученными ими на происходившихъ во 2-й половинѣ мая сего года испытаніяхъ, **опредѣлили:** 1) Удостоить перевода на 3-й курсъ студентовъ: *Бокщанина* Густава, *Бунакова* Николая, *Валькова* Сергѣя, *Вергелесова* Николая, *Воскресенскаго* Владиміра *Вышеславцева* Евгенія, *Габіу* Ни-

колая, *Гагена* Владиміра, *Губскаго* Ивана, *Дорнбуша* Александра, Ежова Михаила, *Елкина* Ивана, *Емельянова* Виктора, *Жаба* Михаила, *Жданова* Геннадія, *Кедрова* Бориса, *Клокова* Александра, *Козьмодемьянскаго* Александра, *Кондакова* Леонида, *Копылова* Леонида, *Королева* Николая, *Корсунскаго* Николая, *Корякина* Григорья, *Куцева* Өедора, *Даврова* Константина, *Даврова* Николая, *Ловцова* Василья, *Макарова* Глѣба, *Мантулина* Семена, *Панютина* Семена, *Пашинскаго* Здзислава, *Петрова* Леонида, *Попова* Александра, *Преображенскаго* Николая, *Рыжикова* Виктора, *Симона* Виктора, *Сопелкина* Ивана, *Сухинина* Леонтія, *Фогеля* Вернера, *Хлѣбникова* Максимиліана, *Чукашева* Андрея, *Шиловскаго* Николая, *Покровскаго* Николая, *Васильевскаго* Константина и *Русина* Александра; 2) оставить на 2 мъ курсѣ на второй годъ: *Акулова* Леонида, *Баврина* Ивана, *Багрова* Александра, *Бардакова* Николая, *Больмана* Александра, *Борисенко* Алексѣя, *Воротынскаго* Владислава, *Гольдштейна* Георгія, *Иллюстрова* Владиміра, *Кожина* Константина, *Кондратьева* Константина, *Котова* Василья, *Переломова* Александра, *Путяту* Николая, *Селиверстова* Алексѣя, *Срединскаго* Александра, *Тихомирова* Димитрія, *Филиппова* Евгенія, *Шкляра* Ивана, *Соколовскаго* Николая и *Аврамова* Александра; 3) уволить изъ числа студентовъ, какъ пробывшихъ на курсѣ два года: *Булгакова* Михаила и *Ширяева* Александра; 4) считать окончившими испытанія за 2-й курсъ студентовъ: а 3-го курса *Алябьева* Тимофея, *Байера* Анатолія, *Блюмнера* Ивана, *Боянуса* Александра, *Васильева* Владиміра, *Герца* Гвидона, *Головню* Петра, *Горяинова* Евгенія, *Домбровскаго* Владиміра, *Закхеева* Петра, *Иванова* Павла, *Козина* Павла, *Красильникова* Константина, *Манусовича* Александра, *Маркова* Евсѣя, *Осинскаго* Павла, *Писаренко* Константина, *Подкопаева* Николая, *Пынина* Петра, *Стопани* Александра, *Тельтугова* Антонія, *Тихобаева* Николая, *Фратицу* Ивана, *Хабарова* Алексѣя, *Цвѣтаева* Николая, *Чепика* Александра, *Чиннова* Митрофана, *Чукаловскаго* Ивана, *Юдичева* Аркадія, *Яков-*

лева Евгенія. *Ильницкаго* Матвѣя, *Фрейберга* Константина и *Нечаева* Вячеслава; б) 4-го курса: *Бошняка* Константина, *Брянчанинова* Ореста, *Бѣльченко* Александра, *Замятина* Николая, *Зиссермана* Льва, *Иванова* Николая, *Лопатина* Леонида, *Мойгиса* Ивана. *Пархомовича* Алексѣя. *Петерсона* Германа. *Петрушевскаго* Павла, *Рабиновича* Евну, *Тарковскаго* Владислава, *Богданова* Григорія, *Воробьева* Павла, *Красткалнъ* Андрея, *Кроллау* Евгенія. *Ненарокова* Александра, *Пенякова* Михаила, *Сейферта* Эдуарда. *Самолова* Константина. *Сотникова* Василья, *Стати* Евгенія. *Уската* Григорья, *Ѳедоровскаго* Василья и *Королева* Леонида.

11. По разсмотрѣніи общаго списка студентовъ 3-го курса съ отмѣтками полученными ими на происходившихъ во 2-й половинѣ сего мая испытаніяхъ, **опредѣлили**. 1) Удостоить перевода на 4-й курсъ: *Азовкина* Сергѣя, *Алексѣева* Александра, *Бирковскаго* Оскара. *Благонравова* Василья, *Блюммера* Ивана, *Борисова* Михаила, *Боянуса* Александра, *Бугельскаго* Александра, *Букуновскаго* Александра, *Буркевича* Фридриха, *Бѣлецкаго* Николая, *Бѣляева* Валеріана, *Варламова* Александра. *Ветчинина* Николая, *Виллерта* Іоакима, *Виноградова* Дмитрія, *Вологодскаго* Леонида, *Воробьева* Николая. *Герца* Гвидона. *Головню* Петра, *Горяинова* Евгенія, *Декаполитова* Петра, *Діомидова* Владиміра. *Дмитріева* Николая, *Добротина* Николая, *Дорнбуша* Александра, *Желябужскаго* Владиміра, *Зимина* Александра. *Иваницкаго* Михаила, *Иванова* Василья, *Иванова* Ивана, *Иванова* Михаила, *Иванова* Павла, *Кишкина* Алексѣя, *Козина* Павла, *Колганова* Іону, *Красильникова* Константина, *Крылова* Николая, *Кузьмина* Николая, *Курдюмова* Виктора, *Лапотникова* Василья, *Лигскаго* Дмитрія, *Любомудрова* Ѳедора, *Макарова* Глѣба. *Македонскаго* Григорія, *Маковскаго* Ѳедора, *Матвѣева* Александра. *Надеждина* Григорія, *Нелидова* Сергѣя, *Новицкаго* Виктора, *Озерецкаго* Ивана, *Осинскаго* Павла, *Парадѣева* Николая, *Писаренко* Константина, *Познякова* Александра. *Полидорова* Анатолія, *Положенцева* Григорія, *Поспѣлова*

Евгенія, *Пынина* Петра, *Рагинскаго* Θедора, *Рейнгаузена* Алексѣя, *Рязановскаго* Ивана, *Свадковскаго* Николая, *Смагина* Михаила, *Смирнова* Николая, *Соболевскаго* Климента, *Спасскаго* Петра, *Старухина* Михаила, *Стопани* Александра, *Сучкова* Якова, *Ульриха* Николая, *Хаританскаго* Александра, *Холодовича* Константина, *Цвѣтаева* Николая, *Черняховскаго* Петра, *Шиловскаго* Михаила, *Шуббе* Августа, *Θедосьева* Дмитрія, *Ильницкаго* Матвѣя, *Полякова* Илью, *Хоранова* Валентина, *Нечаева* Вячеслава, *Корякина* Григорія и *Сухинина* Леонтія; 2) оставить на томъ же 3-мъ курсѣ на второй годъ: *Алябьева* Тимофея, *Байера* Анатолія, *Васильева* Николая, *Вызго* Іосифа, *Домбровскаго* Владиміра, *Закхеева* Петра, *Лебедева* Александра, *Манусовича* Александра, *Маркова* Евсѣя, *Остроглазова* Андрея, *Петровскаго* Андрея, *Романова* Александра, *Снѣжкова* Θеодосія, *Тельпугова* Антонія, *Тихобаева* Николая, *Фратицу* Ивана, *Хабарова* Алексѣя, *Чепика* Александра, *Чиннова* Митрофана, *Юдичева* Аркадія, *Яковлева* Евгенія, *Сабунаева* Николая и *Фрейберга* Константина; 3) уволить, какъ пробывшихъ на курсѣ два года и экзаменовъ не сдававшихъ: *Васильева* Владиміра, *Виноградова* Евгенія, *Подкопаева* Николая, *Приклонскаго* Владиміра, *Сербина* Вячеслава и *Чукаловскаго* Ивана; 4) считать окончившими испытанія за 3-й курсъ студентовъ 4 го курса: *Бошняка* Константина, *Брянчанинова* Ореста, *Бѣльченко* Александра, *Замятина* Николая, *Зиссермана* Льва, *Иванова* Николая, *Мойгиса* Ивана, *Пархомовича* Алексѣя, *Петерсона* Германа, *Петрушевскаго* Павла, *Рабиновича* Евну, *Тарковскаго* Владислава, *Богданова* Григорія, *Воробьева* Павла, *Красткална* Андрея, *Кроллау* Евгенія, *Ненарокова* Алоксандра, *Пенакова* Михаила, *Сейферта* Эдуарда, *Самолова* Константина, *Сотникова* Василья, *Статы* Евгенія, *Ускатa* Григорія, *Курлина* Дмитрія, *Чентукова* Θедора, *Θедоровскаго* Василья и *Королева* Леонида.

(Приложенія къ ст. 7-й).

I. Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Отзывъ о работѣ Николая Бестужева-Рюмина подъ заглавіемъ: „Положеніе о привиллегіяхъ 1833 года“.

Работа г. Бестужева-Рюмина, представляющая собой критическій разборъ положенія о привиллегіяхъ 1833 г., снабжена историческимъ введеніемъ, въ которомъ авторъ дѣлаетъ попытку дать историческій очеркъ развитія института привиллегій. Эта часть работы является наиболѣе слабой: авторъ слишкомъ просто отнесся къ своей задачѣ, видя въ институтѣ привиллегій частное явленіе, не связанное ни съ какими другими жизненными и юридическими явленіями, изолированное отъ всей совокупности явленій общественной и государственной жизни. Авторъ точно также слишкомъ небольшое мѣсто отводитъ юридической конструкціи и совсѣмъ не разсматриваетъ тѣхъ юридическихъ отношеній, которыя возникаютъ какъ слѣдствіе института привиллегій. Въ заслугу автора можно поставить довольно умѣлый разборъ самаго положенія 1833 года, такъ что, въ концѣ концовъ, я все-таки считаю возможнымъ ходатайствовать передъ Совѣтомъ о признаніи работы г. Бестужева-Рюмина достойной для полученія имъ искомой степени кандидата юридическихъ наукъ.

Приватъ-доцентъ *И. Гурляндъ.*

II. Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Отзывъ о работѣ, представленной Андреемъ Бугономъ для соисканія степени кандидата юридическихъ наукъ, подъ заглавіемъ: „Договоръ коммиссіи, его юридическая природа, экономическое значеніе и роль въ современномъ торговомъ оборотѣ".

Разсужденіе г. Бугона распадается на нѣсколько частей, изъ которыхъ каждая, разработанная авторомъ по русскимъ и иностраннымъ учебникамъ, обладаетъ тѣмъ несомнѣннымъ достоинствомъ, что обнаруживаетъ стремленіе автора по возможности точно и ясно формулировать основные взгляды на вопросъ. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ оттѣнить это достоинство работы. что договоръ коммиссіи, разсмотрѣнію котораго посвящена работа, не представляется въ современной наукѣ достаточно выясненнымъ. Особенно это слѣдуетъ сказать о тѣхъ частяхъ вопроса, гдѣ рѣчь идетъ о различеніи видовъ коммиссіонныхъ дѣятелей. Въ разсужденіи г. Бугона, однако, эта часть является наиболѣе интересной. Авторъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пытается даже дать самостоятельныя конструкціи и, если это не всегда ему удается, то не столько отъ недостатка желанія серьезно отнестись къ темѣ и отнюдь не вслѣдствіе малаго знакомства съ предметомъ, сколько вслѣдствіе неопытности въ обращеніи съ научнымъ матеріаломъ. Существенный недостатокъ работы — нѣкоторая небрежность изложенія, которая объясняется, вѣроятно, спѣшностью работы, столь трудной по темѣ. Въ виду всего сказаннаго, считаю долгомъ заявить, что, по моему мнѣнію, г Бугонъ вполнѣ достоинъ искомой степени.

Приватъ-доцентъ *Илья Гурляндъ.*

III. Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Отзывъ о работѣ Дмитрія Радченко, представленной на соисканіе степени кандидата юридическихъ наукъ, подъ заглавіемъ: „Авторское право и издательскій договоръ“.

Работа г Радченко представляетъ изъ себя добросовѣстно выполненную компиляцію всѣхъ русскихъ изслѣдованій по вопросу объ авторскомъ правѣ и издательскомъ договорѣ. Приведя всѣ существующія теоріи, г. Радченко, придерживаясь системы и взглядовъ проф. Шершеневича, подвергаетъ эти теоріи критическому разбору и примыкаетъ, въ концѣ концовъ, къ тому взгляду, который считаетъ авторское право правомъ sui generis. Затѣмъ авторъ переходитъ къ конструированію издательскаго договора и заканчиваетъ изложеніемъ дѣйствующаго законодательства. Въ упрекъ г. Радченко можно поставить развѣ то, что онъ не вездѣ выдерживаетъ имъ же принятое воззрѣніе. Такъ, считая авторское право правомъ sui generis, онъ мѣстами обсуждаетъ его, какъ право собственности. Слѣдуетъ упрекнуть г. Радченко и въ недостаточной внимательности къ формѣ изложенія, иногда слишкомъ вычурной, очень часто не вполнѣ ясной и почти всегда расплывчатой. Принимая, однако, во вниманіе, что работа г. Радченко несомнѣнно свидѣтельствуетъ о его знакомствѣ съ вопросомъ и трудолюбіи, считаю возможнымъ ходатайствовать передъ Совѣтомъ о присужденіи г. Радченко искомой имъ степени кандидата юридическихъ наукъ.

Приватъ-доцентъ *И. Гурляндъ.*

Отзывъ о сочинении окончившаго курсъ въ Лицеѣ Е. Шевелева: „Поземельная собственность въ первобытномъ обществѣ".

Вопросъ о происхожденіи поземельной собственности, избранный Шевелевымъ предметомъ своей кандитатской работы, представляется однимъ изъ наиболѣе трудныхъ въ наукѣ сравнительной исторіи права. Но въ тоже время этотъ вопросъ по своей важности для всѣхъ интересовъ современнаго общества, тѣсно соприкасающихся съ экономическою его жизнью, получаетъ особенное значеніе какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ. Поэтому понятенъ выборъ такой темы Шевелевымъ, которому по окончаніи курса въ Лицеѣ пришлось имѣть дѣло со многими вопросами изъ области экономическихъ отношеній общества. Конечно, Шевелевъ не могъ дойти въ своемъ трудѣ до какихъ-либо совершенно новыхъ выводовъ при разрѣшеніи вопроса; онъ самъ заявляетъ въ концѣ своей работы, что по своей неподготовленности къ всестороннему изслѣдованію процесса образованія поземельной собственности онъ ограничивается узкими рамками изученія первыхъ стадій развитія этого института въ жизни общества. Но за то въ этихъ предѣлахъ сочиненіе Шевелева представляетъ собою до извѣстной степени полное и послѣдовательное изложеніе всего вопроса въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ данный моментъ въ наукѣ сравнительнаго правовѣдѣнія. Пользуясь многочисленными трудами разныхъ ученыхъ по этому вопросу, иностранныхъ и русскихъ (Зибера, Лавеле, Летурно, Мэна, Д. С. Милля, Ковалевскаго, Посникова, Иванюкова и др.), авторъ старается показать какъ зародышъ поземельной собственности лежитъ въ самыхъ условіяхъ жизни первобытнаго общества. Отъ ихъ измѣненія зависятъ и всѣ дальнѣйшія фазы развитія общиннаго землевладѣнія и превращеніе его въ частную поземельную собственность. Не довольствуясь простымъ пересказомъ данныхъ объ экономическомъ состояніи народовъ на разныхъ примитивныхъ ступеняхъ ихъ жизни (охотничь-

ей, пастушеской и земледѣльческой), Шевелевъ дѣлаетъ изъ сопоставленія многихъ фактовъ свой довольно вѣрный выводъ о необходимости допустить два період въ развитіи поземельной собственности у охотничьихъ народовъ. Первый изъ нихъ (первичный) характеризуется полнымъ отсутствіемъ понятія поземельной собственности вопреки противоположному взгляду Зибера. Неполное ея понятіе появляется только во вторичный періодъ. Авторъ придаетъ большое значеніе вліянію занятій скотоводствомъ на развитіе у номадовъ понятія общей поземельной собственности, которое складывается вполнѣ только у народовъ осѣдлыхъ, постоянно занятыхъ земледѣліемъ. Можно отмѣтить также какъ удачное обобщеніе массы разныхъ фактическихъ данныхъ, взглядъ Шевелева на разныя теоріи относительно возникновенія частной поземельной собственности. Эти теоріи представляютъ собою, по вѣрному его замѣчанію, только разные моменты ея роста въ первобытномъ обществѣ. Нельзя только согласиться съ авторомъ, что право на поземельную собственность неразрывно связано съ личностью человѣка, съ его правомъ на жизнь и удовлетвореніе потребностей его природы. Если бы это было такъ, поземельная собственность имѣла бы одну и туже форму на всѣхъ ступеняхъ соціальнаго развитія. Но такой, неоправдываемый исторіей, фактъ отрицаетъ и самъ Шевелевъ, допускающій господство общаго землевладѣнія ранѣе частной поземельной собственности. Болѣе правильно защищаемое имъ воззрѣніе, что однимъ изъ важныхъ факторовъ въ образованіи частной поземельной собственности является трудъ человѣка. Личный трудъ принимается современными экономистами главнымъ источникомъ всякой частной собственности, а также и поземельной, начало которой было положено въ первобытномъ обществѣ трудомъ рабовъ и женщинъ. Видимымъ предпочтеніемъ пользуется въ глазахъ Шевелева общинное землевладѣніе, какъ древнѣйшая естественная форма поземельной собственности, возникшая вмѣстѣ съ образованіемъ общества и государства. Особенно интересны

сообщаемыя авторомъ, личныя его наблюденія надъ системой орошенія полей сартами въ окрестностяхъ Ташкента, гдѣ общинная ирригація замѣняетъ общинное землевладѣніе

На ряду съ отмѣченными выше болѣе или менѣе правильными взглядами Шевелева о происхожденіи поземельной собственности, въ его сочиненіи встрѣчаются и нѣкоторые другіе пробѣлы, кромѣ указанныхъ мною мимоходомъ. Такъ, авторъ совершенно умалчиваетъ объ огромномъ вліяніи на возникновеніе и развитіе общиннаго землевладѣнія древней религіи—культа предковъ и родового начала. Шевелевъ старается, какъ я замѣтилъ, опровергнуть взглядъ Зибера, предполагающій развитіе интеллектуальныхъ способностей у охотничьихъ народовъ, и въ тоже время допускаетъ возможность возникновенія у нихъ такого отвлеченнаго понятія, какъ дѣленіе права на добычу въ связи съ образованіемъ права собственности на землю. Въ изложеніи предмета Шевелевымъ попадаются иногда длинные запутанные періоды, которые, впрочемъ, сравнительно мало вредятъ обыкновенно ясному, систематическому и живому изложенію вопроса авторомъ. Если къ этому присоединить всѣ другія указанныя мною достоинства труда Шевелева, высказавшаго въ немъ извѣстное самостоятельное отношеніе къ предмету изслѣдованія, то присужденіе ему Совѣтомъ Лицея степени кандидата юридическихъ наукъ будетъ только справедливостью по отношенію къ одному изъ числа лучшихъ студентовъ, бывшихъ въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ.

Испр. д. Экстра орд Профессора *В. Г. Щегловъ.*

31 мая 1895 г.

1895 года мая 31 дня, подъ предсѣдательствомъ Директора, Заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго* присутствовали: ординарные профессоры: *Н. С. Суворовъ* и *Э. Н. Берендтсъ,* профессоръ бого-

словія, протоіерей *Н. А. Тихвинскій*, ис. д. экстра-ординарнаго профессора *В. Г. Щегловъ*, ис д. доцентовъ: *М. А Липинскій*, *А Е. Минервинъ*, *М. М. Катковъ*, привать-доценты: *А. Р. Свирщевскій*, *В. А. Юшкевичъ* и *Д. И. Стефановскій*.

СЛУШАЛИ:

1) Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаг› Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. По разсмотрѣніи общаго списка балловъ студентовъ за всѣ четыре года пребыванія ихъ въ Лицеѣ. **определили**: 1) Студента Дмитрія *Михина*, представившаго сочиненіе Изложеніе теоріи чистаго дохода или прибавочной стоимости Карла Маркса въ связи съ историческимъ очеркомъ развитія ученія о происхожденіи чистаго дохода , согласно прочитанному въ настоящемъ засѣданіи приватъ-доцентомъ Свирщевскимъ отзыву объ этомъ сочиненіи, удостоить степени кандидата юридическихъ наукъ и отзывъ напечатать во Временникѣ Лицея; 2) удостоить званія дѣйствительнаго студента съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертацій: *Батурина* Владиміра. *Бошняка* Константина, *Букуновскаго* Адепсандра, *Владимірова* Михаила, *Воробьева* Павла, *Гирчича* Георгія, *Діомидова* Владиміра, *Добровольскаго* Григорія, *Желябужскаго* Владиміра, *Иванова* Григорія, *Казанцева* Василья, *Капустина* Арсенія, *Карасова* Андрея, *Коровкина* Сергѣя, *Королева* Леонида, *Кошлакова* Константина, *Крживокольскаго* Болеслава, *Кроллау* Евгенія, *Крылова* Николая (Рыбинск.), *Крылова* Николая (Ярослав.), *Курдюмова* Виктора, *Леульта* Валентина, *Мануйлова* Константина, *Масленикова* Константина, *Мясникова* Петра, *Новицкаго* Виктора, *Озерецкаго* Ивана, *Петерсона* Германа, *Петина* Сергѣя, *Петрушевскаго* Павла, *Позднякова* Александра, *Полидорова* Анатолія, *Положенцева* Григорія, *Пономарева* Владиміра, *Рабино-*

вича Евну, *Рыбникова* Дмитрія, *Самолова* Константина, *Сидоровскаго* Александра, *Стати* Евгенія, *Тарковскаго* Владислава, *Трегубова* Сергѣя, *Ширяева* Валеріана, *Щелкова* Ивана, *Щербину* Гавріила, барона *Энгельгардта* Ивана; 3) удостоить званія дѣйствительнаго студента: *Богданова* Григорія, *Борисова* Михаила, *Брянчанинова* Ореста, *Буркевича* Фридриха, *Быковскаго* Николая, *Бѣльченко* Александра, *Бѣляева* Валеріана, *Желябужскаго* Илью, *Замятина* Николая, *Зиссермана* Льва, *Иваницкаго* Михаила, *Иванова* Дмитрія, *Иванова* Михаила, *Иванова* Павла, *Иванова* Сергѣя, *Кобылинскаго* Владислава, *Колганова* Іону, *Кондратьева* Ивана, *Красткална* Андрея, *Курлина* Дмитрія, *Курносова* Петра; *Макалинскаго* Петра, *Мойгиса* Ивана. *Надеждина* Григорія, *Насилова* Александра, *Ненарокова* Александра, *Пархомовича* Алексѣя, *Пастухова* Сергѣя, *Пенякова* Михаила, *Рейнгаузена* Алексѣя, *Рклитскаго* Леонида, *Росса* Анатолія, *Розанова* Николая, *Рѣпникова* Василья, *Севастьянова* Даніила, *Смагина* Михаила, *Сотникова* Василья, *Таргонскаго* Болеслава, *Ульриха* Николая, *Уската* Григорія, *Филончика* Ѳеофила, *Хаританскаго* Александра, *Чентукова* Ѳедора, *Черняховскаго* Петра, *Чукашева* Петра, *Шиловскаго* Михаила и *Ѳедоровскаго* Василья; 4) выдать поименованнымъ лицамъ надлежащіе аттестаты; 5) оставить на тотъ же курсъ студентовъ: *Лопатина* Леонида, *Миницкаго* Павла, *Хватова* Николая, *Сейферта* Эдуарда и *Шютце* Германа и 6) уволить, какъ пробывшаго на курсѣ три года, *Ивакина* Николая.

(Приложеніе къ ст. 2-й).

Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Отзывъ приватъ-доцента А. Свирщевскаго о кандидатскомъ разсужденіи Дмитрія Михина: „Изложеніе теоріи прибавочной стоимости К. Маркса въ связи съ историческимъ очеркомъ развитія ученія о происхожденіи чистаго дохода".

Сочиненіе г. Михина имѣетъ своею задачей изложить ученіе К. Маркса о прибавочной стоимости и по-

ставить ее въ связь съ предшествовавшими теоріями чистаго дохода въ ученіяхъ физіократовъ, Ад. Смита и Рикардо. Историческій очеркъ, занимающій первыя 50 страницъ, основанъ на изученіи важнѣйшихъ сочиненій по исторіи политической экономіи и трудовъ Смита и Рикардо; наибольшая же часть работы г. Михина посвящена подробному изложенію теорій Карла Маркса. Авторъ приходитъ къ слѣдующему заключенію, являющемуся основнымъ положеніемъ его труда: «Теорія прибавочной стоимости К. Маркса есть болѣе послѣдовательное и полное развитіе положенія Рикардо о производительной силѣ человѣческаго труда, какъ источникѣ чистаго дохода. Рикардо только не выяснилъ отношенія, какое существуетъ между производительностью труда и полученіемъ прибавочной стоимости. Опредѣливши это отношеніе Марксъ показалъ, что производительность труда предполагаетъ не необходимость, а только возможность происхожденія прибавочной стоимости и что возможность эта переходитъ въ дѣйствительность лишь при наличности извѣстныхъ соціальныхъ условій».

Сочиненіе г. Михина, не представляя какихъ либо особо выдающихся качествъ, въ общемъ тѣмъ не менѣе вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ кандидатской работѣ и потому я ходатайствую передъ Совѣтомъ объ утвержденіи г. Михина въ искомой имъ степени.

Приватъ-доцентъ *А. Свирщевскій.*

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1897.

Грузіи въ составъ русской имперіи, образовала изъ себя грузинскій экзархатъ, подчиненный русскому св. синоду.

Изъ славянскихъ народовъ первый опытъ образованія автокефальной церкви сдѣланъ былъ въ Болгаріи, вскорѣ же по принятіи болгарами христіанства, при второмъ христіанскомъ государѣ Симеонѣ (въ концѣ IX и въ началѣ X вѣка), который поставилъ свое государство на значительную степень политическаго могущества и мечталъ даже о завоеваніи Константинополя. Принявъ титулъ восточнаго императора, онъ учредилъ самостоятельный болгарскій патріархатъ съ каѳедрою для патріарха въ Доростолѣ или Дристрѣ, нынѣшней Силлистріи, и вскорѣ потомъ въ Преславѣ. Судя по одной старинной греческой росписи или перечню болгарскихъ архіепископовъ, можно думать, что въ Константинополѣ, при императорѣ Романѣ Лекапенѣ, были вынуждены признать доростольскаго архіепископа автокефальнымъ съ титуломъ патріарха. Этотъ патріархатъ, однако, просуществовалъ весьма не долго: онъ уничтоженъ былъ вѣроятно послѣ того, какъ византійскій императоръ Іоаннъ Цимисхій, предпринявъ въ 971 г. походъ противъ русскаго князя Святослава, отвоевалъ у послѣдняго завоеванную имъ сѣверную часть болгарскаго государства и подчинилъ ее непосредственно своей власти. Въ уцѣлѣвшемъ юго-западномъ остаткѣ болгарскаго государства болгарскіе цари продолжали поставлять своихъ автокефальныхъ архіепископовъ (но уже не патріарховъ), каѳедра которыхъ, вмѣстѣ съ перенесеніемъ резиденціи царей, послѣдовательно переходила въ разные города, пока не утвердилась въ Охридѣ (около 1000 г.). Василій II-й Порфирогенетъ окончательно разгромилъ болгарское государство (въ 1019 г.), покоривъ и югозападный его остатокъ, за что прозванъ былъ Болгароктономъ (т. е. болгаро-убійцей). Василій не уничтожилъ охридской архіепископіи, утвердивъ наличнаго архіепископа въ его автокефальности, но автокефальность эта была уже не такова, какъ понимали ее болгарскіе цари со времени Симеона. Архіепископы стали присылаться изъ Константинополя императоромъ, и хотя они оставались независимыми отъ патріарха константинопольскаго, но должны были чувствовать и признавать высшую надъ собою власть императора византійскаго. Болгарское государство, однако, къ концу XII в. снова воскресло въ видѣ т. н. втораго болгарскаго цар-

ства. Отвоевавъ у Константинополя свою политическую независимость, болгарскіе цари возрожденнаго царства сначала завязали связи съ Римомъ, получили оттуда королевскую корону для себя и титулъ примаса для архіепископа первой каѳедры возрожденной Болгаріи—трновскаго, затѣмъ, съ перемѣной къ лучшему политическихъ отношеній къ восточной имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній къ латинской имперіи, утвердившейся въ Константинополѣ, порвали связи съ Римомъ и достигли того, что, по императорскому и соборному опредѣленію (въ Никеѣ), трновскій архіепископъ былъ признанъ автокефальнымъ и провозглашенъ патріархомъ. Это признаніе было вынуждено политическими комбинаціями и, повидимому, сдѣлано было въ неопредѣленныхъ и двусмысленныхъ выраженіяхъ, такъ какъ вскорѣ же послѣ 1235 года, когда состоялось упомянутое соборное опредѣленіе, патріархъ константинопольскій утверждалъ, что соборнымъ актомъ 1235 года имѣлось въ виду оставить трновскаго патріарха въ подсудности константинопольской патріаршей каѳедрѣ и обязать его платить дань послѣдней. Въ дѣйствительности трновскій патріархъ обладалъ полной независимостію отъ Константинополя до конца XIV в., когда вмѣстѣ съ паденіемъ втораго болгарскаго царства (покореннаго турками) упраздненъ былъ и трновскій патріархатъ. Между тѣмъ охридская архіепископія, уцѣлѣвшая послѣ разгрома перваго болгарскаго царства Василіемъ Болгароктономъ, продолжала существовать въ качествѣ автокефальной не только за все время процвѣтанія втораго болгарскаго царства, но и послѣ его паденія и даже послѣ паденія византійской имперіи до 1767 г., когда она была, по настоянію предъ турецкимъ правительствомъ вышеупоминавшагося патріарха Самуила, подчинена константинопольской каѳедрѣ.

Такое долговременное ея существованіе объясняется тѣмъ, что, сдѣлавшись, по составу своей іерархіи, совершенно греческою и утративъ воспоминаніе о первоначальномъ своемъ происхожденіи, какъ славянской каѳедры автокефальнаго архіепископа перваго болгарскаго царства, она получила возможность опереться на одинъ, чрезвычайно важный въ глазахъ константинопольскаго церковнаго правительства аргументъ въ пользу своей автокефальности. Въ началѣ XIII в., когда съ одной стороны стало замѣтно рости второе болгарское царство съ новымъ церковнымъ центромъ, помимо Охриды, іерархія которой сдѣла-

лась чисто греческою, хотя охридскіе архіепископы и титуловались архіепископами всей Болгаріи, когда съ другой стороны выступило на сцену исторіи новое славянское государство—Сербія также съ своимъ центромъ, а между тѣмъ сама восточная имперія съ константинопольскимъ патріархомъ была крайне стѣснена латинянами, въ Охридѣ выдумана была теорія происхожденія охридской автокефальной церкви отъ императора Юстиніана. Въ силу этой теоріи, Охрида есть не что иное, какъ та самая Первая Юстиніана, архіепископу которой императоръ Юстиніанъ нѣкогда даровалъ автокефальность, хотя на самомъ дѣлѣ Первая Юстиніана была не тамъ, гдѣ находилась позднѣйшая Охрида, и хотя архіепископъ Первой Юстиніаны былъ не автокефаломъ въ византійскомъ смыслѣ, а папскимъ викаріемъ съ высшею надъ нимъ властію римскаго папы. Теорія эта принята была на вѣру даже и византійскими канонистами, какъ Вальсамонъ, и архіепископы охридскіе стали титуловаться архіепископами βουλγαρίας καὶ πρώτης Ἰουστινιανῆς.

По упраздненіи трновскаго патріархата, славянскія каѳедры, входившія въ его составъ, стали замѣщаться греками изъ Константинополя, которые съ XVI в. стали систематически вытѣснять церковнославянскій языкъ изъ богослужебнаго употребленія и замѣнять его греческимъ, изгонять болгарскій языкъ также и изъ школъ; въ тоже время притѣсненія и поборы со стороны епископовъ ложились тяжелымъ гнетомъ на болгарскую райю. Все это вмѣстѣ взятое, въ связи съ пробужденіемъ въ болгарахъ національнаго сознанія, въ нынѣшнемъ столѣтіи привело грековъ и болгаръ къ долговременной распрѣ. Выше упоминавшійся гатти-гумаюнъ 1856 г. былъ вызванъ главнымъ образомъ тѣмъ движеніемъ, которое исходило изъ Болгаріи, вожаки которой настаивали между прочимъ на томъ, чтобы для болгаръ поставлялись туземные епископы. Такъ какъ Константинополь не желалъ уступить желаніямъ болгаръ, то явилась мысль объ отпаденіи отъ восточной церкви и объ уніи съ Римомъ. Депутація съ Цанковымъ во главѣ явилась въ 1861 году въ Римъ, гдѣ Пій IX поставилъ архіепископа для унированныхъ болгаръ; но іезуиты, видѣвшіе въ уніи лишь переходное средство къ романизированію болгаръ, возбудили противъ себя всеобщее недовольство, и вѣрною уніи осталась лишь незначительная горсть болгаръ. Затѣмъ, въ виду невозможности достигнуть соглашенія съ патріархомъ, болгары формально отложились отъ повиновенія ему, перестали поминать его имя при богослу-

женіи и проч. Поэтому поводу патріархъ обратился къ представителямъ всѣхъ православныхъ церквей съ приглашеніемъ на вселенскій соборъ; но русскій св. синодъ, руководящійся вообще „началомъ невмѣшательства“ въ дѣла другихъ православныхъ церквей, отказался отъ участія въ этомъ соборѣ „считая греко-болгарскую распрю дѣломъ, не касающимся вселенской вѣры и церкви и составляющимъ внутреннее епархіальное дѣло константинопольской патріархіи“. Точно также поступилъ сербскій митрополитъ. Соборъ въ Константинополѣ состоялся, хотя и не въ столь торжественномъ видѣ, какъ предполагалось, въ 1872 г. и осудилъ принципъ національности въ примѣненіи къ церковному устройству. Соборное осужденіе, къ которому впрочемъ не присоединился патріархъ іерусалимскій, формулировано въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „1) отвергаемъ и осуждаемъ племенное дѣленіе, т. е. племенныя различія, народныя распри, народныя ревнія и разногласія въ Христовой церкви, какъ противныя евангельскому ученію и священнымъ канонамъ блаженныхъ отцовъ нашихъ; 2) пріемлющихъ такое дѣленіе по племенамъ и дерзающихъ основывать на немъ небывалыя доселѣ племенныя сборища мы провозглашаемъ, согласно священнымъ канонамъ, чуждыми единой святой, каѳолической и апостольской церкви и настоящими схизматиками“. Но еще раньше, чѣмъ состоялся этотъ соборъ, султанъ, по невозможности мирнаго соглашенія между патріархомъ и болгарами, издалъ фирманъ, въ силу котораго болгарская церковь должна управляться экзархомъ и состоящимъ при немъ синодомъ, съ признаніемъ въ тоже время высшей власти константинопольскаго патріарха, имя котораго должно поминаться при богослуженіи, отъ котораго должно получаться муро, и къ которому синодъ экзархата долженъ обращаться по всѣмъ дѣламъ, касающимся православнаго вѣроисповѣданія и требующимъ совмѣстнаго совѣщанія и взаимнаго вспомоществованія. Означеннымъ фирманомъ очевидно имѣлось въ виду создать не автокефальную болгарскую церковь, а экзархатъ, который юридически долженъ быть обсуживаемъ по аналогіи съ западно-католическимъ институтомъ викаріевъ, примасовъ или прирожденныхъ легатовъ. Такъ какъ, однако, болгары, въ силу осужденія ихъ на соборѣ 1872 г., подпали отлученію константинопольскаго патріарха, то экзархатъ фактически существуетъ

какъ независимый, и притомъ болгары, состоящіе подъ константинопольскимъ отлученіемъ, допускаются къ церковному общенію въ другихъ праиославныхъ церквахъ.

Почти одновременно съ возстановленіемъ болгарскаго государства въ видѣ втораго болгарскаго царства къ концу XI в. началось независимое существованіе *сербскаго* царства. Младшій сынъ основателя этого царства Стефана Нѣмани, св Савва сдѣлался первымъ сербскимъ архіепископомъ. Притязанія и протесты со стороны охридскаго архіепископа противъ этого факта остались безплодными и напротивъ даже существовавшія тогда натянутыя отношенія между охридскимъ архіепископомъ, претендовавшимъ на церковное подчиненіе Сербіи, и византійскою имперіею, центромъ которой была въ то время Никея, могли облегчить для сербскаго архіепископа признаніе его автокефальнымъ. Автокефальность эта была, однако, не полная, или по крайней мѣрѣ съ византійской стороны не считалась полною, потому что, когда въ XIV в. одинъ изъ сильнѣйшихъ сербскихъ государей Стефанъ Душанъ († 1355), принявъ на себя императорскій титулъ, переименовалъ сербскаго архіепископа въ патріарха, въ Константинополѣ отвѣтили на это отлученіемъ Стефана отъ церкви. Начало сербскаго государства, какъ и болгарскаго, ознаменовалось эпизодомъ кратковременныхъ сношеній съ Римомъ. Сынъ Стефана Нѣмани, Стефанъ же по имени, обратился къ папѣ съ просьбою о королевскомъ титулѣ и былъ дѣйствительно коронованъ папскимъ легатомъ, но затѣмъ, по соображеніямъ политики, просилъ своего брата, св. Савву, вновь короновать его короной, присланной изъ Константинополя. Сербы стали называть его Стефаномъ Первовѣнчаннымъ, т. е. въ первый разъ вѣнчаннымъ, для выраженія той мысли, что раньше состоявшееся, по распоряженію папы, коронованіе недѣйствительно. Со времени смерти Стефана Душана, основателя сербскаго патріархата, прошло всего лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ царство его, быстро падавшее, было завоевано турками почти одновременно съ паденіемъ втораго болгарскаго царства. Но патріархатъ сербскій, подъ названіемъ пекскаго или ипекскаго—отъ имени ипекскаго монастыря, служившаго резиденціею патріархамъ—продолжалъ свое существованіе дальше половины XVIII вѣка. Онъ уничтоженъ былъ въ 1766 г., годомъ раньше уничтоженія охрид-

ской архіепископій и присоединенъ константинопольскимъ патріархомъ Самуиломъ къ своему патріархату. Съ этого времени епископы стали назначаться въ Сербію изъ Константинополя и обыкновенно греки.—Съ политическимъ возрожденіемъ Сербіи, возродилась и сербская автокефальная церковь, получившая, въ качествѣ таковой, признаніе со стороны константинопольскаго патріарха въ 1879 г. Внутренняя организація ея была еще раньше опредѣлена закономъ о церковныхъ властяхъ 1862 года, но впослѣдствіи нѣсколько разъ подвергалась измѣненіямъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ по времени законовъ (27 апр. 1890 г.) выражено, что сербская церковь есть автокефальная, не зависящая ни отъ какой другой иностранной церкви, но удерживающая единство въ догматѣ съ восточною вселенскою церковію. Возродившаяся сербская церковь обнимаетъ собою только сербовъ королевства Сербіи. Сербы подчиненныхъ Турціи областей, а также *Босніи* и *Герцеговины*, остались подъ церковною властію константинопольскаго патріарха, который своею обычною политикой замѣщенія епископскихъ каѳедръ греками продолжаетъ вызывать между турецкими сербами то же недовольство, которое болгаръ привело къ образованію экзархата.

Черногорія до конца XVII в. состояла подъ церковною властію ипекскаго сербскаго патріарха, а съ этого времени, вмѣстѣ съ политическою независимостью получила, и церковную автокефальность. Она представляетъ собою въ церковномъ отношеніи одну епархію, управляемую митрополитомъ (другихъ епископовъ нѣтъ), который до половины нынѣшняго столѣтія былъ не только духовнымъ владыкой, но и военнымъ вождемъ и свѣтскимъ правителемъ черногорскаго народа.

Въ Румыніи, составившейся изъ дунайскихъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, установилась автокефальная церковь со времени провозглашенія Румыніи королевствомъ. Патріархъ константинопольскій сначала протестовалъ противъ объявленія объ автокефальности, доказывая въ посланіи къ епископамъ Румыніи, что епископы всѣхъ націй должны признавать религіознаго главу, безъ вѣдома котораго ничего не можетъ дѣлаться, но въ 1885 г. примирился съ совершившимся фактомъ, признавъ независимость румынской церкви и равенство ея со всѣми другими церквами.

Въ предѣлахъ *Австро-Венгріи* послѣдовательно образовались

три православныя автокефальныя церкви. Въ 1690 г. сербы (около 40 тысячъ семействъ), вмѣстѣ съ своимъ патріархомъ ипекскимъ Арсеніемъ Черноевичемъ, спасаясь отъ турецкихъ жестокостей, бѣжали въ Австрію. Но въ Ипекѣ еще при жизни Арсенія былъ избранъ новый патріархъ, такъ что положеніе церковныхъ дѣлъ оставалось нѣкоторое время неопредѣленнымъ. Строго говоря, переселившіеся въ Австрію сербы должны бы были оставаться подъ властію ипекскаго патріарха; но, послѣ смерти Арсенія, ипекскій патріархъ Каллистъ, въ виду желанія австрійскихъ сербовъ и въ виду дарованія имъ австрійскимъ императоромъ свободы вѣры и привилегій, грамотою 1710 г. призналъ установленіе сербской *митрополіи* въ австрійскихъ земляхъ. Митрополія эта оставалась въ церковной зависимости отъ ипекскаго патріарха; митрополитъ ея разсматривался и подписывался какъ „экзархъ ипекскаго престола". По упраздненіи ипекскаго патріархата патріархомъ константинопольскимъ Самуиломъ, который между прочимъ воспользовался состоявшимся въ концѣ XVII в. фактомъ выселенія массы сербовъ въ Австрію, какъ аргументомъ, чтобы склонить турецкое правительство дать согласіе на уничтоженіе ипекскаго патріархата, и австрійско-сербскій митрополитъ, жившій сначала въ Крушедолѣ, затѣмъ перемѣстившійся въ Карловацъ, пересталъ быть „экзархомъ" и сдѣлался самостоятельнымъ. Самостоятельность этой митрополіи признана была и въ Константинополѣ. Кромѣ того, въ концѣ XVIII в. власть этого митрополита распространена была и на православныхъ румынъ Семиградіи, Трансильваніи и Баната, а въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія на православное населеніе Далмаціи. Въ 1848 г. народная скупщина въ Карловацѣ ходатайствовала передъ австрійскимъ императоромъ о возвращеніи карловацкому митрополиту стариннаго патріаршаго титула, принадлежавшаго нѣкогда Арсенію Черноевичу, каковое желаніе и было уважено. Но за то вскорѣ же началось раздробленіе карловацкаго патріархата на части. Въ 1864 г. отдѣлились отъ него православные румыны Австріи, составившіе особую автокефальную семиградскую митрополію съ митрополитскою каѳедрою въ Германштадтѣ, а въ 1873 г. послѣ того, какъ состоялся раздѣлъ австрійской монархіи на двѣ половины—цислейтанскую и транслейтанскую—для православнаго насе-

ленія цислейтанской половины установлена была еще третья автокефальная митрополія буковинско-далматинская съ каѳедрой митрополита въ Черновцѣ.

Въ королевствѣ *греческомъ* церковь была объявлена автокефальною въ 1833 г. послѣ освобожденія Эллады изъ подъ турецкаго ига. Но патріархъ константинопольскій прервалъ общеніе съ нею и призналъ совершившійся фактъ лишь въ 1850 г., причемъ въ самой грамотѣ о признаніи выразилъ замѣчательную въ его устахъ и при данныхъ обстоятельствахъ мысль, что онъ „Божіею милостію наслѣдовалъ апостольское попеченіе о всѣхъ церквахъ", и что ему „свыше ввѣрено управленіе ихъ домостроительства". Въ синодальной грамотѣ 1850 г., въ которой выражено признаніе автокефальности элладской церкви, было оговорено, что имя патріарха должно поминаться первымъ въ церковныхъ диптихахъ, и что св. муро для Эллады должно получаться изъ Константинополя. Вообще изъ православныхъ автокефальныхъ церквей только русская и румынская не получаютъ мура изъ Констанстантинополя; въ остальныя церкви муро посылается патріархомъ константинопольскимъ, который приготовляетъ его и освящаетъ черезъ каждыя десять лѣтъ. Болгарамъ, послѣ того какъ они были осуждены соборомъ 1872 г., патріархъ отказалъ въ присылкѣ мура.

Важнѣйщее мѣсто между автокефальными церквами восточнаго православія занимаетъ русская церковь, какъ церковь господствующая въ предѣлахъ обширнѣйшаго и могущественнѣйшаго изъ государствъ земного шара. Можно даже сказать, что ея именно автокефальность послужила примѣромъ для всѣхъ другихъ православныхъ церквей Европы, въ смыслѣ полной независимости отъ какой либо иностранной высшей церковной власти. Если первые опыты образованія автокефальныхъ церквей были сдѣланы въ Болгаріи и Сербіи раньше, чѣмъ въ Россіи, то вопервыхъ нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что патріархи константинопольскіе признавали когда либо болгарскаго и сербскаго патріарховъ совершенно независимыми отъ своей власти и равными имъ самимъ, вовторыхъ ко времени возникновенія существующихъ нынѣ европейскихъ автокефальныхъ церквей болгарскій и сербскій патріархаты были уже упразднены.

Глава VI-я.

Развитіе устройства русской православной церкви.

А) Высшая церковная власть.

*§ 34. Власть византійскаго церковнаго правительства надъ русскою церковью *)*. Между тѣмъ какъ болгарамъ и сербамъ удалось, почти одновременно съ образованіемъ государства, учредить у себя самостоятельную церковь, русская церковь втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ находилась въ зависимости отъ Константинополя, составляя одну изъ митрополій, входившихъ въ составъ константинопольскаго патріархата. Въ качествѣ таковой митрополіи, русская церковь находилась какъ въ духовно-іерархической подчиненности константинопольскому патріарху съ его синодомъ, такъ и подъ церковною властію византійскаго императора. Во всѣхъ важнѣйшихъ актахъ, касающихся русской церкви, упоминается, что данное постановленіе или распоряженіе состоялось съ согласія или по прямому приказанію „высочайшаго и святаго самодержца“; нѣкоторыя распоряженія издавались даже въ видѣ императорскихъ хризовуловъ. Когда въ концѣ XIV в. возвратившіеся изъ русской земли въ Константинополь патріаршіе послы довели до свѣдѣнія патріарха, что московскій князь не дозволяетъ митрополиту поминать „божественное царское имя въ церковныхъ диптихахъ“ на томъ основаніи, что „русскіе имѣютъ церковь, но царя не имѣютъ и знать не хотятъ“, константинопольскій патріархъ Антоній обратился въ 1393 году къ московскому великому князю Василію Дмитріевичу съ замѣчательною по содержанію грамотою, въ которой доказывается, что „невозможно христіанамъ имѣть церковь, но не имѣть царя“. Власть царя надъ церковью патріархъ представляетъ какъ нѣчто совершенно необходимое, какъ одинъ изъ догматовъ православной вѣры, на томъ основаніи, что

*) *Митр. Евгеній*, Описаніе кіево-софійскаго собора и кіевской іерархіи, Кіевъ, 1825 г.; *Митр. Макарій*, Исторія русской церкви, т. I—VI; *Е. Голубинскій*, Исторія русской церкви, т. I, 1-я половина, Москва, 1880 г.; *Т. Барсовъ*, Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковью, Спб. 1878 г.; *Павловъ*, Теорія восточнаго папизма (Правосл. Обозр. 1879, №№ 11—12); *Николаевскій*, Учрежденіе патріаршества въ Россіи (Христ. чтен. за 1879 г.); *Дьяконовъ*, Власть московскихъ государей, Спб. 1889 г.; *Дьяконовъ*, Къ исторіи древне-русскихъ церковно-государственныхъ отношеній (Историч. Обозрѣніе за 1891 г.).

цари изначала утвердили благочествіе во всей вселенной, созывали вселенскіе соборы и утвердили своими законами постановленные на нихъ догматы и каноны, много подвизались противъ ересей, установили порядокъ архіерейскихъ каѳедръ, распредѣлили округа митрополитовъ и епископовъ. Русскому князю внушалось, что византійскій императоръ помазуется св. мѵромъ въ царя и самодержца римлянъ, т. е. всѣхъ христіанъ, почему на всякомъ мѣстѣ, гдѣ только именуются христіане, всѣми патріархами, митрополитами и епископами должно поминаться въ церквахъ имя царя. И хотя въ разныхъ странахъ христіанскихъ, заключаетъ патріархъ, разные властители назвали себя царями, притязанія эти противны природѣ, незаконны, суть дѣло тиранніи и насилія: никакіе соборы, никакіе каноны, никакіе отцы не говорятъ о какихъ либо другихъ царяхъ, кромѣ одного царя природнаго, законоположенія котораго дѣйствуютъ по всей вселенной, и его одного имя повсюду должно быть поминаемо всѣми христіанами.

Въ частности константинопольскому церковному правительству, т. е. именно одному патріарху, какъ высшему духовно-іерархическому лицу, или вмѣстѣ съ императоромъ, какъ высшею церковно-правительственною властію, принадлежали слѣдующія права надъ русскою церковью:

1) Право регулированія и измѣненія русскаго церковнаго устройства. Въ силу этого права въ Константинополѣ издавались грамоты объ учрежденіи новыхъ митрополитскихъ каѳедръ на Руси, о перенесеніи каѳедры митрополита изъ одного города въ другой, о возведеніи епископовъ новгородскихъ въ архіепископы и проч.

2) Право назначенія и посвященія митрополитовъ въ русскую церковь. Митрополитъ, присылаемый изъ Константинополя, разсматривался какъ экзархъ или легатъ патріаршій, дѣйствующій по уполномоченію изъ Константинополя. Самъ себя константинопольскій патріархъ представлялъ „предстоятелемъ всѣхъ, по всей вселенной находящихся христіанъ, попечителемъ и блюстителемъ ихъ душъ, общимъ отцомъ и учителемъ“; но такъ какъ ему самому лично невозможно обходить всѣ находящіеся на землѣ города и веси, то онъ поставляетъ и рукополагаетъ лучшихъ и отличающихся добродѣтелію лицъ и посылаетъ ихъ въ разныя части вселенной, между прочимъ и въ русскую страну, причемъ каждый

посылаемый въ той странѣ, въ которую посылается, „представляетъ лицо, каѳедру и всѣ права“ пославшаго его патріарха.

Всѣ эти мысли изложены въ грамотѣ патріарха Филоѳея къ русскимъ князьямъ 1370 г. Тутъ мы видимъ точное воспроизведеніе папской sollicitudo omnium и папскихъ викаріевъ, прирожденныхъ легатовъ и примасовъ. До половины XV вѣка общимъ правиломъ было то, что на вакантную каѳедру митрополитъ присылался изъ Константинополя. Изъ этого правила было нѣсколько исключеній. Вопервыхъ, при Ярославѣ Владиміровичѣ Иларіонъ въ 1054 г. и при Изяславѣ Мстиславичѣ Климентъ Смолятичъ въ 1147 г. были поставлены въ митрополиты по волѣ названныхъ князей и посвящены русскими епископами, безъ всякихъ сношеній съ Константинополемъ. Оба князя преслѣдовали сознательную цѣль освобожденія русской церкви отъ Константинополя; но тотъ и другой фактъ остались случайными эпизодами, не имѣвшими никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Что же касается отношеній Константинополя къ этимъ фактамъ, отношенія эти не могли быть благопріятными, какъ это можно заключать изъ того, что присланный изъ Византіи на мѣсто изгнаннаго изъ Кіева Юріемъ Долгорукимъ Климента, митрополитъ Константинъ предалъ проклятію умершаго уже князя Изяслава, осудилъ Климента и низложилъ всѣхъ священнослужителей, рукоположенныхъ Климентомъ. Вовторыхъ, было три случая, когда митрополиты избирались на Руси изъ русскихъ, но для посвященія являлись къ константинопольскому патріарху. Изъ этихъ трехъ митрополитовъ Кириллъ II занялъ митрополитскую каѳедру въ такое время, когда, съ одной стороны, русская земля была разгромлена татарами и поэтому не могла привлекать къ себѣ византійцевъ, а съ другой стороны и имперія византійская находилась въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ, превратившись изъ византійской въ никейскую, такъ какъ большая часть ея, вмѣстѣ съ Константинополемъ, была завоевана латынянами. Остальные два митрополита изъ русскихъ, св. Петръ и св. Алексѣй были поставлены по желанію русскихъ князей. Но, посвятивъ Алексѣя, патріархъ въ 1354 г. напомнилъ русскому князю, что „правилами не дозволено назначать кого либо не изъ Константинополя“, и, кромѣ того, посвятивъ Алексѣя, патріархъ далъ ему своего экзарха въ помощники. Всѣ остальные митрополиты до половины XV в. были родомъ греки, немедленно посылавшіеся изъ Константинополя на Русь, при первомъ извѣстіи о вакантности каѳедры. Даже въ архіерейскую присягу было внесено правило не принимать митрополитомъ того, кто не будетъ поставленъ отъ Константинополя.

3) Право высшаго надзора за русскою церковью, соединенное съ правомъ полученія свѣдѣній о положеніи церковныхъ дѣлъ на

Руси. Свѣдѣнія должны были поступать въ Константинополь въ видѣ доклада о всѣхъ дѣлахъ церковныхъ бóльшей или мéньшей важности.

Въ настольной грамотѣ патріарха Филоѳея новопоставленному митрополиту Алексѣю (1354 г.) было сказано, что митрополитъ, въ силу своей зависимости отъ святой Божіей вселенской и апостольской церкви и по предписанію каноновъ, долженъ бы былъ являться каждый годъ, но такъ какъ, по дальности пути и по соединеннымъ съ нимъ затрудненіямъ, это не осуществимо, онъ долженъ пріѣзжать черезъ каждые два года, а въ случаѣ невозможности лично явиться по болѣзни или другимъ препятствіямъ, присылать довѣренныхъ людей съ донесеніемъ о всѣхъ настоятельно—нужныхъ вопросахъ. Здѣсь мы видимъ не что иное, какъ подражаніе западно-католической visitatio liminum apostolorum. Являясь въ Константинополь въ качествѣ подчиненнаго византійскому патріархату митрополита, высшій представитель русской духовной іерархіи принималъ участіе въ засѣданіяхъ константинопольскаго патріаршаго синода.

4) Право разрѣшать религіозно-обрядовые споры въ русской церкви и держать высшій судъ надъ заблуждающимися, вмѣстѣ съ правомъ руководственныхъ посланій.

Такъ напр. патріархомъ рѣшенъ былъ возникшій на Руси споръ о томъ, слѣдуетъ ли разрѣшать отъ поста въ среды и пятки, если въ эти дни случатся большіе праздники. Или напр. русскій митрополитъ спрашивалъ патріарха и получилъ отъ послѣдняго указаніе относительно того, какъ слѣдуетъ поступить по открытіи мощей св. Петра митрополита, или напр. патріархъ грамотами увѣщевалъ князей, новгородскихъ владыкъ и самихъ новгородцевъ повиноваться митрополиту и проч.

5) Право суда надъ русскими митрополитами по жалобамъ и обвиненіямъ противъ нихъ, а также по спорамъ ихъ съ епископами и князьями. Право это осуществлялось или непосредственно императоромъ и патріархомъ, или черезъ посредство нарочито уполномоченныхъ экзарховъ (legati missi).

Такъ для суда надъ митрополитомъ Петромъ, по оговору его въ вымышленныхъ преступленіяхъ, патріархъ отправилъ въ Россію одного изъ своихъ клириковъ, подъ предсѣдательствомъ котораго дѣло было разсмотрѣно на соборѣ русскихъ епископовъ. Для разсмотрѣнія жалобы западно-русскаго митрополита Романа на московскаго митрополита Алексѣя, послѣдній былъ дважды вызванъ на судъ въ Константинополь и судъ происходилъ подъ предсѣдательствомъ самаго импера-

тора; когда же Романъ не подчинился константинопольскому рѣшенію, оттуда были посланы на Русь двое уполномоченныхъ для производства слѣдствія о дѣйствіяхъ Романа, и результаты слѣдствія были препровождены къ императору и патріарху. Патріархъ разбиралъ жалобы противъ того же митрополита Алексѣя со стороны литовскаго великаго князя Ольгерда и тверского великаго князя Михаила Александровича, а также принималъ жалобы новгородцевъ и ихъ владыкъ на московскаго митрополита. Изъ Москвы въ Константинополь отправленъ былъ Діонисій суздальскій съ обвиненіями противъ Пимена, обманнымъ образомъ получившаго посвященіе въ митрополиты, вслѣдствіе чего на Русь отправлены были судить Пимена двое уполномоченныхъ, а Пименъ, осужденный этими уполномоченными, потребовалъ, чтобы его судили въ патріаршемъ синодѣ.

6) Право на полученіе денежной дани, количество которой, однако, опредѣлить невозможно, по недостатку историческихъ свидѣтельствъ. Дань русскіе митрополиты обязаны были каждогодно отправлять въ Константинополь, собравъ ее съ русскихъ архіереевъ, какъ эти послѣдніе собирали ее съ своихъ епархій.

*§ 35. Національная церковная власть въ періодъ зависимости русской церкви отъ Константинополя *).* Хотя русская церковь была однимъ изъ митрополитскихъ округовъ, входившихъ въ составъ константинопольскаго патріархата, но она въ тоже время обнимала особый народъ, находившійся внѣ политическихъ границъ византійской имперіи. Она имѣла свою центральную власть вопервыхъ въ лицѣ митрополита, который имѣлъ свою каѳедру сначала въ Кіевѣ, потомъ, послѣ раззоренія Кіева татарами, во Владимірѣ на Клязьмѣ, и со времени Ивана Даниловича Калиты въ Москвѣ, вовторыхъ въ лицѣ русскихъ князей.

Митрополитъ, долгое время и по перенесеніи каѳедры въ Москву титуловавшійся „митрополитомъ кіевскимъ и всея Русіи“ осуществлялъ высшую надъ русскою церковью власть, въ качествѣ константинопольскаго экзарха, или съ соборомъ русскихъ епископовъ, или лично и непосредственно. Ему принадлежали слѣдующія права:

1) Право учрежденія епископскихъ каѳедръ. Однако въ этомъ

---

*) *Митр. Макарій*, II, 226—230; III, 201—209; V, 75—100; *Дьяконовъ*, Власть московскихъ государей.

дѣлѣ рѣшающее значеніе могла получить и воля удѣльнаго князя, желавшаго учредить епископію въ своемъ княжествѣ.

2) Право посвященія епископовъ; на самое замѣщеніе вакантной епископской каѳедры митрополитъ естественно имѣлъ сильное вліяніе, но не исключительное, такъ какъ встрѣчалъ иногда отпоръ со стороны князей, которые могли не принять присланныхъ имъ отъ митрополита архіереевъ. А послѣ того какъ, съ торжествомъ Москвы надъ удѣльно-вѣчевымъ строемъ, установился опредѣленный порядокъ замѣщенія епископскихъ каѳедръ, митрополиту принадлежало лишь право участія въ избраніи кандидата, наравнѣ съ другими факторами, дѣйствовавшими въ этомъ дѣлѣ (съ соборомъ и съ великокняжескою властью).

3) Право созывать епископовъ на соборъ вмѣстѣ съ правомъ предсѣдательствованія на соборѣ, а также вызывать того или другаго епископа по одиночкѣ для разсужденія о святительскихъ дѣлахъ. Въ „исповѣданіи", которое читалось епископомъ предъ посвященіемъ, говорилось: „обѣщеваюся внегда позвати мя тебѣ, господину моему, безъ слова всякаго ѣхати ми къ тебѣ, и хотя мя князи держатъ, хотя мя бояре держатъ, не ослушати ми ся повелѣнія твоего".

4) Право руководства и надзора за всѣми епархіями русской церкви. Митрополиты обращались съ руководственными посланіями къ разнымъ лицамъ и по разнымъ поводамъ. Митрополитъ Алексѣй въ концѣ XIV в. писалъ, что онъ есть митрополитъ всея Руси, что онъ „всѣмъ христіанамъ, обрѣтающимся во всей русской землѣ, пастухъ и учитель" и что „владыки всей русской земли находятся подъ его властію и въ его волѣ".

5) Право судить епископовъ по предъявленнымъ противъ нихъ обвиненіямъ, вмѣстѣ съ правомъ наложенія наказаній на епископовъ виновныхъ. Судъ производился митрополитомъ не только вмѣстѣ съ соборомъ епископовъ, но и лично имъ однимъ.

6) Право обложенія всѣхъ русскихъ епархій денежною данью, не считая такъ называемаго мѣсячнаго суда. Подъ послѣднимъ разумѣлось собственно право въѣзда митрополита въ подчиненную ему епархію для производства суда; въ дѣйствительности же это право обращалось въ право полученія судебныхъ пошлинъ или денежныхъ доходовъ, вытекавшихъ изъ права суда. Такъ наприм.

извѣстно, что митрополитъ имѣлъ право мѣсячнаго суда въ Новгородѣ, и что это право служило нерѣдко источникомъ для взаимныхъ неудовольствій и пререканій между новгородцами и ихъ владыкой съ одной стороны и митрополитомъ съ другой.

Участіе *князей* въ дѣлахъ церковнаго правительства выражалось въ различныхъ актахъ: въ учрежденіи новыхъ епархій, въ замѣщеніи архіерейскихъ каѳедръ, въ перемѣщеніи ихъ изъ одного города въ другой. Даже такіе акты, какъ перенесеніе мощей, канонизація святыхъ, ставятся лѣтописцами въ зависимость отъ согласія князей, или даже прямо представляются послѣдствіемъ предписанія или приказа князей. Но какъ ни замѣтно выражалось иногда вліяніе княжеской власти на церковныя дѣла, при политической раздробленности Руси на удѣльныя княжества, митрополитъ съ соборомъ епископовъ, огражденный высшимъ авторитетомъ императора и патріарха византійскихъ, стоялъ болѣе прочно и въ большей степени имѣлъ значеніе центра русскаго церковнаго устройства, чѣмъ власть даже наиболѣе сильныхъ изъ русскихъ князей. Ниодинъ изъ князей не могъ сказать, что всѣ епископы всей русской земли находятся подъ его властію и въ его волѣ, какъ могъ сказать о себѣ митрополитъ—экзархъ, или уполномоченный отъ византійскаго церковнаго правительства, прирожденный легатъ.

§ 36. Прекращеніе церковной зависимости московской Руси отъ Константинополя *). Зависимость русской церкви отъ Константинополя должна была прекратиться, когда съ одной стороны разрушеніемъ византійской имперіи былъ положенъ конецъ существованію византійской императорской власти, а съ другой стороны было подготовлено взаимодѣйствіемъ разнообразныхъ историческихъ причинъ усиленіе власти московскихъ князей настолько, что въ лицѣ ихъ могло быть усматриваемо историческое продолженіе византійской императорской власти. Но уже и за несколь-

*) *Митр. Макарій*, т. VI; *Терновскій*, Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси, Кіевъ, 1875—1876 гг.; *Дьяконовъ*, Власть московскихъ государей; *Успенскій*, Какъ возникъ и развивался въ Россіи восточный вопросъ, Спб. 1887; *Павловъ*, Критическіе опыты по исторіи древней греко-русской полемики противъ латинянъ, Спб. 1878 г.; *Павловъ*, Теорія восточнаго папизма, въ Правосл. Обозр. 1879 г.; *Делекторскій*, Флорентійская унія по древне-русскимъ сказаніямъ и вопросъ о соединеніи церквей въ древней Руси, (Странникъ за 1893 г.).

ко лѣтъ раньше паденія Константинополя, послѣдній потерялъ свой религіозный авторитетъ въ глазахъ русскихъ, вслѣдствіе того, что византійскій императоръ, вмѣстѣ съ большинствомъ восточной духовной іерархіи, вступилъ въ унію съ латынянами на соборѣ во Флоренціи. Русскій митрополитъ Исидоръ, бывшій на этомъ соборѣ и оказавшійся однимъ изъ усерднѣйшихъ борцовъ въ пользу уніи, былъ послѣднимъ митрополитомъ, присланнымъ на Русь изъ Византіи. Преемникъ его Іона былъ поставленъ въ 1448 г. въ митрополиты соборомъ русскихъ епископовъ по волѣ великаго князя Василія Васильевича Темнаго, и съ того времени сдѣлалось правиломъ не только митрополитовъ, которые могли бы быть присланы изъ Константинополя, не принимать, но и не посылать туда для посвященія кандидатовъ на митрополію, избранныхъ въ Россіи. Впрочемъ, въ грамотѣ, которая была послана изъ Москвы императору Константину Палеологу въ 1451 г. говорилось, что московскій князь приступилъ къ избранію Іоны безъ предварительныхъ сношеній съ императоромъ, „за великую нужду, а не киченіемъ, ни дерзостію", и что въ Москвѣ и на будущее время не отказываются писать патріарху о всѣхъ дѣлахъ и требовать отъ него благословенія во всемъ. Есть основаніе предполагать, что московская митрополія находилась нѣкоторое время подъ отлученіемъ патріарха константинопольскаго, и что только позднѣе патріархъ долженъ былъ примириться съ совершившимся фактомъ, тѣмъ болѣе что патріархатъ послѣ паденія имперіи долженъ былъ постоянно обращаться въ Москву за милостыней. Однако, и чрезъ долгое время послѣ того, какъ патріархъ константинопольскій примирился съ независимымъ отъ него поставленіемъ московскаго митрополита, проявлялись нѣкоторые слѣды прежней зависимости русской церкви. При переговорахъ объ учрежденіи патріаршества въ Москвѣ въ концѣ XVI вѣка, константинопольскій патріархъ Іеремія первоначально находилъ возможнымъ дать русской церкви не патріарха, а только автокефальнаго архіепископа, слѣдовательно, по византійскимъ понятіямъ, русская церковь до самаго учрежденія патріаршества не была автокефальною. Даже и позднѣе, приглашенные въ Москву для суда надъ патріархомъ Никономъ восточные патріархи, съ самаго момента вступленія ихъ на русскую почву, дѣйствовали какъ высшая надъ русскою церковью

власть, принимая челобитныя, творя судъ и расправу, осуждая и наказывая.

§ 37. *Раздѣленіе русской церкви на двѣ митрополіи* *). Попытки къ раздѣленію русской церкви на двѣ митрополіи начались весьма рано: онѣ вытекали изъ желанія князей не допускать подчиненности своихъ подданныхъ митрополиту, проживающему на территоріи и состоящему подъ вліяніемъ другаго сильнаго князя. Самая ранняя попытка была сдѣлана въ XII в. Андреемъ Боголюбскимъ, который обращался съ просьбою въ Константинополь дать ему во Владиміръ особаго митрополита, независимаго отъ кіевскаго, но получилъ отказъ. Другая попытка сдѣлана была южно-русскими князьями, потомками Даніила Романовича галицкаго. Въ 1303 г. дѣйствительно была основана галицко-волынская митрополія, но она нѣсколько разъ сливалась съ кіевскою и нѣкоторую устойчивость получила лишь съ 1371 г., послѣ того какъ польскій король Казиміръ Великій, овладѣвшій галицкою Русью, потребовалъ отъ патріарха поставленія особаго митрополита. Эта галицко-волынская митрополія просуществовала до 1391 г. Болѣе долговѣчною была литовская митрополія. Учрежденіе ея падаетъ на 1315—1320 г.г. Правда, и эта митрополія до XV в., послѣ раздѣленія нѣсколько разъ снова возсоединялась съ московскою, митрополитъ которой продолжалъ титуловаться „кіевскимъ и всея Русіи“; но съ половины XV в. послѣдовало рѣшительное отдѣленіе литовской митрополіи отъ московской, продолжавшееся до конца XVII в. Митрополитъ Іона, съ котораго началась фактическая автокефальность русской церкви московскаго государства, былъ послѣднимъ митрополитомъ, который нѣкоторое время управлялъ обѣими митрополіями и носилъ титулъ „кіевскаго и всея Русіи“. Преемникъ его Ѳеодосій называетъ уже себя вообще митрополитомъ „всея Руси“, такъ какъ титулъ кіевскаго митрополита соединяется съ литовскою митрополіей. Слѣдовательно рѣшительное раздѣленіе русской церкви на двѣ митрополіи знаменательнымъ обра-

*) *Т. Барсовъ*, Конст. патріархъ и его власть надъ русскою церковью, гл. 7 и 9; *Макарій*, т. IV, VI, IX; *Рыбинскій*, Кіевская митроп. каѳедра съ половины XIII до конца XVI в. (Труды кіев. дух. акад. 1891, январь); *Проф. Павловъ*, О началѣ галицкой и литовской митрополіи и о первмхъ тамошнихъ митрополитахъ (Русское Обозр. 1894 г., май).

зомъ падаетъ на то же самое время, когда московская Русь, въ лицѣ своихъ государей, почувствовала себя настолько сильною, чтобы прекратить свои отношенія зависимости къ Константинополю. Понятно, что для литовскихъ князей и польскихъ королей, подъ власть которыхъ поступила значительпая часть русскихъ земель, не могло быть безразлично подчиненіе ихъ православныхъ подданныхъ митрополиту, живущему въ Москвѣ, подданному московскаго государя, избираемому и поставляемому по волѣ этого государя. Но хотя въ Литвѣ, даже раньше чѣмъ въ Москвѣ, православные епископы по волѣ Витовта сдѣлали то́, что́ позднѣе сдѣлано было московскими епископами по волѣ Василія Васильевича Темнаго, поставивъ себѣ митрополита (съ титуломъ кіевскаго) безъ сношеній съ Константинополемъ, практиковавшихся до XV в. въ случаяхъ этого рода; при всемъ томъ западно-русская митрополія не образовала собою автокефальной церкви, подобно московской, потому что литовскіе князья и польскіе короли, какъ не принадлежавшіе къ православному вѣроисповѣданію, не могли служить для православной церкви тѣмъ центромъ, какимъ служилъ въ московскомъ государствѣ московскій государь. Кіевская митрополія осталась подъ властію константинопольскаго патріарха до конца XVII в., когда, съ посвященіемъ Гедеона Святополка князя Четвертинскаго въ Москвѣ на кіевскую митрополію 8-го ноября 1685 г., прекратились всякія отношенія зависимости цѣлой вообще русской церкви отъ Константинополя. Гедеонъ далъ обѣщаніе московскому патріарху Іоакиму во всемъ зависѣть отъ него. Позднѣе было получено на это согласіе и константинопольскаго патріарха.

§ 38. Высшая церковная власть въ московскомъ государствѣ).* Съ прекращеніемъ зависимости отъ Константинополя, для русской

---

*) *Макарій*, VI, VIII, X—XI; *Соловьевъ*, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. VI; *Неволинъ*, Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго (Полн. Собр. соч. т. VI); *Николаевскій*, Учрежденіе патріаршества; *В. И. Сергѣевичъ*, Юридическія древности, т. II, вып. 2. Спб. 1896 г.; *Жмакинъ*, Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія, 1881 г.; *Татарскій*, Симеонъ полоцкій, 1886 г.; *Бѣлокуровъ*, Арсеній Сухановъ, 1891 г.; *Дьяконовъ*, Власть московскихъ государей; *Каптеревъ*, Характеръ отношеній Россіи къ правосл. востоку въ XVI и XVII вв., Москва, 1886 г.; *Каптеревъ*, Сношенія іерусалимскаго патріарха Досиѳея съ московскимъ правительствомъ, Москва, 1891 г.; *Каптеревъ*, Сужденіе большаго московскаго собо-

церкви наступилъ періодъ существованія на византійскихъ основахъ съ высшею церковною властію московскаго царя, какъ преемника византійскихъ императоровъ. Ростъ московской великокняжеской и потомъ царской власти условливался различными историческими причинами, и нельзя сказать, чтобы византійскими церковными традиціями стимулировался этотъ ростъ. Но выраставшая послѣдовательно власть московскихъ государей, и именно въ отношеніи къ церковнымъ дѣламъ, должна была оказаться воспроизведеніемъ византійскаго образца, хотя и съ модификаціями.

У русскихъ книжниковъ, еще прежде чѣмъ за московскими князьями оффиціально утвердился царскій титулъ, составилось весьма опредѣленное историческое міровоззрѣніе о московскомъ государѣ, какъ покровителѣ вселенской церкви, ставшемъ на мѣсто византійскаго царя, и о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ, получившемъ историческую миссію быть единымъ христіанскимъ царствомъ во всей подсолнечной, послѣ того какъ оба Рима лишились всякой святыни, славы и благодати,—старый Римъ гордостію и своею волею, новый Римъ—насиліемъ агарянскимъ. Замѣчательно, что даже и римскій папа содѣйствовалъ укрѣпленію въ русскомъ сознаніи идеи византійскаго наслѣдства, устраивая бракъ Ивана III съ Софьей Палеологъ и располагая московскаго князя отнять у турокъ „свою константинопольскую вотчину" путемъ присоединенія къ уніи и къ союзу съ западно-европейскими государями. Еще въ XV вѣкѣ составилось сказаніе, исторически неудободоказываемое, о присылкѣ русскому князю Владиміру Мономаху византійскимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ императорскихъ регалій: шапки, скипетра и бармъ. Иванъ Васильевичъ IV, глубоко проникнутый идеей преемства византійской власти, отправилъ посольство въ Константинополь къ патріарху съ просьбою прислать чинъ вѣнчанія византійскихъ государей, „яковымъ цесари римскіе, сущіе христіанскіе, отъ папы и патріарха вѣнчаеми". Патріархъ исполнилъ его желаніе и прислалъ ему утвердительную соборную грамоту, „во еже быти и именоватися ему царемъ". Русскіе книжники сравнивали поэтому Ивана IV съ царемъ Константиномъ Великимъ, говорили, что ему „Богомъ порученъ животъ всего православія", называли его „непоколебимымъ столпомъ и недвижнымъ основаніемъ христовой церкви, браздодержателемъ святыхъ Божіихъ церквей, престоломъ всѣхъ епископовъ и причтовъ, мудрымъ кормчимъ великаго корабля сего міра".

ра 1667 г. о власти патріаршей (Богослов. Вѣстникъ, 1892, Окт.); *Каптеревъ*, Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ, Москва, 1887.

Въ апокрифической „бесѣдѣ преподобныхъ Сергія и Германа валаамскихъ чудотворцевъ" цари, съ другой стороны, представляются отвѣтственными предъ Богомъ за всѣ грѣхи народа, за грѣхъ священническій и иноческій; въ особенности царю рекомендуется исправить иноческое житіе въ монастыряхъ, воспретить брадобритіе, предписать истовое совершеніе крестнаго знаменія и ежегодную исповѣдь съ покаяніемъ. Самъ Иванъ Грозный говорилъ о себѣ, что его Богъ поставилъ царемъ и пастыремъ надъ подданными, чтобы направлять ихъ по пути непоколебимаго православія, наставлять ихъ на истину и свѣтъ.

Царская власть вообще простиралась на всѣ стороны церковной жизни, такъ что нельзя указать какую либо область, или какой либо родъ дѣлъ церковныхъ, которыя принципіально изъяты были бы изъ компетенціи царской власти. Церковные обряды, церковная дисциплина, церковно-юридическій порядокъ вообще входили въ кругъ попеченій царской власти, какъ это ясно засвидѣтельствовано многочисленными постановленіями стоглаваго собора 1551 г.,—царскими указами объ исповѣди, хожденіи въ церковь и постѣ, царскими распоряженіями объ отправленіи виновныхъ въ нарушеніи церковныхъ правилъ въ монастыри и проч. Въ тѣхъ случаяхъ, когда открывалась какая нибудь ересь, московскій государь дѣйствовалъ по образцу византійскихъ императоровъ противъ ереси, собирая всѣхъ „сущихъ подъ его властію епископовъ" для исторженія тернія изъ чистой пшеницы путемъ осужденія ереси на соборѣ, какъ осуждались древнія ереси на древнихъ вселенскихъ соборахъ. Въ отношеніи къ вѣроученію положеніе московскаго царя, конечно, должно было глубоко различаться отъ положенія византійскаго императора. Въ Византіи вѣроученіе вырабатывалось и формулировалось, и вслѣдствіе этого императоръ не считалъ для себя возможнымъ оставаться въ сторонѣ отъ процесса формулированія церковныхъ догматовъ, давая чувствовать вѣсъ императорскаго голоса и въ этихъ вопросахъ, не только созывая соборы епископовъ, но и стараясь провести на соборахъ свой собственный взглядъ и самъ отъ себя издавая религіозные эдикты. Для московскаго царя, точно такъ же какъ и для „сущихъ подъ его властію епископовъ", существовали лишь право и обязанность хранить православіе въ томъ видѣ, какъ оно было передано въ русскую церковь изъ Византіи. Но самая эта обязанность хранить православіе, при маломъ развитіи религіозной мысли, могла при-

вести къ узаконенію, въ видѣ общеобязательнаго догмата, чисто внѣшнихъ обрядовыхъ дѣйствій, безъ достаточной притомъ исторической провѣрки основаній, на которыхъ сложилась московская церковная обрядность. Это дѣйствительно и случилось на стоглавомъ соборѣ, который предписалъ, подъ страхомъ церковнаго отлученія, двуперстное крестное знаменіе и употребленіе сугубой аллилуіи. Сами по себѣ, ни крестное знаменіе, ни сугубая аллилуіа не относятся къ области догматовъ вѣры, но какъ соборъ 1551 г., такъ и воспользовавшіеся впослѣдствіи его опредѣленіями раскольники смотрѣли на то и другое, какъ на догматы вѣры.

Въ дѣлахъ церковнаго управленія царь дѣйствовалъ вмѣстѣ съ представителями высшей духовной іерархіи: *митрополитомъ*, который въ 1589 г. былъ возведенъ въ *патріархи*, и съ *соборомъ епископовъ*. Учрежденіе патріаршества въ московскомъ государствѣ логически выводилось изъ того, что московскій царь заступилъ мѣсто византійскаго императора. Въ московскомъ государствѣ воспроизводился идеалъ не общецерковный періода вселенскихъ соборовъ, когда голосъ римскаго епископа тяжело вѣсилъ въ церкорныхъ дѣлахъ, а позднѣйшаго времени, когда императоръ и патріархъ съ синодомъ составляли высшую церковную власть въ византійской имперіи. Императоръ имѣлъ при себѣ патріарха: московскій царь также долженъ былъ имѣть при себѣ патріарха, который притомъ восполнилъ пробѣлъ, образовавшійся въ восточной теоріи пяти чувствъ, вслѣдствіе отдѣленія римскаго епископа отъ восточной церкви.

Въ „Увѣтѣ духовномъ“ московскаго патріарха Іоакима 1682 года сказано было: „святѣйшій патріархъ московскій и всея Россіи братъ есть православныхъ вселенскихъ патріарховъ и съ симъ именованіемъ единочисленъ имъ и сопрестоленъ и чиномъ и достоинствомъ равенъ, яко пятое чувство вселенскія восточныя церкве“. А иногда мысль русскихъ книжниковъ заходила и еще далѣе: русская церковь можетъ быть разсматриваема какъ цѣлостное и самодовлѣющее представленіе всего вселенскаго христіанства, такъ что московскій патріархъ съ четырьмя подчиненными ему митрополитами, могъ бы съ этой точки зрѣнія изобразить всѣ необходимыя для церкви пять чувствъ. Такъ напр. разсуждалъ извѣстный Арсеній Сухановъ, отправленный около половины XVII вѣка на востокъ для собранія свѣдѣній о богослужебныхъ книгахъ и обрядахъ (по поводу возникавшаго раскола). Изъ этого же круга идей объясняется проэктъ Симеона Полоцкаго, представленный

царю Өеодору Алексѣевичу, объ учрежденіи въ Россіи четырехъ патріарховъ, съ подчиненіемъ ихъ Никону, какъ папѣ. Самый расколъ, какъ историческое явленіе, состоитъ въ несомнѣнной связи съ идеей византійскаго наслѣдства и съ воззрѣніемъ на Москву, какъ на третій Римъ: если историческая миссія московскаго государя и государства состоитъ въ храненіи истиннаго православія, то и должно быть хранимо все до послѣдней іоты, а поэтому всякія перемѣны въ богослужебныхъ книгахъ и въ церковныхъ обрядахъ должны были разсматриваться, какъ разрушеніе православія. При этомъ, конечно, въ критику и провѣрку правильности церковныхъ книгъ и обрядовъ, существовавшихъ въ данный моментъ па Руси, не могли вдаваться при слабомъ развитіи мысли и при недостаткѣ образованія.

Въ отношеніи къ церковной организаціи, учрежденіе патріаршества, само по себѣ, не сопровождалось существенными перемѣнами, хотя въ развитіи разныхъ подробностей устройства эпоха патріархата не была совершенно непроизводительна, какъ наприм. въ учрежденіи приказовъ. Патріархатъ въ древне-церковномъ смыслѣ, какъ такая форма церковнаго устройства, при которой епископскія церкви объединяются въ церковныя провинціи съ митрополитомъ во главѣ, а эти послѣднія въ патріархатъ, такъ что между епископомъ и центральною властію стоятъ церковная провинція и митрополитъ, тѣмъ менѣе могъ явиться въ Россіи, что и на востокѣ, во время учрежденія московскаго патріаршества, званіе митрополита обратилось въ почетный титулъ, не соединяющійся съ тѣми правами, которыя принадлежали митрополитамъ по древне-церковному праву. На соборѣ 1667 г. мысль о такомъ устройствѣ предложена была восточными патріархами, но въ 1681 г. русскими архіереями была подана челобитная царю Өеодору Алексѣевичу не дѣлать архіепископовъ и епископовъ подвластными митрополитамъ, дабы „въ архіерейскомъ чинѣ не было какого церковнаго разгласія и межь себя распри и высости". Однако, хотя съ возведеніемъ московскаго митрополита въ патріархи, церковная организація не подверглась перемѣнамъ, авторитетъ высшаго представителя духовной іерархіи долженъ былъ возвыситься. Личныя качества нѣкоторыхъ царей и нѣкоторыхъ патріарховъ, особыя обстоятельства русской исторіи начала XVII в., личныя отношенія между царемъ Михаиломъ Өедоровичемъ и отцемъ его патріархомъ Филаретомъ,—все это также въ сильной степени способ-

ствовало возвышенію духовнаго авторитета. Какъ ни всеобъемлющею представлялась царская власть въ воззрѣніяхъ нашихъ предковъ, какъ ни обыченъ былъ взглядъ на царя, какъ на преемника византійскихъ императоровъ, московскій царь, не имѣвшій за собою историческаго прошлаго римской имперіи, былъ болѣе открытъ религіозно-нравственному вліянію, чѣмъ римскіе цезари, и болѣе склоненъ, чѣмъ эти послѣдніе, производить свои дѣйствія не изъ принципа власти, а изъ чувства нравственнаго долга и изъ обязанности, внушаемой духовною іерархіей, въ особенности такимъ высокимъ ея представителемъ, какъ патріархъ. И въ самой Византіи случалось, что патріархъ константинопольскій, стремившійся сравняться съ римскимъ папой, не только отвергалъ церковную власть императора, но и пріобрѣталъ сильное политическое значеніе, угрожавшее опасностію императору даже какъ главѣ государства (см. ниже § 124). Тѣмъ болѣе это возможно было въ Россіи. Религіозно-нравственное руководство и духовное превосходство патріарха по отношенію къ царю, какъ мірянину, могло, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, послужить источникомъ такихъ же *юридическихъ* идей, которыя господствовали на средневѣковомъ западѣ. Это дѣйствительно и случилось въ царствованіе Алексѣя Михайловича,—въ эту знаменательную эпоху двухъ „великихъ государей“ на Руси (см. ниже § 135). Ближайшимъ послѣдствіемъ столкновенія царя съ патріархомъ было низложеніе патріарха, а болѣе отдаленнымъ упраздненіе самаго патріаршества, когда великій русскій реформаторъ, приступая къ перестройкѣ всей русской жизни, желалъ видѣть въ высшихъ представителяхъ духовной іерархіи не помѣху, и поддержку своимъ мѣропріятіямъ.

Соборы въ московскомъ государствѣ при митрополитахъ собирались часто: принято было за правило, чтобы епархіальные архіереи для соборныхъ совѣщаній собирались въ Москву по крайней мѣрѣ однажды въ годъ. Иногда, по требованію обстоятельствъ, епископы собирались и чаще, или, собравшись разъ, проживали въ Москвѣ очень долго и составляли, съ небольшими промежутками, цѣлый рядъ соборовъ; съ этою цѣлью нѣкоторые, если не всѣ, архіереи имѣли для себя въ Москвѣ постоянныя подворья. При патріархахъ соборы собирались сравнительно рѣде; это вид-

но изъ того, что на соборѣ 1667 г. признано было необходимымъ напомнить и подтвердить древнее каноническое правило о двукратномъ созваніи соборовъ каждый годъ.

§ 39. Высшая церковная власть со времени Петра Великаго *). Послѣ смерти десятаго патріарха, Адріана, въ 1700 году, Петръ I поручилъ управленіе дѣлами *всероссійской* церкви (такъ какъ въ концѣ XVII вѣка и кіевская митрополія соединилась съ церковью московскаго государства) мѣстоблюстителю патріаршаго престола митрополиту рязанскому Стефану Яворскому съ тѣмъ, чтобы онъ совѣтовался съ другими епископами, которые для этого поочередно призывались въ Москву. Это собраніе очередныхъ епископовъ подъ предсѣдательствомъ мѣстоблюстителя называлось освященнымъ соборомъ. Къ участію въ управленіи церковномъ привлеченъ былъ также учрежденный въ 1711 г. правительствующій сенатъ. Позднѣе, вводя коллегіальное начало въ государственныя учрежденія, Петръ поручилъ Ѳеофану Прокоповичу составить уставъ духовной коллегіи. Таковой уставъ дѣйствительно и былъ составленъ въ 1719 году подъ названіемъ духовнаго регламента, а въ 1721 году явилась и самая духовная коллегія, переименованная вскорѣ затѣмъ въ святѣйшій правительствующій синодъ.

Учрежденіе духовной коллегіи подробно мотивировано въ духовномъ регламентѣ: коллегія имѣетъ то преимущество предъ единоличною властію, что истина скорѣе можетъ быть найдена многими лицами, чѣмъ однимъ, и притомъ безъ проволочекъ по случаю болѣзни или отсутствія, безъ пристрастія и лихоимства,—что опредѣленіе многихъ лицъ имѣетъ большій авторитетъ, чѣмъ сужденіе одного, что при кол-

---

*) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XVI и сл.; *Чистовичъ*, Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, 1868 г.; *Образцовъ*, Первый годъ синодальнаго управленія (Ж. М. Народ. Пр. 1868); *В. Поповъ*, О св. синодѣ и объ установленіяхъ при немъ въ царствованіе Петра (тамъ же. 1881 г.); *Ольшевскій*, Св. прав. синодъ при Петрѣ Великомъ, его организація и дѣятельность, Кіевъ, 1894 г.; *Градовскій*, Начала русскаго государствен. права, т. II, §§ 176—181; *Кедровъ*, Духов регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностію Петра Великаго, Москва, 1886 г.; *Бѣликовъ*, Отношеніе государственной власти къ церкви и къ духовенству въ царствованіе Екатерины II (Чтен. въ общ. любителей духов. просвѣщ. 1874, авг.); См. также статьи проф. *Т. Барсова* о св. синодѣ и учрежденіяхъ при немъ въ „Христіан. Чтен." за 1894—1896 г.г., а также статью *Филиппова* въ „Русск. Мысли" 1894, авг.; „Правительственная олигархія послѣ Петра Великаго", и статью въ Русск. Вѣстникѣ за 1891 г. апр.: „О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи".

легіальномъ духовномъ правительствѣ устраняется опасность безпорядковъ и смутъ, происходящихъ отъ приравниванія невѣжественными умами высшей духовной власти къ самодержавной власти государя и проч.

По регламенту духовная коллегія должна была состоять изъ 12-ти членовъ разныхъ духовныхъ степеней и должностей—архіереевъ, архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ, причемъ только трое изъ нихъ должны быть обязательно архіереями. На самомъ дѣлѣ личный составъ синода подвергался постояннымъ колебаніямъ. Уже въ манифестѣ объ учрежденіи духовной коллегіи 25 января 1721 г. опредѣлено было засѣдать въ ней 11-ти членамъ: одному президенту, двумъ вице-президентамъ, четыремъ совѣтникамъ и четыремъ ассессорамъ. Затѣмъ, послѣ смерти перваго президента Стефана Яворскаго, званіе это не возобновлялось, а вскорѣ и вице-президенты были упразднены, равнымъ образомъ и остальные ранги совѣтниковъ и ассессоровъ. Въ 1726 г., по указу императрицы Екатерины I, синодъ раздѣленъ былъ на два аппартамента, изъ которыхъ въ духовномъ (для духовныхъ дѣлъ предназначенномъ) положено засѣдать исключительно архіереямъ („въ шести персонахъ"). При Аннѣ Ивановнѣ вопросъ о личномъ составѣ синода былъ предметомъ долгихъ обсужденій и пререканій между сенатомъ и синодомъ, причемъ въ особенности дебаты шли о томъ, быть ли членамъ синода постоянными или перемѣнными: указомъ государыни было опредѣлено, что двое изъ архіереевъ должны быть безсмѣнными членами синода (новгородскій и нижегородскій), двое должны смѣняться, остальные члены должны быть архимандриты и протопопы, всего 11 членовъ, на половину малороссіянъ и на половину великороссіянъ. Но на самомъ дѣлѣ и послѣ этого указа число членовъ до 11-ти не дошло. По екатерининскимъ штатамъ 1763 года въ синодѣ положено быть тремъ архіереямъ, двумъ архимандритамъ и одному протопопу. По штатамъ 1819 г. членовъ должно быть три, присутствующихъ временно одинъ, вмѣсто двухъ архимандритовъ должны входить въ составъ синода оберъ-священникъ арміи и флота и духовникъ Его Императорскаго Величества, сверхъ того еще одинъ протопопъ. Въ окончательномъ результатѣ всѣ эти колебанія привели къ тому, что стали различаться постоянные члены отъ временно

присутствующихъ, и что епископскому элементу дано было преобладаніе въ синодѣ, а въ царствованіе Александра III не было уже ни одного случая назначенія въ синодъ какого либо члена не изъ архіереевъ. Въ вышеупомянутыхъ штатахъ 1763 г. одинъ изъ архіереевъ названъ первенствующимъ. Это званіе первенствующаго члена св. синода, соединенное съ правомъ на первое мѣсто въ засѣданіяхъ синода, связывалось то съ новгородскою, то съ с.-петербургскою каѳедрами, которыя, однако, обыкновенно управлялись однимъ и тѣмъ же архіереемъ.—Синодъ былъ тѣмъ учрежденіемъ Петра Великаго, въ которомъ наиболѣе ясно и рѣшительно выразились его реформаторскія идеи въ отношеніи къ церковной организаціи. Во всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ онъ исходилъ изъ идеи служенія государству и въ этомъ отношеніи предупредилъ западно-европейскихъ коронованныхъ представителей этой идеи, какъ Фридрихъ Великій прусскій и Іосифъ II австрійскій, на нѣсколько десятковъ лѣтъ.

Научною подкладкой для этой идеи на западѣ служило естественное право, въ примѣненіи къ церкви явившееся въ видѣ т. н. территоріальной теоріи. Не столько впрочемъ теоретическія идеи естественнаго права, не остававшіяся совершенно неизвѣстными въ Россіи и находившія даже ревностныхъ послѣдователей, какъ Татищевъ, сколько практическое знакомство съ коллегіальными учрежденіями Швеціи, Даніи, Голландіи и проч., вмѣстѣ съ геніальнымъ прозрѣніемъ въ нужды Россіи и сознаніемъ необходимости удовлетворенія этихъ нуждъ, подвинули Петра на реформированіе и государственной, и церковной жизни, въ видахъ служенія государству, котораго самъ онъ былъ первымъ слугой.

Ни Петръ Великій, ни его преемники не забываютъ византійской идеи служенія церкви и защиты ея, блюстительства вѣры, благочестія и церковнаго порядка; но эта византійская идея въ западно-европейскомъ естественномъ правѣ почерпнула для себя ту энергію, которой ей не доставало въ московскомъ государствѣ, гдѣ государь дѣйствовалъ болѣе по обязанности, чѣмъ по праву. Эта энергія выразилась уже въ манифестѣ объ учрежденіи духовной коллегіи 25 января 1721 г., въ которомъ говорится, что государь, вводя усовершенствованія во всѣхъ областяхъ народной жизни, не могъ не обратить вниманія и на духовную область съ ея „многими нестроеніями и великою въ дѣлахъ ея скудостію“,

поэтому онъ и установилъ духовную коллегію, какъ „сильное правительство“ по духовнымъ дѣламъ, дѣйствующее именемъ монарха и признающее своимъ „крайнимъ судіей“ самого же монарха. Въ тоже время Петръ Великій довелъ до свѣдѣнія восточныхъ патріарховъ объ учрежденномъ имъ коллегіальномъ правительствѣ, и восточные патріархи признали св. синодъ своимъ о Христѣ братомъ, имѣющимъ право совершать и установлять то же, что совершаютъ и установляютъ четыре апостольскихъ святѣйшихъ патріаршихъ престола. Какъ высшая церковная власть, озабоченная правильнымъ удовлетвореніемъ церковныхъ потребностей и правильнымъ разрѣшеніемъ церковныхъ дѣлъ, императоры настаивали на исполненіи христіанскихъ обязанностей, на соблюденіи благоговѣнія въ церквахъ, на составленіи синодомъ проповѣдей, на безотлагательномъ изданіи славянскаго перевода библіи и на рѣшеніи дѣлъ по канонамъ, а не по произвольнымъ соображеніямъ, обращались къ синоду съ повелѣніями, наравнѣ съ другими государственными учрежденіями. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, т. е. въ приравненіи синода къ государственнымъ учрежденіямъ, заключалась самая характерная черта территоріализма. Самъ Петръ Великій не могъ предвидѣть всѣхъ тѣхъ выводовъ, которые были сдѣланы послѣ него изъ включенія синода въ рядъ государственныхъ учрежденій. Онъ смотрѣлъ на сенатъ и на синодъ, какъ на два параллельныя учрежденія, изъ которыхъ каждое стоитъ на одинаковой высотѣ, одно въ духовныхъ дѣлахъ, другое въ свѣтскихъ, и каждое состоитъ подъ верховною властію монарха и сносится одно съ другимъ вѣдѣніями. Эту точку зрѣнія усвоилъ себѣ и синодъ; желая самъ управлять недвижимыми церковными имѣніями вмѣсто монастырскаго приказа, который былъ не церковнымъ, а государственнымъ учрежденіемъ, синодъ представилъ государю, что духовная коллегія, не менѣе другихъ коллегій, обязалась присягой къ вѣрности и исканію царскаго интереса, такъ что слѣдовательно нѣтъ причины отстранять ее отъ завѣдыванія церковными имуществами, и представленіе это было уважено. На этой же точкѣ зрѣнія стоялъ синодъ, когда отстаивалъ предъ сенатомъ свою равноправность съ нимъ, по поводу повелительнаго тона, который позволялъ себѣ сенатъ въ отношеніи къ синоду: „повелительство, разсуждалъ синодъ, бываетъ отъ большаго къ

меньшему, въ равенствѣ же повелительства не бываетъ". Но уже и при Петрѣ синоду приходилось слышать повелительныя рѣчи не отъ государя, а отъ государственнаго учрежденія; уже и при Петрѣ были поводы для жалобъ на то, что посылаемыя изъ синода въ сенатъ вѣдѣнія, а въ коллегіи и канцеляріи указы остаются безъ послѣдствій. Еще менѣе удовлетворительнымъ оказалось положеніе синода послѣ смерти Петра, когда оба высшія установленія петровскаго царствованія, и сенатъ и синодъ, были лишены титула правительствующихъ и подчинены верховному тайному совѣту и кабинету, члены которыхъ не обязательно должны были принадлежать къ православному вѣроисповѣданію.

Съ другой стороны вліяніе территоріализма выразилось и въ томъ, что синоду поручены были въ завѣдываніе духовныя дѣла другихъ вѣроисповѣданій: духовныя дѣла вообще на пространствѣ государственной территоріи предоставлено завѣдывать одному спеціальному учрежденію, не взирая на разность вѣроисповѣданій. Хотя этотъ порядокъ продолжался очень не долго, но покрайней мѣрѣ въ первые годы своего существованія синодъ вѣдалъ католическое, протестантское, еврейское и другія существовавшія въ Россіи вѣроисповѣданія: принималъ свѣдѣнія о числѣ церквей, разрѣшалъ устроеніе новыхъ церквей, закрывалъ существующія, назначалъ лютеранскихъ пробстовъ и пасторовъ, а также священниковъ въ католическія церкви.

§ 40. Учрежденія при св. синодѣ).* До XVIII в. если существовали центральныя учрежденія для всей русской церкви, то такимъ учрежденіемъ былъ самъ митрополитъ или патріархъ съ соборомъ. Приказы, явившіеся при патріархахъ, были епархіальными учрежденіями для патріаршей области или епархіи и только отчасти въ нѣкоторыхъ лишь случаяхъ имѣли центральное значеніе для всѣхъ русскихъ епархій. Со времени учрежденія св. синода явились при немъ нѣкоторые подчиненные институты съ характеромъ центральныхъ же, какъ и самъ синодъ,—явный знакъ болѣе энергической централизаціи управленія, сравнительно съ

---

*) *Поповъ*, назв. ст.; *Розановъ*, Исторія московскаго епархіальнаго управленія; *Соловьевъ*, Исторія Россіи т. XVI и сл.; Проф. *Т. Барсовъ*, Христіан. Чтен. 1896, мартъ—іюнь.

предшествовавшимъ временемъ. При св. синодѣ были устроены въ самомъ началѣ его существованія четыре конторы: для завѣдыванія школами и типографіями, для судныхъ дѣлъ, для раскольническихъ дѣлъ и для инквизиторскихъ дѣлъ (т. е. по надзору за должностными лицами духовнаго вѣдомства, осуществлявшемуся посредствомъ особыхъ инквизиторовъ). Каждая изъ конторъ должна была разсматривать и рѣшать собственною властію дѣла „не зѣло важныя", а важныя предлагать, съ собственнымъ мнѣніемъ, на обсужденіе всего синода. Существовала еще „контора изуграфствъ" для наблюденія за иконописаніемъ; но всѣ эти конторы вскорѣ были упразднены. Не было также долговѣчнымъ особое учрежденіе при синодѣ для завѣдыванія церковными имѣніями (см. ниже § 116). Напротивъ болѣе долговѣчною оказалась московская синодальная изуграфствъ контора, которая первоначально явилась подъ именемъ „московскаго синодальнаго правленія канцеляріи". Когда указомъ Петра Великаго отъ 19 января 1722 г. было предписано устроить въ Москвѣ отъ каждой коллегіи по конторѣ, а надъ ними сенатскую контору, то и св. синодъ, которому предстояло отправиться изъ Москвы въ С.-Петербургъ, постановилъ по этому случаю, въ виду императорскаго указа, возложить на одного изъ членовъ (съ придачей къ нему двухъ помощниковъ) производство по дѣламъ, которыя будутъ оставлены св. синодомъ въ Москвѣ, и окончательное рѣшеніе такихъ изъ нихъ, которыя не требуютъ „всего синодальнаго разсужденія". Вообще мотивъ учрежденія московской конторы св. синода былъ тотъ же самый, которымъ вызвано было учрежденіе и въ С.-Петербургѣ таковой же конторы, на время отсутствія св. синода изъ С.-Петербурга. Св. синодъ не только часто переѣзжалъ изъ С.-Петербурга въ Москву, но и подолгу иногда оставался въ Москвѣ, вслѣдствіе чего онъ считалъ нужнымъ оставить въ С.-Петербургѣ особо-делегированный имъ органъ—контору. Оставляя затѣмъ Москву, съ тѣмъ чтобы возвратиться въ С.-Петербургъ, св. синодъ и въ Москвѣ оставлялъ свой органъ. Въ 1731 г. синодальная московская контора приняла даже названіе святѣйшаго правительствующаго синода въ Москвѣ: московскій св. синодъ нѣкоторое время сносился съ петербургскимъ св. синодомъ вѣдѣніями, что должно было указывать на равноправность обоихъ учрежденій. Но въ 1733 г. московскій синодъ соединенъ былъ

съ петербургскимъ, и на мѣсто московскаго осталась прежняя контора подъ именемъ московской синодальнаго правленія канцеляріи. Это учрежденіе главнымъ образомъ составляло себѣ кругъ вѣдомства на счетъ учрежденій бывшей патріаршей области, перешедшей въ непосредственное управленіе св. синода, подобно тому какъ и с.-петербургская контора завѣдывала с.-петербургскою синодальною областію, потому что до сороковыхъ годовъ XVIII в. ни въ Москвѣ, ни въ С.-Петербургѣ не было особыхъ епархій, и св. синодъ непосредственно управлялъ какъ московскою (бывшею патріаршею) синодальною областію, такъ и вновь образовавшеюся, благодаря завоеваніямъ Петра Великаго, ингерманландскою областію. Съ образованіемъ же особой московской епархіи, московская синодальная контора, собственно говоря подлежала упраздненію, какъ и с.-петербургская контора, но она уцѣлѣла, такъ какъ въ завѣдываніе ея отданы были разныя изъятыя изъ подчиненія мѣстной епархіальной власти учрежденія (кремлевскій Успенскій соборъ, синодальный домъ съ церковью 12-ти апостоловъ и нѣсколько ставропигіальныхъ монастырей). Мало того, при императрицѣ Екатеринѣ II московская контора на нѣкоторое время опять выступила конкуррентомъ петербургскому синоду. Указомъ 3-го іюля 1763 г. императрица, въ видахъ избавленія челобитчиковъ отъ излишнихъ убытковъ и волокиты, предоставила челобитчикамъ близкихъ въ Москвѣ епархій, т. е. большинству епархій, апеллировать въ московскую контору, оставивъ подъ апелляціей петербургскаго синода нижеслѣдующія епархіи: новгородскую, с.-петербургскую, псковскую, тверскую, архангелогородскую, устюжскую и вологодскую. Но 3-го ноября того-же 1763 г. послѣдовалъ указъ, въ силу котораго синодальной конторѣ повелѣвалось оставаться на томъ же основаніи, на которомъ она существовала до указа 3-го іюля.

Въ 1814 в. для управленія духовными дѣлами присоединенныхъ къ Россіи въ концѣ предыдущаго и вначалѣ нынѣшняго столѣтія Грузіи и Имеретіи учреждена была *грузино-имеретинская синодальная контора*, подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ св. синода, который именуется экзархомъ Грузіи и, при содѣйствіи названной конторы, въ подчиненіи св. синоду, въ качествѣ его легата, управляетъ бывшею дотолѣ автокефальною грузинскою церковью, преобразовавшеюся съ тѣхъ поръ въ грузинскій экзархатъ.

Переходъ отъ прежняго порядка къ новому состоялся такимъ образомъ, что послѣдній католикосъ Грузіи былъ принятъ въ составъ св. синода, хотя въ дѣйствительности онъ церковными дѣлами не управлялъ съ 1801 г., а жилъ сначала въ Москвѣ, потомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, пользуясь нѣкоторыми отличіями: титуломъ „блаженства", преднесеніемъ креста при служеніи, митрою съ крестомъ наверху и проч. Уже въ самомъ началѣ XVIII в. въ составѣ св. синода былъ, кромѣ бывшаго католикоса, другой архіепископъ грузинскій, съ которымъ, по учрежденіи конторы, и былъ связанъ титулъ экзарха. Въ послѣднее время изъ грузинскаго экзархата выдѣлена и поставлена на общія съ епархіями россійской имперіи основанія владикавказская епархія.

Кромѣ того, въ нынѣшнемъ столѣтіи послѣдовали многія другія важныя перемѣны въ центральной церковной организаціи. Въ 1807 г. учрежденъ былъ комитетъ изъ оберъ-прокурора св. синода князя Голицына, изъ трехъ членовъ св. синода и статсъ-секретаря Сперанскаго для обсужденія вопроса объ усовершеніи духовныхъ училищъ и о средствахъ, необходимыхъ для этого дѣла. Въ 1808 г. выработанный комитетомъ уставъ былъ утвержденъ государемъ, а въ 1809 г. явилась „коммиссія духовныхъ училищъ", для завѣдыванія существующими духовно учебными заведеніями и для открытія новыхъ. Втеченіе 30-ти лѣтъ своего существованія коммиссія дѣйствовала какъ учрежденіе, не подчиненное св. синоду, а равноправное съ нимъ: синодъ и коммиссія сносились между собою вѣдѣніями. Въ 1839 году было признано необходимымъ сосредоточить въ самомъ св. синодѣ высшее завѣдываніе духовно-учебною частію и коммиссія была замѣнена подчиненнымъ св. синоду *духовно-учебнымъ управленіемъ*, къ которому перешло исполнительное производство всѣхъ дѣлъ по учебной и хозяйственной части духовно-учебныхъ заведеній, при чемъ высшее попеченіе объ этихъ дѣлахъ предоставлено самому синоду. Въ тоже время для завѣдыванія всѣми суммами и имуществами, въ вѣдѣніи св. синода состоящими, а также для контроля по всѣмъ суммамъ, не исключая и духовно-учебныхъ, учреждено было хозяйственное управленіе при св. синодѣ, съ подчиненіемъ ему синодальныхъ типографій—петербургской и московской, коммиссаровъ книжныхъ лавокъ и вообще всѣхъ чиновниковъ, завѣдующихъ всякимъ имуществомъ св. синода. Въ 1857 году, одновременно съ реформой ду-

ховно-учебныхъ заведеній, состоялись слѣдующія перемѣны: 1) духовно-учебное управленіе переименовано въ духовно-учебный комитетъ, съ предоставленіемъ ему въ завѣдываніе одной лишь учебно-воспитательной части духовно-учебныхъ заведеній; 2) въ хозяйственномъ управленіи централизовалось все хозяйстко духовнаго вѣдомства, такъ какъ въ завѣдываніе его поступила и хозяйственная сторона духовно-учебныхъ заведеній; 3) находившійся при хозяйственномъ управленіи контроль былъ отдѣленъ отъ этого управленія и составилъ особое центральное учрежденіе при св. синодѣ.

Въ 1885 г. для наилучшаго устройства церковно-приходскихъ школъ и для управленія ими учрежденъ особый при св. синодѣ училищный совѣтъ.

Для духовной цензуры учреждены были въ 1828 г. подчиненные св. синоду духовно-цензурные комитеты, которые поставлены были въ связь съ четырьмя существующими въ Россіи духовными академіями и до послѣдняго времени состояли при этихъ академіяхъ.

§ 41. Оберъ-прокуроръ при св. синодѣ *). Указомъ отъ 11-го мая 1722 г. сенату предписано было избрать изъ офицеровъ добраго человѣка, который бы имѣлъ смѣлость и знакомство съ веденіемъ синодскихъ дѣлъ и быть ему оберъ-прокуроромъ. Ему дана была инструкція, которою были возложены на него слѣдующія полномочія и вмѣстѣ обязанности: 1) слѣдить за тѣмъ, чтобы дѣла, подлежащія разсмотрѣнію и рѣшенію св. синода, были производимы согласно регламентамъ и указамъ, т. е. по истинѣ, въ порядкѣ, съ ревностью и безъ потери времени, и чтобы рѣшенныя дѣла были приводимы въ исполненіе безъ промедленія; 2) если замѣчено будетъ, что синодъ дѣйствовалъ неправильно и съ лицепріятіемъ, поставлять на видъ и объяснять синоду неправильность его образа дѣйствій; 3) въ случаѣ непринятія синодомъ во вниманіе объясненій оберъ-прокурора, протестовать и остановить дѣ-

---

*) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, т. XVIII, XXI—XXIII; Записки князя *Я. П. Шаховскаго*, Спб. 1821 г.; Записки оберъ-прокурора *Яковлева* (Памятники новой русской исторіи, Сборникъ Базунова, т. III, Спб. 1873 г.); *Градовскій*, Начала, II, § 183; *Знаменскій*, Руководство къ русской церковной исторіи, Казань, 1886, стр. 418—457. См. также статьи въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1868 г. № 4, и въ Правосл. Обозрѣніи за 1878 г. январь.

лю, причемъ, если дѣло важное, немедленно донести государю, а о менѣе важныхъ представлять государю въ извѣстные сроки, помѣсячно или понедѣльно, въ бытность государя въ самомъ синодѣ; 4) слѣдить за всѣми епархіальными органами надзора, представляемыя ими доношенія докладывать синоду и „инстиговать по нимъ, чтобы было исполненіе“, т. е. настаивать, чтобы были приняты соотвѣтствующія мѣры; 5) имѣть въ своей дирекціи канцелярію св. синода и синодальнаго экзекутора. Такимъ образомъ оберъ-прокуроръ Петра Великаго, въ качествѣ ока государева, получилъ функціи надзора и протеста безъ административныхъ функцій положительнаго характера. Въ этомъ видѣ оберъ-прокурорскій институтъ существовалъ до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, причемъ болѣе или менѣе вліятельное положеніе оберъ-прокурора въ синодѣ зависѣло отъ личности: напр. князь Я. П. Шаховской въ царствованіе Елизаветы Петровны, или оберъ-прокуроръ Яковлевъ въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія дѣйствительно имѣли смѣлость быть „окомъ государевымъ“ по буквальному смыслу инструкціи Петра Великаго, а при такихъ оберъ-прокурорахъ, какъ графъ Хвостовъ, предшественникъ Яковлева, должность эта не имѣла никакого значенія. На существенное измѣненіе этого института повліялъ фактъ недолговременнаго существованія министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, которое недовольными современниками называлось сугубымъ министерствомъ. Въ 1817 г. въ министерство народнаго просвѣщенія, съ которымъ соединилось главное управленіе духовными дѣлами иностранныхъ вѣроисповѣданій, включено было „отдѣленіе духовныхъ дѣлъ греко-россійскаго вѣроисповѣданія“.

По учрежденіи министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія 24 октября 1817 года, департаментъ духовныхъ дѣлъ раздѣленъ былъ на четыре отдѣленія: 1) греко-россійскаго исповѣданія, 2) римско-католическаго, греко-уніатскаго и армянскаго, 3) всѣхъ протестантскихъ исповѣданій и 4) еврейскаго, магометанскаго и прочихъ вѣръ нехристіанскихъ. Въ частности отдѣленіе греко-россійскаго вѣроисповѣданія составлялось изъ двухъ столовъ. Предметы занятій перваго стола были слѣдующіе: а) собираніе меморій св. синода, т. е. памятныхъ записокъ или вѣдомостей составленныхъ оберъ-прокуроромъ св. синода по дѣламъ, заслушаннымъ въ синодѣ, б) доклады по части св. синода и коммиссіи духовныхъ училищъ государю императору, в) го-

довые отчеты по св. синоду и коммиссіи духовныхъ училищъ, г) сношенія съ митрополитами и другими, главное начальство имѣющими, лицами по дѣламъ св. синода и коммиссіи духовныхъ училищъ, д) сношенія съ оберъ-прокуроромъ св. синода и съ прокурорами синодальныхъ конторъ (ранѣе сношенія св. синода съ другими вѣдомствами и всякая вообще переписка съ другими учрежденіями по закону должны были производиться черезъ оберъ-прокурора, а въ дѣйствительности иногда производились черезъ первоприсутствующаго члена св. синода), е) производство по духовнымъ дѣламъ православныхъ, жительствующихъ въ царствѣ польскомъ, а также въ Палестинѣ и иныхъ заграничныхъ мѣстахъ, ж) дѣла о вступленіи въ бракъ иностранцевъ съ русскими подданными безъ принятія подданства, и) дѣла касательно перевоза мертвыхъ тѣлъ. Во второмъ столѣ производились дѣла: а) объ опредѣленіи и увольненіи членовъ св. синода, б) о вызовѣ изъ епархій архіереевъ для временнаго присутствованія въ синодѣ, в) о придворныхъ церквахъ съ ихъ духовенствомъ, г) объ опредѣленіи и увольненіи присутствующихъ въ синодальныхъ конторахъ, оберъ-прокурора, правителя дѣлъ коммиссіи духовныхъ училищъ и др., д) о представленіи къ наградамъ, е) объ особыхъ происшествіяхъ въ церквахъ и проч.

Общее отношеніе министра къ духовному вѣдомству должно было соотвѣтствовать положенію другихъ министровъ относительно другихъ вѣдомствъ: министръ долженъ былъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ надзоръ за духовными дѣлами и давать имъ направленіе, согласное съ общимъ ходомъ дѣлъ въ другихъ министерствахъ (не касаясь впрочемъ судныхъ дѣлъ), такъ чтобы духовное вѣдомство не вносило диссонанса въ общее направленіе администраціи. Оберъ-прокуроръ св. синода, оставшійся при своихъ функціяхъ, опредѣленныхъ инструкціей Петра Великаго и получившій себѣ подчиненныхъ органовъ надзора въ лицѣ секретарей епархіальныхъ консисторій, долженъ былъ представлять министру меморіи по дѣламъ, заслушаннымъ въ синодѣ. Представленіемъ меморій теченіе дѣлъ въ синодѣ не пріостанавливалось; однако, если бы министръ призналъ необходимымъ по представленной ему меморіи дать свое мнѣніе, въ такомъ случаѣ дѣло возвращалось въ синодъ для пересмотра, съ принятіемъ въ соображеніе мнѣнія министра. Черезъ министра же должны были объявляться высочайшія повелѣнія синоду. По упраздненіи въ 1824 г. соединеннаго министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, первое отдѣленіе бывшаго департамента духовныхъ дѣлъ,

т. е. отдѣленіе духовныхъ дѣлъ греко-россійскаго исповѣданія, перешло въ вѣдѣніе оберъ-прокурора св. синода, который вслѣдствіе этого сталъ въ положеніе министра или главноуправляющаго особымъ вѣдомствомъ. Поэтому не могло быть ничего неожиданнаго въ томъ, что въ 1835 году указано было приглашать его, какъ представителя духовнаго вѣдомства, въ государственный совѣтъ и въ комитетъ министровъ по дѣламъ св. синода, коммиссіи духовныхъ училищъ и отдѣленія духовныхъ дѣлъ греко-россійскаго исповѣданія. А когда, по упраздненіи коммиссіи духовныхъ училищъ въ 1839 году, образованы были духовно-учебное управленіе и хозяйственное управленіе, оба эти учрежденія, съ ихъ должностнымъ персоналомъ и со всѣмъ ихъ дѣлопроизводствомъ, были поставлены подъ главное начальство оберъ-прокурора. Наконецъ, въ силу высочайше утвержденнаго учрежденія канцеляріи оберъ-прокурора св. синода, датированнаго тѣмъ же 1-мъ марта 1839 г., когда явились высочайше утвержденныя положенія о духовно-учебномъ и хозяйственномъ управленіяхъ при св. синодѣ, отдѣленіе духовныхъ дѣлъ греко-россійскаго исповѣданія, съ причисленіемъ къ нему греко-уніатскихъ дѣлъ, слилось съ существовавшею дотолѣ при оберъ-прокурорѣ канцеляріею и составило одно учрежденіе подъ именемъ канцеляріи оберъ-прокурора св. синода. Связь между министерствомъ народнаго просвѣщенія и духовнымъ вѣдомствомъ поддерживалась долгое время соединеніемъ въ одномъ лицѣ министерской и оберъ-прокурорской должности, но въ послѣднее время и эта связь прекратилась.

Б. Епархіальная организація.

§ 42. *Древне-русская епархія и ея органы* *). Въ древней Руси епархіи обыкновенно совпадали или стремились къ совпаденію съ политически-обособившимися частями русской земли. Такъ изъ

*) *Лохвицкій*, Очеркъ церковной администраціи въ древней Руси (Русск. Вѣстн. 1851, янв. кн. 2); *Дмитріевъ*, Исторія судебн. инстанцій, 1859 г.; *Неволинъ*, Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго (въ П. С. соч. т. VI); *Костомаровъ*, Сѣверно-русскія народоправства, 1862 г., т. II; *Митр. Макарій*, V, 89—121; *Каптеревъ*, Свѣтскіе архіер. чиновники въ древней Руси, 1874 г.; *Никитскій*, Очеркъ внутренней исторіи Пскова, 1873 г.; *Никитскій*, Очеркъ внутренней исторіи церкви въ великомъ Новгородѣ, 1879 г.; *Горчаковъ*, О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. синода, 1871 г.; *Голубинскій*, Исторія русской церкви, т. I, 1-я половина, стр. 289—338.

восьми епархій, учрежденныхъ при св. Владимірѣ, шесть были въ удѣльныхъ княжествахъ (владиміро-волынская, туровская, полоцкая, новгородская, ростовская и тмутараканская); но въ древлянской землѣ и Муромѣ, которыя были удѣлами, не было учреждено епархій, а напротивъ каѳедры архіерейскія учреждены были въ Черниговѣ и Бѣлгородѣ, которые не были удѣльными при Владимірѣ, точно такъ же какъ учрежденныя послѣ Владиміра епархіи юрьевская и угровская не имѣли соотвѣтствующихъ себѣ удѣльныхъ княжествъ. А съ другой стороны напр. удѣльные князья смоленскіе поспѣшили учредить въ Смоленскѣ свою епископію. Изъ епископовъ владыка новгородскій получилъ съ 1165 года титулъ архіепископа. Епископы иногда созывали все епархіальное духовенство на соборъ. Вспомогательными органами епископовъ по управленію и суду были: клиросъ (соотвѣтствовавшій греческому пресвитерію и латинскому капитулу) и намѣстникъ (соотвѣтствовавшій греческому хартофилаксу и латинскому архидьякону). Члены перваго, клирошане, служили по разнымъ порученіямъ епископа, а въ своей совокупности могли служить епископу своимъ совѣтомъ. Послѣдній, т. е. намѣстникъ, былъ главнымъ представителемъ епископа въ области администраціи и суда. На епархіальныхъ должностяхъ вообще могли состоять только духовныя лица. Но къ концу XIV в. епархіальный строй подвергся важнымъ перемѣнамъ, благодаря проникновенію въ него свѣтскаго элемента, въ лицѣ свѣтскихъ служилыхъ людей архіерея. Въ епархіяхъ сѣверо-восточной Руси, особенно въ московской и въ новгородской, увеличеніе разными способами массы земельныхъ владѣній повело къ образованію служилаго класса архіерейскихъ бояръ и дѣтей боярскихъ, которымъ первоначально отдавались въ кормленіе и управленіе церковныя земли вмѣстѣ съ ихъ населеніемъ, а потомъ стали поручаться и дѣла церковнаго управленія, за исключеніемъ такихъ, которыя предполагали бы въ уполномоченныхъ духовный санъ, каковы напр. посвященіе въ духовныя степени, освященіе церквей и т. п. Митрополитъ московскій и архіепископъ новгородскій имѣли свой дворъ, на подобіе княжескаго двора, съ дворецкимъ, стольниками, чашниками и проч. Послѣ проникновенія служилыхъ архіерейскихъ людей въ епархіальный строй, помощники архіерея изъ духовныхъ лицъ были оттѣснены на задній

планъ свѣтскими чиновниками. При новгородскомъ архіепископѣ значеніе клироса, въ смыслѣ каѳедральнаго духовенства новгородской софійской церкви, настолько пало, что подъ „софіянами" стало разумѣться „мірское воинство" новгородскаго владыки—бояре и боярскіе дѣти.

§ 43. Епархіальная организація въ XVI и XVII в.в. *). Въ концѣ XVI в., по учрежденіи патріаршества, кромѣ патріарха, іерархія состояла изъ четырехъ митрополитовъ, шести архіепископовъ и трехъ епископовъ, а при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ было даже только двое простыхъ епископовъ, всѣ же остальные носили титулы митрополитовъ и архіепископовъ, хотя съ этими титулами не связывалось никакихъ церковно-правительственныхъ правъ. При митрополитѣ московскомъ и позднѣе при патріархѣ московскомъ состоялъ, въ качествѣ помощника, епископъ сарскій и подонскій, при патріархахъ переименовавшійся въ митрополита крутицкаго, который послѣ паденія сарайской орды, сталъ жить въ Москвѣ на Крутицахъ, не переставая, впрочемъ, управлять своею прежнею небольшею епархіею. Крутицкая епархія была упразднена уже въ нынѣшнемъ столѣтіи. На соборѣ 1667 г. предполагалось всѣмъ четыремъ митрополитамъ дать вспомогательныхъ архіереевъ, но предположеніе это не осуществилось. Что касается другихъ вспомогательныхъ органовъ епархіальнаго правительства, въ XVI и XVII в.в. дѣлались неоднократныя попытки поставить епархіальный строй въ бо̀льшее соотвѣтствіе съ канонами, сравнительно съ предшествующимъ временемъ.

Еще въ самомъ началѣ XVI вѣка ростовскій священникъ Георгій Скрипица въ своемъ „Написаніи о вдовствующихъ попѣхъ", по поводу радикальныхъ мѣръ церковнаго правительства, желавшаго поднять нравственность въ духовенствѣ воспрещеніемъ всѣмъ овдовѣвшимъ священникамъ и діаконамъ продолжать священнослуженіе, указывалъ, что источникъ зла не въ духовенствѣ, а въ томъ, что „господа священноначальницы назираютъ церковь по царскому сану земного царя—боярами, дворецкими, недѣльщиками, доводчиками, для своихъ прибытковъ, а не по достоинству святительскому", пасутъ церковь не „священни-

---

*) *Макарій*, VIII, 202—206; XI, 782 и сл.; *Амвросій*, Исторія россійск. іерархіи, I, 32; *Перовъ*, Епархіальныя учрежденія въ русской церкви въ XVI и XVII в.в., Рязань, 1882 г. См. также указанныя въ предыдущемъ §-ѣ сочиненія Неволина, Лохвицкаго, Горчакова и Каптерева.

ками благоразумными", а „мірскимъ воинствомъ". Дѣйствительно, и въ самомъ церковномъ правительствѣ обнаружилась реакція осуждаемому Скрипицей порядку.

На соборѣ 1551 г. было воспрещено какъ царскимъ боярамъ и дворецкимъ, такъ и митрополитскимъ, архіепископскимъ и епископскимъ служилымъ людямъ судить черное духовенство по какимъ бы то ни было дѣламъ, а духовенство бѣлое и мірянъ по дѣламъ духовнымъ. Тѣмъ же соборомъ воспрещено было епископамъ увольнять и принимать къ себѣ бояръ и дворецкихъ безъ царскаго вѣдома. Однако вмѣшательство свѣтскаго элемента въ ходъ епархіальнаго управленія не прекратилось, не смотря на позднѣйшія подтвердительныя воспрещенія этого вмѣшательства на соборахъ 1667 и 1675 г.г.

При патріархахъ съ начала XVII в., а вслѣдъ за патріархами и при другихъ архіереяхъ, появились приказы, какъ органы епархіальнаго правительства, въ соотвѣтствіе государственнымъ приказамъ. При патріархахъ существовали слѣдующіе приказы:

1) *Разрядъ*. Въ немъ засѣдали государевъ бояринъ и патріаршій бояринъ съ дьяками. Онъ вѣдалъ дѣла по замѣщенію высшихъ духовныхъ должностей и имѣлъ даже центральное значеніе для всей русской церкви, поскольку здѣсь же сосредоточивалось дѣлопроизводство по замѣщенію вакантныхъ архіерейскихъ каѳедръ. Въ разрядъ направлялись донесенія отъ мѣстныхъ органовъ патріаршей области или епархіи—десятильниковъ и намѣстниковъ—по дѣламъ, ввѣренныхъ ихъ завѣдыванію. Въ разрядѣ производился и судъ церковный во всей широтѣ его средневѣковой компетенціи. Соборъ 1667 г., принципіально стоявшій на точкѣ зрѣнія неподсудности духовныхъ дѣлъ и духовныхъ лицъ мірянамъ, постановилъ, чтобы духовныя дѣла и духовныя лица были судимы въ патріаршемъ домѣ духовнымъ судьей, архимандритомъ съ клевретами, т. е. съ подручными, духовнаго же званія лицами, такъ что приказный боярскій судъ долженъ былъ ограничиться недуховными дѣлами.

2) *Казенный приказъ*. Въ составъ его входили казначей и дьяки съ подъячими. Приказъ завѣдывалъ различнаго рода сборами съ церквей, съ монастырей, съ духовенства и съ мірянъ, давалъ наказы или инструкціи лицамъ, взимавшимъ эти сборы, назначалъ

этихъ лицъ или дѣлалъ распоряженія объ ихъ избраніи, а также требовалъ доставленія актовъ выбора поповскихъ старостъ и закащиковъ. Въ казенномъ же приказѣ сосредоточивались дѣла о ставленникахъ, такъ какъ, при опредѣленіи на духовныя должности, должна была выплачиваться ставленная пошлина.

3) *Дворцовый приказъ.* Во главѣ его стоялъ дворецкій, назначавшійся иногда патріархомъ, иногда царемъ изъ государевыхъ или изъ патріаршихъ бояръ; но въ этой должности бывали и чернецы. Приказъ управлялъ патріаршими недвижимыми имѣніями, раздавалъ патріаршія земли боярамъ и боярскимъ дѣтямъ въ помѣстья, собиралъ съ патріаршихъ крестьянъ подати, назначалъ администраторовъ (посельскихъ старцевъ и прикащиковъ) въ отдѣльныя волости. Дворецкій, равно какъ посельскіе старцы и прикащики, обладали и судебною властью по дѣламъ крестьянъ, населявшихъ патріаршія земли, и участвовали въ смѣсномъ судѣ по дѣламъ патріаршихъ крестьянъ съ посторонними. При дворцовомъ приказѣ состоялъ стряпчій, который долженъ былъ имѣть хожденіе по дѣламъ и бить челомъ въ свѣтскихъ приказахъ, охраняя интересы патріаршаго дома и оберегая патріаршихъ крестьянъ отъ волокиты и убытковъ. Но въ дворцовомъ же приказѣ велись иногда дѣла совершенно другаго рода, напр. сюда предписано было доставить подробную роспись требникамъ и служебникамъ, въ которыхъ, по распоряженію патріарха, было уничтожено неправильно вставленное въ чинопослѣдованіе освященія воды слово: „и огнемъ“, или сюда требовалось представленіе свѣдѣній о поведеніи лицъ, отправленныхъ для понесенія епитиміи въ монастырь. Черезъ дворецкаго боярина патріархъ дѣлалъ иногда распоряженія касательно церковнаго благочинія въ Москвѣ, т. е. входившія въ кругъ вѣдомства тіунской избы.

4) *Тіунская изба.* Учрежденіе это, состоявшее въ вѣдѣніи тіуна, патріаршаго боярскаго сына, наблюдало за церковнымъ благочиніемъ въ Москвѣ и при патріархѣ Іоакимѣ (1672—1690) переименовано было въ приказъ церковныхъ дѣлъ. Приказъ дѣлалъ распоряженія объ явкѣ духовенства на крестные ходы и слѣдилъ за поведеніемъ духовенства, въ особенности крестцоваго, чтобы оно не производило безпорядковъ и соблазна, а также не отправляло церковныхъ службъ, не явившись предварительно въ при-

казъ церковныхъ дѣлъ для полученія особыхъ церковныхъ грамотъ или знаменъ, дававшихъ право на отправленіе богослуженія въ Москвѣ, и для уплаты, при выправкѣ этихъ знаменъ, особыхъ крестцовыхъ пошлинъ. Приказу подчинены были московскіе поповскіе старосты, имѣвшіе каждый по сороку поповъ подъ своимъ наблюденіемъ.

Въ 1700 году указомъ Петра Великаго было предписано держать во всѣхъ патріаршихъ учрежденіяхъ бумагу подъ государевымъ гербомъ и брать эту бумагу изъ оружейной палаты, а по смерти патріарха Адріана повелѣно было все дѣлопроизводство совершать отъ имени царя.

Въ другихъ епархіяхъ московскаго государства при архіереяхъ существовали разрядъ и казенный приказъ. Въ юго-западныхъ русскихъ епархіяхъ, которыя составляли кіевскую митрополію, находившуюся въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха, епархіальная организація не уклонилась такъ далеко отъ византійскаго образца, какъ это случилось съ епархіями московскаго государства. Причину этого явленія нужно искать отчасти въ томъ, что юго-западная русская духовная іерархія не имѣла такихъ обширныхъ земельныхъ владѣній, такого многочисленнаго класса свѣтскихъ служилыхъ людей, наконецъ такого значенія въ литовско-польскомъ государствѣ, какими обладала духовная іерархія московскаго государства, отчасти въ томъ, что на юго-западную русскую церковь не могли не повліять непосредственное сосѣдство и близкое знакомство съ епархіальнымъ строемъ римско-католической церкви, который всегда былъ проникнутъ строго клерикальнымъ принципомъ. Хотя римско-католическіе епископы въ средніе вѣка были по общему правилу феодалами, но они не смѣшивали свѣтское управленіе съ церковнымъ. Вліяніе католицизма доказывается самыми названіями епархіальныхъ учрежденій юго-западной Руси, а также отдѣленіемъ въ юго-западныхъ епархіяхъ судныхъ дѣлъ отъ административныхъ, которое обычно было въ католическихъ діэцезахъ Европы. При юго-западныхъ архіереяхъ для административныхъ дѣлъ существовала *каѳедра*, состоявшая изъ членовъ каѳедральнаго духовенства и съ этой стороны имѣвшая сходство съ римско-католическимъ капитуломъ, а по своей природѣ напоминавшая римско-католическій генералъ-викаріатъ,—

для судныхъ дѣлъ существовала *капитула* или *консистора*, соотвѣтствовавшая римско-католической консисторіи или оффиціалату. Однако, съ другой стороны, особыя историческія обстоятельства, которыя переживала юго-западная Русь въ XVI и XVII в.в., вызвали и здѣсь участіе мірского элемента въ управленіи духовными дѣлами, только не въ видѣ чиновничьяго класса служилыхъ архіерейскихъ людей, а въ видѣ общецерковнаго христіанскаго участія въ дѣлахъ религіозныхъ. Непосредственное соприкосновеніе съ рѣзко обозначившимися въ западной Европѣ противоположными религіозными направленіями—католическимъ и протестантскимъ—и попытки со стороны того и другаго, особенно перваго изъ нихъ, къ распространенію въ юго-западной Руси на счетъ православія, при поддержкѣ неправославной королевской власти и при недостаткѣ твердости, обнаруженномъ высшею духовною іерархіею, вызвали всѣ общественныя силы православнаго населенія, начиная съ князей и кончая простолюдиномъ, на активную поддержку угрожаемаго православія. Князь Константинъ острожскій получилъ даже званіе и права патріаршаго экзарха. Участіе всѣхъ общественныхъ силъ въ дѣлахъ юго-западной русской церкви выразилось въ формѣ братствъ, т. е. такихъ религіозныхъ ассоціацій, которыя составлялись изъ лицъ всякаго званія и состоянія для служенія православной церкви. Нѣкоторыя братства (львовское и виленское) были признаны ставропигіальными, т. е. изъятыми изъ подчиненія епархіальнымъ архіереямъ и подчиненными непосредственно константинопольскому патріарху. Вообще же братства имѣли широкій кругъ дѣятельности: они не были частными только союзами, а составляли вліятельный членъ устройства юго-западной церкви. Они не только издавали церковныя и вообще православныя книги на свои средства, не только основывали госпитали, школы и типографіи, но и имѣли въ своемъ завѣдываніи и въ подчиненіи у себя церкви и монастыри, а львовскому ставропигіальному братству патріархъ константинопольскій предоставилъ даже право обличать и отлучать отъ церкви самихъ епископовъ.

§ 44. Епархіальная организація со времени Петра Великаго *). При Петрѣ Великомъ былъ упраздненъ титулъ митрополи-

*) Кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій Неволина, Розанова, Попова, см. *Знаменскій*, О приходскомъ духовенствѣ въ Россіи со времени реформы Петра; *Кедровъ*,

та, какъ отличіе для нѣкоторыхъ епископовъ, но вскорѣ былъ опять возстановленъ. Петръ же Великій указалъ всѣхъ архіереевъ, при рукоположеніи ихъ въ архіерейскій санъ, облачать въ саккосы, бывшіе раньше исключительною принадлежностью патріарховъ и митрополитовъ. Въ царствованіе Павла I началось пожалованіе архіереевъ и прочаго духовенства россійскими орденами. Въ это же царствованіе состоялся указъ о приведеніи епархіальныхъ границъ въ соотвѣтствіе съ границами губерній. Еще раньше въ 1764 г. епархіи были раздѣлены на три класса по размѣрамъ штатныхъ окладовъ, опредѣленныхъ для епархій изъ государственной казны послѣ секуляризаціи церковныхъ земель, причемъ имѣлось въ виду, что въ епархіи первыхъ двухъ классовъ должны опредѣляться архіепископы, а въ епархіи третьяго класса—епископы. Въ 1867 г. дѣленіе епархій на классы отмѣнено. При нѣкоторыхъ архіереяхъ въ XVIII в. явились помощники съ архіерейскимъ саномъ. Еще въ 1698 г. Петръ I дозволилъ кіевскому епископу избрать и посвятить себѣ епископа-коадъютора. Затѣмъ, по смерти Петра, верховный тайный совѣтъ желалъ назначить викаріевъ къ архіереямъ, состоящимъ членами духовнаго аппартамента св. синода, съ тѣмъ чтобы викаріи управляли епархіями, а сами синодальные члены не касались ихъ. Но синодъ отзывался на указы верховнаго тайнаго совѣта, что онъ не находитъ пригодныхъ къ тому лицъ. По екатерининскимъ штатамъ значатся два вспомогательные архіерея съ названіемъ викаріевъ: олонецкій (для вспоможенія новгородскому архіепископу) и сѣвскій (для вспоможенія московскому). Въ 1799 г. было уже четыре викарія (кромѣ упомянутыхъ двухъ еще въ епархіяхъ кіевской и казанской). Первые викаріи управляли выдѣленными для нихъ изъ соотвѣтствующихъ епархій частями или округами и имѣли свои архіерейскіе дома, или покрайней мѣрѣ особыя консисторіи. Въ нынѣшнемъ столѣтіи примѣры опредѣленія викаріевъ, какъ вспомогательныхъ архіереевъ при епархіальныхъ архіепископахъ, стали чаще, и выработалось даже правило, что викарный архіерей можетъ быть назначенъ въ каждую епархію, а въ нѣкоторыя даже

Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностью Петра Великаго; статьи *Т. Барсова*, О военномъ духовенствѣ, въ Христіанскомъ Чтеніи за 1892—1893 г.г.

нѣсколько викаріевъ, при наличности мѣстнаго источника для содержанія викарнаго архіерея, но уже безъ особо выдѣленныхъ округовъ для управленія, безъ особыхъ архіерейскихъ домовъ и безъ викарныхъ консисторій.—Другія вспомогательныя при епархіальныхъ архіереяхъ учрежденія въ XVIII и XIX в.в. подверглись важнымъ перемѣнамъ. Именно, въ соотвѣтствіе центральной коллегіи—св. синоду, стали и въ епархіяхъ появляться коллегіальныя учрежденія, вмѣсто прежнихъ приказовъ, называвшіяся то канцеляріями, то консисторіями. Въ 1744 году опредѣлено было духовно-правительственнымъ мѣстамъ всѣхъ епархій именоваться консисторіями. Такъ какъ къ этому времени бывшая патріаршая область, переименованная впослѣдствіи въ синодальную и состоявшая въ вѣдѣніи дикастеріи подъ высшимъ наблюденіемъ московской синодальной конторы, сдѣлалась обыкновенною русскою епархіей, а также прекратила свое существованіе и особая петербургская синодальная область, обнимавшая небольшую территорію „Ингерманланда“ и управлявшаяся св. синодомъ черезъ особое учрежденіе—тіунскую избу,—то съ 1744 г. во всѣхъ епархіяхъ долженъ былъ установиться однообразный порядокъ. Консисторіи составлялись первоначально изъ лицъ монашествующаго духовенства, съ 1768 года стали допускаться и лица бѣлаго духовенства. Въ 1797 г. Павелъ I предписалъ быть между присутствующими въ консисторіяхъ покрайней мѣрѣ половинѣ изъ бѣлаго священства, а въ нынѣшнемъ столѣтіи постепенно участіе монашествующихъ въ присутствіяхъ консисторій совершенно прекратилось. До 1808 г. епархіальныя консисторіи вѣдали и духовно-учебное дѣло. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія возбужденъ былъ вопросъ о необходимости учрежденія въ консисторіяхъ прокуроровъ. Оберъ-прокуроръ св. синода Яковлевъ представлялъ въ своемъ докладѣ государю, что „сужденіе епархіальныхъ архіереевъ въ консисторіяхъ неограниченно самовластно“, что „изъ всѣхъ странъ Россіи ему приходилось получать жалобы отъ притѣсненныхъ ими людей“, что вообще архіереи рѣшаютъ судьбы просителей „яко совершенно деспоты“, присвояютъ себѣ самодержавную власть подписью резолюціи: „быть по сему“, что они постригаютъ въ монашество ранѣе узаконенныхъ лѣтъ и т. п. и настаивалъ на необходимости учрежденія прокуратуры, зависимой только отъ синодальнаго оберъ-про-

курора, а не отъ архіерея. Эта мысль, однако, осталась неосуществленною, хотя докладъ оберъ-прокурора получилъ даже утвержденіе государя, потому что съ духовной стороны былъ представленъ государю контръ-докладъ, въ которомъ доказывалась непригодность подобной реформы съ церковной точки зрѣнія, такъ какъ она поставила бы архіерея въ зависимость отъ свѣтскихъ чиновниковъ и поколебала бы епископскую власть. Вмѣсто того, на основаніи учрежденія министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, оберъ-прокурору подчинены были секретари епархіальныхъ консисторій, которые раньше опредѣлялись и увольнялись исключительно по усмотрѣнію архіереевъ. Прокурорская функція, покрайней мѣрѣ въ теоріи, и соединилась съ должностію секретарей консисторіи.

Со времени Петра Великаго ведетъ начало обособленіе управленія военнымъ духовенствомъ въ Россіи отъ общаго епархіальнаго управленія. На основаніи устава воинскихъ артикуловъ, была учреждена должность оберъ-полеваго священника, а потомъ подобная же должность для флота въ лицѣ оберъ-іеромонаха флота. Однако, втеченіе XVIII в. обособленіе было не полное, ограничивавшееся лишь военнымъ временемъ, такъ какъ въ мирное время полковое духовенство должно было подлежать общему епархіальному управленію по мѣсту расположенія полковъ. Только въ 1800 г., съ учрежденіемъ должности оберъ-священника арміи и флота, повелѣно было ему вѣдать военное духовенство и въ мирное время. А въ слѣдующемъ 1801 г. ему было разъяснено, что онъ не долженъ представлять себя и дѣйствовать какъ глава независимаго вѣдомства, но долженъ состоять въ непремѣнной зависимости отъ св. синода, „яко главнаго мѣста, коего властію все духовенство въ имперіи объемлется и управляется“. Указомъ 28-го января 1816 г., кромѣ оберъ-священника арміи и флотовъ, была установлена должность оберъ-священника главнаго штаба, съ подчиненіемъ ему духовенства гвардейскихъ и гренадерскихъ полковъ и съ предоставленіемъ настоятельства въ зимнемъ дворцѣ. Въ 1840 г. была еще учреждена должность оберъ-священника отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Въ 1858 г. оберъ-священники были переименованы въ главныхъ священниковъ, причемъ главному священнику главнаго штаба подчинено было еще духовенство всѣхъ придвор-

ныхъ церквей. Въ 1883 г. завѣдываніе духовенствомъ гвардейскихъ и гренадерскихъ полковъ соединилось съ вѣдомствомъ главнаго священника арміи и флотовъ, вмѣстѣ съ чѣмъ званіе главнаго священника главнаго штаба было упразднено; настоятель же зимняго дворца и вмѣстѣ духовникъ Ихъ Величествъ остался главой придворнаго духовенства съ титуломъ протопресвитера. Наконецъ положеніемъ 12 іюня 1890 г. была упразднена должность главнаго священника кавказской арміи, а главный священникъ гвардіи, гренадеръ, арміи и флота переименованъ былъ въ протопресвитеры военнаго и морскаго духовенства.

В. Мѣстныя подраздѣленія епархіи.

§ 45. *Намѣстничества и десятины до XVI в.* *). Русскія епархіи должны были имѣть сходство не съ византійскими, а съ западно-католическими въ томъ отношеніи, что, по пространству своему, онѣ нуждались въ образованіи мѣстныхъ церковно-правительственныхъ инстанцій, посредствующихъ между епархіальнымъ правительствомъ и отдѣльными приходскими церквами. Намѣстники, въ отличіе отъ тѣхъ намѣстниковъ, которые могли состоять при самой каѳедрѣ епископа, въ мѣстѣ его резиденціи, въ качествѣ главныхъ его помощниковъ по администраціи и суду, получали въ свое завѣдываніе обширныя части епархіальной территоріи. Напр. московскій митрополитъ, пока онъ былъ вмѣстѣ и кіевскимъ, имѣлъ въ Кіевѣ своего намѣстника, владимірскій епископъ—въ Суздалѣ, новгородскій архіепископъ—въ Псковѣ и въ Двинской землѣ. Или напр. по лишеніи Новгорода и Пскова ихъ старинныхъ вольностей, оба эти города втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ управлялись намѣстниками митрополита московскаго. Десятильники, установленные первоначально, какъ думаютъ, для сбора десятины, пожертвованной князьями въ пользу епископовъ, весьма рано сдѣлались церковно-должностными органами въ мѣстныхъ округахъ не столь общирныхъ, какъ намѣстничества. Съ проникновеніемъ свѣтскаго служилаго элемента въ епархіальное управленіе

---

*) Назв. сочин. Неволина, Лохвицкаго, Дмитріева, Каптерева, Никитскаго, Перова; *Голубинскій*, Исторія русской церкви, I, 1, стр. 330—338; *Знаменскій*, Приходское духовенство на Руси (Прав. обозр. 1866, сент и окт.). См. также цѣнную брошюру „Церковное управленіе въ предѣлахъ уѣзда“, напечатанную въ 1890 г. въ с.-петербург. синод. типографіи.

сѣверо-восточныхъ епархій, сдѣлалось обычнымъ назначеніе на должности десятильниковъ архіерейскихъ служилыхъ людей, которые получали десятины въ кормленіе. Судя по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ изъ XVI и XVII в.в. нужно думать, что и въ древней Руси десятильники составляли мѣстную судебную и административную инстанцію. Одною изъ важнѣйшихъ вѣтвей администраціи былъ сборъ дани и пошлинъ съ духовенства.

Духовенство было тяглымъ сословіемъ относительно архіереевъ и называлось оффиціально „тяглыми попами". Оно уплачивало дань съ двора, съ церковной земли—пашенной, лѣсной и сѣнокосной, а также оброкъ съ разныхъ церковныхъ угодій (озера, рыбныя ловли, бортныя ухожья, бобровые гоны) и доходныхъ статей (мельницы и проч.). Кромѣ того оно платило разнообразныя пошлины: окладныя (подъѣздъ, т. е. сборъ на покрытіе издержекъ по содержанію архіерея и его свиты при обозрѣніи имъ епархіи, пошлины на покрытіе издержекъ по самому собиранію дани и оброка, пошлины десятильничи, доводчичи, заѣздчичи и проч., шедшія въ пользу десятильника и другихъ служебныхъ органовъ), и неокладныя (ставленныя—при посвященіи, патрахильныя и орарныя—съ вдовыхъ священниковъ и діаконовъ при исходатайствованіи ими себѣ права на священнодѣйствіе, не смотря на вдовство, переходныя и новичныя—при переходѣ изъ одной епархіи въ другую, или изъ одной церкви въ другую, великоденное яйцо и проч.). Даже и мірянами уплачивались въ архіерейскую казну разныя пошлины, напр. судныя (связывавшіяся съ производствомъ церковнаго суда), вѣнечныя (при выдачѣ вѣнечныхъ памятей, т. е. распоряженій о повѣнчаніи, притомъ въ разномъ размѣрѣ съ вступающихъ въ первый, второй или третій бракъ), похоронныя (при разрѣшеніи погребенія скоропостижно умершихъ), почеревныя (съ матерей незаконно прижитыхъ дѣтей).

Въ Псковѣ, который не смотря на свое важное политическое значеніе вольнаго города, не могъ добиться, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, учрежденія самостоятельной архіерейской каѳедры и находился въ церковномъ подчиненіи новгородскому владыкѣ, злоупотребленія десятильниковъ послѣдняго по сбору дани и пошлинъ повели къ выдѣленію финансовыхъ функцій изъ компетенціи десятильникокъ и къ возникновенію должности поповскихъ или соборскихъ старостъ. Псковское духовенство организовалось въ „соборы" или „купы", по сту священниковъ въ каждомъ соборѣ, и стало выбирать изъ своей среды поповскаго или соборскаго ста-

росту для раскладки дани и пошлинъ, слѣдовавшихъ къ поступленію въ казну новгородскаго владыки, между отдѣльными плательщиками и для наблюденія за правильнымъ ихъ взносомъ. А позднѣе къ этой дѣятельности поповскихъ старостъ присоединился еще надзоръ за духовенствомъ. Въ 1467 г. въ Псковѣ составлено было и еще болѣе радикальное рѣшеніе: монашествующіе и священники всѣхъ соборовъ, съ согласія вѣча, сдѣлавъ выписку изъ правилъ св. апостолокъ и св. отецъ относительно церковнаго управленія и суда, выбрали двухъ старостъ для управленія церковью независимо отъ новгородскаго архіепископа и сочиненную ими грамоту положили на храненіе въ ларь Троицкаго собора. Но, по требованію архіепископа, изъ Москвы были посланы въ Псковъ два боярина—великокняжескій и митрополитскій съ грамотой отъ митрополита, повелѣвающею разорвать сочиненный псковскимъ духовенствомъ документъ, что и было сдѣлано въ 1470 г. Однако, институтомъ поповскихъ старостъ воспользовались и въ Москвѣ.

§ 46. Организація мѣстныхъ подраздѣленій епархіи въ XVI и XVII в.в. *). По мысли московскаго собора 1551 г. (стоглаваго), въ десятинѣ, какъ мѣстномъ подраздѣленіи епархіи, должны были существовать: 1) архимандриты, игумены или городскіе соборные протопопы для высшаго духовнаго надзора, 2) десятильники изъ боярскихъ дѣтей для суда по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, входившимъ въ кругъ вѣдомства церковнаго, 3) заимствованные изъ псковской организаціи поповскіе старосты для сбора дани и пошлинъ съ духовенства, а также для наблюденія за сельскимъ духовенствомъ подъ высшимъ наблюденіемъ архимандритовъ или соборныхъ протопоповъ, 4) закащики для сбора вѣнечныхъ пошлинъ, въ связи съ наблюденіемъ за законностію браковъ. Соборъ упоминаетъ, кромѣ того, еще о соборныхъ священникахъ, добрыхъ и искусныхъ, которые должны быть, по распоряженію архіерея, посылаемы съ духовнымъ поученіемъ къ попамъ и дьяконамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ по городамъ и по селамъ. Изъ позднѣйшихъ историческихъ свидѣтельствъ усматривается, что опредѣленія стоглаваго собора относительно отстраненія десятильниковъ отъ духовныхъ дѣлъ и отъ финансовой адми-

*) Назв. сочин. Лохвицкаго, Дмитріева, Неволина, Каптерева, Перова.

нистраціи не были приведены въ исполненіе. Противъ злоупотребленій десятильниковъ слышались жалобы и принимались мѣры на соборахъ XVII в. Но и эти даже соборы, не скрывая отъ себя, что „отъ десятильниковъ объявилось всякое безчиніе къ священному чину, налоги, обругательства и убытки", находили нужнымъ, въ видѣ особо-чувствительной репрессивной мѣры, посылать десятильниковъ къ „непослушникамъ и непокорникамъ", т. е. къ неисправнымъ плательщикамъ, какъ это сдѣлалъ соборъ 1675 г. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (какъ напр. въ Устюгѣ) архіерей поручалъ сборъ дани выборному поповскому старостѣ вмѣстѣ съ боярскимъ сыномъ. Злоупотребленія свѣтскихъ десятильниковъ и жалобы противъ нихъ прекратились лишь тогда, когда уничтоженъ былъ самый классъ архіерейскихъ служилыхъ людей въ началѣ XVIII в. Центромъ десятины, какъ церковнаго округа, былъ десятильничъ дворъ, гдѣ должны были производиться розыски по всякаго рода дѣламъ, входившимъ въ кругъ церковной компетенціи, и храниться копіи со всѣхъ подлинныхъ дѣлъ, сказокъ и розысковъ, производившихся въ десятинѣ и препровожденныхъ въ архіерейскій разрядъ; сюда же собиралось все духовенство десятины для выслушанія какихъ либо общихъ распоряженій. Что касается духовныхъ органовъ десятины, то обыкновенно во главѣ десятины стояли архимандриты или же соборные протопопы. Послѣдніе, вмѣстѣ съ прочимъ соборнымъ духовенствомъ, пользовались еще правомъ освященія церквей въ томъ смыслѣ, что безъ участія соборянъ освященіе новой церкви не могло состояться, и самое архіерейское благословеніе на построеніе церкви получалось черезъ соборнаго протопопа. Выдача вѣнечныхъ памятей также не обходилась безъ участія соборянъ. Затѣмъ отношеніе между протопопами и архимандритами съ одной стороны и между поповскими старостами и закащиками съ другой и самая терминологія представляются весьма неустойчивыми. Нормальный порядокъ, повидимому, состоялъ въ томъ, что архимандритъ или соборный протопопъ, со второй половины XVII в. обыкновенно архимандритъ, имѣлъ подчиненнаго себѣ, выбраннаго духовенствомъ, поповскаго старосту и нѣсколько закащиковъ или десятскихъ для дальнихъ отъ города мѣстъ; но иногда само, стоящее во главѣ десятины, духовное лицо называлось поповскимъ старостой, или даже десятина называлась за-

казомъ. Тому, кто стоялъ во главѣ десятины, принадлежало полномочіе „игуменовъ и служителей, черныхъ и бѣлыхъ поповъ, дьяконовъ, церковныхъ причетниковъ и всякихъ чиновъ людей во всякихъ духовныхъ дѣлахъ вѣдать и судить и расправу чинить“, а также право, въ случаѣ надобности, „смирять жестокимъ смиреніемъ“. На закащика въ частности соборомъ 1667 г. была возложена обязанность являться въ съѣзжую избу для допроса арестуемыхъ за преступленія духовныхъ лицъ, такъ какъ сыщикамъ воспрещено было допрашивать людей духовнаго чина безъ закащиковъ. Въ XVIII в. изъ этой спеціальной функціи закащиковъ выработалась должность депутатовъ отъ духовнаго вѣдомства по уголовнымъ дѣламъ духовныхъ лицъ.

Въ юго-западныхъ русскихъ епархіяхъ, строй которыхъ не подвергся такому вторженію со стороны мірскаго служилаго элемента, какъ въ московскомъ государствѣ, мѣстные округа, на которые онѣ распадались, состояли подъ управленіемъ протопоповъ.

*§ 47. Организація мѣстныхъ подраздѣленій епархіи съ XVIII вѣка *).* Примѣнительио къ центральной коллегіи—св. синоду и къ епархіальнымъ коллегіямъ—консисторіямъ, древне-русскіе „десятильничи дворы“ также сдѣлались коллегіальными учрежденіями. Возлѣ древне-русскаго десятильника, ставшаго обязательно духовнымъ лицомъ и получившаго съ начала XVIII в. названіе „духовныхъ дѣлъ управителя“, явились товарищи изъ священниковъ и дьяконовъ. Изъ этихъ лицъ и составилось коллегіальное учрежденіе, подъ названіемъ „*духовнаго правленія*“. Кругъ вѣдомства этихъ коллегій могъ быть весьма обширенъ, напр. въ нѣкоторыхъ мѣтахъ онѣ опредѣляли на должности причетниковъ и просвирницъ, а что касается судебной компетенціи, то въ указѣ св. синода отъ 4 сентября 1722 г. было выражено, что всѣ вообще судныя дѣла должны двигаться не иначе, какъ въ порядкѣ установленныхъ инстанцій и не прежде поступать въ высшую, какъ по разсмотнѣніи ихъ въ низшей, причемъ въ качествѣ таковой низшей инстанціи признаны духовныхъ дѣлъ управители. Но такъ какъ духовныя правленія не были включены въ штаты 1764 г., то

---

*) *Розановъ*, н. с. *Знаменскій*, О приходскомъ духовенствѣ въ Россіи со времени реформы Петра; *Семевскій*, Сельскій священникъ во 2-й полов. XVIII в. (Русск. Старина, 1877, авг.).

положеніе ихъ сдѣлалось непрочнымъ, да и компетенція ихъ оказывалась весьма неопредѣленною, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они обладали почти такими же полномочіями, какъ консисторіи, въ другихъ напротивъ, ограничивались ролью передаточныхъ учрежденій для разсылки консисторскихъ указовъ и распоряженій по приходамъ. По этимъ причинамъ, духовныя правленія стали постепенно упраздняться и въ настоящее время сохранились лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ видѣ рѣдкаго исключенія. Послѣ уничтоженія императрицей Екатериной II тяглыхъ отношеній духовенства къ архіереямъ и послѣ отмѣны всякихъ даней и пошлинъ, уплачивавшихся духовенствомъ и міpянами въ архіерейскую казну (въ 1764 г.), самъ собою прекратился институтъ поповскихъ старостъ. Для надзора Петръ Великій имѣлъ въ виду учредить по всѣмъ городамъ заказчиковъ или нарочитыхъ благочинныхъ, которые бы, „аки духовные фискалы, все надсматривали и епископу доносили". Въ этомъ видѣ идея надзора, централизованнаго въ городахъ для цѣлаго городскаго уѣзда, не осуществилась практически, хотя въ нѣкоторыхъ епархіяхъ архіереями были сдѣланы попытки учредить всеуѣздный органъ надзора, наблюдающій даже надъ самими духовными правленіями, а не только надъ поповскими старостами, пока эти существовали, и надъ закащиками. Съ упраздненіемъ института поповскихъ старостъ, заказчики, то подъ этимъ названіемъ, то подъ именемъ благочинія надзирателей, благочинныхъ людей, превратились въ нынѣшнихъ благочинныхъ, имѣющихъ въ своемъ наблюденіи 10—30 приходовъ и, по закрытіи духовныхъ правленій, поставленныхъ въ непосредственныя отношенія къ консисторіямъ.

Г. Приходская организація.

§ 48. Церковные приходы до XVIII-го вѣка *). При отсутствіи достаточныхъ свѣдѣній о приходской жизни до XVI вѣка,

---

*) *Митр. Евгеній*, Исторія княжества псковскаго, ч. 2 въ прилож.; *Знаменскій*, Приходское духовенство на Руси (Правосл. Обозр. 1866, сент. и окт.); *Никитскій*, оба вышеназванныя сочиненія; *Голубинскій*, Исторія церкви, I, 1, стр. 377 и слѣд. Русск. Вѣстникъ 1891 г. апр. „О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи"; Русск. Историч. Библіот. т. XII, предисл.; *Суворовъ*, Монастыри и церкви, какъ юридическія лица (Журн. Юридич. общ. 1896). Для сравненія съ западно-европейскимъ строемъ приходовъ см. *Prévost*, L'église et les campagnes au moyen âge.

нѣтъ возможности возстановить древне-русскій приходскій строй въ первые вѣка существованія христіанства въ Россіи и въ частности прослѣдить процессъ того постепеннаго развитія, благодаря которому наши предки, руководясь не византійскимъ каноническимъ правомъ, не знавшимъ церковно-общественнаго устройства прихода, а потребностями практической жизни, выработали себѣ извѣстныя начала относительно таковаго устройства. Въ этомъ отношеніи русская жизнь опять должна была представлять сходство не съ византійскимъ, а съ западно-европейскимъ складомъ приходовъ. Не смотря на принципіальное исключеніе западнымъ каноническимъ правомъ мірянъ отъ активнаго участія въ дѣлахъ церковныхъ, область церковно-имущественная, особенно во Франціи, весьма рано была открыта для мірянъ—членовъ прихода.

Уже въ IX в. архіепископъ Гинкмаръ реймскій говоритъ о мірянахъ, облеченныхъ функціями современныхъ французскихъ marguilliers и членовъ совѣта фабрики. Въ XIII и XIV в.в. приходская организація во Франціи представляется уже вполнѣ развитою: члены совѣта избирались то священникомъ, то самими прихожанами, а болѣе важныя дѣла могли быть рѣшаемы и приводимы въ исполненіе не иначе, какъ по общемъ обсужденіи ихъ всѣми прихожанами послѣ мессы. Делегаты отъ епархіальной власти путешествовали каждый годъ изъ деревни въ деревню, чтобы предсѣдательствовать при сдачѣ отчетовъ приходскими администраторами, но, въ виду злоупотребленій и неудобствъ, обнаружившихся при этой системѣ контролированія, установлено было, чтобы прихожане избирали еще особыхъ прокураторовъ для присутствованія при выслушаніи отчетовъ. Совѣты фабрики существовали въ каждой деревенской церкви, и въ кругъ вѣдомства ихъ могло входить, кромѣ завѣдыванія имуществомъ, предназначавшимся на церковное строеніе (fabrica), назначеніе администраторовъ въ приходскіе страннопріимные и богадѣленные дома.

Относительно русскихъ сельскихъ приходовъ извѣстно, что древняя Русь знала оригинальную форму монастырей—приходовъ, которые съ одной стороны представляли собою монастырскую общину, сгруппировавшуюся около церкви, а съ другой служили приходскою церковью для прихожанъ. Процессъ образованія такихъ монастырей—приходовъ могъ быть двоякій: или лица, желавшія монашеской жизни и въ тоже время нуждавшіяся въ храмахъ, селились въ церковныхъ оградахъ, основывая монашескія слободки, или, наоборотъ, возлѣ основавшагося монастыря могли занять

свободныя земли крестьяне, съ тѣмъ чтобы пользоваться монастырскимъ храмомъ для удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей. Въ послѣднемъ случаѣ прихожане не могли приписывать себѣ право какого-либо вмѣшательства въ монастырское управленіе; но въ первомъ случаѣ, равно какъ вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда церковь была „строеніемъ мірскимъ", прихожане вѣроятно очень рано стали смотрѣть на храмъ, какъ на общественную собственность, и на церковное хозяйство, какъ на общественное хозяйство. Храмы притомъ устраивались не только по обдуманному заранѣе плану и на собранныя заранѣе денежныя средства, съ благословенія епископа, но и въ видѣ такъ называемыхъ „обыденныхъ церквей", которыя сооружались въ одинъ день, въ силу внезапно составившагося рѣшенія, по случаю голода, моровой язвы и другихъ народныхъ бѣдствій. Храмы могли устраиваться не только общинами, но и отдѣльными лицами. Существованіе новоустроенныхъ храмовъ, какъ обыденныхъ, такъ и всѣхъ вообще, зависѣло вполнѣ отъ усердія устроителей и не могло быть прочнымъ, такъ какъ, при отсутствіи епархіальнаго контроля, отдѣльныя лица или крестьяне, которые притомъ же вели не осѣдлую жизнь, могли устраивать храмы сверхъ потребности или могли „разбрестись розно", оставивъ на произволъ судьбы и землю, которую они занимали, и храмы, ими устроенные. Въ половинѣ XVI в. стоглавый соборъ напомнилъ епископамъ, чтобы они не давали мірскимъ людямъ ставить новыя церкви, съ оставленіемъ въ пренебреженіи прежнихъ, ибо, говоритъ соборъ, „не ради Бога созидаютъ церкви, но тщеславія ради и гордости, или бывъ смущены лживыми сновидѣніями и бѣсовскимъ навожденіемъ", а между тѣмъ оказываются не въ состояніи снабдить новоустроенную церковь потребною утварью и книгами и обезпечить содержаніе священника съ причтомъ, вслѣдствіе чего выстроенныя церкви „въ малѣ времени оскудѣваютъ и пусты стоятъ".—Что касается *городовъ*, то, насколько можно судить по примѣру Новгорода, Пскова и позднѣе Устюга, городъ, какъ политическая единица, устроивалъ храмы и хозяйствовалъ во всемъ церковномъ имуществѣ, выдавая лишь духовенству, при храмахъ состоящему, условленную ругу (денежную и натуральную) на содержаніе его.

Таковымъ представляется отношеніе новгородцевъ, въ лицѣ изби-

раемыхъ ими администраторовъ, къ церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ въ одномъ изъ древнихъ документовъ, извѣстномъ подъ именемъ грамоты Новгородскаго князя Всеволода въ пользу названной церкви. Главная церковь новгородскаго торговаго рынка на Петрятинѣ дворищѣ обезпечена въ своемъ существованіи доходомъ съ взвѣшиванія товаровъ, и церковное хозяйство предоставлено въ завѣдываніе выборной городской администраціи, въ которую входили три представителя отъ житьихъ людей, отъ черныхъ тысяцкій и двое изъ купечества. Относительно Пскова съ особенною ясностію удостовѣрено историческими свидѣтельствами хозяйничаніе псковичей—посадскихъ людей надъ храмами и надъ всякимъ церковнымъ имуществомъ, какъ непосредственно, такъ и черезъ церковныхъ старостъ, которые избирались не прихожанами изъ среды прихожанъ, а посадскими людьми изъ своей среды. Тѣ явленія, на которыя псковскіе епископы (епархія въ Псковѣ была учреждена при учрежденіи патріаршества въ 1589 году) жаловались въ XVII и даже XVIII в.в., должны были имѣть для себя корни въ глубокой древности. Еще митрополитъ Фотій въ 1427 г. обличалъ псковичей за то, что у нихъ клятвопреступники и самовольно разступившіеся съ законными женами и потомъ вступавшіе въ новый бракъ, „въ церквахъ старостятъ и на властѣхъ сидятъ и судятъ", откуда видно, что церковные старосты были вмѣстѣ съ тѣмъ лицами, власть имѣющими въ городѣ. Изъ XVI и XVII в.в. имѣются уже болѣе многочисленные и опредѣленные свѣдѣнія.

Въ частности, нужно различать отношеніе горожанъ или прихожанъ къ церковному имуществу, къ приходскому духовенству и къ приходской общественной дисциплинѣ. Общества, иждивеніемъ которыхъ устраивались и поддерживались храмы, смотрѣли на эти послѣдніе съ той же точки зрѣнія, какъ и частныя лица, устраивавшіе храмы, т. е. съ точки зрѣнія частной собственности, имѣющей религіозное назначеніе. Они принимали мѣры къ снабженію церквей необходимою утварью и книгами, они же считали своимъ правомъ и долгомъ заботиться о цѣлости и сохранности всего церковнаго имущества, выбирая для этой цѣли пономарей и церковныхъ старостъ. Послѣдніе, какъ видно изъ устюжскихъ актовъ второй половины XVII в. вели все церковное хозяйство подъ отчетностію міру, избиравшему ихъ на извѣстный срокъ, собирали, хранили и расходовали денежную, хлѣбную и сѣнную казну, отдавали земли церковныя въ обработку изъ полу или на другихъ условіяхъ, раздавали свободныя церковныя деньги заемщикамъ подъ кабалы и безкабально, подъ заклады и безъ закладовъ

и т. п. Такъ какъ многія церкви находились въ собственности не общинъ, а отдѣльныхъ лицъ, между прочимъ и духовныхъ, которыя или сами выстроили ихъ своимъ иждивеніемъ, или получили по наслѣдству, и такъ какъ собственники дѣлали ихъ предметомъ гражданскаго оборота, то московскій соборъ 1667 г. запретилъ „кормчествовать и продавать св. церкви“, давъ совѣтъ прихожанамъ каждой церкви *выкупить* продаваемыя св. церкви и церковныя мѣста. Въ тоже время въ городахъ (со всею ясностію засвидѣтельствовано это относительно Пскова и Устюга) городское управленіе черезъ избранныхъ не прихожанами отдѣльныхъ приходовъ, а городскимъ населеніемъ, администраторовъ дѣйствовало по отношенію къ городскимъ храмамъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ сельскихъ общинахъ дѣйствовалъ міръ черезъ своихъ старостъ по отношенію къ церковно-приходскому хозяйству.

Въ концѣ XVIII в. псковскій митрополитъ Маркеллъ жаловался на то, что въ Псковѣ и его пригородахъ съ уѣздами архіереи надъ церквами воли не имѣютъ, а по древнему обыкновенію владѣютъ церквами мужики, что церкви всѣ надѣлены вотчинами, и этими вотчинами владѣютъ и корыстуются сами мужики, настолько непослушные архіерею, что если архіерей посылаетъ имъ указъ, они его не слушаютъ и безчестятъ, и многая церковная казна пропадаетъ за ними отъ давнихъ лѣтъ.

Вообще только во второй половинѣ XVII в. начинаются попытки епархіальныхъ архіереевъ установить епархіальный контроль надъ веденіемъ церковнаго хозяйства горожанами и прихожанами. Но съ другой стороны, и сами архіереи, не довольствуясь контролемъ, желали смотрѣть на городскія церковныя вотчины, какъ на собственность архіерейскихъ домовъ,—отсюда тяжебныя дѣла между горожанами и архіереями.

Отношеніе горожанъ и прихожанъ къ духовенству представляется въ такихъ формахъ, которыя граничили съ отсутствіемъ всякаго церковнаго порядка. Стоглавый соборъ призналъ за прихожанами право выбора духовенства, опредѣливъ, что „по всѣмъ святымъ церквамъ, въ митрополіи, въ архіепископіяхъ и епископіяхъ, избираютъ прихожане священниковъ и діаконовъ и діаковъ искусныхъ и грамотѣ гораздыхъ и житіемъ непорочныхъ“, оговоривъ лишь, чтобы избраніе совершалось безъ всякаго подкупа и взятокъ. Но въ дѣйствительности прихожане и горожане не толь-

ко избирали, а и увольняли духовенство. Дѣлалось это такимъ образомъ, что, вмѣсто наличнаго священника или инаго члена причта, прихожане или горожане принимали къ себѣ на службу другое лицо, какъ скоро имѣли какое либо основаніе предпочитать послѣднее первому. Благодаря этому праву увольненія наличныхъ членовъ причта съ замѣной ихъ другими, отношеніе прихожанъ или горожанъ къ причту получило видъ найма. Священникъ и другіе члены причта заключали съ прихожанами договоръ, облекавшійся въ форму порядной записи и обязывавшій одну сторону совершать втеченіе извѣстнаго времени богослуженіе и церковныя требы, а другую къ доставленію условленной руги, т. е. средствъ къ существованію (обыкновенно натурой). Наймоподобныя отношенія къ духовенству и въ тоже время отсутствіе въ древней Руси какихъ либо нормальныхъ штатовъ, которымъ бы опредѣлялся личный составъ причта, и который бы не дозволялъ архіереямъ посвящать духовныхъ лицъ къ приходамъ сверхъ надобности, имѣли своимъ послѣдствіемъ образованіе на Руси обширнаго класса „волочащихся поповъ", бродячаго безмѣстнаго духовенства, которое, бывъ разъ посвящено въ духовный санъ и получивъ способность совершать церковныя дѣйствія, странствовало по русской землѣ, то отставляемое своими прихожанами, то по собственной инціативѣ ищущее болѣе питательныхъ мѣстъ.

Тотъ же митрополитъ псковскій Маркелъ, который жаловался на псковскихъ мужиковъ, владѣющихъ церквами, говорилъ, кромѣ того, что эти мужики „корчемствуютъ церквами, на всякій годъ сговариваются съ священниками на дешевую ругу, кто меньше руги возьметъ,—хотя бы которые попы пьяницы и безчинники, тѣхъ принимаютъ, а добрымъ священникамъ отказываютъ". Масса безмѣстнаго духовенства увеличивалась еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что, при отсутствіи въ древней Руси какихъ либо мѣръ по собиранію епархіальнымъ правительствомъ церковно-статистическихъ свѣдѣній, нерѣдко практиковалось намѣренное введеніе епархіальныхъ архіереевъ въ обманъ: просители, заручившіеся голосами нѣсколькихъ прихожанъ въ свою пользу, заявляли архіерею, что въ данномъ приходѣ нѣтъ священника, архіерей посвящалъ просителя, а послѣ оказывалось, что священникъ въ томъ приходѣ есть. Безмѣстное духовенство стремилось въ большіе города, всего чаще въ Москву, потому что въ столичномъ городѣ ему легче было найдти возможность приложить свою духовную способность къ практикѣ и извлечь отсюда для себя средства

къ жизни. Такъ какъ въ Москвѣ оно становилось на крестцахъ (перекресткахъ, какъ болѣе бойкихъ мѣстахъ) близъ церкви Василія Блаженнаго и въ другихъ мѣстахъ (крестцы ильинскій, спасскій, варварскій и никольскій), то безмѣстное духовенство, проживавшее въ Москвѣ, получило названіе крестцоваго. Его не нужно смѣшивать съ крестовымъ духовенствомъ, т. е. домовымъ у знатныхъ и богатыхъ лицъ, которыя устраивали въ своихъ домахъ крестовыя палаты съ иконостасомъ, для совершенія всѣхъ церковныхъ службъ, кромѣ литургіи, а часто имѣли и домашнія церкви. Безмѣстные священнослужители, чтобы получить право на практику въ Москвѣ, должны были предварительно заявиться тіуну (боярскому сыну) въ тіунской избѣ, впослѣдствіи въ приказѣ церковныхъ дѣлъ, получить уполномочивающую на священнослуженіе крестцовую грамоту и уплатить установленную крестцовую пошлину. За поведеніемъ этого духовенства должны были наблюдать старосты поповскіе съ подручными имъ десятскими. Надзоръ, однако, мало приносилъ пользы, и безмѣстное духовенство своимъ неблагочиннымъ поведеніемъ весьма долго служило предметомъ заботъ и опасеній для правительства.

Въ отношеніи къ приходской общественной дисциплинѣ, прихожане дѣйствовали настолько самостоятельно, насколько общинамъ принадлежали право и обязанность дѣйствовать противъ всякихъ „лихихъ людей“. Устанавливая своими приговорами обязанности гражданскаго и политическаго характера для своихъ членовъ, общины налагали на нихъ вмѣстѣ и религіозно-нравственныя обязанности: ходить въ церковь, соблюдать посты, въ праздники не работать, не сквернословить, жить въ мирѣ и любви, не заводить пьянства и разврата, подвергая виновныхъ въ нарушеніи мірскаго приговора штрафу въ пользу церковнаго строенія и даже въ среду свою принимая новыхъ членовъ не иначе, какъ за поручительствомъ извѣстныхъ общинѣ лицъ въ религіозно-нравственной добропорядочности новыхъ членовъ.

На московскомъ соборѣ 1667 года была впервые высказана мысль о необходимости веденія приходскимъ духовенствомъ четырехъ приходскихъ книгъ: 1) для записи крещенія и воспріемничества, 2) для записи вѣнчанія, 3) для записи всѣхъ наличныхъ живыхъ прихожанъ съ цѣлію возношенія ихъ именъ на богослуженіи и 4) для записи умершихъ съ цѣлію поминанія ихъ по чину церковному. Соборъ исключительно исходилъ изъ церковныхъ точекъ зрѣнія, не имѣя еще въ виду, что эти книги могутъ служить какимъ нибудь гражданскимъ цѣлямъ.

Въ западной Европѣ правильная запись крещеній и проч. установилась гораздо ранѣе, но первоначально также только для церковныхъ цѣлей. Записи крещеній вошли въ употребленіе, какъ способъ предотвратить заключеніе браковъ въ близкихъ степеняхъ родства. Древнѣйшій документъ по этому предмету есть статутъ епископа нантскаго 1406 г., напоминающій священникамъ ихъ обязанность вносить крещенія, ими совершаемыя, въ особые реэстры, съ отмѣткой именъ воспріемниковъ и воспріемницъ, причемъ священникамъ предписывается ежегодно представлять эти реэстры епископу или его делегату при визитаціи прихода. Древнѣйшія записи браковъ и погребеній восходятъ къ 1378 г., и, повидимому, первоначальный мотивъ ихъ появленія былъ тотъ, чтобы регулировать вознагражденіе духовенства за его церковное содѣйствіе при заключеніи брака и при погребеніи, вслѣдствіе чего первоначально записывались не всѣ случаи браковъ и погребеній, а только тѣ, въ которыхъ для приходскаго священника оставался неяснымъ вопросъ о вознагражденіи. Записи эти постепенно обобщились и оказались полезными не только для священниковъ, но для всѣхъ вообще. Во Франціи въ 1539 г. уже по королевскимъ законамъ записи крещеній должны были служить доказательствомъ возраста. А въ 1563 году тридентскій соборъ возложилъ на всѣхъ католическихъ священниковъ обязанность вести правильные реэстры крещеній съ именами крещаемыхъ и воспріемниковъ, также брачные реэстры. Королевскимъ ордонансомъ 1579 г. во Франціи установлена обязанность приходскаго духовенства вести реэстры крещеній, браковъ и погребеній и представлять ежегодно всѣ записи въ королевскія регистратуры (greffes royaux), гдѣ священникъ долженъ былъ оффиціально подтвердить, что запись вѣрна. Такія записи должны были служить гражданскимъ цѣлямъ удостовѣренія законности рожденія и брака, правъ состоянія и правъ наслѣдованія.

*§ 49. Измѣненія, происшедшія въ церковной организаціи съ XVIII вѣка *).* Въ XVIII в. было упразднено существовавшее ранѣе различіе между церквами приходскими въ собственномъ смыслѣ, хозяйство которыхъ вѣдалось прихожанами черезъ избираемыхъ ими церковныхъ старостъ, и между городскими ружными, хозяйство которыхъ вѣдалось городомъ черезъ выборныхъ отъ горожанъ; впрочемъ, въ видѣ исключенія, такія ружныя церкви сохранились и донынѣ. Въ 1733 г. окончилось сложное дѣло между псков-

*) *Знаменскій*, О приходскомъ духовенствѣ въ Россіи со времени Петра; *Розановъ*, Исторія московскаго епархіальнаго управленія; *Кедровъ*, Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностью Петра Великаго; *Суворовъ*, Монастыри и церкви, какъ юридическія лица (Журн. Юрид. общ. 1896, іюнь).

скими посадскими людьми съ одной стороны, которые, владѣя церковнымъ имуществомъ, не считали нужнымъ подчиняться какимъ бы то ни было контролю и отчетности и принимали дьячковъ и пономарей къ церквамъ безъ воли архіерейской, и между псковскимъ архіерейскимъ домомъ съ другой, который присвоялъ себѣ собственность надъ церковными вотчинами. Спорное дѣло рѣшено такимъ образомъ, что на будущее время прихожане каждой церкви выбираютъ себѣ старосту и черезъ него ведутъ церковное хозяйство. Можно думать, что въ городахъ должность приходскаго церковнаго старосты, какъ избраннаго приходомъ, еще въ началѣ XVIII в. была не совсѣмъ обычнымъ явленіемъ. Это доказывается примѣромъ Москвы. Въ 1705 г. митрополитъ Стефанъ Яворскій предписалъ священникамъ московскихъ церквей выбирать, всякому къ своей церкви, добрыхъ и пожиточныхъ людей въ старосты церковные, для веденія приходо-расходныхъ книгъ и для расходованія церковныхъ денегъ съ воли и совѣту приходскихъ священниковъ. Въ 1718 и 1721 г.г. были изданы указы Петра Великаго о выборѣ прихожанами каждой церкви церковныхъ старостъ, для попеченія о церковномъ имѣніи и въ особенности для продажи свѣчъ въ пользу церкви. Въ 1736 г. состоялся новый указъ по тому же предмету, но и послѣ этого указа старосты церковные далеко не вдругъ и не вездѣ явились. Въ 1743 году, когда отъ московскихъ поповскихъ старостъ затребованы были свѣдѣнія о церковныхъ старостахъ, оказалось, что во всей Москвѣ только при пяти церквахъ имѣлись старосты церковные, прочихъ же церквей священнослужители отозвались, что старостъ церковныхъ не имѣютъ или по малоприходству, или потому, что не изъ кого выбрать, и что деньги на церковное строеніе собираются въ церквахъ церковниками и считаются, въ рѣдкихъ впрочемъ случаяхъ, прихожанами. По этому случаю вновь подтверждено избирать церковныхъ старостъ въ приходскія церкви непремѣнно по указамъ. Въ 1808 г. для старостъ издана была инструкція, которая была вновь пересмотрѣна и исправлена въ 1890 г. Пересмотрѣнною инструкціей 1890 г. введены въ приходскую организацію еще два представителя отъ прихожанъ, особо избираемые послѣдними на каждый годъ для присутствованія при освидѣтельствованіи денежной наличности и для провѣрки правильности произведенныхъ расходовъ.

Въ отношеніяхъ прихожанъ къ приходскому духовенству съ XVIII в. послѣдовательно происходили весьма важныя перемѣны. Духовнымъ регламентомъ Петра Великаго было строго воспрещено архіереямъ ставить священниковъ и дьяконовъ „сверхъ потребы“, въ виду того, что поставленные сверхъ потребы по необходимости „волочатся сѣмо и овамо“ въ поискахъ за болѣе или менѣе питательнымъ мѣстомъ. Въ тоже время приняты были энергическія мѣры противъ крестцоваго духовенства, скопленіе котораго, однако, на московскихъ крестцахъ окончательно уничтожено было лишь въ нынѣшнемъ столѣтіи. Потребная норма для личнаго состава причтовъ была установлена приходскими штатами. Въ силу указа Петра Великаго отъ 1722 г. положено быть: на 100—150 дворовъ одному священнику, на 200—250 дворовъ двумъ, на 300 и болѣе дворовъ, въ случаѣ надобности, тремъ священникамъ; болѣе двухъ дьяконовъ вообще воспрещено опредѣлять къ какимъ бы то ни было приходамъ; причетниковъ положено имѣть по пропорціи, на каждаго священника по два человѣка—по одному дьячку и по одному пономарю. Эти штаты при императрицѣ Екатеринѣ II были нѣсколько измѣнены. Позднѣе, примѣнительно къ дѣленію епархій и монастырей на классы, всѣ приходы раздѣлены были на семь классовъ. Дѣленіе это однако не удержалось. Въ 1862 г., въ связи съ только что состоявшеюся крестьянскою освободительною реформою, было учреждено главное присутствіе по дѣламъ православнаго духовенства съ цѣлію улучшенія матеріальнаго положенія этого послѣдняго. Видя въ сокращеніи числа приходовъ и въ умаленіи личнаго состава причтовъ наиболѣе цѣлесообразное средство къ улучшенію быта духовенства, главное присутствіе упразднило массу приходовъ, присоединивъ церкви упраздненныхъ приходовъ къ другимъ и нормальный личный составъ каждой приходской церкви опредѣливъ (законъ 16-го апрѣля 1869 г.) такимъ образомъ: при каждой церкви долженъ состоять одинъ священникъ, въ качествѣ настоятеля, и одинъ причетникъ въ званіи псаломщика; при тѣхъ церквахъ, гдѣ, по многочисленности приходскаго населенія, или по значительному числу приходскихъ деревень и отдаленности ихъ отъ церкви, удовлетвореніе всѣхъ духовныхъ потребностей прихожанъ для одного настоятеля было бы затруднительнымъ, назначаются въ помощь ему

младшіе священники, съ званіемъ помощниковъ настоятеля, и въ такомъ случаѣ къ церкви опредѣляется второй штатный псаломщикъ; затѣмъ дозволено опредѣлять къ церквамъ нештатныхъ дьяконовъ, какъ скоро прихожане назначили бы отъ себя достаточныя средства на обезпеченіе содержанія дьякона; дозволено также, въ помощь штатнымъ псаломщикамъ содержать при церкви на мѣстныя средства вольнонаемныхъ церковниковъ, безъ причисленія ихъ къ духовному званію. Съ упраздненіемъ главнаго присутствія по дѣламъ православнаго духовенства въ 1885 году и съ отмѣною большей части выработанныхъ имъ законовъ, отмѣнены и постановленія закона 1869 г. 16 апрѣля о нормальномъ составѣ приходскихъ причтовъ, а равнымъ образомъ упразднено раздѣленіе священниковъ на настоятелей и помощниковъ настоятелей. Нынѣшній составъ причтовъ опредѣленъ высочайше утвержденнымъ 16 февраля 1885 г. опредѣленіемъ св. правительствующаго синода.

Въ отношеніи къ участію прихожанъ въ выборѣ членовъ приходскаго причта, духовнымъ регламентомъ Петра Великаго было опредѣлено, что когда прихожане, или живущіе въ своихъ вотчинахъ помѣщики, выберутъ кого либо во священники къ своей церкви, то въ доношеніи своемъ архіерею должны засвидѣтельствовать, что избранный ими есть человѣкъ „житія добраго и неподозрительнаго“. Но право прихожанъ на избраніе членовъ причта, признанное такимъ образомъ и при Петрѣ Великомъ, конечно уже безъ права увольненія прихожанами своего духовенства, было ограничено тѣмъ, что избирать на приходскія должности указано было только лицъ, прошедшихъ курсъ ученія въ школахъ архіерейскаго дома,—мало того, этихъ лицъ дозволено опредѣлять на должности и независимо отъ выбора прихожанъ. Право прихожанъ на избраніе членовъ причта, хотя и ослабленное такимъ образомъ правомъ епархіальныхъ архіереевъ опредѣлять на приходскія должности лицъ, прошедшихъ спеціальную духовную школу, независимо отъ приходскихъ выборовъ, продолжало держаться до конца XVIII в. Въ царствованіе императора Павла, вслѣдствіе того, что многія духовныя лица навлекли на себя подозрѣніе въ распространеніи смутъ и волненій между крестьянами, св. синодъ получилъ именной императорскій указъ, повелѣвающій духовному началь-

ству наблюдать за тѣмъ, чтобы, при опредѣленіи на церковныя должности, лица хорошо обученныя предпочитались неученымъ, хотя бы прихожане настоятельно просили объ опредѣленіи этихъ послѣднихъ. Вслѣдъ за тѣмъ, указомъ 24 іюля 1797 г. предписано было упразднить приходскіе выборы, а равно упразднить практиковавшееся съ начала XVIII в. представленіе архіереямъ просителями, ищущими мѣста, заручныхъ челобитныхъ (т. за рукоприкладствомъ прихожанъ) и постановлено, что прошенія объ опредѣленіи на церковно-приходскія должности должны подаваться за подписью однихъ лишь просителей, хотя и съ приложеніемъ одобренія отъ прихожанъ о честномъ ихъ поведеніи. Вскорѣ и одобреніе потеряло всякое значеніе, такъ что въ изданномъ 27-го марта 1841 г. уставѣ духовныхъ консисторій явилась статья, которая гласитъ, что рукоположеніе въ священническій санъ есть дѣло, принадлежащее непосредственному разсмотрѣнію и разрѣшенію епархіальнаго архіерея.

Въ 1880 году московскимъ земствомъ былъ возбужденъ вопросъ о возстановленіи древняго права приходовъ избирать людей честныхъ и достойныхъ на должность приходскихъ священниковъ. Св. синодомъ вопросъ этотъ въ 1884 г. разрѣшенъ отрицательно, въ виду того, что избраніе кандидата на должность приходскаго священника, какъ соединенное съ нравственною отвѣтственностью епископа, должно зависѣть отъ личнаго усмотрѣнія этого послѣдняго, и что если въ исторіи практиковались приходскіе выборы, то съ большими безпорядками и злоупотребленіями и лишь по неимѣнію спеціально подготовленныхъ къ священству кандидатовъ, каковаго недостатка въ настоящее время не чувствуется. Впрочемъ, св. синодъ не отрицаетъ того, что право прихожанъ въ смыслѣ заявленія ими епископу своего желанія имѣть преимущественно извѣстное лицо, или въ смыслѣ свидѣтельства о добрыхъ качествахъ ищущаго рукоположенія лица, не было отмѣняемо, и, какъ показываютъ восходящія въ св. синодъ дѣла, нерѣдко примѣняется и въ настоящее время. Такимъ образомъ и самъ св. синодъ призналъ возможнымъ такое совмѣщеніе приходскаго выбора съ нравственною отвѣтственностью епископа за рукоположеніе, при которомъ одно другой не противорѣчитъ. Что касается безпорядковъ, съ которыми сопряжено было избраніе на приходскія должности въ древней Руси, то московское земство выразилось неточно, говоря о „возстановленіи древняго права приходовъ избирать честныхъ и достойныхъ людей во священники“: въ древней Руси, насколько имѣются историческія данныя за время, предшествующее XVIII столѣтію, практиковалось не право вы-

бора, а право найма членовъ причта, причемъ соображенія о нравственныхъ качествахъ нанимаемыхъ лицъ стояли далеко не на первомъ планѣ. Такимъ образомъ не о „возстановленіи“ права выбора правильнѣе было бы говорить, а объ *установленіи* права выбора. Съ другой стороны, главная вина въ древне-русскихъ приходскихъ безпорядкахъ лежала несомнѣнно на епархіальномъ правительствѣ, которое не только оставляло безъ всякаго контроля наемъ и увольненіе прихожанами членовъ приходскаго причта, но и само способствовало приходскимъ безпорядкамъ, не соразмѣряя числа посвящаемыхъ ихъ лицъ съ дѣйствительною потребностію. Слѣдовательно и нравственная отвѣтсвенность за недостойныхъ священниковъ должна была лежать на епископахъ. Напротивъ правильный выборъ не означаетъ, что епископъ долженъ принять на свою нравственную отвѣтственность опредѣленіе недостойныхъ лицъ, избранныхъ прихожанами. Каноническая квалификація избранныхъ во всякомъ случаѣ должна подлежать сужденію епископовъ, которые и при системѣ приходскихъ выборовъ, отнюдь не обязаны бы были утверждать всякаго избраннаго прихожанами кандидата, а могли бы утверждать лишь такого, который и по богословскому образовательному цензу, и по нравственнымъ качествамъ, вполнѣ удовлетворялъ бы каноническимъ требованіямъ.

Съ XVIII вѣка началось сложное церковное книговодство. Съ учрежденіемъ во всѣхъ приходахъ, городскихъ и сельскихъ, церковныхъ старостъ, предписано было обязательное веденіе приходорасходныхъ книгъ. Затѣмъ, въ связи съ мѣрами противъ раскола, предписано было вести исповѣдныя росписи: такъ какъ нехожденіе на исповѣдь принималось за признакъ раскола, а раскольники должны были подлежать двойному подушному окладу, то отсюда и явилась потребность въ точномъ спискѣ всѣхъ прихожанъ, бывшихъ и не бывшихъ на исповѣди и у св. причастія. Ранѣе при патріархахъ составлялись росписи только лицъ, долгое время не бывшихъ у исповѣди. Затѣмъ, что въ особенности важно, съ Петра Великаго начинается веденіе приходскимъ духовенствомъ метрическихъ книгъ. Хотя мысль о подобныхъ книгахъ была высказана раньше на соборѣ 1667 года, но, повидимому, она не получила практическаго осуществленія до самаго изданія духовнаго регламента, даже и впослѣдствіи потребовалось еще не мало подтвердительныхъ указовъ о правильномъ веденіи метрическихъ книгъ. Въ духовномъ регламентѣ (прибавл. о прав. причта, церк. и чина монашескаго, п. 29) было сказано: „отнынѣ священники

каждый у себя должны имѣть книги, которыя обычнѣ нарицаются метрики". Въ нихъ должны быть записываемы: 1) рожденіе и крещеніе младенцевъ, съ обозначеніемъ года и дня, а также именъ родителей и воспріемниковъ; записано должно быть рожденіе и такихъ младенцевъ, которые умерли безъ крещенія, съ обозначеніемъ причины ихъ некрещенія; 2) бракосочетанія; 3) смерть и погребеніе, съ обозначеніемъ причины, почему кто либо изъ умершихъ не получилъ христіанскаго погребенія. Составляемыя въ приходахъ метрики предписано представлять ежегодно въ архіерейскій приказъ, а относительно родившихся и умершихъ даже черезъ каждую треть года рапортовать въ архіерейскій приказъ, изъ архіерейскихъ же приказовъ препровождать письменныя увѣдомленія въ св. синодъ. Затѣмъ въ 1794 г. было предписано по всѣмъ епархіямъ присылать въ св. синодъ экстракты изъ метрическихъ книгъ о рождающихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ. Метрическія книги стали служить не столько церковнымъ, сколько гражданскимъ цѣлямъ, какъ акты гражданскаго состоянія, которыми доказываются законность рожденія и брака, права состоянія и права наслѣдованія. Подтвердительные указы о правильномъ веденіи метрическихъ книгъ издавались много разъ и въ прошломъ, и даже въ нынѣшнемъ столѣтіи (таковы указы 1778 г. іюля 21, 1779 г. ноября 23, 1812 г. февраля 22 и 1824 года мая 15). Въ 1802 году, для записи такъ называемыхъ брачныхъ обысковъ, введены были особыя обыскныя книги, и затѣмъ въ разное время предписано было приходскому духовенству вести разныя другія вѣдомости, служащія цѣлямъ церковной статистики, какъ напр. клировыя вѣдомости, церковную лѣтопись и проч.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Исторія источниковъ церковнаго права.

§ 50. Понятіе объ источникахъ церковнаго права *). Нормы, составляющія содержаніе церковнаго права въ объективномъ смыслѣ, какъ нормы всякаго объективнаго права вообще, имѣютъ своимъ первообразнымъ или кореннымъ источникомъ правообразующую волю. А такъ какъ послѣдняя можетъ выразиться въ двухъ формахъ: въ формѣ законныхъ нормъ, исходящихъ отъ законодательной власти, и въ формѣ обычныхъ нормъ, устанавливаемыхъ практикой жизни, то самыя эти формы обнаруженія правообразующей воли принято называть источниками права. Съ этой точки зрѣнія каждый отдѣльный законъ и каждый отдѣльный юридическій обычай суть источники права. Но источниками же права называются далѣе и тѣ сборники, законодательною ли властію издаваемые, или частными лицами составляемые, изъ которыхъ почерпается познаніе права въ его историческомъ развитіи и въ дѣйствующей системѣ. Въ послѣднемъ смыслѣ источники принято называть источниками познанія права, въ отличіе отъ источниковъ происхожденія права (закона и обычая), хотя, строго говоря, съ одной стороны и каждый отдѣльный законъ или обычай служитъ цѣли познанія права, а съ другой и сборники могутъ быть аутентическіе, т. е. законодателемъ же составленные и изданные. Изложенное понятіе объ источникахъ права вообще вполнѣ приложимо и къ церковному праву. Коренной и основной его источникъ есть также правообразующая воля. А такъ какъ христіанская церковь имѣетъ божественное происхожденіе, то эта правообразующая воля есть воля божественная, насколько она вырази-

---

*) *Laemmer,* Institutionen des catholischen Kirchenrechts, 1892, § 1 и сл.; *Schneider,* Die Lehre von den Kirchenrechtsquellen, 1892, § 2; *Hübler,* Kirchliche Rechtsquellen, 1893, Einleitung; *Kahl,* Rechtssystem des Kirchenrechts und der Kirchenpolitik, § 9.

лась въ христіанскомъ Откровеніи. Пониманіе значенія божественной воли для церковнаго правообразованія въ различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ различно (см. ниже § 75); но въ томъ, что божественная воля есть источникъ церковнаго права, всѣ вѣроисповѣданія согласны. Божественная воля, познаваемая изъ Откровенія, служитъ руководствомъ и мѣриломъ правильности человѣческаго церковнаго правообразованія, которое, какъ и всякое правообразованіе, выражается въ двухъ формахъ: закона и обычая. Затѣмъ исторія церковнаго права представляетъ не только рядъ нормъ, законнымъ и обычнымъ порядкомъ установившихся въ разное время, но и длинный рядъ сборниковъ, частныхъ и аутентическихъ, потерявшихъ практическое значеніе и имѣющихъ таковое, но одинаково служащихъ къ познанію историческаго развитія церковнаго права. Поэтому, въ каждой изъ нижеслѣдующихъ главъ будутъ разсмотрѣны какъ источники происхожденія церковнаго права въ отдѣльности, такъ и сборники церковнаго права.

Глава I-я.

Исторія источниковъ церковнаго права въ первые три вѣка христіанства.

§ 51. Источники церковнаго права въ отдѣльности).* Такъ какъ, втеченіе первыхъ трехъ вѣковъ, церковь, не считая состоявшагося разъ апостольскаго собора въ Іерусалимѣ, не имѣла организованной церковной власти, которая могла бы устанавливать законныя нормы, имѣющія обязательное дѣйствіе для цѣлой церкви: то порядокъ церковной жизни въ разномѣстныхъ христіанскихъ общинахъ долженъ былъ выработываться практикой подъ руководствомъ божественнаго Откровенія, т. е. священнаго Писанія ветхаго и новаго завѣта и преданія, причемъ, конечно, не маловажное значеніе имѣло то обстоятельство, что первые христіане жи-

---

*) *Bickell*, Geschichte des Kirchenrechts; *Bouix*, Institutiones juris canonici. Tractatus de principiis juris canonici, 1852; *Kahl*, o. c.; *Hefele*, Conciliengeschichte, I, 83—192; *Langen*, I, 217 и слѣд.; *Шуази*, Апостольское преданіе, 1880; *Преосв. Іоаннъ*, Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія, 1851, т. I, 39 и сл.; *Соколовъ*, Изъ лекцій по церковному праву, 1874 г. стр. 66 и слѣд.; *Заозерскій*, Объ источникахъ права православной русской церкви (Твор. св. отцовъ, т. 56).

ли въ римской имперіи и подъ дѣйствіемъ римскихъ законовъ. Складъ римской юридической жизни долженъ былъ отразиться и на образующемся церковномъ порядкѣ. Когда стали въ разныхъ мѣстахъ составляться соборы, то на этихъ соборахъ сложившіяся обычнымъ порядкомъ нормы подъ руководствомъ божественнаго Откровенія и въ извѣстномъ соприкосновеніи съ римскимъ юридическимъ порядкомъ стали облекаться въ форму писаннаго права. *Ветхій завѣтъ* для христіанъ изъ евреевъ продолжалъ считаться настолько обязательнымъ, что была сдѣлана попытка распространить его обязательность и на христіанъ изъ язычниковъ; но на іерусалимскомъ соборѣ было установлено, что соблюденіе обратившимися въ христіанство язычниками моисеева закона должно ограничиваться воздержаніемъ отъ употребленія въ пищу идоложертвенныхъ явствъ, крови и удавленины, а также отъ блуда. Такъ какъ, однако, этимъ постановленіемъ не исчерпывался обширный и сложный вопросъ о значеніи ветхозавѣтнаго закона для христіанъ, то древніе церковные писатели, какъ Ириней ліонскій, Оригенъ, дѣлали попытки къ проведенію границъ между дѣйствующимъ и не дѣйствующимъ для христіанъ правомъ въ ветхозавѣтномъ законѣ. За несомнѣнное признавалось, что декалогъ, десятословіе, т. е. десять заповѣдей Божіихъ, сохраняютъ всю свою силу и для христіанъ. Кромѣ того, отдѣльные институты юридическаго ветхозавѣтнаго порядка то служили образцомъ и основой для христіанскаго порядка жизни, какъ напр. ветхозавѣтный институтъ священства для христіанской церковной іерархіи, то прямо признавались обязательными для христіанъ, какъ напр. десятина (т. е. уплата вѣрующими духовенству $^1/_{10}$ плодовъ), запрещеніе взимать проценты, налагать двойное наказаніе за одно и тоже преступленіе, требованіе показанія двухъ или трехъ свидѣтелей для установленія истины на судѣ. Изъ *Евангелія*, восполнившаго и усовершенствовавшаго ветхозавѣтный законъ, равно какъ изъ писаній апостольскихъ, христіане почерпали для себя нормы вѣры и нравственнаго поведенія, а нѣкоторымъ новозавѣтнымъ предписаніямъ усвояли и юридически обязательную силу въ общественномъ строѣ христіанской жизни. Таковы напр. изъ евангельскихъ предписаній—участіе въ Евхаристіи, крещеніе, вразумленіе и привлеченіе къ суду согрѣшающаго брата, допущеніе расторженія бра-

ка только въ случаѣ вины любодѣянія. Изъ писаній апостольскихъ христіане получали руководственныя указанія относительно общинно-должностной организаціи, качествъ, необходимыхъ для занятія церковныхъ должностей, исповѣди грѣховъ, помазанія больныхъ, относительно нерасторжимости брака обратившагося въ христіанство супруга съ оставшимся внѣ церкви супругомъ, въ случаѣ желанія послѣдняго продолжать супружеское сожитіе и проч. Изъ *преданія*, возводимаго ко временамъ апостольскимъ, выводились разныя установленія христіанской жизни, какъ совершеніе крестнаго знаменія, посты (предпасхальная четыредесятница и постъ въ среду и пятницу), время празднованія пасхи, формы совершенія крещенія, муропомазанія, посвященія въ духовныя должности, порядокъ литургіи, воспрещеніе втораго брака, особо-авторитетное положеніе нѣкоторыхъ епископовъ и проч. Жизнь въ римской имперіи и подъ дѣйствіемъ римскаго права способствовала развитію агапъ (общественныхъ столовъ, составлявшихъ принадлежность всѣхъ вообще религіозныхъ ассоціацій римской имперіи), централизаціи церковнаго устройства въ предѣлахъ римскихъ провинцій, сопоставленію христіанскаго клира съ римскимъ ordo. На римской же почвѣ и на идеяхъ римскаго единства выросли постепенно взгляды римской церкви на руководящее положеніе ея епископовъ въ цѣломъ христіанствѣ. Не безъ связи также съ римскими идеями возникъ и рѣшенъ былъ вопросъ о независимости юридической силы должностныхъ актовъ отъ нравственныхъ недостатковъ должностныхъ лицъ.—Въ согласномъ примѣненіи разномѣстными христіанскими общинами однѣхъ и тѣхъ же нормъ, удостовѣряемыхъ преданіемъ, христіанская древность усматривала твердый критерій, несомнѣнное ручательство истинности и совершенства церковнаго порядка, и самый этотъ порядокъ, какъ истинный нормальный и совершенный, называла канономъ (κανών, regula).

Въ дохристіанскомъ словоупотребленіи „канонъ“ означалъ, въ буквальномъ смыслѣ, прямую палку, которая служитъ для опоры или для измѣренія и взвѣшиванія, какъ коромысло у вѣсовъ, или для проведенія прямой линіи, какъ правило у плотниковъ, а въ переносномъ смыслѣ „канонъ“ означалъ образецъ искусства и критерій совершенства, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніяхъ. Напр. статую Поликлета древніе называли κανὼν τοῦ καλοῦ, т. е. образцомъ красоты; Цицеронъ назвалъ Тирона канономъ своихъ сочиненій, желая

сказать этимъ, что Тиронъ есть то лицо, сужденіе котораго служитъ для автора мѣриломъ при опредѣленіи достоинства его сочиненій. Равнымъ образомъ и о законѣ (νόμος) греческіе ораторы и философы, а за ними и римскіе юристы говорили, что онъ, какъ управляющій человѣческими дѣйствіями даръ божества, есть канонъ праваго и неправаго (κανὼν δικαίων καὶ ἀδίκων) (fr. 2 Dig. I, 3). Въ частности канономъ римское право называло еще нормальный, не допускающій произвольныхъ измѣненій оброкъ, уплачиваемый эмфитевтой собственнику земли. Въ первоначальномъ христіанскомъ словоупотребленіи канонъ означалъ норму или нормальный порядокъ христіанской жизни. Такъ апостолъ Павелъ, преподавъ свои наставленія галатамъ, въ своемъ посланіи къ нимъ, въ заключеніе обѣщаетъ поступающимъ по этому *канону* миръ и милость (VI, 16; ср. Филип. III, 16). Въ другомъ случаѣ (2 Кор. X, 13—16) тотъ же апостолъ канономъ называетъ *мѣру или норму власти*, дарованной ему Богомъ надъ новообращенными христіанами и соразмѣряемой съ его апостольскими трудами.

Вообще въ произведеніяхъ древней христіанской литературы часто употребляются выраженія: κανὼν τῆς ἐκκλησίας, κανὼν ἐκκλησιαστικός, κανὼν ἀποστολικός, не въ смыслѣ какого либо отдѣльнаго постановленія, а вообще въ смыслѣ совершеннаго, нормальнаго порядка жизни, сообразнаго съ священнымъ Писаніемъ и преданіемъ. Даже и никейскій соборъ 325 г. употребляетъ еще слово: „κανών" въ общемъ значеніи церковнаго устава, церковнаго порядка, церковной практики. Во время борьбы церкви съ гностицизмомъ, ложнымъ и произвольнымъ ученіямъ гностиковъ противополагался κανὼν πίστεος, т. е. образецъ чистаго вѣроученія, преданіемъ возводимый къ Господу и апостоламъ, а такъ какъ этотъ чистый образецъ ученія, запечатлѣвшійся въ христіанской церкви силою устнаго преданія, идущаго отъ апостоловъ, нашелъ себѣ выраженіе и въ священныхъ книгахъ новаго завѣта, то и самыя эти книги, въ отличіе отъ апокрифовъ, не удостовѣренныхъ преданіемъ, получили названіе книгъ каноническихъ. Когда въ церкви развился институтъ епископскихъ соборовъ, на этихъ соборахъ стали составляться требовавшіяся временемъ и обстоятельствами рѣшенія или постановленія, и если таковыя постановленія, явившіяся въ какомъ либо мѣстномъ кругѣ, представлялись христіанскому сознанію сообразными съ преданіемъ и Писаніемъ, то они, по мѣрѣ распространенія ихъ извѣстности въ другихъ мѣстахъ, получали признаніе и практическую силу въ

цѣломъ христіанствѣ, какъ „каноническія". Напротивъ, если мѣстная практика и мѣстное преданіе въ разныхъ общинахъ не совпадали, то, по поводу постановленій одного мѣстнаго собора, санкціонировавшаго свою мѣстную практику, возникали споры между христіанскими общинами и во главѣ ихъ стоящими епископами, прежде чѣмъ христіанство приходило къ согласному и однообразному разрѣшенію вопроса: таковы споры о времени празднованія пасхи, о принятіи въ церковь падшихъ, о дѣйствительности крещенія еретиковъ.

§ 52. Историческіе источники познанія церковнаго права *). Свѣдѣнія о дѣйствовавшихъ въ первые три вѣка нормахъ церковнаго порядка содержатся отчасти въ общихъ произведеніяхъ древне-христіанской литературы, всего же болѣе въ спеціальныхъ сборникахъ. Изъ произведеній общей христіанской литературы должны быть указаны въ этомъ отношеніи: посланія Климента римскаго, Варнавы, Игнатія антіохійскаго, „Пастырь" Ерма, сочиненія Іустина Философа, Иринея ліонскаго, Тертулліана и Кипріана карѳагенскаго. Нѣкоторыя изъ посланій, посвященныхъ разъясненію какого нибудь неяснаго пункта въ порядкѣ христіанской жизни, впослѣдствіи, когда съ словомъ: канонъ соединилось значеніе отдѣльнаго церковнаго постановленія, раздѣлены были на каноны и внесены въ каноническіе сборники. Таковы посланія Діонисія александрійскаго († 265) и Григорія Чудотворца, епископа неокесарійскаго († 270). Первое даетъ руководство относительно поста, предшествующаго пасхѣ, и той чистоты, которая требуется отъ

*) *Drei,* Neue Untersuchungen über die Constitutionen und Canones der Apostel, 1832; *Bickell,* Gesch. d. Kirchenrechts; *Harnack,* Geschichte der altchristlichen Literatur bis Eusebius, 1893; *Harnack,* Lehre der zwölf Apostel nebst Untersuchungen zur ältesten Geschichte der Kirchenverfassung und des Kirchenrechts (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur, herausgeg. v. Gebhard und Harnack, B. II, Heft 1); *Harnack,* Die Quellen der sogenannten apostolischen Kirchenordnung (ibid. VI, Heft 4); *Funk,* Doctrina duodecim apostolorum etc. 1887; *Funk,* Die apostolischen Constitutionen, 1891 г.; *Funk,* Das achte Buch der apostolischen Constitutionen, 1893; *Jacquier,* La doctrine des douze apôtres et ses renseignements, 1891. Кратко изложены выводы позднѣйшихъ изслѣдованій о древнихъ церковныхъ сборникахъ у Фридберга въ послѣднемъ изданіи (1895) его учебника § 33. См. также библіограф. статьи *Суворова* въ № 2-мъ „Юридич. библіографіи" издав. при Демидовск. Лицеѣ и статьи *Заозерскаго* въ „Чтен. общ. любит. дух. просвѣщ." за 1882 г. и въ „Твор. св. отцовъ" за 1889 г. См. еще краткую рецензію сочиненій *Жакье* и *Функа* въ № 34 „Юридич. библіогр." издав. при Демид. Лицеѣ.

приступающаго къ св. Таинамъ. Послѣднее разрѣшаетъ вопросъ о мѣрахъ церковной дисциплины противъ христіанъ, дѣйствовавшихъ при нашествіи варваровъ (готовъ) на Понтъ за одно съ варварами и совершившихъ при этомъ тяжкія преступленія. Между тѣмъ въ церкви весьма рано обнаружилась потребность въ такихъ сборникахъ, въ которыхъ бы можно было находить сокращенное руководство христіанской жизни. Складывавшійся постепенно порядокъ жизни на основаніи десяти заповѣдей ветхозавѣтнаго закона и изреченій Іисуса Христа, частію выраженныхъ въ Евангеліи, частію возводившихся къ Основателю церкви черезъ посредство апостольскихъ писаній и апостольскаго преданія, сталъ облекаться въ форму писанныхъ уставовъ. Такъ какъ эти уставы должны были содержать въ себѣ предписанія, возводимыя къ Самому Господу черезъ посредство апостоловъ, то не было ничего удивительнаго въ томъ, что они были называемы ученіемъ апостоловъ, или ученіемъ Самого Господа черезъ посредство 12-ти апостоловъ. Со временемъ, по мѣрѣ развитія церковнаго устройства, богослужебнаго устава и всего вообще порядка жизни и при отсутствіи какого либо признаннаго общецерковнаго авторитета, отъ котораго могли бы исходить законодательныя нормы, управляющія жизнью христіанства, составители подобныхъ уставовъ перерабатывали древнія руководства примѣнительно къ времени и обстоятельствамъ. Приэтомъ новые авторы или составители, систематизируя въ болѣе или менѣе удовлетворительномъ видѣ нормы, частію дѣйствительно происходящія отъ апостоловъ, частію установившіяся практикой позднѣйшаго времени въ той или другой странѣ или провинціи римской имперіи, надписывали свои руководства именемъ апостоловъ же, какъ авторовъ цѣлаго содержанія подобныхъ руководствъ, иногда даже влагая въ уста отдѣльныхъ апостоловъ каждое отдѣльное постановленіе или предписаніе. Таковъ общій ходъ древнѣйшей исторіи церковнаго права, въ частностяхъ и подробностяхъ представляющій еще много темнаго и неяснаго для современной науки. Въ качествѣ такихъ древнихъ церковныхъ уставовъ должны быть названы:

1) Ученіе 12-ти апостоловъ (Διδαχὴ τῶν δώδεκα ἀποστόλων)—памятникъ недавно сдѣлавшійся извѣстнымъ ученому міру, послѣ того какъ митрополитъ никомидійскій Филоѳей Бріенній, нашед-

шій его въ 1875 г. въ рукописномъ сборникѣ XI столѣтія, въ 1883 г. издалъ его текстъ. Съ этого времени создалась цѣлая обширная литература по поводу открытаго памятника, но относительно времени и мѣста его происхожденія взгляды все еще не установились: что касается времени происхожденія, нѣкоторые высказываются за разныя десятилѣтія II вѣка, а иные относятъ его даже къ I вѣку; мѣстомъ происхожденія одни считаютъ Египетъ, другіе—Сирію. По содержанію, сборникъ представляетъ собою изложеніе нравственнаго христіанскаго ученія и древне-христіанской общинной организаціи. Для изложенія нравственнаго ученія составитель воспользовался существовавшею въ еврейской инструкціи для прозелитовъ схемой двухъ путей—пути жизни, причемъ исчисляются тѣ добродѣтели, которыя необходимы христіанину, и пути смерти, причемъ исчисляются тѣ пороки и преступленія, которыхъ христіанинъ долженъ былъ избѣгать. Свѣдѣнія, почерпаемыя изъ этого памятника объ апостолахъ, пророкахъ, учителяхъ, епископахъ и діаконахъ, о христіанской Евхаристіи и проч. пролили обильный свѣтъ на древне-христіанскую общину.

2) *Церковные каноны св. апостоловъ* (*κανόνες ἐκκλησιαστικοὶ τῶν ἁγίων ἀποστόλων*). Въ нѣмецкой литературѣ этотъ сборникъ принято называть „апостольскимъ церковнымъ уставомъ“ (apostolische Kirchenordnung). Въ основѣ своей этотъ уставъ имѣетъ ученіе 12-ти апостоловъ съ схемой двухъ путей. Авторъ пользовался, кромѣ того, и другими источниками, въ особенности посланіемъ Варнавы. Составленъ былъ вначалѣ III в. въ Египтѣ и вошелъ, какъ составная часть, въ юридическіе сборники дѣйствующаго церковнаго права у коптовъ, египетскихъ арабовъ и эѳіоповъ. Въ этихъ сборникахъ, кромѣ того, заняли видное мѣсто разные каноны съ именемъ Ипполита, епископа римскаго (III в.); въ наукѣ не считается невозможнымъ (Ахелисъ), что Ипполитъ и въ самомъ дѣлѣ могъ быть авторомъ каноническаго руководства, которое, слѣдовательно, исходя изъ Рима, нашло себѣ примѣненіе на отдаленномъ востокѣ.

3) *Ученіе* (*διδασκαλία*)—систематическое изложеніе христіанскаго нравственнаго ученія, церковнаго устройства и дисциплины. Сборникъ этотъ относятъ къ первой половинѣ III в. Подлинный греческій текстъ дидаскаліи не дошелъ до насъ, а дошли пере-

воды ея на сирійскій, арабскій и эѳіопскій языки; предполагаютъ также существованіе коптской версіи, посредствовавшей между арабскою и эѳіопскою. За наиболѣе близкую къ греческому подлиннику принимается сирійская редакція, по которой французскій ученый де-Лагардъ сдѣлалъ попытку воспроизвести греческій текстъ. Мѣстомъ составленія этого сборника была вѣроятно Сирія, хотя сама дидаскалія указываетъ на Іерусалимъ: апостолы будто-бы, въ виду опасностей, угрожавшихъ церкви, со стороны лжеученій, собрались въ Іерусалимъ и составили эту каѳолическую дидаскалію въ руководство вѣрующихъ.

4) Съ теченіемъ времени исчисленные уставы или руководства подверглись переработкѣ. Приблизительно въ концѣ IV в. явился въ Сиріи обширный сборникъ *постановленій апостольскихъ* (διατάξεις τῶν ἀποστόλων), переданныхъ черезъ Климента (римскаго, ученика апостола Петра) въ 8-ми книгахъ, съ 85-ю правилами апостольскими (κανόνες τῶν ἀποστόλων), какъ заключительною частью восьмой книги. Первыя шесть книгъ суть не что иное, какъ исправленная и дополненная дидаскалія, сама по себѣ не дѣлившаяся на книги. Нѣкоторыя части дидаскаліи, мало затронутыя временемъ, какъ напр. нравственное ученіе, остались безъ существенныхъ перемѣнъ и въ постановленіяхъ апостольскихъ; другія же части, относящіяся къ пунктамъ, подверженнымъ вліянію времени, вновь переработаны, прибавлены новыя должности, новые праздники и посты, неизвѣстные дидаскаліи. Первая книга апостольскихъ постановленій говоритъ о міръянахъ, вторая о епископахъ, пресвитерахъ и діаконахъ, третья—о вдовахъ, четвертая—о сиротахъ, пятая—о мученикахъ, шестая объ ересяхъ. Въ седьмой книгѣ апостольскихъ постановленій таже работа исполнена надъ вышеупомянутымъ ученіемъ 12-ти апостоловъ, напр. вычеркнуто то, что говорится о пророкахъ, о пріемѣ въ общины странствующихъ апостоловъ, и напротивъ между епископами и дьяконами вставлена пресвитерская должность. Кромѣ этого источника, составитель седьмой книги, вѣроятно изъ болѣе же древнихъ источниковъ, почерпнулъ разныя молитвы для частнаго и общественнаго употребленія. Восьмая книга: „о харизмахъ, хиротоніяхъ и церковныхъ канонахъ“, въ общемъ представляющая собою руководство для совершенія литургіи и другихъ священнодѣйствій

напр. посвященія въ духовный санъ, освященія воды и проч., состоитъ въ близкомъ отношеніи къ египетскимъ церковнымъ уставамъ и канонамъ Ипполита.

Но такъ какъ и египетскій церковный уставъ и каноны Ипполита въ свою очередь также дошли до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ, то вопросъ о томъ, восьмая ли книга апостольскихъ постановленій послужила источникомъ для египетскаго церковнаго устава и каноновъ Ипполита, въ ихъ сохранившейся редакціи, или наоборотъ, оставляетъ мѣсто для контроверсъ.

Не составилось еще общаго мнѣнія и по вопросу о томъ, одному ли и тому же лицу нужно приписать все дѣло переработки разныхъ древнихъ сборниковъ, т. е. всѣ восемь книгъ апостольскихъ постановленій, или разнымъ лицамъ. Въ особенности восьмая книга, и по содержанію, и по формѣ, повидимому, была составлена не тѣмъ лицомъ, которымъ были переработаны дидаскалія (первыя шесть книгъ) и ученіе 12-ти апостоловъ (седьмая книга). Со стороны содержанія, восьмая книга заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя противорѣчія предыдущимъ, а по формѣ разнится въ томъ отношеніи, что фикція апостольскаго происхожденія выступаетъ съ большею рѣзкостью и притязательностію, чѣмъ въ другихъ книгахъ: отдѣльныя постановленія влагаются въ уста отдѣльныхъ апостоловъ, такъ что каждый апостолъ выступаетъ съ какимъ либо отдѣльнымъ правиломъ, которое онъ передаетъ по повелѣнію Христа. Съ другой стороны, однако, какъ справедливо говоритъ Функъ, къ компилятору, имѣвшему дѣло съ разными произведеніями разныхъ составителей и переработывавшему ихъ, нельзя предъявлять тѣхъ требованій единства, послѣдовательности и однообразія формы, которыя могли бы быть предъявлены къ автору самостоятельнаго сочиненія.

5) Апостольскія правила (*κανόνες τῶν ἀποστόλων*) суть кратко формулированныя дисциплинарныя нормы, обыкновенно съ обозначеніемъ дисциплинарнаго наказанія, угрожающаго ихъ нарушителю. Правила эти составляютъ заключительную часть восьмой книги апостольскихъ постановленій. Большинство правилъ направляется противъ преступленій церковнодолжностныхъ лицъ—епископовъ, пресвитеровъ и прочихъ членовъ клира. Не ясными до сихъ поръ остаются слѣдующіе вопросы относительно апостольскихъ правилъ: 1) съ самаго ли начала явились они въ связи съ восьмою книгой апостольскихъ постановленій, какъ заключительная часть ея и какъ произведеніе одного и того же автора, или составлены были раньше, а позднѣе лишь были присоединены къ апостольскимъ постановленіямъ, и 2) во всѣхъ ли сборникахъ существовало одинаковое

число правилъ (85), или существовали сборники съ меньшимъ количествомъ правилъ (50).

Результаты послѣдней по времени научной работы Функа объ апостольскихъ постановленіяхъ и правилахъ, состоятъ въ слѣдующемъ.

По первому вопросу: Изъ того, что 1) въ лучшихъ и достовѣрнѣйшихъ рукописяхъ каноны составляютъ заключительную часть апостольскихъ постановленій, 2) что для многихъ каноновъ послужили источникомъ постановленія апостольскія, и аменно не дидаскалія въ первоначальномъ ея видѣ, а дидаскалія въ переработанномъ видѣ шести книгъ апостольскихъ постановленій, наконецъ, 3) что въ последнемъ 85-мъ правилѣ, исчисляющемъ каноническія книги св. Писанія, „апостольскія постановленія, изреченныя черезъ Климента въ восьми книгахъ", включаются въ число священныхъ книгъ (между тѣмъ какъ апокалипсисъ опускается), нужно заключать, что связь между апостольскими правилами и апостольскими постановленіями не случайная и не позднѣйшая, а первоначальная. Авторъ 85-го правила знаетъ уже *о восьми книгахъ*, а таковое знаніе, конечно, не могло явиться раньше составленія этихъ восьми книгъ, и такъ цѣнитъ постановленія. что включаетъ ихъ въ число каноническихъ книгъ свящ. Писанія, очевидно желая обезпечить тѣмъ большій авторитетъ за своимъ произведеніемъ. Отсюда слѣдуетъ дальнѣйшій, весьма важный, выводъ для опредѣленія отношенія между апостольскими канонами и правилами антіохійскаго собора 341 г. Въ виду почти буквальнаго сходства нѣкоторыхъ апостольскихъ правилъ съ нѣкоторыми канонами антіохійскаго собора 341 г., уже Дрей въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи о постановленіяхъ и правилахъ апостольскихъ, вышедшемъ около 60-ти лѣтъ тому назадъ, и затѣмъ Бикель въ своей, весьма цѣнной, „Исторіи церковнаго права", предполагали, что антіохійскія правила послужили источникомъ для апостольскихъ, а не наоборотъ. Теперь, благодаря новымъ даннымъ, которыя установлены Функомъ, это предположеніе получило для себя сильное подкрѣпленіе. Если правила апостольскія явились въ зависимости не отъ первоначальной дидаскаліи, а переработанной, и если составитель апостольскихъ правилъ знаетъ уже о сборникѣ апостольскихъ постановленій въ восьми книгахъ, а сборникъ этотъ не могъ явиться раньше конца IV в., то апостольскія правила, очевидно, не могли послужить источникомъ для антіохійскихъ 341 г., а наоборотъ, въ числѣ другихъ источниковъ, составитель апостольскихъ правилъ пользовался и антіохійскими канонами.

По второму вопросу: Римскій монахъ Діонисій Малый, предпринявшій въ концѣ V в. переводъ греческихъ каноновъ на латинскій языкъ для епископа Стефана салонскаго (въ Далмаціи), включилъ между прочимъ въ свой переводный сборникъ 50 правилъ апостольскихъ, отозвав-

шись о нихъ въ предисловіи къ своему сборнику, какъ о неподлинныхъ, такъ называемыхъ (canones qui dicuntur apostolorum). Между тѣмъ, въ восточныхъ церковныхъ сборникахъ, и, въ частности, въ сборникѣ Іоанна Схоластика (см. ниже § 54), апостольскія правила содержатся въ количествѣ 85-ти. Еще въ XVII столѣтіи парижскій архіепископъ Петръ-де-Марка объяснялъ это несовпаденіе числа апостольскихъ правилъ въ греческихъ сборникахъ и у Діонисія нежеланіемъ послѣдняго включать въ свой сборникъ послѣдніе 35 каноновъ, въ виду того, что нѣкоторые изъ нихъ (какъ напр. правило 64 о воспрещеніи поста въ субботу) не согласовались съ практикой латинскаго запада, Однако, до послѣдняго времени могъ считаться общепринятымъ взглядъ не Петра-де-Марка, а Дрея, по которому существовали и ходили по рукамъ разные сборники съ различнымъ количествомъ апостольскихъ каноновъ, такъ что, слѣдовательно, Іоаннъ Схоластикъ извлекъ свои 85 правилъ изъ рукописи съ этимъ количествомъ правилъ, а Діонисій Малый имѣлъ въ рукахъ сборникъ съ 50-ю правилами, которыя и перевелъ. Функъ возвратился снова къ предположенію Петра-де-Марка, подкрѣпивъ его новыми соображеніями: 1) между тѣмъ какъ въ заголовкахъ другихъ греческихъ каноновъ, принадлежащихъ разнымъ соборамъ, Діонисій обозначаетъ число ихъ (напр. incipiunt tituli canonum nicaeni concilii numero XX), въ заголовкѣ апостольскихъ правилъ число ихъ не обозначается (incipiunt tituli canonum apostolorum), изъ чего можно заключать, что переводчикъ не всѣ тѣ каноны сообщилъ, которые нашелъ въ греческой рукописи, 2) изъ дальнѣйшаго надписанія: „incipiunt regulae ecclesiasticae sanctorum apostolorum prolatae per Clementem romanae ecclesiae pontificem“, видно, что Діонисій зналъ 85-е правило, изъ котораго онъ только и могъ получить свѣдѣнія о томъ, что въ восточныхъ сборникахъ апостольскія постановленія, вмѣстѣ съ правилами, представляются переданными христіанству отъ лица апостоловъ черезъ Климента.

Но если литературная редакція апостольскихъ постановленій и правилъ возникла не раньше конца IV в., содержаніе ихъ, насколько составитель работалъ надъ болѣе древнимъ матеріаломъ, должно быть относимо къ древнѣйшему времени. Нѣкоторые изъ каноновъ прямо заимствованы изъ посланій апостольскихъ; нѣкоторые могутъ быть разсматриваемы, какъ выраженіе древнѣйшаго преданія, непосредственно связаннаго съ апостольскимъ временемъ. За то нѣкоторые, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежатъ не апостольскому, а позднѣйшему времени, напр. 7-й канонъ, воспрещающій праздновать пасху вмѣстѣ съ іудеями, 30-й канонъ, воспрещающій полученіе епископской власти черезъ мірскихъ началь-

никовъ, 34-й канонъ, предписывающій епископамъ всякаго народа знать перваго изъ нихъ и признавать его главой, 85-й причисляющій апостольскія постановленія къ св. Писанію и проч.

Кромѣ исчисленныхъ уставовъ, за именами же апостоловъ были въ употребленіи и другія, подобныя же, произведенія, какъ „каноническое опредѣленіе св. апостоловъ“ (ὅρος κανονικὸς τῶν ἁγίων ἀποστόλων), каноны апостольскаго собора въ Антіохіи, символъ апостольскій.

Историческая судьба всѣхъ названныхъ церковныхъ уставовъ въ христіанской церкви была далеко не одинакова. Ученіе 12-ти апостоловъ, въ его первоначальномъ видѣ, независимо отъ позднѣйшихъ передѣлокъ, было со временемъ забыто, такъ что самый фактъ существованія его сдѣлался яснымъ для современной науки лишь весьма недавно. Египетскій церковный уставъ, вмѣстѣ съ канонами Ипполита, если таковые дѣйствительно были составлены Ипполитомъ, съ самаго начала получилъ ограниченную сферу примѣненія въ Египтѣ и Эѳіопіи, а послѣ выдѣленія изъ церкви коптовъ и эѳіоповъ въ эпоху христологическихъ споровъ, окончательно утратилъ общецерковное значеніе. Дидаскалія въ первоначальномъ ея видѣ даже совсѣмъ затерялась на греческомъ востокѣ, и сохранилась лишь въ версіяхъ негреческихъ. Общецерковное значеніе всѣ эти древніе уставы, начиная съ ученія 12-ти апостоловъ, могли получить лишь настолько, насколько они составили основу для восьми книгъ апостольскихъ постановленій. Судя по обилію греческихъ рукописныхъ сборниковъ, въ которыхъ помѣщены апостольскія постановленія, послѣднія дѣйствительно на греческомъ востокѣ должны были имѣть большой авторитетъ и широкую извѣстность; напротивъ латинскій западъ не зналъ ихъ. На самомъ востокѣ трулльскій соборъ 692 г. отвергъ ихъ, въ виду того, что нѣкогда иномыслящіе, какъ говоритъ онъ, „ко вреду церкви, привлекли въ нихъ нѣчто подложное и чуждое благочестія, примѣшавъ въ чистое и совершенное апостольское ученіе порожденія еретическаго лжесловесія“ (пр. 2).

Дѣло въ томъ, что составитель апостольскихъ постановленій въ восьми книгахъ былъ, если не аріанинъ, то аполлинаристъ (послѣдователь Аполлинарія, неправильно понимавшаго вочеловѣченіе Сына Божія). Такъ какъ однако догматическое изложеніе вѣроученія не было цѣлью компилятора, а напротивъ онъ старался дать въ своихъ восьми книгахъ практическое руководство для жизни, примѣнительно къ обстоятельствамъ

своего времени, то наука справедливо видитъ въ апостольскихъ постановленіяхъ одинъ изъ наиболѣе цѣнныхъ памятниковъ древности и втеченіе нѣсколькихъ столѣтій усиленно занимается его изученіемъ.

Иную судьбу имѣли апостольскія правила, составлявшія заключительную часть восьмой книги апостольскихъ постановленій. На греческомъ востокѣ сначала Юстиніанъ (нов. VI въ предисл.) подтвердилъ въ общихъ выраженіяхъ соблюденіе каноновъ апостольскихъ, вскорѣ затѣмъ Іоаннъ Схоластикъ принялъ ихъ, въ количествѣ 85-ти, въ свой каноническій сборникъ, а позднѣе трулльскій соборъ 692 г. поставилъ ихъ во главѣ всѣхъ церковныхъ каноновъ. Напротивъ на западѣ Діонисій Малый перевелъ только 50 правилъ, отозвавшись при томъ о нихъ, какъ о неподлинныхъ, а вскорѣ послѣ того (между 514 и 523 гг.) они были формально включены въ число апокрифовъ, отвергаемыхъ римскою церковью, такъ что и самъ Діонисій, когда ему пришлось составлять новый сборникъ, не включилъ въ него этихъ 50-ти каноновъ, мотивируя опущеніе слѣдующимъ замѣчаніемъ: „quos non admisit universitas, ego quoque in hoc opere praetermisi“. Это не помѣшало однако пятидесяти канонамъ, разъ переведеннымъ на латинскій языкъ и принятымъ въ первый сборникъ Діонисія, получить себѣ извѣстность и прочное мѣсто въ позднѣйшихъ сборникахъ западнаго церковнаго права, не исключая декрета Граціана, вошедшаго въ „Corpus juris canonici“ западной церкви. Различную наконецъ службу на западѣ и на востокѣ имѣло и еще одно произведеніе съ именемъ апостоловъ, такъ-называемый *апостольскій символъ*, краткое изложеніе вѣроученія христіанскаго: на западѣ онъ получилъ авторитетъ, какъ подлинное выраженіе апостольскаго преданія, а на востокѣ не получилъ ни извѣстности, ни авторитета.

Глава II-я.

Исторія источниковъ церковнаго права отъ IV в. до раздѣленія церквей восточной и западной.

§ 53. Источники церковнаго права въ отдѣльности *). Со времени принятія христіанства римскими императорами, церковное

*) *Zhishman,* Das Eherecht der orientalischen Kirche 15 sqq.; *Hefele,* Conciliengeschichte, B—de I—IV; *Biener,* Geschichte der Novellen, 1824 г.; *Biener,* Das kano-

законадательство выступило въ двухъ формахъ: въ формѣ соборныхъ постановленій, которыя вообще съ IV в. стали называться канонами, и въ формѣ императорскихъ церковныхъ законовъ.

I. Каноны. Различіе между церковными канонами и императорскими церковными законами не имѣетъ того смысла, чтобы и въ образованіи каноновъ императоръ не участвовалъ, а означаетъ лишь то, что общеобязательные каноны могли быть составлены только на вселенскомъ соборѣ, въ понятіе котораго входило, какъ необходимый признакъ, созваніе собора и утвержденіе его постановленій императоромъ, тогда какъ законы императоровъ издавались безъ предшествующей дѣятельности соборовъ, хотя и не безъ участія иногда отдѣльныхъ представителей духовной іерархіи. Кромѣ каноновъ вселенскихъ соборовъ частію силою церковной рецепціи, частію формальнымъ подтвержденіемъ со стороны какого-либо вселенскаго собора и императора получали общеобязательную силу каноны разныхъ мѣстныхъ соборовъ и авторитетныхъ лицъ.

Въ особенности эта сила церковной рецепціи проявилась на западѣ, по отношенію къ греческимъ канонамъ. Для греческаго востока греческіе каноны соборовъ и отцовъ получали обязательную силу не только въ силу рецепціи путемъ распространенія ихъ и занесенія въ каноническіе сборники, но и въ силу императорскаго утвержденія. Не считая того утвержденія, которое само собою выводилось для каждаго отдѣльнаго вселенскаго собора изъ факта созванія собора императоромъ и изъ утвержденія имъ главнѣйшаго предмета соборныхъ разсужденій—догматическаго вѣроопредѣленія, императоръ Юстиніанъ санкціонировалъ весь тотъ матеріалъ, который позднѣе вошелъ въ составъ сборника Схоластика. Въ новеллѣ IV (Praefat.) онъ подтвердилъ соблюденіе священныхъ каноновъ, переданныхъ достохвальными и достопокланяемыми самовидцами и служителями Слова Божія апостолами. Въ новеллѣ CXXXI (с. 1) онъ же придалъ силу закона церковнымъ канонамъ, *составленнымъ или подтвержденнымъ* четырьмя вселенскими соборами. Подъ канонами, подтвержденными на вселенскихъ соборахъ, Юстиніанъ вѣро-

---

nische Recht der griechischen Kirche (Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes, B. XXVIII); *Mortreuil,* Histoire du droit byzantin, 1853, B de I—II; *Heimbach,* Griechisch- römisches Recht im Mittelalter und in der Neuzeit (Allgem. Enzyklop. der Wissensch. und Künste v. Ersch u. Gruber, B. 86); *Langen,* I, 618 и сл., 690 и сл., 799 и сл.; II, 99 и сл., 170 и проч. *Азаревичъ,* Исторія византійскаго права, 1876; *Остроумовъ,* Введеніе въ правосл. церк. право и см. рецензію этого сочиненія въ IV т. Сборника правовѣд. и обществ. знаній. Проф. *Сокольскій,* Характеръ и значеніе епанагоги (Византійскій Временникъ, т. I).

ятно разумѣлъ каноны мѣстныхъ соборовъ, занесенные въ каноническіе сборники и служившіе руководствомъ даже для членовъ вселенскаго собора, какъ это было въ Халкидонѣ въ 451 г., гдѣ прочитывались изъ какого-то сборника каноны мѣстныхъ соборовъ. Юстиніанъ же (въ нов. CXXXVII, c. 1), дѣлая ссылку на Григорія Назіанзина и Василія Великаго, предуказалъ будущимъ составителямъ каноническихъ сборниковъ, что и правила св. отцовъ должны имѣть обязательную силу. Позднѣе тоже самое сдѣлалъ Юстиніанъ II на соборѣ трулльскомъ 692 г. Напротивъ относительно запада можно сказать, что только каноны I всел. собора никейскаго 325 г. были единодушно приняты всѣмъ христіанствомъ, какъ каноны общеобязательные. Сила всѣхъ другихъ каноновъ, не исключая и каноновъ позднѣйшихъ вселенскихъ соборовъ зависѣла отъ послѣдовательной рецепціи ихъ на западѣ. Полномочіе римскихъ легатовъ, отправлявшихся на востокъ для участія во вселенскомъ соборѣ, въ качествѣ представителей римской церкви, понималось римскими епископами, какъ спеціальное полномочіе на участіе въ осужденіи ереси, послужившей поводомъ къ созванію даннаго собора, и въ установленіи догматической формулы, а не на составленіе какихъ-либо каноновъ. Отсюда объясняется, что каноны вселенскихъ соборовъ иногда лишь черезъ долгое время становились извѣстными на западѣ и принимались въ западные сборники, а нѣкоторые и совсѣмъ не принимались, какъ не согласовавшіеся съ западнымъ міросозерцаніемъ. Тѣмъ болѣе относительно каноновъ греческихъ мѣстныхъ соборовъ и св. отцовъ, насколько они перешли на западъ, можно сказать, что они получили тамъ силу исключительно путемъ церковной рецепціи.

На западѣ, какъ въ Римѣ самомъ, такъ и въ разныхъ латинскихъ странахъ, возникла масса своихъ латинскихъ каноновъ, не считая папскихъ декреталовъ, получившихъ значеніе общеобязательнаго источника церковнаго права на западѣ. Этотъ западный каноническій матеріалъ остался чуждымъ востоку, за исключеніемъ каноновъ сѣверной Африки. Поэтому уже въ періодъ вселенскихъ соборовъ процессъ церковнаго правообразованія на востокѣ не совпадалъ съ таковымъ же процессомъ на западѣ, который при томъ, благодаря особенностямъ его политической исторіи, въ законодательствѣ германскихъ, особенно франкскихъ королей и императоровъ, получилъ для себя источникъ церковнаго права, неизвѣстный востоку.

На востокѣ каноническія правила были составлены первыми четырьмя и седьмымъ вселенскими соборами. Пятый соборъ 553 г. и шестой 680 г. занимались только вопросами вѣроученія, а ни-

какихъ каноновъ по церковному управленію не постановили. Такъ какъ однако въ церковномъ законодательствѣ чувствовался большой пробѣлъ, то вскорѣ послѣ шестаго вселенскаго собора, въ 692 г. императоръ Юстиніанъ II созвалъ соборъ, извѣстный подъ названіемъ трулльскаго, такъ какъ онъ засѣдалъ ἐν τρούλλῳ, т.-е. въ залѣ императорскаго дворца со сводами. Соборъ этотъ греки стали называть то пято-шестымъ, то прямо шестымъ соборомъ, такъ что уже ко времени VII вселенскаго собора послѣдовало смѣшеніе трулльскаго собора 692 г. съ шестымъ вселенскимъ. Соборъ 692 г. состоялся безъ участія римской церкви и не получилъ признанія на западѣ. Для востока онъ имѣлъ чрезвычайно важное значеніе какъ потому, что самъ онъ постановилъ болѣе ста каноновъ, такъ и потому что исчислилъ и подвердилъ всѣ каноны мѣстныхъ соборовъ и св. отцовъ, которые должны имѣть обязательную силу въ церкви. Самъ соборъ разсчитывалъ установить каноническій кодексъ для цѣлаго христіанства, и Юстиніанъ II употреблялъ усиленныя мѣры къ тому, чтобы вынудить отъ римскихъ епископовъ признаніе трулльскаго собора. Но таковое признаніе не только не состоялось, но и не могло состояться, потому, что нѣкоторые его каноны прямо были направлены противъ латинскаго запада, и потому что западъ имѣлъ массу своихъ руководственныхъ правилъ, оставленныхъ трулльскимъ соборомъ безъ вниманія.

Изъ мѣстныхъ соборовъ (τοπικαὶ σύνοδοι), правила которыхъ были приняты въ церковные сборники и на трулльскомъ соборѣ получили соборное (вмѣстѣ и императорское) утвержденіе, одни были соборами провинцій, другіе соборами діэцеза или патріархата, нѣкоторые генеральными соборами цѣлаго востока, нѣкоторые даже созывались какъ вселенскіе. Всѣ они, за исключеніемъ африканскихъ, составлялись и составляли свои каноны въ четвертомъ вѣкѣ, пока еще не опредѣлилась окончательно централизація церковной законодательной власти. Таковы: анкирскій 314 г., неокесарійскій около того же времени, гангрскій около половины IV в. (всѣ три собора составлялись въ предѣлахъ Понта), антіохійскій 341 г. (генеральный соборъ востока), сардикскій 343 г. (созывавшійся какъ вселенскій), лаодикійскій около половины IV в. (въ малоазіятской провинціи Фригіи), константинопольскій 394 г.

Отъ автора.

ВИКТОРЪ ЮШКЕВИЧЪ.

УЧЕНІЯ ПАНДЕКТЪ:

О НАМЫВѢ, ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДѢ РУСЛА ПУБЛИЧНЫХЪ РѢКЪ, ОБЪ ОСТРОВАХЪ, ВЪ ПУБЛИЧНЫХЪ РѢКАХЪ ВОЗНИКАЮЩИХЪ,

и

СОЧИНЕНІЯ РИМСКИХЪ ЗЕМЛЕМѢРОВЪ.

(Выпускъ II-й).

Erat enim mirabile Romanam sanctionem ab urbe condita usque ad nostri imperii tempora, quae paene in mille et quadringentos annos concurrunt, intestinis proeliis vacillantem.... in unam reducere consonantiam.

Imp. Iustinianus in constit. „Tanta", proem.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія Э. Г. Фалькъ.
1897.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

Согласно съ римскимъ, и новѣйшія законодательства ис-

рѣка прошла новымъ теченіемъ, состоитъ въ частной или государственной собственности; общественное-же пользованіе рѣкою представляется нѣкотораго рода сервитутомъ, тяготѣющимъ надъ частною собственностью (и государство можетъ являться частнымъ собственникомъ) по слову закона (право участія). Отсюда дальнѣйшіе выводы: 1) Осушеніе русла публичной рѣки представляетъ по русскому праву лишь фактическое обнаруженіе скрывавшейся дотолѣ подъ живою струею собственности (ст. 426 т. X, ч. 1). Нужно различать русло незапамятнаго и болѣе новаго происхожденія: во второмъ случаѣ прежняя собственность обнаруживается, очевидно, и въ прежнихъ границахъ. 2) Равнымъ образомъ, возникновеніе островов является по русскому праву лишь частичнымъ обнаруженіемъ скрытой подъ водою собственности. Здѣсь тоже, въ случаѣ возникновенія острова на рѣкѣ съ русломъ болѣе новаго происхожденія, онъ можетъ быть взятъ въ пользованіе прибрежными владѣльцами лишь по мѣрѣ прежнихъ границъ ихъ владѣній, проходившихъ по землѣ, занятой публичною рѣкою подъ свое русло. Ибо, хотя по смыслу русскаго права русло публичныхъ рѣкъ и составляетъ продолженіе береговой собственности (выше примѣч. 2-ое), но это только въ смыслѣ *предположенія*, а отнюдь не *фикціи* въ законѣ, такъ что принадлежность русла публичныхъ рѣкъ береговымъ владѣльцамъ въ той или иной мѣрѣ, принадлежность его инымъ владѣльцамъ, чѣмъ береговымъ, можетъ быть свободно доказываема (иначе мы пришли-бы въ нашемъ правѣ къ результату, уже достаточно осужденному римскими юристами—выше, вып. I-ый, стр. 151 слл.—, что владѣлецъ земли, которая занята публичною рѣкою цѣликомъ, можетъ ее безвозвратно утратить, въ случаѣ послѣдующаго ея осушенія, такъ какъ эта земля окажется поглощенною фикціей принадлежности рѣчнаго русла береговымъ владѣльцамъ). Какъ раздѣляются оставленное русло и острова между прибрежными владѣльцами по русскому праву, если рѣчь идетъ о незапамятномъ ложѣ, или хотя и о ложѣ болѣе новаго происхожденія, но когда прежнихъ границъ установить нельзя? На это мы располагаемъ особыми постановленіями въ законѣ.

1) Между владѣльцами противолежащихъ береговъ русло и острова дѣлятся помощью линіи, проходящей вдоль середины рѣки, ст. 427 (аналогично примѣняется къ руслу); срвн. ст. 428 въ началѣ.

2) Между владѣльцами одного и того-же берега, конкурентами на пріобрѣтеніе, русло и острова дѣлятся помощью перпендикуляровъ, опущенныхъ изъ крайнихъ точекъ протяженія отдѣльныхъ владѣній по берегу на среднюю линію, ст. 226.

(Что эти правила могутъ имѣть примѣненіе лишь къ незапамятному руслу, островамъ, возникающимъ на таковомъ руслѣ, или хотя и къ руслу болѣе новаго происхожденія и островамъ, на немъ возникающимъ, но лишь въ томъ случаѣ, когда прежнія границы установить нельзя, это вытекаетъ изъ общаго смысла обсужденія въ русскомъ правѣ измѣненія рѣками своего теченія и возникновенія острововъ).

Тотъ случай измѣненія рѣкою своего теченія, когда рѣка, оставляя мед-

ключаютъ примѣненіе правилъ объ измѣненіи рѣками своего теченія и объ островахъ, въ публичныхъ рѣкахъ возникающихъ, къ озерамъ и болотамъ: *нѣкоторыя изъ нихъ* содержатъ особыя постановленія, срвн. напримѣръ, Прусск. L. R., § 267; C. C. Art 558; (поскольку въ этой статьѣ подъ понятіе намыва, alluvion, подведены случаи медленнаго непримѣтнаго осушенія дна водовмѣстилища; см. выше примѣч. 1-ое); C. C. Ital., Art. 455, цит. выше. Относительно морей, матеріи, которая вообще получила у новыхъ народовъ иное юридическое опредѣленіе подъ вліяніемъ современнаго международнаго и государственнаго права, новѣйшія законодательства содержатъ лишь отрывочныя опредѣленія (напр. C. C. 557. C. Ital.. Art. 454, цит. выше).

Что касается, наконецъ, вопроса о *постановкѣ проблемы отграниченія понятія наводненія отъ* alvei mutatio

ленно непримѣтно землю у одного берега, также медленно непримѣтно входитъ въ другой (классическій случай въ l. 38, h. t, D.), предусматривается общимъ русскимъ гражданскимъ правомъ въ особой статьѣ 429. Статья эта, основанная на Высочайше-утвержденномъ Мнѣніи Государственнаго Совѣта 12 Апр. 1837-го года, представляетъ странный диссонансъ съ основными принципами обсужденія измѣненія рѣками своего теченія въ нашихъ законахъ. По этимъ принципамъ осушаемая постепенно у одного изъ береговъ земля можетъ быть пріобрѣтена: при незапамятномъ ложѣ—лишь до линіи, проходящей по серединѣ рѣки и въ размѣрѣ протяженности отдѣльныхъ владѣній по берегу; при руслѣ-же болѣе новаго происхожденія—въ размѣрѣ прежнихъ границъ; такъ что владѣлецъ берега, отдающій землю подъ воду надвигающейся на него рѣки, можетъ перейти на сухую землю противолежащаго берега съ того момента, *какъ только осушаемая рѣкою земля достигнетъ средней линіи, или вообще границы его земли*. Совершенно аномально *для рѣкъ въ 150 и болѣе саженъ ширины* ст. 429 постановляетъ: „При измѣнившемся теченіи большихъ рѣкъ, относительно владѣнія землею: 1) не считается въ большихъ рѣкахъ, имѣющихъ широту въ 150 и болѣе саженъ, перемѣною теченія, когда отмывается одинъ берегъ, а другой, отъ уклоненія воды, обсыхаетъ, *до тѣхъ поръ*, пока рѣка *обоими берегами, то есть всѣмъ своимъ теченіемъ не войдетъ въ которую-либо дачу*, 2) . . . . . Это значитъ, что владѣлецъ берега, дающій землю подъ воду наступающей рѣки въ 150 и болѣе саженъ ширины, имѣетъ право перейти на сухую землю противолежащаго берега *лишь* съ того момента, когда осушаемая рѣкою земля достигаетъ *его прежней береговой линіи*. Принадлежавшая ему часть прежняго русла составляетъ пользу зарѣчныхъ сосѣдей).

и другихъ случаевъ передвиженія водами своихъ вмѣстилищъ въ новѣйшихъ законодательствахъ, то мы встрѣчаемся здѣсь либо съ полнымъ неупоминаніемъ о понятіи наводненія (напр. С. С.), либо лишь съ краткимъ указаніемъ на то, что наводненіе не имѣетъ дѣйствій alvei mutationis (Австр., § 408; Прусск., L. R. I, 9, § 272; Burg. Wetb., Art. 648). Такимъ образомъ, новыя законодательства избѣгають затрудненій, на которыя наталкивались римскіе юристы, пытаясь установить твердую грань отличія наводненія отъ измѣненія рѣкою своего теченія.

Подводя итогъ изображенному отношенію постановленій новѣйшихъ законодательствъ къ элементамъ римскаго права въ области ученій о намывѣ, юридической природѣ русла публичныхъ рѣкъ и объ островахъ, въ публичныхъ рѣкахъ возникающихъ, мы заключаемъ:

не считая чисто-техническихъ, редакціонныхъ преимуществъ, а равно болѣе законченной детальной отдѣлки и развитія нѣкоторыхъ римскихъ началъ въ томъ или другомъ изъ новыхъ кодексовъ[8]), всѣ нововведенія новаго законодательства сводятся съ слѣдующимъ положеніямъ.

1) Большинство современныхъ законодательствъ подводитъ подъ понятіе намыва безразлично: a) случаи увеличенія берега на счетъ медленно, непримѣтно извнѣ привходящихъ частицъ и b) случаи увеличенія его помощью медленнаго, непримѣтнаго удаленія отъ него воды (осушенія рѣчнаго дна).

---

[8]) Сюда относятся, напримѣръ, постановленія Прусскаго права о понятіи острова: I, 9, § 242, о пространственныхъ границахъ пріобрѣтенія намыва: § 228 и сл., ibidem, болѣе точныя его опредѣленія относительно дѣлежа оставленнаго русла и островов, § 247 сл., ibidem. Всѣ эти добавленія Прусскаго кодекса избавили судью не отъ одного затрудненія, не отъ одной лишней тяжбы.

2) Новыя законодательства вводятъ иной коррективъ противъ несправедливаго результата, къ которому приводитъ положеніе о превращеніи публичною рѣкою земли, занимаемой ею подъ свое русло, въ государственную собственность, а именно—полагаютъ вознагражденіе потерпѣвшихъ собственниковъ изъ стараго русла.

3) Большинство новыхъ законодательствъ объявляетъ острова, въ публичныхъ рѣкахъ возникающіе, за государственную собственность.

4) Нѣкоторыя новѣйшія законодательства не обмолвливаются относительно возможности распространенія постановленій ихъ объ измѣненіи рѣками своего теченія и объ островахъ на стоячія воды, молчаливо подразумѣвая, что аналогія немыслима.

5) Новые кодексы упускаютъ опредѣленіе понятія наводненія.

Передъ нами развернулся богатый юридическій матеріалъ по вопросамъ о намывѣ, руслѣ публичныхъ рѣкъ, объ островахъ, въ публичныхъ рѣкахъ возникающихъ....

Мы познакомились съ классификаціей явленій геологической работы водъ, интересныхъ для юриста, такъ сказать—съ программою юридическихъ проблемъ, нуждающихся въ разрѣшеніи, а затѣмъ и съ самыми рѣшеніями этихъ проблемъ, предложенными: во-1-хъ Римлянами, а потомъ и кодификаторами современнаго гражданскаго права.

Какъ должно отнестись ко всему этому матеріалу законодательство будущаго, какова оцѣнка его съ точки зрѣнія политики гражданскаго права?

Разсмотримъ этотъ вопросъ по отдѣльнымъ намѣченнымъ въ предшествующемъ проблемамъ.

I.

Въ области проблемы намыва.

Практическая потребность въ нормахъ, регулирующихъ намывъ, въ современномъ быту стала меньше, чѣмъ она была въ Римѣ: успѣхи гидротехники, работъ по укрѣпленію береговъ и урегулированію теченія рѣкъ значительно сокращаютъ число случаевъ намыва. Однако, поскольку намывы встрѣчаются и будутъ встрѣчаться, нужно отдать полную дань справедливости римскому рѣшенію проблемы намыва черезъ понятіе акцессіи [1]).

---

[1]) Срвн. Петражицкій. „Права добросовѣстнаго владѣльца“, стр. 137, примѣч.

Подведеніе подъ понятіе намыва безразлично случаевъ: a) когда медленное непримѣтное приращеніе берега совершается помощью извнѣ-привходящихъ частицъ и b) когда оно совершается вслѣдствіе осушенія рѣчнаго дна, сдѣланное большинствомъ современныхъ законодательствъ, слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, считать безусловно удачнымъ. Это новшество представляетъ въ сравненіи съ римскимъ правомъ ту выгоду, что, при существующей въ римскомъ правѣ противоположности [2]) между указанными случаями, является необходимымъ установленіе каждый разъ факта, о которомъ изъ нихъ идетъ дѣло. И здѣсь на практикѣ могутъ представиться иногда огромныя затрудненія. Ихъ устраняетъ помянутое новшество.

Поэтому будущему законодателю при установленіи понятія намыва слѣдуетъ рекомендовать примкнуть къ новѣйшимъ кодексамъ и опредѣлить намывъ какъ „медленное, непримѣтное приращеніе берега отъ дѣйствія воды (все равно, происходитъ-ли оно отъ примыва земельныхъ частицъ къ берегу, или вслѣдствіе постепеннаго осушенія рѣчнаго дна).

II.

Въ области проблемы передвиженія водами своихъ вмѣстилищъ.

1) *Измѣненіе рѣкою своего теченія, возникновеніе острововъ.*

Ни одной изъ знакомыхъ римскому праву конструкцій русла публичныхъ рѣкъ, съ заключащимся въ нихъ рѣшеніемъ проблемы острововъ, нельзя признать въ ихъ первоначаль-

---

[2]) Противоположность эта выражается главнымъ образомъ въ положеніяхъ: о границахъ пріобрѣтенія осушеннаго русла и намывовъ, о юридическомъ дѣйствіи осушенія рѣкою государственной собственности, занятой рѣкою подъ свое русло. Стрр. 18. 130. 131, выше.

номъ, чисто-римскомъ, видѣ удовлетворительною. Строгая теорія, заключая вполнѣ раціональное начало о принадлежности русла публичныхъ рѣкъ государству, въ послѣдовательномъ примѣненіи своемъ можетъ повести къ весьма несправедливымъ результатамъ. Тоже нужно сказать и о томъ видоизмѣненіи, которое строгая теорія представляетъ въ позднѣйшемъ правѣ alvei fluminis publici размежеванныхъ земель. Недостатокъ Лабеоновой, гуманной, теоріи заключается въ томъ, что она, допуская публичныя рѣки съ частнымъ ложемъ, не достаточно считается съ интересомъ, который имѣютъ общество, государство въ пользованіи такими рѣками. Во всякомъ случаѣ она мало соотвѣтствуетъ значенію, публичныхъ рѣкъ въ соціальномъ и экономическомъ быту современныхъ народовъ, законодательнымъ тенденціямъ новаго времени, ведущимъ все къ большему и большему стѣсненію частной собственности въ интересахъ общественнаго пользованія водами[3]). На выручку недостатковъ римской теоріи здѣсь замѣчательно счастливо приходитъ новое законодательство со своимъ *коррективомъ вознагражденія владѣльца, терпящаго отъ измѣненія рѣкою своего теченія, изъ стараго русла (или цѣны его)*. Нововведеніе это заслуживаетъ всякаго подражанія. Идея о „вознагражденіи изъ стараго русла" является въ высшей степени уравнительной и вполнѣ соотвѣтствуетъ одному изъ основныхъ принциповъ современнаго права—вознаграждать частныхъ собственниковъ каждый разъ когда государство, въ интересахъ общественной пользы, предъявляетъ претензіи на ихъ достояніе (конечно, въ нашемъ случаѣ вознагражденіе только приблизительное, но не должно забывать, что государство, предъявляя свое право на новое рѣчное дно, лишаетъ собственника лишь тѣхъ немногихъ вы-

---

[3]) Эта тенденція особенно ярко сказывается въ новомъ проэктѣ воднаго закона для Пруссіи.

годъ, которыя ему бы остались отъ поземельной собственности, фактически затопленной водою). Только, какъ мы видѣли, новыя законодательства, усвоившія идею о вознагражденіи изъ стараго русла, проводятъ ее разнымъ образомъ. 1) По германскимъ кодексамъ—Прусскому и Австрійскому—эта идея комбинируется съ римскимъ положеніемъ о пріобрѣтеніи русла прибрежными владѣльцами такъ, что, если обсохшее русло не поступило никому въ видѣ вознагражденія, то оно пріобрѣтается прибрежными владѣльцами (ope occupationis въ прусскомъ правѣ и ipso iure въ австрійскомъ). 2) По праву французскому оставленное русло поступаетъ только на вознагражденіе владѣльцевъ, потерпѣвшихъ отъ измѣненія рѣкою своего теченія; если таковыхъ нѣтъ, то оно очевидно остается за государствомъ. Изъ этихъ двухъ системъ предпочтенія заслуживаетъ германская, такъ какъ оставленное русло, когда оно не должно служить цѣлямъ вознагражденія, гораздо болѣе выигрываетъ въ хозяйственномъ отношеніи въ рукахъ прибрежныхъ владѣльцевъ, къ владѣніямъ которыхъ оно примыкаетъ, чѣмъ въ рукахъ государства.

Выборъ, затѣмъ, въ области германской системы между пріобрѣтеніемъ оставленнаго русла ipso iure или путемъ захвата, составляетъ задачу конкретнаго законодательства той или другой страны, обусловленную экономическою цѣнностью земли въ ней, особенностями землевладѣнія. Для страны, съ обширной площадью земли, гдѣ небольшіе земельные участки не имѣютъ особенной цѣны, какъ въ Россіи, можетъ быть рекомендована оккупація оставленнаго русла со стороны прибрежныхъ владѣльцевъ (которой можетъ быть поставленъ въ законѣ предѣльный срокъ, по истеченіи котораго alveus будетъ почитаться собственностью государства)[4].

---

[4]) Петражицкій—„Права добросовѣстнаго владѣльца", стр. 137, примѣч.—рекомендуетъ съ точки зрѣнія цивильной политики присужденіе оставленнаго русла и острововъ ближайшимъ владѣльцамъ (слѣдовательно поддерживаетъ

Не столь удачно нововведеніе, дѣлаемое большинствомъ современныхъ законодательствъ въ области права острововъ, въ публичныхъ рѣкахъ возникающихъ, когда они объявляютъ эти острова государственной собственностью. Это потому, что острова, въ публичныхъ рѣкахъ возникающіе, гораздо лучше и полнѣе могутъ быть эксплоатируемы со стороны прибрежныхъ владѣльцевъ, близъ владѣній которыхъ они находятся, чѣмъ со стороны правительства.

Что касается правилъ относительно раздѣленія оставленнаго русла и острововъ, когда они пріобрѣтаются прибрежными владѣльцами, то тутъ можно выбирать между римскими постановленіями въ усвоенной имъ Прусскимъ кодексомъ редакціи (выше) и между системою, предложенною Генрици*). Первыя математически менѣе точны, требуютъ менѣе сложныхъ измѣреній, а потому и предполагаютъ меньше расходовъ при своемъ приложеніи въ жизни; за системою Генрици слѣдуетъ признать обратныя качества.

2) *Колебанія уровня моря.* Эта матерія имѣетъ гораздо меньшую практическую важность, чѣмъ только что изложенная. Однако, поскольку колебанія уровня моря могутъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нуждаться въ юридической регламентаціи, ее слѣдовало-бы произвести такъ: Въ отличіе отъ господствующаго въ римской юриспруденціи мнѣнія, мор-

---

римское положеніе строгой теоріи о пріобрѣтеніи alvei прибрежными сосѣдями). Не видимъ, чтобы защищаемое нами начало вознагражденія владѣльца, потерпѣвшаго отъ измѣненія рѣкою своего теченія, отступало отъ выставленнаго названнымъ авторомъ „принципа распредѣленія alvei derelicti и insularum между пригодными дестинатарами“ (т. е. ближайшими владѣльцами). Владѣлецъ, потерпѣвшій отъ измѣненія рѣкою своего теченія, слѣдовательно имѣющій по предлагаемой нами системѣ право на русло, и будетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ ближайшимъ, береговымъ владѣльцемъ. Преимущество-же присужденія оставленнаго русла владѣльцу, потерпѣвшему отъ alvei mutatio, передъ присужденіемъ его береговому владѣльцу безусловно и вообще, заключается въ томъ, что по защищаемому нами нововведенію современной кодификаціи невозможны тѣ несправедливые выводы, къ которымъ приводитъ римская строгая теорія (выше, вып. I, стр. 151).

*) Выше, стрр. 103 сл.

ской берегъ и береговое море по воззрѣніямъ современнаго государственнаго и международнаго права представляютъ государственное достояніе. Принявъ къ руководству это правило, нужно признать правильнымъ положеніе: частная земля, превращаемая колеблющимся въ своемъ уровнѣ моремъ въ морское дно, становится государственною собственностью.

Право намыва у морскаго берега, исключаемое нѣкоторыми современными кодексами, должно быть исключено и впредь. Полоса морскаго берега, принадлежащая государству, отдѣляетъ расположенныхъ за нею частныхъ владѣльцевъ отъ намыва; слѣдовательно, эти владѣльцы не могутъ увеличить непосредственно своихъ владѣній на его счетъ; допустить-же увеличеніе частныхъ владѣній на счетъ полосы морскаго берега, въ соотвѣтствіи съ увеличеніемъ послѣдней, —предполагаетъ значительныя затрудненія [5]).

3) Передвиженіе стоячими водами своихъ вмѣстилищъ. Колебанію уровня стоячихъ водъ, кромѣ большихъ озеръ, которыя по своему значенію для судоходства приравниваются къ морямъ (слѣдовательно подлежатъ обсужденію по тѣмъ-же началамъ, какъ и моря) [6]), не можетъ быть усвоено публицирующихъ и экспублицирующихъ дѣйствій. Эти воды составляютъ часть грунта, на которомъ онѣ расположены. Пере-

---

[5]) А именно, эта система предполагаетъ въ каждомъ случаѣ намыва у берега моря измѣренія площади, на которую должна быть урѣзана прежняя полоса морскаго берега. Отсюда неопредѣленность и непостоянство черты, отдѣляющей морской берегъ отъ частныхъ владѣній, а за этимъ споры и препирательства изъ за пространства, подлежащаго общественному пользованію. Кромѣ того при этой системѣ возникаетъ нелегкій вопросъ о судьбѣ концессіонированныхъ государствомъ въ пользу 3-ихъ лицъ построекъ на берегу, которыя, вслѣдствіе пониженія уровня моря, должны будутъ перейти въ собственность частныхъ сосѣдей.

[6]) Замѣтимъ кстати, что вопросъ о юридическомъ обсужденіи большихъ (публичныхъ) озеръ принадлежитъ къ числу самыхъ заброшенныхъ въ литературѣ современнаго римскаго права. И наша книга, по свойству своей темы и намѣченныхъ для изслѣдованія рамокъ, мало прибавляетъ къ этому вопросу.

движеніе ими своихъ вмѣстилищъ важно для ихъ собственниковъ по экономическимъ, а отнюдь не юридическимъ соображеніямъ: ни самое свойство частной собственности, ни границы ея, какъ-бы сильно эти воды не расширяли или не съуживали своихъ вмѣстилищъ, не измѣняются. Однако, въ виду сродства явленія передвиженія стоячими водами своихъ вмѣстилищъ съ измѣненіемъ рѣками своего теченія и колебаніями уровня моря, полезно было-бы включить въ будущій законъ, по примѣру римскаго права и нѣкоторыхъ современныхъ законодательствъ, положеніе, что стоячія воды не имѣютъ права примыва и что за колебаніями ими своего уровня не признается измѣняющаго право собственности дѣйствія.

III.

Въ области проблемы отграниченія понятія наводненія отъ понятія передвиженія водами своихъ вмѣстилищъ

Нужно отдать полную дань справедливости сдержанному отношенію новѣйшихъ законодательствъ къ опредѣленію понятія наводненія.

Все сказанное можно резюмировать въ слѣдующихъ краткихъ положеніяхъ:

1. Русло публичныхъ рѣкъ составляетъ собственность государства.
2. Приращеніе берега, совершающееся отъ дѣйствія воды медленно, непримѣтно—намывъ,—составляетъ пріобрѣтеніе береговаго владѣльца.
3. Пространственныя границы, въ которыхъ намывъ пріобрѣтается, опредѣляются: въ ширину рѣки—линіей, проходящей по серединѣ ея; въ длину

рѣки—перпендикулярами, опущенными изъ крайнихъ точекъ протяженія отдѣльныхъ владѣній по берегу на среднюю линію.

На морскихъ берегахъ право намыва не имѣетъ мѣста.

4. Если рѣка, измѣнивъ свое теченіе, образуетъ новое русло, то оно становится такимъ-же государственнымъ имуществомъ, какимъ было и прежнее; владѣльцы-же земель, по которымъ рѣка прошла своимъ новымъ теченіемъ, получаютъ вознагражденіе изъ оставленнаго русла или цѣны его, по мѣрѣ своихъ убытковъ.

5. Если рѣка осушитъ свое русло, не проложивъ себѣ новаго, то такое русло пріобрѣтается прибрежными владѣльцами. Русло дѣлится..... (начала дѣлежа римскія, въ редакціи Прусскаго кодекса).

6. Острова, въ публичныхъ рѣкахъ возникающіе, пріобрѣтаются прибрежными владѣльцами и дѣлятся между ними по правиламъ, изложеннымъ выше для дѣленія русла.

7. Земля, превращающаяся вслѣдствіе повышенія уровня моря въ морское дно, становится собственностью государства.

8. Положенія 4—7 не примѣняются къ передвиженію своихъ вмѣстилищъ стоячими водами. Колебанія уровня ихъ, какъ таковыя, не преюдицируютъ правамъ на землю. Публичныя озера обсуждаются какъ моря.

9. Временное занятіе, затопленіе земель публичными водами не оказываетъ само по себѣ никакого вліянія на пріобрѣтенныя на эти земли права.

КОНЕЦЪ.

Ярославль. 1897 года,
Августъ.

Указатель источниковъ.

(Жирнымъ шрифтомъ отмѣчены страницы, на которыхъ указанному мѣсту дается пространное толкованіе).

Institutiones Iustiniani.

Digesta.

Institutiones Gaii.

Pauli Sententiae.

Basilica.

Римскіе землемѣры.

Другіе римскіе писатели.

Cicero	„De re publica".	
		I, 16. 92.
	„De oratore".	
		I, 38. 78. 209. 227.
Horatius	„Epistolae".	
		I, 2. 42. 97.
Livius	„Ab Urbe condita".	
		II, 5. 3-4. 78.
		39. 44. 236. 257.
Plinius.	„Historiae Naturalis libri".	
		I, 95. 78.
Tacitus.	„Annales".	
		14, 18. 107.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

ЧАСТЬ II-я.

О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДѢ РУСЛА ПУБЛИЧНЫХЪ РѢКЪ.

РАЗДѢЛЪ I-й.

Контроверса римскихъ юристовъ о юридической конструкціи русла публичныхъ рѣкъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вступительныя замѣчанія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Строгая теорія (конструкція русла публичной рѣки съ юридически-постояннымъ свойствомъ).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Лабеонова или гуманная теорія (конструкція русла публичной рѣки съ юридически-измѣнчивымъ свойствомъ).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Общій взглядъ на обѣ теоріи.

РАЗДѢЛЪ II-й.

Право русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Разборъ традиціонной доктрины. Ius alluvionis.

ГЛАВАЯ ВТОРАЯ.

Періодъ первый: древнѣйшее право русла публичныхъ рѣкъ въ размежеванныхъ земляхъ.

Замѣченныя погрѣшности,

НАРУШАЮЩІЯ СМЫСЛЪ.

СТРАНИЦА.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	НУЖНО ЧИТАТЬ.
41	1 сверху	задачею права вознагражть	задачею права, съ точки зрѣнія римскаго правовоззрѣнія, вознаграждать.
51	8 снизу	Cujacius: „Notae“ in § 22, II. 1, I. I. (Append. edit. Neapol. I)	Cujacius: „Comment. in Instit. Dn. Iustiniani“, in § 22, II. 1. (T. VIII, ed. Mutinae 1780)
146	4 снизу	Cujacius: „Notae“ in § 24, I. I.	Cujacius, Comment. cit. in § 24, II. 1, I. I.
160	19 снизу	l 1 § 8, eodem	l. 2 § 8, eodem
160	20 снизу	l 1 § 9, 43. 8, ne quid in loco publico, D.	l. 2 § 9, 43. 8, ne quid in loco publico, D.
162	3 сверху	cuius fructus	cuius usus fructus
174	5 снизу	рѣкою [8]) [8a]).	рѣкою [7]) [8]) [8a])
19[illegible]	4 снизу	l. 24 § 7. 4, quibus modis usus fructus, D.	l. 24, 7. 4, quibus modis usus fructus, D.
208	11 „	намыва оставленнаго	намыва, оставленнаго
209	3 сверху	C.C....	C....
213	9 сверху	законовъ	знаковъ
214		114	214
	7 „	и публикаціей	о публикаціи
216	1 „	стр. 10	стр. 212
222	14 сверху	нашего мѣста	нашихъ мѣстъ
227	4 снизу	Выше стр.	Выше, стр. 209.
235	14 снизу	искусства въ назиданіе	искусства, въ назиданіе
258	12 сверху	Сикула:	Сикула и читать:
	16 снизу	Populi publica	populi publica
271	8 „	vagare	vagari
274	4 сверху	praecario	precario

И. Я. Гурляндъ.

Приватъ-доцентъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ИДЕЯ ПАТРОНАТА

КАКЪ ИДЕЯ

ВНУТРЕННЯГО УПРАВЛЕНІЯ.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-Литографія Э. Г. Фалькъ. Духов. ул., соб. домъ.

1898.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

Памяти Отца.

Оглавленіе.

Предисловіе. Стран.

Стран

Стран.

Настоящая книга является попыткой путемъ анализа тѣхъ своеобразныхъ отношеній, которыя рождаются изъ покровительства и защиты всякаго рода, опредѣлить идею законнаго покровительства, т. е. такого, которое можетъ быть юридически конструировано и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣлить мѣсто этой идеи среди другихъ идей, входящихъ въ составъ идеи внутренняго управленія и его права. Теоретическое значеніе такой попытки, въ случаѣ, если она удастся, понятно: она позволитъ ближе подойти къ опредѣленію природы понятія внутренняго управленія и его права. Практическое значеніе ея мы видимъ въ самомъ жизненномъ значеніи идеи патроната, этой какъ бы примиряющей сферы между крайностями индивидуализма и государственнаго соціализма.

Еще Вайцъ въ его Verfass.=Gesch. (II, I, 255, и сл.) отмѣтилъ, а Фюстель-де-Куланжъ въ его Les origines du systeme féodal (стр. 192) повторилъ, что вездѣ, гдѣ государственная власть по тѣмъ или инымъ причинамъ не достаточно полно проникаетъ и недостаточно защищаетъ правовые интересы гражданъ, непремѣнно болѣе слабые ищутъ покоя и защиты подъ покровительствомъ болѣе сильныхъ. Это-же стремленіе рождаетъ своеобразный матерьялъ для юридической конструкціи, которая можетъ быть дана уже на томъ одномъ основаніи, что, при всемъ разнообразіи отношеній, принципіальной разни-

цы между ними нѣтъ. Какъ говоритъ Вайцъ, эти отношенія создавались самой жизнью и всегда по однимъ и тѣмъ-же побужденіямъ, а Фюстель-де-Куланжъ прибавляетъ: «все разныя названія, но все одинъ и тотъ-же институтъ, переходящій изъ вѣка въ вѣкъ; его сущность въ томъ, что одинъ отдается въ зависимость другому».

Однако, что-же это за своеобразныя отношенія? Если принципъ ихъ—зависимость, какъ думаетъ Фюстель-де-Куланжъ, то гдѣ предѣлы этой зависимости и какъ эти предѣлы опредѣляются? Задавшись такими вопросами, мы разсмотрѣли наиболѣе типичныя формы подобныхъ отношеній и пришли во первыхъ, къ установленію ряда общихъ признаковъ, во вторыхъ, къ возможности путемъ этихъ признаковъ предложить юридическую конструкцію самой идеи. И тогда идея патроната получила въ нашихъ глазахъ значеніе идеи юридической защиты юридически слабыхъ со стороны юридически сильныхъ, возникающая изъ той или иной общности интересовъ и имѣющая цѣлью основную цѣль полицейскаго права—установленіе условій для всесторонняго развитія силъ индивида. Эта защита—юридическая, такъ какъ, устанавливаемая закономъ ведетъ къ юридическимъ послѣдствіямъ: устанавливаетъ права и обязанности обѣихъ сторонъ и юридически защищается; эта защита направлена на юридически слабыхъ, такъ какъ защита фактически слабыхъ не устанавливается закономъ и есть обыкновенно слѣдствіе добровольнаго соглашенія; эта защита устанавливается въ виду той или иной общности, такъ какъ защита, устанавливаемая внѣ такой общности, такой связи, не можетъ быть ни юридической, ни законной; эта защита имѣетъ, наконецъ, цѣлью установленіе условій для все-

сторонняго развитія силъ индивида, такъ какъ такую цѣль имѣетъ всякая защита вообще.

Такъ какъ съ самаго начала мы признали правильность того взгляда, по которому отношенія по такому патронату являются какъ бы слѣдствіемъ слабости государственной власти, то, казалось бы, мы должны были бы также признать, что съ того момента и тамъ, гдѣ государственная власть, усилившись, получаетъ возможность оказывать защиту всѣмъ правовымъ интересамъ гражданъ идея патроната перестаетъ жить и въ сознаніи и на практикѣ. Но болѣе внимательное разсмотрѣніе привело насъ къ мысли, что тогда и тутъ идея патроната, только какъ бы теряетъ свои специфическія особенности, видоизмѣняетъ формы проявленія, но остается все той-же по существу. До сихъ поръ являясь идеей самостоятельной, имѣвшей самостоятельную сферу воздѣйствія, она подпадаетъ тутъ подъ вліяніе идеи власти и становится одной изъ идей внутренняго управленія и его права.

Другими словами: при слабости государственной власти идея патроната замѣняетъ собой отсутствіе принциповъ, на почвѣ которыхъ могло бы развиться право внутренняго управленія; при усиленіи государственной власти, а, значитъ, и при возникновеніи права внутренняго управленія, идея патроната входитъ въ кругъ идей, которыми право внутренняго управленія опредѣляется.

Но изъ разсмотрѣнія историчеекаго развитія идеи патроната слѣдуетъ, какъ читатель увидитъ ниже, выводъ, что отношенія по патронату легко вызываютъ со стороны патронируемаго борьбу за независимость. Лич-

ность, въ патронатъ нашедшая защиту и подъ патронатомъ окрѣпшая, получившая возможность полнѣе и всестороннѣе развивать свои индивидуальныя силы, не пренебрегаетъ первыми обстоятельствами, чтобы широко воспользоваться своимъ усиленіемъ; и, какъ это легко объяснимо, въ такихъ случаяхъ однимъ изъ слѣдствій должно явиться стремленіе личности выйти изъ подъ патроната. Отсюда и въ исторіи формированія идеи внутренняго управленія и его права вполнѣ объяснимо наступленіе такого момента, когда личность, заявивъ о своихъ правахъ на самостоятельное развитіе, начинаетъ борьбу за ослабленіе воздѣйствія идеи патроната, вошедшей въ составъ идеи внутренняго управленія, и рядомъ съ идеями государственнаго индивидуализма и патроната выставляетъ, какъ новую составную часть идеи внтренняго управленія, еще одно начало—начало свободной личности.

Такимъ образомъ, идея внутренняго управленія представляется намъ органическимъ соединеніемъ трехъ идей: государственнаго индивидуализма, идеи патроната въ указанномъ смыслѣ слова и идеи личности.

Но мы идемъ дальше. Если бы можно было утверждать, что при крѣпкой государственной власти, т. е. при власти, сознающей свои спеціальныя задачи и имѣющей средства осуществлять ихъ, идея патроната въ ея самостоятельныхъ проявленіяхъ не имѣетъ и не должна имѣть мѣста, то на этомъ пришлось бы и закончить исторію идеи патроната. Мы видимъ, между тѣмъ, что усиленіе государственной власти влечетъ за собой расширеніе государственныхъ задачъ, осуществленіе-же послѣднихъ вызываетъ умноженіе точекъ столкновенія между общими

интересами и частными, а это, въ свою очередь, неизбѣжно ведетъ въ дилеммѣ: или все только въ государствѣ, или-же все и черезъ государство. Два конечныхъ пункта, дающихъ основаніе для двухъ другъ друга исключающихъ ученій о задахъ внутренняго управленія и границахъ его дѣятельности. Но государство, безсильное осуществить задачу того ученія, которое провозглашаетъ «все черезъ государство», не можетъ безъ видимаго вреда для себя, оставаться и въ границахъ ученія, провозглашающаго «все только въ государствѣ, но не черезъ него». Вмѣстѣ съ Hauriou (Précis de droit administratif) мы указываемъ на то, что, съ одной стороны, нормальный ходъ государственной жизни тормозится необычайнымъ ростомъ конкуренціи, перепроизводства, частыми кризисами, неорганизованностью отношеній между рабочими и хозяевами, съ другой-же стороны, отсутствуютъ данныя, на основаніи которыхъ можно было бы установить точныя границы для государственнаго вмѣшательства. А это, въ свою очередь, создаетъ опасность или отказаться отъ нормальнаго развитія въ государствѣ, или-же вернуться къ полицейскому государству, хотя бы и въ новыхъ его формахъ.

Въ отвѣтъ на эти вопросы мы предлагаемъ такое рѣшеніе: государство развивается при дѣятельной помощи внутренняго управленія, но энергія послѣдняго должна соотвѣтствовать внутренней силѣ общества, надъ которымъ оно оперируетъ, а показателемъ такой внутренней силы является, конечно, степень самостоятельности личности. Слѣдовательно, и внутреннему управленію предстоитъ отнюдь не задача выбирать между двумя крайними принципами, а задача болѣе благодарная—найти

средство примирить ихъ. Въ этомъ смыслѣ огромную службу можетъ сослужить юридически конструированная идея законнаго патроната. Всякое развитіе состоитъ въ созданіи условій для массового перехода отъ нисшихъ формъ къ высшимъ, самый же процессъ этого перехода не можетъ быть достигнутъ при помощи идеи личности, взятой изолированно отъ другихъ органическихъ частей идеи внутренняго управленія; идея личности можетъ только помочь индивидамъ вполнѣ приспособленнымъ приспособиться еще болѣе, но для массы менѣе приспособленныхъ организмовъ она болѣе опасна, чѣмъ полезна. Процессъ этого перехода не можетъ быть достигнутъ и при помощи государственнаго вмѣшательства, которое, самое большое, что оно можетъ сдѣлать, въ состояніи лишь регулировать процессъ этого перехода. Идея-же патроната, какъ показываетъ самое опредѣленіе ея, имѣетъ своей основной цѣлью прикрывать неприспособившійся или недостаточно приспособившійся организмъ сферой правъ и силы организма болѣе приспособившагося. Какъ показываетъ историческое разсмотрѣніе формъ проявленія идеи патроната, она всегда играла роль той примиряющей идеи, которая восполняла слабымъ недостатокъ въ правахъ при помощи защиты и покровительства со стороны сильныхъ. Правда, въ наши дни, когда юридическое равенство получило значеніе общераспространеннаго и почти повсемѣстно признаваемаго основного принципа государственной жизни, трудно говорить о недостаткѣ правъ, и вопросъ идетъ почти исключительно о фактическомъ неравенствѣ, но фактическая слабость нашихъ дней является непосредственнымъ продолженіемъ юридической слабости прошлаго.

Изложеніе наше было бы неполно, если бы мы въ заключеніе не привели ученія о такъ называемомъ добровольномъ патронатѣ, выставленнаго впервые Ле-Плэ и если бы мы не коснулись вопроса о соотношеніи идеи патроната въ принятомъ нами смыслѣ съ идеей, покоящейся въ основѣ различныхъ патронатныхъ учрежденій.

Впередъ принимая вполнѣ заслуженный упрекъ въ томъ, что не всѣ части нашей работы изложены съ одинаковой полнотой, мы оправдываемся только желаніемъ выпустить въ свѣтъ хотя бы конспективное изданіе нашей попытки, которая, такимъ образомъ, является какъ бы лишь введеніемъ въ задуманный нами еще нѣсколько лѣтъ назадъ трудъ: «опредѣленіе понятія внутренняго управленія, его права и системы».

Въ заключеніе, считаемъ важнымъ обратить вниманіе читателя еще на одну особенность настоящей книги: вмѣсто того, чтобы вести читателя къ нашимъ положеніямъ тѣмъ путемъ, какимъ приходилось итти намъ, мы предлагаемъ ему путь менѣе затруднительный—путь провѣрки, а не изысканій. Поэтому мы начинаемъ изложеніе съ конструкціи, а не заканчиваемъ ею; точно также устанавливаемъ сначала историческую судьбу идеи патроната и затѣмъ обосновываемъ нашъ взглядъ, но не обратно. Этимъ мы имѣли въ виду достичь двѣ цѣли: облегчить читателю чтеніе книги, избавивъ его отъ ряда подробностей, отнесенныхъ въ примѣчанія; кромѣ того, мы, такимъ образомъ, могли продѣлать двойную работу и сличить полученные при одномъ и другомъ пріемѣ результаты.

Литература, которой мы пользовались, не смотря на обширность, конечно не исчерпываетъ того круга изслѣ-

дованій и первоисточниковъ, которыми, быть можетъ, слѣдовало бы намъ пользоваться. Но мы не можемъ не обратить вниманія на то, что, по самому свойству темы, едва-ли мы вправѣ были разсчитывать разработать вопросъ, дѣйствительно, съ исчерпывающей полнотой. Мы смотримъ на нашъ трудъ, какъ на первую попытку въ данномъ направленіи, едва намѣченномъ въ литературѣ, не подвергавшемся еще спеціальному изслѣдованію. Съ этой же точки зрѣнія предлагаемъ отнестись къ нашему труду и читателямъ.

I.

Мѣсто, занимаемое ученіемъ о патронатствахъ въ литературѣ науки полицейскаго права. Отсутствіе въ наукѣ анализа идеи патроната. Опредѣленіе идеи патроната въ широкомъ смыслѣ. Опредѣленіе идеи патроната въ узкомъ смыслѣ слова. Идея патроната, какъ идея законной защиты. Элементы понятія. Отличіе отъ идеи попечительства. Отличіе отъ идей господства и рабства, власти и подчиненности. Отличіе отъ идеи опеки. Задачи дальнѣйшаго изложенія.

Существующія системы науки полицейскаго права или вовсе не касаются вопроса о патронатствахъ, а потому, слѣдовательно, и не интересуются анализомъ идеи патроната, или же, если и говорятъ о патронатствахъ, то вскользь, не придавая, видимо, учрежденіямъ такого характера особаго значенія въ сферѣ права внутренняго управленія. Можно далѣе сказать, что полицеисты находятъ примѣненіе такого рода учрежденіямъ лишь по отношенію къ малолѣтнимъ преступникамъ, выпущеннымъ изъ исправительныхъ пріютовъ и колоній, а очень немногіе—и по отношенію къ отбывшимъ наказаніе тюремнымъ сидѣльцамъ. За идеей патроната, такимъ образомъ, т. е. за основаніемъ, вызвавшимъ къ жизни учрежденія патронатствъ, наука полицейскаго права признаетъ только весьма ограниченную область вліянія и воздѣйствія; что же касается анализа этой идеи и историческаго ея разсмотрѣнія, то въ этомъ направленіи, насколько намъ извѣстно, не сдѣлано еще ничего.

Не говоря уже о первыхъ системахъ—Юсти, Зонненфельса и другихъ, даже въ такой, сравнительно уже позднѣйшей системѣ, какой является система Роберта Моля [1]), раз-

---

[1]) Правда, у Роберта Моля встрѣчается указаніе на то, какъ надлежитъ поступать съ выпущенными изъ тюрьмы преступниками, но онъ становится

работавшаго до мелочей всѣ вопросы, которые, по его мнѣнію, входятъ въ область нашей науки,—даже въ этой системѣ нѣтъ и намека на учрежденія патронатствъ. Въ другой, еще болѣе тщательно разработанной системѣ и къ тому же разработанной на основаніи позднѣйшихъ научныхъ данныхъ, встрѣчается лишь нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній объ учрежденіяхъ патроната, но при этомъ о патронатствахъ говорится исключительно въ примѣненіи къ лицамъ отбывшимъ наказаніе и къ выпущеннымъ изъ пріютовъ малолѣтнимъ преступникамъ. Мы говоримъ о системѣ Лоренца Штейна [2]. Въ системѣ Реслера [3], построенной, какъ извѣстно, совсѣмъ на иныхъ началахъ, исходящей изъ совершенно своеобразныхъ основаній, идея патроната окончательно игнорируется, если, впрочемъ, не считать указанія въ отдѣлѣ объ элементарныхъ школахъ на существованіе особыхъ школъ для малолѣтнихъ преступниковъ: тутъ авторъ вспоминаетъ и объ обществахъ, заботящихся о малолѣтнихъ преступникахъ, что, по всей вѣроятности, и имѣетъ въ виду учрежденія патронатства. Такое отношеніе Реслера къ идеѣ патроната тѣмъ болѣе удивительно, что Реслеръ считаетъ

тутъ лишь на точку зрѣнія такъ называемой полиціи безопасности (старыхъ системъ науки полицейскаго права); его интересуетъ этотъ вопросъ настолько, насколько прошлое пребываніе лица въ тюрьмѣ можетъ служить основаніемъ при личномъ задержаніи. Ср., напр., стр. 30, прим. 8, 3-го тома его Polizei-Wissenschaft. Тутъ авторъ отсылаетъ къ сочиненіямъ Лотца, Циммерманна и Берга, но эти писатели держатся въ общемъ того же взгляда. Этого, впрочемъ, и слѣдовало ожидать, принимая во вниманіе, что ихъ системы по времени старше системы Моля. См. Lotz, Ueber den Begriff der Polizei, стр. 105; Zimmermann, Deutsche Polizei, т. II, стр. 496; Block, Dictionnaire de l'administration, стр. 1499 и слѣд. Всѣ эти писатели, стараясь опредѣлить сферу примѣненія со стороны полиціи принудительныхъ мѣръ (въ данномъ случаѣ—личное задержаніе) признаютъ преступное прошлое лица достаточнымъ основаніемъ для принужденія. Идея покровительства и патроната въ этихъ работахъ вовсе не затронута.

[2]) Die Verwaltungslehre, II, Th. 1 Aufgeb., 3 Th., стр. 166 и слѣд.

[3]) Roesler, Das Sociale Verwaltungsrecht, т. II, стр. 108 и 109, пр. 6.

возможнымъ и нужнымъ ввести въ свою систему изученіе вопросовъ, связанныхъ съ Markgenossenschaft, Hofgenossenschaft, Vogteiherrschaft, Lehensherrschaft, Landesherrschaft [1]). Въ системѣ Г. Мейера, а это одна изъ новѣйшихъ системъ, также нѣтъ ученія объ учрежденіяхъ, осуществляющихъ идею патроната, и даже въ отдѣлѣ объ обученіи безпризорныхъ и преступныхъ дѣтей не упоминается, что существуютъ спеціальныя общества патроната [2]). Ничего нѣтъ о патронатствахъ и въ системѣ Гумпловича, не смотря на практическій характеръ его книги [3]), нѣтъ такихъ указаній и у Инама-Стернегга [4]) и у Леннинга [5]).

Обратимся-ли мы къ французской литературѣ — тамъ тоже явленіе. Ни Батби [6]), ни Макарель [7]), ни Вивьенъ [8]), ни Кабанту [9]) совсѣмъ не упоминаютъ объ идеѣ патроната, хотя, съ другой стороны, у Батби мы можемъ найти рядъ замѣчаній по вопросамъ, которые, по нашему мнѣнію, должны входить въ общее ученіе объ этой идеѣ [10]), а Вивьенъ прямо опредѣляетъ полицію, какъ совокупность трехъ основныхъ категорій: безопасность государства, покровительство (protection) личности и благосостояніе общества [11]). Разсматривая это покровительство лишь какъ одну изъ категорій, онъ придаетъ поэтому ему ограничительное и довольно узкое толкованіе [12]). Впервые, среди этой плеяды наиболѣе извѣст-

[1]) Roesler, Das sociale Verwaltungsrecht, т. I, стр. 319 и сл.
[2]) Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrechtes, т. I, стр. 257.
[3]) Verwaltungslehre mit bes. Berücksichtigung des Oest. Verw.
[4]) Verwaltungslehre in Umrissen.
[5]) Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrechts.
[6]) Traité théoretique et pratique de droit public et administratif, I—VII.
[7]) Cours d'administration et de droit administratif I—IV.
[8]) Études administratives, I—II.
[9]) Répétitions écrites sur le droit administratif.
[10]) Batbie, цит. соч. т. II. гл. 3, (liberté individuelle), стр. 334 и сл.
[11]) Vivien, цит. соч. т. II, гл. 2, (la police) стр. 114.
[12]) Idem, стр. 127. Онъ такъ опредѣляетъ эту категорію общаго понятія о

ныхъ французскихъ административистовъ, мы встрѣчаемъ нѣкоторыя, хотя, правда, и скудныя свѣдѣнія о патронатствахъ у Лаферьера [1]), который, разбирая законъ 5 августа 1850 г. [2]), вводитъ въ систему не только вопросъ объ исправленіи малолѣтнихъ преступниковъ, но и высказывается, согласно этому закону, за необходимость учреждать патронатства. О самой идеѣ, лежащей въ основѣ такихъ организацій, онъ, впрочемъ, не говоритъ вовсе [3]).

Нѣсколько въ иномъ положеніи находится интересующій насъ вопросъ въ работахъ новѣйшихъ французскихъ административистовъ. Но съ этимъ позднѣйшимъ теченіемъ намъ удобнѣе будетъ знакомить читателя въ дальнѣйшемъ изложеніи постепенно.

Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы указанное отношеніе французскихъ писателей административистовъ 50—70-хъ

полиціи: „la protection des personnes trouve sa principale garantie dans les lois qui punissent de peines, proportionnés à la gravité des faits, les attentas dirigés contre un citoyen, et même les actes involontaires de négligence ou d'imprudence qui ont occasionné la mort ou des blessures.

[1]) Cours théoretique et pratique de droit public et administratif. т. I, стр. 534.

[2]) Этотъ законъ, вызванный къ жизни успѣхами извѣстной Меттрэйской колоніи, былъ, въ сущности, первымъ французскимъ узаконеніемъ по вопросу объ исправительныхъ заведеніяхъ для малолѣтнихъ преступниковъ. Хотя онъ и не вошелъ въ кодексъ въ измѣненіе и дополненіе 66 и 67 ст., тѣмъ не менѣе, съ появленіемъ его для французской администраціи стало обязательнымъ отсылать дѣтей, приговоренныхъ по вышеприведеннымъ статьямъ къ заключенію въ исправительномъ домѣ,—по преимуществу въ тѣ заведенія, которыя онъ имѣлъ въ виду. Статья 21-я (о патронатахъ) гласитъ: особый наказъ (онъ былъ проектированъ въ 64 г., но такъ и не получилъ утвержденія) опредѣлитъ какъ дисциплинарный порядокъ въ публичныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ цѣлью исправленіе и воспитаніе преступныхъ дѣтей, такъ способъ покровительства надъ ними по освобожденіи. Laferrière, ц. с. стр. 535, ср. А. Богдановскій, Молодые преступники, изд. 2-е, стр. 146—149.

[3]) Тутъ, кстати, невольно приходится выразить удивленіе тому обстоятельству, что ни Кабанту, ни Макарель, ни Вивьенъ, сочиненія которыхъ вышли уже послѣ изданія упомянутаго закона, совсѣмъ не упоминаютъ о патронатствахъ, этомъ прямомъ слѣдствіи закона 5 августа. Тѣмъ болѣе странно наблюдать этотъ пробѣлъ у Батби, курсъ котораго вышелъ черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ изданія этого закона.

годовъ къ идеѣ патроната лишало эту идею какъ возможности развиваться въ практической жизни, такъ и находить себѣ извѣстный откликъ въ общемъ строѣ и направленіи теоретическихъ системъ. Наоборотъ: гораздо болѣе, чѣмъ, напримѣръ, литература германская, французская литература проникнута сознаніемъ того, что одной изъ основныхъ задачъ внутренняго управленія является покровительство во всѣхъ его многоразличныхъ видахъ и формахъ. Сознаніе это не получило только законченной обработки, не опредѣлилось ни въ какой конструкціи, почему, вѣроятно, идея патроната и не добилась своего мѣста въ системѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прослѣдить тотъ особенный характеръ опредѣленій внутренняго управленія и его права, который мы встрѣчаемъ только у французскихъ административистовъ.

Обратимся къ русской литературѣ. Здѣсь также мы встрѣчаемъ только отдѣльныя, отрывочныя указанія по интересующему насъ вопросу, причемъ, если кто изъ писателей и упоминаетъ объ учрежденіяхъ, осуществляющихъ идею патроната, то лишь въ примѣненіи къ малолѣтнимъ преступникамъ. Такъ, проф. Андреевскій [1], говоря о пріютахъ для малолѣтнихъ преступниковъ, отмѣчаетъ важность „устроенія судьбы ихъ (т. е. питомцевъ пріюта) по выходѣ изъ заведенія, при постоянномъ въ теченіе опредѣленнаго срока наблюденіи за ними и оказаніи имъ въ извѣстныхъ случаяхъ покровительства и защиты“. Проф. Антоновичъ [2]) уже прямо указываетъ въ своемъ курсѣ на учрежденія патроната, а въ общемъ ученіи о союзномъ строѣ и о задачахъ внутренняго управленія дѣлаетъ замѣчанія, которыя можно принять за указаніе на важность и значеніе вообще идеи покровительства въ сферѣ идей права внутрен-

[1]) Полицейское право, изд. 73 г., т. 2, стр. 65.

[2]) Курсъ государственнаго благоустройства, ч. I, стр. 325; ср. стр. 235 и слѣд., также—стр. 1—14.

няго управленія. Проф. Бунге [1]), упоминая въ своемъ курсѣ объ исправительныхъ заведеніяхъ для малолѣтнихъ преступниковъ, совсѣмъ не упоминаетъ объ учрежденіяхъ патроната. Въ системѣ проф. Тарасова опять можно найти спеціальное указаніе на патронатства [2]), но авторъ не останавливается надъ теоретической разработкой мимоходомъ затронутаго имъ вопроса.

Намъ кажется, что сдѣланнаго бѣглаго пересмотра литературы [3]) (мы привели всѣ наиболѣе извѣстныя системы) достаточно, чтобы притти къ выводу, что идея патроната, во первыхъ, не имѣетъ до сихъ поръ мѣста въ системѣ нашей науки и что, во-вторыхъ, она вообще мало интересовала ученыхъ полицеистовъ. Одно изъ двухъ: или эта идея является продуктомъ самаго послѣдняго времени, а, слѣдовательно, теорія не успѣла еще дать ей надлежащую конструкцію, или-же она расплылась по всей системѣ нашей науки въ рядѣ родственныхъ идей, потерявъ при этомъ свои индивидуальныя особенности. Послѣднее кажется намъ болѣе соотвѣтствующимъ дѣйствительности, и странно только одно: какъ могло случиться, что столь своеобразныя учрежденія, какъ хотя бы тѣ-же патронатства исправительныхъ заведеній и своеобразныя отношенія, рождаемыя ими, оставались

1) Полицейское право, т. II, стр. 240—241.

2) Учебникъ науки полицейскаго права, т. I, стр. 177. Въ книгѣ проф. Тарасова, впрочемъ, упомянуты и другія учрежденія, въ основѣ которыхъ лежитъ идея патроната, см. напримѣръ, стр. 1145, т, IV.

3) Конечно, мы тутъ совсѣмъ пока не касаемся ни спеціальной литературы по тѣмъ вопросамъ, которые должны войти въ наше ученіе объ идеѣ патроната, ни, въ частности, литературы, спеціально разсматривающей вопросъ о патронатѣ надъ малолѣтними преступниками, вышедшими изъ пріютовъ, надъ выпущенниками изъ тюремъ, павшими женщинами по выходѣ ихъ изъ убѣжищъ св. Магдалины и т. д. Здѣсь умѣстно будетъ, однако, сказать, что и эта спеціальная литература не отличается ни богатствомъ, ни разнообразіемъ, такъ что преимущественнымъ матеріаломъ служатъ отчеты всякаго рода подобныхъ учрежденій: обществъ, братствъ, союзовъ, попечительствъ и т. д.

не только безъ надлежащаго разслѣдованія, но и вообще почти что внѣ круга идей права внутренняго управленія. Правда, патронатства подвергались анализу въ наукѣ уголовнаго права, но, если наука полицейскаго права включаетъ въ свою систему и отношенія, напримѣръ, по опекѣ, то тѣмъ больше основаній разсматривать въ этой наукѣ учрежденія, въ основѣ которыхъ лежитъ идея патроната. Нельзя забывать, что самостоятельное творчество нашей науки, если признавать ея самостоятельность въ ряду другихъ юридическихъ наукъ, состоитъ въ ея спеціальной точкѣ зрѣнія на предметы, почти всегда одновременно входящіе и въ область другихъ юридическихъ наукъ.

Что-же мы понимаемъ подъ идеей патроната?

Общественная жизнь представляется намъ картиной постояннаго, упорнаго, никогда не прерывающагося процесса приспособленія. Подобно тому какъ люди приспособляются къ природѣ, они приспособляются и ко всѣмъ тѣмъ условіямъ, изъ которыхъ слагается общественная жизнь. Съ другой-же стороны, самая общественная жизнь со всѣми ея условіями является ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ этого-же процесса приспособленія.

Но если бы люди были равны между собой, т. е. еслибы они всѣ обладали одинаковымъ умомъ, одинаковой энергіей, силой воли, характеромъ, имѣли бы одинаковую наслѣдственность и проч.,—не могъ бы возникать и вопросъ о необходимости покровительства для тѣхъ, кто не въ состояніи приспособиться. Общественная жизнь представлялась бы торжествомъ идеи индивидуализма, нѣкоторымъ подспорьемъ къ которой явилась бы идея взаимопомощи. Каждый являлъ бы изъ себя хорошо вооруженную единицу, и только тамъ, гдѣ самимъ ходомъ обстоятельствъ обнаруживалась бы недостаточность единичныхъ усилій, на помощь приходила бы ассоціація. Но, какъ мы сказали, люди не равны между собой:

болѣе слабымъ, въ виду-ли того, что слабость ихъ является простымъ фактомъ, или же въ виду того, что она вытекаетъ изъ правового источника, свойственно искать опоры у болѣе сильныхъ. Сила-же послѣднихъ можетъ опять таки явиться или результатомъ простого факта, или-же результатомъ правового института. И сильные оказываютъ слабымъ эту защиту. Идея, которая проникаетъ собой защиту слабыхъ со стороны сильныхъ, и выражаетъ собой то, что можно назвать идеей патроната. Другими словами: идея патроната есть идея защиты слабыхъ со стороны сильныхъ.

Но, если ближе вдуматься въ содержаніе этой идеи, то становится яснымъ, что подъ столь широкое опредѣленіе подойдутъ до такой степени различныя формы защиты, что, во первыхъ, сдѣлается затруднительнымъ уловить общее ихъ происхожденіе отъ одной и той-же основной идеи; во вторыхъ, придется отказаться отъ мысли дать самой идеѣ юридическую конструкцію. Это заставляетъ ввести въ опредѣленіе рядъ ограниченій.

Какимъ образомъ (мы не спрашиваемъ: въ какой формѣ) можетъ проявиться защита со стороны однихъ другимъ? Во первыхъ, на началѣ самопожертвованія. Такая защита не поддается юридической конструкціи: нельзя установить нормы, которыя регулировали бы большее или меньшее самоуничтоженіе фактически или юридически болѣе сильнаго въ пользу фактически или юридически болѣе слабаго. Во вторыхъ, на началѣ помощи, пожертвованія, отказа отъ чего нибудь со стороны болѣе сильнаго въ пользу болѣе слабаго. Если тутъ и нельзя дать юридическую конструкцію самой защитѣ, то можно, во первыхъ, дать организацію формамъ проявленія этой защиты, во вторыхъ, можно юридической нормой опредѣлять обязанность оказывать такую защиту. Защиту этого второго рода удобно (мы не рискуемъ внести путаницу понятій) назвать защитой на началѣ благотворительности. Наконецъ,

въ третьихъ, защита можетъ быть построена на началѣ покровительства въ собственномъ смыслѣ. Тутъ оказывающій защиту не жертвуетъ собой и можетъ не жертвовать ничѣмъ изъ той совокупности правъ и благъ, которыя принадлежатъ ему. Въ виду того, что онъ почему-либо признаетъ свою связь со слабымъ, онъ присоединяетъ слабаго къ самому себѣ и, такъ сказать, прикрываетъ его собой, и слабый, безъ этого прикрытія предоставленный на волю неблагопріятнымъ случайностямъ, получаетъ подъ этимъ прикрытіемъ извѣстнаго рода усиленіе, которое уже даетъ ему возможность мириться съ послѣдствіями его фактической или юридической слабости. Тутъ мы уже вступаемъ въ область безусловно юридическихъ отношеній.

Такимъ образомъ, идея патроната въ узкомъ смыслѣ есть идея такой защиты слабыхъ со стороны сильныхъ, гдѣ слабый привходитъ къ той совокупности правъ и благъ, которая опредѣляетъ собой защитника, и, получая опредѣленную защиту, несетъ, съ своей стороны, опредѣленныя обязанности. При этомъ еще существуетъ у защищающаго сознаніе извѣстной связи между нимъ и защищаемымъ.

Но мы идемъ дальше въ проводимомъ нами расчлененіи понятій и предлагаемъ и въ послѣднемъ видѣ защиты различать два подвида: во первыхъ, защиту, явившуюся слѣдствіемъ самаго факта беззащитности и только факта, безъ вмѣшательства какого-либо правового основанія, которое рождало бы беззащитность, и, во вторыхъ, беззащитность, явившуюся слѣдствіемъ правового основанія. Въ первомъ случаѣ защита получаетъ всѣ признаки попечительства; во второмъ случаѣ—въ защитѣ осуществляется идея патроната въ ея собственномъ, спеціальномъ значеніи, въ томъ именно, которое имѣетъ эта идея, когда служитъ основаніемъ для спеціальныхъ учрежденій, называемыхъ патронатствами.

Такимъ образомъ, представляя себѣ общественную жизнь

въ видѣ упорнаго, непрерывно продолжающагося процесса приспособленія, мы видимъ въ ней не столько, впрочемъ, борьбу, сколько параллельное существованіе двухъ основныхъ идей [1]: идеи индивидуализма съ ея придаткомъ—идеей взаимопомощи и идеи покровительства или патроната въ широкомъ смыслѣ этого слова. Причина существованія первой идеи понятна сама собой: она коренится въ стремленіи личности къ всестороннему развитію своихъ силъ на ряду съ другими себѣ подобными, а, можетъ быть, и на счетъ себѣ подобныхъ. Причина существованія второй идеи коренится въ неравенствѣ людей, въ естественномъ стремленіи слабыхъ найти защиту у сильныхъ, въ одномъ, наконецъ, изъ слѣдствій того-же процесса приспособленія—въ стремленіи создать коррективъ противъ излишняго господства идеи индивидуализма. Расчленяя далѣе идею патроната, мы приходимъ къ дѣленію ея на: 1) идею самопожертвованія, 2) идею помощи или идею благотворительности и 3) идею патроната въ узкомъ смыслѣ слова. Различіе между ними сводится не къ формамъ ихъ проявленія (формы проявленія каждой изъ нихъ, какъ мы увидимъ изъ послѣдующаго изложенія, многоразличны), а къ тѣмъ началамъ, исходя изъ которыхъ болѣе сильный оказываетъ помощь болѣе слабому. Различіе сводится тутъ къ тому, сопрягается ли защита съ наложеніемъ на защищаемаго извѣстныхъ обязанностей, или-же не сопрягается, а если сопрягается, то въ какой мѣрѣ и какихъ обязанностей. Самопожертвованіе не сопрягается ни съ какими обязанностями и является слѣдствіемъ извѣстнаго нравственнаго уровня; благотворительность или помощь въ собственномъ смыслѣ является слѣдствіемъ отчасти извѣстнаго нравственнаго уровня, отчасти—юридическихъ или имѣющихъ юридическій

---

[1]) Нѣкоторое подтвержденіе такому взгляду мы находимъ въ классическомъ трудѣ Роберта Моля „Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften“, т. I, стр. 88 и слѣд., въ главѣ „Begriff der Geselschaft“.

характеръ нормъ и условій, и обязанности, налагаемыя на того, кто пользуется помощью,—въ гораздо большей степени обязанности нравственнаго, чѣмъ юридическаго характера; защита или патронатъ въ собственномъ смыслѣ является слѣдствіемъ сознанія извѣстной связи между защитникомъ и защищаемымъ и сопрягается какъ съ извѣстнымъ правомъ на защиту, такъ и съ несеніемъ извѣстныхъ обязанностей за защиту.

Слѣдовательно, основными элементами этого вида защиты являются: 1) сознаніе извѣстной связи (связь эта возникаетъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ, а какихъ именно, это покажетъ намъ историческое разсмотрѣніе вопроса), 2) опредѣленная совокупность правъ и обязанностей какъ на сторонѣ защищающаго, такъ и на сторонѣ защищаемаго и 3) извѣстное фактическое или юридическое основаніе, которое вызвало возникновеніе такого правоотношенія. Наличность этихъ трехъ элементовъ обезпечиваетъ отъ возможности смѣшивать данный видъ защиты съ остальными двумя видами. Самопожертвованіе не предполагаетъ сознанія извѣстной связи между тѣмъ, кто жертвуетъ собой для другого и этимъ другимъ, не опредѣляется также, какъ мы сказали уже выше, никакой совокупностью правъ и обязанностей, являясь исключительно нравственнымъ подвигомъ со стороны одного въ пользу другого. Благотворительность или помощь не предполагаетъ сознанія опредѣленной связи между благотворимымъ и благотворителемъ и не предполагаетъ непремѣнно совокупности правъ и обязанностей. Такимъ образомъ, благотворительность, на нашъ взглядъ, отличается отъ самопожертвованія болѣе количественно, чѣмъ качественно. А для большей ясности остается еще сказать, что подъ связью мы понимаемъ здѣсь не ту исключительно нравственную связь, которая, напримѣръ, заставляетъ каждаго изъ насъ считать всѣхъ людей своими братьями и, въ виду этого, отзываться

на постигающія ихъ несчастья и горе. Подъ связью мы понимаемъ здѣсь сумму условій, въ силу которыхъ между защитникомъ и защищаемымъ возникаетъ общность интересовъ. Признавая наличность такой связи однимъ изъ необходимыхъ элементовъ конструкціи идеи патроната, мы, очевидно, очень съуживаемъ сферу воздѣйствія этой идеи, но этотъ элементъ преимущественно и опредѣляетъ собой самостоятельное существованіе идеи патроната въ узкомъ смыслѣ въ кругѣ однородныхъ идей, имѣющихъ общій источникъ происхожденія.

Нѣсколько болѣе затруднительнымъ является различеніе двухъ подвидовъ идеи патроната въ узкомъ смыслѣ, а именно идеи попечительства отъ собственно идеи патроната. Можетъ быть, даже не всегда и легко въ дѣйствительности провести это различіе, но необходимо хотя бы отмѣтить, что оно существуетъ. Мы видимъ основаніе этого различія въ источникѣ происхожденія и, такъ сказать, въ качествѣ той слабости, которая вызвала самый вопросъ о защитѣ. Что мы понимаемъ подъ слабостью вообще? Рѣчь тутъ идетъ, конечно, не о физической слабости только, не о физическихъ недостаткахъ исключительно, хотя и то, и другое нисколько не изъемлется изъ круга случаевъ, опредѣляемыхъ этимъ понятіемъ. Слабый въ нашемъ смыслѣ, это всякій такой, кто слабъ соціально; другими словами,—кто, въ виду разныхъ причинъ, не можетъ такъ-же легко приспособляться къ общественной жизни, какъ приспособляется большинство, и не можетъ такъ полно пользоваться тѣмъ, что вырабатываетъ для общественной жизни процессъ приспособленія къ ней. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, мы назовемъ слабымъ и физически слабаго, и экономически слабаго, и юридически слабаго, т. е. не пользующагося по той или иной причинѣ всѣми правами, какими въ данномъ обществѣ необходимо пользоваться, чтобы не опасаться случайностей неполноправнаго положенія.

Источниковъ происхожденія слабости, какъ мы видимъ, нѣсколько, а тотъ или иной источникъ происхожденія слабости можетъ довольно существенно влiять во первыхъ, на характеръ оказываемой защиты, во вторыхъ, на характеръ взаимныхъ отношеній, какъ слѣдствія такой защиты. Это и заставляетъ насъ различать указанные два подвида идеи патроната въ узкомъ смыслѣ слова: слабость, имѣющая источникомъ слабость фактическую (т. е. физическую, экономическую) можетъ подлежать защитѣ, основанной на идеѣ попечительства; слабость, имѣющая источникомъ ту слабость, которую мы называемъ юридической, подлежитъ защитѣ, основанной на идеѣ патроната въ собственномъ смыслѣ Кромѣ того, есть еще одинъ признакъ, который помогаетъ проводить это различіе возможно точно: защита, основанная на идеѣ попечительства, устанавливается добровольнымъ соглашеніемъ между защитникомъ и защищаемымъ, защита-же основанная на идеѣ патроната въ собственномъ смыслѣ обыкновенно устанавливается самымъ закономъ.

Теперь сведемъ въ одно цѣлое всѣ намѣченные признаки, и тогда получится слѣдующее опредѣленіе идеи патроната въ собственномъ смыслѣ: это есть идея такой защиты, которая въ виду той или иной общности интересовъ оказывается юридически слабымъ со стороны юридически сильныхъ съ цѣлью дать первымъ возможность приспособиться къ процессу приспособленія къ жизни, устанавливается самимъ закономъ и, наконецъ, опредѣляется совокупностью правъ и обязанностей съ каждой стороны. Говоря короче: это есть юридическая защита юридически слабыхъ со стороны юридически сильныхъ, возникающая изъ той или иной общности интересовъ и имѣющая цѣлью основную цѣль полицейскаго права—установленіе условій для всесторонняго развитія силъ индивида. Эта защита—юридическая, такъ какъ, устанавливаемая закономъ ведетъ къ юридическимъ послѣдствіямъ: устанавливаетъ права и обя-

занности обѣихъ сторонъ и юридически защищается; эта защита направлена на юридически слабыхъ, такъ какъ защита фактически слабыхъ не устанавливается закономъ и есть обыкновенно слѣдствіе добровольнаго соглашенія; эта защита устанавливается въ виду той или иной общности, такъ какъ защита, устанавливаемая внѣ такой общности, такой связи, не можетъ быть ни юридической, ни законной; эта защита имѣетъ, наконецъ, цѣлью установленіе условій для всесторонняго развитія силъ индивида, такъ какъ такую цѣль имѣетъ всякая защита вообще.

Но вотъ на что слѣдуетъ еще обратить вниманіе: мы дѣлаемъ рядъ ограниченій, для того чтобы изъ не юридической идеи патроната, взятой въ широкомъ смыслѣ, выдѣлить юридическую идею, но центромъ нашего опредѣленія мы, тѣмъ не менѣе, оставляемъ понятіе защиты. Что слѣдуетъ, однако, подразумѣвать подъ защитой, и не представляется ли опасность, что этотъ терминъ внесетъ совсѣмъ нежелательную неопредѣленность въ нашу конструкцію? Мы думаемъ, что такой опасности не представляется. Защитой, правда, можно называть всякое покровительство, и подъ это понятіе защиты можетъ подойти все, начиная отъ физической защиты, вызванной случайнымъ обстоятельствомъ, кончая простымъ гостепріимствомъ, небольшимъ подаяніемъ и т. д. Но мы вводимъ въ наше опредѣленіе не просто понятіе защиты, а понятіе законной, юридической защиты. Неопредѣленность, слѣдовательно, устраняется сама собой: такъ какъ эта защита—защита, основанная на законѣ и опредѣляющая права и обязанности каждой стороны, то, слѣдовательно, она имѣетъ характеръ, хотя и своеобразнаго юридическаго правоотношенія, но правоотношенія. Гораздо больше сомнѣній можетъ вызвать введенное нами въ конструкцію указаніе на опредѣленный кругъ правъ и обязанностей какъ на сторонѣ защищающаго, такъ и на сторонѣ защищаемаго. Идетъ-ли

здѣсь рѣчь объ опредѣленномъ кругѣ правъ и обязанностей въ точномъ смыслѣ этихъ словъ, или-же о кругѣ опредѣленныхъ правъ и обязанностей? Являются-ли эти права и обязанности опредѣляемыми каждый разъ по особому соглашенію, или-же существуютъ извѣстныя рамки, въ предѣлахъ которыхъ права и обязанности опредѣляются сами собой? Наконецъ, можно-ли говорить даже объ опредѣленномъ кругѣ обязанностей и правъ (не говоря уже о кругѣ опредѣленныхъ правъ и обязанностей) при защитѣ, хотя бы и законной, хотя бы и юридической?

Какъ бы кто не опредѣлялъ право, никакое опредѣленіе не лишитъ понятіе устанавливаемой закономъ защиты юридическаго характера. Не лишаютъ ея этого характера даже тѣ крайнія опредѣленія права, которыя чуть-ли не единственнымъ признакомъ права считаютъ принужденіе. Обезпечивается-ли защита принужденіемъ? Вообще защита, конечно, не обезпечивается, но законная защита всегда обезпечивается. Нельзя, напримѣръ, обезпечить принужденіемъ право бѣднаго на помощь со стороны прихода, общины или попечительства и потому нельзя говорить о правѣ бѣднаго на помощь. Помощь, оказанная бѣдному попечительствомъ или приходомъ или общиной не налагаетъ на бѣднаго также и обязанностей, которыя могли бы защищаться принужденіемъ. Но, какъ мы увидимъ ниже, римскій патронъ былъ вооруженъ противъ вольноотпущеннаго и кліента принужденіемъ, а вольноотпущенный и кліентъ могли съ разрѣшенія претора звать патрона на судъ.

Ни одинъ законъ, правда, не берется за точное и детально проведенное описаніе всего того, что входитъ въ понятіе юридической защиты, но это не мѣшаетъ нисколько говорить о правахъ и обязанностяхъ по защитѣ. Ни одно законодательство точно также не опредѣлило еще точно и детально объемъ понятія вѣрноподданичества,—тѣмъ не менѣе, вѣрно-

подданичество является понятіемъ юридическимъ, такъ какъ въ него входятъ элементы, поддающіеся, такъ сказать, учету, отсутствіе которыхъ влечетъ за собой принужденіе, по поводу того или иного проявленія которыхъ могутъ возникать юридическія послѣдствія. Если поэтому нельзя утверждать, что законъ, устанавливая въ извѣстныхъ случаяхъ патронатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и точно опредѣляетъ кругъ правъ и обязанностей каждой изъ заинтересованныхъ сторонъ, то это, тѣмъ не менѣе, не лишаетъ насъ возможности утверждать, что закономъ устанавливаемый патронатъ ведетъ къ правамъ и обязанностямъ въ юридическомъ смыслѣ этихъ словъ. Объемъ же правъ и обязанностей и самый характеръ ихъ опредѣляется временемъ и всѣми условіями той общественной жизни, на почвѣ которой осуществляется эта идея законнаго патроната.

Стоя на точкѣ зрѣнія предлагаемой конструкціи патроната, мы отличаемъ далѣе идею законнаго патроната въ спеціальномъ, собственномъ смыслѣ слова отъ идей кажущихся сходными, но, въ сущности, имѣющими съ ней мало общаго. Къ такимъ идеямъ принадлежатъ: идея подчиненности и идея рабства съ одной стороны и идея власти и господства—съ другой.

Едва-ли могутъ представиться серьезныя затрудненія къ тому, чтобы отличить идею господства отъ идеи законной защиты. Намъ кажется, что гораздо труднѣе найти сходныя между ними стороны. Въ то время, какъ идея законной защиты исходитъ изъ сознанія связи сильнаго съ слабымъ и имѣетъ цѣлью установить для послѣдняго, правда, за цѣну извѣстныхъ обязанностей съ его стороны, условія для развитія его силъ,—идея господства, наоборотъ, объявляетъ несуществующей даже ту связь, которая существуетъ между всѣми людьми, въ виду того, что всѣ они—прежде всего люди. Точно также идея господства не имѣетъ цѣлью устано-

вленіе условій для развитія силъ раба. Да и трудно говорить объ этомъ, разъ рабъ признается вещью. Наконецъ, тутъ не можетъ быть и рѣчи о взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ. На одной сторонѣ всѣ права, на другой—всѣ обязанности.

Труднѣе различить идею власти и соотвѣтствующую ей идею подчиненности отъ идеи законнаго патроната. Каковы источники происхожденія власти? Мы знаемъ три источника: 1) родство и бракъ: 2) законъ; 3) договоръ. Каждый изъ этихъ источниковъ опредѣляетъ собой и характеръ власти, и сумму правъ, предоставляемыхъ властью. Такъ какъ законный патронатъ не имѣетъ своимъ источникомъ ни родство (сюда же мы относимъ и бракъ), ни договоръ, то, при формальномъ различеніи идеи законнаго патроната отъ идеи власти, слѣдовательно, приходится имѣть въ виду лишь власть, основанную на законѣ. Правда, въ источникахъ, какъ мы увидимъ дальше, мы не разъ встрѣчаемся съ указаніемъ на то, что законный патронатъ получаетъ свое содержаніе во имя консангвинитета, но, на нашъ взглядъ, эти указанія должно принимать скорѣе за аналогію, чѣмъ за точное обозначеніе того начала, которое рождало законную защиту.

Власть, основанная на законѣ, характеризуется, по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ, тѣмъ, что цѣлью ея установленія является стремленіе обезопасить крѣпость и единство государства, обезпечить самостоятельность его, какъ индивида. Съ этой точки зрѣнія, власть, основанная на законѣ, устанавливается во имя идеи индивидуализма, а не во имя идеи патроната,. взятой въ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ то время какъ послѣдняя осуществляется во имя защиты слабаго со стороны сильнаго, власть устанавливается закономъ, какъ могущественное орудіе и противъ сильныхъ, и противъ слабыхъ одинаково, и для сильныхъ, и для слабыхъ въ равной мѣрѣ. Слѣдовательно, если разсматривать власть

даже въ той сферѣ ея проявленія, гдѣ идетъ рѣчь о помощи власти при созданіи условій для всесторонняго развитія силъ индивида, гдѣ власть дѣйствуетъ не противъ, а для индивида,—и тамъ власть имѣетъ цѣлью не столько защиту, которая является болѣе съ характеромъ средства, сколько крѣпость, единство и самостоятельность государственнаго начала, устанавливающаго какъ законъ о власти, такъ и самую власть. Идея-же законной защиты является лишь видомъ параллельно существующей идеи патроната въ широкомъ смыслѣ, идеи, конечно, неизолированной отъ закона взаимодѣйствія общественныхъ идей и явленій, но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣющей одну лишь цѣль—установленіе защиты.

Признавая, однако, такое различіе между властью, устанавливаемой закономъ, и законной защитой, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ успускать изъ вида, что существуетъ цѣлый рядъ отношеній, которыя съ внѣшней стороны обсуждаются, какъ власть, съ внутренней же стороны, какъ законная защита. Напримѣръ,—закономъ признаваемыя должности по защитѣ отдѣльныхъ классовъ общества отъ притѣсненій и гнета со стороны другихъ, болѣе сильныхъ въ данное время классовъ. Хотя оказываемая тутъ защита и не вызываетъ обязанностей по отношенію къ защитнику, какъ къ опредѣленному лицу, и хотя эти обязанности, точно также какъ и права защитника, находятъ для себя юридическую конструкцію болѣе въ идеѣ власти, чѣмъ въ идеѣ патроната,—цѣль, основаніе и характеръ дѣятельности по такой защитѣ вполнѣ однородны съ тѣмъ, что составляетъ содержаніе идеи законнаго патроната. Но для того, чтобы подобная должность опредѣлялась не идеей власти, а идеей законной защиты, она должна удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: 1) быть законной (по прямому смыслу идеи законнаго патроната); 2) быть выборной, при чемъ избираться могутъ только лица, принадлежащія къ защищаемому классу (сознаніе

связи, устанавливающей защиту); 3) имѣть цѣлью защиту интересовъ и правъ какъ всего болѣе слабаго класса, такъ и отдѣльныхъ лицъ этого класса и при этомъ во имя нарушенія этихъ правъ и интересовъ, и, слѣдовательно, беззащитности, а не во имя крѣпости и цѣльности государственнаго начала (иначе должность будетъ проявленіемъ идеи власти, а не идеи законной защиты); наконецъ, 4) вести къ правамъ и обязанностямъ по отношенію къ государству и къ правамъ и обязанностямъ по отношенію къ лицамъ защищаемымъ. Послѣднее условіе и придаетъ, собственно, такимъ должностямъ нѣсколько своеобразный характеръ среди другихъ проявленій идеи законнаго патроната, но эта своеобразность, являясь слѣдствіемъ необходимости регулировать подобную защиту во имя идеи государственнаго индивидуализма, не мѣняетъ, какъ мы сказали выше, истинной природы подобныхъ должностей.

Власть, основанную на законѣ, мы различаемъ отъ патроната по существу, въ первыхъ-же двухъ случаяхъ мы проводили различіе только съ формальной стороны. Но мы дѣлаемъ это потому, что основаніе идеи всегда извѣстнымъ образомъ опредѣляетъ и характеръ проявленія идеи во внѣ; единство-же основанія не всегда ведетъ къ одинаковости проявленій и, при одинаковости, требуетъ различія по существу.

Можетъ быть, еще сложнѣе провести различіе между идеей законной защиты и идеей опеки, которая устанавливается также закономъ, цѣль которой можетъ быть также толкуема, какъ организація защиты, юридическій характеръ которой является почти аналогичнымъ. Тѣмъ не менѣе, различіе это существуетъ.

„Всѣ лица, которыя по той или иной причинѣ сами не могутъ быть своими опекунами,—говоритъ Рудорффъ—нуждаются поэтому въ посторонней помощи или заступничествѣ (Beistand), въ замѣщеніи себя другимъ лицомъ (Vertretung).

Поскольку недопустимо, чтобы такой заступникъ былъ выбранъ самимъ лицемъ, опека происходитъ подъ контролемъ семейнаго совѣта и власти. Опекой, такимъ образомъ, мы называемъ заступничество, замѣщеніе и управленіе имуществомъ недѣеспособнаго индивида со стороны лица, не избраннаго самимъ недѣеспособнымъ, а или уполномоченнаго завѣщателемъ, или закономъ или назначеннаго властью"[1]). Мы останавливаемся на этомъ опредѣленіи Рудорффа, потому что, на нашъ взглядъ, оно достаточно точно передаетъ всѣ основные элементы понятія опеки, конструированнаго юридически. Опредѣленіе понятія опеки путемъ описанія мы можемъ найти у Лоренца Штейна[2]). Различая три формы опеки, въ виду трехъ основаній недостатка самоопредѣленія личности: несовершеннолѣтія, пола и случайныхъ жизненныхъ обстоятельствъ, — онъ подъ опекой понимаетъ замѣщеніе продолжающагося недостатка личнаго самоопредѣленія при наличности самостоятельной хозяйственной личности. Другими словами, и Штейнъ центромъ института опеки признаетъ имущество и личности придаетъ значеніе лишь постольку, поскольку отсутствіе самоопредѣленія личности можетъ разрушительно вліять на имущество, совокупность котораго представляется ему въ видѣ хозяйственной личности индивида. Само собой разумѣется, что параллельно съ охраной имущества и замѣщеніемъ дѣеспособности со стороны опекуна, опекунъ является и охранителемъ личности опекаемаго, но эта личность, по духу самаго института опеки, охраняется какъ выразительница имущественнаго начала, являющагося главнымъ основаніемъ при установленіи опеки. Доказательствомъ этому можетъ служить хотя бы то, что долгое время воспи-

---

1) Das Recht der Vormundschaft, т. I, § 1.

2) In. Verw. 4 ч. второй част. стр. 177 и сл. Ср. также L. Stein „Vormundschaftswesen“, Haimerl's oester. Virteljahr. 65 г. т. XVI, тетр. 2, стр. 224 и сл.

танiе опекаемаго малолѣтняго не довѣрялось волѣ опекуна[3], точно также какъ не довѣрялась даже забота о присмотрѣ и леченiи сумасшедшаго опекаемаго. Въ томъ, и въ другомъ случаѣ принимали участiе и necessarii. Если-же въ современной жизни въ этомъ отношенiи опекуну предоставлена большая сравнительно самостоятельность, то объясняется это не измѣненiемъ характера института, а измѣненiемъ условiй жизни, существованiемъ болѣе строго организованнаго надзора за дѣятельностью опекуновъ, точно также и ослабленiемъ родового начала въ широкомъ смыслѣ слова, отсутствiемъ той связи, которая такъ крѣпко единила бы членовъ одного и того-же рода, какъ единила она при возникновенiи института опеки. Забота же о личности опекаемаго со стороны necessari'евъ опредѣлялась отношенiями власти изъ родства, но не отношенiями законной защиты въ нашемъ смыслѣ.

Такимъ образомъ, опека устанавливается для охраны могущаго остаться беззащитнымъ имущества въ гораздо большей степени, чѣмъ для защиты юридически болѣе слабаго со стороны юридически болѣе сильнаго.

Но мы идемъ дальше: тамъ, гдѣ опека является охраной личности, характеръ этой охраны совсѣмъ иной, чѣмъ при защитѣ личности. При опекѣ охрана имѣетъ цѣлью поставить лишенную, говоря словами Штейна, самоопредѣленiя личность въ такiя условiя, при которыхъ это отсутствiе самоопредѣленiя не могло бы принести вредъ какъ личности, такъ и принадлежащему ей имуществу; при законной же защитѣ имѣется въ виду способной къ самоопредѣленiю личности, но находящейся въ виду того или иного основанiя въ положенiи неполноправномъ

---

[3]) См. напримѣръ, для римскаго и древне-герм. пр. Rudorff, ц. с. т. 2, §§ 115, 119 и сл. Вообще-же слѣдуетъ сказать, что въ этомъ смыслѣ высказывается большинство цивилистовъ и даже полицеистовъ. Нѣсколько иного взгляда, повидимому, держится Инама-Стернеггъ, см. ц. с. стр. 65, § 18, хотя взглядъ его и не является тутъ обоснованнымъ.

или въ положенiи съ этимъ аналогичномъ, дать возможность относительно мириться съ ея юридической слабостью. Говоря обще: опека возмѣщаетъ отсутствiе свободнаго самоопредѣленiя, законная-же защита не возмѣщаетъ, а лишь даетъ примиренiе съ положенiемъ неполноправнаго. Одно это, какъ намъ кажется, не позволяетъ смѣшивать понятiя опеки и законной защиты.

Обосновать предлагаемую здѣсь конструкцiю идеи патроната въ собственномъ смыслѣ и пересмотрѣть ее на основанiи находящагося въ нашемъ распоряженiя матерьяла и является ближайшей задачей дальнѣйшаго изложенiя. Второй задачей мы ставимъ себѣ указать примѣненiе предлагаемой конструкцiи на практикѣ. Третьей и послѣдней задачей—указать значенiе ея для теорiи нашей науки.

II.

Происхожденіе слова „патронатъ". Идея патроната въ широкомъ смыслѣ извѣстна всѣмъ народамъ. Доказательства этого утвержденія на типическихъ культурахъ. ***Библія.*** Библія признаетъ неравенство людей и требуетъ помощи слабымъ со стороны сильныхъ; помощь, какъ нравственное правило, и какъ юридическая норма. Границы этой помощи въ понятіи справедливости. Общій выводъ. Библія знаетъ также идею патроната и въ спеціальномъ смыслѣ слова. Пришельцы, поселенцы, наемники. Разница между ними. Характеръ защиты; очеркъ правъ и обязанностей по защитѣ. Значеніе общности культа. Взглядъ на отношеніе первыхъ книгъ Библіи къ Второзаконію по поводу пришельцевъ. Подробности о пришельцахъ и поселенцахъ. Иноземцы. Вольноотпущенные.

Какъ показываетъ этимологія слова „патронатъ", это слово латинское, производное отъ „pater", ближайшимъ образомъ производное отъ „patronus". Въ техническомъ смыслѣ слово patronus употреблялось въ противоположеніи патрона кліенту [1]) и патрона вольноотпущенному [2]); въ смыслѣ же болѣе распространительномъ этимъ словомъ обозначали каждаго покровителя.

Но если слово „патронатъ" римскаго происхожденія, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы имѣли основаніе считать мѣсторожденіемъ идеи патроната Римъ. Идея патроната въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. идея помощи со стороны болѣе сильныхъ болѣе слабымъ встрѣчается вездѣ, гдѣ только люди единятся въ общества и гдѣ, стало быть, совершается процессъ приспособленія къ жизни. Какъ и параллельная ей идея индивидуализма, она неразрывна съ стремленіемъ людей

---

[1]) K. Schoell, Leg. XII tab. rel. стр. 149.

[2]) K. Schoell. стр. 131.

къ совмѣстной жизни, и лишь въ виду особенностей культуры народовъ у каждаго народа проявляется по своему.

Едва-ли это утвержденіе нуждается въ особыхъ доказательствахъ, но за то интереснымъ является прослѣдить, какъ, въ зависимости отъ особенностей культуры, слагаются и особенности формъ проявленія идеи. Для нашей цѣли вполнѣ достаточно, если мы подвергнемъ разсмотрѣнію типическія культурныя формы: еврейскую культуру, какъ она рисуется намъ изъ изученія Библіи; культуру китайскую, на сколько мы можемъ ознакомиться съ ней изъ ученія Конфуція и возникшихъ подъ вліяніемъ этого ученія учрежденій; культуру римскую, эту наиболѣе полную и совершенную выразительницу языческаго міровоззрѣнія и, наконецъ, культуру христіанскую, начиная съ первой христіанской общины, особенно цѣльно отразившей въ жизни ученіе Христа.

Начнемъ съ Библіи. „Почему одинъ день лучше другого,— спрашиваетъ Іисусъ сынъ Сираховъ [1]),—тогда какъ каждый дневный свѣтъ въ году исходитъ отъ солнца? Они раздѣлены премудростью Господа; Онъ отличилъ времена и праздества; нѣкоторые изъ нихъ онъ возвысилъ и освятилъ, а прочіе положилъ въ число обыкновенныхъ дней. И всѣ люди изъ праха, и Адамъ былъ созданъ изъ земли, но, по всевѣдѣнію Своему, Господь положилъ различіе между ними и назначилъ имъ разные пути: однихъ изъ нихъ благословилъ и возвысилъ, другихъ освятилъ и приблизилъ къ себѣ, третьихъ унизилъ и сдвинулъ съ мѣста ихъ“. Въ этихъ словахъ нельзя не видѣть прямого убѣжденія въ томъ, что люди не равны между собой и что одни находятся подъ покровительствомъ (благословеніемъ) Бога, другіе подъ еще большимъ покровительствомъ (они освящены и приближены къ Богу), а третьи, лишенные этого покровительства, униже-

[1]) Библія. Кн. Прем. І. с. С. гл. 33, строфы 7—12.

ны, и, слѣдовательно, страдаютъ. Какъ-же, спрашивается, должно поступать съ послѣдними? У Іисуса-же сына Сирахова мы находимъ слѣдующія мѣста: „Не отдавай другому имѣнья, чтобы, раскаявшись, не умолять о немъ“ [1]), но, говоритъ онъ дальше — „если у тебя есть рабъ, то поступай съ нимъ, какъ съ братомъ“ [2]). Сопоставивъ эти три изреченія, мы получаемъ приблизительно слѣдующее правило: люди не равны между собой, что установлено Богомъ, но для тѣхъ, кто ниже, слабѣе, бѣднѣе, несчастнѣе тебя, не жертвуй собой; однако, и съ рабомъ поступай, какъ съ братомъ; а рабы, которые какъ видно изъ Библіи-же [3]), находились подъ довольно тяжелымъ гнетомъ, не могли въ понятіи еврея считаться выше, чѣмъ кто-либо изъ племени, хотя бы онъ, униженный и сдвинутый съ мѣста Богомъ, и былъ въ безъисходной нуждѣ или вообще въ горестномъ положеніи.

Библія, впрочемъ, даетъ намъ и болѣе точныя указанія относительно того, какъ слѣдуетъ поступать по отношенію къ тѣмъ, кто бѣденъ, несчастенъ, обездоленъ, а по нашей терминологіи—соціально слабъ. „Кто поддерживаетъ ближняго своей рукой, тотъ соблюдаетъ заповѣди, — говоритъ Библія [4]) — простирай руку къ бѣдному, не устраняйся отъ плачущихъ и съ сѣтующими сѣтуй; не лѣнись посѣщать больного, ибо за это ты будешь возлюбленъ; не пренебрегай человѣка въ старости его [5]), не отвращай очей отъ просящаго тебя; не отказывай въ пропитаніе нищему [6]) и т. д.

Вотъ какъ Іовъ представляетъ отношенія къ ближнимъ человѣка, который имѣетъ власть и вліяніе: „я спасалъ страдальца вопіющаго и сироту безпомощнаго; сердцу вдовы до-

[1]) Ibid. строфа 20.
[2]) Ibid. строфа 32.
[3]) См., напримѣръ, разсужденіе о рабахъ въ кн. Прем. Сол.
[4]) Библія, кн. Пр. І. С. С. гл. 29, строфа 1.
[5]) Ibid. глава 7, строфы 35, 37, 38; глава 8, строфа 7.
[6]) Ibid. глава 4, строфы 1-6.

ставляя радость; я былъ глазами слѣпому и ногами хромому, отцемъ я былъ для нищихъ, и говорилъ я себѣ: слава моя не старѣетъ, и лукъ мой крѣпокъ въ рукѣ моей" [1]). А вотъ какъ онъ описываетъ поступки тѣхъ, которые не исполняютъ завѣты народа: „у сиротъ уводятъ осла, у вдовы берутъ въ залогъ вола; бѣдныхъ сталкиваютъ съ дороги, всѣ уничиженные земли должны скрываться [2])".

Библія, однако, содержитъ въ себѣ указанія и на то, что такое дѣятельное покровительство болѣе слабымъ – неимущимъ, сиротамъ, больнымъ, вдовамъ и т. д., – предписывалось не только какъ нравственное правило, но и какъ юридическая норма. Вотъ что мы читаемъ, напримѣръ, въ пятой книгѣ Моисеева Второзаконія: „не обижай наемника, бѣднаго и нищаго и въ тотъ-же день отдай плату его, чтобы солнце не зашло прежде того; не суди превратно сироту и вдову и у вдовы не бери одежды въ залогъ; помни, что и ты былъ рабомъ въ Египтѣ и Господь освободилъ тебя оттуда, потому и я повелѣваю тебѣ дѣлать сіе" [3]). А далѣе идутъ уже прямыя постановленія: „когда будешь жать на полѣ твоемъ и забудешь снопъ на полѣ, то не возвращайся взять его: пусть онъ остается сиротѣ и вдовѣ; когда будешь обирать маслину твою, то не пересматривай за собой вѣтвей; пусть остается сиротѣ и вдовѣ; когда будешь снимать плоды въ виноградникѣ твоемъ, не собирай остатковъ за собой: пусть остается сиротѣ и вдовѣ". И тутъ-же опять слѣдуетъ напоминаніе: „и помни, что ты былъ рабомъ въ землѣ Египетской, посему и я повелѣваю тебѣ сіе" [4]).

Упомянемъ еще о своеобразномъ библейскомъ институтѣ, такъ называемомъ седьмомъ годѣ. „Если купишь раба еврея,

---

1) Книга Іова, глава 29.
2) Книга Іова, глава 24, строфы 3, 4.
3) 5 кн. М. Втор. гл. 24, строфы 14, 15.
4) Ibid. стр. 19—22; сравни также: кн. Левитъ, гл. 19, стр. 9, 10.

пусть онъ работаетъ шесть лѣтъ, а въ седьмый пусть выйдетъ на волю даромъ"—такъ объявилъ свой законъ Господь Моисею [1]). „Шесть лѣтъ засѣвай землю твою и собирай произведенія ея, а въ седьмый оставляй ее въ покоѣ, чтобы питались убогіе изъ твоего народа, а остатками послѣ нихъ питались звѣри полевые. Такъ-же поступай съ виноградникомъ твоимъ и съ маслиной твоей",—повелѣваетъ законъ далѣе [2]. Аналогическій характеръ имѣетъ и законъ объ юбилейномъ, т. е. пятидесятомъ годѣ [3]). Эти постановленія созданы съ прямою цѣлью установить въ видѣ опредѣленной нормы заботу о тѣхъ, кто безпомощенъ, бѣденъ, убогъ. Та-же цѣль приводитъ и къ ряду другихъ законовъ: „если дашь деньги взаймы бѣдному изъ народа Моего, то не притѣсняй его и не налагай на него роста, ибо,—говорится далѣе,—когда бѣдный возопіетъ ко Мнѣ, Я услышу, ибо Я милосердъ" [4]). Законъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, указываетъ какъ бы и границы того покровительства, которое надлежитъ оказывать, выражаясь нашимъ терминомъ—соціально слабымъ: не обижай ближняго твоего [5]), люби ближняго, какъ самого себя [6]), но, указываетъ законъ тутъ-же, „не будь лицепріятенъ къ нищему, по правдѣ суди ближняго твоего" [7]). Другими словами: бѣдность, нищета, убожество заслуживаютъ покровительства, однако, это покровительство не должно вести, такъ сказать, къ культу убожества и нищеты. Покровительство должно быть оказываемо, но лишь въ предѣлахъ справедливаго. И это послѣднее правило проводится весьма послѣдо-

[1]) 2 кн. М. Исх. гл. 21, строфа 2.
[2]) Ibid. гл. 23, строфы 10, 11.
[3]) Кн. Левитъ, гл. 25.
[4]) 2 кн. М. Исх. гл. 21, стр. 25—27.
[5]) Кн. Левитъ гл. 19, строфа 13.
[6]) Ibid. стр. 17.
[7]) Ibid., стр. 15. Ср. также съ Исх., гл. 23, ст. 3, гдѣ сказано: „и бѣдному не потворствуй въ тяжбѣ его".

вательно: оно въ разныхъ формахъ повторяется неоднократно, а въ книгѣ Премудрости Іисуса сына Сирахова получаетъ уже вполнѣ опредѣленное развитіе. Кого-же Библія понимаетъ подъ словомъ „ближній"? Только тѣхъ, кто познавалъ Истиннаго Бога, т. е. только евреевъ, всѣ-же остальные—враги евреевъ; и Господь неоднократно объявляетъ, что истребитъ ихъ, и не разъ предостерегаетъ евреевъ отъ всякой близости и всякаго общенія съ ними. Послѣднее ставится во главѣ велѣній Господа, Который грозитъ отступиться отъ своего народа, если онъ будетъ приходить въ общеніе съ другими народами, являющимися, по словамъ завѣта, сѣтью для евреевъ. Всѣ эти народы будутъ истреблены и должны быть истреблены, хотя и не сразу, „чтобы земля твоя (т. е. евреевъ) не сдѣлалась пуста и не умножились противъ тебя звѣри полевые" [1]). Эти другіе народы настолько не подходятъ подъ понятіе ближняго, что только изъ ихъ среды и можно добывать себѣ рабовъ. „Когда обѣднѣетъ братъ твой (т. е. еврей) и проданъ будетъ тебѣ, то не налагай на него работы рабской. Онъ долженъ быть у тебя, какъ наемникъ, какъ поселенецъ до юбилейнаго года пусть работаетъ у тебя" [2]). „Потому что,—объясняется далѣе [3]),—они (т. е. обѣднѣвшій еврей и его дѣти) —Мои рабы, которыхъ я вывелъ изъ земли Египетской; недолжно продавать ихъ, какъ продаютъ рабовъ". Но, и какъ надъ наемниками, надъ ними законъ запрещалъ господствовать, какъ надъ рабами [4]), „а чтобы рабъ твой и рабыня твоя были у тебя, то покупайте себѣ раба и рабыню у народовъ, которые вокругъ васъ" [5]).

Сведемъ все сказанное къ одному. Самъ Господь избралъ

---

[1]) Исходъ, гл. 23, стр. 29.
[2]) Левитъ, гл. 25, строфы 39. 40.
[3]) Ibid. стр. 42.
[4]) Ibid. стр. 43.
[5]) Ibid. стр. 44.

евреевъ среди другихъ народовъ и отдалъ эти народы въ жертву избранному; слѣдовательно, евреи находятся подъ особымъ покровительствомъ Господа, который Одинъ считаетъ ихъ Своими рабами, а евреи другъ для друга ближніе, и всѣмъ имъ надлежитъ такъ устроиться между собой, чтобы вмѣстѣ представлять одно неразрывное цѣлое. Имъ назначена Господомъ миссія познать истиннаго Бога и, познавъ Его, размножиться и занять извѣстныя земли. Какъ находящіеся подъ особымъ покровительствомъ Господа Бога, они тотъ-же принципъ покровительства проводятъ и по отношенію другъ къ другу: имъ велѣно не только не обижать убогихъ, нищихъ и обездоленныхъ изъ ихъ племени,—а Самъ Господь установилъ фактическое неравенство людей и среди избраннаго народа,—но также велѣно, чтобы болѣе сильные покровительствовали болѣе слабымъ. Правда, это покровительство является, по волѣ Бога, какъ бы коррективомъ къ тому, что Самъ-же Господь установилъ, но противорѣчія тутъ нѣтъ: покровительство людей ничтожно въ сравненіи съ покровительствомъ Бога, и тѣ, кто лишенъ покровительства Божья, на покровительствѣ людей познаютъ, чего они лишены. Самое-же покровительство людей выражается въ заботѣ, помощи и смягченіи тѣхъ правилъ и требованій, которыя могутъ быть проводимы только къ лицамъ не нуждающимся въ покровительствѣ (напримѣръ – правило о ростѣ при займахъ). Границы этого покровительства находятся въ понятіи правды и справедливости; поэтому бѣдность, убожество, сиротство, вдовство и всякій иной видъ безпомощности являются достаточными основаніями для покровительства, но не достаточными основаніями для нарушенія, во имя безпомощности, правды и справедливости. Сохраненіе покровительства Господня—вотъ мотивъ для тѣхъ, кто оказывалъ покровительство; беззащитность всякаго вида, грозившая, въ случаѣ отсутствія покровительства, оторвать беззащитныхъ отъ на-

рода при его стремительномъ поступательномъ движеніи въ земли, назначенныя Господомъ, — таковъ мотивъ у тѣхъ, кто ищетъ покровительства.

Библія, далѣе, знаетъ не только идею покровительства въ широкомъ смыслѣ, но и идею покровительства въ томъ спеціальномъ смыслѣ, когда эта идея является съ характеромъ устанавливаемой закономъ юридической защиты юридически слабыхъ. Мы видимъ доказательства этому въ особомъ институтѣ пришельцевъ и поселенцевъ, о которыхъ довольно много говорится въ Библіи.

Въ первый разъ о пришельцахъ упоминается въ заповѣдяхъ, гдѣ говорится: „а день седьмый — суббота Господу Богу Твоему: не дѣлай въ оный ни какого дѣла ни ты, ни сынъ твой, ни дочь твоя, ни рабъ твой, ни рабыня твоя, ни скотъ твой, ни пришлецъ, который въ жилищахъ твоихъ" [1]). Какъ видно изъ этихъ словъ, пришельцы не были рабами, но кто собственно они были и каковъ точно источникъ происхожденія этого института, ни въ заповѣди, ни въ другихъ мѣстахъ Библіи, гдѣ упоминается о пришельцахъ, указаній нѣтъ. Особенно сложенъ слѣдующій вопросъ: Библія говоритъ о пришельцѣ, какъ о человѣкѣ, который „въ жилищахъ твоихъ" — слѣдуетъ-ли понимать послѣднія слова, какъ указаніе на то, что пришлецы были подъ защитой всего народа или же они были подъ защитой отдѣльныхъ лицъ, отдѣльныхъ семей? Такъ какъ вездѣ говорится о жилищахъ во множественномъ числѣ, то первое предположеніе кажется намъ вѣрнѣе. Правда, въ Библіи-же встрѣчаемъ мы, напримѣръ, и такое мѣсто: „не обижай изъ пришельцевъ твоихъ, которые въ землѣ твоей" [2]), но здѣсь и „твой" обозначаетъ, какъ мы думаемъ, общее указаніе на еврейскій народъ. Въ пользу нашего предположенія говоритъ и слѣдующее мѣсто Биб-

---

[1]) 2 кн. М. Исх. *гл.* 20, строфа 10.
[2]) 5 кн. М. Второз. *гл.* 24, стр. 14.

ліи: „Который (т. е. Господь Богъ) даетъ судъ сиротѣ и вдовѣ, и любитъ пришельца, и даетъ ему хлѣбъ и одежду“ [1]). Точно также въ пользу нашего предположенія говоритъ и то уже цитированное выше постановленіе [2]), которое предписываетъ не возвращаться за забытымъ на полѣ снопомъ, не пересматривать за собой вѣтвей маслины, не собирать остатковъ виноградныхъ плодовъ. Тутъ рядомъ съ сиротой и вдовой, въ пользу которыхъ должны пойти и этотъ снопъ, и плоды маслины, оставшіеся на вѣтвяхъ, и остатки виноградныхъ плодовъ, упоминается и о пришельцѣ. Въ такомъ же родѣ упоминается о пришельцахъ и въ постановленіяхъ о седьмомъ и юбилейныхъ годахъ [3]). Если бы, стало быть, пришлецъ находился подъ защитой отдѣльныхъ лицъ изъ племени, то эти отдѣльныя лица, а не Богъ, давали бы ему одежду и хлѣбъ, и не зачѣмъ было бы устанавливать правила объ остаткахъ на полѣ и въ виноградникѣ. Мы скорѣе могли бы ожидать тогда постановленій, которыя опредѣляли бы отношенія по такой индивидуальной защитѣ, но Библія ихъ не даетъ.

Несомнѣнно слѣдующее: пришлецъ не рабъ, но и не еврей по рожденію. Первое ясно изъ самой заповѣди, приведенной выше; второе подтверждается прямыми указаніями, напримѣръ, вродѣ слѣдующаго: „не обижай наемника, бѣднаго и нищаго изъ братьевъ твоихъ, или изъ пришельцевъ твоихъ“ [4]), или: „если пришлецъ или поселенецъ твой будетъ имѣть достатокъ, а братъ твой предъ нимъ обѣднѣетъ“ [5]) и т. д. Но пришлецъ не былъ также и полноправенъ, что видно уже изъ слишкомъ частыхъ напоминаній

---

[1]) Ibid. гл. 10, стр. 18.
[2]) Ibid. гл 24, стр. 19—22.
[3]) Кн. Левитъ, гл. 25.
[4]) 5 кн. М. Второз., гл. 24, стр. 14.
[5]) Кн. Лев., гл. 25, стр. 47.

любить ихъ, не обижать ихъ, покровительствовать имъ и т. д.[1]) Это видно также изъ прямого указанія Второзаконія, гдѣ, въ главѣ 28, Моисей, заповѣдуя благословеніе Божье, въ случаѣ, если евреи будутъ исполнять законъ Божій, и проклятье, если они не будутъ исполнять законъ, въ числѣ послѣдствій проклятья приводилъ: „пришлецъ, который среди тебя, будетъ возвышаться надъ тобой все выше и выше, а ты будешь опускаться все ниже и ниже“ (ст. 44). „Онъ будетъ давать тебѣ взаймы, а ты не будешь давать ему взаймы (т. е. онъ будетъ достаточнѣе тебя); онъ будетъ главою, а ты будешь хвостомъ (т. е. онъ будетъ обладать большими правами, чѣмъ ты)“. (Ст. 45). Выводя отъ обратнаго, можно опредѣлить и обычное положеніе пришельцевъ: говоря словами Библіи, сыны Израиля—голова, а пришельцы—хвостъ. Это-же самое, наконецъ, слѣдуетъ еще изъ запрещенія пришельцамъ имѣть рабомъ еврея. Вотъ какъ говоритъ законъ[2]): „послѣ продажи (т. е. послѣ того какъ обѣднѣвшій изъ племени продастся пришельцу) можно выкупить его (т. е. еврея); кто нибудь изъ братьевъ долженъ выкупить его; или дядя, или сынъ дяди долженъ выкупить его, или кто нибудь изъ родства его, изъ племени его долженъ выкупить его“; „онъ (т. е. еврей, если не будетъ выкупленъ),—говоритъ законъ далѣе[3]),—долженъ быть у него (пришельца), какъ наемникъ, во всѣ годы (до юбилейнаго); пришелецъ не долженъ господствовать надъ нимъ съ жестокостью въ глазахъ твоихъ“. Изъ этого же закона мы можемъ сдѣлать и другой выводъ: пришелецъ не былъ обязательно нищимъ, что легко предположить въ виду частаго упоминанія о пришельцѣ рядомъ съ сиротой и вдовой; пришелецъ могъ, очевидно, имѣть и достатокъ, разъ ему продавались обѣднѣвшіе изъ племени; точно

[1]) Вт., гл. 10, стр. 19, гл. 24, ст. 14—21 и т. д.
[2]) Кн. Лев. гл. 25, стр. 48, 49.
[3]) Ib., стр. 53.

также имѣлъ, очевидно, и извѣстныя имущественныя права. Но, съ другой стороны, онъ пользовался ими только послѣ того, какъ получалъ покровительство племени. Есть указаніе, что, добившись этого покровительства, онъ принималъ участіе и въ очень важныхъ религіозныхъ торжествахъ. По крайней мѣрѣ, послѣ побѣды одержанной Іисусомъ Навиномъ надъ царемъ Гайскимъ, когда былъ устроенъ Господу жертвенникъ на горѣ Гевалъ, „весь Израиль, старѣйшины его, и надзиратели его, и судьи его стали съ той и съ другой стороны ковчега противъ священниковъ и левитовъ, носящихъ ковчегъ завѣта Господня, какъ пришельцы, такъ и природные жители“ [1]).

Библія знаетъ въ общемъ слѣдующія раздѣленія: 1) избранные, т. е. лица изъ племени, 2) рабы, 3) наемники, 4) поселенцы, 5) пришельцы. Это указано въ постановленіяхъ о седьмомъ годѣ, гдѣ говорится такъ: „и будетъ это (то, что само въ седьмой годъ выростетъ на полѣ и въ виноградникѣ) впродолженіи субботы земли всѣмъ вамъ въ пищу, тебѣ, и рабу твоему, и рабѣ твоей, и наемнику твоему, и поселенцу твоему, поселившемуся у тебя“ [2]). (О пришельцахъ здѣсь не говорится, что еще разъ подтверждаетъ наше предположеніе, что пришелецъ состоялъ не подъ индивидуальной охраной, а подъ охраной всего народа). Очень возможно, что въ числѣ наемниковъ были и евреи, но главный контингентъ, вѣроятно, составляли не евреи, не братья, по словоупотребленію Библіи, т. е. не полноправные члены общества. Это вытекаетъ изъ уже не разъ цитированнаго нами закона о юбилейномъ годѣ, гдѣ сказано: „когда обѣднѣетъ у тебя братъ твой и проданъ будетъ тебѣ, то не налагай на него работы рабской; онъ долженъ быть у тебя, какъ

---

[1]) Кн. Іис. Нав., гл 8, стр. 33.
[2]) Кн Лев. гл. 25, стр. 6.

наемникъ, какъ поселенецъ, до юбилейнаго года пусть работаетъ у тебя“ [1]). Братья, т. е. лица изъ племени, какъ видно изъ этихъ словъ, только могутъ попасть въ положеніе, аналогичное положенію наемника или поселенца. Между-же наемниками и поселенцами, можно предполагать, существовала только та разница, что первые получали опредѣленную плату за труды свои [2]), а поселенцы жили на землѣ лицъ изъ племени и, вѣроятно, работали изъ доли. Что-же касается пришельцевъ, то, какъ уже сказано выше, они, по всей вѣроятности, не входили ни въ семью, ни въ домъ, ни въ землю отдѣльныхъ лицъ изъ племени, а находились подъ покровительствомъ всего народа.

Изъ сказаннаго мы можемъ сдѣлать слѣдующія заключенія: при всей замкнутости библейскаго общественнаго строя и при всей правовой исключительности его, на ряду съ лицами изъ племени существовалъ еще рядъ лицъ, которыя, отбившись, по всей вѣроятности, отъ своего народа (а, можетъ быть, бывшіе единственными представителями тѣхъ племенъ, которыя населяли мѣстность между пустыней Синъ и Рефидимомъ [3]), не имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ возможности слиться съ народомъ израильскимъ и не пользовались поэтому всѣми правами, принадлежавшими еврею по рожденію; но они раздѣляли вѣру въ Истиннаго Бога и потому пользовались покровительствомъ [4]). Какъ можно думать на основаніи цитированныхъ выше мѣстъ изъ Библіи, одни изъ нихъ, а именно поселенцы, пользовались покровительствомъ отдѣльныхъ лицъ, другіе—пришельцы—покровительствомъ народа.

---

[1]) Ibid., стр. 30, 40.

[2]) Наемники получали плату, ца что имѣется прямое указаніе въ 5 кн. М. Второз., гл. 24, стр. 14.

[3]) 2 кн. М. Исходъ, гл. 17, стр. 1.

[4]) Самъ Господь, по словамъ Библіи, создавъ эту исключительность, повелѣлъ: „не должны они (т. е. чуждые народы) жить въ землѣ твоей, чтобы они не ввели тебя въ грѣхъ противъ Меня“. См. кн. Исходъ. гл. 24, ст. 33.

Почему одни дѣлались поселенцами, а другіе пришельцами, это, вѣроятно, вытекало изъ экономическихъ основаній. Едва-ли поселенцы принадлежали къ одному племени, а пришельцы—къ другому. Вѣроятно, тотъ, кто чувствовалъ себя, по своему характеру, положенію, по своимъ вообще индивидуальнымъ особенностямъ, болѣе подготовленнымъ къ процессу приспособленія къ общественной жизни, удовлетворялся и менѣе опредѣленной защитой всего народа, не входилъ въ тѣсныя отношенія ни къ одной семьѣ и жилъ, работая на себя, подъ охраной законовъ о пришельцахъ; другіе-же, кому, въ виду ихъ индивидуальныхъ особенностей, эти общіе законы казались недостаточными, искали еще спеціальной защиты у отдѣльныхъ семей, земли которыхъ обрабатывали или за извѣстную плату или изъ доли, или за пропитаніе, одежду и защиту. Положеніе пришельцевъ, такимъ образомъ, вѣроятно, было независимѣе, чѣмъ положеніе поселенцевъ. Дѣти послѣднихъ, напримѣръ, могли быть покупаемы уже, какъ рабы. Это прямо указывается Библіей: „и изъ дѣтей поселенцевъ, поселившихся у васъ, можете покупать (рабовъ), и изъ племени ихъ, которое у васъ, которое у нихъ родилось въ землѣ вашей, и они могутъ быть вашей собственностью. Можете передавать ихъ въ наслѣдство сынамъ вашимъ по себѣ, какъ имѣніе; вѣчно владѣйте ими, какъ рабами“ [1]). О дѣтяхъ-же пришельцевъ подобныхъ указаній Библія не даетъ. То-же, что поселенцы, въ отличіе отъ пришельцевъ, были подъ защитой отдѣльныхъ семей, можно вывести, хотя бы еще изъ слѣдующаго: „поселившійся у священника и наемникъ не должны ѣсть святыни“ [2]).

Въ чемъ заключалась защита поселенцевъ, опредѣляется приведенными цитатами. Самая исключительность обществен-

---

[1]) Кн. Лев. гл. 25, стр. 45—46.
[2]) См. кн. Лев. гл. 22, ст. 10.

наго строя, признававшая полноту правовой сферы достояніемъ только сыновей избраннаго народа, вызывала необходимость этой защиты; съ другой-же стороны, уже одинъ тотъ фактъ, что, не смотря на всю исключительность общественнаго строя, среди евреевъ жили не евреи, и это въ то время, когда Господь заповѣдалъ огнемъ и мечемъ истреблять всѣ народы, одинъ этотъ фактъ является уже вполнѣ нагляднымъ проявленіемъ защиты. Указанныя выше различныя постановленія о состраданіи, милости и необходимости не обижать пришельцевъ и поселенцевъ опредѣляютъ подробности этой защиты, установленной закономъ. Какія же точно были права и обязанности каждой изъ сторонъ возстановить это во всѣхъ подробностяхъ изъ указаній Библіи, постановленія которой въ данномъ отношеніи не отличаются опредѣленностью, представляется невозможнымъ. Несомнѣнно одно: права и обязанности каждой изъ сторонъ (по отношенію къ пришельцамъ—народа, по отношенію къ поселенцамъ—ихъ патроновъ) имѣли не только характеръ моральныхъ предписаній, но и юридическій. Они обезпечивались принужденіемъ; санкціей этихъ предписаній являлся гнѣвъ Господень, обезпечивавшій исполненіе всего завѣта. Кромѣ того, за каждое нарушеніе правилъ завѣта (а отношенія евреевъ къ пришельцамъ и поселенцамъ опредѣлялись завѣтомъ)—виновный подвергался наказанію [1]). Во Второзаконіи-же прямо сказано: „проклятъ, кто превратно судитъ пришельца, вдову или сироту“ [2]).

Вотъ, однако, тѣ подробности, которыя можно возстановить на основаніи Библіи. Мотивомъ защиты, или выражаясь точнѣе—той связи, во имя которой оказывалась защита, было часто повторяющееся въ Библіи напоминаніе о томъ, что

---

[1]) Суд. на аналог. съ кн. Лев., гл. 6, ст. 1, также, гл. 5.
[2]) Второз. гл. 27, ст. 19.

„пришлецами и вы сами, т. е. евреи, были въ землѣ Египетской“ [1]). Но это, такъ сказать, формальная сторона этой связи; ея-же сущностью являлась общность культа. На этотъ счетъ Библія даетъ прямыя указанія: „И если будетъ жить между вами пришлецъ, и принесетъ жертву въ пріятное благоуханіе Господу, то и онъ долженъ дѣлать такъ, какъ вы дѣлаете. Для васъ и для пришельца, живущаго у васъ, уставъ одинъ, уставъ вѣчный въ роды ваши“ [2]). То-же повторяется и въ другомъ мѣстѣ: „Если будетъ жить у васъ пришлецъ, то и онъ долженъ совершать Пасху Господню: по уставу о Пасхѣ и по обряду ея онъ долженъ совершить ее. Одинъ уставъ пусть будетъ у васъ и для пришельца и для туземца [3])“. Наравнѣ съ туземцами они имѣли право приносить жертвы Богу и по обѣту, и по усердію [4]). Общность культа, служившая основой связи и ведшая въ виду этого къ законной защитѣ, давала право пришельцамъ на общій съ туземцами судъ [5]). Однако, даже общность культа не давала пришельцу права ни быть воиномъ, ни получать добычу, ни получать удѣлы. По крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ говорится о сборахъ сыновъ Израиля на землю Ханаанскую, о дѣлежѣ добычи, о назначеніи удѣловъ, – вездѣ говорится очень отчетливо только о сынахъ Израиля. Есть указанія, что въ станѣ были работники и дровосѣки, но были-ли это пришельцы, поселенцы, наемники или рабы, Библія никакихъ дальнѣйшихъ разъясненій не даетъ [6]).

---

[1]) См. напр., Исходъ гл. 22. ст. 21; гл. 23, ст. 9 и т. д. „Вы знаете душу пришельца, потому что сами были пришельцами въ землѣ Египетской“. (Исх. гл. 23, ст. 9).

[2]) Кн. числа. гл. 15, ст. 14—15.

[3]) Ibid., гл. 9, ст. 14. Аналогичное постановленіе встрѣчаемъ и въ кн. Второз. гл. 16, ст. 11 и 14.

[4]) Кн. Левитъ, гл. 22, ст. 18.

[5]) Ibid., гл. 24, ст. 22.

[6]) Кн. числа, гл. 1—2, гл. 31; ср. съ Второз. гл. 29, ст. 10.

Тутъ будетъ умѣстно указать еще на слѣдующее обстоятельство: большая часть постановленій, опредѣляющихъ религіозный и юридическій строй общества, не упоминаетъ о пришельцахъ, нѣкоторыя постановленія упоминаютъ о нихъ, нѣтъ ни одного постановленія, которое исключало бы ихъ изъ числа лицъ, для которыхъ эти постановленія обязательны, а кромѣ того, въ книгѣ Левитъ, мы находимъ указаніе такого рода: пришлецъ, поселившійся у васъ, да будетъ то-же, что туземецъ вашъ; люби его, какъ себя" [1]). Казалось бы, что, сопоставивъ всѣ эти данныя вмѣстѣ, мы не можемъ притти къ иному выводу, какъ только предположить, что пришелецъ былъ полноправенъ, и что законы туземцевъ—законы и для пришельцевъ. Но такой выводъ стоялъ бы въ противорѣчіи съ тѣмъ, что, какъ было сказано выше, мы въ Библіи-же находимъ о положеніи пришельцевъ. Противорѣчіе сдѣлается непримиримѣе, если сопоставить такой выводъ съ прямымъ указаніемъ (уже цитированнымъ) Второзаконія: „Пришелецъ, который среди тебя, будетъ (въ случаѣ, если Господь пошлетъ проклятья на еврейскій народъ за нарушеніе завѣта) возвышаться надъ тобой все выше и выше, а ты опускаться будешь ниже и ниже. Онъ будетъ главой, а ты будешь хвостомъ". (Втор., гл. 28, ст. 43, 44).

Если бы мы могли допустить, что дѣйствительно пришлецъ былъ полноправенъ, то противорѣчіе со Второзаконіемъ мы объяснили бы такъ: книги Исхода, Левитъ и Числа заключаютъ въ себѣ изложеніе того идеала, который ставился Господомъ евреямъ, а книга Второзаконія, въ общемъ значительно съуживающая этотъ идеалъ, заключаетъ въ себѣ сводъ минимальныхъ требованій, нарушеніе которыхъ вело бы къ полному нарушенію завѣта съ Господомъ. Самый-же фактъ съуженія идеала объясняется введеніемъ въ

---

[1]) Кн. Левитъ, гл. 19, ст. 33, 34.

законъ тѣхъ видоизмѣненій, которыя порождены были практической жизнью и съ которыми, волей не волей, пришлось мириться. Въ первыхъ книгахъ мы читаемъ то, что передавалъ народу Моисей по непосредственному велѣнію Господа; во Второзаконіи умирающій Моисей повторяетъ уже своими словами эти велѣнія и, какъ бы понуждаемый самимъ ходомъ вещей, скорѣе кодифицируетъ дѣйствительность, чѣмъ устанавливаетъ завѣтъ. Слѣдовательно, если бы идеаломъ служило и полноправіе пришельцевъ, то практика, какъ указываетъ Второзаконіе, не осуществляла этого идеала, и пришельцы были, говоря словами Библіи, не братьями, а подвластными—хвостомъ, въ то время какъ туземцы были головой.

Но мы думаемъ дальше, что въ данномъ случаѣ вообще не было противорѣчія и что даже въ первыхъ книгахъ Библіи пришелецъ не считается полноправнымъ, что даже стихъ изъ книги Левитъ (указанный выше): „пришлецъ, поселившійся у васъ, да будетъ то-же, что туземецъ вашъ“ (гл. 19, стр. 34) не указываетъ на полноправность пришельцевъ. „Да будетъ то-же, что туземецъ“—эти слова имѣютъ иносказательный смыслъ и приводятся въ подкрѣпленіе высказываемаго Господомъ желанія, чтобы туземцы не обижали пришельцевъ; это лишь мотивировка такого пожеланія. Общій-же духъ постановленій Библіи даетъ скорѣе возможность предположить, что устанавливаемые законы - законы для Господня общества, т. е. для туземцевъ. Пришельцами же настолько интересуются эти законы, насколько надлежитъ оградить туземцевъ отъ опасности, чтобы пришельцы не оскверняли ихъ чистоты и вѣры. Хотя пришельцы и раздѣляютъ культъ туземцевъ, но они все таки только привзошли въ него, культъ этотъ все таки для нихъ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ, въ гораздо большей степени условіе защиты, чѣмъ основная потребность души, жаждущей познать истиннаго Бога. И вотъ законъ, не упоминая о пришельцахъ тамъ, гдѣ нѣтъ основаній ожидать, что

пришелецъ можетъ осквернить чистоту культа, непремѣнно вспоминаетъ о нихъ тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ условіяхъ этой чистоты. Такъ, пришельцу, какъ и туземцу изъ дома Израилева, законъ грозитъ смертью, если пришелецъ заколетъ тельца или овцу, или козу въ станѣ, или если заколетъ внѣ стана и не приведетъ ко входу скиніи собранія, чтобы представить въ жертву Господу предъ жилищемъ Господнимъ [1]); законъ грозитъ смертью и тому пришельцу (какъ и сыну изъ дома Израиля), кто приноситъ всесожженіе или жертву и не приведетъ ко входу скиніи собранія, чтобы совершить ее Господу [2]); смерть и тому изъ пришельцевъ, кто будетъ ѣсть какую нибудь кровь [3]); законъ предписываетъ полное омовеніе одежды и тѣла тому пришельцу, кто будетъ ѣсть мертвечину или растерзанное звѣрями [4]); законъ предписываетъ побить камнями и того пришельца, кто дастъ изъ дѣтей Молоху [5]); смертью наказывается пришелецъ, если будетъ злословить и хулить Бога [6]). Во всѣхъ этихъ постановленіяхъ о пришельцахъ упоминается рядомъ съ туземцами, и въ этомъ смыслѣ законъ былъ у нихъ равный.

Относительно поселенцевъ мы встрѣчаемъ только одно постановленіе: „никто посторонній не долженъ ѣсть святыни; поселившійся у священника и наемникъ не долженъ ѣсть святыни; если-же священникъ купитъ себѣ человѣка за серебро, то сей можетъ ѣсть ее“ [7]). Отсутствіе спеціальныхъ постановленій о поселенцахъ и молчаніе о нихъ тамъ, гдѣ говорится о пришельцахъ, думаемъ, подтверждаетъ только нашъ

---

1) Ibid., гл. 17, ст. 3, 4.
2) Ibid., гл. 17, стр. 8, 9.
3) Ibid., ст. 12.
4) Ibid., ст. 15, 16.
5) Ibid., гл. 20, ст. 2.
6) Ibid., гл. 24, ст. 16.
7) Ibid., гл. 22, ст. 10.

взглядъ, что поселенцы были тѣже пришельцы, но искавшіе защиты у отдѣльныхъ лицъ. Приведенное же постановленіе не могло имѣть въ виду пришельца въ собственномъ смыслѣ, т. е. находившагося подъ защитой всего народа, такъ какъ такіе не селились у священниковъ, а, стало быть, по поводу такихъ не было и опасности, что они станутъ ѣсть святыню [1]).

Упомянемъ еще о своеобразномъ институтѣ—трехгодичной десятинѣ—имѣвшемъ примѣненіе также и по отношенію къ пришельцамъ. „По прошествіи трехъ лѣтъ,—говоритъ Библія [2]),—отдѣляй всѣ десятины произведеній твоихъ въ тотъ годъ, и клади въ жилищахъ твоихъ; и пусть придетъ Левитъ, ибо ему нѣтъ части и удѣла съ тобой, и пришлецъ, и сирота, и вдова, которые въ жилищахъ твоихъ, и пусть ѣдятъ и насыщаются“. Благотворительный по существу, этотъ институтъ являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и одной изъ составныхъ частей той законной защиты, патроната въ собственномъ смыслѣ, который былъ установленъ для пришельцевъ.

---

[1]) По поводу пришельцевъ мы не могли найти ни одной спеціальной работы, но въ Библейскихъ словаряхъ говорится о нихъ (proselyten) такъ: „были пришлецы вратъ и пришлецы правды—первые не обрѣзанные, вторые обрѣзанные“. Но тутъ имѣются въ виду уже пришельцы позднѣйшаго времени. По поводу-же пришельцевъ Пятикнижія, во всѣхъ словаряхъ, начиная съ стариннаго начала прошлаго вѣка) словаря Симона, говорится лишь, что пришельцы находились подъ покровительствомъ законовъ. См. Библейскій словарь Солярскаго, т. 3, стр. 250. Ср. Dictionn. universel. hist. et critique des Moeurs etc, III, 479; Herzogg—Hauk, Real. Encyclop. für protest. Theolog. XII, стр. 293 и сл. Въ подтвержденіе нашему взгляду на пришельцевъ можемъ сослаться на Michaelis, Mosaisches Recht, II, 427; но Michaelis, различая пришельцевъ отъ поселенцевъ, называетъ пришельцами тѣхъ, кто не имѣлъ своей земли, а поселенцами тѣхъ, кто не имѣлъ своего дома. Какъ обобщеніе, намъ представляется это утвержденіе произвольнымъ. См. также Otto Henne—Amrhyn, Allgem. Kulturgeschichte von der Urzeit bis auf die Gegenw , 1, 410, гдѣ авторъ высказываетъ мнѣніе о пришельцахъ, вполнѣ подтверждающее наше мнѣніе. Неволинъ, въ своей Энциклопедіи законовѣдѣнія, т. II, 177 и 189 согласенъ, что пришельцы имѣли общій законъ съ туземцами, но дальнѣйшихъ опредѣленій онъ не даетъ.

[2]) Второзак., гл. 14, ст. 29; то-же: гл. 26, ст. 12.

Второзаконіе упоминаетъ еще объ иноземцахъ, о которыхъ говорится слѣдующее: „не ѣшьте никакой мертвечины; иноземцу, который въ жилищахъ твоихъ, отдай ее, онъ пусть ѣстъ ее, или продай ему, ибо ты народъ святый у Господа Бога Твоего" [1]); „съ иноземца взыскивай, а что будетъ твое у брата твоего — прости" [2]); „иноземцу отдавай въ ростъ, а брату твоему не отдавай" [3]). Кого понимаетъ Библія подъ этими иноземцами, сказать трудно, какъ трудно даже опредѣлить, имѣли-ли въ виду эти постановленія настоящее или-же только будущее. Вѣроятнѣе, что послѣднее, такъ какъ какіе иноземцы, кромѣ пришельцевъ и поселенцевъ, могли жить въ жилищахъ евреевъ во времена Моисея? Если-же тутъ имѣются въ виду пришельцы, то эти постановленія уже окончательно устанавливаютъ нашъ взглядъ во первыхъ, на соотношеніе Второзаконія къ первымъ книгамъ Пятикнижія, во вторыхъ, на юридическое положеніе пришельцевъ по Второзаконію.

Библіи извѣстенъ также институтъ отпущенія рабовъ на волю, но, повидимому, отпущеніе на волю не вело къ установленію законнаго патроната. „Когда-же будешь отпускать его (т. е. раба) отъ себя на свободу,—говоритъ Библія [4]),— не отпусти его съ пустыми руками, но снабди его отъ стадъ твоихъ, отъ гумна твоего и отъ точила твоего; дай ему, чѣмъ благословилъ тебя Господь, Богъ твой. Если-же онъ (т. е. отпускаемый на волю) скажетъ тебѣ: не пойду я отъ тебя, потому что я люблю тебя и домъ твой, потому что хорошо ему у тебя, то возьми шило и проколи ухо его къ двери: и будетъ онъ рабомъ твоимъ на вѣкъ. Такъ поступай и съ рабою твоей". Помощь, оказываемая отпускаемому на волю, являлась

---

[1]) Ibid., гл. 14, стр. 21.
[2]) Ibid., гл. 15, стр. 2.
[3]) Ibid. гл. 23, стр. 20.
[4]) Ibid., гл. 15, ст. 13—17.

лишь съ характеромъ награды за службу; но изъ того, что законъ предписывалъ давать такую награду, не слѣдуетъ еще заключать, чтобы законъ устанавливалъ какія-либо дальнѣйшія отношенія между вольноотпущенникомъ и бывшимъ господиномъ.

III.

Китайская культура. Даосійскія книги. Идея покровительства въ широкомъ смыслѣ, какъ идея помощи познать истинный путь. Конфуціанская философія. Покровительство неба, какъ точка отправленія для остальныхъ покровительственныхъ сферъ. Покровительственныя сферы, какъ онѣ выясняются изъ источниковъ. Весь общественный строй Китая есть выраженіе идеи законной защиты. Отсутствіе спеціальныхъ институтовъ законной защиты. Добровольное рабство, вслѣдствіе безграмотности. Покровительство бѣжавшимъ отъ притѣсненія власти. Почему эти два вида покровительства не могутъ быть принимаемы за выраженіе идеи законной защиты.

Обращаемся къ Китаю. Китайская культура интересуетъ насъ не только потому, что такъ велико то множество людей, жизнь которыхъ устрояется по основнымъ ея принципамъ, а потому еще, что эти принципы представляются самобытными, стало быть, и самая культура является типической. Тутъ, кстати, оговоримся, что въ строѣ китайской жизни мы различаемъ два параллельныя теченія—даосизмъ, питающій, на сколько можно это вывести изъ чтенія священныхъ книгъ, религіозное міровоззрѣніе, и конфуціанство, которымъ запечатлѣно законодательство. И то, и другое теченіе одинаково рекомендуютъ идею покровительства, какъ коренную идею, какъ идею, долженствующую руководить всѣми дѣйствіями, поступками и отношеніями истиннаго, совершеннаго человѣка и благоустроеннаго общества. Подтвержденіе этой мысли, какъ увидимъ сейчасъ, мы находимъ въ священныхъ книгахъ, въ сборникахъ нравственныхъ правилъ и въ законодательныхъ памятникахъ Китая, а также и въ выводахъ наиболѣе авторитетныхъ синологовъ. Послѣдніе отмѣчаютъ эту черту китайской культуры съ тѣмъ болѣе говорящимъ въ нашу пользу единогласіемъ, что по

поводу многихъ иныхъ вопросовъ моральной и правовой жизни Китая мнѣнія ихъ рѣзко между собой расходятся [1]).

„Исправляйте сердце, чтобы хорошо обращалось оно къ ближнимъ; имѣйте жалость къ сиротѣ и вдовѣ; помогайте каждому, кому понадобится; расточайте добро и дѣла ваши, не разсчитывая непремѣнно на награду; подавайте милостыню, не сожалѣя о томъ, что вы даете; и такого человѣка я называю добродѣтельнымъ",—говоритъ даосiйская книга сочиненiя Лао-цзы [2]). Человѣкъ долженъ отвращаться отъ порочности, - говоритъ эта книга далѣе [3]),—а въ числѣ признаковъ порочности занимаетъ не маловажное мѣсто угнетенiе низшихъ лицъ и неблагодарность къ тѣмъ, кто оказываетъ защиту [4]). За нарушенiе этихъ правилъ книга грозитъ наказанiемъ: „каждый разъ, когда кто либо несправедливо обогащается или возвеличивается на счетъ другихъ, духи, перечисливъ его женъ или дѣтей, постепенно однихъ за другими умерщвляютъ и этимъ подводятъ итоги его старымъ долгамъ" [5]). Люди не равны между собой и не могутъ быть равными, потому что „одни въ состоянiи постигнуть Дао (истинный путь), а другiе не въ состоянiи постигнуть Дао, но постигшiй Дао долженъ и другимъ показывать истинный путь". Такъ говоритъ книга Чанъ-цинъ-цзанъ-цзинъ, напи-

---

[1]) J. H. Gray, China т. I и II; Williams, The middle Kingdom; G. Pautier, Les livres sacrés de l'orient; Васильевъ, Религiи Востока; Георгiевскiй, Принципы жизни Китая; И. Захаровъ—Поземельная собственность въ Китаѣ. (Труды членовъ россiйской духовной миссiи въ Пекинѣ, т. II, стр. 1 96); его—же, Историческое обозрѣнiе народонаселенiя Китая (Т. ч. р. д. м. въ П., т. I стр. 247—361); Васильевъ—Свѣдѣнiя о Маньчжурахъ во времена династiй Юань и Минъ; Iакинфа—Описанiе Чжунгарiи и восточнаго Туркестана (пер. съ кит.); Описанiе Тибета (пер. съ кит.); записки о Монголiи. Въ послѣдней работѣ находится монгольское уложенiе. См. указанныя ниже китайскiя сочиненiя.

[2]) Кань-инъ-бянь, соч. Лао-цзы. Перев. съ кит. T. Watters, см. Hand-book of the Chin. Lang. by Doolitle, II, стр. 247, §§ 14, 15, 20, 29—31. Пользуясь, какъ этимъ переводомъ, такъ и указанными ниже, мы руководствовались также и указанiями „Исторiи Библiи на Востокѣ", т. I, сост. О. iерем. Алекс. Виноградовымъ.

[3]) Ibid. § 40.

[4]) Ibid. §§ 54 и 56.

[5]) Ibid. § 103.

санная Мяо-мо-юань [1]). Блаженство, этотъ идеалъ человѣка, вѣнчаетъ его только тогда, когда онъ исполнитъ все, что повелѣваетъ добродѣтель—дэ. А вотъ что повелѣваетъ добродѣтель: „Я больше всего любилъ выручать людей изъ всякаго рода несчастій; и чистое, голубое небо узрѣло меня". Такъ говоритъ книга Инь-чжи-вэнь [2]), сочиненная Ди-цзюнь. „Помогай несчастнымъ,—говоритъ эта же книга,—даже рыбу, которая попала на сушу, опускай въ воду. Освобождай всякаго, кто въ опасности, и даже птицу, если она въ сѣтяхъ, отпускай на волю. Имѣй жалость къ сиротѣ, имѣй сострадание ко вдовѣ; почитай старцевъ, помогай добросердечно бѣднымъ; собирающимся въ дорогу давай платье и пищу; хорони трупъ, оставшійся безъ погребенья; доставляй лѣкарства и врачуй бѣдныхъ больныхъ; не думай, что богатство даетъ тебѣ право угнетать бѣдныхъ. Награда, которую ты прежде всего увидишь,—ты самъ; кромѣ того, ты будешь имѣть большое потомство. Сто блаженствъ, въ тебѣ соединившись и въ тебя вселившись, увѣнчаютъ тебя славой; ты будешь находиться подъ сѣнью тысячи счастливыхъ облаковъ". Аналогичныя постановленія, правила и совѣты находимъ мы и въ книгѣ Шэнъ-ю Хуанъ-сюнь [3]), въ книгѣ весьма почитаемой въ Китаѣ, такъ какъ она представляетъ изъ себя наставленія императора Кангъ-ги китайскому народу.

Но едва-ли слѣдуетъ приводить дальнѣйшія выписки. Дао, соотвѣтственно этому міровоззрѣнію, есть истинный путь, который одинъ ведетъ къ блаженству, и люди, не познавшіе Дао, вредятъ себѣ и своему потомству. Дао-же дѣлитъ людей на болѣе совершенныхъ и менѣе совершенныхъ, при чемъ первые должны направлять вторыхъ къ познанію Дао. Жизнь знаетъ также фактическое неравенство людей, и корректи-

---

[1]) См. переводъ Жюльена, Journal Asiat. IV, стр. 84, пункты 26—30.
[2]) См. перев. въ Annales de Philosophie Chretienne, XIV.
[3]) См. Chin. Recorder, 78 г., № 4.

вомъ этого является помощь и покровительство, какъ пріемы, при посредствѣ которыхъ во первыхъ, самъ помогающій вѣрнѣе достигаетъ блаженства, а во вторыхъ, и облегчается то зло, которое неизбѣжно, какъ слѣдствіе фактическаго неравенства. Приведенныя выписки показываютъ также, что помощь и покровительство понимаются священными книгами весьма широко: не возвышаясь до идеи самопожертвованія, эти книги тѣмъ не менѣе даютъ такое перечисленіе видовъ помощи, которое обязываетъ ко многимъ заботамъ на пользу ближнихъ и требуетъ, дѣйствительно, активнаго участья въ дѣлѣ облегченія и улучшенія судьбы тѣхъ, кто фактически слабѣе.

Вся жизнь человѣка въ обществѣ, по міровоззрѣнію китайцевъ, представляетъ изъ себя не что иное, какъ совокупность и взаимодѣйствіе различныхъ сферъ покровительства: небо покровительствуетъ всему государству вообще, императору въ особенности; императоръ покровительствуетъ народу; власти покровительствуютъ подчиненнымъ; самая власть есть лишь обязанность покровительства; каждая семья находится подъ покровительствомъ духовъ умершихъ предковъ; каждая отрасль человѣческой дѣятельности находится подъ покровительствомъ какого нибудь духа-патрона; отецъ покровительствуетъ сыну, и самая отцовская власть является лишь покровительствомъ; мужъ покровительствуетъ женѣ; господинъ рабу. Такое широкое значеніе идеи покровительства признаетъ и даосизмъ, насколько мы судимъ объ этомъ еще изъ указанныхъ выше священныхъ книгъ, но полнѣе овладѣло этой идеей конфуціанство: оно сдѣлало ее фундаментомъ всей моральной и юридической жизни.

По словамъ Вильямса [1], китайскій императоръ отвѣтственъ въ каждомъ своемъ дѣйствіи передъ высочайшей властью не-

---

[1]) Williams, The middle Kingdom, I, стр. 262 и слѣд.

ба, которое ему покровительствуетъ и которое наказываетъ его, если онъ не покровительствуетъ своимъ подданнымъ. Въ Шу-цзинѣ на этотъ счетъ сказано: „чистосердечный царь Вань славился заботами о народной экономіи и своимъ покровительствомъ простому народу; онъ отечески относился къ народу". Шу-цзинь замѣчаетъ далѣе: „императоръ есть отецъ и мать народа". По словамъ Вильямса, въ манифестахъ не рѣдко встрѣчаются такія фразы: „небо любитъ и покровительствуетъ императору, императоръ любитъ и покровительствуетъ народу". Однородныя указанія встрѣчаемъ мы и въ классическомъ китайскомъ сборникѣ Цзя-юй [1]), гдѣ собраны наставленія Конфуція. Тѣ-же черты мы можемъ замѣтить и въ формулахъ покаянія, приносимаго императорами въ случаѣ какого нибудь бѣдствія. „О, царственное небо!— восклицаетъ императоръ.—Если бы имперія не была поражена чрезвычайными измѣненіями, я не осмѣлился бы совершать молебствія не въ указанное время" [2]). Небо, по словамъ проф. Георгіевскаго [3]), представляется китайцу опредѣляющимъ сущность и формы человѣческихъ отношеній, способнымъ вразумлять людей и ждать ихъ исправленія, способнымъ выражать свою любовь и свой гнѣвъ, однимъ словомъ,—обладающимъ такими-же качествами, какія свойственны человѣку вообще и человѣку правителю въ особенности. Какъ смотрятъ китайцы на отношеніе императора къ власти, это видно въ особенности изъ 5-й части Шу-цзинь Хоунъ-фань [4]), гдѣ сказано, что Хуанъ цзи или высочайшее совершенство императора заключается въ пяти благословеніяхъ, которыми онъ пользуется для щедраго надѣленія ими

---

1) См. перев. Легга „The Family Sayings of Confucius". Ср., между прочимъ, Неволинъ, ц. с., § 587.

2) Георгіевскій, ц. с, стр. 206–207.

3) Ibidem., стр. 206.

4) Müller The Sacr. Books of the East, т. III, стр. 138–148.

подвластнаго народа, а народъ долженъ подражать ему, за что пользуется отъ императора свойственнымъ покровительствомъ. Отдѣльные-же правители распредѣляютъ благость императора по своимъ отдѣльнымъ частямъ и потому они должны всѣмъ покровительствовать, никого не угнетать, не должны держать себя такъ, чтобы отъ нихъ никому не было пользы. То-же повторяется и во второмъ отдѣлѣ книги Джунъ-юнь [1]), гдѣ, напримѣръ, сказано: „управлять императоръ долженъ, покровительствуя подданнымъ и охраняя ихъ, какъ дѣтей; не долженъ дозволять себѣ разнузданности, а пусть подаетъ простому народу совѣты и наставленія, которые приводили бы къ добру; пусть онъ будетъ доступенъ и тѣмъ, кто далеко отъ него, а не только тѣмъ, кто близко отъ него; пусть онъ добросердечно обращается и съ ленными князьями, за что всѣ будутъ почитать его въ имперіи“.

Конфуцій представляетъ все управленіе не иначе, какъ въ рукахъ людей искреннихъ и добродѣтельныхъ, которымъ было бы поручено наставлять людей лично или чрезъ агентовъ. „Обставивъ такимъ образомъ управленіе, — говоритъ онъ —намъ нечего будетъ бояться непріятелей, намъ не понадобятся готовыя войска, не нужно будетъ укрѣплять города стѣнами и рвами [2])“. Но во имя чего, спрашивается, долженъ такъ именно относиться управитель къ своимъ обязанностямъ? Во имя того-же, чѣмъ каждый человѣкъ руководится въ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ ближнимъ,—отвѣчаетъ Конфуцій. „Во имя сыновняго благочестія,—говоритъ онъ [3]), во имя уваженія къ своимъ предкамъ и къ общему предку“. Конечную цѣль человѣческаго бытія на землѣ Конфуцій по-

---

[1]) Переводъ Легга въ Müller'овскихъ свящ. кн. вост. т. XXVIII, стр. 300–329; отд. 2, § 15 и слѣд.

[2]) Георгіевскій, ц. с. стр. 294 и сл.

[3]) Ibid., стр. 294, 327 и 455.

лагаетъ въ эгоизмѣ, въ личномъ благоденствіи, но достиженіе этой цѣли возможно лишь въ томъ случаѣ, когда практически человѣкъ будетъ являться всего менѣе эгоистомъ въ отношеніяхъ къ окружающимъ. Кромѣ того, если всякій усопшій вправѣ требовать отъ сыновей и потомковъ надлежащихъ жертвоприношеній и надлежащаго почитанія, то, конечно, тѣ люди, которые приносили пользу далеко за предѣлами ихъ семействъ, по смерти будутъ чествоваться не только ихъ потомками, но и лицами посторонними, чуждыми родственности.

Развитіе этихъ положеній мы встрѣчаемъ во многихъ книгахъ конфуціанцевъ. Особенно-же подробно изложены эти начала въ уже цитированной Джунъ-юнь, самое заглавіе которой переводится: „обязанности каждаго человѣка". Эта книга указываетъ на нравственное и фактическое неравенство людей и требуетъ отъ каждаго, кто болѣе совершененъ помогать дѣлаться болѣе совершенными тѣмъ, кто менѣе совершененъ. И правитель до императора включительно, и частный человѣкъ въ предѣлахъ семьи своей и по отношенію къ друзьямъ и знакомымъ долженъ помнить это мудрое правило и поступать сообразно съ нимъ. И пусть каждый помнитъ также свои обязанности по отношенію къ предкамъ, духи которыхъ покровительствуютъ тѣмъ, кто, согласно законамъ, почитаетъ ихъ, и наказываютъ тѣхъ, кто забываетъ правила сыновняго благочестья [1]).

Даже отдѣльныя спеціальности, отдѣльныя отрасли человѣческой дѣятельности имѣютъ своихъ патроновъ. Такъ, напримѣръ, ремесленники, занимающіеся производствомъ гончарной посуды имѣютъ своего патрона, лица, занимающіяся судоходствомъ по рѣкамъ, имѣютъ своего патрона [2]); патро-

---

[1]) Доказательству этого положенія посвящено все изслѣдованіе проф. Георгіевскаго „Принципы жизни Китая".

[2]) J. Gray, ц. с. т. I, стр. 160—163, т. II, стр. 236, 270—271 и др.

новъ имѣютъ актеры, музыканты, любители верховой ѣзды, цвѣтоводы и т. д. [1]). Патронамъ и патронессамъ воздвигаются храмы; благословенія патроновъ испрашиваютъ при различныхъ начинаніяхъ; ассоціаціи лицъ, занимающихся одной профессіей, обыкновенно начинаютъ засѣданія обращеніями къ патрону или патронессѣ; установленъ также извѣстный порядокъ служенія патронамъ [2]).

Казалось бы, что именно въ Китаѣ, гдѣ до такой степени въ глубь и въ ширь проникаетъ весь общественный строй идея патроната въ широкомъ смыслѣ, мы не должны были бы встрѣтить никакихъ затрудненій, отыскивая также и отдѣльныя проявленія идеи патроната въ ея спеціальномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ законной защиты. Но ни законодательные сборники, ни даоскія книги, ни конфуціанскіе философы, ни описанія Китая, сдѣланныя различными путешественниками, ни изысканія синологовъ не даютъ намъ права приходить къ подобному выводу: отдѣльныхъ проявленій, т. е. спеціальныхъ институтовъ законной защиты Китай не знаетъ. Но за то весь общественный строй Китая есть не что иное, какъ осуществленіе идеи законной защиты.

Какъ справедливо замѣчаетъ Неволинъ [3]), — а это его положеніе вполнѣ согласно съ Ли [4]), гдѣ изложены нормы права о состояніяхъ, и съ изысканіями спеціалистовъ [5]),—у китайцевъ вообще нѣтъ потомственныхъ состояній; только лица, принадлежащія къ царственному дому и къ семейству Конфуція, пользуются нѣкоторыми правами потомственно.

---

[1]) Георгіевскій, ц. с., стр. 185.

[2]) Ц. с. О. іер. Ал. Виноградовъ, стр. 793 и слѣд., а также см. главу о китайскомъ календарѣ.

[3]) Неволинъ, ц. с. § 601.

[4]) См. главу о китайскихъ законахъ въ ц. с. о А. Виноградова, стр. 969.

[5]) Parker „Comparative Chinese family law", China Rewiew, т. VIII, стр. 67 и сл. Здѣсь можно найти сводъ мнѣній всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ синологовъ по этому вопросу.

Чины и должности никогда не бываютъ наслѣдственны, и важныя какія-либо заслуги чиновника награждаются не возведеніемъ его дѣтей въ дворянство, а облагороживаніемъ его предковъ. Слѣдовательно, каждый можетъ заняться въ Китаѣ всѣмъ и достигать всѣхъ почестей общественныхъ. Правда, какъ увидимъ ниже, такое юридическое равноправіе далеко не ведетъ еще и къ фактическому равноправію; мало того—есть случаи, когда фактъ получаетъ всѣ особенности правового основанія и, такимъ образомъ, фактическая слабость превращается, по существу, въ слабость юридическую,—но Китайцы не признаютъ и въ такихъ случаяхъ той серединной, какъ бы примиряющей области между индивидуализмомъ и рабствомъ, каковой являются отношенія по законной защитѣ: или человѣкъ предоставляется самому себѣ, или-же ему одинъ путь—рабство. Но и это все не противорѣчитъ нашему утвержденію, такъ какъ китайскій индивидуализмъ и есть собственно патронатъ въ спеціальномъ смыслѣ слова.

Мы уже видѣли до какой степени строй Китая проникнутъ началомъ покровительства. Каждый истинный китаецъ, если онъ домовладыка, находится подъ покровительствомъ неба, императора, всей іерархической лѣстницы властей, духовъ предковъ и патрона его спеціальности; если-же онъ къ тому-же и не домовладыка, а только одинъ изъ семьи, то и подъ покровительствомъ домовладыки. Это покровительство является для китайца первоисточникомъ его правъ въ семьѣ по отношенію къ тѣмъ, кто подъ его властью, внѣ семьи,—по отношенію къ тѣмъ, кто подчиненъ ему, какъ начальнику. И права эти носятъ строго юридическій характеръ, такъ какъ ихъ можно защищать принужденіемъ. Достаточно пепересмотрѣть уголовный кодексъ Китая, чтобы убѣдиться въ этомъ [1]). Законъ, напримѣръ, караетъ смертной казнью вся-

[1]) Ц. с. о. А Виноградова, § 82, стр. 972 и слѣд.

кое неуваженіе къ верховной власти, даже ошибки при вложеніи докладовъ въ конвертъ; смертной-же казнью караетъ неуваженіе къ родителямъ (подъ неуваженіемъ понимается: поношеніе дѣда, бабки, отца, матери, свекра, свекрови; раздѣлъ отъ нихъ и перемѣна родины; отказъ въ пропитаніи отца и матери; женитьба во время траура по отцѣ и матери и т. д.); смертная-же казнь полагается за преступленія жены противъ чести мужа; суровы и наказанія за всякое неуваженіе, оказанное начальнику или вообще власти. Съ другой стороны, и обязанности, налагаемыя на управомоченнаго во имя того-же начала покровительства, носятъ юридическій характеръ, хотя онѣ и обезпечены далеко не такими суровыми наказаніями, и хотя даже самое разсмотрѣніе этихъ обязанностей только отчасти отнесено къ уголовному кодексу (гораздо подробнѣе разсматриваются онѣ въ уже не разъ цитированныхъ даоскихъ и конфуціанскихъ книгахъ). Такъ, китайскій императоръ обладаетъ властью неограниченной, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отецъ и мать народа и руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ онъ долженъ примѣрами тѣхъ государей, которые общимъ мнѣніемъ признаны за государей самыхъ мудрыхъ, справедливыхъ и добрыхъ [1]). Кромѣ того, всѣ чиновники имѣютъ право въ пристойныхъ выраженіяхъ дѣлать государю представленія, относящіяся къ его управленію государствомъ [2]). Наконецъ, не только удерживающимъ отъ произвола, но и постоянно контролирующимъ дѣйствія императора органомъ является прокурорскій приказъ, который занимается, кромѣ всякаго вообще надзора за соблюденіемъ законовъ, за нравственностью и проч., еще и тѣмъ, что указываетъ императору, что было бы хорошо и справедливо дѣлать и отъ чего слѣдуетъ воздерживаться. Приводя образчи-

[1]) Неволинъ, ц. с. § 590.
[2]) Ibid. § 598.

ки такихъ цензорскихъ представленій, проф. Георгіевскій, напримѣръ, прямо называетъ этихъ цензоровъ своего рода Дамокловымъ мечемъ и сомнѣвается, чтобы, въ виду существованія такой цензуры, можно было бы считать китайскаго императора безконтрольнымъ повелителемъ [1]). „Цензоры гремятъ,—говоритъ проф. Георгіевскій,—въ защиту того, что, являясь исходнымъ пунктомъ ученія Конфуція (начало покровительства, какъ мы видѣли,—также одинъ изъ исходныхъ пунктовъ), въ тоже время служитъ коренной основой строя семейнаго, общественнаго и государственнаго". Цензорскіе доклады къ тому-же не остаются въ тайнѣ, но путемъ печати доводятся до всеобщаго свѣдѣнія, такъ что это одно является уже весьма серьезнымъ препятствіемъ для произвола и злоупотребленія властью [2]). Тѣмъ большее значеніе, конечно, имѣетъ прокуратура для чиновниковъ правителей: цензоръ контролируетъ областныхъ чиновниковъ и сельскихъ правителей и докладываетъ о тѣхъ изъ нихъ, которые должны быть отставлены отъ должности [3]). Уже цитированная нами книга „Джунъ-юнь" (Kung-Jung) опредѣляетъ если не самыя обязанности правителей по отношенію къ подчиненнымъ, то характеръ этихъ обязанностей [4]), а откло-

---

[1]) Георгіевскій. ц. с. стр. 424.

[2]) Ibidem, ц. с, стр. 429. Вотъ образчикъ такого цензорскаго представленія: Я, нижайшій подданный Вашего Величества не могу долѣе молчать. Съ тѣхъ поръ, какъ вы находитесь на тронѣ, времена года замѣтно утратили свою правильность, свѣтила движутся какъ бы по новымъ путямъ, поля не удовлетворяютъ насущнымъ потребностямъ нашимъ, чиновники—правители не являются болѣе ни отцами народа, ни защитниками невинности, злодѣи становятся смѣлѣе и составляютъ заговоры противъ общественнаго спокойствія... Значитъ-ли это царствовать? Вотъ чѣмъ Вы безчестите Вашихъ предковъ и въ чемъ не слѣдуете ихъ примѣру и т. д.

[3]) Ibidem, стр. 424, ср. Неволинъ, ц. с. § 598.

[4]) Переводъ Легга, уже ц. выше. Вотъ, напримѣръ, характерное для даннаго случая постановленіе (§ 8, II): „мудрый начальникъ пусть заботится о собственномъ характерѣ, а кто хочетъ воспитать характеръ, тотъ пусть не пренебрегаетъ служеніемъ родителямъ; кто хочетъ служить родителямъ, тотъ пусть

неніе чиновника отъ „обычнаго пути“, какъ только это доходитъ до свѣдѣнія высшей власти, карается по уголовному кодексу, какъ нарушеніе сыновняго благочестія. Точно также и въ предѣлахъ семьи власть ограничивается закономъ [1]): книги философовъ требуютъ отъ домовладыки разумнаго и нравственнаго управленія семьей; прокурорскій приказъ строго слѣдитъ за соблюденіемъ всѣхъ этихъ правилъ, и если ждетъ смертная казнь сына, забывшаго сыновнее благочестье [2]), то, съ другой стороны, не будетъ оставленъ безъ наказанія и отецъ, управляющій домомъ противъ правилъ конфуціанской морали, въ отступленіи отъ примѣровъ благочестивыхъ предковъ своихъ, духамъ которыхъ онъ покланяется, отъ покровительства которыхъ ждетъ для себя всякихъ благополучій.

Можно-ли, спрашивается, въ виду всего этого, понимать подъ индивидуализмомъ китайцевъ тотъ индивидуализмъ, картину господства котораго, положимъ, представляетъ современная жизнь Европы? Правда, въ Китаѣ очень развито стремленіе обособляться лицу отъ семьи [3]), правда и то, что ничто такъ не заботитъ китайца, какъ желаніе добиться личнаго благопо-

---

заботится, чтобы его узнали другіе, а его узнаютъ другіе, если онъ не забудетъ, чѣмъ былъ всегда обязанъ Небу (пусть не теряетъ изъ виду познаніе неба,—какъ переводитъ почему-то о. Виноградовъ, ц. с. стр. 1122).

[1]) По 319 ст. уголовн. кодекса (Лю) дѣтоубійство считается преступленіемъ, хотя, по словамъ лицъ, жившихъ въ Китаѣ, и совершается довольно часто. (О. Виноградовъ, ц. с. стр 961). Власть отца ограничена и семейнымъ совѣщаніемъ.

[2]) Правила сыновняго благочестія всѣхъ его видовъ изложены въ уже цитированномъ нами сборникѣ Сяо-цзинъ (пер. Легга). Особенный интересъ представляетъ глава XII и дополненіе къ ней „Ней-цзѣ“. гдѣ изложены правила, регулирующія отношенія дѣтей къ родителямъ. Сыновнее благочестіе сына неба, т. е. его обязанности - гл. II; сыновнее благочестіе ленныхъ князей—гл. III; сыновнее благочестіе чиновниковъ—гл. V.

[3]) Подтвержденіе этого нашего взгляда мы отчасти находимъ въ извѣстномъ утвержденіи Мэна, что только съ прогрессомъ совершается переходъ отъ семьи къ индивиду. Китай, какъ кажется, лишь недавно началъ переживать процессъ такого перехода.

лучія, хотя бы оно и стоило большихъ жертвъ обществу, съ другой-же стороны, законъ устанавливаетъ всеобщее равенство и не знаетъ ни кастъ, ни подчиненія однихъ сословій другимъ, но среди указанныхъ общественныхъ условій нѣтъ уже потому почвы для развитія индивидуализма, что, въ сущности, всѣ одинаково безправны передъ небомъ и той высшей конфуціанской мудростью, которыя связываютъ каждаго по рукамъ и ногамъ и въ его семьѣ, и въ его канцеляріи, какъ правителя, и на тронѣ связываетъ самого императора. Китаецъ прикрытъ какъ стекляннымъ колпакомъ цѣлымъ рядомъ наслоенныхъ другъ на друга покровительственныхъ сферъ и, не будучи рабомъ, онъ, тѣмъ не менѣе, и не господинъ своихъ дѣйствій. Онъ безправенъ, но онъ не болѣе безправенъ, чѣмъ всѣ остальные, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ и глава своего дома, и глава порученной его управленію области, и глава имперіи, если онъ императоръ. Короче говоря: онъ можетъ быть господиномъ милліоновъ, но онъ не господинъ самому себѣ.

Такимъ образомъ, однимъ изъ основныхъ принциповъ китайской культуры является сознаніе фактической несостоятельности всѣхъ и каждаго въ процессѣ приспособленія къ жизни: безъ охраны и покровительства неба, императора, властей, духовъ и предковъ и домовладыки—для однихъ, неба, императора, властей и духовъ предковъ—для другихъ, неба, императора и духовъ предковъ—для третьихъ, неба и духовъ предковъ—для императора,—это приспособленіе невозможно. Послѣдствіемъ такого признанія всеобщей фактической слабости является безправность, какъ показатель юридической слабости, а слѣдствіемъ всего этого является идея защиты, установленію которой въ различныхъ отношеніяхъ и развѣтвленіяхъ и посвящено, въ сущности, все законодательство. Руководящимъ-же принципомъ такой защиты является познаніе истиннаго совершенства и истинной

ЭВОЛЮЦІЯ

СОВРЕМЕННАГО КАПИТАЛИЗМА.

Дж. ГОБСОНЪ.
John A. Hobson.

ЭВОЛЮЦІЯ СОВРЕМЕННАГО КАПИТАЛИЗМА.

Изслѣдованіе машиннаго производства.

(Evolution of Modern Capitalism. A study of machine production).

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Я. Свирщевскаго
Приватъ-доцента Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія Э. Г. Фалькъ.
1898.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Пытаясь выразить и разъяснить нѣкоторые изъ законовъ измѣненій въ структурѣ современной промышленности, я избралъ центромъ изученія средину между болѣе широкимъ философскимъ обозрѣніемъ трактатовъ о соціальной эволюціи и спеціальными изслѣдованіями современной машинной промышленности, содержащимися въ такихъ трудахъ, какъ Babbage'a Economy of Manufactures и Ure'Philosophy of Manufactures, или, въ болѣе недавнее время, въ тщательной работѣ профессора Шульце-Геверница о хлопчато-бумажной промышленности. Употребляя терминъ „эволюція", я имѣлъ въ виду отмѣтить, что предметъ изслѣдованія находится въ процессѣ органическаго измѣненія, и старался прослѣдить въ немъ нѣкоторыя изъ тѣхъ крупныхъ движеній, которыя являются характерными для всякаго естественнаго роста.

Второе заглавіе—*Изслѣдованіе машиннаго производства*—указываетъ дальнѣйшее суженіе изслѣдованія. Избирая вліяніе современныхъ машинъ и двигателей предметомъ спеціальнаго изученія, я настойчиво старался возможно болѣе выяснять органическое единство, останавливаясь на болѣе существенныхъ проявленіяхъ промышленнаго переворота, которыя отмѣчаютъ послѣднія полтора столѣтія отъ всѣхъ прежнихъ промышленныхъ эпохъ. Положеніе центральной важности, приписываемое, такимъ образомъ, машинамъ, какъ фактору въ промышленной эволюціи, можетъ быть—до извѣстной степени должно быть—невѣрнымъ, но, когда научному анализу приходится касаться феноменовъ столь сложныхъ и столь несовершенно изслѣдованныхъ, является необходимымъ избрать какую либо одну простую ясно опредѣляемую

точку зрѣнія, даже рискуя тѣмъ, что такимъ образомъ не удастся изобразить полной сложности силъ въ ихъ настоящемъ, но запутанномъ взаимодѣйствіи.

Прослѣживая въ предпріятіи, промышленности и промышленномъ организмѣ главныя измѣненія структуры и функцій, сопровождавшія развитіе машинъ, я не пытался касаться многочисленныхъ отраслей соціальнаго изслѣдованія, которыя отклоняются отъ главнаго предмета изученія. Тѣмъ не менѣе въ эту книгу вошли два этюда о „системѣ соперничества" въ ея современномъ дѣйствіи: одинъ—изслѣдующій процессъ ограниченія, посредствомъ котораго соперничество капиталовъ открываетъ путь различнымъ видамъ соединеній; другой—отмѣчающій въ періодическихъ промышленныхъ кризисахъ естественный результатъ неограниченнаго соперничества въ частномъ капиталическомъ производствѣ.

Въ нѣсколькихъ послѣднихъ главахъ я старался указать главное значеніе происшедшихъ въ промышленной структурѣ измѣненій для нѣкоторыхъ изъ болѣе глубокихъ послѣдствій соціальной жизни, въ особенности для проблемы индустріальнаго города и для положенія женщины, какъ соперника въ промышленной дѣятельности.

Дж. Гобсонъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА III-я.

Порядокъ развитія машиннаго производства.

ГЛАВА IV-я.

Структура современной промышленности.

ГЛАВА V-я.

Образованіе монополій капитала.

ГЛАВА VI-я

Экономическія силы трёста.

ГЛАВА VII-я.

Машины и промышленные кризисы.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

ГЛАВА VIII-я.

Машины и спросъ на трудъ.

ГЛАВА IX-я

Машины и качество труда.

ГЛАВА X-я.

Экономія высокой заработной платы.

ГЛАВА XI-я.

Нѣкоторыя послѣдствія современнаго машиннаго производства для рабочихъ, какъ потребителей.

ГЛАВА XII-я.

Женщины въ современной промышлености.

ГЛАВА XIII-я.

Машинное производство и современный городъ.

ГЛАВА XIV-я.

Цивилизація и промышленное развитіе.

ЭВОЛЮЦІЯ

СОВРЕМЕННАГО КАПИТАЛИЗМА.

ЭВОЛЮЦІЯ
СОВРЕМЕННАГО КАПИТАЛИЗМА.

ГЛАВА I-я.

ВВЕДЕНІЕ.

§ 1. **Промышленная наука, ея исходная точка зрѣнія и методы изслѣдованія.** Наука становится все болѣе и болѣе исторической въ томъ смыслѣ, что она все съ большимъ стараніемъ стремится показать, что законы или принципы, изложеніемъ которыхъ она занимается, не только правильно выводятся изъ наблюденія явленій, но и доставляемымъ ими объясненіемъ охватываютъ весь рядъ этихъ явленій. Подобнымъ же образомъ исторія принимаетъ все болѣе научный характеръ въ томъ смыслѣ, что факты или явленія располагаются ею въ такомъ порядкѣ, чтобы при этомъ наиболѣе рельефно выдѣлялись тѣ идеи или принципы, которыя явно относятся къ нимъ и внѣшнимъ выраженіемъ которыхъ они являются. Такимъ образомъ сгладилась рѣзкая разграничительная линія, существовавшая прежде, и мы теперь не видимъ опредѣленной границы между изученіемъ фактовъ и изученіемъ законовъ или принциповъ, управляющихъ этими фактами. Поэтому и раздѣленіе исторіи отъ науки становится все менѣе оправдываемымъ логически. Тѣмъ не менѣе еще и теперь вполнѣ умѣстно говорить объ одной отрасли изслѣдованія, какъ объ исторической въ томъ смыслѣ, что она непосредственно и сознательно занимается собираніемъ и яснымъ изложеніемъ фактовъ или явленій, какъ они существуютъ объективно въ пространствѣ и времени, безъ всякаго намѣреннаго изслѣ-

дованія законовъ, къ нимъ относящихся или ихъ объясняющихъ; а о другой отрасли изслѣдованія, какъ о научной, потому что она занимается раскрытіемъ, формулированіемъ и точнымъ изложеніемъ законовъ, въ соотвѣтствіи съ которыми приводятся факты безъ намѣренія дать полную картину этихъ фактовъ. Настоящее сочиненіе въ этомъ смыслѣ скорѣе относится къ экономической наукѣ, чѣмъ къ промышленной исторіи, такъ какъ оно представляетъ собою попытку раскрыть и изложить законы движенія промышленныхъ силъ въ теченіе періода XVIII и XIX столѣтіи.

Нельзя, однако, претендовать, чтобы подобная научная работа могла достигнуть сколько нибудь высокой степени точности.

При всякой попыткѣ объяснить промышленныя явленія, намѣчая законы дѣйствія проявляющихся въ нихъ силъ, представляются два главныхъ затрудненія. Первое изъ нихъ заключается въ томъ, что ясно и опредѣленно установить можно только ограниченную часть тѣхъ явленій, изъ которыхъ слагается промышленность въ данное время, и всегда является возможнымъ, что законы, которые удовлетворительно объясняютъ статическія и динамическія отношенія въ этой части, могутъ быть подчиненными или даже прямо противодѣйствующими силами болѣе широкихъ движеній, господство которыхъ было бы ясно, если бы были одинаково извѣстны всѣ части промышленнаго цѣлаго.

Другая трудность, тѣсно примыкающая въ первой, заключается въ присущей промышленности сложности, въ постоянномъ и тѣсномъ взаимодѣйствіи многочисленныхъ явленій, точный размѣръ которыхъ и относительное значеніе постоянно ускользаютъ отъ самаго точнаго наблюдателя, сбивая его съ пути.

Эти трудности, общія всѣмъ наукамъ, въ соціологическихъ наукахъ увеличиваются еще невозможностью соотвѣтствующаго дѣйствительности эксперимента въ спеціально подготовленной обстановкѣ.

Достижимая въ экономическихъ наукахъ степень точности находится очевидно въ зависимости отъ развитія ста-

тистическаго изслѣдованія. Такъ какъ собираніе точныхъ статистическихъ свѣдѣній даже въ тѣхъ областяхъ, которыя являются наиболѣе важными и наиболѣе легко поддаются статистическому описанію, есть новѣйшее пріобрѣтеніе, еще далеко не распространившееся на весь міръ, причемъ способность къ классификаціи и правильному употребленію статистическихъ данныхъ встрѣчаются еще рѣже, то нѣкоторые утверждаютъ, что для науки, въ которой такъ много зависитъ отъ точнаго опредѣленія количества, въ настоящее время возможно лишь незначительное движеніе впередъ.

И, безъ сомнѣнія, правда, что пока успѣхи правильнаго статистическаго наблюденія не доставятъ намъ полнаго измѣренія промышленныхъ явленій, на широкомъ поприщѣ торговли и за значительный періодъ времени, индуктивная наука политической экономіи не можетъ достигнуть точности.

Но изслѣдованіе, которое не можетъ изъявлять притязанія на такую точность, все таки можетъ быть научнымъ и имѣть научное значеніе. Гипотеза, которая наилучшимъ образомъ объясняетъ видимое отношеніе между нѣкоторыми извѣстными явленіями, не утрачиваетъ еще своего научнаго значенія изъ за того, что ей суждено смѣниться другими гипотезами, которыя съ такой же относительной точностью объясняютъ болѣе широкій рядъ подобныхъ явленіи. Правда, въ тѣхъ областяхъ изслѣдованія, гдѣ, какъ мы знаемъ, существуетъ много невыясненныхъ факторовъ, мы должны ожидать болѣе кореннаго паденія прежнихъ и болѣе отвлеченныхъ гипотезъ, чѣмъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ, какъ мы знаемъ или думаемъ, что знаемъ, бо́льшая часть явленія, которыми мы занимаемся, равно доступны нашему познаванію; но и научное изученіе первой области, каково бы оно ни было, равно необходимо и равно научно.

Въ современныхъ промышленныхъ измѣненіяхъ многіе различные факторы—матеріальные и нравственные очевидно находятся между собой въ многочисленныхъ сложныхъ отношеніяхъ. Въ зависимости отъ того, принимается ли за предметъ изученія тотъ или другой изъ главныхъ факто-

ровъ, самое изслѣдованіе принимаетъ совершенно различный характеръ.

Напримѣръ, такъ какъ цѣль промышленности есть богатство для потребленія, то возможно группировать промышленныя явленія соотвѣтственно тому, насколько болѣе полно и непосредственно служатъ они удовлетворенію человѣческихъ потребностей, или на сколько въ количественномъ или качественномъ отношеніи они вліяютъ на состояніе потребленія, и разсматривать отраженное дѣйствіе измѣнившагося потребленія на способы промышленной дѣятельности. Или же, разсматривая промышленность, какъ представляющую собой въ сущности организованныя производительныя усилія людей, можно сдѣлать центромъ научнаго интереса тѣ факторы, которые наиболѣе тѣсно связаны съ измѣненіями въ природѣ, условіяхъ и интензивности труда; и мы можемъ группировать наши факты и силы согласно ихъ значенію въ этомъ отношеніи. Эти различныя точки зрѣнія дали бы намъ различныя научныя объективныя изслѣдованія.

Или, еще далѣе, избирая чисто субъективную точку зрѣнія, мы можемъ изслѣдовать интеллектуальное выраженіе этихъ промышленныхъ измѣненій въ измѣненіи идей и чувствованій вѣка, прослѣживая воспитательныя вліянія промышленнаго развитія (1) на теоретическія сужденія дѣловаго міра и экономистовъ—мыслителей, отразившіяся въ экономической литературѣ; (2) на политику, литературу и искусство путемъ измѣненій въ соціальной обстановкѣ и прямаго побужденія къ новымъ идеямъ и чувствамъ. Такимъ образомъ можетъ быть выдвинуто на видъ болѣе глубокое и болѣе важное гуманное значеніе измѣненій въ промышленной обстановкѣ, а также и обратное дѣйствіе, посредствомъ котораго эти интеллектуальныя силы путемъ различнаго соціальнаго законодательства, общественнаго мнѣнія и частной организованной дѣятельности—въ свою очередь вліяютъ на промышленную структуру.

Наконецъ, послѣдняя трудность надлежащаго научнаго изслѣдованія состоитъ въ томъ, что каждый и всѣ изъ этихъ

объектовъ изученія должно схватывать одновременно, т. е. вся совокупность явленій—промышленныхъ, интеллектуальныхъ, политическихъ, моральныхъ, эстетическихъ должна быть представлена въ ихъ истинныхъ, но постоянно измѣняющихся пропорціяхъ.

Этотъ болѣе широкій философскій способъ изслѣдованія здѣсь только намѣченъ съ тою цѣлью, чтобы было ясно, какимъ узкимъ и неполнымъ должно являться даже самое широкое выполненіе задачи, указанной въ заголовкѣ этой книги.

§ 2. Капиталъ, какъ факторъ въ современномъ промышленномъ переворотѣ. Промышленная наука еще недостаточно развилась для того чтобы осилить полное изслѣдованіе объективныхъ явленій.

Усвоенный здѣсь методъ состоитъ въ томъ, чтобы взять для нашего умственнаго объектива одинъ важный факторъ въ современныхъ промышленныхъ движеніяхъ, изучить законы его развитія и дѣйствія и, путемъ наблюденія отношеній, существующихъ между нимъ и другими факторами или силами въ промышленности, получить извѣстное болѣе ясное пониманіе и оцѣнку структуры промышленности въ ея цѣломъ и ея отношенія къ эволюціи человѣческаго общества. Такой центральный факторъ обозначается описательнымъ терминомъ, спеціально усвоеннымъ современной промышленности,—*капитализмъ*. Ясное пониманіе явленій, группирующихся вмѣстѣ вокругъ *промышленной революціи*, не можетъ не выставить на первый планъ тѣхъ измѣненій, какія совершились въ структурѣ и отличительныхъ функціяхъ капитала. Какія бы преобразованія ни имѣли мѣсто въ земельныхъ отношеніяхъ, въ свойствахъ сыраго матеріала промышленнаго производства и труда или въ свойствахъ и способностяхъ человѣка, работающаго надъ сырымъ матеріалами, всѣ онѣ явились главнымъ образомъ благодаря непосредственному воздѣйствію расширившагося и болѣе сложнаго употребленія тѣхъ видовъ матеріальнаго богатства, которые, воплощая въ себѣ извѣстный элементъ человѣческаго труда, не способны въ то же время служить

непосредственному удовлетворенію человѣческихъ потребностей.

Политико-экономы въ своихъ сочиненіяхъ внесли много метафизическаго остроумія въ опредѣленіе капитала и пришли къ самымъ разнорѣчивымъ заключеніямъ о томъ, что этотъ терминъ долженъ означать, игнорируя ясное и вполнѣ правильное значеніе, которое придается этому термину въ дѣловомъ мірѣ, имѣющемъ съ нимъ дѣло. Дѣловой людъ имѣетъ въ дѣйствительности два взгляда на капиталъ, но они совмѣстимы другъ съ другомъ. Абстрактно капиталъ есть деньги или возможность располагать деньгами, иногда называемая кредитомъ. Конкретно капиталъ состоитъ изъ всѣхъ обращающихся на рынкѣ предметовъ, воплощающихъ трудъ. Земля и природа не входятъ сюда, за исключеніемъ улучшеній; человѣческія силы не входятъ, такъ какъ онѣ не матерія, не входятъ и полезности въ рукахъ потребителей, такъ какъ онѣ уже не обращаются болѣе на рынкѣ. Такимъ образомъ конкретными формами капитала являются въ дѣйствительности сырые матеріалы производства, со включеніемъ сюда окончательной стадіи товаровъ, находящихся въ лавкахъ, и орудія и снаряды, употребляемые въ различныхъ процессахъ производства, включая денежное орудіе обмѣна. Конкретный дѣловой капиталъ слагается изъ этого и ни изъ чего больше [1]). Избирая современныя про-

[1]) Профессоръ Маршаль смотритъ на такое ограничительное употребленіе слова „капиталъ“ какъ на „ошибочное“, справедливо утверждая, что „есть много другихъ вещей, которыя въ дѣйствительности выполняютъ услуги, обыкновенно приписываемыя капиталу“ (Principles), кн. II, глава IV). Но если расширить наше опредѣленіе такъ, чтобы оно включало и всѣ эти „другія вещи“, то мы прійдемъ къ такой политической экономіи, которая далеко выйдетъ за предѣлы промышленной жизни, какъ мы теперь понимаемъ этотъ терминъ, и охватитъ всю науку и искусство о жизни, насколько она связана съ человѣческими усиліями и удовлетвореніемъ. Если желательно и цѣлесообразно въ извѣстныхъ научныхъ соображеніяхъ сохранить болѣе узкое находящееся теперь въ употребленіе значеніе слова „промышленность“, то логически оправдывается и ограниченіе понятія капитала признакомъ промышленнаго капитала. Для болѣе полнаго ознакомленія съ вопросомъ объ упо-

мышленныя явленія объектомъ научнаго изслѣдованія, лучше принимать такую терминологію, которая общеупотребительна и твердо усвоена среди дѣловыхъ людей, чѣмъ изобрѣтать новые термины или для признаннаго уже термина придумывать особое значеніе, отличное отъ того, какое ему приписывается другими научными изслѣдователями, и къ тому же еще, судя по прошлому опыту, вѣроятно болѣе слабое въ смыслѣ логической точности, чѣмъ обыденное пониманіе термина въ дѣловомъ мірѣ.

§ 3. Значеніе машинъ въ эволюціи капитализма. Главнымъ матеріальнымъ факторомъ въ развитіи капитализма являются машины. Возрастаніе количества и сложности машинъ, приспособленныхъ къ цѣлямъ обработывающей, перевозочной и добывающей промышленности есть особенно крупный фактъ въ исторіи развитія современной промышленности.

Слѣдовательно главнымъ образомъ мы должны сосредоточить наше вниманіе на развитіи и вліяніи машинъ на промышленность, руководствуясь слѣдующимъ методомъ изслѣдованія. Во первыхъ, необходимо составить себѣ понятіе о структурѣ промышленности или „промышленнаго организма“ какъ въ цѣломъ, такъ и въ его составныхъ частяхъ, до того времени, какъ начали дѣйствовать новыя промышленныя силы. Затѣмъ мы должны искать выясненія законовъ дѣйствія и приложенія новыхъ силъ къ различнымъ отраслямъ промышленности и различнымъ частямъ промышленнаго міра, наблюдая на извѣстныхъ типическихъ отрасляхъ машиннаго производства порядокъ и ходъ примѣненія новыхъ машинъ и двигателей къ различнымъ процессамъ. Возвращаясь затѣмъ снова къ промышленному организму, мы постараемся выяснить главныя измѣненія, которыя были внесены въ размѣры и внутренній строй промышленности, въ отношенія между различными частями промышленнаго міра,

---

требленіи термина „капиталъ“ въ составѣ описательной терминологіи частей промышленности читатель долженъ обратиться къ главѣ VII и особенно къ приложенію I-му.

между различными отраслями промышленности, между отдѣльными процессами въ этихъ отрасляхъ, между отдѣльными предпріятіями или единицами, изъ которыхъ слагается промышленность или рынокъ, и между единицами капитала и труда, входящихъ въ составъ предпріятія. Эти изслѣдованія раздѣлятся на три группы, охватывающія: (1) вліяніе машиннаго производства на размѣры единицъ капитала, усиленіе и ограниченіе конкурренціи; естественное образованіе трёстовъ и другихъ формъ экономическихъ монополій капитала, кризисы и тяжелыя промышленныя неурядицы, обязанныя своимъ возникновеніемъ несогласію между индивидуальными и общественными интересами при дѣйствіи современныхъ способовъ производства; (2) вліяніе машинъ на трудъ, на размѣръ и регулярность его примѣненія въ производствѣ, на характеръ и вознагражденіе работы, па положеніе женщинъ въ промышленности; (3) вліяніе на промышленные классы въ ихъ качествѣ потребителей, ростъ большихъ промышленныхъ городовъ и ихъ вліяніе на физическую, умственную и нравственную жизнь общества. Въ заключеніе будетъ сдѣлана попытка суммировать непосредственное вліяніе современнаго капиталистическаго производства въ отношеніи къ другимъ соціальнымъ прогрессивнымъ силамъ и указать тѣ отношенія между ними, которые представляются наиболѣе благопріятными для народнаго благосостоянія, измѣряемаго общепринятыми признаками довольства.

§ 4. Денежная форма промышленности. Такъ какъ каждый промышленный актъ въ современномъ обществѣ имѣетъ свое денежное выраженіе и его значеніе обыкновенно оцѣнивается въ денежныхъ единицахъ, то очевидно, что ростъ капитализма можетъ быть изучаемъ съ большой выгодой въ его денежной формѣ. Соотвѣтственно съ измѣненіями въ способахъ производства при механическихъ машинахъ мы наблюдаемъ быстрый ростъ сложной денежной системы, отражащійся на ея международномъ и національномъ характерѣ, на ея развитой структурѣ кредита,—основныя характерныя черты, наблюдаемыя нами въ современной

производительной и распредѣлительной промышленности. Все промышленное движеніе можетъ быть разсматриваемо съ капиталистической или денежной точки зрѣнія. Но, хотя такое изученіе и было бы способно во многихъ отношеніяхъ пролить лучъ свѣта на движенія конкретныхъ промышленныхъ факторовъ, умственное напряженіе совершать одновременно двойное изслѣдованіе, постоянно переходя отъ болѣе конкретнаго къ болѣе абстрактному разсмотрѣнію промышленныхъ явленій, сдѣлало бы слишкомъ обременительной для ума работу изучающихъ и значительно уменьшало бы шансы вполнѣ правильнаго пониманія любой формы современной промышленности. Поэтому мы въ настоящемъ изслѣдованіи сосредоточимъ свое вниманіе на конкретной формѣ капитализма, указывая лишь въ видѣ попутныхъ замѣчаній нѣкоторыя изъ непосредственныхъ вліяній развитой денежной системы современнаго обмѣна на промышленную жизнь, особенно на расширеніе и сложность рынковъ.

§ 5. Литературное изображеніе органическаго движенія. Трудность литературнаго изображенія, присущая каждому изслѣдованію живаго и измѣняющагося организма, представляется въ данномъ случаѣ въ необыкновенно высокой степени. Книга по физіологіи по необходимости страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что она не можетъ представить ни истинной одновременности явленій, встрѣчающихся съ другъ съ другомъ, ни истинной послѣдовательности явленій, слѣдующихъ одно за другимъ. Для указанія болѣе или менѣе простой одновременности можно съ успѣхомъ пользоваться діаграммами, но сложная діаграмма безусловно не достигаетъ своей цѣли, потому что она спутываетъ зрительныя впечатлѣнія того, кого старается сразу схватить все цѣлое, и такимъ образомъ заставляетъ его обратиться къ послѣдовательному изученію отдѣльныхъ частей, которое обыкновенно стоитъ ниже связнаго разсказа, такъ какъ не обезпечиваетъ наиболѣе цѣлесообразнаго порядка изслѣдованія частей. Для нѣкоторыхъ простыхъ отношеній между движеніемъ немногихъ опредѣленныхъ объектовъ можетъ быть употреблена съ пользой приводимая въ дѣйствіе схема—мо-

дель; но, когда существуютъ сложныя измѣненія формы, поступательнаго движенія и мѣстныхъ отношеній, когда имѣетъ мѣсто запутанное взаимодѣйствіе и когда возникаютъ новыя явленія, вліяющія своимъ присутствіемъ на всѣ прежнія, подобнымъ нагляднымъ изображеніемъ можетъ быть достигнуто весьма немногое. Еще меньше можетъ помочь намъ рядъ діаграмъ въ изображеніи безпрерывной работы такихъ перемѣнчивыхъ силъ, какія обнаружились въ промышленной эволюціи.

Въ то время, какъ такимъ образомъ, невозможность надлежащаго эксперимента, трудность научнаго наблюденія явленій, столь обширныхъ по объему и столь сложныхъ по взаимнымъ отношеніямъ, ставятъ изслѣдователя соціологическихъ предметовъ въ бо́льшую зависимость отъ печатныхъ матеріаловъ, чѣмъ это бываетъ въ большинствѣ другихъ наукъ, эти печатные матеріалы послѣдовательно приводятъ къ такому ходу мышленія, который является безусловно неблагопріятнымъ для схватыванія живущаго и движущагося единства. Эта причина и является прежде всего виновной въ неспособности обширнѣйшихъ и остроумнѣйшихъ экономическихъ трактатовъ внушить читателю ясное уразумѣніе промышленнаго міра, какъ единаго живаго организма. Каждая часть механизма описывается ясно, и читатель освѣдомляется, какъ она согласуется съ другими наиболѣе тѣсно къ ней примыкающими частями, но не получаетъ одновременнаго схватыванія механизма, какъ дѣйствующаго цѣлаго. Если мы внесемъ въ идею механизма признакъ непрерывнаго саморазвитія, обращающій его въ „организмъ“, то синтезизъ измѣняющихся явленій окажется еще болѣе труднымъ для воспріятія. Эта трудность можетъ быть побѣждена только путемъ признанія, что научное воображеніе должно играть здѣсь болѣе широкую роль, чѣмъ въ тѣхъ наукахъ, предметъ которыхъ болѣе доступенъ непосредственному наблюденію. Въ послѣднихъ главная функція вообраҗенія должна заключаться въ увеличеніи знанія посредствомъ гипотезъ, воторыя пытаются выйти за область извѣстныхъ фактовъ.

Въ экономической наукѣ, какъ прекрасно оказалъ Кэрнсъ, употребленіе гипотезъ гораздо болѣе широко, служа въ значительной мѣрѣ замѣной опыта. Но научное воображеніе имѣетъ своей задачей выполнять и другую постоянную услугу. Къ ней постоянно вынуждается прибѣгать экономистъ, а обыкновенно также и соціологъ, чтобы привести въ истинныя отношенія времени, пространства и причинности тѣ сложно связанные феномены, которые, хотя индивидуально и способны къ чувственному воспріятію, не могутъ быть представлены этимъ путемъ, какъ аггрегатъ, въ своемъ настоящемъ органическомъ порядкѣ.

Попытки создать дедуктивную экономическую науку на составленномъ изъ кусочковъ базисѣ путемъ выработки спеціальныхъ и отдѣльныхъ теорій заработной платы, ренты, цѣнъ, функціи денегъ и т. д. признаются теперь въ значительной мѣрѣ неудачными именно потому, что онѣ содержатъ въ себѣ основную научную ошибку—предположеніе, что различныя части органическаго цѣлаго могутъ быть изучаемы отдѣльно и что посредствомъ этого изученія частей можно создать точную идею о цѣломъ. Какъ въ экономической теоріи, такъ и въ пониманіи промышленной исторіи никакое подробное изслѣдованіе множества различныхъ грудъ фактовъ, трудолюбиво собранныхъ интеллектуальными кротами, не будетъ достаточно для нашей цѣли. Для пониманія эволюціи системы современной промышленности къ грудамъ голыхъ безпорядочныхъ фактовъ мы должны примѣнить тѣ принципы порядка, которые признаются теперь какъ наиболѣе широкія обобщенія или наиболѣе основательныя гипотезы, вытекающія изъ другихъ наукъ, и стремиться, безъ рабскаго подчиненія формуламъ этихъ другихъ наукъ, доискаться въ ростѣ промышленнаго организма тѣхъ главныхъ законовъ развитія, которые представляются общими всѣмъ организмамъ находящихся въ тѣсной связи феноменовъ.

ГЛАВА II-я.

Структура промышленности передъ появленіемъ машиннаго производства.

§ 1. Размѣры международной торговли въ началѣ XVIII-го столѣтія. Чтобы сколько нибудь ясно понять законы дѣйствія тѣхъ новыхъ промышленныхъ силъ, которыя играютъ преобладающую роль при машинномъ производствѣ, необходимо прежде всего близко познакомиться со строеніемъ и характеромъ функцій того „индустріальнаго организма", на который этимъ силамъ суждено было дѣйствовать. Для того же, чтобы составить себѣ ясное понятіе о строѣ промышленности, можно избрать одинъ изъ двухъ слѣдующихъ методовъ изслѣдованія. Или, принявъ за основную хозяйственную клѣточку или единицу то соединеніе труда и капитала подъ единымъ управленіемъ и для единой промышленной цѣли, которое называется „предпріятіемъ", мы можемъ начать съ изслѣдованія строенія и жизни послѣдняго, затѣмъ перейти къ выясненію вопроса, въ какихъ отношеніяхъ находится оно къ другимъ предпріятіямъ, образуя вмѣстѣ съ ними рынокъ, и наконецъ, въ какомъ отношеніи находятся между собой отдѣльные рынки, мѣстные, національные и международные, составляющіе всю сложную структуру промышленности въ ея цѣломъ. Или, наоборотъ, мы можемъ взять индустрію въ ея цѣломъ, весь промышленный организмъ, какимъ онъ является въ данное время, разсмотрѣть природу и размѣры связи, существующей между его отдѣльными частями, и, далѣе, разложивъ эти части на ихъ составные элементы, достигнуть точнаго представленія о размѣрахъ, до которыхъ было доведено дифференціація промышленныхъ функцій въ отдѣльныхъ отрасляхъ.

Хотя въ соціологическомъ изслѣдованіи оба эти метода равно цѣнны, или, выражаясь точнѣе, одинаково уравновѣшиваются въ своихъ достоинствахъ и недостаткахъ, но здѣсь долженъ быть предпочтенъ второй методъ, потому что, держась порядка нисхожденія отъ цѣлаго къ его составнымъ частямъ, онъ болѣе опредѣленно обнаруживаетъ слабость связи и отсутствіе единства въ промышленности внѣ предѣловъ національности и помогаетъ лучше оттѣнить тѣ свойства націонализма и узкаго локализма которымъ характеризуется промышленность начала XVIII столѣтія. Этимъ путемъ мы можемъ лучше понять сущность и размѣры работы, совершенной тѣми новѣйшими промышленными силами, которыя и являются главнымъ объектомъ этого изслѣдованія.

Тогда какъ въ новѣйшее время вліяніе на рынокъ и торговлю національныхъ границъ или другихъ политическихъ преградъ дѣлается все слабѣе и слабѣе, и націонализмъ поэтому является факторомъ, значеніе котораго все уменьшается въ новѣйшей экономической наукѣ, въ прошломъ столѣтіи политическіе интересы въ соединеніи съ другими расовыми и національными факторами имѣли преобладающее господство надъ интересами промышленными, вслѣдствіе чего, для всякаго правильнаго анализа промышленности XVIII-го столѣтія, необходимо ясно и отчетливо указать на слабость торговой взаимозависимости между народами. Та степень важности, которую государственные люди и экономисты придавали внѣшней торговлѣ сравнительно съ внутренней, и та широкая роль, которую играла она въ сужденіяхъ и приговорахъ общественнаго управленія, отвели ей въ писанной исторіи выдающееся мѣсто, котораго она въ дѣйствительной жизни совсѣмъ не имѣла [1].

Правда, въ средніе вѣка цѣлый рядъ европейскихъ странъ: Италія, Португалія, Испанія, Франція, Голландія и Англія, послѣдовательно достигали высокаго положенія, именно благодаря развитію мореплаванія и международной торговли,

---

[1] Ад. Смитъ, Богатство народовъ, кн. IV, гл. I.

но ни по размѣрамъ, ни по своему характеру эта торговля не имѣла первостепенной важности. Даже у тѣхъ націй, у которыхъ она получила наибольшее развитіе, она являлась довольно незначительной сравнительно со всей промышленностью страны и ограничивалась главнымъ образомъ торговлею пряностями, благородными металлами, дорогими матеріями и другими предметами искусства и роскоши.

Весьма важно признать то обстоятельство, что въ первой половинѣ XVIII столѣтія международная торговля все еще носила вполнѣ такой характеръ. Она не только составляла гораздо менѣе незначительную часть всей промышленности отдѣльныхъ странъ, чѣмъ внѣшняя торговля въ наши дни, но и занималась еще лишь въ сравнительно ничтожныхъ размѣрахъ передвиженіемъ предметовъ первой жизненной необходимости. Каждый народъ почти всегда самъ удовлетворялъ важнѣйшія изъ своихъ потребностей, особенно въ пищевыхъ продуктахъ, предметахъ одѣянія, домашней обстановки и главныхъ орудіяхъ производства, производя мало изъ того, чего самъ не потреблялъ, и потребляя мало того, чего самъ не производилъ.

Въ 1712 г. вывозъ Англіи оффиціально оцѣнивался въ 6.644.103 ф. т.[1]), что составляло менѣе 1/6 всей внутренней торговли, если судить по даннымъ, приведеннымъ относительно того же времени Смитомъ въ его Memoirs of Wools. Однако и эта оцѣнка даетъ преувеличенное впечатлѣніе объ отношеніи внѣшней торговли къ внутренней, такъ какъ при опредѣленіи размѣровъ послѣдней совсѣмъ не принималось во вниманіе широко развитое домашнее производство благъ, которое не фигурируетъ ни въ какихъ статистическихъ вычисленіяхъ. Болѣе поучительнымъ является то исчисленіе, которое оцѣниваетъ все потребленіе англійскаго народа въ 1713 г. въ 49—50 милл. ф. ст., изъ которыхъ около 4-хъ милл. приходилось на потребленіе иностранныхъ продуктовъ[2]). Въ 1740 г. ввозъ равнялся

---

[1]) Macpherson, Annals of Commerce, vol. II, стр. 728.

[2]) Smith, Memoirs, vol. II, chap. III. Какъ приблизительное ис-

6.703.778 ф. ст., вывозъ 8.197.788 ф. ст. Въ 1750 году стоимость ихъ соотвѣтственно поднялась до 7.772,339 и 12,699,081 ф. ст. [1]), а еще черезъ десять лѣтъ до 9.832.802 и 14.694.970 ф. ст.. Макферсонъ, Annals of Commerce котораго являются богатымъ источникомъ для исторіи внѣшней торговли въ XVIII в.,—дѣлая замѣчаніе о невозможности получить сколько нибудь точное опредѣленіе размѣровъ внутренней торговли, имѣетъ въ виду то исчисленіе, по которому она по своимъ размѣрамъ въ 32 раза превосходитъ внѣшнюю торговлю. Самъ Макферсонъ довольствуется заключеніемъ, что „внутренняя торговля по суммѣ стоимостей значительно превосходитъ внѣшнюю въ ея цѣломъ“[2]). Есть полное основаніе думать, что то же самое заключеніе вполнѣ приложимо и къ Голландіи и Франціи—единственнымъ двумъ другимъ европейскимъ странамъ со значительной внѣшней торговлей.

Незначительность той части, которую составляла внѣшняя торговля по отношенію ко всему народному производству, показываетъ, что въ началѣ XVIII столѣтія промышленный организмъ въ цѣломъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ извѣстное количество самостоятельно удовлетворяющихъ свои потребности и слѣдовательно однородныхъ національныхъ группъ, связанныхъ между собой лишь немногими и слабыми узами. Незначительна была еще спеціализація въ національной промышленности, а отсюда проистекала слабость интеграціи національныхъ частей міровой индустріи.

§ 2. Естественныя преграды международной торговлѣ. Такъ какъ паденіе международныхъ преградъ и укрѣпленіе промышленныхъ связей между странами должно быть разсматриваемо, какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ резуль-

---

численіе весьма компетентнаго дѣловаго человѣка, эти цифры заслуживаютъ большаго довѣрія, чѣмъ оффиціальныя данныя о ввозѣ и вывозѣ, значеніе которыхъ значительно умаляется тѣмъ фактомъ, что они въ 18 столѣтіи продолжали опредѣляться по цѣнамъ 1694 года.

[1]) Whitworth's State. Цитировано у Macpherson'a, vol. III, стр. 283.

[2]) Annals, vol. III, стр. 340.

татовъ развитія машинной индустріи, то поэтому является необходимымъ ближе познакомиться съ природою этихъ преградъ и ихъ вліяніемъ на размѣры и характеръ международной торговли.

Не смотря на значительные успѣхи, сдѣланные въ началѣ XVI столѣтія Англіей и Голландіей въ дѣлѣ улучшенія гаваней, постройки маяковъ и развитія морскаго страхованія [1]), мореплаваніе все еще было сопряжено со значительнымъ рискомъ потерять жизнь и вложенный въ дѣло капиталъ, при чемъ „естественныя" опасности усиливались господствомъ на морѣ пиратства. Путешествія совершались медленно и были сопряжены съ большими издержками; торговля между отдаленными странами по необходимости ограничивалась продуктами, не скоро портящимися и способными выдержать путешествіе. Торговля же свѣжими пищевыми продуктами, которые являются однимъ изъ главныхъ предметовъ современной торговли, если и являлась возможной въ то время, то лишь вдоль береговъ сосѣднихъ странъ. Къ естественнымъ преградамъ можно также отнести и недостаточность знакомства съ положеніемъ, средствами и нуждами большей части странъ земнаго шара, играющихъ важную роль въ современной торговлѣ. Новый Свѣтъ былъ еще не вполнѣ открытъ, а его богатствами, уже сдѣлавшимися извѣстными, не могли пользоваться въ широкихъ размѣрахъ ранѣе развитія соотвѣтствующаго механизма транспортировки. Мы съ трудомъ можемъ оцѣнить всѣ тѣ неудобства, издержки и рискъ, съ которыми была сопряжена торговля со сколько-нибудь отдаленными странами въ тѣ времена, когда капитану купеческаго корабля приходилось грузить судно на свой собственный счетъ и когда каждое путешествіе было особымъ спекулятивнымъ предпріятіемъ. Даже въ началѣ XIX столѣтія мануфактуристъ обыкновенно грузилъ излишекъ продуктовъ своего производства на собственный страхъ, пользуясь услугами купца, какъ комис-

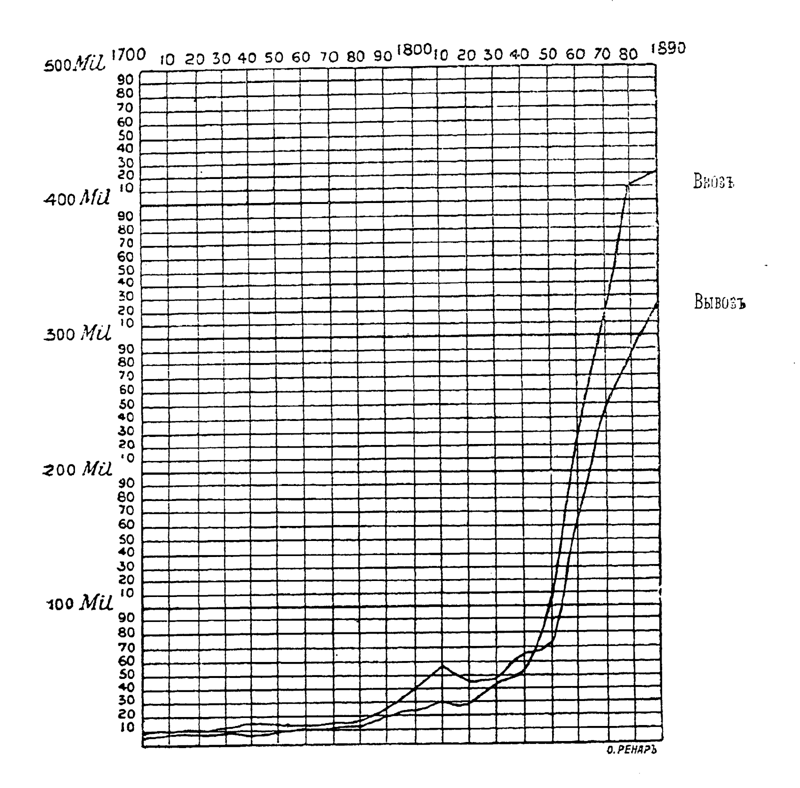
---

[1]) Cunningham, History of English Industry, vol. II, 187 etc.

Табл. I.

(*Къ стр. 14*).

Развитіе внѣшней торговли въ Англіи.



сіонера, а при торговлѣ съ Индіями, Китаемъ и Южной Америкой ему приходилось часто въ теченіе 18—24 мѣсяцевъ имѣть свои деньги связанными въ оборотѣ или брать на свой счетъ обратный грузъ индиго, кофе, чаю и пр. и нести издержки по складыванію этихъ товаровъ въ амбары и убытки вслѣдствіе порчи ихъ отъ времени.

§ 3. Политическія, ложно-экономическія и экономическія преграды; теорія и практика протекціонизма. Далѣе идетъ рядъ преградъ, частью политическаго, частью ложно-экономическаго характера, въ которыхъ выражался антагонизмъ между народами, и которыя возникали въ видѣ политическихъ и промышленныхъ теорій, направлявшихъ международныя торговыя сношенія по извѣстнымъ узкимъ и опредѣленнымъ каналамъ.

Господствующее вліяніе на уменьшеніе размѣровъ и опредѣленіе характера международной торговли въ XVIII-мъ столѣтіи оказали двѣ экономическія доктрины, раздѣльныя въ мірѣ ложныхъ идей, но многими смѣшиваемыя вслѣдствіе одновременнаго примѣненія въ мірѣ практики. Эти доктрины касались, главнымъ образомъ, вопроса о развитіи и поддержаніи туземной промышленности и вопроса о торговомъ балансѣ. Первая изъ этихъ доктринъ, которая была не столько сознательно развиваемой теоріей, сколько близорукимъ апріорнымъ предположеніемъ, получившимъ практическое дѣйствіе подъ вліяніемъ опредѣленныхъ интересовъ, учила, что, съ одной стороны, ввозная торговля должна ограничиваться предметами, которыя не производятся и не могутъ съ выгодой производиться внутри страны, и доставленіемъ дешевыхъ матеріаловъ для существующихъ мануфактуръ, и что въ то же время вся вывозная торговля, съ другой стороны, должна быть поощряема системой премій и возвратныхъ пошлинъ. Впервые эта доктрина была послѣдовательно примѣнена къ жизни французскимъ министромъ Кольберомъ, но политика Франціи съ точностью копировалось Англіей и другими торговыми странами и получила значеніе ортодоксальной теоріи международной торговли.

Доктрина *торговаго баланса* оцѣнивала выгоду отъ торговыхъ сношеній одного народа съ другимъ по перевѣсу вывозной торговли надъ ввозной, доставляющему извѣстное количество благородныхъ металловъ въ вывозящую страну. Эта теорія также имѣла широкое распространеніе, хотя, очевидно, всеобщее ея примѣненіе оказалось бы пагубнымъ для всякой международной торговли. Болѣе свободное толкованіе этой доктрины удовлетворялось благопріятнымъ балансомъ совокупности вывозной надъ совокупностью ввозной торговли страны, но болѣе узкое, вообще имѣвшее преобладающее вліяніе на практикѣ, толкованіе требовало, чтобы балансъ былъ благопріятнымъ по отношенію къ каждой отдѣльной странѣ. При обозрѣніи торговли Англіи съ какой либо чужой страной, всякій излишекъ цѣнности ввоза надъ вывозомъ считался за „потерю для Англіи". Англія преднамѣренно прекратила всякую торговлю съ Франціей въ періодъ 1702—1763 г., благодаря системѣ запретительныхъ тарифовъ, вызванныхъ двойнымъ опасеніемъ, какъ бы балансъ не оказался не въ нашу пользу и какъ бы продукты французской волокнообработывающей промышленности не стали съ успѣхомъ конкурировать съ англійскими произведеніями на внутреннихъ рынкахъ. Съ другой стороны мы развивали торговлю съ Португаліей, потому что „мы имѣли большій балансъ отъ Португаліи, чѣмъ отъ какой бы то ни было другой страны". Господствовавшая въ 1713 г. на практикѣ политика была слѣдующимъ образомъ охарактеризована однимъ изъ ея горячихъ защитниковъ: „Мы позволяемъ, чтобы къ намъ ввозились и потреблялись въ странѣ продукты и товары Голландіи, Германіи, Португаліи и Италіи, и дѣлаемъ это хорошо, потому что мы ожидаемъ, что цѣнность нашего ввоза въ эти страны будетъ выше той, которую мы отъ нихъ получаемъ. Такимъ образомъ потребленіе этихъ странъ выплачиваетъ гораздо большія суммы на ренту для нашей земли и на оплату труда нашего народа, чѣмъ наше потребленіе даетъ имъ. Но мы стараемся, на сколько возможно, не пропускать къ намъ французскихъ продуктовъ и товаровъ потому что наше потреб-

леніе ихъ могло бы значительно уменьшить потребленіе нашихъ собственныхъ произведеній, и отнять добрую долю изъ тѣхъ 42 милліоновъ, которыми оно теперь оплачиваетъ ренту нашихъ земель и трудъ нашего народа"[1]). Такимъ образомъ наша политика стремилась ограничить нашу ввозную торговлю полученіемъ иноземныхъ предметовъ роскоши и сырыхъ матеріаловъ для обработывающей промышленности, которые не могли производиться внутри страны, и при томъ исключительно изъ такихъ странъ, гдѣ эта торговля не могла обратить баланса противъ насъ,—и, съ другой стороны, поощрять нашу вывозную торговлю со всякой страной, которая пожелала бы принять ее. Такъ какъ всякая европейская страна находилась подъ сильнымъ вліяніемъ подобныхъ же идей и мотивовъ и навязывала своимъ колоніямъ и зависимымъ отъ нея странамъ такую же политику, то многія взаимно выгодныя мѣновыя сношенія не могли имѣть мѣста, и торговля была ограничена извѣстными тѣсными и искусственными рамками, а народная промышленная энергія въ тоже время растрачивалась на производство внутри страны многихъ такихъ предметовъ, которые можно было получить гораздо дешевле изъ другихъ странъ посредствомъ обмѣна.

Слѣдующій примѣръ можетъ служить хорошей иллюстраціей запутанности законодательства, созданнаго этой политикой. Онъ описываетъ измѣненія въ мелочныхъ мѣропріятіяхъ, направленныя на поддержаніе и регулированіе волокнообработывающей промышленности.

„Была установлена пошлина на иностранное полотно, чтобы доставить средства для поощренія разведенія льна и пеньки внутри страны; выдавались преміи за ввозъ этихъ необходимыхъ продуктовъ изъ нашихъ колоній и была отмѣнена премія на вывозъ пеньки. Были отмѣнены пошлины на иностранную льняную пряжу. Давались преміи за вывозъ британскихъ льняныхъ тканей и въ то же время вводилось производство кэмбрика (cambrick) на нашемъ островѣ. Ин-

---

[1]) Smith, Memoirs of Wool, vol. II. стр. 113.

диго, кошениль и кампешевое дерево—необходимые предметы для окрашиванія—были допущены къ свободному ввозу" [1]).

Поощреніе англійскаго судоходства (частью по торговымъ, частью по политическимъ соображеніямъ) нашло себѣ наиболѣе полное выраженіе въ актахъ о мореплаваніи (Navigation Acts), имѣвшихъ своею цѣлью обезпечить англійскимъ судамъ монополію фрахтовой торговли между Англіей и всѣми другими странами, отравлявшими товары въ Англію или къ берегамъ ея колоній. Эта политика сопровождалась цѣлой сѣтью второстепенныхъ мѣръ, доставлявшихъ преміи нашимъ колоніямъ за вывозъ корабельныхъ матеріаловъ, смолы, дегтя, пеньки, скипидара, мачтоваго и другаго корабельнаго лѣса и преміи производителямъ внутри страны за сооруженіе способныхъ къ оборонѣ судовъ. Эта политика мореплаванія служила прочнымъ основаніемъ и поддержкой для всей протективной политики. Главные мотивы къ установленію этой политики были, вѣроятно, болѣе политическаго, чѣмъ промышленнаго характера. Голландія, первая систематически примѣнявшая этотъ методъ, въ огромныхъ размѣрахъ увеличила свою морскую силу. Франція, хотя и съ меньшимъ успѣхомъ, шла по ея слѣдамъ. Безъ сомнѣнія, было и тогда не мало здравомыслящихъ англичанъ, которые, хотя понимали, какой вредъ причиняется торговлѣ нашими стѣснительными постановленіями о судоходствѣ, полагали, что поддержаніе сильнаго флота для защиты королевства и его внѣшнихъ владѣній является такой выгодой, которая вполнѣ вознаграждаетъ за этотъ ущербъ [2]).

Эгоистическая и близорукая политика этой протективной системы достигла своего кульминаціоннаго пункта въ отношеніяхъ къ Ирландіи и американскимъ поселеніямъ. Ирландіи была запрещена всякая обработывающая промышленность, которая прямо или косвенно могла бы конкури-

[1]) Chalmers, Estimates, стр. 148.

[2]) Ср. Cunningham, Growth of English Industry, vol, II. стр. 292.

вать съ англійской промышленностью, при чемъ она принуждалась вести торговлю исключительно только съ Англіей; американскимъ колоніямъ было запрещено выдѣлывать сукна, дѣлать шляпы или даже ковать гвозди, при чемъ отъ нихъ требовалось, чтобы всѣ мануфактурныя издѣлія для своего потребленія онѣ получали изъ Англіи.

Дальнѣйшимъ стѣсненіемъ свободы торговли и тормазомъ ея развитія была раздача права на монополію колоніальной и иностранной торговли привиллегированнымъ компаніямъ (Chartered Companies). Эта политика, оправдывавшая прежде, какъ поощреніе отважнымъ торговымъ предпріятіемъ, въ XVIII столѣтіи вышла далеко за эти нормальные предѣлы. Наиболѣе могущественной и успѣшно дѣйствовавшей изъ этихъ компаній въ Англіи была Остъ-Индская, но отдача привиллегированнымъ компаніямъ торговли съ Турціей, Россіей и другими странами было несомнѣнной помѣхой къ развитію внѣшней торговли.

Нашу внѣшнюю торговлю въ этотъ періодъ можно было подраздѣлить на нѣсколько видовъ, въ зависимости отъ степени поощренія или стѣсненія, получаемыхъ ея отраслями отъ государства.

Предметы ввоза распадались на четыре класса:

1. Предметы, недопускаемые къ ввозу или (a) вслѣдствіе законодательнаго запрещенія или (b) вслѣдствіе запретительной пошлины.

2. Предметы, допускаемые къ ввозу, но обложенные пошлиной.

3. Свободный ввозъ.

4. Ввозъ, поощряемый преміями.

Такимъ же образомъ могли быть подраздѣлены и предметы вывоза:

1. Запрещенный вывозъ (напр. овцы и шерсть, сырыя кожи, дубленыя кожи, шерстяная пряжа, орудія и инструменты, употреблявшіеся въ волокнообработывающей промышленности, искусные рабочіе извѣстнаго рода) [1].

---

[1]) Ад. Смитъ, Богатство народовъ, кн. IV, гл. I.

2. Вывозъ, съ котораго взимались пошлины (напр., каменный уголь) [1]).

3. Свободный вывозъ.

4. Вывозъ, поощряемый преміями или возвратными пошлинами.

Неестественность и несправедливость большинства такихъ законодательныхъ постановленій лучше всего были доказаны полнѣйшей несостоятельностью ихъ при осуществленіи въ дѣйствительной жизни. Привиллегированныя компаніи постоянно жаловались на нарушеніе ихъ монополій частными предпринимателями, и не одна изъ нихъ пала вслѣдствіе безсилія подавить эту нелегальную конкурренцію. Поразительнымъ осужденіемъ нашей политики по отношенію къ Франціи былъ огромный ростъ контрабандной торговли, которая, не смотря на всѣ сопряженныя съ нею затрудненія, въ теченіе цѣлаго столѣтія составляла значительную часть всей нашей внѣшней торговли. Кореннымъ заблужденіемъ, которое лежало въ основаніи этихъ ограниченій было отсутствіе яснаго пониманія взаимности выгодъ во внѣшней и колоніальной торговлѣ. Профессоръ Кённингэмъ справедливо говоритъ о колоніальной политикѣ Англіи, „что она за каждымъ отдѣльнымъ членомъ признавала обязанность служить головѣ, но не признавала, чтобы эти члены также должны были служить другъ другу“ [2]).

Стараясь получить возможно больше отъ нашихъ колоній, мы еще съ большимъ усердіемъ примѣняли ту же политику къ чужимъ странамъ, разсматривая всякую прибыль, выпавшую на нашу долю, какъ выгоду, которая всецѣло досталось бы иностранцамъ, если бы мы своей твердостью и предпріимчивостью не обезпечили ее самимъ себѣ.

Слабое развитіе международныхъ торговыхъ сношеній отчасти обусловливалось еще и причинами чисто экономическаго свойства. Жизнь и опытъ главной массы населенія во всѣхъ странахъ были чрезвыйно несложны; она пред-

[1]) Ibid.

[2]) Srowth of English Industry, vol. II, стр. 303.

ставляла собой разсѣянный по странѣ земледѣльческій народъ, нужды и вкусы котораго были просты, немногочисленны, первобытны и традиціонны. Обычный уровень потребленія, медленно поднимавшійся въ соотвѣтствіи съ мѣстнымъ производствомъ, давалъ мало поводовъ для внѣшней торговли. Кромѣ того, согласно съ господствовавшей тогда экономической теоріей и практикой, при встрѣчѣ съ новыми вкусами и съ большимъ разнообразіемъ потребленія постепенно прокладывавшими себѣ дорогу въ подобную страну, считалось нужнымъ оказывать предпочтеніе учрежденію новой туземной промышленности, хотя бы по необходимости и обставленной ввезеннымъ иноземнымъ трудомъ, передъ ввозомъ продуктовъ этого труда изъ-за границы. Въ частности, по отношенію къ Англіи благопріятными условіями для такой политики были политическія и религіозныя притѣсненія французскаго правительства, которыя въ началѣ XVIII вѣка доставляли въ Англію постоянный притокъ искусныхъ ремесленныхъ силъ. Многія англійскія мануфактуры воспользовались этимъ притокомъ. Наше производство шелковыхъ, шерстяныхъ, льняныхъ и бумажныхъ тканей, стекла, бумаги и посуды спеціально обязано новымъ пріемамъ, введеннымъ этимъ путемъ.

Въ числѣ экономическихъ преградъ должно упомянуть также о слабомъ развитіи международнаго кредита и механизма обмѣна.

§ 4. Характеръ международной торговли. Эти естественныя, политическія, соціальныя и экономическія преграды свободнымъ международнымъ сношеніямъ бросаютъ яркій свѣтъ на общую структуру міровой промышленности въ XVIII столѣтіи,

Существованіе этихъ преградъ опредѣляло и строго ограничивало не только размѣры, но и самую природу международной торговли. Вывозная торговля Англіи, напримѣръ, въ 1730 г. ограничивалась въ дѣйствительности шерстяными и другими издѣліями волокнообработывающей промышленности, незначительнымъ экспортомъ кожъ, желѣза, свинца, серебряной и золотой посуды и нѣкоторымъ количе-

ствомъ обратно вывозимыхъ продуктовъ, какъ табака и индѣйскихъ тканей. Ввозная торговля обнимала вино и спиртъ, иностранные пищевые продукты, какъ рисъ, сахаръ, кофе, масло, мѣха, отчасти иностранную шерсть, пеньку, шелкъ и льняную пряжу, какъ матеріалы для нашихъ особенно покровительствуемыхъ производствъ. Принимая во вниманіе отношеніе между отдѣльными видами товаровъ, можно безъ большаго преувеличенія сказать вообще о нашей внѣшней торговлѣ, что мы отпускали свои шерстяныя издѣлія и получали въ обмѣнъ иностранные пищевые продукты. Эти предметы составляли главное содержаніе нашей внѣшней торговли [1]). За исключеніемъ шерстяныхъ издѣлій и незначительной торговли металлами, кожи являются единственнымъ нашимъ мануфактурнымъ издѣліемъ, фигурирующимъ въ нашемъ вывозѣ 1730 года въ видѣ болѣе или менѣе цѣнной статьи. Въ то время, очевидно, англійскія потребности по большей части удовлетворялись англійской обработывающей промышленностью и англійскимъ земледѣліемъ. Тоже самое имѣло мѣсто и въ другихъ промышленныхъ странахъ. Раздѣлявшія съ Англіей господство на морѣ Голландія и Франція вели внѣшнюю торговлю, которая, хотя и считалась тогда значительной, однако составляла сравнительно не бóльшую часть всей промышленности этихъ странъ, чѣмъ и въ Англіи. Германія же, Италія, Россія, Испанія и даже Португаеія сами удовлетворяли почти всѣ свои нужды.

Итакъ, разсматривая совокупность всѣхъ въ то время извѣстныхъ и находившихся въ сношеніяхъ другъ съ другомъ странъ какъ единый промышленный организмъ, мы должны принять его за такое цѣлое, въ которомъ процессы интеграціи и дифференціаціи частей, хотя и подвинулись впередъ, но очень мало, и которое состояло еще изъ совокупности однородныхъ и несвязанныхъ между собою національныхъ клѣточекъ.

Конечно эта однородность ослаблялась различіями въ

---

[1]) Macpherson, Annals, vol. III, стр.: 155, 156.

Табл. II.
Къ стр. 22.

НАСЕЛЕНІЕ АНГЛІИ

по вычисленіямъ Кинга 1688 г.

Земледѣльческіе классы. 4.265.000

Мануфактура. 240.000

Торговля. 246.000

по вычисленіямъ Юнга 1769 г.

Земледѣльческіе классы—3.600.000

Мануфактурные классы—3.000.000

Торговля 700.000

Пауперы 600.000

Войско и служащіе 500.000

Профессіональныя занятія 200.000

няго потребленія. Въ началѣ XVIII столѣтія и даже позже, вплоть до 1770 г., никакая другая отрасль мануфактурной промышленности не принимала подобнаго участія въ составѣ нашей вывозной торговли.

Согласно вычисленій Чалмерса [1]), въ періодъ 1699—1701 годичная стоимость вывоза шерстяныхъ издѣлій была выше $2^1/_2$ милл. ф. ст. или составляла около $^2/_5$ всей вывозной торговли, между тѣмъ какъ въ 1769—71 г. она еще равнялась почти $^1/_3$ всего вывоза, доставляя постоянное или временное занятіе не меньше чѣмъ „$1^1/_2$ милліонамъ народу", т. е. половинѣ того числа, которое Юнгъ отводитъ на долю обработывающей промышленности.

Слѣдующей за шерстяной, но далеко ниже ея по размѣрамъ и значенію, была желѣзодѣлательная промышленность. Въ 1720 г. Англія оказывалась еще такъ несовершенно развившей разработку своихъ горныхъ богатствъ, что должна было ввезти изъ чужихъ странъ 20.000 изъ 30.000 тоннъ, потребныхъ для ея желѣзодѣлательныхъ заводовъ [2]). Почти все это желѣзо предназначалось для внутренняго потребленія, за исключеніемъ желѣзныхъ издѣлій, необходимыхъ для американскихъ колоній, которымъ запрещено было самимъ изготовлять ихъ. Въ 1720 г. добычею и обработкой желѣза было занято, по вычисленіямъ, 200.000 человѣкъ [3]).

Производство мѣди и бронзы занимало въ 1720 году 30.000 человѣкъ [4]).

Единственной кромѣ того высоко развитой и значительной отраслью обработывающей промышленности было шелковое производство. Ему приходилось, однако, выдерживать конкурренцію Индіи въ лицѣ Остъ-Индской компаніи, а также бороться съ ввозимыми хлопчатобумажными тканями [5]).

---

[1]) Chalmers. Estimate, стр. 208. См. впрочемъ Baines', который даетъ нѣсколько меньшую оцѣнку въ „History of the Cotton Manufacture, стр. 112.

[2]) Macpherson, Annals, vol. III, стр. 114.

[3]) Ibid., vol. III, стр. 73.

[4]) Ibid., vol. III, стр. 73.

[5]) Smith, Memoirs on Wool, vol. II, стр. 19, 45.

Въ 1750 г. въ Англіи было около 13.000 станковъ, продуктъ которыхъ почти цѣликомъ шелъ на внутреннее потребленіе. Обработка хлопка и льна была весьма незначительна въ первую половину XVIII столѣтія. Въ началѣ столѣтія льняная промышленность находилась главнымъ образомъ въ рукахъ Россіи и Германіи, хотя она пустила корни въ Ирландіи еще въ концѣ XVII вѣка, и въ небольшихъ размѣрахъ существовала также въ Лэнкаширѣ, Лейчестерширѣ и кругомъ Дарлингтона въ Іоркширѣ—округахъ, которые доставляли льняную основу хлопчато-бумажнымъ ткачамъ [1]). Что касается хлопчато-бумажнаго производства, то еще въ 1760 году имъ занималось не болѣе 40.000 человѣкъ, и въ 1764 году вывозъ хлопчато-бумажныхъ товаровъ составлялъ только $^1/_{12}$ стоимости шерстянаго вывоза [2]). Незначительность хлопчатобумажной промышленности и поразительный блескъ ея послѣдующаго чудовищнаго развитія видны изъ слѣдующихъ цифръ:

	Внутренній рынокъ.	Вывозная торговля.	
1766	379.241 ф. ст.	220.759 ф. ст.	(Постлетуэтъ).
1819—21	13.044.000 " "	15.740.000 " "	(Эллисонъ) [3]).
1829—31	13.351.000 " "	18.074.000 " "	

Возникнувшія тогда многія другія незначительныя отрасли обработывающей промышленности, какъ производство стекла, бумаги, жести, производили цѣликомъ для внутренняго потребленія и занимали лишь небольшое число рабочихъ.

§ 6. Слабое развитіе мѣстной специализаціи. Если отъ разсмотрѣнія размѣровъ англійской промышленности и ея отдѣльныхъ частей мы обратимся къ анализу ея структуры и отношеній между отдѣльными ея отраслями, мы найдемъ тѣ же самые признаки недостаточнаго органическаго развитія, которые мы нашли и міровой промышленности, хотя

[1]) Smith, ibid., vol. II, стр. 270; см. также Cunnigham, Growth of English Industry, vol. II, стр. 300.

[2]) Toynbee. Industrial Revolution, стр. 50.

[3]) Schulze—Gaevernitz. Der Grossbetrieb, стр. 77.

производствѣ и потребленіи отдѣльныхъ странъ, обусловливаемыми климатомъ, естественными произведеніями, національнымъ характеромъ, учрежденіями и развитіемъ промышленнаго искусства у различныхъ народовъ.

§ 5. Размѣры, структура и взаимныя отношенія отдѣльныхъ отраслей промышленности. Это соображеніе о приблизительной однородности національныхъ единицъ міровой промышленности придаетъ болѣе высокую научную цѣнность анализу отдѣльной типичной промышленной страны, какъ напр. Англіи, чѣмъ то имѣло бы мѣсто въ настоящее время, когда процессъ дифференціаціи промышленныхъ функцій между различными народами подвинулся значительно впередъ.

Избирая, поэтому, народную промышленность Англіи спеціальнымъ предметомъ нашего анализа, мы должны попытаться составить ясное понятіе о размѣрахъ и структурѣ различныхъ отраслей ея промышленности и о связяхъ, существовавшихъ между ними, обращая особое вниманіе на тѣ отрасли, на которыя главнымъ образомъ дѣйствовали новыя промышленныя силы.

Нельзя составить совершенно точной оцѣнки относительной важности различныхъ отраслей промышленности того времени ни по денежной цѣнности ихъ продуктовъ, ни по количеству труда, занятаго въ ихъ производствѣ. Статистика XVIII столѣтія, какъ мы видѣли, не оставила точной оцѣнки всего народнаго дохода или стоимости продуктовъ внутренней промышленности. Такъ какъ до 1805 года не производилось прямой переписи англійскаго населенія, то численность его до того времени никогда не была точно извѣстна, и экономисты XVIII-го столѣтія потратили много труда и остроумія въ попыткахъ опредѣлить ростъ населенія посредствомъ вычисленій, основанныхъ на числѣ жилыхъ домовъ, или путемъ обобщеній скудныхъ и незаслуживающихъ довѣрія мѣстныхъ статистическихъ свѣдѣній, и все таки не имѣли возможности прійти въ конечномъ результатѣ къ какому нибудь опредѣленному заключенію. Еще менѣе заслуживающими довѣрія должны считаться оцѣнки

относительныхъ размѣровъ и значенія различныхъ отраслей промышленности.

Тѣмъ не менѣе двѣ такія попытки, одна—немного раньше разсматриваемаго нами періода и другая—немного позднѣе, могутъ быть приняты въ качествѣ общихъ указаній на сравнительное значеніе крупныхъ подраздѣленій промышленности—земледѣлія, обработывающей промышленности и распредѣленія или торговли.

Первая принадлежитъ Гр. Кингу (Gregory King) и относится къ 1688 году. Вычисленія Кинга во всякомъ случаѣ могутъ разсматриваться только какъ грубо приблизительныя. Значительно развитое соединеніе земледѣлія съ обработывающей промышленностью и большое значеніе домашнихъ промысловъ для домашняго потребленія дѣлаетъ цифры, относящіяся къ обработывающей промышленности, какъ бы внимательно ни было онѣ собраны, очень обманчивыми. Съ тѣмъ же скептицизмомъ, хотя и въ меньшей степени, должно относиться и къ вычисленіямъ Артура Юнга (Arthur Young) въ 1769 году (*См. табл. II*).

Если къ вычисленному Юнгомъ количеству населенія, занятаго земледѣліемъ, мы прибавимъ еще классъ землевладѣльцевъ и лицъ, имъ служащихъ, а также надлежащую часть безработныхъ бѣдняковъ, которые, хотя, и не могли быть занесены въ этотъ классъ въ прямой зависимости отъ своихъ занятій, питались однако на счетъ дохода отъ земледѣлія, то мы увидимъ, что по отношенію къ 1769 году мы съ полнымъ основаніемъ могли бы полагать, что земледѣліе по своей производительности было почти эквивалентно всей обработывающей промышленности и торговлѣ.

Что касается отдѣльныхъ отраслей обработывающей промышленности, то только одна изъ нихъ, а именно шерстяная промышленность, благодаря своему анормальному развитію для цѣлей внѣшней торговли, представляла первый и единственно значительный случай специализаціи англійской индустріи раньше введенія паровыхъ машинъ. За единственнымъ исключеніемъ шерстяныхъ издѣлій, всѣ мануфактурныя произведенія Англіи предназначались для внутрен-

лялись въ сущности охранительными мѣрами, разсчитанными на предупрежденіе той концентраціи въ приложеніи капитала и труда, которая необходима для специализаціи промышленности.

Внутри страна представляла собою по большей части совокупность множества общинъ, собственными силами удовлетворявшихъ свои потребности; или, другими словами, наблюдалась незначительная спеціализація функцій въ отдѣльныхъ частяхъ страны и слабая интеграціи во всей народной промышленности. За единственнымъ исключеніемъ Голландіи, въ которой ея замѣчательные естественные и искуственные водные пути сообщенія, повидимому, придавали ея торговлѣ характеръ объединенности, всѣ другія страны Европы—Франція, Германія, Италія, Испанія, Россія отличались еще бо́льшимъ отсутствіемъ интеграціи въ своей промышленности.

§ 7. Характеръ и условія спеціализировавшейся промышленности. Что касается до тѣхъ округовъ Англіи, въ которыхъ обнаружились яркіе признаки роста промышленной спеціализаціи, то здѣсь важно разсмотрѣть степень и характеръ этой спеціализаціи.

Мы находимъ различныя отрасли шерстяной, шелковой, хлопчато-бумажной, желѣзной и другихъ производствъ сосредоточенными въ извѣстныхъ округахъ. Однако, если сравнить эту спеціализацію съ той, какая существуетъ въ настоящее время, то обнаружится значительная разница.

Прежде всего она далеко меньше подвинулась впередъ. Шерстяная промышленность Англіи, хотя удобно раздѣлившаяся по тремъ округамъ—одинъ въ восточныхъ графствахъ съ главными центрами въ Норвичѣ, Кольчестерѣ, Сэндвичѣ, Кэнтербери, Мэдстонѣ, другой на западѣ—въ Тоунтонѣ, Девайзесѣ, Бредфордѣ (въ Уилтсѣ), Фромѣ, Траубриджѣ, Страудѣ и Экзетерѣ и третій въ Вестъ-Райдингѣ,—въ дѣйствительности была разсѣяна почти по всей Англіи южнѣе Тэмзы и по значительной части Іоркшира, не говоря уже о широко распространенномъ производствѣ, частью для собственнаго потребленіи, частью для рынка, въ Вестморлэндѣ,

Кумберлэндѣ и почти по всему сѣверу Англіи. Тамъ, гдѣ страна была богаче пастбищами или имѣла болѣе легкую возможность широкаго снабженія шерстью, суконныя мануфактуры были въ болѣе цвѣтущемъ состояніи и давали занятіе большему числу людей, но все таки тотъ или другой видъ шерстяной промышленности встрѣчались во всѣхъ южныхъ и въ большей части сѣверныхъ графствъ.

Единственная мѣстность Англіи, которая по мнѣнію Дефоэ, окончательно спеціализировалась на обработывающей промышленности,—есть часть Вестъ-Райдинга, ибо, хотя здѣсь и продолжали еще въ извѣстныхъ размѣрахъ заниматься земледѣліемъ, но все таки главный мануфактурный центръ относительно своего снабженія важнѣйшими пищевыми припасами находился въ зависимости отъ окружающихъ его мѣстностей [1]),

Желѣзное производство, хотя и имѣвшее гораздо меньшее значеніе, раскинулось по естественнымъ причинамъ не такъ широко, но все же въ 1737 г. 59 находившихся въ дѣйствіи доменныхъ печей были разсѣяны не менѣе, чѣмъ по 15 графствамъ, главнымъ образомъ въ Суссексѣ, Глочестерѣ, Шропширѣ, Іоркширѣ и Нортумберлэндѣ [2]). Точно также и промышленность, занятая изготовленіемъ металлическихъ издѣлій, была гораздо менѣе сконцентрирована, чѣмъ въ настоящее время. Хотя Шеффильдъ и Бирмингамъ и были уже во времена Дефоэ крупными центрами этой промышленности, тѣмъ не менѣе бо́льшая часть всего потребленія народа удовлетворялась маленькими мастерскими, разбросанными по странѣ.

Ноттингэмъ и Лейчестеръ начинали спеціализироваться въ производствѣ бумажныхъ и шерстяныхъ чулокъ, но большое количество послѣднихъ производилось также и въ окрестностяхъ Лондона и вообще въ южныхъ графствахъ. Болѣе спеціализировалось шелковое производство—благодаря ввозу спеціальныхъ рабочихъ и спеціальныхъ машинъ

---

[1]) Defoe, Tour, hol. III, стр. 84.

[2]) Scrivener, History of the Iron Trade.

здѣсь они и не такъ ясно обозначаются. Какъ тамъ мы видѣли, что каждая страна по большей части сама удовлетворяетъ свои потребности, такъ и здѣсь мы находимъ, что каждый округъ Англіи (за незначительными исключеніями) занимается главнымъ образомъ производствомъ для своего собственнаго потребленія. Мѣстная специализація въ промышленности тогда была гораздо меньше развита, чѣмъ мы наблюдаемъ въ наше время. Важнѣйшіе промыслы, хлѣбопашество, скотоводство и промыслы, связанные съ доставленіемъ общераспространенныхъ предметовъ одежды, домашней утвари, топлива и другихъ предметовъ необходимости, были разсѣяны по всей странѣ.

Внутренняя торговля между отдѣльными частями Англіи, хотя и достигшая бо́льшаго развитія, чѣмъ внѣшнія торговыя сношенія, была все же чрезвычайно слаба. Безъ сомнѣнія, въ значительной мѣрѣ причиной этого являлось отсутствіе какихъ бы то ни было улучшеній сообщенія и перевозки.

Физическія препятствія для такого свободнаго развитія торговли, какое существуетъ нынѣ, были весьма значительны въ XVIII столѣтіи. Состояніе большей части дорогъ въ началѣ этого вѣка было таково, что дѣлало перевозку товаровъ и продолжительной, и сопряженной съ большими издержками. Земледѣльческія произведенія почти всецѣло потреблялись на мѣстѣ, за исключеніемъ скота и домашней птицы, которые просто пригонялись изъ сосѣднихъ мѣстностей въ Лондонъ и на другіе крупные рынки [1]). Зимою даже около Лондона дурныя дороги являлись большой помѣхой для торговли. Невозможность доставлять скотъ въ Лондонѣ позднѣе октября часто служила поводомъ къ возникновенію монополіи зимняго снабженія и къ высокимъ цѣнамъ [2]). Увеличеніе числа дорогъ съ заставами, быстро совершавшееся въ первую половину столѣтія, повело къ широкой замѣнѣ вьючныхъ лошадей телѣгами, но даже и эти

---

[1]) Defoe, Tour, vol. II, стр. 371.

[2]) Ibid. vol. II, стр. 370.

дороги Артуръ Юнгъ находилъ „отвратительными“, а уже вдали отъ почтовыхъ дорогъ и окрестностей Лондона неудобства сообщенія доходили до крайности. „Большія дороги Англіи оставались почти въ томъ же первобытномъ состояніи до 1752 и 1754 года, когда путешественникъ рѣдко видѣлъ заставу далѣе 200 миль послѣ того, какъ оставлялъ окрестности Лондона“ [1]).

Рѣки раньше, чѣмъ дороги, сдѣлались торными путями торговли; и уже въ началѣ XVIII столѣтія были изданы многіе акты для улучшенія судоходности нѣкоторыхъ рѣкъ, какъ Трентъ, Уазъ и Мерсей, частью чтобы облечить внутреннюю торговлю, частью же чтобы доставить возможность такимъ городамъ, какъ Лидсъ и Дерби вступить непосредственно въ морскую торговлю [2]) отчасти также, чтобы связать сосѣдніе города, какъ Ливерпуль и Манчестеръ. Первый каналъ былъ сооруженъ въ 1755 году, а въ концѣ столѣтія каналы играли уже весьма важную роль въ развитіи новой фабричной системы. Не смотря, однако, на эти попытки улучшить способы сообщенія въ началѣ XVIII столѣтія, главная часть промышленности, очевидно, была направлена на доставленіе предметовъ для мѣстнаго потребленія, и размѣры рынка для большей части продуктовъ были чрезвычайно тѣсны.

Легкость перемѣщенія капитала и труда, которая является существенно необходимой для высоко спеціализированной мѣстной промышленности, затруднялась не только недостаткомъ знанія объ удобныхъ способахъ выгоднаго приложенія ихъ къ дѣлу, но также и законодательными стѣсненіями, ограничивавшими свободу приложенія и передвиженія труда. Статутъ объ ученичествѣ (Statute of Apprentices) требовавшій семилѣтняго срока обученія для многихъ отраслей промышленности[3]), и законъ объ осѣдлости (Law of Settlement), задерживавшій подвижность труда, яв-

---

1) Chalmers. стр. 124, 125.
2) Defoe, Tour, vol III, стр. 9. etc.
3) Смитъ, *Богатство народовъ*, т. I, гл. X, ч. 2.

въ Спайтэльсфильдѣ, Стокпортѣ, Дерби и еще немногихъ другихъ городахъ [1]). Въ Ковентри эта промышленность въ 1727 г. имѣла только второстепенное значеніе.

Разбросанныя мастерскія колесниковъ, кузнецовъ, плотниковъ, токарей занимались производствомъ экипажей и домашней утвари, а также исполняли множество такихъ вспомогательныхъ процессовъ при сооруженіи построекъ, которые въ настоящее время являются по большей части высоко централизованными отраслями промышленности.

Если мы обратимся теперь къ разсмотрѣнію структуры различныхъ отраслей промышленности, то увидимъ, что даже тѣ отрасли, которыя размѣщались по извѣстнымъ мѣстностямъ, были гораздо меньше сосредоточены въ нихъ, чѣмъ въ настоящее время.

Но, хотя мы и отмѣчаемъ здѣсь съ особеннымъ удареніемъ недостаточность дифференціаціи мѣстностей въ промышленной жизни, однако не слѣдуетъ предполагать, чтобы Англія въ XVIII столѣтіи была простой промышленной общиной безъ сколько нибудь значительной спеціализаціи.

Въ началѣ XVIII столѣтія можно ясно различать три условія спеціализаціи промышленности, условія, которыя всегда являются среди главныхъ причинъ.

1. *Физическія свойства почвы.* Пока для плавленія употреблялось почти исключительно древесное топливо, желѣзные заводы находились тамъ, гдѣ было обиліе лѣса или гдѣ доставка его являлась легкой, благодаря рѣчному сообщенію. Наиболѣе плодородные луга Глочестера и Сомерсета создали въ этихъ округахъ спеціализацію тончайшихъ отраслей шерстяной промышленности. Еще болѣе рѣзкій примѣръ представляетъ южный Лэнкаширъ. Почва его плохо присоблена для земледѣлія, и потому жители его въ широкихъ размѣрахъ занимались хлопчато-бумажной и шерстяной промышленностью. Многочисленныя небольшія рѣки, сбѣгающія съ возвышенностей къ сосѣднему морю, доставляли богатую водяную силу и дѣлали такимъ образомъ

---

[1]) Defoe, Tour, vol. II, стр. 323.

этотъ округъ родиной первыхъ мельницъ и колыбелью машинной индустріи [1]). Мѣстный песчаникъ обезпечивалъ превосходство Шеффильдскаго ножеваго производства, а тяжелая глина, необходимая для присобленій при обжиганіи посуды, служила поводомъ къ спеціализированіи Стафордшира на гончарной промышленности [2]).

2. *Доступность рынка.* Мѣстности около Лондона, Бристоля и другихъ крупныхъ рынковъ болѣе спеціализировались, чѣмъ менѣе доступныя и болѣе ровно населенныя части страны, потому что потребности значительнаго городскаго населенія вызывали спеціализацію земледѣлія во многихъ окружающихъ мѣстностяхъ; сельскіе жители гораздо легче могли пользоваться продуктами городскихъ мануфактуръ; усовершенствованіе дорогъ и другія удобства перевозки способствовали спеціализаціи, невозможной въ чисто деревенскихъ мѣстностяхъ.

3. *Свойства продуктовъ.* Когда всѣ способы перевозки отличались медленностью, степень спеціализаціи въ значительной мѣрѣ зависѣла отъ свойствъ товаровъ. Съ этой точки зрѣнія металлическія издѣлія и ткани, очевидно, гораздо болѣе пригодны для мѣстной спеціализаціи, чѣмъ болѣе легко подвергающіяся порчѣ предметы питанія. Гдѣ перевозка затруднительна и дорога, товаръ громоздкій, сравнительно со своей цѣнностью, менѣе пригоденъ для спеціализаціи на немъ мѣстнаго производства, чѣмъ товаръ, имѣющій высокую цѣнность въ маломъ объемѣ и вѣсѣ. Такъ сукно является болѣе подходящимъ для торговли, чѣмъ хлѣбъ [3]), а каменный уголь вовсе не могъ быть съ выгодой

[1]) Schulze-Gaevernitz, Der Grossbetrieb, стр. 52.

[2]) См. Marshall, Principles, стр. 328. Въ Стаффордширѣ, впрочемъ, существовало раньше производство деревянной посуды, зависѣвшее отъ обилія лѣса и традиціоннаго искусства. Когда явилось гончарное производство, ту же самую мѣстность, гдѣ прежде господствовала старая промышленность, заняла новая, хотя здѣсь и не было никакой особенной мѣстной выгоды относительно матеріала.

[3]) Ад. Смитъ, Богатство народовъ, кн. III, гл. III.

перевозимъ на какое либо разстояніе, исключая тѣ мѣстности, гдѣ возможна была перевозка воднымъ путемъ [1]).

Такимъ образомъ общераспространенные предметы потребленія, какъ пищевые припасы, топливо, жилище, оказывались внѣ круга предметовъ, производство которыхъ могло специализироваться въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ.

§ 8. Структура рынка. Отъ разсмотрѣнія свойствъ товаровъ и средствъ сообщенія, которыя ограничиваютъ характеръ внутренней торговли и опредѣляютъ размѣры рынка, обратимся теперь къ вопросу о структурѣ рынка, этого центральнаго пункта въ механизмѣ внутренней торговли.

Рынокъ, а не промышленность, есть настоящій терминъ, обозначающій группу органически связанныхъ между собой предпріятій. Какъ великъ былъ въ Англіи національный рынокъ? Охватывалъ ли типичный рынокъ цѣлый округъ, или отличался чисто мѣстнымъ характеромъ?

Единственнымъ крупнымъ національнымъ городомъ—рынкомъ былъ Лондонъ. Только о немъ можно было сказать, что въ него свозились продукты со всей Англіи, и только въ немъ можно было во всякое время года достать любой товаръ земледѣческій или мануфактурный, приготовлявшійся въ Англіи или ввозившійся изъ-за границы. Приливъ товаровъ къ этому крупному центру населенія и отливъ отъ него былъ постояннымъ и распространялся на самыя отдаленныя части страны. Другіе большіе города, какъ Бристоль, Лидсъ, Норвичъ, поддерживали тѣсныя и постоянныя сношенія съ сосѣдними мѣстностями, но по большей части только черезъ посредниковъ обмѣнивали свои продукты на продукты болѣе далеко отстоящихъ частей страны.

Улучшеніе путей сообщенія въ XVIII столѣтіи давало возможность суконнымъ и другимъ первенствующимъ мануфактурамъ сбывать большую часть своихъ товаровъ даже

---

[1]) Каменный уголь Вестморлэнда не могъ конкурировать на рынкѣ Ньюкэстля.—Богатство народовъ, кн. I, гл. XI.

въ отдаленнѣйшихъ частяхъ страны, но цѣна, уплачиваемая за нихъ, доходила до продавца медленными и непрямыми торговыми каналами, проходя по большей части черезъ столицу.

Но въ то время, какъ Лондонъ былъ единственнымъ постояннымъ національнымъ рыночнымъ мѣстомъ, народная торговля значительно оживлялась ярмарками, открывавшимися ежегодно на нѣсколько недѣль въ Стаурбриджѣ, Винчестерѣ и другихъ удобныхъ центрахъ. На болѣе важныхъ изъ этихъ ярмарокъ крупные купцы и промышленники встрѣчались со своими покупателями, и заключались сдѣлки между отдаленными частями страны, охватывая всѣ роды товаровъ, англійскихъ и иностранныхъ. Такимъ образомъ существовалъ одинъ постоянный и два или три временныхъ пунктовъ для свободной національной торговли. Большая часть рынковъ, однако, была ограничена гораздо меньшими площадями.

Въ болѣе развитыхъ и спеціализировавшихся волокнообработывающихъ отрасляхъ промышленности установились нѣкоторыя регулярныя рыночныя мѣста, имѣвшія широкое мѣстное значеніе. Наиболѣе крупныя изъ этихъ спеціальныхъ окружныхъ рынковъ были въ Лидсѣ, Галифаксѣ, Норвичѣ и Экзетерѣ. Здѣсь главные мѣстные мануфактуристы суконъ, шерстяной пряжи или крепа (crap) встрѣчались съ купцами и факторами и надѣляли своими товарами этихъ торговыхъ посредниковъ.

Однако главная масса мѣновыхъ сдѣлокъ совершалась на обыкновенныхъ базарахъ мѣстнаго города или въ болѣе мелкихъ центрахъ населенія. Сюда сносила и здѣсь продавала продукты своего труда масса мелкихъ земледѣльческихъ и мануфактурныхъ предпринимателей, покупая то, въ чемъ они нуждались для потребленія и для продолженія своего занятія. Только въ значительныхъ городахъ можно было въ началѣ XVII столѣтія найти нѣсколько постоянныхъ магазиновъ, въ которыхъ можно было въ любое время купить всѣ сорта товаровъ. Для большей массы населенія главнымъ посредникомъ торговли были еженедѣльные базары на городскомъ рынкѣ.

Итакъ, разсматривая общій строй промышленности мы видимъ, что не только международныя связи были слабы и несущественны, но и внутри народа элементы національнаго сцѣпленія были незначительны, сравнительно съ существующими въ настоящее время. Предъ нами множество мелкихъ мѣстныхъ общинъ, связи которыхъ, хотя и довольно тѣсныя съ другими общинами, находящимися въ непосредственномъ сосѣдствѣ,—становятся все слабѣе и слабѣе въ зависимости отъ разстоянія. По бóльшей части эти мелкія общины сами удовлетворяли свои промышленныя и жизненныя потребности, производя почти все для себя необходимое и только относительно своего комфорта и предметовъ роскоши находясь въ зависимости отъ далекихъ и неизвѣстныхъ производителей.

Торговля по большей части велась на небольшомъ прочномъ мѣстномъ базисѣ съ извѣстными постоянными покупателями.

Внѣ земледѣлія элементы спекуляціи и неопредѣленности были присущи исключительно только внѣшней торговлѣ. Капиталъ и трудъ были прикрѣплены къ извѣстной мѣстности и къ извѣстному занятію [1]).

§ 9. Соединеніе земледѣлія и обработывающей промышленности. Обращаясь къ структурѣ различныхъ отраслей промышленности, мы находимъ, что различныя занятія не раздѣляются рѣзко одно отъ другаго. Прежде всего, и земледѣліемъ, и обработывающей промышленностью занимаются не только въ одной и той же мѣстности, но и одни и тѣ же люди. Это соединеніе земледѣлія съ обрабо-

---

[1]) Адамъ Смитъ, писавшій позднѣе въ томъ же вѣкѣ, замѣчаетъ съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ: „Купецъ, какъ было весьма справедливо замѣчено, не можетъ считаться гражданиномъ какой либо отдѣльной страны. Для него рѣшительно все равно, торговать ли въ томъ или въ другомъ мѣстѣ, и достаточно небольшаго неудовольствія, чтобы побудить его перевесть свой капиталъ часть одной страны въ другую и съ нимъ—и весь трудъ, приводимой въ дѣятельность его капиталомъ". („Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ", переводъ П. Бибикова, т. II, стр. 222.

тывающей промышленностью выражалось въ различныхъ формахъ.

Въ значительныхъ размѣрахъ соединялась съ земледѣліемъ обработка волокнистыхъ веществъ. Гдѣ пряденіе совершалось въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ тамъ по большей части раздѣленіе труда происходило только въ предѣлахъ семьи. Женщины и дѣти пряли, а мужчины исполняли свою работу на поляхъ [1]). Всѣ женщины и дѣти старше 5 лѣтняго возраста находили въ избыткѣ занятіе въ прядильныхъ и ткацкихъ промыслахъ Сомерсета и Вестъ-Райдинга [2]).

Эта форма была болѣе широко распространена въ прядильныхъ, чѣмъ въ ткацкихъ промыслахъ, потому что, до введенія прядильной jenny, ткацкая промышленность отличалась гораздо большей централизаціей, чѣмъ прядильная. Такъ, напр., ткацкій промыселъ въ значительныхъ размѣрахъ сосредоточивался въ городѣ Норвичѣ, тогда какъ предшествующій ему производительный процессъ раскинулся на широкомъ пространствѣ по деревнямъ. Но все таки и эти городскіе рабочіе не спеціализировались въ мануфактурѣ до такой степени, какъ это бываетъ обыкновенно въ наши дни. Большинство изъ нихъ имѣли земельные надѣлы въ деревнѣ, на обработку которыхъ тратили свое свободное время, а многіе имѣли право на пастбище и держали свой скотъ на общинныхъ земляхъ. То же самое имѣло мѣсто не только въ волокнообработывающей, но и въ другихъ отрасляхъ промышленности. Въ Вестъ-Бромвичѣ— главномъ центрѣ металлургической промышленности занятые ею рабочіе занимались также и земледѣліемъ, какъ подсобнымъ промысломъ [3]). Точно также ножевщики Шеффильда, жившіе въ предмѣстьяхъ города, имѣли собственные клочки земли и занимались въ небольшихъ размѣрахъ земледѣліемъ,—обычай, сохранившійся почти до настоящаго дня. Соединеніе земледѣлія съ мануфактурой нерѣдко при-

---

[1]) Defoe, vol. II, стр. 37.

[2]) Ibid. vol. II, стр. 17.

[3]) Annals of Agriculture, chap. IV. стр. 157.

нимало форму раздѣленія труда въ зависимости отъ времени года. Когда ткачество не было еще сосредоточено въ городахъ, оно доставляло зимнее занятіе многимъ людямъ, которые все свое лѣтнее время посвящали земледѣлію. Вообще говоря, мы можемъ принять за хорошо изображающую мануфактурныя части Англіи картину, которую Дефое далъ относительно положенія дѣлъ въ окрестностяхъ Галифакса. Онъ нашелъ „землю раздѣленною на мелкіе огороженные участки отъ 2 до 6 или 7 акровъ, рѣдко больше; каждые 3 или 4 участка земли имѣютъ принадлежащій къ нимъ домъ, такъ что образуется сплошная деревня, дома которой едва отстоять одинъ отъ другаго на разстояніи голоса;—въ каждомъ домѣ рама, и почти на каждой рамѣ кусокъ сукна, или какой нибудь шерстяной матеріи; каждый суконщикъ держитъ лошадь; точно также каждый изъ нихъ обыкновенно держитъ одну или двѣ коровы для своей семьи“ [1]).

Не только многія формы обработывающей промышленности были соединены съ земледѣліемъ, но и въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности раздѣленіе труда и дифференціація процессовъ ушли не далеко впередъ. Примитивная обработка общинныхъ земель, которая являлась господствующей еще въ началѣ XVIII столѣтія, хотя быстрое „огораживаніе полей“ и вызывало значительное и съ точки зрѣнія производства благъ весьма благопріятное измѣненіе, не способствовала спеціализаціи земли для пастбища или для той или иной зерновой культуры. Каждая небольшая деревушка занималась производствомъ сѣна, пшеницы, ячменя, овса, бобовъ и должна была удовлетворять всѣмъ другимъ своимъ потребностямъ. Это проистекало частью изъ условій системы владѣнія землей, частью отъ неумѣнія утилизировать спеціальныя качества и положеніе почвы и частью отъ вызываемой трудностями перевозки необходимости производить для себя все потребное. Съ теченіемъ столѣтія, огораживаніе общинъ, умноженіе крупныхъ фермъ, приложеніе новыхъ знаній и новаго капитала послужили пово-

[1]) Defoe. vol. III, стр. 78, 79.

домъ къ быстрой дифференціаціи въ пользованіи землей для земледѣльческихъ цѣлей. Но въ началѣ столѣтія спеціализація въ земледѣліи была незначительна, за исключеніемъ Вестъ-Райдинга и окрестностей главныхъ центровъ шерстяной промышленности, и, въ меньшемъ размѣрѣ, мѣстностей около Лондона, положеніе которыхъ заставляло ихъ спеціализироваться для какого нибудь отдѣльнаго рынка столицы.

§ 10. Отношенія между процессами въ обработывающей промышленности. Какъ мелкій земледѣлецъ на изолированной фермѣ долженъ совершать множество различныхъ процессовъ, такъ и мануфактуристъ не ограничивался однимъ процессомъ мануфактурнаго производства. Значительная часть болѣе грубыхъ мануфактуръ были домашнимъ производствомъ для домашняго потребленія, и тѣ же самыя руки пасли овецъ, доставлявшихъ шерсть, которыя пряли и ткали шерсть для потребностей семьи. Кузнецъ былъ въ полномъ смыслѣ, гораздо болѣе, чѣмъ теперь, производителемъ подковъ или гвоздей или болтовъ; токарь, плотникъ и другіе ремесленники совершали гораздо большее количество различныхъ процессовъ, чѣмъ теперь. Сверхъ того каждое хозяйство, въ прибавокъ къ главному своему занятію земледѣліемъ и мануфактурой, занималось и нѣсколькими менѣе производительными операціями, какъ печеніе хлѣба, варка пива, маслодѣліе, приготовленіе платья, стирка бѣлья, въ настоящее время составляющими по большей части спеціальныя и независимыя отрасли труда.

Въ болѣе высоко развитыхъ отрасляхъ волокнообработывающей и металлургической промышленности раздѣленіе процессовъ, на первый взглядъ, казалось болѣе рѣзко обозначеннымъ, чѣмъ настоящее время. Въ суконной промышленности надъ различными процессами превращенія сыраго хлопка въ готовое сукно работали чесальщикъ, прядильщикъ, ткачъ, валяльщикъ, при чемъ между ними стояли еще цѣлые ряды посредниковъ, которые снабжали каждаго изъ нихъ матеріаломъ, потребнымъ для ихъ работы, и получали его назадъ съ прибавкой затраченнаго ими труда, чтобы передать

его опять новымъ для совершенія слѣдующихъ процессовъ обработки[1]). Но, хотя современное намъ машинное производство показало бы намъ эти различные процессы соединенными въ тѣсной близости по мѣсту, иногда даже совершающимися подъ одной и той же крышей и часто пользующимися одной и той же паровой силой, мы увидали бы, что главной цѣлью и результатомъ этого болѣе тѣснаго пространственнаго соединенія различныхъ процессовъ является болѣе точное опредѣленіе и суженіе труда каждаго рабочаго и желаніе заставить прядильщика и ткача ограничиться исполненіемъ какой нибудь одной дробной части всего процесса пряденія или тканья. Такимъ образомъ мы видимъ, что англійская промышленность въ началѣ XVIII столѣтія отличалась, съ одной стороны, отсутствіемъ ясной дифференціаціи различныхъ ея отраслей, и, съ другой стороны, отсутствіемъ детальной дифференціаціи процессовъ въ производствѣ.

§ 11. Структура домашняго предпріятія. Первыя стадіи перехода. Теперь отъ разсмотрѣнія индустріи и рынка или группы связанныхъ между собою обмѣномъ предпріятій мы должны обратиться къ изслѣдованію характера и структуры промышленной единицы—*предпріятія*.

При изученіи соединенія или коопераціи труда и капитала въ предпріятіи до эры машиннаго производства наибольшую важность представляютъ пять пунктовъ: 1) принадлежность матеріала; 2) принадлежность орудій; 3) принадлежность производительной силы; 4) отношенія, существующія между индивидуальными единицами труда; 5) мѣсто работы.

Англійская мануфактурная промышленность въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія представляетъ большое разнообразіе формъ предпріятій, чрезвычайно различныхъ свойствъ и сложности. Простѣйшей формой обработыващей промышленности была та, въ которой промышленная семья, имѣя собственный сырой матеріалъ и необходимыя орудія и работая силою своихъ членовъ въ своемъ собственномъ

[1]) См. Burnley, Wool and Wool combing, стр. 417.

жилищѣ, производили блага для своего собственнаго потребленія. Это частное производство для частнаго потребленія было еще широко распространено въ XVIII вѣкѣ не только въ видѣ земледѣльцевъ, производящихъ болѣе необходимые предметы питанія, какъ на рынокъ, такъ и для себя самихъ, но также и въ видѣ фермеровъ и крестьянъ въ отдаленныхъ частяхъ страны, которые производили собственную шерсть и ленъ и пряли и ткали ихъ для своего своего собственнаго употребленія [1]).

Изъ этой примитивной формы, не нуждавшейся ни въ торговлѣ, ни въ промышленной организаціи, мы можемъ прослѣдить происхожденіе различныхъ формъ болѣе высокаго промышленнаго развитія, многія изъ которыхъ существовали одновременно въ Англіи XVIII столѣтія.

Простѣйшая структура „домашней" мануфактуры состояла въ томъ, что фермеръ-промышленникъ добывалъ свой собственный сырой матеріалъ, сырую шерсть или ленъ, если онъ былъ ткачемъ, и, работая со своей семьей, производилъ пряжу или ткань которую онъ самъ же и продавалъ или на мѣстномъ рынкѣ, или постояннымъ суконщикамъ-хозяевамъ или купцамъ. Въ этомъ состояніи находилась смѣшанная бумаготкацкая промышленность въ первые годы XVIII вѣка. „Мастерской ткача былъ деревенскій домъ, изъ котораго, утомившись сидячей работой, онъ могъ вырваться въ свой садикъ и съ лопатой или киркой походить за своими хозяйственными растеніями. Смѣсь хлопка и шерсти, которая должна была составить его утокъ, „ловко очищалась пальцами его младшихъ дѣтей, расчесывалась и пряласъ старшими дочерьми и женой, а основа ткалась имъ самимъ съ помощью сыновей" [2]).

Прослѣживая, какъ центральный пунктъ, собственность на необходимыя средства производства, мы находимъ на ближайшей ступени, что собственность на матеріалъ перешла отъ рабочаго въ руки купца или посредника—органи-

---

[1]) Smith, Memoirs of Wool, vol. II, стр. 297.
[2]) Ure, History of Cotton Manufacture, vol. I, стр. 224.

затора, который и принимаетъ неправильно названіе мануфактуриста. Рабочій, однако, все еще удерживаетъ за собой собственность на орудія своего занятія и работаетъ въ своемъ собственномъ домѣ. Хорошо иллюстрируетъ эту промышленную форму состояніе шерсто-прядильной промышленности ближе къ концу столѣтія, около 1770 года.

„Этотъ промыселъ былъ цѣликомъ домашнимъ, и различныя отрасли его были широко разсѣяны по странѣ. Прежде всего, мануфактуристъ путешествовалъ верхомъ на лошади, пріобрѣтая свой сырой матеріалъ среди фермеровъ или на крупныхъ ярмаркахъ, бывшихъ въ тѣхъ старыхъ городахъ, которые прежде были исключительными рынками, или, какъ они назывались „складочными мѣстами" (staples) шерсти. Шерсть, благополучно доставленная, раздавалась сортировщикамъ, которые строго примѣняли свою мѣрку необходимой длины волокна и безжалостно отрѣзали ножницами или сѣчкой все, что не достигало указнаго размѣра шерсти, пригодной для шерстяной промышленности. Длинная шерсть переходила затѣмъ въ руки чесальщика и, вернувшись отъ него обратно въ чесанномъ видѣ, снова тщательно упаковывалась и навьючивалась на спину здоровой лошади, чтобы быть отправленной внутрь страны для пряденья.... Здѣсь, въ каждой деревнѣ у него были агенты, которые принимали шерсть, раздавали ее крестьянамъ и получали обратно въ видѣ пряжи. Употреблявшаяся при работѣ машина была все еще старая одно-ниточная прялка, и въ лѣтнюю пору на многихъ деревенскихъ лужайкахъ можно было видѣть хозяекъ, занимающихся своимъ ремесломъ и доставляющихъ поэту картину довольства, прядущаго у деревенскихъ дворей. Возвратившись въ цѣлости со своей основой, мануфактуристъ разыскивалъ теперь своихъ ткачей, которые, наконецъ, сдавали ему его camblets или russels, или tammies или calimancoes, (такъ назывались тогда главныя виды тканей), готовыя для продажи купцу или для отдачи красильщику" [1]).

[1]) James, History of the Worsted Manufacture, стр. 223. (цитировано у Taylor,а: The Modern Factory System. стр. 61).

Состояніе хлопчатобумажной промышленности въ Лэнкаширѣ около 1750 г. чрезвычайно ясно иллюстрируетъ этотъ переходъ отъ независимаго ткача къ ткачу зависимому. Что касается до льняной основы, потребной для его производства, то онъ давно привыкъ получать его отъ крупнаго „мануфактуриста" въ Болтонѣ или въ Манчестерѣ, но бумажный утокъ онъ до сихъ поръ добывалъ самъ, употребляя пряжу, спряденную своею семьей или пріобрѣтенную имъ у сосѣдей. Трудность имѣть постоянное, равномѣрное предложеніе этого необходимаго матеріала и трата времени на хожденіе въ поискахъ за нимъ оказывали болѣе сильное дѣйствіе по мѣрѣ того, какъ расширялся рынокъ для хлопчатобумажныхъ издѣлій и становилась чувствительной тяжесть труда [1]). Мы увидимъ, что именно эта тяжесть дѣйствовала впослѣдствіи, какъ главный стимулъ къ примѣненію новыхъ изобрѣтеній въ ткацкой промышленности [2]). Въ это же время, какъ бы то ни было, развивалась привычка получать отъ купца или посредника не только льняную основу, но и бумажный утокъ. Такимъ путемъ собственность на сырой матеріалъ всецѣло уходила изъ рукъ ткача, хотя онъ продолжалъ трудиться надъ своимъ домашнимъ ремесломъ, какъ и прежде [3]). Съ 1750 года такое состояніе промышленности сдѣлалось нормальнымъ. Дальнѣйшее вторженіе капиталистической системы въ область домашней промышленности иллюстрируетъ чулочно-вязальная промышленность. Въ этой послѣдней не только выдавался купцами матеріалъ, но и станки, употреблявшіеся для тканья, также принадлежали имъ и брались въ наймы рабочими, которые все таки продолжали работать въ собственныхъ жилищахъ [4]).

§ 12. Начало концентраціи промышленности и фаб-

---

[1]) Baines, History of the County Palatine of Lancashire, vol. II, стр. 413.

[2]) Ure, History of Cotton Manufacture, vol. 1, стр. 224. etc.

[3]) Dr. Aikin, History of Manchester, (цитировано у Baines, стр. 406).

[4]) Taylor, The Modern Factory System, стр. 69.

ричная система. Оставалось сдѣлать два дальнѣйшихъ шага въ переходѣ отъ „домашней“ системы къ „фабричной“ —одинъ, относящійся къ принадлежности „силы, другой —къ мѣсту работы: *а*) замѣнить физическую силу рабочаго не-человѣческой силой, принадлежащей работадателю и *б*) оторвать рабочихъ отъ ихъ собственныхъ жилищъ и сконцентрировать на фабрикахъ и въ мастерскихъ, принадлежащихъ капиталистамъ.

Хотя эти шаги и не были вполнѣ сдѣланы прежде, чѣмъ наступила окончательно эпоха пара, но уже и раньше средины XVIII-го столѣтія встрѣчались примѣры мануфактуръ, имѣвшихъ вполнѣ законченный характеръ и существовавшихъ рука объ руку и въ непрерывномъ соперничествѣ со старыми формами домашней промышленности.

До эпохи пара капиталистъ былъ естественно весьма узко ограниченъ въ своемъ обладаніи не-человѣческой промышленной силой. Утилизировались сила воды, лошадиная сила и въ весьма малыхъ размѣрахъ—сила вѣтра. Но наиболѣе важныя услуги оказываемыя промышленности водою, до эпохи великихъ изобрѣтеній, касались облегченія перевозки товаровъ и нѣкоторыхъ второстепенныхъ промышленныхъ процессовъ, напр. окрашиванія. Хотя уже съ начала столѣтія существовало значительное количество водяныхъ мельницъ, онѣ не играли большой роли въ промышленности. Естественная сила, такъ тѣсно ограниченная по качеству и по мѣсту своего приложенія и подверженная такимъ большимъ потерямъ, вслѣдствіе недостаточнаго развитія механическаго искусства, не была способна служить въ широкихъ размѣрахъ для замѣны мускульной дѣятельности человѣка или для оказанія ей помощи.

Но, хотя, такимъ образомъ, примѣненіе механической силы еще не могло оказать сколько нибудь значительнаго дѣйствія на концентрацію труда, нѣкоторыя другія важныя экономическія особенности крупнаго производства начали уже устанавливаться во всѣхъ главныхъ отрасляхъ обработывающей промышленности. Дѣйствительно, нѣкоторыя изъ выгодъ раздѣленія труда и коопераціи такъ значитель-

ны даже при примитивномъ состояніи промышленной техники, что профессоръ Эшли считаетъ весьма вѣроятнымъ, что крупная мануфактура еще въ XVI вѣкѣ могла бы сдѣлаться важной или даже господствующей формой шерстяной промышленности, если бы на дорогѣ ей не становились законодательныя постановленія [1]). Какъ то ни было, эти болѣе раннія централизующія силы, хотя и заставляли рабочихъ работать и жить болѣе тѣсной и компактной массой, не могли сначала соединять ихъ въ сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ на фабрикахъ. Они продолжали по большей части работать въ своихъ собственныхъ домахъ, хотя относительно матеріала, а иногда и орудій производства находились въ зависимости отъ купцовъ или крупныхъ мануфактуристовъ. Таково было положеніе промышленности въ окрестностяхъ Лидса въ 1725 г. „Дома не разсѣяны и разбросаны, какъ въ округѣ Галифакса, по одному, но составляютъ деревни, и эти дома переполнены народомъ и вся страна чрезвычайно густо населена" [2]). Однако въ болѣе высоко развитыхъ отрасляхъ суконной промышленности, гдѣ лучшіе ткацкіе станки являлись относительно дорогой формой капитала, было уже ясно положено основаніе мануфактурной системы. Въ Норвичѣ, Фромѣ, Таунтокѣ Девайцисѣ, Стаурбриджѣ и другихъ суконныхъ центрахъ Дефоэ нашелъ ткацкую промышленность высоко скопцентрированныхъ и богатыхъ хозяевъ, обладающихъ значительнымъ числомъ ткацкихъ станковъ. Часть работъ раздавалась мастерамъ-рабочимъ на сторону, а другая часть совершалась въ большихъ сараяхъ или другихъ помѣщеніяхъ, принадлежавшихъ хозяину. Такая широкая органазація „предпріятія", на половину мануфактурная, на половину домашняя, продолжала господствовать въ значительной суконной промышленности западной части Англіи вплоть до конца XVIII столѣтія. „Хозяинъ-суконщикъ западной Англіи покупаетъ свою шерсть у импортера, если она заграничная,

[1]) Economic History, vol. II, стр. 237.

[2]) Defoe, Tour, vol. III, стр. 89.

или въ видѣ сыраго руна, если она домашняго происхожденія; послѣ чего онъ находится въ необходимости употреблять столько же различныхъ классовъ лицъ, черезъ сколько различныхъ процессовъ проходитъ она при производствѣ; иногда они работаютъ въ собственныхъ жилищахъ, иногда въ помѣщеніи хозяина-суконщика, но никогда не выходятъ за предѣлы своей спеціальности. Каждый классъ рабочихъ пріобрѣтаетъ большую ловкость въ исполненіи своей спеціальной операціи, и отсюда то и произошло признанное превосходство и, почти до нашихъ дней, первенство суконъ западной Англіи“ [1]).

Въ свою очередь также и въ хлопчато-бумажной промышленности Лэнкашира власть, которую купцы получили надъ ткачами, снабжая ихъ основой и утокомъ, повелъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, еще ранѣе средины столѣтія, къ учрежденію небольшихъ мануфактуръ съ двумя—четырьмя десятками станковъ, на которыхъ занимались ткачествомъ наемные люди. Немного позднѣе, хотя еще задолго до паровой силы, Артуръ Юнгъ видѣлъ мануфактуру въ Дарлингтонѣ болѣе, чѣмъ съ 50 станками, мануфактуру въ Бойнтонѣ съ 150 рабочими и шелковую мануфактуру въ Шеффильдѣ со 152 рабочими. Даже и тамъ, гдѣ еще не былъ сдѣланъ послѣдній шагъ въ подстановкѣ мануфактуры на мѣсто домашней промышленности, подчиненіе кустаря хозяину, снабжавшему его матеріалами и выплачивавшему заработную плату, было почти полнымъ. Въ срединѣ столѣтія свободный кустарь къ постепенно переходилъ на положеніе „наемныхъ рукъ“. Улучшеніе средствъ сообщенія начало расширять размѣры рынка, увеличеніе размѣровъ предпріятій дѣлало возможнымъ выгодное раздѣленіе труда и требовало болѣе дѣйствительнаго контроля за рабочими, чѣмъ тотъ, который могъ быть достигнутъ надъ разбросаннымъ населеніемъ земледѣльцевъ-промышленниковъ.

§ 13. Предѣлы размѣровъ и приложенія капитала—

[1]) Report from the Committee on the Woollen Manufacture of England (1806).

торговый капитализмъ. Разсматривая *предпріятіе* какъ соединеніе *труда* и *капитала*, мы замѣчаемъ, что рѣзкой отличительной чертой до-машинной эпохи является малая пропорція, въ которой капиталъ относится къ труду въ промышленной единицѣ. Это именно обстоятельство и давало возможность „домашнему" рабочему такъ долго удерживаться во многихъ отрасляхъ промышленности въ положеніи собственника самостоятельнаго предпріятія. Пока механическіе способы было мало развиты и орудія были просты, количество „постояннаго" капитала въ предпріятіи было не велико и оказывалось по средствамъ кустаря, занимавшагося своимъ промысломъ у себя на дому. Пока орудія были просты и процессы производства отличались медленностью, и количество сыраго матеріала и другаго „оборотнаго" капитала было незначительно и потому могло принадлежать рабочему. Возрастающее разъединеніе между собственностью на капиталъ и трудомъ въ промышленной единицѣ, какъ мы увидимъ, является прямымъ и важнѣйшимъ результатомъ тѣхъ улучшеній въ механическихъ пріемахъ, которыя, постоянно увеличивая пропорцію капитала сравнительно съ трудомъ въ предпріятіи, ставили капиталъ все болѣе и болѣе внѣ собственности тѣхъ лицъ, которые доставляли рабочую силу, необходимую для производства.

Въ срединѣ прошлаго столѣтія было очень немного случаевъ мануфактурныхъ предпріятій, въ которыхъ былъ бы затраченъ большой капиталъ или въ которыхъ капиталъ находился бы относительно труда въ пропорціи, сколько нибудь похожей на современную. Дѣйствительно, въ XVIII столѣтіи представителемъ болѣе развитой формы капитализма являлся купецъ, а не мануфактуристъ. Задолго до разсужденія д-ра Джонсона о томъ, что „англійскій купецъ есть новый родъ джентельмэна", Дефоэ отмѣтилъ появленіе купцовъ-князей въ западной суконной промышленности, замѣчая, что „многія изъ крупныхъ фамилій, считающихся теперь въ этихъ мѣстностяхъ за gentry, первоначально происходили.... изъ этой по истинѣ благородной

промышленности"[1]). Эти богатые entrepreneurs иногда назывались мануфактуристами, хотя они не имѣли никакого права на старое или новое значенiе этого названiя. Они ни работали своими руками, ни давали своихъ машинъ, ни наблюдали за трудомъ, который работалъ на этихъ машинахъ. Это были, какъ было упомянуто выше, купцы—посредники. Суконная промышленность, бывшая наиболѣе высоко развитой, создала различные виды посредниковъ, включая сюда всѣхъ скупщиковъ и продавцовъ сыраго матерiала и готовыхъ продуктовъ.

а) Одинъ важный классъ „факторовъ" занимался покупкой шерсти у фермеровъ и продажей ихъ суконщикамъ и, повидимому, иногда пользовался неподобающей и тиранической властью надъ послѣдними, благодаря недобросовѣстнымъ прiемамъ кредитной системы, которая все возрастала въ торговыхъ сношенiяхъ[2]).

в) Сами „суконщики" должны разсматриваться въ значительной мѣрѣ какъ посредники—скупщики, аналогичные по своимъ функцiямъ съ распредѣлителями, которые еще и теперь составляютъ одну изъ ступеней посредниковъ въ Лондонской торговлѣ дешевыми сукнами[3]).

с) Послѣ того, какъ сукно было изготовлено, три класса посредниковъ были заняты передачею его къ мелочному торговцу: 1) путешествующiе купцы или оптовые торговцы которые участвовали на большихъ ярмаркахъ или рынкахъ Лидса, Галифакса, Экзетера и т. д. и дѣлали широкiя закупки, разсылая товары на вьючныхъ лошадяхъ по странѣ мелочнымъ торговцамъ; 2) посредники, которые продавали на коммиссiю черезъ Лондонскихъ факторовъ и оптовыхъ торговцевъ, которые въ свою очередь передавали товары лавочникамъ или экспортерамъ; 3) купцы, непосредственно занимавшiеся вывозной торговлей.

---

[1]) Tour, vol. II, стр. 35.

[2]) См. интересное описанiе хитрыхъ продѣлокъ „фактора" въ Smith's Memoirs of Wool, vol. II, стр. 311 и д.

[3]) См. Booth, Labour and Life of the People, vol. I, стр. 486 и слѣд.

За исключеніемъ судоходства и перевозки по каналамъ (которая становится значительной съ середины столѣтія), не было тогда ни одной значительной отрасли, относящейся къ мануфактурной промышленности, въ которой были бы затрачены крупные постоянные капиталы. Даже сталъ уменьшаться и капиталъ въ земельныхъ улучшеніяхъ, сыгравшихъ столь важную роль въ развитіи земледѣлія, относящемся главнымъ образомъ къ послѣднимъ годамъ XVIII вѣка. Почти единственными лицами, располагавшими значительными капиталами въ странѣ, были купцы или посредники, капиталъ которыхъ въ данное время состоялъ изъ большихъ запасовъ сыраго матеріала или готовыхъ продуктовъ. Но даже и эти лица были значительно стѣснены въ размѣрахъ своихъ сдѣлокъ несовершеннымъ развитіемъ механизма банковой и кредитной системы. Въ 1750 г. внѣ Лондона было не болѣе 12 банкирскихъ конторъ [1]). До 1759 г. Англійскій Банкъ не выпускалъ банковыхъ билетовъ цѣнностью менѣе 20 ф. ст.

Акціонерное владѣніе капиталомъ и кооперативныя соединенія представителей труда только начинали развиваться. Фундированный долгъ, Англійскій Банкъ, Остъ-Индская Компанія были единственными примѣрами дѣйствительно крупныхъ и безопасныхъ помѣщеніи капитала въ началѣ XVIII столѣтія. Акціонерное владѣніе крупнымъ капиталомъ для промышленныхъ цѣлей не сдѣлало большихъ успѣховъ раньше средины XVIII столѣтія, за исключеніемъ случаевъ привиллегированныхъ компаній для заграничной торговли, какъ Остъ-Индская компанія, компанія Гудзонова Залива, Турецкая, Русская, и Африканская компанія. Излюбленнѣйшей формой акціонерной спекуляціи въ царствованіе Георга I сдѣлалось страховое дѣло. Чрезвычайный крахъ акціонерныхъ предпріятій, достигшій высшей степени въ паденіи Южно-Океанской компаніи, ясно рисуетъ узкіе предѣлы, существовавшіе тогда для здороваго соединенія капиталовъ. Даже внѣшняя торговля на акціо-

---

[1]) Toynbee, Industrial Revolution, стр. 55.

нерныхъ началахъ могла поддерживаться только при томъ условіи, чтобы была исключена конкурренція частныхъ предпринимателей [1])

Акціонерный капиталъ еще не сдѣлалъ набѣга на мануфактуру: однимъ изъ наиболѣе раннихъ случаевъ была компанія, основанная въ 1764 г. съ капиталомъ въ 100.000 ф. ст. для производства тонкаго кембрика.

Границы кооперативнаго капитализма въ началѣ періода промышленной революціи были указаны Ад. Смитомъ въ слѣдующемъ многозначительномъ отрывкѣ: „Единственныя предпріятія, какія могутъ быть ведены успѣшно акціонерными компаніями, безъ содѣйствія исключительной привиллегіи, суть тѣ, въ которыхъ всѣ операціи могутъ быть приведены къ такъ называемому рутинному исполненію, или къ такому однообразію, которое вовсе или почти не можетъ быть нарушено. Сюда относятся, во первыхъ, банковыя учрежденія, во вторыхъ, заведенія для страхованія отъ огня, отъ морскихъ крушеній и отъ каперства во время войны; въ третьихъ, сооруженіе и содержаніе судоходнаго канала и въ четвертыхъ, такого же рода сооруженія для снабженія водою большаго города“[2]).

Другими словами, предпріятіями, пригодными для акціонерныхъ компаній, были тѣ, въ которыхъ искуство управленія было доведено до минимума и гдѣ размѣры предпріятія или обладаніе естественной монополіей ограничивали или устраняли конкуренцію извнѣ.

---

[1]) Cunningham, vol. II, стр. 350.

[2]) Богатство народовъ, кн. V, гл. I. отд. III, ст. 1. § 2.

ГЛАВА III-я.

Порядокъ развитія машиннаго производства.

§ 1. Отличіе машины отъ ручного орудія. Для начала XVIII-го столѣтія, хотя тогда уже и существовали примѣры разнообразныхъ типовъ промышленнаго строя, система домашняго производства, съ ея различными формами, очевидно, должна считаться господствующей формой промышленности. Задачей настоящей главы является выяснить сущность тѣхъ измѣненій къ области механики, благодаря которымъ на смѣну ручному труду, прилагавшемуся въ домашнемъ производствѣ или въ мелкихъ мастерскихъ, появилось машинное производство, сосредоточенное на фабрикахъ или въ обширныхъ мастерскихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ раскрыть экономическое значеніе этихъ измѣненій.

Вполнѣ индуктивный методъ можетъ, быть, потребовалъ бы предварительнаго изложенія полной исторіи изобрѣтеній, которыя въ различныхъ отрасляхъ промышленности отмѣчаютъ собой возникновеніе фабричной системы и усвоеніе капиталистическихъ способовъ производства. Это, однако, уже выходитъ за предѣлы настоящаго изслѣдованія и не имѣетъ прямаго отношенія къ нашей научной задачѣ, которая состоитъ не въ томъ, чтобы написать повѣствованіе о промышленномъ переворотѣ, а въ томъ, чтобы произвести такой анализъ исторіи промышленныхъ преобразованій, который бы далъ намъ возможность ясно понять законы этихъ измѣненій.

Центральное положеніе, занимаемое машиннымъ производствомъ, какъ главнымъ матеріальнымъ факторомъ новѣйшаго развитія промышленности, требуетъ, чтобы былъ данъ точный отвѣтъ на вопросъ: что такое машина?

Проводя различіе между машиной и простымъ инструментомъ или ручнымъ орудіемъ, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на два пункта: сложность устройства и дѣятельность человѣка по отношенію къ машинѣ. Новѣйшія машины, въ ихъ наиболѣе усовершенствованномъ видѣ, состоятъ, какъ указалъ на это Карлъ Марксъ, изъ трехъ частей, которыя, находясь между собой въ механическомъ соединеніи, существенно отличаются одна отъ другой, именно: двигательная машина, передаточный механизмъ и дѣйствующая или рабочая машина.

„Двигательная машина дѣйствуетъ, какъ сила, приводящая въ движеніе весь механизмъ. Она или сама порождаетъ свою двигательную силу, какъ это мы видимъ въ паровой машинѣ, калорической машинѣ, электромагнитной машинѣ, или получаетъ импульсъ къ движенію извнѣ, отъ какой нибудь естественной силы, какъ напр. мельничное колесо получаетъ свое движеніе отъ силы падающей воды, крыло вѣтряной мельницы отъ вѣтра и т. д. Передаточный механизмъ, состоящій изъ маховыхъ колесъ, валовъ, зубчатыхъ колесъ, эксцентриковъ, безконечныхъ цѣпей и ремней, разныхъ промежуточныхъ и прибавочныхъ снарядовъ, регулируетъ движеніе, измѣняетъ, гдѣ нужно, его форму, превращая его, напр., изъ прямолинейнаго въ круговое, переноситъ его и распредѣляетъ на различныя части рабочей машины. Всѣ эти части механизма существуютъ единственно для того, чтобы сообщать рабочей машинѣ то движеніе, посредствомъ котораго она схватываетъ и цѣлесообразно измѣняетъ предметъ труда“ [1]).

Хотя развитіе новѣйшаго машиннаго производства въ значительной степени зависитъ отъ двигательныхъ и передаточныхъ механизмовъ, мы должны сосредоточить свое вниманіе только на рабочей машинѣ, чтобы составить ясное представленіе о различіи между машинами и ручными инструментами. Ручной инструментъ можетъ быть совершенно простымъ и по формѣ и по способу примѣненія, какъ напр.

---

[1]) Karl Marx, Capital, стр. 367.

ножъ, игла, пила, прокатный валъ, молотъ, или же онъ можетъ имѣть болѣе сложную конструкцію, большее разнообразіе въ своемъ приложеніи и требовать большей ловкости отъ человѣка для приведенія въ дѣйствіе. Таковыми инструментами или орудіями являются ручной ткацкій станокъ, токарный станокъ, гончарное колесо. По отношенію къ этимъ инструментамъ человѣкъ находится въ двоякомъ отношеніи: онъ—работникъ въ томъ смыслѣ, что своимъ умѣньемъ управляетъ ими и направляетъ ихъ сообразно съ ихъ рабочимъ назначеніемъ; съ другой стороны онъ же своей мускульной дѣятельностью доставляетъ ту двигательную силу, помощью которой инструменты приводятся въ дѣйствіе. Въ первомъ изъ этихъ двухъ отношеній заключается различіе между инструментомъ и машиной. Разъ инструментъ изъятъ изъ непосредственнаго и личнаго управленія работника и помѣщенъ въ механизмъ, который направляетъ его рабочее дѣйствіе посредствомъ приспособленнаго движенія какого либо другаго инструмента или механическаго орудія, онъ перестаетъ быть инструментомъ и становится частью машины. Экономическая выгода первыхъ машинъ состояла исключительно въ сбереженіи труда посредствомъ соединенія дѣйствія нѣсколькихъ одинаковыхъ инструментовъ, приводимыхъ въ движеніе однимъ двигателемъ. Въ первыхъ машинахъ прежній инструментъ удерживаетъ свое значеніе, какъ центральной части, но его движенія уже не регулируются болѣе прикосновеніемъ человѣка [1]). Болѣе высоко развитыя новѣйшія машины обыкновенно представляютъ правильное соединеніе нѣсколькихъ послѣдовательныхъ процессовъ, которымъ придается механическое единство труду, выполнявшемуся прежде нѣсколькими отдѣльными индивидами или группами индивидовъ при помощи разнаго рода инструментовъ. Экономическое же

---

[1]) Марксъ указываетъ на то, какъ первоначальный инструментъ сохраняется въ очень многихъ машинахъ, достигшихъ высокаго развитія, иллюстрируя это примѣромъ механическаго ткацкаго станка первообразной конструкціи.

значеніе первыхъ машинъ была совершенно иного характера. По большей части оно заключалось не въ гармоничномъ сочетаніи нѣсколькихъ различныхъ процессовъ, а въ умноженіи одного и того же процесса, доводимаго иногда до болѣе крупнаго размѣра и большей скорости посредствомъ механическихъ усовершенствованій. Такъ, главное экономическое значеніе первой прядильной машины было то, что она давала возможность каждому прядильщику работать сразу большимъ числомъ веретенъ, совершая каждымъ туже простую операцію, какую рабочій прежде выполнялъ съ однимъ веретеномъ. Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, элементъ умноженія процесса не имѣлъ мѣста, и экономическія преимущества машины состоятъ въ болѣе высокомъ искуствѣ, регулярности, быстротѣ или въ экономіи силы, получающейся отъ замѣны непосредственнаго и непрерывнаго воздѣйствія человѣка на инструментъ механическимъ управленіемъ инструментомъ. Изъ новѣйшихъ машинъ примѣромъ послѣдняго рода можетъ служить швейная, примѣромъ перваго—точильный станокъ для ножей.

Машина по существу своему имѣетъ болѣе сложное устройство, чѣмъ инструментъ, потому что она въ себѣ же должна совмѣщать и механическія приспособленія для приведенія въ дѣйствіе инструмента или даже для соединеннаго дѣйствія нѣсколькихъ инструментовъ, получавшихъ прежде свое движеніе отъ человѣка. При работѣ инструментомъ непосредственной дѣйствующей силой является человѣкъ, при рабочей машинѣ такой силой является передаточный организмъ, поскольку характеръ отдѣльныхъ актовъ производства не отпечатлѣвается на формѣ самой рабочей машины. Человѣкъ, приставленный къ машинѣ, рѣшаетъ, должна ли она дѣйствовать, но лишь въ очень ограниченныхъ размѣрахъ онъ можетъ назначать, какъ ей дѣйствовать. Проистекающія отсюда двѣ характерныя особенности машинъ: сложность дѣйствія и самонаправленіе его, или автоматичность —въ дѣйствительности являются объективнымъ и субъективнымъ выраженіемъ одного и того же фактора, именно перемѣны въ отношеніи человѣка къ

исполняемой имъ работѣ, въ совершеніи которой онъ принимаетъ участіе.

Для того, чтобы получилась машина, должна быть устранена въ извѣстной мѣрѣ необходимость въ направляющей умственной силѣ, ловкости, искуствѣ, размышленіи, иначе говоря, нѣкоторые процессы должны управляться не непосредственно человѣкомъ, а другими процессами. Машина, такимъ образомъ, получаетъ характеръ сложнаго инструмента, въ которомъ нѣкоторые изъ процессовъ поставлены въ точно опредѣленное соотношеніе другъ съ другомъ и не являются прямымъ выраженіемъ дѣятельности человѣка. Машинистъ, снабжающій машину потребнымъ матеріаломъ, можетъ считаться имѣющимъ нѣкоторый контроль за ходомъ и характеромъ перзаго процесса, но онъ обладаетъ развѣ только косвеннымъ вліяніемъ на дальнѣйшіе процессы, которые регулируются опредѣленными законами, неразрывно связанными съ конструкціей машины и ставящими ихъ въ абсолютную зависимость отъ предшествующихъ процессовъ. По свойству своей работы машина въ значительной степени не зависима отъ индивуальнаго контроля рабочаго, потому что уже въ ея конструкціи находитъ себѣ выраженіе индивидуальный контроль и искуство ея изобрѣтателя. Слѣдовательно, машину можно опредѣлить, какъ сложный инструментъ съ опредѣленнымъ взаимнымъ отношеніемъ процессовъ, совершаемыхъ его отдѣльными частями. Однако слѣдуетъ признаться, что и здѣсь мы не пришли еще къ такому опредѣленію, которое бы давало возможность во всѣхъ случаяхъ точно отличить машину отъ инструмента. Легко рѣшить, что заступъ инструментъ, а не машина; но если ножницы, рычагъ, кранъ суть инструменты и разсматриваются, какъ выполняющіе только единичные простые процессы, а не нѣсколько органически соединенныхъ процессовъ, то путемъ искусно построенной градаціи можно дойти до включенія цѣлой машины въ разрядъ инструментовъ. Въ этомъ сказывается безъ сомнѣнія общая трудность, присущая всякому построенію опредѣленія.

Но если не всегда легко отличить машину отъ инстру-

мента по сложности строенія, то никакого облегченія не получится и въ томъ случаѣ, если признать за особенность машины, что она пользуется паромъ или инымъ двигателемъ, а не силою человѣка.

Значительная часть современныхъ машинъ, безъ сомнѣнія, стремится не къ комбинированію инструментовъ или ряда производительныхъ процессовъ, въ которыхъ продуктивному творчеству человѣка отведено опредѣленное мѣсто, а къ замѣнѣ мускульной силы человѣка другими двигателями. Но, хотя нѣкоторые инструменты, равно какъ и нѣкоторыя формы приложенія человѣческой силы, замѣняются здѣсь машинами, однако эти инструменты не всегда вводятся въ механизмъ, служащій для развитія и передачи новой силы, такъ что, руководясь однимъ только соображеніемъ о роли рабочаго въ развитіи производительной силы, мы нисколько не облегчимъ себѣ пониманія отличія машины отъ инструмента. Пишущая машина, фортепіано, получающія импульсъ отъ человѣческихъ мускуловъ, очевидно, все таки должны быть включены въ число машинъ. Разумѣется справедливо, что эти, какъ и нѣкоторыя другія машины такого же рода являются исключительными не только потому, что двигающая сила ихъ получается, въ сущности, отъ мускуловъ человѣка, но и потому еще, что raison d'être ихъ механизма —расширять просторъ человѣческаго творчества, а не уничтожать его. Но, хотя вѣрно, что высокая степень искуства можетъ быть вложена въ первый процессъ работы на фортепіано или пишущей машинѣ, однако не менѣе вѣрно и то, что „инструментъ", орудіе, которое отбиваетъ звуки или производитъ знаки письма, не находится въ непосредственной зависимости отъ прикосновенія человѣка. Искуство ограничивается первымъ процессомъ, и механизмъ въ его цѣломъ долженъ быть отнесенъ къ классу машинъ. Слѣдовательно мы ничего не выиграли бы въ смыслѣ логической опредѣленности, если бы оставили въ сторонѣ раньше указанныя нами отличительныя свойства машинъ и придали этому термину значеніе такихъ механическихъ приспособленій, которыя заимствуютъ свою силу отъ силъ нечеловѣческихъ т. е.

отличительную особенность современной сравнительно съ прежними формами машиннаго производства. Ибо мы увидали бы, что замѣна человѣческой силы силой нечеловѣческой является только дѣломъ количественнаго различія, что самая сложная дѣйствующая паромъ машина настоящаго времени не можетъ обойтись совсѣмъ безъ нѣкотораго направляющаго импульса отъ мускульной дѣятельности человѣка, напр. безъ подкладыванія угля въ печь, хотя всегда существуетъ тенденція свести человѣческія усилія для достиженія даннаго результата до возможнаго минимума.

Это разсмотрѣніе всѣхъ трудностей, связанныхъ съ точнымъ опредѣленіемъ машины, не безполезно, потому что оно приводитъ насъ къ болѣе ясному пониманію правильной поступательности эволюціи, измѣнившей характеръ новѣйшей промышленности не насильственнымъ введеніемъ новыхъ способовъ, радикально противоположныхъ прежнимъ, а непрерывнымъ постояннымъ развитіемъ нѣкоторыхъ элементовъ, общихъ всѣмъ родамъ промышленной дѣятельности, съ соотвѣтствующимъ и непрерывнымъ же вырожденіемъ нѣкоторыхъ другихъ элементовъ.

2. Машины въ ихъ отношеніи къ характеру человѣческаго труда. Ростъ машиннаго производства, поэтому, можетъ измѣряться увеличеніемъ числа и сложности процессовъ, поставленныхъ между собой во взаимныя отношенія въ механическомъ цѣломъ, или машинъ, и соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ зависимости продукта отъ искусства и воли человѣческаго существа, которое управляетъ машиной или работаетъ на ней. Всякій продуктъ, изготовленный инструментомъ или машиной, какъ продуктъ промышленности или какъ товаръ, есть выраженіе мысли и воли человѣка; но, по мѣрѣ того, какъ машинное производство становится все болѣе развитымъ, въ немъ выражается все больше и больше мысли и воли изобрѣтателя и все меньше мысли и воли непосредственнаго дѣятеля, или человѣка, управляющаго машиной. Но, очевидно, недостаточно сказать, что въ машинѣ сбереженіе труда получается только отъ замѣны труда работника собранной и сосредоточенной си-

лой изобрѣтателя: это значило бы не признавать того сбереженія мускульной силы, которое является результатомъ дѣйствія силъ природы—воды, пара, электричества,—замѣнившихъ собой тяжелый трудъ человѣка. И такъ, искусство изобрѣтателя плюсъ дѣйствіе различныхъ механическихъ или иныхъ физическихъ силъ,—вотъ чѣмъ обусловливается сбереженіе человѣческаго труда въ производствѣ блага. Дальнѣйшій вопросъ, насколько это сбереженіе труда по отношенію къ данному продукту вознаграждается увеличеніемъ числа продуктовъ, къ которымъ прилагается трудъ человѣка, будетъ разсмотрѣнъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Если наблюдать результаты примѣненія современныхъ машинъ въ англійской промышленности, то обнаружатся два выдающіеся фактора, которые по извѣстнымъ соображеніемъ требуютъ особаго разсмотрѣнія, это—возрастающее улучшеніе механическихъ аппаратовъ и эволюція внѣчеловѣческой двигательной силы.

Мы говоримъ, что съ половины XVIII вѣка промышленность пріобрѣла видъ преимущественно машиннаго производства, не потому, чтобы не было машинъ раньше этого времени, но, во первыхъ, потому, что наиболѣе частыя изобрѣтенія сложныхъ машинъ въ примѣненіи почти ко всѣмъ промышленнымъ искусствамъ ведутъ свое начало съ этого времени, и, во вторыхъ, потому, что впервые за это время обнаружилось примѣненіе въ широкихъ размѣрахъ нечеловѣческой двигательной силы.

Важнымъ внѣшнимъ послѣдствіемъ, указывающимъ на чрезвычайную многозначительность этихъ измѣненій, является ускореніе того процесса, начало котораго было замѣчено еще до великихъ изобрѣтеній,—замѣны *домашней системы* производства *фабричной системой*.

Спеціальное отношеніе машинъ къ фабричной системѣ состоитъ въ томъ, что размѣръ, стоимость и сложность машинъ, съ одной стороны, и примѣненіе нечеловѣческой силы, съ другой, совокупнымъ дѣйствіемъ перевели трудъ изъ домашней мастерской въ огромную спеціализированную мастерскую—фабрику.

„Водяная, кардная и другія машины, приведенныя Аркрайтомъ въ законченный видъ, требовали и больше помѣщенія, чѣмъ можно найти въ простой хижинѣ, и больше силы, чѣмъ сколько можно получить отъ руки человѣка. Вслѣдствіе громадной тяжести ихъ приходилось помѣщать въ прочно устроенныхъ стѣнахъ; съ другой стороны, приводить ихъ вь движеніе изъ извѣстныхъ тогда силъ могла только сила воды. Далѣе пользованіе машинами сопровождалось бо́льшимъ раздѣленіемъ труда, и поэтому было необходимымъ усиленіе коопераціи, чтобы привести всѣ процессы производства въ гармоническое единство и подчинить центральному управленію“[1]). Слѣдовательно, ростъ машиннаго производства является въ значительной мѣрѣ синонимомъ съ ростомъ современной фабричной системы.

§ 3. Значеніе машинъ по отношенію къ производительной силѣ. Человѣкъ исполняетъ свою работу сообщеніемъ движенія матеріи; машина, слѣдовательно, можетъ помочь ему только увеличеніемъ движущей силы, находящейся въ его распоряженіи.

(1) Машина даетъ возможность силамъ человѣка или природы найти болѣе производительное приложеніе путемъ различныхъ механическихъ приспособленій, состоящихъ изъ рычаговъ, блоковъ, клиньевъ, винтовъ и пр.

(2) Машина даетъ возможность человѣку пользоваться различными движущими силами, находящимися внѣ его организма, каковы: вѣтеръ, вода, паръ, электричество, химическое сродство и пр. [2]).

Такимъ образомъ, машины ведутъ къ усовершенствованію промышленной техники посредствомъ примѣненія новыхъ производительныхъ силъ и болѣе экономическаго приложенія всѣхъ вообще производительныхъ силъ.

Машина можетъ усилить размѣры производительной способности человѣка двумя путями. Трудность сосредоточить большую массу человѣческой силы въ одной данной точкѣ

---

[1]) Cooke Taylor, History of the Factory-System, стр. 422.

[2]) Ср. Babbage, стр. 15.

въ одно и то же время устанавливаетъ извѣстный количественный предѣлъ производительности человѣческаго организма. Паровой молотъ можетъ выполнить извѣстную работу, которая количественно выходитъ за предѣлы физической силы любаго числа людей, работающихъ простыми инструментами и черпающихъ двигательную силу только въ своихъ собственныхъ организмахъ. Другой предѣлъ производительности человѣческой силы происходитъ изъ несовершенной равномѣрности напряженія силы и изъ несовершенства управленія ея движеніями. Трудность поддерживать даже незначительное, но однообразное давленіе, или въ точности повторять то же самое движеніе, есть предѣлъ скорѣе качественнаго, чѣмъ количественнаго свойства. Бóльшая вѣрность и регулярность машины даетъ ей возможность изготовлять извѣстную работу, которую человѣкъ не исполнилъ бы вовсе или исполнилъ бы съ меньшимъ совершенствомъ. Работа печатной машины не могла бы быть выполнена человѣкомъ. Машины улучшили ткань и доброту нѣкоторыхъ шерстяныхъ издѣлій [1]; новѣйшія усовершенствованія въ мукомольномъ дѣлѣ вызвали улучшенія качества муки и т. д. Такимъ образомъ машина можетъ производить такую работу, которая оказывается слишкомъ тонкой и совершенной для рукъ человѣка или которая потребовала бы необыкновеннаго искуства при ручномъ исполненіи. Экономія времени, которую Баббэджъ [2]) считаетъ отдѣльнымъ видомъ выгодныхъ особенностей машинной работы, прямо входитъ въ составъ только что указанныхъ выгодъ. Бóльшая скорость, съ какой могутъ быть выполнены извѣстные производительные процессы, напр. крашеніе, получается отъ высшей концентраціи и непрерывности силы, возможной въ машинѣ. Всѣ выгоды быстраго передвиженія слѣдуетъ приписать тѣмъ же причинамъ.

Непрерывность и регулярность машинной работы отразились и на нѣкоторыхъ выгодахъ измѣренія. Способность

---

[1]) Burnley, Wool and Wool-combing, стр. 417.

[2]) Economy of Machinery, стр. 6.

саморегистрированія, которая потенціально присуща каждой машинѣ и утилизируется все болѣе день ото дня, исполняетъ различныя услуги, сущность которыхъ заключается въ томъ, что онѣ даютъ намъ возможность точно знать, что́ сдѣлано. Если къ саморегистраціи присоединяется еще способность саморегулированія, то этимъ создается до извѣстной степени еще новая экономія силы и вниманія. Но машина можетъ также регистрировать и регулировать и затрату человѣческой силы. Баббэджъ справедливо говоритъ: „Одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ выгодъ, получаемыхъ нами отъ машинъ, есть счетъ, который онѣ представляютъ противъ невнимательности, лѣни или плутовства работника-человѣка“[1]). Этотъ контроль машины надъ человѣкомъ имѣетъ извѣстные результаты, относящіеся къ иному виду выгодныхъ особенностей машинъ[2]).

Таковы источники всѣхъ успѣховъ въ сбереженіяхъ, соединенныхъ съ машиннымъ производствомъ. Всѣ усовершенствованія въ машинахъ, въ приложеніи къ промышленнымъ искуствамъ, принимаютъ, поэтому одну изъ слѣдующихъ формъ:

(1) Измѣненіе системы или усовершенствованіе машинъ настолько, чтобы возможно полнѣе утилизировать производительную силу природы или человѣка. Къ этому разряду принадлежатъ усовершенствованія, дающія возможность одному человѣку наблюдать за бо́льшимъ числомъ веретенъ, или той же машинѣ и при томъ же давленіи котла вращать бо́льшее количество колесъ.

(2) Сбереженія въ источникѣ силы. Они распадаются на четыре рубрики:

1. Замѣна болѣе дорогихъ видовъ человѣческой силы болѣе дешевыми. Замѣна мужскаго труда женскимъ и дѣтскимъ.
2. Замѣна человѣческой силы силой механической. Подъ эту рубрику подходитъ наибольшая часть усовер-

---

1) Economy of Machinery, стр. 39.

2) См. ниже гл. IX.

шенствованій собственно „трудо-сберегательнаго“ характера въ машинахъ.

3. Сбереженія на топливѣ или парѣ. Наиболѣе значительнымъ примѣромъ является пользованіе притокомъ горячаго воздуха и замѣна кокса сырымъ каменнымъ углемъ въ производствѣ желѣза [1]).

4. Замѣна стараго механическаго двигателя новымъ, получаемымъ отъ того же или отъ инаго запаса энергіи, напр. замѣна силы воды паромъ, естественнымъ газомъ.

(3) Расширеніе примѣненія машинъ. Новая промышленная техника, обязанная своимъ происхожденіемъ научнымъ изобрѣтеніямъ и своимъ приложеніемъ машинамъ, сопровождается утилизированіемъ признававшихся раньше безполезными продуктовъ. Къ этимъ „безполезнымъ продуктамъ“ мы должны отнести: (*а*) тѣ естественные матеріалы, полезность которыхъ не была бы признана и не могла бы быть утилизирована безъ машинъ, напр. азотно-кислыя соли и другіе „безполезные“ продукты земли; (*б*) отбросы фабричнаго производства, которые фигурировали въ разрядѣ „безполезныхъ“, пока не открылось для нихъ какое либо не предвидѣвшееся раньше употребленіе. Выдающіеся примѣры этой экономіи можно найти во многихъ производствахъ. Многія изъ важнѣйшихъ усовершенствованій, происходящихъ въ промежуткахъ времени между великими новыми изобрѣтеніями въ машинномъ дѣлѣ или въ приложеніи силы, принадлежатъ къ этой категоріи. Газовая смола, спускавшаяся прежде въ рѣки и портившая въ нихъ воду или употреблявшаяся въ соединеніи съ углемъ на топливо, теперь является „сырымъ матеріаломъ для производства превосходныхъ красокъ и нѣкоторыхъ наиболѣе цѣнныхъ нашихъ медикаментовъ, для сахарина, напр., который въ 300 разъ слаще обыкновеннаго сахара, и лучшимъ дезинфекціоннымъ средствомъ для уничтоженія болѣзнотворныхъ микробовъ“. „Во всемъ громадномъ отдѣлѣ красильной и набивной промышленности совершился пе-

[1]) Scrivener, History of the Iron Trade, стр. 296, 297.

реворотъ, благодаря новому красящему веществу. добываемому изъ безполезной раньше газовой смолы“ [1]). Эта экономія, какъ въ топливѣ, такъ и въ утилизаціи безполезнаго матеріала въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ увеличенія размѣровъ производства, получившагося съ развитіемъ машинной индустріи. Многіе отбросы могутъ быть утилизированы только тамъ, гдѣ они встрѣчаются въ большомъ количествѣ.

§ 4. Главные факторы въ развитіи машиннаго производства. Если мы будемъ исторически прослѣживать развитіе современныхъ капиталистическихъ способовъ производства въ различныхъ отрасляхъ промышленности, мы замѣтимъ, что оно распадается вообще на три періода:

1. Періодъ первыхъ механическихъ изобрѣтеній, отмѣчающій замѣну домашней системы производства фабричной промышленностью.
2. Развитіе новаго двигателя въ фабричной системѣ. Примѣненіе пара къ обработывающимъ процессамъ.
3. Развитіе пароваго транспорта съ его значеніемъ для промышленности.

Подобно тому, какъ эти періоды не являются въ сущности совершенно обособленными другъ отъ друга, такъ существуютъ и тѣсныя экономическія связи между развитіемъ машинъ и двигателя, и между усовершенствованіемъ въ фабричномъ производствѣ и въ транспортной промышленности. Но для того, чтобы понять ту непослѣдовательность, какая замѣчается въ исторіи развитія машиннаго производства, необходимо разсмотрѣть эти факторы, какъ отдѣльно, такъ и въ историческомъ и экономическомъ отношеніи ихъ другъ къ другу. Для этихъ цѣлей мы возьмемъ двѣ главныя обширныя области промышленности въ Англіи, волокнообработывающую и желѣзную промышленность, чтобы, руководясь главнѣйшими шагами ихъ прогресса, вывести законы эволюціи новѣйшаго машиннаго производства.

---

[1]) Sir Lyon Playfair, North American Review, Ноябрь 1892.

Волокнообработывающая промышленность представляетъ особенныя удобства для таковаго изученія. Наиболѣе сильная и широко распространенная изъ англійскихъ мануфактуръ, она въ началѣ XVIII столѣтія доставляетъ самые наглядные примѣры различныхъ формъ промышленности. Въ отдѣльныхъ отрасляхъ этой промышленности нашли себѣ примѣненіе наиболѣе раннія изъ великихъ изобрѣтеній. Это передовое положеніе въ промышленномъ развитіи удержалось здѣсь и до настоящаго времени, такъ что наиболѣе развитыя формы современной фабричной системы и теперь находятся въ волокнообработывающей промышленности. Кромѣ того, большое вниманіе, посвященное ей, и тщательное описаніе нѣкоторыхъ отраслей, въ частности хлопчатобумажной промышленности Лэнкашира, даетъ намъ возможность прослѣдить здѣсь дѣйствіе новыхъ промышленныхъ силъ съ бо́льшей опредѣленностью, чѣмъ въ какой либо другой промышленности. Какъ справедливо выражается Шульце-Геверницъ въ своемъ превосходномъ трудѣ, „англійская хлопчатобумажная промышленность есть не только старѣйшая, но въ многихъ отношеніяхъ такая современная промышленность, которая наиболѣе ясно обнаруживаетъ характеристическія особенности современныхъ промышленныхъ методовъ, какъ въ ихъ экономическихъ, такъ и въ соціальныхъ отношеніяхъ“ [1]).

Желѣзообработывающая промышленность избрана нами вслѣдствіе ея тѣсной связи съ примѣненіемъ паровыхъ машинъ къ различнымъ отраслямъ промышленности. Она представляетъ собою, въ извѣстномъ смыслѣ, наиболѣе основную промышленность новаго времени, такъ какъ создаетъ матеріальную обстановку для великихъ современныхъ экономическихъ силъ. Кромѣ того, мы имѣемъ здѣсь ту выгоду, что можемъ прослѣдить ab ovo ростъ желѣзодѣлательной промышленности, такъ какъ до промышленной революціи, какъ мы уже видѣли, она играла чрезвычайно незначительную роль въ англійской торговлѣ.

---

[1]) Der Grossbetrieb стр. 35.

Наконецъ, изученіе отношеній между ростомъ желѣзодѣлательной и волокнообработывающей промышленности окажетъ намъ спеціальную услугу тѣмъ, что поможетъ опредѣлить характеръ взаимодѣйствія отдѣльныхъ мануфактуръ при усиливающейся интеграціи современной промышленности [1]).

§ 5. Значеніе хлопчатобумажной промышленности въ развитіи машиннаго производства. При разсмотрѣніи послѣдовательности примѣненія новыхъ изобрѣтеній къ волокнообработывающей промышленности прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе тотъ фактъ, что идти впереди въ этомъ движеніи пришлось хлопчатобумажному производству, незначительной индустріи, ограничивавшейся частью Лэнкашира и до 1768 г. зависѣвшей относительно окончательнаго приготовленія ткани отъ льнянаго производства.

Шерстяная промышленность въ первой половинѣ XVIII столѣтія, какъ мы видѣли, привлекала къ себѣ вниманіе значительно большаго числа лицъ и играла гораздо болѣе важную роль въ нашей торговлѣ. Шелковая промышленность получала новую жизнь вслѣдствіе притока опытныхъ французскихъ рабочихъ, и первая современная фабрика съ усовершенствованными машинами была основанная Ломбомъ фабрика для трощенія шелка. Тѣмъ не менѣе значительно большее число важныхъ изобрѣтеній XVIII столѣтія для ткацкаго дѣла были или впервые примѣнены къ хлопчатобумажной промышленности и только позднѣе, иногда по прошествіи многихъ лѣтъ, переходили къ шерстяному, суконному и другимъ волокнообработывающимъ производствамъ, или же, будучи открыты первоначально для шерстяной промышленности, оказывались неудачными, пока не примѣнялись къ хлопчатобумажному производству [2]).

---

[1]) Важное значеніе желѣзодѣлательной и волокнообработывающей промышленности въ экспортной торговлѣ Англіи даетъ право удѣлить имъ особенное вниманіе, какъ первенствующимъ въ міровой промышленности. Изъ общей стоимости англійскаго экспорта 1890 г. въ размѣрѣ , 263.530,585 ф. ст., на долю хлопка приходилось 74,430,749, желѣза и стали—31.565,337 ф. ст.

[2]) Cunningham, chap. II, стр. 450.

Хотя появленіе и дѣятельность изобрѣтательнаго генія въ значительной мѣрѣ независимы отъ какихъ либо извѣстныхъ законовъ, и пока могутъ быть относимы въ область „благопріятныхъ случайностей", но все же были опредѣленныя причины, которыя особенно благопріятствовали хлопчато-бумажному производству изъ общей сферы промышленности. Сосредоточеніе этого производства въ южномъ Лэнкаширѣ и Стэффордширѣ, сравнительно съ широкой разбросанностью шерстяной промышленности, облегчало возможность скораго усвоенія новыхъ способовъ и открытій. Кромѣ того, хлопчатобумажная промышленность, имѣвшая болѣе позднее происхожденіе и утвердившаяся въ незначительныхъ деревняхъ и городахъ, избѣжала вліянія оффиціальныхъ и традиціонныхъ регулирядій, господствовавшихъ въ центрахъ шерстянаго производства и представлявшихъ серьезныя затрудненія къ введенію новыхъ промышленныхъ способовъ [1]. Даже въ самомъ Лэнкаширѣ оффиціальные инспекторы регулировали шерстяную промышленность въ Манчестерѣ, Рочдэлѣ, Блэкборнѣ и Бёри.

Хлопчатобумажная промышленность съ самаго своего возникновенія была свободна отъ всѣхъ этихъ стѣсненій. Самостоятельный, практическо-дѣловой характеръ, какимъ отличается Лэнкаширъ теперь, есть, вѣроятно, причина, а вмѣстѣ и слѣдствіе, великаго развитія промышленности за послѣднее столѣтіе.

Кромѣ того, еще до появленія великихъ изобрѣтеній было дознано, что бумажные товары, разъ они вступали въ свободную конкурренцію съ товарами шерстяными, легко могли продаваться дешевле послѣднихъ и замѣнять ихъ въ потребленіи народа. Это соображеніе указывало возможную перспективу несмѣтнаго обогащенія изобрѣтателямъ, которые преодолѣли бы ограниченія, поставляемыя производству недостаточнымъ количествомъ производительныхъ рабочихъ въ нѣкоторыхъ изъ процессовъ, черезъ которые должна проходить бумажная пряжа.

---

[1] Schulze-Gacvernitz, Der Grossbetrieb, стр. 34.

А стимулъ, сообщаемый однимъ изобрѣтеніемъ къ открытію другихъ, придавалъ увеличенную силу примѣненію новыхъ методовъ. Это въ частности можно прослѣдить на чередованіи изобрѣтеній въ двухъ главныхъ процессахъ—пряденьи и тканьѣ.

Еще раньше изобрѣтенія Джономъ Кэемъ (John Kay) самолетнаго челнока, который удвоилъ количество работы, какую ткачъ могъ исполнить въ одинъ день, мы видѣли, что для прядильщиковъ было чрезвычайно затруднительно поставлять достаточное количество пряжи для ткачей. Это, кажется, имѣло мѣсто и въ Лэнкаширскомъ хлопчатобумажномъ, и въ Іоркширскомъ шерстяномъ производствѣ. Послѣ того, какъ самолетный челнокъ вошелъ во всеообщее употребленіе, размѣръ спроса на прядильщиковъ значительно возросъ, и все таки искуснѣйшая организація коммиссіонеровъ-суконщиковъ не была въ силахъ поставлять достаточное количество пряжи. Это экономическое соображеніе все больше и больше направляло вниманіе на производство опытовъ для устройства прядильной машины, и вотъ мы находимъ, что еще задолго до изобрѣтенія jenny и водяной машины геніальные люди, какъ Джонъ Кэй, изъ Бёри, Уаэтъ (Wyatt), Поль (Paul) и др. получили нѣсколько патентовъ на усовершенствованныя прялки. Великія изобрѣтенія Гаргривса, Аркрайта и Кромптона дали возможность пряденью не только сравняться въ быстротѣ съ ткачествомъ, но и перегнать его, а когда, около 1790 года, въ значительномъ большинствѣ прядильныхъ фабрикъ началъ примѣняться паръ, уже не пряденье, а ткачество стало задерживающимъ процессомъ въ производствѣ шерстяныхъ и бумажныхъ тканей.

Это превосходство надъ ткачествомъ, одержанное въ періодъ великихъ усовершенствованій въ прядильномъ дѣлѣ, послужило главнымъ побудительнымъ толчкомъ для Картрайта, Горрокса и другихъ усовершенствовать механическій ткацкій станокъ въ примѣненіи сперва къ шерстяному, потомъ—къ хлопчато-бумажному производству. Но только въ XIX столѣтіи, когда сила пара нашла полное примѣне-

ніе, благодаря многимъ менѣе важнымъ усовершенствованіемъ, искусства прядильное и ткацкое были поставлены въ полное соотвѣтствіе. Только полная фабрика, гдѣ отдѣльные процессы кардованья, пряденья, тканья (и даже крашенья и окончательной отдѣлки) сосредоточены подъ одной и той же крышей и выполняются въ строгомъ соотвѣтствіи одинъ съ другимъ, представляетъ собой окончательную стадію перехода отъ прежней формы домашняго производства, въ которой члены семьи исполняли простыми инструментами отдѣльные процессы работы подъ крышей своего дома [1]).

§ 6. Исторія опровергаетъ „героическую" теорію изобрѣтеній. Исторія этихъ изобрѣтеній въ волокнообработывающемъ производствѣ много способствуетъ развѣнчанію „героической" теорія изобрѣтеній, по которой идея, внезапно блеснувшая въ мозгу одного генія, способна произвести быструю революцію въ промышленномъ строѣ. Ни одно изъ изобрѣтеній, оказавшихся наиболѣе важными по своимъ послѣдствіямъ,—jenny, водяная машина, тонкопрядильная мюльная машина, механическій станокъ для тканья,—не можетъ вообще быть приписано изобрѣтательности или таланту одного человѣка; каждое въ своей наиболѣе удачной формѣ представляло собою соединеніе многихъ послѣдовательно совершавшихся изобрѣтеній; въ большинствѣ случаевъ удачное изобрѣтеніе является только нѣсколько болѣе долговѣчнымъ изъ ряда многихъ подобныхъ же попытокъ. „Настоящій прядильный механизмъ, которымъ мы пользуемся теперь, составился изъ сложности почти 800 изобрѣтеній. Теперешняя кардная машина есть продуктъ

---

[1]) Современныя условія промышленности теперь благопріятствуютъ спеціализированію фабрики, или часто даже и отдѣльнаго предпріятія, на одной группѣ процессовъ, напр. пряденьи, тканьѣ, крашеньи, какъ въ бумажномъ, такъ и въ шерстяномъ производствѣ. Это, однако, примѣнимо преимущественно къ главнымъ отраслямъ волокнообработывающей промышленности. Въ менѣе значительныхъ отрасляхъ, какъ бумагониточное производство, и въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ, замѣчается все еще стремленіе сосредоточить всѣ различные процессы подъ одной кровлей.

Почти 80 патентовъ".[1]). Такова исторія большей части изобрѣтеній. Давленіе промышленныхъ условій направляетъ умственную дѣятельность многихъ людей на уясненіе какого либо одного центральнаго пункта несовершенства; общій уровень знанія вѣка приводитъ многихъ къ полученію одинаковыхъ рѣшеній: и вотъ то рѣшеніе, которое нѣсколько лучше приноровлено къ условіямъ дѣйствительности, выходитъ побѣдителемъ, и изобрѣтатель или человѣкъ, осуществившій, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже похитившій идею изобрѣтенія, увѣнчивается славой великаго изобрѣтательнаго генія. Игнорированіе этихъ соображеній приводитъ къ ложному толкованію лѣтописи промышленнаго изобрѣтенія, придавая характеръ нерегулярности и внезапности дѣйствію силы, которая въ своемъ внутреннемъ давленіи гораздо болѣе регулярна, чѣмъ во внѣшнемъ своемъ проявленіи. Первые зачатки великаго промышленнаго изобрѣтенія не замѣтны въ лѣтописяхъ исторіи, потому что они не оплачиваются; между тѣмъ конечное прибавочное изобрѣтеніе, которое получаетъ характеръ оплачиваемаго, пріобрѣтаетъ всеобщую извѣстность, хотя внутренняя важность и изобрѣтательность генія въ первой попыткѣ, была не меньше, или даже больше.

Въ изобрѣтательной энергіи нѣтъ ничего случайнаго, или мистическаго: ея мать—необходимость, которая, такъ сказать, только двигаетъ ее по линіи наименьшаго сопротивленія. Великіе люди, какъ Кэй, Гаргривсъ, Аркрайтъ, Картрайтъ, употребляли свой умъ и энергію на преодолѣніе различныхъ затрудненій по мѣрѣ того, какъ онѣ возникали. Почти всѣ великіе изобрѣтатели въ области обработки волокна были люди практики; большинство изъ нихъ работало, погрузившись во всѣ детали своего искусства,

[1]) P. R. Hodge, гражданскій инженеръ,—показаніе передъ комиссіей палаты лордовъ въ 1857 году.

Въ Германіи колесная прялка долго была въ употребленіи для пряденія льна и послужила прототипомъ тонкопрядильной машины (throstle) (Karmarch, Technologie, vol. II, стр. 844, цит. Schulze-Gaevernitz-емъ, стр. 30), а ткацкая машина, какъ говорятъ, была открыта въ Данцигѣ еще въ 1579 году.

постоянно стояло лицомъ къ лицу предъ необходимостью преодолѣть какую-либо опредѣленную трудность, предъ желательностью осуществить какую нибудь частичную экономію. Сосредоточиваясь надъ этими конкретными фактами, переходя отъ одного опыта къ другому, поучаясь попытками и ошибками другихъ людей практики и возвышаясь надъ этими попытками, они приходили, наконецъ, къ какому либо средству устранить данныя затрудненія и получить частичную экономію. Такимъ образомъ, если возьмемъ опредѣленное изобрѣтеніе и тщательно изслѣдуемъ его, то найдемъ почти въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что оно достигло своей осуществимости именно путемъ незначительныхъ приращеній. Люди науки, въ тѣсномъ смыслѣ слова, сдѣлали очень мало для этихъ великихъ открытій; между великими изобрѣтателями въ волокнообработывающемъ производствѣ Картрайтъ одинъ только велъ жизнь мыслителя [1]). Когда прядильныя машины не могли надлежащимъ образомъ дѣйствовать вслѣдствіе грубыхъ способовъ кардованья, Лизъ и Аркрайтъ засѣли за примѣненіе тѣхъ улучшеній, которыя подсказывались здравымъ смысломъ и опытомъ; когда механическій ткацкій станокъ Картрайта съ успѣхомъ былъ примѣненъ къ шерстяному производству, Гарроксъ и его товарищи придумали такія усовершенствовкнія, которыя сдѣлали его примѣнимымъ и въ хлопчатобумажномъ производствѣ.

Такимъ образомъ въ данномъ производствѣ, гдѣ существуютъ много важныхъ процессовъ, усовершенствованіе въ одномъ процессѣ, выдвигающее его впередъ другихъ, побуждаетъ къ изобрѣтеніямъ въ дальнѣйшихъ процессахъ, и каждый въ свою очередь вызываетъ такую изобрѣтательную дѣятельность, какая необходима, чтобы ему встать на одинъ уровень съ наиболѣе высоко развитымъ процессомъ. Такъ какъ позднѣйшее изобрѣтеніе, пользуясь пріобрѣтеннымъ уже до него новымъ знаніемъ и новой силой, часто зна-

---

[1]) Ср. Brentano, Ueber die Ursachen der heutigen socialen Noth; Der Grossbetrieb, стр. 30.

чительно уходитъ впередъ сравнительно съ предшествовавшимъ, то мы получаемъ извѣстный законъ колебательнаго движенія въ отдѣльныхъ процессахъ, которымъ поддерживается прогрессъ посредствомъ стимула, постоянно создаваемаго наиболѣе подвинувшимися впередъ процессами. Въ этомъ нѣтъ ничего мистическаго. Если одинъ процессъ остается позади въ общемъ ходѣ развитія, то каждое приращеніе изобрѣтательности, нашедшее въ немъ удачное примѣненіе, является болѣе плодотворнымъ, чѣмъ въ примѣненіи къ какому либо изъ болѣе передовыхъ процессовъ. Такимъ образомъ это движеніе можетъ сведено къ общему закону „предложенія и спроса", дѣйствующему подъ вліяніемъ обычныхъ экономическихъ мотивовъ. Когда изобрѣтеніе самолетнаго челнока создало особое преимущество ткачеству, вниманіе все больше и больше стало сосредоточиваться на процессѣ пряденія и явилась jenny; непригодность genny для прядильной основы вызвала ватеръ-машину, которыя впервые поставила хлопчато-бумажную промышленность внѣ зависимости отъ льняной основы: спросъ на болѣе тонкую и болѣе ровную пряжу повелъ къ изобрѣтенію мюльной машины Эти знаменательныя усовершенствованія въ прядильныхъ машинахъ, съ ихъ менѣе значительными принадлежностями, поставили пряденье впереди ткачества и вызвали цѣлый рядъ изобрѣтеній, касавшихся механическаго ткацкаго станка. Этотъ послѣдній игралъ сравнительно незначительную роль до тѣхъ поръ, пока первые процессы лощенія и наклейки не были поставлены на уровень развитія машины трудами Горрокса и другихъ. Не раньше 1841 года пришли къ установленію равновѣсія въ развитіи главныхъ процессовъ. Подобнымъ же образомъ, каждый значительный успѣхъ въ механизмѣ для главныхъ процессовъ сопровождался внесеніемъ большей изобрѣтательной энергіи во второстепенные и вспомогательные процессы—бѣленіе, крашеніе, набиваніе и пр. Даже до настоящаго времени не доведенъ еще до полнаго совершенства первоначальный процессъ очистки хлопка отъ сѣмянъ (ginning), несмотря на огромныя усилія, затрачен-

Волокнообработывающая промышленность представляетъ особенныя удобства для таковаго изученія. Наиболѣе сильная и широко распространенная изъ англійскихъ мануфактуръ, она въ началѣ XVIII столѣтія доставляетъ самые наглядные примѣры различныхъ формъ промышленности. Въ отдѣльныхъ отрасляхъ этой промышленности нашли себѣ примѣненіе наиболѣе раннія изъ великихъ изобрѣтеній. Это передовое положеніе въ промышленномъ развитіи удержалось здѣсь и до настоящаго времени, такъ что наиболѣе развитыя формы современной фабричной системы и теперь находятся въ волокнообработывающей промышленности. Кромѣ того, большое вниманіе, посвященное ей, и тщательное описаніе нѣкоторыхъ отраслей, въ частности хлопчатобумажной промышленности Лэнкашира, даетъ намъ возможность прослѣдить здѣсь дѣйствіе новыхъ промышленныхъ силъ съ бо́льшей опредѣленностью, чѣмъ въ какой либо другой промышленности. Какъ справедливо выражается Шульце-Геверницъ въ своемъ превосходномъ трудѣ, „англійская хлопчатобумажная промышленность есть не только старѣйшая, но въ многихъ отношеніяхъ такая современная промышленность, которая наиболѣе ясно обнаруживаетъ характеристическія особенности современныхъ промышленныхъ методовъ, какъ въ ихъ экономическихъ, такъ и въ соціальныхъ отношеніяхъ“ [1]).

Желѣзообработывающая промышленность избрана нами вслѣдствіе ея тѣсной связи съ примѣненіемъ паровыхъ машинъ къ различнымъ отраслямъ промышленности. Она представляетъ собою, въ извѣстномъ смыслѣ, наиболѣе основную промышленность новаго времени, такъ какъ создаетъ матеріальную обстановку для великихъ современныхъ экономическихъ силъ. Кромѣ того, мы имѣемъ здѣсь ту выгоду, что можемъ прослѣдить a b o v o ростъ желѣзодѣлательной промышленности, такъ какъ до промышленной революціи, какъ мы уже видѣли, она играла чрезвычайно незначительную роль въ англійской торговлѣ.

---

[1]) Der Grossbetrieb стр. 35.

Наконецъ, изученіе отношеній между ростомъ желѣзодѣлательной и волокнообработывающей промышленности окажетъ намъ спеціальную услугу тѣмъ, что поможетъ опредѣлить характеръ взаимодѣйствія отдѣльныхъ мануфактуръ при усиливающейся интеграціи современной промышленности [1]).

§ 5. Значеніе хлопчатобумажной промышленности въ развитіи машиннаго производства. При разсмотрѣніи послѣдовательности примѣненія новыхъ изобрѣтеній къ волокнообработывающей промышленности прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе тотъ фактъ, что идти впереди въ этомъ движеніи пришлось хлопчатобумажному производству, незначительной индустріи, ограничивавшейся частью Лэнкашира и до 1768 г. зависѣвшей относительно окончательнаго приготовленія ткани отъ льнянаго производства.

Шерстяная промышленность въ первой половинѣ XVIII столѣтія, какъ мы видѣли, привлекала къ себѣ вниманіе значительно большаго числа лицъ и играла гораздо болѣе важную роль въ нашей торговлѣ. Шелковая промышленность получала новую жизнь вслѣдствіе притока опытныхъ французскихъ рабочихъ, и первая современная фабрика съ усовершенствованными машинами была основанная Ломбомъ фабрика для трощенія шелка. Тѣмъ не менѣе значительно большее число важныхъ изобрѣтеній XVIII столѣтія для ткацкаго дѣла были или впервые примѣнены къ хлопчатобумажной промышленности и только позднѣе, иногда по прошествіи многихъ лѣтъ, переходили къ шерстяному, суконному и другимъ волокнообработывающимъ производствамъ, или же, будучи открыты первоначально для шерстяной промышленности, оказывались неудачными, пока не примѣнялись къ хлопчатобумажному производству [2]).

---

[1]) Важное значеніе желѣзодѣлательной и волокнообработывающей промышленности въ экспортной торговлѣ Англіи даетъ право удѣлить имъ особенное вниманіе, какъ первенствующимъ въ міровой промышленности. Изъ общей стоимости англійскаго экспорта 1890 г. въ размѣрѣ , 263.530,585 ф. ст., на долю хлопка приходилось 74,430,749, желѣза и стали—31.565,337 ф. ст.

[2]) Cunningham, chap. II, стр. 450.

Хотя появленіе и дѣятельность изобрѣтательнаго генія въ значительной мѣрѣ независимы отъ какихъ либо извѣстныхъ законовъ и пока могутъ быть относимы въ область „благопріятныхъ случайностей", но все же были опредѣленныя причины, которыя особенно благопріятствовали хлопчато-бумажному производству изъ общей сферы промышленности. Сосредоточеніе этого производства въ южномъ Лэнкаширѣ и Стэффордширѣ, сравнительно съ широкой разбросанностью шерстяной промышленности, облегчало возможность скораго усвоенія новыхъ способовъ и открытій. Кромѣ того, хлопчатобумажная промышленность, имѣвшая болѣе позднее происхожденіе и утвердившаяся въ незначительныхъ деревняхъ и городахъ, избѣжала вліянія оффиціальныхъ и традиціонныхъ регулирядій, господствовавшихъ въ центрахъ шерстянаго производства и представлявшихъ серьезныя затрудненія къ введенію новыхъ промышленныхъ способовъ [1]. Даже въ самомъ Лэнкаширѣ оффиціальные инспекторы регулировали шерстяную промышленность въ Манчестерѣ, Рочдэлѣ, Блэкборнѣ и Бёри.

Хлопчатобумажная промышленность съ самаго своего возникновенія была свободна отъ всѣхъ этихъ стѣсненій. Самостоятельный, практическо-дѣловой характеръ, какимъ отличается Лэнкаширъ теперь, есть, вѣроятно, причина, а вмѣстѣ и слѣдствіе, великаго развитія промышленности за послѣднее столѣтіе.

Кромѣ того, еще до появленія великихъ изобрѣтеній было дознано, что бумажные товары, разъ они вступали въ свободную конкурренцію съ товарами шерстяными, легко могли продаваться дешевле послѣднихъ и замѣнять ихъ въ потребленіи народа. Это соображеніе указывало возможную перспективу несмѣтнаго обогащенія изобрѣтателямъ, которые преодолѣли бы ограниченія, поставляемыя производству недостаточнымъ количествомъ производительныхъ рабочихъ въ нѣкоторыхъ изъ процессовъ, черезъ которые должна проходить бумажная пряжа.

---

[1] Schulze-Gaevernitz, Der Grossbetrieb, стр. 34.

Наконецъ, изученіе отношеній между ростомъ желѣзодѣлательной и волокнообработывающей промышленности окажетъ намъ спеціальную услугу тѣмъ, что поможетъ опредѣлить характеръ взаимодѣйствія отдѣльныхъ мануфактуръ при усиливающейся интеграціи современной промышленности [1]).

§ 5. Значеніе хлопчатобумажной промышленности въ развитіи машиннаго производства. При разсмотрѣніи послѣдовательности примѣненія новыхъ изобрѣтеній къ волокнообработывающей промышленности прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе тотъ фактъ, что идти впереди въ этомъ движеніи пришлось хлопчатобумажному производству, незначительной индустріи, ограничивавшейся частью Лэнкашира и до 1768 г. зависѣвшей относительно окончательнаго приготовленія ткани отъ льнянаго производства.

Шерстяная промышленность въ первой половинѣ XVIII столѣтія, какъ мы видѣли, привлекала къ себѣ вниманіе значительно большаго числа лицъ и играла гораздо болѣе важную роль въ нашей торговлѣ. Шелковая промышленность получала новую жизнь вслѣдствіе притока опытныхъ французскихъ рабочихъ, и первая современная фабрика съ усовершенствованными машинами была основанная Ломбомъ фабрика для трощенія шелка. Тѣмъ не менѣе значительно большее число важныхъ изобрѣтеній XVIII столѣтія для ткацкаго дѣла были или впервые примѣнены къ хлопчатобумажной промышленности и только позднѣе, иногда по прошествіи многихъ лѣтъ, переходили къ шерстяному, суконному и другимъ волокнообработывающимъ производствамъ, или же, будучи открыты первоначально для шерстяной промышленности, оказывались неудачными, пока не примѣнялись къ хлопчатобумажному производству [2]).

---

[1]) Важное значеніе желѣзодѣлательной и волокнообработывающей промышленности въ экспортной торговлѣ Англіи даетъ право удѣлить имъ особенное вниманіе, какъ первенствующимъ въ міровой промышленности. Изъ общей стоимости англійскаго экспорта 1890 г. въ размѣрѣ , 263.530,585 ф. ст., на долю хлопка приходилось 74,430,749, желѣза и стали—31.565,337 ф. ст.

[2]) Cunningham, chap. II, стр. 450.

Хотя появленіе и дѣятельность изобрѣтательнаго генія въ значительной мѣрѣ независимы отъ какихъ либо извѣстныхъ законовъ и пока могутъ быть относимы въ область „благопріятныхъ случайностей", но все же были опредѣленныя причины, которыя особенно благопріятствовали хлопчато-бумажному производству изъ общей сферы промышленности. Сосредоточеніе этого производства въ южномъ Лэнкаширѣ и Стэффордширѣ, сравнительно съ широкой разбросанностью шерстяной промышленности, облегчало возможность скораго усвоенія новыхъ способовъ и открытій. Кромѣ того, хлопчатобумажная промышленность, имѣвшая болѣе позднее происхожденіе и утвердившаяся въ незначительныхъ деревняхъ и городахъ, избѣжала вліянія оффиціальныхъ и традиціонныхъ регулирацій, господствовавшихъ въ центрахъ шерстянаго производства и представлявшихъ серьезныя затрудненія къ введенію новыхъ промышленныхъ способовъ [1]. Даже въ самомъ Лэнкаширѣ оффиціальные инспекторы регулировали шерстяную промышленность въ Манчестерѣ, Рочдэлѣ, Блэкборнѣ и Бёри.

Хлопчатобумажная промышленность съ самаго своего возникновенія была свободна отъ всѣхъ этихъ стѣсненій. Самостоятельный, практическо-дѣловой характеръ, какимъ отличается Лэнкаширъ теперь, есть, вѣроятно, причина, а вмѣстѣ и слѣдствіе, великаго развитія промышленности за послѣднее столѣтіе.

Кромѣ того, еще до появленія великихъ изобрѣтеній было дознано, что бумажные товары, разъ они вступали въ свободную конкурренцію съ товарами шерстяными, легко могли продаваться дешевле послѣднихъ и замѣнять ихъ въ потребленіи народа. Это соображеніе указывало возможную перспективу несмѣтнаго обогащенія изобрѣтателямъ, которые преодолѣли бы ограниченія, поставляемыя производству недостаточнымъ количествомъ производительныхъ рабочихъ въ нѣкоторыхъ изъ процессовъ, черезъ которые должна проходить бумажная пряжа.

---

[1] Schulze-Gaevernitz, Der Grossbetrieb, стр. 34.

А стимулъ, сообщаемый однимъ изобрѣтеніемъ къ открытію другихъ, придавалъ увеличенную силу примѣненію новыхъ методовъ. Это въ частности можно прослѣдить на чередованіи изобрѣтеній въ двухъ главныхъ процессахъ—пряденьи и тканьѣ.

Еще раньше изобрѣтенія Джономъ Кэемъ (John Kay) самолетнаго челнока, который удвоилъ количество работы, какую ткачъ могъ исполнить въ одинъ день, мы видѣли, что для прядильщиковъ было чрезвычайно затруднительно поставлять достаточное количество пряжи для ткачей. Это, кажется, имѣло мѣсто и въ Лэнкаширскомъ хлопчатобумажномъ, и въ Іоркширскомъ шерстяномъ производствѣ. Послѣ того, какъ самолетный челнокъ вошелъ во всеобщее употребленіе, размѣръ спроса на прядильщиковъ значительно возросъ, и все таки искуснѣйшая организація коммиссіонеровъ-суконщиковъ не была въ силахъ поставлять достаточное количество пряжи. Это экономическое соображеніе все больше и больше направляло вниманіе на производство опытовъ для устройства прядильной машины, и вотъ мы находимъ, что еще задолго до изобрѣтенія jenny и водяной машины геніальные люди, какъ Джонъ Кэй, изъ Бёри, Уаэтъ (Wyatt), Поль (Paul) и др. получили нѣсколько патёнтовъ на усовершенствованныя прялки. Великія изобрѣтенія Гаргривса, Аркрайта и Кромптона дали возможность пряденью не только сравняться въ быстротѣ съ ткачествомъ, но и перегнать его, а когда, около 1790 года, въ значительномъ большинствѣ прядильныхъ фабрикъ началъ примѣняться паръ, уже не пряденье, а ткачество стало задерживающимъ процессомъ въ производствѣ шерстяныхъ и бумажныхъ тканей.

Это превосходство надъ ткачествомъ, одержанное въ періодъ великихъ усовершенствованій въ прядильномъ дѣлѣ, послужило главнымъ побудительнымъ толчкомъ для Картрайта, Горрокса и другихъ усовершенствовать механическій ткацкій станокъ въ примѣненіи сперва къ шерстяному, потомъ—къ хлопчато-бумажному производству. Но только въ XIX столѣтіи, когда сила пара нашла полное примѣне-

ніе, благодаря многимъ менѣе важнымъ усовершенствованіемъ, искусства прядильное и ткацкое были поставлены въ полное соотвѣтствіе. Только полная фабрика, гдѣ отдѣльные процессы кардованья, пряденья, тканья (и даже крашенья и окончательной отдѣлки) сосредоточены подъ одной и той же крышей и выполняются въ строгомъ соотвѣтствіи одинъ съ другимъ, представляетъ собой окончательную стадію перехода отъ прежней формы домашняго производства, въ которой члены семьи исполняли простыми инструментами отдѣльные процессы работы подъ крышей своего дома [1]).

§ 6. Исторія опровергаетъ „героическую" теорію изобрѣтеній. Исторія этихъ изобрѣтеній въ волокнообрабатывающемъ производствѣ много способствуетъ развѣнчанію „героической" теорія изобрѣтеній, по которой идея, внезапно блеснувшая въ мозгу одного генія, способна произвести быструю революцію въ промышленномъ строѣ. Ни одно изъ изобрѣтеній, оказавшихся наиболѣе важными по своимъ послѣдствіямъ,—jenny, водяная машина, тонкопрядильная мюльная машина, механическій станокъ для тканья,—не можетъ вообще быть приписано изобрѣтательности или таланту одного человѣка; каждое въ своей наиболѣе удачной формѣ представляло собою соединеніе многихъ послѣдовательно совершавшихся изобрѣтеній; въ большинствѣ случаевъ удачное изобрѣтеніе является только нѣсколько болѣе долговѣчнымъ изъ ряда многихъ подобныхъ же попытокъ. „Настоящій прядильный механизмъ, которымъ мы пользуемся теперь, составился изъ сложности почти 800 изобрѣтеній. Теперешняя кардная машина есть продуктъ

---

[1]) Современныя условія промышленности теперь благопріятствуютъ спеціализированію фабрики, или часто даже и отдѣльнаго предпріятія, на одной группѣ процессовъ, напр. пряденьи, тканьѣ, крашеньи, какъ въ бумажномъ, такъ и въ шерстяномъ производствѣ. Это, однако, примѣнимо преимущественно къ главнымъ отраслямъ волокнообработывающей промышленности. Въ менѣе значительныхъ отрасляхъ, какъ бумагониточное производство, и въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ, замѣчается все еще стремленіе сосредоточить всѣ различные процессы подъ одной кровлей.

Почти 80 патентовъ"[1]). Такова исторія большей части изобрѣтеній. Давленіе промышленныхъ условій направляетъ умственную дѣятельность многихъ людей на уясненіе какого либо одного центральнаго пункта несовершенства; общій уровень знанія вѣка приводитъ многихъ къ полученію одинаковыхъ рѣшеній: и вотъ то рѣшеніе, которое нѣсколько лучше приноровлено къ условіямъ дѣйствительности, выходитъ побѣдителемъ, и изобрѣтатель или человѣкъ, осуществившій, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже похитившій идею изобрѣтенія, увѣнчивается славой великаго изобрѣтательнаго генія. Игнорированіе этихъ соображеній приводитъ къ ложному толкованію лѣтописи промышленнаго изобрѣтенія, придавая характеръ нерегулярности и внезапности дѣйствію силы, которая въ своемъ внутреннемъ давленіи гораздо болѣе регулярна, чѣмъ во внѣшнемъ своемъ проявленіи. Первые зачатки великаго промышленнаго изобрѣтенія не замѣтны въ лѣтописяхъ исторіи, потому что они не оплачиваются; между тѣмъ конечное прибавочное изобрѣтеніе, которое получаетъ характеръ оплачиваемаго, пріобрѣтаетъ всеобщую извѣстность, хотя внутренняя важность и изобрѣтательность генія въ первой попыткѣ, была не меньше, или даже больше.

Въ изобрѣтательной энергіи нѣтъ ничего случайнаго, или мистическаго: ея мать—необходимость, которая, такъ сказать, только двигаетъ ее по линіи наименьшаго сопротивленія. Великіе люди, какъ Кэй, Гаргривсъ, Аркрайтъ, Картрайтъ, употребляли свой умъ и энергію на преодолѣніе различныхъ затрудненій по мѣрѣ того, какъ онѣ возникали. Почти всѣ великіе изобрѣтатели въ области обработки волокна были люди практики; большинство изъ нихъ работало, погрузившись во всѣ детали своего искусства,

[1]) P. R. Hodge, гражданскій инженеръ,—показаніе передъ комиссіей палаты лордовъ въ 1857 году.

Въ Германіи колесная прялка долго была въ употребленіи для пряденія льна и послужила прототипомъ тонкопрядильной машины (throstle) (Karmarch, Technologie, vol. II, стр. 844, цит. Schulze-Gaevernitz-емъ, стр. 30), а ткацкая машина, какъ говорятъ, была открыта въ Данцигѣ еще въ 1579 году.

постоянно стояло лицомъ къ лицу предъ необходимостью преодолѣть какую либо определенную трудность, предъ желательностью осуществить какую нибудь частичную экономію. Сосредоточиваясь надъ этими конкретными фактами переходя отъ одного опыта къ другому, поучаясь попытками и ошибками другихъ людей практики и возвышаясь надъ этими попытками, они приходили, наконецъ, къ какому либо средству устранить данныя затрудненія и получить частичную экономію. Такимъ образомъ, если возьмемъ опредѣленное изобрѣтеніе и тщательно изслѣдуемъ его, то найдемъ почти въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что оно достигло своей осуществимости именно путемъ незначительныхъ приращеній. Люди науки, въ тѣсномъ смыслѣ слова, сдѣлали очень мало для этихъ великихъ открытій; между великими изобрѣтателями въ волокнообработывающемъ производствѣ Картрайтъ одинъ только велъ жизнь мыслителя [1]). Когда прядильныя машины не могли надлежащимъ образомъ дѣйствовать вслѣдствіе грубыхъ способовъ кардованья, Лизъ и Аркрайтъ засѣли за примѣненіе тѣхъ улучшеній, которыя подсказывались здравымъ смысломъ и опытомъ; когда механическій ткацкій станокъ Картрайта съ успѣхомъ былъ примѣненъ къ шерстяному производству, Гарроксъ и его товарищи придумали такія усовершенствовкнія, которыя сдѣлали его примѣнимымъ и въ хлопчатобумажномъ производствѣ.

Такимъ образомъ въ данномъ производствѣ, гдѣ существуютъ много важныхъ процессовъ, усовершенствованіе въ одномъ процессѣ, выдвигающее его впередъ другихъ, побуждаетъ къ изобрѣтеніямъ въ дальнѣйшихъ процессахъ, и каждый въ свою очередь вызываетъ такую изобрѣтательную дѣятельность, какая необходима, чтобы ему встать на одинъ уровень съ наиболѣе высоко развитымъ процессомъ. Такъ какъ позднѣйшее изобрѣтеніе, пользуясь пріобрѣтеннымъ уже до него новымъ знаніемъ и новой силой, часто зна-

[1]) Ср. Brentano, Ueber die Ursachen der heutigen socialen Noth; Der Grossbetrieb, стр. 30.

чительно уходитъ впередъ сравнительно съ предшествовавшимъ, то мы получаемъ извѣстный законъ колебательнаго движенія въ отдѣльныхъ процессахъ, которымъ поддерживается прогрессъ посредствомъ стимула, постоянно создаваемаго наиболѣе подвинувшимися впередъ процессами. Въ этомъ нѣтъ ничего мистическаго. Если одинъ процессъ остается позади въ общемъ ходѣ развитія, то каждое приращеніе изобрѣтательности, нашедшее въ немъ удачное примѣненіе, является болѣе плодотворнымъ, чѣмъ въ примѣненіи къ какому либо изъ болѣе передовыхъ процессовъ. Такимъ образомъ это движеніе можетъ сведено къ общему закону „предложенія и спроса", дѣйствующему подъ вліяніемъ обычныхъ экономическихъ мотивовъ. Когда изобрѣтеніе самолетнаго челнока создало особое преимущество ткачеству, вниманіе все больше и больше стало сосредоточиваться на процессѣ пряденія и явилась jenny; непригодность genny для прядильной основы вызвала ватеръ-машину, которыя впервые поставила хлопчато-бумажную промышленность внѣ зависимости отъ льняной основы: спросъ на болѣе тонкую и болѣе ровную пряжу повелъ къ изобрѣтенію мюльной машины Эти знаменательныя усовершенствованія въ прядильныхъ машинахъ, съ ихъ менѣе значительными принадлежностями, поставили пряденье впереди ткачества и вызвали цѣлый рядъ изобрѣтеній, касавшихся механическаго ткацкаго станка. Этотъ послѣдній игралъ сравнительно незначительную роль до тѣхъ поръ, пока первые процессы лощенія и наклейки не были поставлены на уровень развитія машины трудами Горрокса и другихъ. Не раньше 1841 года пришли къ установленію равновѣсія въ развитіи главныхъ процессовъ. Подобнымъ же образомъ, каждый значительный успѣхъ въ механизмѣ для главныхъ процессовъ сопровождался внесеніемъ большей изобрѣтательной энергіи во второстепенные и вспомогательные процессы—бѣленіе, крашеніе, набиваніе и пр. Даже до настоящаго времени не доведенъ еще до полнаго совершенства первоначальный процессъ очистки хлопка отъ сѣмянъ (ginning), несмотря на огромныя усилія, затрачен-

ныя, особенно въ Соединенныхъ Штатахъ, на преодолѣніе трудностей этой предварительной стадіи хлопчато-бумажной промышленности.

Слѣдующая таблица можетъ служить поясненіемъ отношенія между ростомъ хлопчатобумажной промышленности, измѣряемой по потребленію сыраго хлопка, и главнѣйшими усовершенствованіями въ машинахъ.

Ввозъ хлопка въ (фунт).		Изобрѣтенія и пр.	
1730	1.545.472	1730	Roller-spinning Уаэта (Wyatt), патентованная въ 1737 г.
		1738	Самолетный челнокъ Кэя.
1741	1.645.031	1748	Кардная машина Поля (остававшаяся безъ употребленія до усовершенствованія ея Лизомъ, Аркрайтомъ, Вудомъ въ 1872 — 74 гг.).
1764	3.870.392	1764	Прядильная jenny Гаргривса (патентована въ 1770) только для основы.
		1764	Введеніе въ Лэнкаширѣ ситцепечатанія.
		1768	Усовершенствованіе Аркрайтомъ прядильной машины Уаэта (патентъ 1769 г.), освобождающее хлопчатобумажное производство изъ-подъ зависимости отъ льняной основы.
1771 до 1775	4.764.589	1771	Аркрайтова фабрика, построенная въ Кромфордѣ.
		1775	Аркрайтъ получаетъ привиллегію на кардованье, трощенье, пряденье.
		1779	Усовершенствованная мюльная машина Кромптона (комбинація jenny и водяной машины, производящая болѣе тонкую и болѣе ровную пряжу).

1781	5.198.775		
1785	18.400.384	1785	Механическій ткацкій станокъ Картрайта. Первая машина Уатта и Бультона (Boulton) для хлопчато-бумажныхъ фабрикъ.
1792	34.907.497	1792	Кардо-чесальная машина Уайтнея (Whitney's saw-gin).
1813	51.000.000	1813	Dressing-machine Горрокса.
1830	261.200.000	1830	„Throstle" (почти исключительно употребляющаяся въ Англіи для пряденія основы).
1832	287.800.000	1832	Усовершенствованная самодѣйствующая мюльная машина Робертса.
1841	489.900.000	1841	Усовершенствованный ткацкій станокъ Белло (Bullogh). Ring-spinning (въ широкихъ размѣрахъ примѣняющаяся въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ, недавно введенная въ Лэнкаширѣ).

Изъ этой таблицы видно, что исторія разсматриваемой отрасли производства съ достаточной точностью можетъ быть раздѣлена на четыре періода:

(1) Подготовительный періодъ экспериментальныхъ изобрѣтеній Уаэта, Поля и др. до 1770 года.

(2) Отъ 1770 до 1792 (приблизительно)—время великихъ механическихъ изобрѣтеній.

(3) Отъ 1792 до 1830—примѣненіе силы пара къ мануфактурѣ и усовершенствованіе великихъ изобрѣтеній.

(4) Съ 1830 г.—вліяніе на промышленность пароваго передвиженія (1830 г.—открытіе Ливерпульской и Манчестерской желѣзныхъ дорогъ).

Измѣряя дѣйствіе этихъ различныхъ промышленныхъ силъ въ указанные различные періоды, по скольку оно отразилось на возрастаніи размѣровъ хлопчатобумажной про-

мышленности, мы можемъ опредѣлить общій характеръ великаго промышленнаго движенія и составить извѣстное, приблизительно точное, понятіе объ относительномъ значеніи развитія механическихъ изобрѣтеній и новой двигательной силы.

§ 7. Примѣненіе машинъ къ другимъ отраслямъ волокнообработывающей промышленности. Исторія хлопчатобумажнаго производства въ своихъ главныхъ очертаніяхъ есть также исторія и другихъ отраслей волокнообработывающей промышленности. Мы не располагаемъ такими же средствами для статистическаго измѣренія роста шерстянаго производства въ періодъ революціи, но, такъ какъ, съ одной стороны, многія изъ изобрѣтеній въ прядильномъ и ткацкомъ дѣлѣ быстро заимствовались шестянымъ производствомъ отъ хлопчатобумажнаго, и въ то же время эта болѣе старая отрасль производства воспользовалась и примѣненіемъ пара къ процессамъ обработки и выгодами пароваго передвиженія, то ростъ этой промышленности въ общемъ совпадаетъ съ тѣми же самыми періодами времени. Хотя цифры ввоза шерсти и не имѣютъ того значенія, какъ данныя относительно хлопка, потому что въ расчетъ при этомъ не входитъ шерсть мѣстнаго происхожденія, тѣмъ не менѣе приводимыя ниже статистическія данныя о ввозѣ въ Англію шерсти изъ-за границы и изъ колоній могутъ служить для освѣщенія роста нашихъ шерстяныхъ мануфактуръ.

Статистическія данныя о ввозѣ шерсти въ Англію.

	Фунт.		Фунт.
1760	1.926.000	1830	32.305.000
1771	1.829.000	1840	49.436.000
1780	323.000	1850	74.326.000
1790	2.582.000	1860	151.218.000
1800	8.609.000	1870	263.250.000
1810	10.914.000	1880	463.309.000
1820	9.775.000	1892	743.046.104

Въ шелковомъ производствѣ вліяніе машинъ усложняется различными обстоятельствами, спеціально касающимися этой

промышленности. Хотя, благодаря изобрѣтательности и предпріимчивости Ломбеза (Lombes), при трощеніи шелка былъ введенъ въ употребленіе сложный механизмъ на много лѣтъ раньше, чѣмъ онъ нашелъ себѣ успѣшное примѣненіе въ какой либо другой отрасли обработки волокна, производство здѣсь однако не увеличилось настолько, насколько можно было ожидать, и затѣмъ позднѣйшія новыя механическія изобрѣтенія медленно и слабо прививались къ шелковой промышленности. Это обусловливалось особыми причинами, изъ которыхъ однѣ зависѣли отъ внутренней цѣнности этого товара, другія—отъ условій общественнаго регулированія промышленности.

Необходимая для многихъ процессовъ обработки шелка тонкость работы, причудливый характеръ рынка для этого товара, дороговизна производства котораго дѣлаетъ его предметомъ роскоши, безусловно зависящимъ отъ перемѣнъ во вкусахъ и въ модѣ, сохраняли для искуснаго ручнаго труда очень много производствъ болѣе утонченныхъ шелковыхъ издѣлій или допускали здѣсь употребленіе машинъ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ въ хлопчатобумажной и шерстяной промышленности.

Кромѣ того тяжелыя таможенныя пошлины, взимавшіяся съ сырца и трощеннаго шелка и сопровождавшіяся строгимъ запрещеніемъ ввоза обработанныхъ шелковыхъ товаровъ въ 1765 г., увеличивая расходы производства и стѣсняя рынокъ какъ разъ въ эпоху великихъ механическихъ изобрѣтеній, препятствовали сколько нибудь значительному расширенію потребленія шелковыхъ издѣлій и сдѣлали для нихъ совершенно невозможнымъ выдерживать соперничество болѣе юной и болѣе предпріимчивой хлопчатобумажной промышленности, которая, послѣ введенія ситцепечатанія въ началѣ XIX ст., стала вытѣснять шелковыя издѣлія на многихъ рынкахъ.

Даже въ производствахъ болѣе грубыхъ сортовъ шелковыхъ издѣлій, гдѣ раньше всего были съ успѣхомъ примѣнены ткацкія машины, развитіе промышленности сильно задерживалось медленнымъ прогрессомъ процесса „трощенія“

и послѣ отмѣны пошлины на ввозъ шелка въ 1826 году число тростильныхъ заведеній было еще совершенно недостаточно, чтобы идти наравнѣ со спросомъ ткачей [1]). Только въ послѣднія 50 лѣтъ послѣдовательныя усовершенствованія въ тростильныхъ машинахъ и примѣненіе остроумнаго ткацкаго механизма Жакарда и позднѣйшихъ изобрѣтателей дали широкое развитіе многимъ отраслямъ этой промышленности.

Слѣдующая таблица потребленія сыраго и трощеннаго шелка отъ 1765 по 1844 г. показываетъ, какъ медленно и нерегулярно шло развитіе этого производства въ Англіи въ періодъ великихъ изобрѣтеній и введенія паровыхъ двигателей и какъ губительно отзывались пошлины на сырой и трощенный шелкъ на этой отрасли промышленности.

Среднее количество ввоза [2]).

	Фунт.		Фунт.
1765–1767	715,000	1823	2,468,121
1785–1787	811,000	1824	4,011,048 [3])
1801 до 1812	1,110,000	1825	3,604,058
1814	2,119,974	1826	2,253,513
1815	1,475,389	1827	4,213,153
1816	1,088,334	1828	4,547,812
1817	1,686,659	1829	2,892,201
1818	1,922,987	1830	4,693,517
1819	1,848,553	1831	4,312,330
1820	2,027,635	1832	4,373,247
1821	2,329,808	1833	4,761,543
1822	2,441,563	1834	4,522,451
		1835	5,788,458
		1836	6,058,423
		1837	4,598,859
		1838	4,790,256
		1839	4,665,944
		1840	4,819,262

[1]) Porter, Progress of the Nation, стр. 219.

[2]) Заимствовано у Porter'а, стр. 218.

[3]) Въ 1824 г. Mr. Huskisson ввелъ принципъ свободной торговли,

Въ полотняномъ производствѣ воспринятіе новыхъ машинныхъ способовъ первоначально встрѣчало себѣ препятствія въ искуственномъ поощреніи, которымъ пользовалась ирландская промышленность, естественно, благодаря преміямъ и монопольному положенію на британскихъ рынкахъ, медленно усвоивавшая себѣ новые пріемы производства, и въ непрочности положенія англійской промышленности, вслѣдствіе сильнаго соперничества хлопчато-бумажныхъ издѣлій. Хотя Адамъ Смитъ и смотрѣлъ на полотняную промышленность, какъ на подающую надежды, но она находилась въ его время еще въ совершенно примитивномъ состояніи. Не раньше, какъ только въ самомъ концѣ XVIII столѣтія, были заведены въ Англіи и Шотландіи льнопрядильныя мануфактуры, и только послѣ 1830 года введенъ механическій ткацкій станокъ, а въ Ирландіи введеніе прядильныхъ машинъ въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ количеству ткацкихъ станковъ, произошло даже еще гораздо позднѣе.

Мы видимъ, что первый экспериментальный періодъ въ хлопчато-бумажной промышленности не вызвалъ особенно ощутительныхъ послѣдствій для развитія производства; между 1700 и 1750 гг. эта мануфактура находилась въ застоѣ [1]). Шерстяная промышленность обнаружила значительное развитіе, благодаря главнымъ образомъ самолетному челноку. Крупное увеличеніе хлопчато-бумажнаго производства въ 1770—1790 гг. выражаетъ собою вліяніе механическихъ изобрѣтеній безъ помощи новой двигательной силы. Обнаруженіе полнаго результата введенія силы пара было задержано тяжестью французской войны. Хотя 1800 годъ и отмѣчаетъ начало широкаго непрерывнаго развитія, какъ въ хлопчатобумажной, такъ и въ шерстяной промышленности, однако новыя силы стали особенно полно обнаружи-

---

обезпечивавшій уменьшеніе пошлинъ на сырой и трощеный шелкъ, а въ 1825 и 1826 гг. послѣдовали значительныя дальнѣйшія пониженія. (Ср. Ure, Philosophy of Manufacture, стр. 454, etc). Тѣмъ не менѣе покровительство относительно англійскихъ шелковыхъ мануфактурныхъ товаровъ удержалось до договора съ Франціей 1860 года.

[1]) Ср. Ure, History of the Cotton Manufacture, vol. I, стр. 223.

вать свое влiянiе лишь около 1817 года, когда новый двигатель занялъ прочное положенiе въ обширныхъ промышленныхъ центрахъ и энергiя народа была снова призвана къ мирнымъ занятiямъ. Перiодъ, начинающiйся съ 1840 года, отмѣчаетъ результаты переворота въ торговлѣ, вызваннаго примѣненiемъ новыхъ двигателей для цѣлей транспорта, послѣдовательное удешевленiе сыраго матерiала, въ частности хлопка, открытiе новыхъ рынковъ для закупки сыраго матерiала и для сбыта мануфактурныхъ произведенiй. Результаты этого уменьшенiя стоимости производства и увеличенiя спроса на мануфактурныя произведенiя въ волокнообработывающей промышленности выражаются въ быстромъ расширенiи ея, послѣдовавшемъ за открытiемъ первыхъ англiйскихъ желѣзныхъ дорогъ и устройствомъ первыхъ паровыхъ судовъ.

§ 8. Обратный порядокъ развитiя желѣзной промышленности. Развитiе волокнообработывающей промышленности вообще и хлопчатобумажной въ частности произошло вслѣдствiе изобрѣтенiя новыхъ машинъ. Машины эти явились и сослужили свою службу, благодаря новой двигательной силѣ. Желѣзная промышленность въ своемъ развитiи представляетъ обратный порядокъ. Открытiе новаго двигателя было той силой, которая впервые придала ей значенiе. Механическiя изобрѣтенiя, примѣненныя къ производству желѣза, были вызваны потребностями новаго двигателя.

Въ 1740 году трудность нахожденiя достаточныхъ запасовъ лѣса и неудача попытокъ утилизировать каменный уголь поставили желѣзное дѣло въ очень незавидное положенiе. Въ это время желѣзная промышленность, какъ говоритъ Скривенеръ, „казалось, перерождалась въ совершенное ничтожество“ [1].

Первые шаги улучшенiя дѣлъ послѣ этого упадка выразились въ увеличенiи употребленiя каменнаго угля и въ уменьшенiи пользованiя древеснымъ углемъ.

Прогрессъ въ этой области можетъ быть изображенъ въ такой послѣдовательности:

---

[1]) Scrivener, History of the Iron Trade, стр. 56.

1) Примѣненіе первоначальныхъ усовершенствованій Уатта къ изобрѣтеніямъ Ньюкомена (Newcomen), патентованное въ 1769 г., сопровождалось увеличеніемъ средняго количества выработки домнъ, работавшихъ древеснымъ углемъ. Средняя выработка съ 294 тоннъ для 1750 г. дошла въ 1788 г. до 545 тоннъ.

2) Замѣна древеснаго угля коксомъ, шедшая одновременно съ введеніемъ усовершенствованныхъ способовъ плавленія, опредѣлила въ 1788 году среднюю выработку для домнъ, работавшихъ коксомъ, въ 903 тонны. Къ этой же эпохѣ относятся изобрѣтенія Корта въ области пудлингованія и прокатки, совершившія революцію въ производствѣ полосоваго желѣза.

3) Введеніе Уаттовой машины двойной силы въ 1788—90 г. Въ 1796 г. производство чугуна было вдвое больше сравнительно съ 1788 годомъ и средняя выработка домны дошла до 1048 тоннъ.

4) Замѣна притока холоднаго воздуха горячимъ, давшая экономію въ коксѣ въ размѣрѣ 2 тоннъ 18 цент. на тонну чугуна.

5) Введеніе, съ 1833 г., сыраго каменнаго угля взамѣнъ кокса, принесшее съ собою дальнѣйшее пониженіе расходованія угля съ 5 тоннъ 3½ цент. до 2 тоннъ 5¼ цент. на тонну чугуна.

Таковы были главнѣйшія событія въ исторіи желѣзной промышленности нашей страны. Слѣдующая таблица показываетъ ростъ производства желѣза въ Англіи съ 1740 по 1840 годъ.

Годы.	Число доменныхъ печей.	Средняя выработка въ тоннахъ.	Общее производство въ тоннахъ.
1740	59	294	17,350
1788	77	909 (коксъ) 545 (древес. уг.)	61,300
1796	121	1048	124,079
1806	133	1546	258,206
1825	364 (261 съ горячимъ воздухомъ)	2228	703,184

1828	365	2530	
	(277 съ горячимъ воздухомъ)		
1838	378	3592	1,347,790

Отсюда видно, что на развитіе этой промышленности больше вліянія оказала экономія силы, чѣмъ усовершенствованіе механизма, или, точнѣе, экономія силы шла впереди и вызывала за собой отдѣльные шаги въ усовершенствованіи механизма.

Замѣна древеснаго угля коксомъ и примѣненіе пара не только увеличили въ громадныхъ размѣрахъ объемъ производства, но и существенно повліяли на сосредоточеніе его въ извѣстной мѣстности. Суссексъ и Глочестеръ, два главные пункта желѣзнаго производства при употребленіи древеснаго топлива, потеряли все свое значеніе къ 1796 году, когда главнымъ рѣшающимъ моментомъ сдѣлалась легкость полученія каменнаго угля. Къ этому времени выдвинулись впередъ четыре округа: Стэффордъ, Іоркширъ, Южный Валисъ и Салопъ.

Открытіе дѣйствія горячаго воздуха и замѣна кокса простымъ каменнымъ углемъ, совершившіяся одновременно съ развитіемъ желѣзно-дорожной предпріимчивости, отмѣчаютъ новую взаимную зависимость отдѣльныхъ отраслей промышленности въ вѣкъ машиннаго производства.

Желѣзо сдѣлалось основаніемъ, на которомъ одинаково строится каждая отрасль машинной промышленности. Металлургическіе заводы, столь незначительные въ XVIII столѣтіи, достигли безпримѣрнаго развитія и первостепенной важности въ XIX вѣкѣ.

„Въ волокнообработывающей промышленности усовершенствованныя машины потребовали впервые новаго двигателя; въ металлургическомъ производствѣ новый двигатель вызвалъ необходимость въ усовершенствованныхъ машинахъ.... Для всѣхъ современныхъ задачъ прежніе ручные инструменты явно оказывались устарѣлыми. Непосредственнымъ результатомъ этой потребности было то, что выдвинулось впередъ значительное число замѣчательныхъ людей, Бриндли, Смитонъ, Маудсли, Климентсъ, Брама, Насмитъ и др.,

для того, чтобы доставить механизмъ соотвѣтственнаго объема и точности для дѣйствіи новой двигательной силы; конечнымъ же результатомъ было усвоеніе современной фабричной системы въ болѣе обширныхъ мастерскихъ машиностроительныхъ и инженерныхъ, равно какъ и на собственно металлургическихъ заводахъ. Такимъ образомъ постепенно разросталась", говоритъ Джевонсъ, „система машиннаго труда, замѣна рукъ человѣческихъ желѣзными руками, безъ чего было бы невозможно приготовленіе машинъ въ ихъ настоящемъ совершенномъ видѣ" [1]).

Въ дальнѣйшую эпоху машиннаго развитія все большая важность соединяется съ усовершенствованіями въ области машиностроительнаго дѣла. Великія изобрѣтенія, связанныя съ именами Маудсли и Насмита, удешевленіе стали, благодаря Бессемерову процессу, и разнообразные успѣхи въ замѣнѣ машинами ручнаго труда при производствѣ машинъ оказали, хотя косвенное, но быстрое и важное вліяніе на всякое машинное производство, занятое изготовленіемъ благъ, непосредственно предназначаемыхъ для пользованія человѣка. Экономія промышленной дѣятельности требуетъ, чтобы изобрѣтательный геній и предпріимчивость все въ большей и большей степени были направлены на безпредѣльную замѣну ручнаго труда машинами при сооруженіи машинъ, и чтобы меньшая доля вниманія удѣлялась сравнительно неважному дѣлу усовершенствованія производительныхъ машинъ для детальныхъ процессовъ каждой промышленности, служащей непосредственному удовлетворенію какой либо человѣческой потребности.

Общее обозрѣніе роста новыхъ промышленныхъ способовъ въ волокнообработывающей и желѣзной промышленности отмѣчаетъ три періода чрезвычайнаго оживленія въ развитіи современной индустріи. Первый періодъ—отъ 1780 до 1795 г., когда созрѣли плоды первыхъ изобрѣтеній, благодаря плодотворному примѣненію пара къ машинному про-

---

[1]) Cooke Taylor, Modern Factory System, стр. 164; ср. также Карлъ Марксъ, Капиталъ, стр. 340.

изводству. Второй періодъ—отъ 1830 до 1845 г., когда промышленность, оправившись послѣ европейской распри, болѣе широко утилизировала новыя изобрѣтенія и развернулась подъ вліяніемъ новаго стимула—пароваго передвиженія. Третій періодъ—отъ 1857 до 1866 г. (приблизительно), когда приготовленіе машинъ съ помощью машинъ сдѣлалось твердо установившимся правиломъ промышленности.

§ 9. Главныя условія примѣнимости машинъ и паровой силы. Такъ какъ изобрѣтеніе новыхъ спеціальныхъ видовъ машинъ для различныхъ процессовъ обработывающей промышленности совершается одновременно съ примѣненіемъ новой двигательной силы, то мы не имѣемъ возможности измѣрить сумму промышленнаго прогресса, обязаннаго тому и другому фактору въ отдѣльности. Но, такъ какъ вся современная промышленность въ ея цѣломъ, какъ мы видѣли, установилась на новомъ основаніи каменнаго угля и желѣза, то очевидно, что связи, соединяющія такія отрасли, какъ волокнообработывающая и желѣзодѣлательная промышленность, должны непрерывно рости и становиться все тѣснѣе и крѣпче. Въ прежнее время взаимозависимость между отраслями промышленности была слаба и косвенна, и прогрессъ въ какой нибудь данной отрасли почти всецѣло вытекалъ изъ усовершенствованій въ спеціальномъ искусствѣ или изъ приложенія спеціальныхъ механическихъ изобрѣтеній. Начало XVIII-го столѣтія дѣйствительно обнаружило чрезвычайное оживленіе въ изобрѣтеніяхъ такого специфическаго характера. Для примѣра достаточно упомянуть о шелкотростильной машинѣ Ломбеза въ Дерби, о сдѣлавшейся знаменитой, благодаря Адаму Смиту, булавочной фабрикѣ, о желѣзодѣлательномъ заводѣ Боультона въ Сого, объ извѣстныхъ изобрѣтеніяхъ Веджвуда (Wedgwood). Но все увеличеніе производительности, созданное этими специфическими усовершенствованіями, было весьма слабымъ сравнительно съ тѣмъ, которое послѣдовало за открытіемъ пара, какъ двигателя, и за механическими изобрѣтеніями, сдѣлавшими его общеприложимымъ,—открытіями, отмѣчающими періодъ 1790—1840 г. Посредствомъ ихъ различныя

спеціальныя отрасли производства были приведены въ болѣе тѣсное единство и нашли себѣ общее, недостававшее имъ прежде, основаніе въ техникѣ горнаго, чугунно-плавильнаго и машиностроительнаго дѣла.

Изъ этихъ соображеній слѣдуетъ, что порядокъ, въ которомъ различныя отрасли производства подпадаютъ подъ господство современныхъ промышленныхъ методовъ, въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ легкости, съ которой они усвоиваютъ примѣненіе машинъ, приводимыхъ въ дѣйствіе паромъ. Главными характерными чертами, отъ которыхъ зависятъ порядокъ, размѣры и быстрота прогресса промышленности въ качествѣ машиннаго производства, являются слѣдующія:

(a) Размѣръ и сложность структуры. Важное значеніе различныхъ главнѣйшихъ отраслей волокнообработывающей промышленности, тотъ фактъ, что нѣкоторыя изъ нихъ сильно централизировались и почти перешли къ фабричной системѣ, веденіе дѣла богатыми интеллигентными предпринимателями—были важнѣйшими причинами, которыя сдѣлали возможнымъ для новыхъ машинъ и новаго двигателя найти себѣ здѣсь примѣненіе гораздо скорѣй и успѣшнѣй, чѣмъ въ болѣе мелкихъ, болѣе разсѣянныхъ и менѣе развитыхъ отрасляхъ.

(b) Постоянство въ количествѣ и характерѣ спроса. Высокая степень рутинности представляетъ спеціальную возможность машиннаго производства. Гдѣ существуетъ постоянный спросъ на одинъ и тотъ же видъ благъ, тамъ съ большой выгодой можетъ быть примѣнено машинное производство. Напротивъ, машинѣ не такъ легко замѣнить ручную работу тамъ, гдѣ мѣняется мода или гдѣ является сильнымъ факторомъ индивидуальный вкусъ потребителя. Поэтому до сихъ поръ въ волокнообработывающей промышленности есть много отраслей, въ которыя машины не успѣли еще вторгнуться. Значительная часть производства кружевъ, вышивокъ, нѣкоторые виды болѣе тонкаго прядения до сихъ поръ еще совершаются человѣческой силой, съ помощью или даже и безъ помощи сложныхъ машинъ. Въ

болѣе искусныхъ отрасляхъ портняжничества, изготовленія обуви и другихъ промыслахъ, имѣющихъ своимъ предметомъ приготовленіе одежды, индивидуальный характеръ спроса, т. е. элементъ непостоянства также ограничиваетъ употребленіе машинъ. Подобныя же причины заставляютъ человѣческую двигательную силу въ нѣкоторыхъ случаяхъ сотрудничать съ сложнымъ механизмомъ и управлять имъ, какъ напр., при употребленіи швейной машины.

(c) Однообразіе матеріала и процессовъ производства. Употребленіе въ производствѣ разнообразнаго матеріала неблагопріятно для машинъ. Поэтому процессы земледѣлія медленно переходили къ паровой силѣ, особенно тѣ, которые прямо касались работы надъ почвой, и даже тамъ, гдѣ приводимыя въ дѣйствіе паромъ машины получили примѣненіе, доставляемая или экономія сравнительно съ ручнымъ трудомъ менѣе замѣтна въ этой области, чѣмъ въ процессахъ обработывающей промышленности. При добываніи каменнаго угля и другихъ минераловъ паровая и вообще не-человѣческая сила также примѣнялась медленнѣе и съ меньшей выгодой, чѣмъ при обработкѣ матеріала, который уже отдѣленъ отъ почвы.

(d) Прочность цѣнныхъ свойствъ. Производство быстро портящихся предметовъ, являющееся по необходимости мѣстнымъ и непосредственнымъ, требуетъ большаго количества человѣческаго труда, который не можетъ быть съ выгодой замѣненъ машинами или получить отъ машинъ значительную помощь. Трудъ мясника и булочника медленно переходилъ къ машинному производству. Если убиваніе скота сдѣлалось до извѣстной степени механической операціей, то прямой причиной этого было открытіе предохранительныхъ средствъ, уменьшившихъ способность мяса къ порчѣ. Точно также и по отношенію къ другимъ пищевымъ продуктамъ только усовершенствованіе современныхъ способовъ перевозки дало возможность перейти къ машинному приготовленію ихъ. До сихъ поръ свѣжее пирожное и болѣе тонкіе виды булочнаго производства являются чисто мѣстными продуктами ручнаго труда.

(e) Обиліе или простота потребнаго труда. Тамъ, гдѣ можно получить въ изобиліи дешевый трудъ, вполнѣ пригодный для работы, и особенно въ тѣхъ операціяхъ, гдѣ широко примѣняется трудъ женщинъ и дѣтей, развитіе машиннаго производства совершалось по общему правилу болѣе медленно. Это условіе, часто совмѣстно съ указанными подъ рубриками (*b*) или (*c*), удерживаетъ промышленность въ разрядѣ „домашнихъ". Значительная масса по существу „нерегулярной" работы, требующей извѣстной ловкости пріемовъ, которая по причинѣ незначительнсти своихъ размѣровъ еще легко достижима и которая предъявляетъ лишь слабый спросъ на мускульную силу или умственныя качества, осталась чуждой машинному производству. Важныя отрасли промышленности, содержащія въ себѣ различныя процессы этого рода, болѣе медленно переходили къ законченной формѣ фабричной системы. Этими соображеніями объясняется и медленный прогрессъ механическихъ станковъ въ хлопчатобумажной и шерстяной промышленности до 1830 года. Чулочно-вязальный станокъ еще дольше противился механическому труду, и до сихъ поръ ручной трудъ играетъ еще важную роль въ различныхъ процессахъ шелковаго производства. Даже теперь, въ настоящемъ центрѣ фабричной системы—Больтонѣ, старое ручное ткачество встрѣчается еще въ видѣ рѣдкаго запоздалаго переживанія [1]).

(f) Искусство ручной работы. Высокое искусство въ работѣ или въ обхожденіи съ матеріаломъ, элементъ художественности, присущій ручному труду, даетъ послѣднему перевѣсъ надъ наиболѣе искуснымъ механизмомъ или по крайней мѣрѣ надъ такой машиной, которая могла бы быть съ выгодой введена въ производство для соперничества съ нимъ. Въ нѣкоторыхъ металлургическихъ производствахъ, въ приготовленіи фарфора и стекла есть много процессовъ, которые не могли обойтись безъ человѣческаго искусства. Въ этихъ мануфактурахъ, поэтому, большій прогресъ долженъ

---

[1]) Schulze-Gaevernitz, p. 140.

быть приписанъ специфическимъ изобрѣтеніямъ, чѣмъ примѣненію общихъ машинъ и двигательной силы, которыя являются непримѣнимыми въ значительныхъ размѣрахъ къ наиболѣе важнымъ процессамъ.

Изъ этихъ соображеній явствуетъ, что, если промышленность по своему характеру является крупной и регулярной, то она гораздо скорѣе и полнѣе подпадаетъ подъ владычество машинъ, а если она отличается небольшими размѣрами и непостоянствомъ, то она усвоиваетъ себѣ новые пріемы болѣе медленно и неполно. Большинство добывающихъ отраслей, земледѣліе, лѣсоводство, рыболовство, горное дѣло, охота являются нерегулярными, вслѣдствіе характера своего матеріала и зависимости его отъ вліяній геологическихъ, химическихъ, климатическихъ и иныхъ, которыя только въ слабыхъ размѣрахъ поддаются вычисленію и человѣческой волѣ. Окончательные процессы, посредствомъ которыхъ блага приспособляются для пользованія индивидуальныхъ потребителей, также по необходимости отражаютъ на себѣ непостоянство или разнообразіе человѣческихъ вкусовъ и желаній. За то мы находимъ наибольшую регулярность въ промежуточныхъ процессахъ, въ которыхъ сырые матеріалы, извлеченные изъ природы, пріобрѣтаютъ тѣ качества формы, положенія и т. д., которыя необходимы, чтобы сдѣлать ихъ способными удовлетворять человѣческія нужды. Тѣ промышленныя стадіи, въ которыхъ машинное производство находитъ себѣ наиболѣе полное примѣненіе, и являются почти во всѣхъ случаяхъ именно промежуточными стадіями. Даже если машинное производство, повидимому, непосредственно удовлетворяетъ какую либо человѣческую потребность, все таки обыкновенно оказываются нужными извѣстные окончательные процессы, въ которыхъ обнаруживается индивидуальное искуство. Почти всѣ продукты, удовлетворяющіе желанія человѣка, проходятъ чрезъ большое число производительныхъ процессовъ, которые могутъ быть раздѣлены на добывающіе, перевозочные, обработывающіе и распредѣляющіе или торговые. Конечно, не во всѣхъ случаяхъ они могутъ быть ясно раздѣлены другъ

отъ друга. Съ добывающими процессами въ горномъ дѣлѣ и земледѣліи смѣшиваются различные процессы транспорта и обработки; различныя стадіи обработки могутъ прерываться стадіями перевозки; окончательный процессъ приготовленія можетъ предшествовать окончательному акту распредѣленія, какъ при продажѣ лекарствъ потребителю. Но, говоря вообще, эти четыре вида производительныхъ процессовъ отмѣчаютъ четыре историческихъ стадіи въ переходѣ отъ сыраго матеріала къ окончательному товару.

Двѣ среднихъ стадіи—перевозки и обработки подпали гораздо полнѣе подъ господство приводимыхъ въ движеніе паромъ машинъ, чѣмъ двѣ остальныя, и именно въ усовершенствованіи старыхъ обработывающихъ и перевозочныхъ процессовъ и въ присоединеніи къ нимъ новыхъ процессовъ мы наблюдаемъ наиболѣе важные результаты эволюціи современныхъ промышленныхъ пріемовъ.

Приводимый ниже списокъ подраздѣленій, подъ которыми классифицированы были для цѣлей переписи рабочіе, занятые въ производствѣ матеріальнаго богатства, можетъ служить для болѣе нагляднаго выясненія этого относительнаго развитія машиннаго производства. Приводимыя цифры даютъ числа рабочихъ въ различныхъ отрасляхъ въ 1891 г. и служатъ приблизительнымъ показателемъ относительнаго значенія различныхъ главныхъ отраслей промышленности.

Земледѣліе . . .	1.311.720
Рыболовство . .	25.225
Горное дѣло . .	561.637
Ломка камня, приготовленіе извести, постройка	209.972
Транспортъ:	
а) желѣзныя дороги . . .	186.774
б) грунтовыя дороги . . .	366.605
в) каналы, рѣки, озера .	208.443
г) посыльные и носильщики	194.044
Дома, мебель и украшенія . . .	820,582
Столъ и квартиры	797.989
Желѣзо и сталь .	380.193
Другіе металлы .	146.550
Суда и лодки .	170.517
Экипажи и сбруя	108.780
Машины и орудія	342.231
Обработка волокна	1.128.589
Одежда	1.099.833

Глиняная посуда и хрусталь . .	90.007
Химическіе товары и смѣси . . .	56.047
Книги	135.616
Животныя продукты (мануфактура)	76.566
Растительные продукты (бумага и пр.)	196.889
Механики и рабочіе въ прочихъ отрасляхъ . .	805.105
Торговля:	
а) купцы и агенты	363.037
б) торговцы деньгами . . .	21.891
в) страхованіе	31.437
Инженеры и надсмотрщики .	15.441

При взглядѣ на этотъ списокъ главныхъ видовъ дѣятельности, занятой производствомъ торговаго богатства, сразу обнаруживается, что именно обработывающія и перевозочныя отрасли промышленности являются тѣми, въ которыхъ нашли себѣ особенное примѣненіе сила пара и выгоды крупнаго производства. Хотя, исторически, впервые употребленіе паровой силы для промышленныхъ цѣлей началось въ каменно-угольныхъ копяхъ, тѣмъ не менѣе остается несомнѣннымъ, что значительное примѣненіе новѣйшихъ машинъ къ земледѣлію и другимъ добывающимъ отраслямъ промышленности—сравнительно недавняго происхожденія, а процессъ розничной торговли до сихъ поръ сдѣлалъ лишь совершенно ничтожное употребленіе машинъ и паровой силы. Только въ теченіи нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ немногія гигантскія розничноторговыя предпріятія обнаружили стремленіе примѣнить паръ и электричество къ механическимъ приспособленіямъ для цѣлей торговли.

§ 10. Порядокъ развитія современныхъ способовъ производства въ различныхъ странахъ; естественные, національные, политическіе, экономическіе факторы. Новыя промышленныя силы нашли себѣ примѣненіе впервые въ бумагопрядильныхъ Южнаго Лэнкашира и, быстро распространившись въ другихъ отрасляхъ волокнообработывающей индустріи и затѣмъ постепенно преобразовавъ промышленные способы машиннаго, желѣзодѣлательнаго и другихъ главнѣйшихъ англійскихъ производствъ, перебрались на Западный континентъ Европы и въ Америку, ис-

требляя старые домашніе промыслы и утверждая въ каждой цивилизованной странѣ царство машинъ, приводимыхъ въ дѣйствіе паромъ. Факторы, опредѣлявшіе послѣдовательность и быстроту новаго движенія въ различныхъ странахъ, многочисленны и сложны. При разсмотрѣніи послѣдовательности развитія машиннаго производства должно вспомнить, что при наступленіи періода великихъ изобрѣтеній различныя страны находились не на одинаковомъ уровнѣ промышленнаго развитія. Въ началѣ XVIII-го столѣтія Англія достигла извѣстнаго первенства въ этомъ отношеніи. Ростъ ея колоніальныхъ владѣній послѣ революціи и энергичный и успѣшный характеръ ея морской политики дали ей возможность обогнать Голландію. Въ 1729 г. бо́льшая часть шведскаго желѣза, вывезеннаго изъ Готенбурга, направлялась въ Англію для постройки судовъ [1]). Въ концѣ XVIII вѣка Гр. Кингъ ставилъ Англію, Голландію и Францію, по производительности ихъ труда, во главѣ промышленныхъ странъ [2]). Италія и Германія мало отставали отъ нихъ по своей обработывающей промышленности, но морское первенство и колоніальныя владѣнія выше названныхъ странъ придавали имъ торговое первенство. Къ 1760 г. Англія съ точки зрѣнія внѣшней торговли еще усилила свое положеніе, а ея шерстяная промышленность была наиболѣе крупной и наиболѣе высоко развитой промышленностью въ мірѣ. Но, что касается самой техники мануфактурнаго производства, то она въ Англіи въ то время вовсе не отличалась такимъ превосходствомъ, которое давало бы поводъ предвидѣть то положеніе, какое заняла эта страна въ началѣ XIX-го вѣка. Во многихъ отрасляхъ обработки волокнистыхъ веществъ, особенно въ пряденіи и окраскѣ шелка, въ фарфоровомъ производствѣ, печатаніи и другихъ мануфактурахъ болѣе изобрѣтательный геній и большее искус-

---

[1]) Yeats, The Growth and Vicissitudes of Commerce, стр. 284.

[2]) Средній доходъ для Англіи въ 1688 году онъ кладетъ въ 7 ф. 18 шилл., для Голландіи—8 ф. 1 ш. 4 п., для Франціи 6 ф. ст. (стр. 47). Впрочемъ подобная оцѣнка имѣетъ небольшое значеніе.

ство обнаружилось на континентѣ, и потому a priori, казалось, не было никакой причины, почему бы Англія должна была такъ замѣтно опередить своихъ соперниковъ.

Главные факторы въ опредѣленіи послѣдовательности развитія современныхъ способовъ производства въ различныхъ странахъ могутъ быть раздѣлены на естественные, политическіе и экономическіе.

Естественные. (1) *Очертаніе и положеніе различныхъ странъ.* Островной характеръ Великобританіи, ея естественныя удобства полученія сырыхъ матеріаловъ для мануфактуръ и снабженія иностранными съѣстными припасами, дававшія возможность населенію специализироваться на обработывающей промышленности, множество и разнообразіе легко доступныхъ рынковъ для ея мануфактуръ доставляли ей огромную выгоду. Къ этому присоединяются умѣренный климатъ, превосходное внутреннее сообщеніе по рѣкамъ (или каналамъ) и отсутствіе горныхъ преградъ между различными округами. Это выгоды имѣли сравнительно большее значеніе до пароваго транспорта, но онѣ также играли большую роль и въ томъ отношеніи, что облегчали устройство дѣятельнаго пароваго сообщенія въ Англіи. Обиліе хорошихъ морскихъ гаваней не въ малой степени направляло развитіе современной индустріи, доставляя Англіи, Голландіи, Франціи и Италіи выгоду, которая еще не встрѣчала противодѣйствія нивеллирующей тенденціи современнаго машиннаго производства. Медленный прогрессъ Германіи до послѣднихъ лѣтъ и еще болѣе медленный прогрессъ Россіи въ большей степени долженъ быть приписанъ подобнымъ физическимъ внутреннимъ и внѣшнимъ преградамъ свободнаго сообщенія, чѣмъ какой либо другой причинѣ, какую можно привести. Естественныя богатства страны, пригодность земли для земледѣлія, близость широкаго предложенія каменнаго угля и желѣза и другихъ предметовъ, необходимыхъ для производства машинъ и паровой силы, являются также важными условіями прогресса. Развитіе машиннаго производства во Франціи особенно задерживалось медленнымъ открытіемъ ея естественныхъ ману-

фактурныхъ округовъ,—мѣстностей, въ которыхъ находятся рядомъ другъ съ другомъ каменный уголь и желѣзо въ легко доступномъ для добыванія видѣ. То же замѣчаніе относится къ Германіи и Соединеннымъ Штатамъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія, когда желѣзная промышленность Англіи быстро развилась, желѣзная промышленность Франціи была почти незначительна, и еще въ теченіе первыхъ лѣтъ XIX-го столѣтія ея прогрессъ въ этомъ отношеніи былъ чрезвычайно слабъ [1]).

2) Раса и національный характеръ. Расовыя особенности, тѣсно связанныя съ климатическими и географическими свойствами страны, имѣютъ очень сильное вліяніе на направленіе индустріи. Мускульная крѣпость и выносливость, доставляющая въ умѣренномъ климатѣ равномѣрную и непрерывную работу; живое стремленіе къ матеріальному комфорту, вызывающее изобрѣтательность и предпріимчивость; наклонность къ пріобрѣтенію и къ внѣшнему тщеславію; нравственныя условія промышленности, честность, правильное сотрудничество,—все это является важными факторами, опредѣляющими способность и наклонность различныхъ народовъ къ усвоенію новыхъ способовъ производства. Несомнѣнно, что нравственныя свойства англійскаго рабочаго класса играли большую роль въ обезпеченіи превосходства за промышленностью Англіи. „Британское фабричное клеймо считалось гарантіей превосходнаго качества, тогда какъ на продукты другихъ странъ смотрѣли съ подозрѣніемъ, оправдываемымъ на опытѣ ихъ сравнительно низшимъ достоинствомъ“[2]). Болѣе высокія цивилизованныя страны выигрывали такимъ образомъ, благодаря своей цивилизаціи, и увеличивали разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ менѣе цивилизованныхъ. Англія, Франція, Германія, Голландія и Соединенные Штаты по своему богатству и способамъ про-

---

[1]) Въ 1810 г. весь продуктъ равнялся 140.000 тонъ.
„ 1818 г. „ „ „ 114.003 „
„ 1824 г. „ „ „ 164.000 „
(Scrivener, History of the Iron Trade, стр. 153).

[2]) Yeats, Growth and Vicissitudes of Commerce, стр. 285.

изводства гораздо болѣе далеко ушли отъ Испаніи и Россіи, чѣмъ то было сто лѣтъ тому назадъ.

(b) Политическіе. Могущество государства играло важную роль въ опредѣленіи послѣдовательности и быстроты промышленнаго прогресса. Обладаніе многочисленными колоніями и другими политическими интересами въ различныхъ частяхъ міра, обусловливая большое разнообразіе матеріальныхъ ресурсовъ, создавало Англіи и въ меньшей мѣрѣ Франціи, Голландіи, Испаніи большое преимущество. Тиранническое эксплуатированіе своихъ колоній этими странами ради развитія внутренней обработывающей промышленности позволяло имъ болѣе широко и безопасно специализироваться на тѣхъ индустріяхъ, къ которымъ впервые были примѣнены новые способы производства. Даже послѣ освобожденія Сѣверо-Американскихъ колоній Англія примѣняла политику респрессалій къ ихъ зарождающейся промышленности, дававшую ей возможность удерживать за собой въ значительной мѣрѣ рынки, созданные такимъ путемъ для ея мануфактурныхъ товаровъ.

Крупныя присоединенія, сдѣланныя Англіей въ теченіе XVIII и начала XIX столѣтій, обезпечивали ей монополіи на многихъ изъ лучшихъ рынковъ для пріобрѣтенія сырыхъ матеріаловъ и для продажи мануфактурныхъ товаровъ. Установившійся такимъ путемъ широкій спросъ на ея текстильные и металлическіе товары не только служилъ стимуломъ къ новымъ изобрѣтеніямъ, но и давалъ возможность утилизировать многія усовершенствованія, которыя могутъ быть выгодны только для крупныхъ индустрій, имѣющихъ прочные и широкіе рынки.

Но наиболѣе важнымъ факторомъ, опредѣлявшимъ первенство Англіи, было политическое состояніе континентальной Европы именно въ тотъ періодъ, когда новыя машины и новая двигательная сила начали завоевывать довѣріе промышленнаго міра. Въ то время, какъ мюльная машина Кромптона, ткацкая машина Картрайта, изобрѣтеніе Уатта преобразовывали промышленность Англіи, ея континентальные соперники всѣ свои силы истощали въ войнахъ и полити-

ческихъ революціяхъ. Соединенные Штаты и Швеція были единственными болѣе или менѣе значительными коммерческими странами, которыя, будучи нейтральными, получили крупную непосредственную выгоду отъ европейской распри. Однако Англія, не смотря на огромную потерю крови и силъ, которой она подверглась, благодаря новой двигательной силѣ далеко опередила соперничество такихъ государствъ. Хотя ей и пришлось заплатить тяжелую цѣну за свое избавленіе отъ нашествія, но за то этимъ путемъ она обезпечила себѣ чрезвычайно передовое положеніе въ развитіи современнаго машиннаго производства [1]). До 1820 года всѣ карты игры были у нея въ рукахъ. Въ европейской торговлѣ ей принадлежала фактическая монополія быстро прогрессирующей хлопчатобумажной промышленности. Именно эта монополія, немилосердно примѣнявшаяся къ поддержанію цѣнъ на высокомъ доходномъ уровнѣ и пониженію заработной платы до голодовки рабочихъ, создали, въ эпоху крайняго и почти общаго обнищанія массъ, быстрыя и колоссальныя имущества хлопчатобумажныхъ королей. Волокнообработывающія и другія фабрики начали возникать на континентѣ не ранѣе, чѣмъ установился миръ, и много лѣтъ протекло, пока онѣ сдѣлались способными съ успѣхомъ соперничать съ Англіей. Швейцарія была первой континентальной страной, дѣятельно усвоившей новые пріемы. Обиліе водяной силы оказало ей хорошую услугу, и ея народъ болѣе охотно принялся за фабричную систему, чѣмъ въ другихъ странахъ. Франція медленнѣе подвигалась въ своемъ развитіи, не смотря на строгую покровительственную систему, посредствомъ которой она старалась, хотя и не съ большимъ успѣхомъ, не впускать англійскихъ хлопчатобумажныхъ товаровъ. Паденіе цѣнъ и прибыли въ англійской шерстяной промышленности между 1820 и 1830 г. ясно показываетъ разрушеніе англійской монополіи предъ дешевымъ трудомъ Эльзаса и дешевымъ сырымъ матеріаломъ Соединенныхъ Штатовъ, развившихъ теперь у себя фабрич-

---

[1]) Schulze-Gaevernitz, Der Grossbetrieb, p. 48.

ное производство съ новыми машинами[1]). Въ этой наиболѣе прогрессивной промышленности впервые ясно обнаружилась міровая конкурренція, которая теперь дѣйствуетъ въ тысячѣ различныхъ отраслей, умѣряя и уравнивая экономическія выгоды, и уже въ 1836 г. Юре находилъ, что континентальныя страны и Америка успѣшно конкуррируютъ съ Англіей на тѣхъ рынкахъ, которые раньше всецѣло принадлежали ей.

(c) Экономическія условія. Перемѣны въ земледѣліи Англіи, ростъ крупныхъ фермъ сгоняли большія количества англійскихъ крестьянъ въ города и доставляли обильное предложеніе дешеваго труда для новаго машиннаго производства.

Это движеніе ускорялось недостатками нашего землевладѣнія. Во Франціи и Германіи, гдѣ земледѣльческіе рабочіе имѣли болѣе сильный интересъ и собственность на свою землю, ихъ менѣе легко было оторвать для фабричныхъ цѣлей. Но въ Англіи, гдѣ рабочій не имѣлъ собственности на землю, измѣненія въ способахъ земледѣлія совмѣстно съ дѣйствіемъ законодательства о бѣдныхъ (Poor-Law) побуждали крупныхъ собственниковъ и фермеровъ избавляться отъ всякаго избыточнаго населенія въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ и ускоряли переселеніе въ города. Въ послѣднихъ населеніе размножалось съ невиданной раньше быстротой. Увеличеніе населенія въ Англіи и Валлисѣ въ теченіи 30 лѣтъ съ 1770 по 1800 считается въ 1.959.590 или 27,1%, тогда какъ въ теченіи слѣдующихъ 30 лѣтъ съ 1800 по 1830 оно равнялось 5.024.207 или $56^3/_5$%[2]). Это обиліе

---

[1]) Ellison, History of the Cotton Trade, даетъ слѣдующую любопытную таблицу (пряжа, 40 мотковъ въ фунтѣ).

	1779	1784	1779	1812	1830	1882
	ш. п.	ш. п.	ш. п.	ш. п.	ш. п.	ш. п.
Продажная цѣна .	16 0	10 11	7 6	2 6	1 $2^1/_2$	0 $10^1/_2$
Стоимость хлопка	2 0	2 0	3 4	1 6	0 $7^3/_4$	0 $7^1/_8$
Трудъ и капиталъ	14 0	8 11	4 2	1 0	0 $6^3/_4$	0 $3^3/_8$

[2]) Porter, Progress of the Nations, стр. 13. Цифры относительно XVIII-го столѣтія, впрочемъ, не заслуживаютъ довѣрія. Первая перепись была въ 1801 г.

дешеваго труда въ городахъ давало возможность лэнкаширскимъ и іоркширскимъ фабрикамъ расти съ поразительной быстротой. Истощеніе, причиненное наполеоновскими войнами, политическія смуты и отсутствіе безопасности, господствовавшія на континентѣ, задерживали очень долго еще дѣятельную конкуренцію другихъ европейскихъ странъ, отставшихъ отъ Англіи въ искусствѣ, знаніи и обладаніи рынками. Американскія мануфактуры, возникшія послѣ революціи, сдѣлали очень значительные шаги впередъ, но покореніе и заселеніе обширныхъ новыхъ площадей земли, чрезвычайныя удобства для производства сыраго матеріала замедляли быстроту ихъ роста долго еще послѣ начала нашего столѣтія. Дѣйствительно, не раньше, какъ около 1845 г., хлопчатобумажная промышленность сдѣлала быстрыя шаги въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ продолженіи предшествующихъ 12 лѣтъ прогрессъ былъ очень слабъ, но между 1845 и 1859 г. произошло очень существенное и, принимая въ соображеніе колебанія въ урожаяхъ хлопка, очень прочное возрастаніе [1]).

Другой крупной экономической выгодой, которой пользовалась Англія, было то обстоятельство, что она болѣе, чѣмъ какая либо другая европейская страна, разрушила старый промышленный строй съ его гильдіями, съ его сложными ограниченіями и консервативными пріемами. Личная свобода, безопасность собственности, свобода работать и жить, гдѣ и какъ нравится, существовали въ Англіи въ размѣрахъ, неизвѣстныхъ на континентѣ до французской революціи. Слѣдующая замѣтка о положеніи хлопчатобумажной промышленности въ Германіи въ XVIII столѣтіи можетъ дать представленіе о препятствіяхъ существовавшихъ для преобразованія способовъ производства. „Все здѣсь было регламентировано. Пряденіе совершалось подъ надзоромъ правительства, и пряжа собиралась чиновниками. Право заниматься ткачествомъ было привиллегіей членовъ гильдейскаго союза. Способы производства были опредѣлены съ

[1]) Ure, Philosophy of Manufacture. p, 531.

большой подробностью; правительственные инспектора производили контроль. За недостатки въ ткани подвергались наказанію. При этомъ право торговать хлопчатобумажными товарами было ограничено предѣлами братства гильдіи; быть хозяиномъ-ткачемъ имѣло почти значеніе общественной должности. Помимо другихъ требованій, обязательнымъ условіемъ была сдача очень строгаго экзамена. Самая торговля также находилась подъ строгимъ надзоромъ; въ теченіе долгаго времени господствовали фиксированныя цѣны и былъ установленъ максимумъ продажи для всякаго торговца. Торговецъ обязанъ былъ покупать свои товары у ткача, вслѣдствіе чего за нимъ обезпечивалась монополія продажи" [1]).

При такихъ условіяхъ новая машинная индустрія могла дѣлать лишь незначительные успѣхи. За исключеніемъ шерстяной промышленности, Англія по большей части почти уже избавилась отъ старыхъ регламентацій раньше 1770 г.. Въ частности хлопчатобумажная промышленность, находившаяся въ авангардѣ движенія, благодаря своему недавнему возникновенію и мѣстонахожденію внѣ гильдейскихъ городовъ, никогда не знала этихъ ограниченій и потому восприняла новый строй съ большей легкостью, чѣмъ старыя отрасли промышленности. Кромѣ того Англія была свободна отъ безчисленныхъ и обременительныхъ мѣстныхъ налоговъ и ограниченій, господствовавшихъ во Франціи и въ мелкихъ государствахъ Германіи. Хотя большая часть этихъ глупыхъ и вредныхъ регламентацій уже давно была уничтожена Германіей и другими континентальными странами, замедляющее вліяніе, которое онѣ оказывали совмѣстно съ развитой національной системой покровительства, продолжающей существовать и въ настоящее время, не давало развиваться здѣсь хлопчабумажной промышленности, такъ что въ Германіи она стоитъ еще на полъ-столѣтія позади Англіи [2]).

---

[1]) Schulze-Gaevernitz, Der Grossbetrieb, стр. 34.

[2]) Въ 1882 г. 42% германской волокнообработывающей промышлен-

Слѣдующія цифры показываютъ какъ существенно было первенство, занятое Англіей въ хлопчатобужной промышленности не задолго до средины текущаго столѣтія.

Количество веретенъ на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ въ 1846 году [2]).

Англія и Вализъ	15.554.619
Шотландія	1.727.871
Ирландія	215.503
Австрія и Италія	1.500.000
Франція	3.500.000
Бельгія	420.000
Швейцарія	650.000
Россія	7.585.000
Соединенные Штаты	3.500.000
Государства Таможеннаго Союза	815.000
	35.467.993

Развитіе хлопчатобумажной промышленности въ 1888 г. въ главныхъ промышленныхъ странахъ, на сколько о немъ можно судить по размѣрамъ потребленія сыраго хлопка, выражено на приложенной при семъ діаграммѣ (см. табл. III).

Наконецъ, весьма замѣтной выгодой для развитія машиннаго производства Англіи оказалась ея народно-хозяйственная политика. Благодаря расширенію фрахтовой торговли Англіи и увеличенію ея колоніальныхъ владѣній, ея

ности еще сосредоточивалось въ домашней мастерской и только 38% на фабрикахъ, занимающихъ болѣе 50 рабочихъ. Больше ткачей работало на ручныхъ, чѣмъ на механическихъ станкахъ, и послѣдніе были такъ мало развиты, что ручной станокъ могъ еще удержать свое господство въ приготовленіи многихъ предметовъ. Вязаніе, плетеніе кружевъ и другія мелкія отрасли обработки волокна еще теперь являются кустарными промыслами (Social Peace, стр. 113). „Тогда какъ въ Англіи въ 1885 г. каждая прядильная или ткацкая фабрика имѣютъ среднимъ числомъ 191 рабочаго, каждая прядильная фабрика въ Германіи въ 1882 г. имѣла среднимъ числомъ, только 10 рабочихъ“ (Brentano, Hours, Wages, aud Production, стр. 64).

[2]) Ure, Philosophy of Manufacture, стр. 515.

первоначальная покровительственная система создала для нея основаніе широкой сложной торговли съ наиболѣе отдаленными частями свѣта, хотя на время и искалѣчила нашу торговлю съ Европой. Хотя мы, безъ сомнѣнія, и жертвовали другими интересами этой политикѣ, все таки должно вообще признать что „англійская промышленность не могла бы такъ быстро прогрессировать безъ протекціонизма“ [1]). Но какъ созидали мы свою обработывающую промышленность посредствомъ *протекціонизма*, такъ сохраняли и усиливали ее, несомнѣнно, посредствомъ *свободной торговли*—прежде всего, путемъ пониженія тарифовъ на сырые матеріалы обработывающей промышленности и машиностроительства и, затѣмъ, путемъ свободнаго допущенія пищевыхъ припасовъ, являющихся первой необходимостью для страны, предназначенной спеціализироваться на обработывающей промышленности. Франція, главная наша соперница, обезсиливала свое положеніе двойной покровительственной политикой, не только отказывая въ допущеніи иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ на свои рынки, но и удерживая высокія пошлины на ввозъ иностраннаго каменнаго угля и желѣза, основныхъ составныхъ частей машиннаго производства. Эта покровительственная политика, усвоенная народами, искусство, промышленность и естественныя богатства которыхъ могло бы сдѣлать ихъ опасными соперниками англійскихъ фабрикантовъ, значительно уменьшаетъ дѣйствіе тѣхъ экономическихъ силъ, которыя побуждаютъ старыя и густо-населенныя страны спеціализироваться на обработывающей промышленности и торговлѣ и, такимъ образомъ, замедляетъ общее развитіе современнаго машиннаго производства. Но, хотя покровительственные тарифы неоспоримо дѣйствуютъ такимъ образомъ, въ то же время не возможно опредѣлить размѣры ихъ вліянія. Въ большой странѣ съ богатыми ресурсами возможна высокая степень спеціализаціи обработывающей промышленности, и не смотря на протективную политику. Давленіе высокой заработной платы есть экономиче-

---

[1]) Toynbee, Industrial Revolution. стр. 79.

ская сила, являющаяся болѣе могучимъ стимуломъ, чѣмъ какая бы то ни было другая, для примѣненія наиболѣе усовершенствованныхъ машинъ [1]). Какъ въ волокнообрабатывающей, такъ и въ желѣзной промышленности Соединенные Штаты представляютъ примѣры фабричнаго развитія болѣе передоваго даже, чѣмъ Англія. Нѣкоторые процессы тканья и размотки въ Америкѣ совершаются машиной, а въ Англіи все еще ручнымъ трудомъ. Производство цѣпочекъ и гвоздей, въ которомъ занято большое количество женщинъ въ Южномъ Стаффордширѣ и Ворчестерширѣ, совершаются дешевле машинами въ Америкѣ [2]). При этомъ болѣе высокій уровень жизненныхъ потребностей и большее искусство американскихъ рабочихъ даютъ имъ возможность управлять большимъ числомъ машинъ. На германскихъ фабрикахъ ткачъ наблюдаетъ за двумя или рѣдко за тремя станками; въ Лэнкаширѣ женщина—ткачъ управляетъ четырьмя, а въ Массачузетсѣ часто шестью станками, а иногда и восмью [4]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что новыя индустріальныя силы опредѣлялись въ послѣдовательности своего дѣйствія характеромъ и условіями различныхъ странъ, ихъ географическимъ положеніемъ и физическими свойствами, элементами расоваго характера, политическими и промышленными учрежденіями, экономической политикой и, особенно, всепоглощающими военными и политическими событіями, совпадавшими по времени съ разцвѣтомъ изобрѣтельности. Соединеніе этихъ силъ опредѣляло различныя линіи наименьшаго противодѣйствія, по которымъ двигалась новая индустрія.

---

1) Высоко развитое американское машинное производство часовъ представляетъ ясный примѣръ такого вліянія высокой заработной платы. Ср. Ср. Schulze-Gaevernitz, Social Peace, стр. 125.

2) Schoenhof, Economy of High Wages, стр. 279.

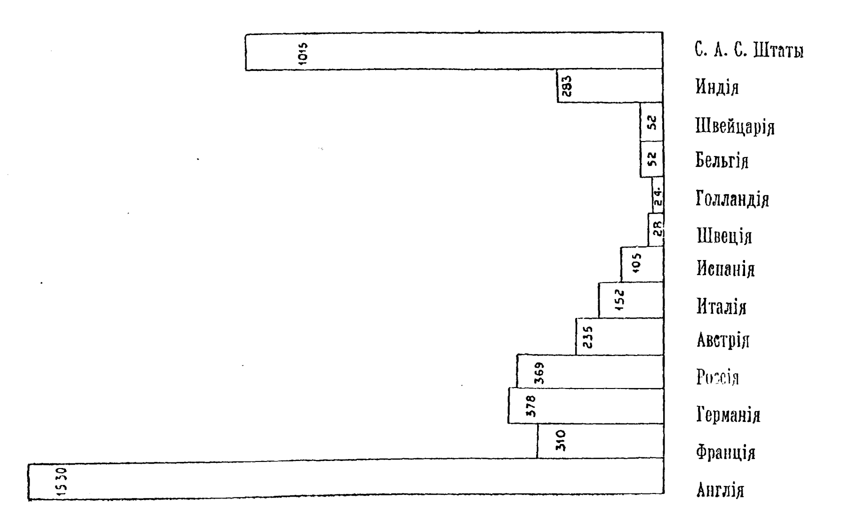
3) Ibid., стр. 225, 226.

4) Schulze-Gaevernitz, стр. 66 (примѣчаніе). Это тканье на шести или восьми станкахъ, впрочемъ, совершается съ гораздо меньшей быстротой.

(*Къ стр. 98*).

Потребленіе сырого хлопка, 1887—88.

(Милліоны фунтовъ).



Точное измѣреніе такой многоразличной силы невозможно. Прилагаемыя таблицы и діаграммы могутъ, впрочемъ, служить для нѣкотораго указанія прогресса различныхъ промышленныхъ странъ, измѣряемаго I) по развитію желѣзныхъ дорогъ и торговаго судоходства, II) по потребленію каменнаго угля и желѣза; III) по приложенію паровой силы; IV) по оцѣнкѣ ежегодной стоимости мануфактурныхъ издѣлій.

I. Сравнительное протяженіе желѣзныхъ дорогъ (въ миляхъ), съ 1840 по 1890.

	1840	1850	1860	1870	1880	1890
Соединенное королевство .	800	6.600	10.400	15.500	17.900	19.800
Континентъ Европы	800	7.800	21.400	47.800	83.800	110.200
Соединенные Штаты . . .	2.800	9.000	30.600	53.400	93.600	156.000
Индія	—	—	800	4.800	9.300	16.000
Австралія . .	—	—	200	1.200	5.400	10.100
Остальныя страны свѣта . .	—	—	2.800	5.500	18.400	42.300

Протяженіе желѣзныхъ дорогъ по отношенію къ площади и къ народонаселенію.

	Кв. миль.	Густота населенія на кв. милю. 1890.	Протяженіе жел. дорогъ. 1888.
Соедин. королевство	120.849	320	19.810
Франція	204.092	184	20.900
Германія	208.738	233	24.270
Россія	1.902.227	42	17.700
Австрія	240.942	166	15.610
Италія	110.623	260	7.830
Испанія	197.670	86	5.930
Португалія	34.038	136	1.100
Швеція	170.979	28	4.670
Норвегія	124.495	16	970

Данія	15.289	. .	133	. .	1.220
Голландія	12.648	. .	350	. .	1.700
Бельгія	11.373	. .	530	. .	2.760
Швейцарія . . .	15.976	. .	190	. .	1.870
Греція	25.041	. .	88	. .	370
Турція	65.909	. .	73	. .	900
Соед. Амер. Штаты (исключая Аляску и Индійскую територіи)	1.175.550	. .	21	. .	156.080
Японія	145.655	. .	2.74	. .	910
Индія	964.992	. .	2.29	. .	15.250
Австралія	3.030.771	. .	1.20	. .	10.140
Канада	3.315.647	. .	1.45	. .	12.700
Египетъ (культ. площадь)	12.976	. .	6.38	. .	1.260

Вмѣстимость торговыхъ судовъ въ тоннахъ.

	Паровыхъ.		Парусныхъ и паровыхъ.
Соединенное Королевство . .	5.369.952	. .	8.933.494
С. А. Соединенные Штаты . .	417.138	. .	1.936.252
Норвегія	221.202	. .	1.614.685
Германія	762.915	. .	1.417.063
Франція	500.516	. .	786.630
Италія	197.153	. .	786.137
Россія	140.036	. .	587.812
Испанія	219.259	. .	462.284
Швеція	124.177	. .	461.114
Голландія	171.175	. .	374.165
Греція	60.376	. .	341.400
Данія	112.652	. .	261.097
Австрія	100.573	. .	210.751

II. Потребленіе каменнаго угля и желѣза на каждаго жителя въ различныхъ странахъ.

	Желѣза фунты.		Каменнаго угля центн.
Соединенное Королевство	400	. .	72

Бельгія	310	. .	48
С. А. Соединенные Штаты	290	. .	40
Германія	204	. .	28
Швеція	170	. .	1
Франція	112	. .	16
Австрія	45	. .	11
Испанія	37	. .	2
Италія	22	. .	2
Россія	19	. .	2

IV. Оцѣнка ежегодной стоимости мануфактурныхъ издѣлій.

Австралія	41	ф. стер.
С. А. Соединенные Штаты	1443	„ „
Швейцарія	32	„ „
Бельгія	102	„ „
Голландія	35	„ „
Данія	26	„ „
Швеція	50	„ „
Норвегія	19	„ „
Португалія	18	„ „
Испанія	85	„ „
Италія	121	„ „
Австрія	283	„ „
Россія	363	„ „
Германія	583	„ „
Франція	485	„ „
Соединенное Королевство	820	„ „

ГЛАВА IV-я.

Структура современной промышленности.

§ 1. Возрастаніе размѣровъ промышленной единицы— предпріятія. Обращаясь еще разъ къ промышленной единицѣ—*предпріятію* и отъ него переходя къ *промышленности* и къ *рынку* или аренѣ соперничества, мы должны разсмотрѣть измѣненія, внесенныя дѣйствіемъ новыхъ промышленныхъ силъ въ строеніе и функціи ихъ.

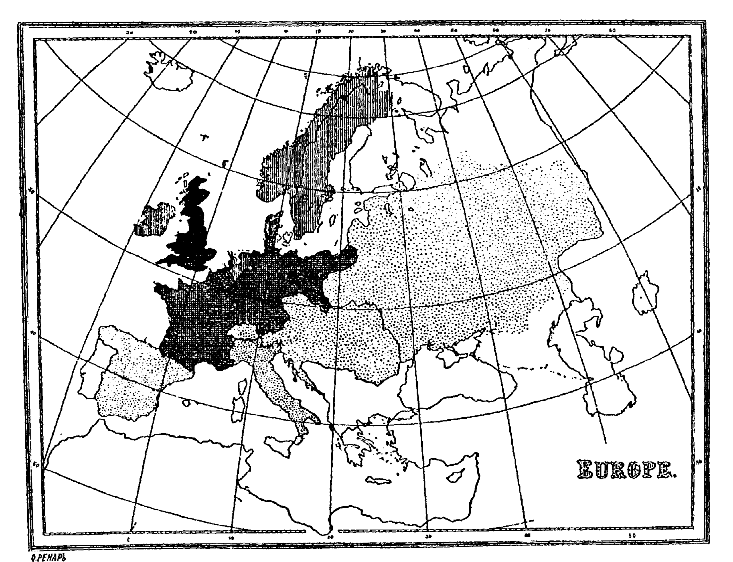
При разсмотрѣніи вліянія современнаго машиннаго производства на *предпріятіе*, наиболѣе очевиднымъ внѣшнимъ измѣненіемъ является большое увеличеніе въ размѣрахъ. Типичная единица производства уже не есть болѣе простая семья или небольшая группа лицъ, работающихъ съ помощью немногихъ дешевыхъ простыхъ инструментовъ надъ небольшимъ количествомъ матеріала, а тѣсно сплоченная и организованная масса труда, слагающаяся изъ сотенъ и тысячъ индивидовъ, сотрудничающихъ съ большимъ количествомъ дорогихъ и сложныхъ машинъ, черезъ которыя непрерывно проходитъ огромный объемъ сыраго матеріала на своемъ пути въ руки потребляющей публики.

Расширеніе въ массѣ труда и капитала, изъ которыхъ слагается промышленная единица, происходитъ однако не съ одинаковой быстротой въ различныхъ отрасляхъ промышленности.

Наибольшее возрастаніе обнаруживается въ двухъ категоріяхъ промысловъ. Первая—тѣ промыслы, которыя вслѣдствіе своей тѣсной зависимости отъ монополіи на землю или иной привиллегіи, устанавливаемой государствомъ или органами мѣстнаго самоуправленія, находятся внѣ свободной конкурренціи. Размѣръ предпріятія опредѣляется здѣсь сум-

Къ стр 104.

Примѣненіе паровой силы въ европейскихъ государствахъ.



Свыше 20 лошадиныхъ силъ на 100 жителей — черное.
10 " " " " — клѣтки.
7 " " " " — вертик. линіи.
3 " " " " — точки.
Меньше 3 " " " " — бѣлое.

мой капитала, необходимаго для достиженія наиболѣе выгоднаго уравненія цѣнъ спроса и предложенія при условіяхъ монополіи [1]. Въ эту категорію входятъ такія крупныя предпріятія, какъ желѣзныя дороги, газовыя и водопроводныя общества. Вторая—тѣ доступные свободному соперничеству промыслы, въ которыхъ наиболѣе велики чистыя выгоды производства въ широкомъ размѣрѣ сравнительно съ производствомъ въ маломъ размѣрѣ. Это, говоря вообще, такіе промыслы, въ которыхъ употребляются наиболѣе дорогія машины или гдѣ, какъ въ банковыхъ и финансовыхъ предпріятіяхъ, большой капиталъ обходится болѣе дешево и пользуется монополіей относительно извѣстныхъ выгодныхъ видовъ предпріимчивости.

Въ мелочной торговлѣ, гдѣ ни одна изъ этихъ силъ не обнаруживается такъ могуче, увеличеніе въ массѣ капитала и труда не столь велико, хотя и здѣсь также выгоды производства въ крупныхъ размѣрахъ даютъ все болѣе и болѣе преимуществъ универсальнымъ магазинамъ, и много мѣстныхъ лавокъ сосредоточивается въ рукахъ компаній. Крупные синдикаты капиталистовъ въ Смитфильдѣ держатъ мясныя лавки въ наиболѣе значительныхъ городахъ; торговля тканями, драгоцѣнными вещами, обувью все болѣе и болѣе переходитъ въ руки крупныхъ компаній: въ то же время все возрастаетъ количество такихъ торговцевъ табакомъ, колоніальными товарами, спиртными напитками, которые въ дѣйствительности являются только агентами большихъ капиталистическихъ фирмъ. Въ тѣхъ отрасляхъ земледѣлія, въ которыхъ наиболѣе успѣшно развилось употребленіе новыхъ машинъ, то же самое движеніе проявляется въ видѣ преобладанія крупныхъ арендъ. Это наблюдается повсюду, гдѣ земля сдѣлалась такой же составной частью собственности, какъ и другія формы капитала. Хотя мелкія фермы при извѣстныхъ условіяхъ еще способны доставлять крупный чистый, какъ и валовой доходъ, тѣмъ не менѣе препятствіемъ этому стремленію къ крупному арендованію по боль-

---

[1]) См. главу VI по этому вопросу.

шей части являются лишь ограниченія, поставляемыя закономъ, обычаемъ и чувствомъ свободному переходу земли.

Какъ бы то ни было, наиболѣе общее и быстрое возрастаніе единицы производства наблюдается въ обработывающей и транспортной промышленности. И главной внѣшней причиной здѣсь служитъ употребленіе машинъ. Преемниками извощичьихъ предпріятій и мелкаго судовладѣнія являются гигантскія желѣзнодорожныя и пароходныя общества. Размѣръ и цѣнность современной хлопчатобумажной фабрики, желѣзодѣлательнаго, сахарорафинаднаго или пивоареннаго завода несравненно больше, чѣмъ единицъ, изъ которыхъ слагались эти отрасли промышленности столѣтіе тому назадъ. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ съ высокоразвитымъ употребленіемъ машинъ размѣры предпріятій настолько расширились, что число самихъ предпріятій, не смотря на непрерывное возрастаніе количества производимыхъ ими продуктовъ, въ дѣйствительности уменьшилось. Въ волокнообработывающей промышленности въ числѣ прядильныхъ фабрикъ обнаруживается весьма замѣтное уменьшеніе между 1870 и 1890 г., при чемъ подобное же движеніе въ ткацкихъ фабрикахъ за это время лишь замедлялось вслѣдствіе того, что въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ отрасляхъ, какъ напр. въ тесемочномъ производствѣ, мелкіе мастера оказывались способными конкуррировать съ болѣе развитыми фабриками, и вслѣдствіе того, что въ такихъ отрасляхъ, какъ тканье лентъ въ Ковентри [1]), продолжаютъ существовать кустари, имѣющіе собственные станки и нанимающіе двигательную силу.

Слѣдующія статистическія данныя [2]) о хлопчатобумажной и шерстяной промышленности въ Великобританіи служатъ иллюстраціей возрастанія размѣровъ единицы производства въ этихъ главныхъ отрасляхъ обработки волокнистыхъ веществъ:

---

[1]) Report to Labour Commission on Employment of Women (1893), стр.

[2]) Statistical Abstract, 1878—92, стр. 182.

Хлопчатобумажная.

	Число фабрикъ					Число веретенъ.		
	Прядильныхъ.	Ткацкихъ.	Прядильно-ткацкихъ.	Прочихъ.	Всего.	Прядильныхъ.	Сучильныхъ.	Число ткацкихъ станковъ.
1870 . .	1.103	693	532	155	2483	33.995.221	3.723.537	440.676
1890 . .	935	990	438	175	2538	40.511.934	3.992.885	615.714
				Шерстяная.				
1870 . .	648	109	860	212	1829	2.531.768	160.993	48.140
1890 . .	494	124	895	280	1793	2.107.209	299.793	61.831

Увеличеніе числа веретенъ и ткацкихъ станковъ на средней волокнообработывающей фабрикѣ является еще болѣе многозначительнымъ, если принять во вниманіе возрастающую быстроту работы современныхъ машинъ. Увеличеніе размѣровъ промышленной единицы, если измѣрять его по ея производительности, гораздо больше, чѣмъ это рисуется приведенными выше стастистическими данными.

Шульце-Гэверницъ указываетъ, что въ тридцать лѣтъ съ 1856 по 1885 годъ, при увеличеніи числа фабрикъ только съ 2210 до 2633, число веретенъ возросло съ 28.010.217 до 44.348.921, число ткацкихъ станковъ—съ 298.847 до 560.955; а такъ какъ и веретена и станки работали въ 1885 г. гораздо быстрѣе, чѣмъ въ 1856 г., то количество выработки каждой фабрики увеличилось въ еще большей пропорціи [3]).

Обращаясь къ другой высоко развитой машинной промышленности—мукомольной, мы встрѣчаемъ подобное же движеніе. Мукомольныя мельницы уменьшились въ своемъ количествѣ и въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ. Періодъ 1884—86 обнаружилъ уменьшеніе въ числѣ мукомольныхъ мельницъ въ Соединенныхъ Штатахъ съ 25.079 до 18.267, хотя общая производительная сила этого умень-

---

[3]) Social Peace, стр. 126; См. также Brentano, Hours, Labour and Production, стр. 60.

шившагося числа возрасла весьма значительно. Г. Уэльсъ (Wells) находитъ ту же тенденцію вообще во всей обрабатывающей промышленности Соединенныхъ Штатовъ: „Въ промежутокъ отъ 1850 г. по 1860, число мануфактурныхъ фирмъ и корпорацій въ Соединенныхъ Штатахъ увеличилось съ 123.025 до 140.433, цѣнность же мануфактурныхъ произведеній возрасла съ 1.019.106.616 до 1.885.861.876 долл., такъ что въ это десятилѣтіе произошло увеличеніе на 17.408 предпріятій при увеличеніи на 866.755.000 д. въ цѣнности продуктовъ. Въ 1870 г. работало 252.148 фирмъ и корпорацій, производившихъ на 4.232.325.442 долл. мануфактурныхъ продуктовъ; слѣдовательно увеличеніе на 111.715 предпріятій въ десятилѣтіе 1860—1870 г. дало увеличеніе на 2.346.463.766 долл. въ цѣнности продуктовъ. Въ 1880 г. число мануфактурныхъ предпріятій достигло 253.852, стоимость произведенныхъ товаровъ—5.365.579.191 долл., т. е. прибавка только 1704 фирмъ и корпорацій сопровождалась увеличеніемъ продукта на 1.133.537.749 долл. Отсюда слѣдуетъ, что средняя производительность мануфактурнаго предпріятія въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1880 г. была на 60% больше, чѣмъ въ 1860 г. [1]).

§ 2. Относительное увеличеніе капитала и труда въ предпріятіи. Въ то время, какъ вообще возрастаетъ масса капитала и труда, составляющихъ предпріятіе, количество послѣдняго растетъ менѣе быстро, чѣмъ перваго. Это значитъ, что капиталъ по своимъ размѣрамъ становится все болѣе и болѣе господствующимъ факторомъ въ предпріятіи. Мы не будемъ здѣсь касаться вліянія этого явленія на экономическій характеръ и условія труда; этотъ вопросъ нуждается въ особомъ разсмотрѣніи. Здѣсь достаточно только отмѣтить происшедшее количественное измѣненіе. При домашней организаціи промышленности стоимость употребляемыхъ въ дѣло орудій равнялась обыкновенно заработной платѣ за нѣсколько мѣсяцевъ. Въ 1845 году Макъ-Куллокъ вычислилъ, что постоянный капиталъ въ хорошо устроенныхъ

---

[1]) Contemporary Review, 1889, стр. 394.

хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ достигалъ высоты двухлѣтней заработной платы одного рабочаго [1]). Въ 1890 г. профессоръ Маршаль опредѣляетъ основной капиталъ на хорошо оборудованной прядильной фабрикѣ въ 200 ф. ст или въ размѣрѣ пятилѣтней заработной платы на каждаго мужчину, женщину и ребенка [2]). Въ типичной современной промышленности—бумагопрядильной и ткацкой—увеличеніе размѣровъ идетъ непрерывно и быстро. Среднее число веретенъ и станковъ на одну фабрику было въ 1850 и въ 1885 г. слѣдующее:

	Веретенъ.	Ткацкихъ станковъ.
1850	10.858	155
1885	15.227	213

Но и эти цифры даютъ неполное представленіе о дѣйствительности, такъ какъ онѣ включаютъ въ себя значительное число фабрикъ стараго типа, на которыхъ пряденіе и тканье происходитъ вмѣстѣ. Если взять болѣе высоко спеціализировавшіяся прядильныя фабрики въ Ольдгэмскомъ округѣ, то среднее число веретенъ опредѣлится въ 65.000, при чемъ наиболѣе крупныя фабрики имѣютъ не менѣе 185.000 веретенъ. Точно также среднее число ткацкихъ станковъ въ Сѣверномъ Лэнкаширѣ равняется 600 при чемъ наибольшее число въ одномъ предпріятіи достигаетъ 4.500 [3]).

„Съ другой стороны, стоимость парохода является, можетъ быть, равноцѣнной десятилѣтнему или болѣе труду тѣхъ, кто на немъ работаетъ, а капиталъ почти въ 900.000.000 ф. ст., вложенный въ желѣзныя дороги въ Англіи и Валлисѣ представляетъ собою равноцѣнность почти двадцатилѣтняго труда 400.000 человѣкъ, занятыхъ работой на нихъ“ [4]).

Этотъ ростъ капитала въ промышленной единицѣ въ

---

[1]) Porter, Progress of the Nation, стр. 216.

[2]) Principles of Economics, 2-nd ed, стр. 282.

[3]) Schulze—Gaevernitz, Der Grossbesrieb, стр. 90.

[4]) Marshall, Principles of Economics, 2-nd ed., стр. 60.

значительной мѣрѣ, какъ мы знаемъ, вызывается введеніемъ большихъ и дорогихъ механизмовъ и другихъ орудій, представляющихъ характерное явленіе въ современномъ производствѣ. То обстоятельство, что современные способы являются въ значительной мѣрѣ средствомъ увеличенія количества продуктовъ, могло бы привести насъ къ предположенію, что росту постоянныхъ формъ капитала долженъ соотвѣтствовать ростъ и сырого матеріала или оборотной части капитала. Однако въ дѣйствительности этого нѣтъ. Въ наиболѣе высоко организованной индустріи все большая доля сбереженій получается отъ усовершенствованія способовъ обработки матеріала, имѣющаго цѣлью предупредить потери и, посредствомъ улучшенія качества труда и большаго совершенства обработки, получить большую чистую сумму продукта изъ даннаго количества сыраго матеріала.

Въ бумаго-прядильной промышленности, напримѣръ, съ 1834 г. отбросъ сыраго матеріала уменьшился съ 1/7 почти до 1/10; матеріалъ низшаго сорта, прежде не употреблявшійся въ дѣло, теперь примѣшивается къ лучшему хлопку и, что еще болѣе важно, современная машина, приспособленная къ пряденію болѣе тонкой пряжи, создала большое сбереженіе въ количествѣ матеріала, потребляемаго каждымъ веретеномъ. Во многихъ другихъ отрасляхъ наблюдается тотъ же самый процессъ, вслѣдствіе чего часть капитала, представляющая собой сырой матеріалъ, сокращается и напротивъ увеличивается та часть, которая состоитъ изъ машинъ и инаго постояннаго капитала.

Ростъ единицы капитала въ современномъ развитомъ мануфактурномъ предпріятіи сопровождается также и ростомъ единицы труда, хотя и не соотвѣтствующимъ ростомъ. Число рабочихъ въ предпріятіи становится больше по мѣрѣ того, какъ предпріятіе переходитъ въ ряды наиболѣе высокой промышленной организаціи. Въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1880 г. было высчитано, что среднее число рабочихъ въ мануфактурномъ предпріятіи для всей страны было нѣсколько менѣе 11, но въ главныхъ мануфактурныхъ штатахъ—Массачузетсѣ, Коннектикутѣ и Родъ-Исландѣ оно

равнялось 25, а въ Питсбургѣ, крупномъ центрѣ желѣзодѣлательной промышленности, оно было болѣе 33.

§ 3. Увеличеніе сложности и интеграціи структуры предпріятія. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ размѣровъ мы наблюдаемъ все большее и большее возрастаніе сложности структуры промышленной единицы. Послѣднее происходило въ двухъ направленіяхъ, въ длину и въ ширину, т. е. путемъ подраздѣленія и приращенія процессовъ, съ одной стороны, и путемъ увеличивавшагося разнообразія продуктовъ и, слѣдовательно, процессовъ, съ другой. Непрерывно растущая спеціализація постояннаго капитала и труда на нашихъ фабрикахъ и заводахъ есть общее явленіе. Знаменитая булавочная мануфактура Адама Смита съ ея десятью отдѣльными процессами, осталась далеко позади; въ современной сапожной мануфактурѣ въ Соединенныхъ Штатахъ—64 различныхъ процесса. Зерно, въ сложномъ механизмѣ паровой мукомольной мельницы, проходитъ черезъ рядъ различныхъ стадій—очистки, сортировки размолки, и т. д. Американскіе машинные часы есть продуктъ 370 отдѣльныхъ процессовъ. Организація современной волокнообработывающей фабрики устанавляетъ дюжину различныхъ процессовъ, относящихся къ пряденію или тканью бумаги или шелка. Безпрерывно сюда прибавляются новые процессы очистки, отдѣлки и украшенія. Вспомогательный процессъ упаковки, приготовленіе упаковочныхъ предметовъ, печатаніе этикетовъ и пр. также входитъ на многихъ фабрикахъ въ кругъ ихъ дѣятельности [1]). Многіе отрасли производства, которыми прежде занимались въ различныхъ мѣстахъ и которыя составляли отдѣльныя предпріятія, сгруппировалось вмѣстѣ подъ крышей фабрики, или, если еще и раздѣлены по мѣсту и исполняются отдѣльными машинами и силами, все та-

[1]) Предпріятіе г. Colman въ Норвичѣ обнимаетъ среди прочихъ слѣдующія вспомогательныя отдѣленія: бочарню, пильную мельницу, приготовленіе ящиковъ, упаковочную, выдѣлку бумаги, печатню, лабораторію. Въ наиболѣе высокоразвитыхъ предпріятіяхъ фарфоровыхъ и машинодѣлательныхъ нерѣдко присоединяются еще школы искусства и рисованія.

ки составляютъ часть одного и того же предпріятія и ведутся подъ тѣмъ же управленіемъ. Такъ на шерстяныхъ фабрикахъ предварительный процессъ сортировки и очистки, чесанія или кардованія, а также главные процессы прядeнія и тканья, валянія, окрашиванія и отдѣлки, изъ которыхъ каждый нѣкогда поручался отдѣльной и независимой группѣ рабочихъ, въ настоящее время происходятъ часто одновременно на одной фабрикѣ [1]. Такимъ образомъ множество мелкихъ отдѣльныхъ промышленныхъ единицъ, представляющихъ различныя стадіи въ производствѣ товара, группируются въ широкую сложную единицу.

Съ другой стороны, эта сложность возрастаетъ вслѣдствіе постояннаго запроса на разнообразіе размѣровъ, качества и характера благъ, совпадающаго съ возрастающимъ разнообразіемъ спроса на болѣе широкомъ рынкѣ. Должны изготовляться спеціальные виды товаровъ для Австраліи, для Египта, для Бирмана. Нецивилизованные покупатели, включая сюда такія страны, какъ Китай и Персія, требуютъ, чтобы ввозимые къ нимъ товары были приготовлены и упакованы въ извѣстной привычной имъ формѣ, хотя употребленіе или удобство этой формы уже давно оставлены. Условія сильной конкурренціи требуютъ постоянныхъ опытовъ съ новыми сортами товаровъ, чтобы извлечь выгоду изъ прихотей вновь открывшагося рынка или уничтожить производство конкуррента. Кромѣ того все болѣе важная роль, какую играетъ въ отрасляхъ промышленности съ наиболѣе сильной конкурренціей реклама, сопровождается весьма замѣчательнымъ послѣдствіемъ, которое на первый взглядъ кажется противорѣчащимъ возрастающей спеціализаціи или дифференціаціи функцій, обнаруживаемой современной промышленностью. Находя, что товары рекламируютъ одинъ другой, промышленники часто побуждаются вводить новыя отдѣленія въ свои предпріятія, расширяя ко-

---

[1]) Значительная часть очистки и чесанія въ суконной и шерстопрядильной промышленности все таки отдается на коммиссію крупными фирмами, напр., Листеромъ. Ср. Burnley, стр. 417.

личество и разнообразіе своихъ продуктовъ. Особенно широко дѣйствуетъ эта тенденція въ розничной торговлѣ. Современный колоніальный торговецъ продаетъ консервы, пирожное, вино, чайники, поздравительныя карточки, торговецъ сукнами продаетъ всѣ сорта товаровъ, служащихъ для убранства, продавецъ писчебумажныхъ вещей, масляная лавка, магазинъ фарфоровой посуды выставляютъ на продажу все бо́льшее и болѣе разнообразное количество различныхъ товаровъ, стремясь къ положенію универсальнаго торговца. Универсальные магазины представляютъ высшій пунктъ этого движенія въ розничной торговлѣ, возвращающійся къ расширенной и болѣе сложной формѣ первоначальной мелкой „общей лавкѣ“ деревни. Но то же самое экономическое соображеніе оказывается и въ нѣкоторыхъ видахъ обработывающей промышленности достаточно сильнымъ, чтобы перевѣсить выгоды расширенія предпріятія въ старой формѣ. Хозяйственныя преимущества производства въ крупныхъ размѣрахъ до извѣстнаго момента дѣлаютъ для мануфактуриста выгоднымъ употреблять весь капиталъ, находящійся въ его распоряженіи, на производство бо́льшаго количества одного и того же рода товаровъ. Но, когда рынокъ для этихъ товаровъ уже почти наполнился, производитель можетъ извлечь бо́льшую прибыль, пользуясь разнообразіемъ потребностей и предлагая новые виды товаровъ того же самого рода, чѣмъ стараясь завладѣть новыми рынками или увеличить продажу на старыхъ рынкахъ по столь пониженнымъ цѣнамъ, сколько позволяетъ возрастаніе размѣровъ производства. Дѣло гг. Гунтлей и Пальмеръ является выдающимся примѣромъ такого предпріятія, выработывающаго чрезвычайно разнообразные продукты и совершающаго множество процессовъ, которые, хотя и принадлежатъ къ одному роду, но охватываютъ все расширяющійся рядъ предметовъ роскоши въ области питанія. Новые продукты, которые начинаютъ производиться, не только естественно пожинаютъ ту выгоду, что прежніе продукты составили имъ уже фактическую рекламу, но, состоя въ значительной мѣрѣ изъ новой переработки того же самого вида сыраго ма-

теріала, даютъ возможность осуществить почти такую же экономію на покупкѣ и перевозкѣ, какой можно было бы ожидать и при производствѣ тѣхъ же самыхъ благъ въ большемъ количествѣ, при чемъ большая часть механизма управленія и самого производства можетъ быть утилизирована и для новыхъ продуктовъ. Это стремленіе не только умножать процессы въ производствѣ даннаго блага, но и увеличивать разнообразіе благъ, производимыхъ аналогичными процессами въ каждомъ отдѣльномъ предпріятіи дѣйствуетъ также въ нѣкоторыхъ видахъ текстильной и металлургической промышленности, въ которыхъ все бóльшая доля дорогихъ машинъ и искуснаго труда употребляется не для узко-специфическихъ процессовъ производства, а для созданія силы и для передачи ея къ позднѣйшему пользованію, совершающемуся посредствомъ спеціальнаго механизма. Вслѣдствіе этого на многихъ фабрикахъ возрастаетъ возможность браться за новые процессы и переносить употребленіе значительной части орудій отъ производства одного вида товаровъ къ другому виду.

„Большинство рабочихъ на фабрикѣ часовъ встрѣтятся съ машинами, весьма похожими на тѣ, къ которымъ они привыкли, если они забредутъ на ружейную фабрику или на фабрику швейныхъ машинъ или на фабрику машинъ для обработки волокна. Часовая фабрика съ тѣми, кто работалъ на ней, можетъ быть обращена безъ всякаго затрудненія въ фабрику швейныхъ машинъ“ [1]). Такимъ образомъ, въ эволюціи современнаго предпріятія мы видимъ не только множество процессовъ въ производствѣ блага, изъ которыхъ каждое составляло отдѣльную промышленную единицу при прежнемъ раздѣленіи труда, соединившимися въ огромное сложное цѣлое, но и растущее соединеніе аналогичныхъ процессовъ въ производствѣ различныхъ благъ, боковое усложненіе процесса. Такимъ образомъ, мы убѣждаемся, что увеличивающаяся сложность предпріятія—единицы, будемъ ли мы смотрѣть съ точки зрѣнія капитала или труда, въ значительной мѣрѣ

---

[1]) Marshall, Principles of Economics. 2 nd. ed. стр. 517.

проистекаетъ изъ возрастающей интеграціи производительнаго процесса. Предпріятіе—единица является болѣе широкой, болѣе разнородной и болѣе высоко интегрированной.

§ 4. Структура и размѣры рынка для различныхъ товаровъ. Восходя отъ предпріятія—единицы къ болѣе широкой единицѣ въ структурѣ промышленности, *рынку*, или группѣ прямо соперничествующихъ предпріятій, мы замѣтимъ, что здѣсь произошли такія же измѣненія. Разсматривая эти измѣненія, мы должны ясно усвоить отношеніе между *рынкомъ* и *промышленностью*. Простой фактъ, что два лица или группа лицъ въ различныхъ мѣстахъ занимаются одинаковыми процессами производства, т. е. однимъ и тѣмъ же промысломъ, не имѣетъ для насъ никакого значенія. Промышленность или совокупность производительныхъ единицъ извѣстнаго вида пріобрѣтаетъ индустріальное единство только тогда, если есть соперничество между единицами въ покупкѣ сырыхъ матеріаловъ, орудій и труда для совершенія ихъ производительныхъ процессовъ и въ продажѣ результатовъ ихъ дѣятельности. Ткачи хлопчатобумажныхъ товаровъ въ центральномъ Китаѣ занимаются той же самой отраслью промышленности, что и ткачи въ Лэнкаширѣ, и исполняютъ свою работу орудіями похожими на тѣ, которыя еще преобладаютъ въ деревенскихъ промыслахъ Франціи и Германіи, но та конкуренція, которая могла бы существовать между ними, такъ косвенна и слаба, что ею можно пренебречь при разсмотрѣніи промышленной структуры. Только въ конкуренціи на рынкѣ встрѣчаются предпріятія и вступаютъ въ жизненныя отношенія между собой Рынокъ есть названіе, даваемое множеству непосредственно конкурирующихъ предпріятій. „Экономисты понимаютъ родъ терминомъ рынокъ не особое рыночное мѣсто, гдѣ покупаются и продаются вещи, но совокупность области, въ которой покупатели и продавцы находятся въ такихъ свободныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, что и цѣны на одни и тѣ же товары стремятся легко и скоро уравниваться“[1]).

---

[1]) Cournot, Recherches sur les Principes Mathematiques

Вслѣдствіе этого существенное явленіе и отличительную черту рынка представляетъ собою единая конкурентная цѣна. Предпріятія, находящіяся въ такой тѣсной связи другъ съ другомъ, что цѣны, по которымъ они покупаютъ и продаютъ, однѣ и тѣ же или различаются только по причинѣ извѣстныхъ мѣстныхъ выгодъ или невыгодъ и въ соотвѣтствіи съ ними, являются членами одного рынка. Денежный рынокъ является единымъ рынкомъ для всего міра. Цѣна денегъ въ Лондонѣ, Римѣ, Ріо де Жанейро можетъ различаться, но это различіе будетъ соотвѣтствовать извѣстной разницѣ въ рискѣ. Здѣсь будетъ обнаруживаться тенденція къ единой цѣнѣ, или, другими словами, повсюду въ мірѣ, гдѣ 100 ф. ст. денегъ представляютъ одну и ту же полезность, та же самая цѣна будетъ уплачиваться за пользованіе ею, между тѣмъ какъ всякое различіе въ ея цѣнности, какъ полезности, будетъ точно отражаться на разницѣ въ цѣнѣ.

Абсолютная свобода сношеній является несущественной для образованія общаго рынка. Таможенные тарифы и другія выгоды и невыгоды могутъ ставить конкурентовъ на неравную почву. Кромѣ того, чтобы принять участіе на рынкѣ въ видѣ вліянія на опредѣленіе цѣны, предпріятію не нужно непремѣнно активно выступать на поле состязанія. Опасеніе возможной конкуренціи посторонняго лица часто держитъ цѣны на уровнѣ, выше котораго онѣ поднялись бы, если бы не было увѣренности, что такое поднятіе можетъ вызвать активную, дѣйствительную конкуренцію посторонняго. Англія пользовалась до послѣднихъ дней монополіею рынка для своихъ хлопчатобумажныхъ произведеніи въ нѣкоторыхъ восточныхъ странахъ, но цѣна, по которой она ихъ продавала, опредѣлялась возможностью соперничества французскихъ и германскихъ купцовъ не меньше, чѣмъ и непосредственной конкуренціей различныхъ англійскихъ фирмъ. Для нѣкоторыхъ товаровъ рынокъ имѣетъ то же значеніе, что и промышленность, т. е. мы

---

de la Theorie des Richesses (цитировано у Marshall, Principles of Economics, стр. 348).

имѣемъ міровой рынокъ. Таковъ случай со многими видами денегъ, наиболѣе абстрактной формы богатства и наиболѣе подлежащей соперничеству.

Торговцы биржевыми цѣнностями и драгоцѣнными металлами находятся въ активной постоянной конкуренціи во всѣхъ крупныхъ коммерческихъ центрахъ міра. Другіе главные товары, отличающіеся большой цѣнностью, прочностью, и способностью къ перемѣщенію, какъ драгоцѣнные камни, пшеница, хлопчатая бумага, шерсть, также имѣютъ во всѣхъ отношеніяхъ единый рынокъ.

Этотъ міровой рынокъ представляетъ собою наиболѣе полное развитіе, вызванное современнымъ механизмомъ транспорта и обмѣна; желѣзными дорогами, паровыми судами, газетами, телеграфомъ и системой кредита, основанной на этихъ матеріальныхъ орудіяхъ обмѣна и поддерживаемой ихъ помощью.

Площадь рынка для различныхъ товаровъ измѣняется въ зависимости отъ характера этихъ товаровъ, начиная отъ міроваго рынка для биржевыхъ цѣнностей до минимальнаго рынка, состоящаго изъ немногихъ сосѣднихъ фермеровъ, конкурирующихъ въ продажѣ своей перезрѣлой сливы или снятаго молока. Главными условіями, опредѣляющими площадь рынка, являются:

(a) *Размѣръ спроса.* Вещи универсальнаго или очень широкаго спроса, отличающіяся въ тоже время прочностью, какъ деньги, шерсть, пшеница, соперничаютъ на очень широкой площади. Вещи, спеціально приспособленныя ко вкусамъ или потребленію извѣстной мѣстности или небольшаго класса индивидовъ, будутъ имѣть узкій рынокъ. Это относится, напр., къ одеждѣ особеннаго покроя и къ многимъ родамъ производствъ, которыми изготовляется такое платье. Рынокъ для извѣстныхъ видовъ топографическихъ книгъ будетъ ограниченъ предѣлами страны, хотя для многихъ книгъ книжный рынокъ является міровымъ рынкомъ.

(b) *Способность къ перевозкѣ.* Даже если спросъ является далеко не общимъ, площадь рынка можетъ быть очень широка, если высокая цѣнность заключена въ маломъ

объемѣ. Курительный табакъ и болѣе высоко цѣнимыя вина и ликёры являются примѣрами этого рода. Рынокъ для обыкновеннаго кирпича является мѣстнымъ, тогда какъ портландскій мраморъ имѣетъ міровой рынокъ.

(c) *Прочность.* Прочные предметы и предметы, которые легко могутъ перевозиться съ помощью современныхъ средствъ быстраго сообщенія, имѣютъ широкій рынокъ. Легко портящіяся блага, какъ напр., многіе фрукты и овощи, имѣютъ по этой причинѣ узкій рынокъ.

§ 5. Машины непосредственно дѣйствуютъ на расширеніе площади рынковъ. Современныя машины почти во всѣхъ случаяхъ увеличивали размѣры рынка. Пространственная площадь конкуренціи расширилась въ огромныхъ размѣрахъ, особенно для болѣе прочныхъ видовъ благъ. Главнымъ образомъ виновникомъ этого расширенія является механизмъ транспорта, т. е. машины, употребляемыя для перевозки благъ и корреспонденціи. Болѣе дешевое, быстрое, безопасное и точное передвиженіе сжало пространство для цѣлей конкуренціи. Усовершенствованныя средства быстраго и благонадежнаго освѣдомленія о способахъ производства, рынкахъ, измѣненіяхъ въ цѣнахъ и промышленности практически уничтожили элементъ разстоянія.

Одинаково съ машинами, употребляемыми въ транспортѣ, и машины, употребляемыя въ производствѣ, имѣютъ уравнивающую тенденцію, которая непосредственно ведетъ къ расширенію площади конкуренціи. Такъ какъ развитіе знанія ставить каждую часть промышленнаго міра болѣе тѣсно en rapport съ остальными, то новѣйшіе и лучшіе способы производства усвоиваются болѣе быстро и съ большимъ успѣхомъ. Такимъ образомъ во всѣхъ производствахъ, гдѣ все меньше и меньше зависитъ отъ искусства рабочихъ и все больше и больше отъ качества машинъ, каждое измѣненіе, придающее бо́льшее значеніе послѣднимъ, стремится уравнивать издержки производства въ различныхъ странахъ и этимъ путемъ облегчать успѣшное соперничество.

§ 6. Расширеніе размѣровъ рынка по времени. Современные способы производства принесли съ собой значи-

тельное расширеніе размѣровъ рынка и по времени. Соперничество охватываетъ болѣе широкое количество не только пространства, но и времени. Производство уже не направляется качествомъ и количествомъ только теперешнихъ нуждъ, но все болѣе и болѣе зависитъ отъ расчетовъ на будущее потребленіе. Все болѣе значительная часть мыслительной силы дѣловаго люда посвящается предугадыванію будущихъ условій рынка, и все болѣе значительная часть механическаго и человѣческаго труда употребляется на созданіе будущихъ благъ въ соотвѣтствіи съ предположеннымъ спросомъ. Такое расширеніе рынка по времени или ростъ спекулятивнаго производства является отчасти причиной, отчасти результатомъ усовершенствованныхъ механическихъ пріемовъ въ производствѣ и транспортировкѣ. Умноженіе производительной силы при новыхъ машинахъ во многихъ отрасляхъ промышленности далеко обогнало требованія теперешняго извѣстнаго потребленія по достаточно выгоднымъ цѣнамъ, между тѣмъ какъ увеличеніе знакомства съ болѣе широкимъ рынкомъ дало основаніе для расчетовъ, которые побуждаютъ фабрикантовъ утилизировать свою излишнюю производительную силу на производство для будущаго спроса. Пока индустрія ограничивалась трудомъ человѣческаго персонала, получавшаго только слабую помощь со стороны естественныхъ силъ и работавшаго простыми инструментами, продуктъ производительной энергіи рѣдко могъ опережать текущій спросъ на потребляемыя блага.

Но машины перемѣнили все это. Современныя промышленныя страны способны производить предметовъ потребленія гораздо больше, чѣмъ желаютъ потреблять тѣ, кто имѣетъ для этого возможность. Отсюда проистекаетъ непрерывно возрастающій излишекъ производительной силы, сравнительно съ количествомъ благъ, нужныхъ для теперешняго потребленія.

Этотъ излишекъ производительной силы сберегается. Онъ можетъ быть сбереженъ только путемъ превращенія въ извѣстныя матеріальныя формы, которыя потребны не для

непосредственнаго потребленія, но для содѣйствія увеличенію размѣра, въ какомъ могутъ быть производимы предметы потребленія въ будущемъ. Чтобы дать мѣсто этимъ новымъ формамъ сбереженія, необходимо введеніе все большаго количества механическихъ процессовъ между первоначальнымъ добывающимъ процессомъ, который извлекаетъ сырой матеріалъ изъ земли, и конечнымъ или распредѣлительнымъ процессомъ, который помѣщаетъ его въ руки потребителя. Примѣняются новые механическіе аппараты, болѣе сложные и дорогіе, устраиваются спеціальныя фабрики съ машинами для производства этихъ механическихъ аппаратовъ, затѣмъ другіе механическіе аппараты для приготовленія этихъ машинъ, развивается механизмъ кредита, распространяется система агентовъ и представителей, усвоиваются новыя способы рекламы. Такимъ путемъ обезпечивается все расширяющееся поле для свободной энергіи машиннаго производства. Измѣненіе это обыкновенно выражается словами, что производство является болѣе „окольнымъ“ („roundabout“). Болѣе значительное количество ступеней вносится въ лѣстницу производства. Тѣмъ не менѣе вовсе не эта увеличивающаяся сложность въ механизмѣ производства является пунктомъ центральной важности. Мы должны признать, что измѣненіе заключается въ сущности въ увеличеніи спекулятивнаго характера промышленности. Окольный способъ производства обозначаетъ постоянное возрастаніе части производительныхъ силъ, посвящаемой на производство „будущихъ“ благъ сравнительно съ посвящаемой на изготовленіе „теперешнихъ благъ“. Но будущія блага, орудія, машины, сырой матеріалъ товаровъ суть въ сущности „случайныя блага“; выгодность ихъ или убыточность зависитъ въ широкихъ размѣрахъ отъ условій, еще не существующихъ: ихъ общественная полезность и основанная на ней цѣнность зависитъ всецѣло отъ будущихъ средствъ и желаній тѣхъ неизвѣстныхъ лицъ, которыя ожидаются для пріобрѣтенія и потребленія товаровъ, имѣющихъ явиться на свѣтъ, какъ результатъ существованія и дѣятельности этихъ будущихъ благъ.

Дѣйствительное время, проходящее между добывающей стадіей и конечной распредѣлительной стадіей товара сможетъ быть не больше, а во многихъ случаяхъ оказывается гораздо меньшимъ при новыхъ способахъ производства. Сырой хлопокъ Южной Каролины попадаетъ въ руки потребителя гораздо скорѣе, чѣмъ полтора столѣтія тому назадъ. Но, если мы прибавимъ количество времени, затраченнаго на изготовленіе различныхъ формъ сложныхъ орудій и машинъ, полезность которыхъ всецѣло заключается въ содѣйствіи производству этихъ хлопчатобумажныхъ произведеній и существованіе которыхъ въ промышленномъ механизмѣ только этимъ содѣйствіемъ и обусловливается, мы поймемъ, что „окольный" способъ обозначаетъ большое расширеніе спекулятивнаго элемента или элемента времени на рынкѣ [1]).

§ 7. Взаимная зависимость между рынками. Возрастающая взаимная зависимость между отраслями промышленности и рынками, все болѣе тѣсное сродство, существующее между ними, увеличивающаяся быстрота, съ которымъ движеніе, чувствуемое на одномъ, сообщается другимъ— составляютъ другую рѣзкую характерную черту современной промышленности. Эта взаимная зависимость является въ значительной мѣрѣ одной изъ сторонъ возрастающаго внутренняго сцѣпленія между отраслями промышленности и рынками, нѣкогда находившимися въ слабыхъ и отдаленныхъ отношеніяхъ. Прежде земледѣліе было единственной важной основной промышленностью, и, вслѣдствіе неразвитости системы средствъ сообщенія, жизненныя связи и единство, въ немъ существовавшія, были скорѣе мѣстнаго, чѣмъ національнаго или международнаго характера. Въ настоящее время земледѣльческая промышленность уже не занимаетъ долѣе первенствующаго мѣста. Каменноугольная и желѣз-

---

[1]) Профессоръ Бемъ-Баверкъ доказываетъ, что это увеличеніе времени производства является существенной характерной чертой капиталистическаго производства. См. Positive Theory of Capital.

ная промышленности, занятыя доставленіемъ сыраго матеріала для машинъ и пароваго двигателя, фабрикація машинъ и транспортная дѣятельность являются общими кормильцами и регуляторами всѣхъ отраслей промышленности, включая сюда и земледѣліе. Онѣ образуютъ систему, соотвѣтствующую питательной системѣ человѣческаго организма, всякое оживленіе или ослабленіе функціональной дѣятельности которой прямо и быстро сообщается различнымъ частямъ. Разстройство въ цѣнахъ, успѣшности или регулярности производства въ этихъ основныхъ промышленностяхъ отражается сразу и автоматически на различныхъ промышленностяхъ, занятыхъ производствомъ и распредѣленіемъ различныхъ товаровъ. Все болѣе и болѣе признается, что именно горное и металлургическое дѣло, кораблестроеніе и желѣзнодорожный транспортъ создаютъ истинное мѣрило и характерный признакъ современной промышленности; ихъ трудъ все въ большей и большей пропорціи входитъ въ производство всѣхъ предметовъ потребленія.

Кромѣ общей интеграціи или объединенія промышленности, обусловливаемой общей зависимостью спеціальныхъ отраслей ея отъ этихъ крупныхъ индустрій, существуютъ и другія силы, ведущія къ интегрированію группъ промышленностей. Первѣйшей изъ нихъ является „окольный“ способъ производства, на который уже было выше обращено наше вниманіе. Эта капиталистическая система не только ставитъ множество индустрій и процессовъ подъ контроль единаго капитала, какъ одно сложное предпріятіе, но и установляетъ полное тожество промышленной жизни и интересовъ между предпріятіями, индустріями и рынками, которыя съ точки зрѣнія собственности и управленія могутъ оставаться совершенно самостоятельными.

§ 8. Родственныя и антагонистическія отношенія между отраслями промышленности. Если мы возмемъ совокупность капитала и труда, составляющихъ какую либо изъ нашихъ главныхъ производительныхъ индустрій, мы найдемъ, что она находится въ четырехъ различныхъ видахъ отношеній ко множеству другихъ индустрій.

1. Есть много промысловъ, которые находятся между собой въ отношеніи координаціи, т. е. занимаются болѣе ранними или болѣе поздними процессами въ производствѣ однихъ и тѣхъ же предметовъ потребленія. Такъ производство обуви находится въ отношеніи координаціи со ввозной торговлей кожами и дубильными веществами, выдѣлываніемъ кожъ, экспортной торговлей обувью и розничной продажей ея. Общее теченіе продукта направляется чрезъ эти различные процессы и, хотя съ точки зрѣнія собственности и управленія между ними можетъ не быть связи, здѣсь есть полное тожество промышленныхъ интересовъ и живое сродство коммерческой жизни на этихъ различныхъ пунктахъ.

2. Каждая значительная обработывающая промышленность имѣетъ множество отраслей, которыя по отношенію къ ней являются второстепенными, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, находясь въ тѣхъ же отношеніяхъ ко множеству другихъ индустрій, онѣ могутъ быть сами по себѣ крупными и значительными. Въ большихъ волокнообработывающихъ центрахъ встрѣчается множество менѣе важныхъ промысловъ: строгальщики, пильщики, токари, кузнецы, занятые нерегулярной работой измѣненія и ремонта орудій и машинъ на волокнообработывающихъ фабрикахъ. Тоже самое имѣетъ мѣсто во всѣхъ важныхъ отрасляхъ мануфактурной промышленности, особенно тѣхъ, которыя тѣсно локализованы.

Нѣсколько похожее отношеніе существуетъ между мануфактурами, занятыми производствомъ главной части продукта, и меньшими промыслами, доставляющими извѣстныя менѣе важныя и по существу дополнительныя части. Въ отношеніи главныхъ индустрій обработки волокна и приготовленія платья, производство пуговицъ, тесьмы, пера и другихъ элементовъ украшенія или отдѣлки можетъ разсматриваться, какъ дополнительное. Такимъ же образомъ производство обой или окраска домовъ могутъ разсматриваться, какъ дополнительныя для строительнаго промысла, приготовленіе ваксы—для фабрикаціи обуви. Эти дополнительные промыслы находятся въ болѣе или менѣе тѣсной

связи съ главнымъ и испытываютъ на себѣ болѣе или менѣе сильное вліяніе положенія послѣдняго, въ зависимости отъ того, на сколько доставляемые ими дополнительные элементы являются болѣе или менѣе необходимыми сами по себѣ. Производство мѣха и пера находится въ гораздо большей зависимости отъ прямаго вліянія моды, чѣмъ отъ измѣненія цѣнъ или характера въ главныхъ отрасляхъ производства платья. Напротивъ, причина, оказывающая значительное вліяніе на цѣну сахара, должна оказывать большое и непосредственное вліяніе на производство варенья; поэтому же поднятіе цѣны на жесть, вызванное тарифомъ Макъ-Кинлея, причинило серьезныя опасенія Чикагскимъ производителямъ и экспортерамъ консервовъ.

3. Отношенія между крупной артеріеподобной промышленностью, какъ добываніе угля, желѣзнодорожный транспортъ или приготовленіе машинъ, и какой либо специфической промышленностью могутъ разсматриваться, какъ вспомогательныя. Размѣръ, въ которомъ цѣна угля, желѣзнодорожная ставка и т. п., входитъ въ цѣну благъ и образуетъ условіе выгодности въ промыслѣ, является мѣриломъ близости этой вспомогательной связи. Въ чугунно-плавильной промышленности, паровомъ транспортѣ, даже въ производствѣ фарфора, роль, принадлежащая углю, такъ значительна, что отношеніе представляетъ скорѣе отпечатокъ основной, чѣмъ вспомогательной связи, т. е. добываніе угля должно считаться находящимся въ координаціи съ плавленіемъ чугуна. Но, гдѣ теплота является не непосредственнымъ дѣятелемъ въ производствѣ, а только необходима для приведенія въ дѣйствіе пароваго двигателя, какъ на волокнообработывающихъ фабрикахъ, тамъ связь можетъ быть названа вспомогательной.

4. Между нѣкоторыми отраслями промышленности существуетъ отношеніе „сродства" въ томъ смыслѣ, что товары, ими производимые, обращаются къ тѣсно связаннымъ между собою вкусамъ или являются членами группы, потребленіе которой происходитъ въ гармоническомъ отношеніи. Такъ въ пищевыхъ продуктахъ мы имѣемъ извѣстныя отношенія

между хлѣбомъ, масломъ и сыромъ, отношенія, въ которыхъ сахаръ и соль находятся къ большому количеству предметовъ потребленія. Одни изъ нихъ являются естественными отношеніями въ томъ смыслѣ, что одно благо доставляетъ коррективъ какому нибудь недостатку въ другомъ или что соединеніе благъ повышаетъ удовлетвореніе или выгоду, которыя могли бы явиться отъ потребленія каждаго въ отдѣльности. Въ другихъ случаяхъ связь болѣе условна, какъ напр., между алкоголемъ и табакомъ. Страсть человѣка къ спорту обусловливаетъ тѣсную сродственную связь между многими отраслями промышленности. То же самое имѣетъ мѣсто по отношенію къ литературнымъ, художественнымъ и другимъ вкусамъ, которые одновременнымъ спросомъ на предметы различныхъ отраслей промышленности въ извѣстной пропорціи, опредѣляемой гармоничествомъ удовлетвореніемъ ихъ желаній, ставятъ эти отрасли въ родственныя группы [1]). Эти четыре рода связей отмѣчаютъ тожество интересовъ между различными отраслями промышленности.

Иногда же отношенія принимаютъ видъ борьбы или соперничества между отраслями промышленности. Когда одна и та же услуга можетъ быть доставлена двумя или болѣе различными товарами, производства ихъ оказываются въ отношеніяхъ непосредственнаго соперничества. Наиболѣе обыденный примѣръ такого взаимоотношенія представляютъ керосинъ, газъ и электричество, въ качествѣ освѣтительныхъ матеріаловъ. Многія отрасли, производящія товары, хотя и похожіе, но далеко не тожественные по существу, чувствуютъ эту враждебность отношеній очень сильно. Соперничество между различными видами пищевыхъ продуктовъ, которые —въ различныхъ видахъ своихъ и въ различныхъ степеняхъ удовлетворенія—могутъ вызвать одинъ и тотъ же матеріальный результатъ, между рыбой и мясомъ, между различными родами овощей и напитковъ—даетъ намъ возмож-

[1]) Подробное и цѣнное разсмотрѣніе этихъ гармоническихъ отношенійсъ точки зрѣнія потребленія и производства см. у Patten'a Economics of a Dynamic Lociety.

ность составить нѣкоторое представленіе о сложности отношеній этого рода. Въ предметахъ одѣянія мы имѣемъ антагонизмъ интересовъ между различными фабрикатами, который вызвалъ крупныя промышленныя измѣненія. Наиболѣе замѣчательный фактъ—это распространеніе хлопка, его тріумфъ надъ шерстяными тканями, вслѣдствіе болѣе ранняго примѣненія новыхъ машинъ, и надъ шелкомъ, вслѣдствіе болѣе ранняго усовершенствованія процессовъ окраски и печатанія [1]). Еще въ недавніе годы въ соперничествѣ между напитками, чай, и въ меньшей мѣрѣ, какао, существенно повредили росту производства кофе, по крайней мѣрѣ, на сколько дѣло касается потребленія Англіи. Гдѣ существуетъ такая борьба, промышленность можетъ подвергаться могучему и непосредственному вліянію какъ силы, дѣйствующей прямо на нее, такъ и силы, оказывающейся благопріятной или неблагопріятной для ея соперницы.

§ 9. Національная и мѣстная спеціализація въ промышленности. Ростъ многочисленныхъ и прочныхъ органическихъ связей между различными промыслами и рынками, находящимися въ различныхъ мѣстностяхъ, обусловливаетъ существованіе широкой системы каналовъ сообщенія въ нашемъ промышленномъ обществѣ. Увеличеніемъ числа и сложности этихъ каналовъ, связующихъ различные рынки и предпріятія и касающихся наиболѣе далеко отстоящихъ другъ отъ друга классовъ потребителей, мы можемъ измѣрять эволюцію промышленнаго организма. По этимъ каналамъ струится теченіе современной промышленной жизни, которое своей быстротой, продолжительностью и регулярностью представляетъ противоположность слабому, короткому, спазмадическому теченію торговли въ прежнія времена. Этотъ прогрессъ въ функціональной дѣятельности торговли выраженъ Спенсеромъ въ слѣдующихъ словахъ: „Въ старые времена Англіи главнымъ средствомъ распредѣленія являлись крупныя ярмарки, ежегодныя и другія, которыя сохраняли

---

[1]) Porter, Progress of Nations, стр. 177—206.

свое значеніе вплоть до 17-го вѣка, когда не только деревни, но и небольшіе города, не имѣвшіе лавокъ, нерегулярно снабжались разнощиками, пріобрѣтавшими свои запасы на этихъ сборищахъ. Паралельно съ увеличеніемъ населенія, расширеніемъ промышленныхъ центровъ и улучшеніемъ каналовъ сообщенія дѣлалось легче и мѣстное снабженіе, и частые базары все болѣе и болѣе стали выполнять задачи рѣдкихъ ярмарокъ. Впослѣдствіи на главныхъ площадяхъ и для главныхъ товаровъ базары умножались, дѣлаясь въ нѣкоторыхъ случаяхъ ежедневными. Наконецъ явилась постоянная торговля, такъ что возникъ ежедневный утренній подвозъ въ каждый городъ нѣкоторыхъ пищевыхъ продуктовъ, а молока—болѣе, чѣмъ разъ въ день. Переходъ отъ времени, когда передвиженіе людей и благъ между мѣстностями было частичнымъ, медленнымъ и рѣдкимъ, ко времени, когда начали ходить черезъ промежутки въ нѣсколько дней общественныя кареты, дѣлавшія по четыре мили въ часъ, и затѣмъ ко времени, когда онѣ сократили свои промежутки и увеличили свою быстроту, кончая нашимъ временемъ, когда по каждой желѣзнодорожной линіи движутся полнымъ ходомъ дюжина поѣздовъ ежедневно, достаточно показываетъ намъ, какъ общественное обращеніе прогрессируетъ отъ слабыхъ, медленныхъ, нерегулярныхъ движеній къ быстрому, регулярному и могучему пульсу“ [1]).

Дифференціація функцій въ различныхъ частяхъ промышленнаго организма находитъ частичное выраженіе въ локализаціи извѣстныхъ отраслей индустріи. По мѣрѣ того, какъ возрастало раздѣленіе труда между индивидами и группами индивидовъ, расширеніе площади конкурренціи приносило съ собой все болѣе и болѣе широкое развитіе мѣстной спеціализаціи.

Вообще говоря, Западъ Европы и Америки спеціализировался на обработывающей промышленности, получая все бо́льшую долю своихъ пищевыхъ припасовъ изъ сѣверо-западныхъ штатовъ Америки, изъ Россіи, балтійскихъ про-

---

[1]) Principles of Sociology, vol. I, стр. 500 (3 rd edit.).

винцій, Австраліи, Египта, Индіи и пр. и сырые матеріалы для своихъ мануфактуръ изъ южныхъ Соединенныхъ Штатовъ, Южной Америки, Индіи и пр., тогда какъ эти послѣднія страны остановились на соотвѣтствующей спеціализаціи въ земледѣліи и другихъ добывающихъ отрасляхъ промышленности. Если мы возьмемъ только Европу, то замѣтимъ извѣстныя крупныя отличительныя черты, которыя отмѣчаютъ Балтійскую торговлю, Черноморскую торговлю, Дунайскую торговлю. Норвежскую и Бѣломорскую торговлю. Точно также азіатская торговля распадается на извѣстныя довольно опредѣленныя подраздѣленія по мѣстности, какъ Левантская торговля, торговля Краснаго моря, Индійская, Проливовъ, Остъ-индская, Китайская торговля и пр. Вся промышленность міра раздѣляется такимъ образомъ для коммерческихъ цѣлей[2]). Хотя эти промышленныя подраздѣленія первоначально вызывались скорѣе соображеніями транспорта, чѣмъ характеромъ производства, однако географическіе, климатическіе и другіе естественные факторы, опредѣляющіе подходящія линіи транспорта, оказываются имѣющими важное вліяніе и на характеръ производства, и удобство транспорта само въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ опредѣленію видовъ труда, которому посвящаетъ себя каждая часть міра.

Образованіе міроваго рынка для все болѣе и болѣе широкаго количества товаровъ преобразовываетъ съ изумительной быстротой промышленный обликъ міра. Это преобразованіе не представляется теперь такимъ очевиднымъ въ болѣе высоко развитыхъ странахъ Европы, которыя, подъ вліяніемъ полуторавѣковаго почти свободнаго соперничества изъ-за европейскаго рынка, уже раньше прочно усвоили достаточно выработавшіяся условія спеціализировавшейся промышленности. Но въ Новомъ Свѣтѣ и въ тѣхъ старыхъ странахъ, которыя теперь быстро поддаются вторженію машиннаго производства и транспорта, процессъ спеціализаціи дѣлаетъ быстрые шаги впередъ.

---

[2]) См подробное описаніе подраздѣленіи національной торговли у Dr. Yeats'a, The Golden Gates of Trade.

Усовершенствовавшееся знаніе міра, легкое сообщеніе, огромное увеличеніе подвижности капитала и значительное увеличеніе подвижности труда дѣятельно содѣйствуютъ распредѣленію міроваго производства въ соотвѣтствіи съ извѣстными господствующими естественными условіями. Тѣ промышленныя силы, которыя въ теченіе послѣднихъ полутора столѣтій дѣйствовали въ Англіи, вычерпывая населеніе и промышленность изъ южныхъ и восточныхъ графствъ и сосредоточивая его въ широкихъ размѣрахъ въ Лэнкаширѣ, Вестъ-Райдингѣ, Стэффордширѣ и около Нортумбріанскихъ и Ю. Валисскихъ каменоугольныхъ копей, спеціализируя каждый городъ или мѣстность на какой нибудь одной отрасли волокнообработывающей, металлургической или иной промышленности, для которой эти мѣстности оказывались наиболѣе пригодными по своей почвѣ, положенію или другимъ естественнымъ выгодамъ, теперь начинаютъ расширять площадь своего вліянія на всю поверхность извѣстнаго и населеннаго земнаго шара.

По мѣрѣ того, какъ обширныя пространства Азіи, Южной и Центральной Африки, Австралія и Южная Америка подпадаютъ подъ вліяніе европейскихъ промышленныхъ націй, открываются для пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и становятся свободнымъ вмѣстилищами для все большаго количества капитала, который не можетъ найти безопаснаго и доходнаго помѣщенія ближе къ дому, мы приближаемся къ такому состоянію, при которомъ на всей поверхности міра промышленная дѣятельность будетъ направляться тѣми же самыми силами, которые долго ограничивались въ своемъ непосредственномъ и могучемъ вліяніи небольшой частью западной Европы и Америки. Это огромное расширеніе площади активной конкуренціи начинаетъ спеціализировать промышленность на базисѣ міроваго рынка, тогда какъ прежде она спеціализировалась на болѣе ограниченномъ базисѣ національнаго или провинціальнаго рынка. Такъ большія измѣненія произошли въ Англіи, гдѣ въ прежнее время внѣшнее соперничество оказывало чрезвычайно слабое вліяніе на спеціализацію машин-

наго производства. Часть нашей волокнообработывающей и металлургической промышленности, которая естественно расположилась въ округахъ Лэнкашира, Іоркшира и Стэффордшира, пока площадь соперничества была только національной [1]), повидимому переселилась въ Индію, Германію или куда нибудь въ другое мѣсто теперь, когда установилось почти свободное соперничество на базисѣ міровой промышленности. Является неизбѣжнымъ, чтобы съ каждымъ расширеніемъ площади соперничества, подъ которое подпадаетъ мѣстность, измѣнялся и характеръ ея спеціализаціи. Кусокъ англійской земли, который употреблялся для посѣва хлѣбовъ, когда рынкомъ былъ округъ со своимъ центромъ—городомъ графства, становится маленькимъ фабричнымъ городкомъ, когда соперничество устанавливается на національномъ базисѣ; онъ можетъ сдѣлаться дачей удалившагося отъ дѣлъ милліонера спекулятора, еслибъ подъ давленіемъ міровой конкурренціи послѣдній нашелъ, что мануфактура, которая теперь преуспѣваетъ, можетъ съ большей выгодой идти въ Бомбеѣ или Нанкинѣ, гдѣ каждая единица труда можетъ быть пріобрѣтена по гораздо болѣе дешевой цѣнѣ или гдѣ можетъ быть сдѣлано какое нибудь сбереженіе на перевозкѣ сыраго матеріала.

§ 10. Условія, опредѣляющія размѣщеніе промышленности при міровомъ соперничествѣ. Вопросъ, какъ размѣстилась бы промышенность при предположеніи, что вся поверхность земнаго шара обращена въ одинъ рынокъ или одну площадь соперничества съ равномѣрнымъ развитіемъ удобствъ сообщенія во всѣхъ частяхъ, или другими словами: „Каково идеальное распредѣленіе промышленности въ міровомъ обществѣ, ставящемъ своей главной цѣлью пріоб-

---

[1]) Иностранное соперничество съ англійскими тканями, хотя и есть дѣло нашего времени, поскольку рѣчь идетъ о продуктахъ болѣе высоко развитой машиной работы, остро чувствовалось уже въ началѣ вѣка относительно ручныхъ издѣлій. Шульце-Геверницъ утверждаетъ, что застой въ работѣ и заработкѣ ткачей на ручныхъ станкахъ въ 1820 г. былъ вызванъ въ большей мѣрѣ иностранной конкуренціей, чѣмъ новыми машинами. (Der Grossbetrieb, стр. 41).

рѣтеніе промышленнаго богатства, оцѣниваемаго по теперешнимъ цѣнамъ"—есть одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, на которые, безъ сомнѣнія, не можетъ быть данъ вполнѣ точный отвѣтъ. Но, такъ какъ этотъ идеалъ представляетъ конечную цѣль современнаго промышленнаго прогресса, необходимо по крайней мѣрѣ обратить вниманіе на главныя условія, опредѣляющія локализацію отраслей промышленности при свободномъ всемірномъ соперничествѣ.

(1) Первая группа этихъ условій можетъ быть названа *климатической* и заключается главнымъ образомъ въ астрономическомъ положеніи, очертаніи поверхности, господствующихъ вѣтрахъ, океанскихъ теченіяхъ и пр. Климатическіе поясы имѣютъ каждый свою собственную флору и фауну, и, такъ какъ послѣднія входятъ въ промышленность, какъ продукты земледѣлія и пастушества, какъ сырые матеріалы мануфактуры, какъ средства поддержанія труда, онѣ являются естественными условіями, опредѣляющими локализацію промышленности. Очень ясно климатическіе поясы обозначаются въ растительныхъ продуктахъ. „Сѣверный поясъ имѣетъ свою спеціальную растительность изъ мховъ, лишаевъ, можжевельниковъ, ягодныхъ кустовъ, овса, ячменя и ржи; умѣренный поясъ—свой горохъ, бобы, корнеплоды, хлѣбъ, овесъ, ячмень, рожь и пшеницу; этотъ поясъ, характеризующійся распространенностью пастбищъ и ячменныхъ полей, имѣетъ отличительное названіе „страны пива и масла". Теплый умѣренный поясъ или страна „вина и оливковаго масла" характеризуется произрастаніемъ винограда, оливковаго дерева, апельсина, лимона, гранатоваго яблока, чая, пшеницы, маиса и риса; подъ-тропическій поясъ—финиковой пальмой, смоковницей, виноградомъ, сахарнымъ тростникомъ, пшеницей и маисомъ; тропическій поясъ характеризуется—кофе, какаовымъ бобомъ какао, саго, пальмами, смоковницами, арророутомъ и пряностями, и экваторіальный—бананами, индѣйской смоковницей, какаовымъ бобомъ и пр."[1]).

---

[1]) Yeats, The Golden Gates of Trade, стр. 12 (Philip und Son).

(2) Вторая группа условій—географическая и геологическая. Форма и положеніе страны, ея отношеніе въ пространствѣ къ другимъ странамъ, характеръ почвы и подпочвы, ея снабженіе водой, хотя и находятся съ тѣсной связи съ климатическимъ вліяніемъ, оказываютъ самостоятельное дѣйствіе. Характеръ почвы, доставляющей злакамъ необходимыя для нихъ минеральныя питательныя вещества, имѣетъ важное значеніе для сырыхъ матеріаловъ промышленности. Форма и положеніе страны, особенно очертанія ея береговъ, имѣютъ одновременно съ климатическимъ и общественное значеніе, направляя сношенія съ другими странами и перемѣщенія населенія и цивилизаціи, играющія такую важную роль въ промышленной исторіи.

(3) Въ значительной мѣрѣ опредѣляются двумя названными выше группами вліяній тѣ силы, которыя представляютъ отличительныя свойства народа въ данное время—совокупность примитивныхъ характерныхъ чертъ расы, снабженіе пищевыми продуктами, быстрота и направленіе промышленнаго развитія, густота населенія и различныя другія причины, которыя входятъ въ опредѣленіе производительности труда. Дѣйствіе этихъ естественныхъ и человѣческихъ силъ во всемірной конкуренціи устанавливаетъ такое размѣщеніе различныхъ отраслей промышленности по различнымъ мѣстностямъ, которое создаетъ наибольшую чистую производительность труда въ каждой части.

§ 11. Невозможность окончательнаго размѣщенія промышленности. Но эта всемірная конкуренція, какъ бы ни была она свободна, не можетъ установить ни окончательнаго, ни прочнаго прикрѣпленія промышленной дѣятельности къ различнымъ частямъ земнаго шара. Помимо всѣхъ политическихъ и другихъ не-экономическихъ мотивовъ, существуютъ три причины, которыя дѣлаютъ невозможной такую мѣстную устойчивость промышленности.

Первой причиной является разстройство и положительное истощеніе, которому подвергается природа вслѣдствіе переработки минеральныхъ богатствъ земли и поддерживаемыхъ послѣдними флоры и фауны въ товары, которые по-

требляются, при чемъ точный эквивалентъ этихъ веществъ не можетъ быть возстановленъ. Примѣрами такого разстройства служатъ истощеніе каменноугольныхъ копей, истребленіе лѣсовъ, вліяющее на элементарныя климатическія условія и т. д.

Второй причиной является прогрессъ промышленнаго искусства, новыя научныя открытія, приложимыя къ промышленности. Нѣтъ никакого основанія думать, что человѣческое знаніе можетъ достигнуть какого нибудь конечнаго предѣла: оно имѣетъ безконечный просторъ какъ въ рессурсахъ природы, такъ и въ способности къ развитію человѣческаго искусства.

Наконецъ, по мѣрѣ того, какъ продолжается жизнь человѣчества, долженъ безпрерывно измѣняться и способъ жить, и каждое измѣненіе въ этомъ отношеніи измѣняетъ и цѣнность, приписываемую различнымъ формамъ потребленія и, слѣдовательно, промышленнымъ процессамъ, имѣющимъ цѣлью производство различныхъ полезностей. Новые потребности вызываютъ новые способы, новые способы измѣняютъ размѣщеніе производительной индустріи, сообщая цѣнность новымъ частямъ земнаго шара. Даже помимо этихъ новыхъ матеріальныхъ потребностей, требующихъ переработки новыхъ видовъ сыраго матеріала для своего удовлетворенія, возрастающая страсть къ извѣстнымъ видамъ спорта, любовь къ красивымъ пейзажамъ, повышеніе значенія, придаваемаго здоровой атмосферѣ, начинаютъ оказывать все болѣе и болѣе замѣтное вліяніе на локализацію извѣстныхъ классовъ населенія и промышленности въ болѣе прогрессивныхъ странахъ міра.

§ 12. Спеціализація въ округахъ и городахъ. Тѣ же самые законы и тѣ же самыя ограниченія, которыя дѣйствуютъ при опредѣленіи характера и степени спеціализаціи странъ или крупныхъ областей, повидимому, примѣняются и къ болѣе мелкимъ округамъ, городамъ и улицамъ. Промыслы, занятые производствомъ цѣнныхъ, прочныхъ матеріальныхъ предметовъ, имѣющихъ широкій спросъ,—спеціализируются по мѣстностямъ; промыслы, занятые изготов-

леніемъ громоздкихъ, легко портящихся, нематеріальныхъ благъ или благъ, имѣющихъ узкій спросъ, не специализируются. Англія, въ которой внутреннія сношенія развиты наиболѣе высоко, и гдѣ внутренняя конкурренція наиболѣе свободна и сильна, отличается наиболѣе развитой специализаціей нѣкоторыхъ изъ ея главнѣйшихъ отраслей промышленности. Сосредоточеніе хлопчатобумажнаго пряденія въ Южномъ Лэнкаширѣ является примѣромъ, полное значеніе котораго часто ускользаетъ изъ вниманія. Съ самаго начала южный Лэнкаширъ былъ главнымъ мѣстомъ этой промышленности, но теперь она гораздо болѣе сконцентрирована, чѣмъ была сто лѣтъ тому назадъ. Нѣкоторые изъ наиболѣе цѣнныхъ изобрѣтеній въ пряденіи были первоначально примѣнены въ Дербиширѣ, Ноттингэмѣ, Бирмингэмѣ и въ Шотландіи. Шотландія тогда сильно соперничала съ Лэнкаширомъ въ пряденіи. Въ настоящее время шотландская промышленность ограничивается только извѣстными специальностями. Не смотря на чрезвычайный ростъ бумагопрядильной промышленности, площадь на которой она располагается, является болѣе узкой, чѣмъ въ прошломъ вѣкѣ. Въ самомъ Лэнкаширѣ дѣйствительная площадь производства сузилась до какихъ нибудь 25 квадр. миль въ его крайней южной части, при чемъ два большихъ города специализировались еще дальше—Ливерпуль какъ рынокъ для хлопка, Манчестеръ—для пряжи и хлопчатобумажныхъ тканей.

При этомъ еще болѣе замѣчательна локализація различныхъ подраздѣленій промышленности въ Лэнкаширѣ. Не только старыя фабрики, на которыхъ прядёніе и ткачество производилось одновременно, уступили мѣсто раздѣленію труда, но оба процесса стали совершаться по большей части въ различныхъ округахъ—первый въ городахъ, непосредственно прилегающихъ къ Манчестеру, послѣдній въ мѣстности, расположенной далѣе къ сѣверу. Но специализація не ограничилась этимъ. Пряденіе въ свою очередь раздѣлилось, въ зависимости отъ большей грубости или тонкости пряжи. Ольдгэмскій округъ съ Эштономъ, Мидльтономъ и другими городами къ югу отъ Манчестера главнымъ об-

разомъ ограничиваются средними нумерами. Больтонъ, Чорлей, Престонъ и другіе сѣверные города выдѣлываютъ болѣе тонкіе нумера. Въ ткачествѣ также наблюдается все болѣе сложное раздѣленіе труда, при чемъ каждый городъ или округъ спеціализируются на извѣстномъ особомъ родѣ товаровъ [1]). При этомъ не должно забывать, что подстановка фабрики на мѣсто домашней системы и постоянное расширеніе средней величины фабрики свидѣтельствуетъ о значительно идущей впередъ концентраціи. Такъ хлопчатобумажная промышленность въ настоящее время занимаетъ не такую широкую площадь, какъ когда она была въ сто разъ меньше по своимъ размѣрамъ. То же самое имѣетъ мѣсто и въ другихъ главныхъ отрасляхъ волокнообработывающей и металургической промышленности. И не только на обработывающей промышленности узко спеціализируются города и округа. Чрезвычайное увеличеніе торговли, вызванное машиннымъ производствомъ въ обработывающей и транспортной промышленности, требуетъ спеціализаціи извѣстныхъ городовъ и для чисто коммерческихъ цѣлей. Лондонъ, Ливерпуль, Глэзго и Гуль все болѣе и болѣе посвящаютъ себя задачамъ скадочнаго и перевозочнаго дѣла. Самъ Манчестеръ быстро теряетъ свой мануфактурный характеръ и почти исключительно посвящаетъ себя ввозной и вывозной торговлѣ. Желѣзнодорожное дѣло также создало для себя большіе города, какъ Кру, Дерби, Нормантонъ и Суинтонъ. Поразительное явленіе представляетъ собою Кардифъ, новый центръ горной промышленности, возникнувшій уже въ то время, когда машинное развитіе Англіи созрѣло.

Спеціализація занятій въ крупномъ городѣ можетъ происходить двумя путями. Строго мѣстная организація главнаго промысла требуетъ, чтобы кругомъ его были сосредоточены многіе вспомогательные или подсобные промыслы. Въ крупныхъ волокнообработывающихъ городахъ существуютъ

---

[2]) См. подробное изслѣдованіе Gchulze—Gaevernitz'а объ этомъ предметѣ, Der Grossbetrieb, стр. 24, 2) и пр.

фабрики для производства волокнообработывающихъ машинъ и вспомогательныхъ матеріаловъ. Производство машинъ въ Манчестерѣ является одной изъ важнѣйшихъ отраслей его промышленности, снабжающей и сосѣдніе города, занятые обработкой волокна. Точно также Лидсъ имѣетъ подобныя фабрики, необходимыя для шерстяной промышленности. Это одно изъ тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ обнаруживается болѣе высокое развитіе англійской хлопчатобумажной индустріи сравнительно съ континентальной. Только въ Эльзасѣ, единственномъ изъ континентальныхъ центровъ, концентрація промышленности двинулась впередъ такъ далеко, что создала и мѣстное машинное производство, спеціально изготовляющее машины для обработки хлопка; Германія же еще до сихъ поръ находится относительно своихъ машинъ въ полной зависимости отъ Англіи. Точно также и по отношенію къ координирующимся промысламъ является выгоднымъ, если главные процессы группируются по сосѣдству, хотя они и не соединены въ одномъ и томъ же предпріятіи. Поэтому въ крупныхъ волокнообработывающихъ городахъ, какъ Лидсъ, Бредфордъ, Манчестеръ, Больтонъ, мы встрѣчаемъ въ большомъ количествѣ красильныя фабрики и различныя отрасли приготовленія одежды. Единица мѣстной спеціализаціи оказывается, такимъ образомъ, состоящей не изъ одного промысла, но изъ группы тѣсно связанныхъ промысловъ, координирующихся, зависимыхъ и производныхъ.

Около нѣкоторыхъ крупныхъ индустрій, въ которыхъ находятъ занятіе мужчины, возникаютъ болѣе мелкіе паразитическіе промыслы, вызываемые обиліемъ дешеваго труда женщинъ и дѣтей. Въ городахъ, занимающихся обработкой металловъ и производствомъ машинъ, какъ Бирмингамъ, Додлей, Волсель, въ Ньюкестлѣ на Тайнѣ и другихъ судостроительныхъ городахъ, гдѣ главныя отрасли промышленности являются монополіей мужчинъ, выросли фабрики, занимающіяся обработкой волокнистыхъ веществъ. То же самое происходитъ въ различныхъ горнозаводческихъ мѣстностяхъ и въ земледѣльческихъ деревняхъ по сосѣд-

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ЛИЦЕЕМЪ.

№ 46.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія Э. Г. Фалькъ.
1896.

Печатано по опредѣленіямъ Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

№ 46 Юридической Библіографіи.

1. *Альфредъ Фуллье:* „Современная наука объ обществѣ". Переводъ. Москва. 1895. 330 стр.

А. Фуллье—одинъ изъ видныхъ представителей во Франціи общественныхъ наукъ. Ему принадлежатъ такія, извѣстныя не однимъ только спеціалистамъ, сочиненія, какъ: „Liberte et determinisme", „L'idée moderne du droit" и „L'idées-forces"[1]. Всѣ они проникнуты одной и той же идеей свободы, горячимъ защитникомъ которой Фуллье является и въ настоящей своей книгѣ. Но задачи ея, помимо этого, очень серьезны. Недаромъ авторъ замѣчаетъ въ предисловіи къ своему сочиненію, что построеніе науки объ обществѣ на позитивныхъ основаніяхъ составляетъ главную задачу нашего вѣка: всякій человѣкъ по самому развитію цивилизаціи живетъ не только своею личною жизнью, но также и жизнью общественною. Прогрессъ имѣетъ два одновременныхъ слѣдствія: развитіе жизни индивидуальной и—жизни общественной. Древность знала противоположность между обществомъ и индивидомъ; современный умъ открываетъ между ними гармонію и солидарность. Съ точки зрѣнія психологіи индивидуальныя наклонности и способности въ сущности наслѣдіе расы и вида, слѣдовательно, общества. Точно также и нравственные законы, предписываемые индивидууму, не составляютъ что-либо особое сравнительно съ общими условіями общества и общими законами его жизни. Но не смотря на такое важное значеніе науки объ обществѣ, до сихъ поръ еще ученые не согласились относительно вѣрнаго принципа и метода соціологіи. Здѣсь мы встрѣчаемся съ двумя различными школами: съ философской, влюбленной въ идеалъ, и исторической, остающейся вѣрной дѣйствительности. Глава пер-

[1]) Заслуживаетъ вниманія и популярно изложенная „Исторія философіи" А. Фуллье.

вой Ж. Ж. Руссо и его послѣдователи утверждаютъ, что только идея договора, свободнаго соглашенія, къ которому сводится вся гражданская и политическая жизнь общества, можетъ дать наукѣ объ обществѣ вѣрный принципъ и строго дедуктивный методъ. Философская школа представляетъ себѣ общество въ идеальномъ свѣтѣ, въ видѣ свободной и крѣпкой гармоніи воль, объединенныхъ взаимнымъ договоромъ. Не таково понятіе о человѣческомъ обществѣ исторической школы. Къ этой школѣ Фуллье относитъ, прежде всего, всѣхъ французскихъ позитивистовъ, начиная съ О. Конта и оканчивая Тэномъ и Ренаномъ. Въ Германіи идея договорнаго государства нашла, говоритъ авторъ, поддержку со стороны Канта и Фихте и встрѣтила пренебреженіе у Гегеля, Штрауса и знаменитаго нѣмецкаго юриста, Блюнчли. Очевидно, что Фуллье, какъ и большинство французскихъ ученыхъ, незнакомъ съ нѣмецкой юридической наукой. Иначе онъ долженъ былъ бы знать, что въ теченіе почти двухъ столѣтій до Канта и Фихте въ Германіи процвѣтала школа естественнаго права, которая впервые выставила идею о договорѣ въ примѣненіи къ объясненію образованія общества, права и государства. Для Фуллье также были бы болѣе ясны начала исторической школы въ соціологіи, если бы онъ обратилъ вниманіе на, неизвѣстное ему, цѣлое историческое направленіе въ нѣмецкой исторической наукѣ, основателями котораго являются Савиньи и Пухта. Странно также слышать, что Фуллье считаетъ представителями исторической школы наравнѣ съ французскими позитивистами и Д. С. Милля съ Г. Спенсеромъ, которыхъ слѣдуетъ скорѣе отнести къ натуралистической школѣ. Послѣднюю Фуллье, однако, сначала отличаетъ отъ исторической, а потомъ отождествляетъ. Милль и особенно Спенсеръ смотрятъ на общество, какъ потомъ доказываетъ это и самъ Фуллье, какъ на продуктъ природы, организмъ и результатъ необходимаго развитія.

Въ концѣ концовъ, заключаетъ Фуллье, въ наукѣ объ обществѣ мы встрѣчаемъ въ послѣднее время двѣ трудно примиримыя другъ съ другомъ идеи: общественнаго договора и—организма, великую антитезу воли и детерминизма. Фуллье ставитъ себѣ цѣлью сдѣлать сближеніе и вполнѣ примирить между собою идеализмъ и натура-

лизмъ, указать, какою силою *идеалъ*, носящійся въ нашей мысли, осуществляется въ самой *природѣ*. Авторъ хочетъ узнать точное значеніе идеи общественнаго договора Руссо, которая до сихъ поръ оказываетъ сильное вліяніе на французское общество. Фуллье въ заключеніи къ предисловію указываетъ методъ, какому онъ намѣренъ слѣдовать при изложеніи предмета: онъ думаетъ постепенно раскрывать истину посредствомъ построенія различныхъ системъ и ихъ примиренія. Общіе же выводы, синтезъ будетъ заключеніемъ всего изслѣдованія вопроса. Послѣдуемъ и мы за Фуллье въ изложеніи имъ предмета, оставляя за собою право дѣлать попутныя замѣчанія по поводу различныхъ его взглядовъ и въ концѣ статьи дать свой синтезъ, указать на научное значеніе разбираемаго труда Фуллье.

Первая глава (книга) сочиненія посвящена имъ интересному вопросу объ общественномъ договорѣ и идеалистической школѣ. Соціальная наука должна, говоритъ Фуллье, изучать человѣческое общество съ двухъ точекъ зрѣнія: въ идеалѣ и дѣйствительности. На первую изъ нихъ стала идеалистическая школа Руссо, развившаяся ранѣе натуралистической. Фуллье разбираетъ возраженія противъ доктрины Руссо ея противниковъ, особенно Блюнчли, и старается доказать необходимость принять въ исправляемомъ имъ видѣ ученіе Руссо, какъ оправдываемое дѣйствительною жизнью общества. Взглядъ Руссо на государство и общество, какъ на добровольную ассоціацію, былъ высказанъ еще въ глубокой древности (Аристотелемъ и Эпикуромъ). Таже идея договора, но только какъ основаніе гражданскаго права, встрѣчается также у многихъ философовъ и юристовъ среднихъ вѣковъ. Сторонники общественнаго договора виноваты въ томъ, что представляли человѣческое общество, какъ нѣчто искусственное, возникающее вслѣдствіе произвольнаго соглашенія людей и противоположное изолированности ихъ въ естественномъ состояніи. Поэтому-то противъ ихъ ученія выставляли то возраженіе, что государство никогда не возникало вслѣдствіе договора между людьми, которые родятся, воспитываются и живутъ всегда въ опредѣленной націи и странѣ. Но, отвѣчаетъ Фуллье, историческое происхожденіе государства это—

одно, а раціональное другое дѣло. Теорія общественнаго договора, если ее толковать правильно, разсматриваетъ государство не какимъ оно было, а какимъ можетъ и должно быть. Руссо, увлекаясь общимъ въ XVIII вѣкѣ мнѣніемъ о прелестяхъ естественнаго состоянія, могъ въ видѣ исторіи прошлаго разсказывать намъ исторію будущаго, въ которой въ сущности нужно видѣть лишь косвенную критику настоящаго. Указывать, что договоръ не составляетъ историческаго начала государства, не значитъ еще утверждать, что онъ не есть его идеальная цѣль и самая нравственная форма. Но даже и съ точки зрѣнія самой исторіи теорія договора выражаетъ естественное и историческое стремленіе человѣчества къ ассоціаціи между людьми. Отношенія между ними принимаютъ или форму насилія или мирнаго договора, свободнаго соглашенія жить совмѣстно, которое при столкновеніяхъ превращалось между членами одного и того же общества въ соглашеніе относительно общихъ средствъ отъ враговъ. Самое возникновеніе общества въ концѣ концовъ сводится къ стремленію людей вступать въ договоры. Вѣра въ защиту вождя, обѣщаніе повиноваться ему, встрѣчающіяся въ первичныхъ обществахъ, не болѣе, какъ первичный зачатокъ общественнаго договора. Точно также такъ называемое „сознаніе государства“ есть сознаніе взаимности воль, которое составляетъ самую суть договора. Такъ, заключаетъ Фуллье, въ исторіи рядомъ съ насиліями всякаго рода на образованіе общества вліяла и свобода. Союзъ мужчины и женщины въ древности былъ часто дѣломъ насилія, но нерѣдко онъ являлся и послѣдствіемъ соглашенія, а теперь обыкновенно поддерживается только по взаимному соглашенію сторонъ. Дѣти по достиженіи совершеннолѣтія остаются съ родителями въ силу добровольной же связи, которая лежитъ и въ основаніи соединенія людей въ трибы и роды: не все, вѣдь, сдѣлало одно завоеваніе. Притомъ, и самая сила даетъ прочныя послѣдствія лишь тогда, когда, наконецъ, начинаютъ подчиняться ей добровольно. Покоренный народъ болѣе или менѣе предварительно выражаетъ косвенное согласіе на покореніе. Всякое перемиріе есть уже договоръ между воюющими сторонами. Фуллье допускаетъ, что хотя мы и родимся помимо на-

шей воли въ извѣстномъ обществѣ впослѣдствіи присоединяемся собственными своими дѣйствіями къ общественному договору. И это, увѣряетъ читателя авторъ, не подобіе договора, а настоящій *реальный* договоръ, юридическимъ признакомъ котораго служитъ дѣйствіе. Во время же нашего дѣтства наше согласіе на подобный договоръ только предполагается. Наконецъ, всякая политическая конституція есть ничто иное, какъ возобновленіе общественнаго договора и притомъ торжественное. Слѣдовательно, изученіе исторіи открываетъ намъ законъ мирнаго сближенія между людьми, который всегда дѣйствовалъ совмѣстно съ закономъ насильственнаго сближенія или войны.

Фуллье выражаетъ свою чисто французскую точку зрѣнія на общественный договоръ, когда онъ соглашается съ мнѣніемъ Блюнчли, что доктрина договора потому такъ популярна, что она внушаетъ всѣмъ мысль объ индивидахъ, какъ основателяхъ государства. Такъ какъ вслѣдствіе всеобщей подачи голосовъ мы, говоритъ Фуллье, и такъ уже законодатели, то почему же не пожелать намъ быть, въ свою очередь, и основателями государства по разуму и праву? Договорное государство всего болѣе, продолжаетъ онъ, соотвѣтствуетъ идеальному праву и наиболѣе нравственно.

Безъ равенства свободы для каждаго нѣтъ справедливости, безъ взаимности нѣтъ равенства, безъ взаимнаго согласія нѣтъ взаимности. Право желаетъ, слѣдовательно, чтобы въ обществѣ все дѣлалось, на сколько возможно, путемъ договора и свободной подачи голосовъ. Чтобы въ государствѣ былъ минимумъ злополучій и принужденія, слѣдовало бы, по мнѣнію Фуллье, помогать тому, чтобы общественная власть была доступна для всѣхъ гражданъ. Таковъ юридическій идеалъ общества. Затѣмъ Фуллье разбираетъ возраженіе юристовъ, что общественный договоръ способенъ скорѣе подавить, чѣмъ основать общественное право. Это ихъ мнѣніе вытекаетъ, по словамъ Фуллье, изъ того, что они представляютъ себѣ общественный договоръ произвольнымъ и случайнымъ соглашеніемъ. На самомъ дѣлѣ этотъ договоръ не разсѣеваетъ государства, не влечетъ за собою его дробленія. Связь между частями народа не зависитъ отъ воли одного индивида, а отъ цѣлыхъ

милліоновъ людей, имѣющихъ взаимныя обязательства. Отъ индивида зависитъ не самое существованіе государства, а только участіе въ немъ. Договорный режимъ способенъ принимать въ разсчетъ всѣ обязанности и договорная теорія не отрицаетъ національныхъ единства, устойчивости и традицій. Она не уничтожаетъ также и вліянія на образованіе государства обычаевъ, инстинктовъ народа: разумъ сознательный инстинктъ. Третій аргументъ противъ доктрины договора Руссо состоитъ въ томъ, что общественный договоръ уже предполагаетъ то, что хотятъ заставить его установить, политическую свободу гражданъ, которая можетъ существовать только въ государствѣ. Но, возражаетъ Фуллье, договоръ предполагаетъ только нравственную и естественную свободу, для которой политическая свобода есть лишь позднѣйшая гарантія. Наконецъ, не заслуживаетъ вниманія съ точки зрѣнія автора и возраженіе Блюнчли, что договоры индивидовъ могутъ создавать только частное, а не публичное право: каждый вопросъ права публичнаго сводится на вопросъ права личнаго. Разсматривая природу общества и государства, Фуллье находитъ неправильнымъ взглядъ Блюнчли и другихъ нѣмецкихъ ученыхъ, что государство личность, отличная отъ недѣлимыхъ, его составляющихъ, и обладающая собственнымъ правомъ, часто противоположнымъ праву индивидовъ. Фуллье отказывается понимать, какимъ образомъ люди, вступая въ ассоціацію, создаютъ изъ своихъ отдѣльныхъ правъ новое соціальное право, отличное отъ ихъ особыхъ правъ? Всѣ отношенія людей въ государствѣ, какъ непроизвольныя, такъ и произвольныя, всегда сводятся на отношенія индивидовъ: соціальное право — только право всѣхъ лицъ въ противоположность одному и нѣсколькимъ. Всякій народъ имѣетъ свои преданія, свои законы, своихъ боговъ, но всѣ его права всегда могутъ быть сведены на право индивидовъ, какъ частей цѣлаго. Число лицъ не имѣетъ свойства производить волшебное превращеніе индивидуальныхъ правъ въ новое соціальное право. Образованіе государства не порождаетъ новаго права и не влечетъ за собою также и потери правъ со стороны индивида, какъ утверждаетъ Руссо: въ государствѣ происходитъ не отреченіе отъ права, а складчина правъ. Мы отдаемъ государству въ обмѣнъ за его протекцію не наши права,

а часть нашего труда и произведеній. Здѣсь только происходитъ раздѣленіе труда и не уменьшеніе свободы, а ея увеличеніе.

Тѣмъ же принципомъ договора объясняетъ Фуллье и цѣль общества и функціи государства. Предметомъ соціальнаго договора являются общая охрана и интересъ, что составляетъ и цѣль государства. Всѣ главные типы государствъ, сообразно приписываемымъ имъ задачамъ, соотвѣтствуютъ различнымъ формамъ общественнаго договора. Такъ называемое правовое государство не можетъ ограничиваться только охраной правъ гражданъ: эти права осуществляются въ соціальной жизни, которая нуждается также въ охранѣ государства. Слѣдовательно, настоящее правовое государство обнимаетъ и публичную жизнь—одинъ изъ главныхъ предметовъ соціальнаго договора. Юридическое государство есть въ тоже время и экономическое, потому что частная и общая собственность управляются по законамъ самой благоразумной политической экономіи. Въ цивилизованной жизни современныхъ обществъ извѣстная степень образованія необходима для самосохраненія и прогресса общества. Отсюда цивилизаторская функція государства, къ которой присоединяется политическая его задача—обсужденіе и рѣшеніе гражданами вопросовъ внутренней и иностранной политики. Фуллье доказываетъ, что современныя государства уже приближаются къ договорному режиму, такъ какъ въ нихъ постепенно начинаетъ осуществляться особаго, высшаго рода справедливость—договорная. Справедливость распредѣленія благъ согласно личнымъ достоинствамъ не можетъ стать основаніемъ общественной жизни, такъ какъ измѣреніе достоинствъ лицъ и вещей зависитъ отъ произвола власти. Вмѣсто этого рода справедливости выступаетъ теперь справедливость обмѣна вещей, которыя однѣ сравниваются между собою, а не лица съ равными лицами. Этотъ же обмѣнъ вещей возможенъ лишь при свободномъ соглашеніи между членами общества, благодаря которому распредѣленіе вещей бываетъ и болѣе пропорціональнымъ и равнымъ. Къ такому идеалу договорной справедливости примыкаютъ новѣйшія направленія въ наукѣ и сама практика, гдѣ все стремится принять форму взаимности, договора. Государство съ развитіемъ промышленности стремится естественно къ либераль-

нымъ учрежденіямъ и всѣ современные союзы рабочихъ, акціонерныя и другія компаніи усвоиваютъ представительный режимъ. Общее движеніе современнаго общества имѣетъ своею цѣлью развитіе мирныхъ отношеній, которыя немыслимы безъ договора. Всѣ отношенія въ современномъ обществѣ основываются на *довѣріи* съ его экономическимъ выраженіемъ „кредитъ“ и юридическимъ „договоръ“, что и составляетъ характерную черту прогрессирующаго общества. Глава объ ученіи идеалистической школы относительно общественнаго договора заканчивается у Фуллье защитой метода общественной науки, употребляемаго французскими учеными, особенно О. Контомъ. Отличительною особенностью французскаго метода въ отличіе отъ англійскаго и нѣмецкаго является изученіе идеала общественной жизни, которымъ является соединеніе возможно большой справедливости съ пользою, осуществляемыхъ посредствомъ договора. Въ соціологію должны поэтому входить какъ ея части: философія права, занимающаяся формами справедливыхъ договоровъ, и политическая экономія, куда относится изученіе полезности вещей. Фуллье не согласенъ съ Миллемъ и Тэномъ, что французскій методъ слишкомъ универсаленъ, французская школа все сводитъ къ единому началу и устанавливаетъ абсолютныя правила. Универсальность принципа не исключаетъ особенностей въ его приложеніи. Каждая наука, а также и соціологія, нуждается въ единствѣ, и ищетъ единаго идеала. Наконецъ, въ соціологіи должны быть опредѣленные принципы, какими являются: свобода, равенство, справедливость, гуманность. Франціи принадлежитъ честь, что она обратила вниманіе на идеальныя цѣли человѣчества, къ числу которыхъ относится и представленіе О. Конта о высшей изъ идей—человѣчествѣ, какъ главномъ предметѣ науки объ обществѣ.

Покончивши съ вопросомъ о роли идеалистической школы въ наукѣ объ обществѣ, Фуллье переходитъ къ противоположной, натуралистичекой школѣ, разсматриваетъ ея ученіе о соціальномъ организмѣ. Современные ученые этой школы (Шеффле, Іегеръ, особенно Спенсеръ и др.) думаютъ, что между обществомъ и индивидуальнымъ организмомъ существуютъ не однѣ только аналогіи, но и полное тождество. Законы общественныхъ явленій, по Спен-

веру, тѣже самые, которые управляютъ жизненными явленіями вообще. Шеффле описываетъ семью, какъ общественную клѣточку, отыскиваетъ въ обществѣ ткани, кисти, органы, душу. Фуллье задается цѣлью пересмотрѣть и, гдѣ можно, исправить это ученіе объ обществѣ натуралистической школы, которая представляетъ съ физіологической точки зрѣнія естественную исторію обществъ. Сначала онъ разбираетъ физіологическія доказательства того, что общество—организмъ. Въ каждомъ живомъ тѣлѣ необходимы: раздѣленіе обѣихъ функцій между его частями и солидарность, кооперація ихъ въ достиженіи конечной ихъ цѣли. Общественная жизнь также начинается съ раздѣленія труда и спеціализаціи функцій, за которыми слѣдуетъ кооперація частей, ихъ солидарность въ достиженіи общей цѣли—сохраненіи цѣлаго. Въ каждомъ живомъ тѣлѣ есть три главныхъ системы органовъ съ особыми ихъ функціями: органы питанія, сношеній и кровообращенія. Точно также и въ обществѣ есть классъ работающій, производящій, классъ управляющій и торговый. Каждое живое существо состоитъ изъ множества другихъ міровъ; и общество представляетъ собою индивидовъ, живущихъ своей особою жизнью, такъ что съ физіологической точки зрѣнія каждый индивидъ есть общество и наоборотъ. Различіе между живымъ тѣломъ и обществомъ заключается въ отсутствіи въ первомъ цѣлесообразности, которая замѣняется здѣсь механическою гармоніей между частями и цѣлымъ. Истинная цѣлесообразность появляется въ мірѣ только съ мыслящими существами, между людьми, членами обществами, въ которомъ возникаетъ сознательная гармонія частей, подчиненіе ихъ идеѣ цѣлаго, добровольное соглашеніе органовъ дѣйствовать ко благу цѣлаго организма. Самая глубокая солидарность, выражающаяся въ свободной связи между людьми, существуетъ лишь въ человѣческомъ обществѣ. О. Контъ и Литтре ставятъ то возраженіе противъ уподобленія обществъ живымъ существамъ, что жизнь обществъ безконечно превосходитъ по своей продолжительности жизнь каждаго индивида. Но и общество, какъ и каждый отдѣльный индивидъ, подчиняется одному тому же общему закону эволюціи, органическому образованію и разрушенію или, по терминологіи

Спенсера, интеграціи и дезинтеграціи. Отъ физіологическихъ доказательствъ мысли, что общество организмъ Фуллье переходитъ къ психологическимъ. Онъ находитъ, что психологическое различіе между обществомъ и организмомъ не такъ велико, какъ кажется. Въ каждомъ живомъ существѣ находится обмѣнъ элементарныхъ ощущеній, способность представлять подобныхъ себѣ и находить удовольствіе въ ихъ обществѣ, инстинктъ общественности. У болѣе высшихъ животныхъ образуется делегація функцій, подчиненіе всего стада одному вождю и появляется нравственность въ формѣ непосредственной помощи, доходящей иногда до самопожертвованія. Первичная симпатія въ обществѣ становится братствомъ, раздѣленіе функцій справедливостью, делегація высшихъ функцій правительствомъ. Наконецъ, въ обществѣ есть подобіе нервной системы и мозга животнаго. Это обыкновенные граждане и ученые, руководящіе націей путемъ просвѣщенія, выработывающіе національныя идеи и политику.

Доктрины общественнаго договора и организма въ исправленномъ и дополненномъ Фуллье видѣ должны быть, по его мнѣнію, не противополагаемы, а соединены другъ съ другомъ въ одну общую идею *договорнаго организма*. Свою мысль авторъ доказываетъ слѣдующими соображеніями. Общество не измѣняется отъ того, что кромѣ извѣстнаго устройства и функцій оно обладаетъ еще сознаніемъ. Параллель между обществомъ и организмомъ сохраняется, не смотря на введеніе сознанія и воли въ общественное тѣло. Организація не только не уничтожается вслѣдствіе сознанія, но, напротивъ, новая связь присоединяется къ прежнимъ, отчего все цѣлое выигрываетъ въ прочности. Свобода разныхъ договоровъ обыкновенно обезпечиваетъ ихъ исполненіе и согласное дѣйствіе частей. Характерная черта общественной жизни—способность имѣть главной пружиной цѣлый рядъ идей, среди которыхъ занимаетъ важное мѣсто самая идея свободы. При сознательномъ образованіи обществъ мы всегда видимъ въ дѣйствіи творческую и организаторскую идею. Всюду въ жизни общества настоящими двигателями являются идеи: моральныя, религіозныя, политическія, экономическія и др. Можно утверждать, что идеи вообще обладаютъ сами

силой развитія, ростомъ въ сознаніи общества. Синтезомъ понятій: творческая идея и естественный ростъ является идея договорнаго организма въ примѣненіи къ обществу. Фуллье дѣлаетъ цѣлый рядъ выводовъ изъ этой идеи договорнаго организма, космологическаго и политическаго характера. Обществу можно дать названіе микрокосма, такъ какъ въ его жизни дѣйствуетъ всѣ вмѣстѣ общіе законы природы. Обыкновенно волю въ ея различныхъ формахъ считаютъ основаніемъ всякаго общества. Но Фуллье думаетъ, что воля—элементъ каждаго организма. Съ этой точки зрѣнія въ общей міровой жизни можно различать три степени организаціи: въ царствѣ минераловъ воли эгоистичны, въ растительномъ воли начинаютъ соединяться, въ человѣческомъ онѣ признаютъ другъ друга и объединяютя высшимъ соглашеніемъ или договоромъ. Механизмъ въ началѣ, договоръ въ концѣ—вотъ вся исторія общества. Такова же есть и въ тоже время и исторія всего міра. Въ природѣ жизнь всюду неразлучна съ волей въ разныхъ степеняхъ ея проявленія. Но только въ обществахъ воля принимаетъ обширные размѣры. Аналогія между обществомъ и договорнымъ организмомъ приводитъ еще къ нѣкоторымъ политическимъ выводамъ. Именно взаимная зависимость всѣхъ частей общественнаго тѣла производитъ то, что нельзя коснуться одной изъ нихъ, не вліяя на другія. Затѣмъ, разъ общества существа не искуственныя, а естественныя, то отсюда слѣдуетъ, что всѣ реформы въ нихъ должны совершаться съ согласія всѣхъ гражданъ и въ общихъ ихъ интересахъ. Необходимо при этомъ еще имѣть въ виду переходныя мѣры или періоды, компромиссы между старымъ и новымъ и, что все устройство общества не можетъ быть преобразовано разомъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Для общества полезны какъ консервативные элементы, такъ и прогрессивные. Важнымъ результатомъ, вытекающимъ ихъ признанія общества организмомъ, является превосходство развитія предъ насильственными переворотами. Эволюція—правило въ общественной жизни, революція исключеніе, всегда прискорбное, хотя иногда и необходимое. Фуллье признаетъ законными тѣ революціи, которыя сообразны съ волей гражданъ: это внезапная эволюція, которая только освобож-

даетъ давно уже скопившіяся силы. Всякій порядокъ въ обществѣ, поддерживаемый внѣшней силой, а не соглашеніемъ граждан, рано или поздно разстраивается. Гдѣ начинается насиліе, принужденіе, тамъ прекращается истинное общество людей и начинается борьба между ними. Фулльe, между прочимъ, касается интереснаго спора между Гексли, который видитъ въ естественной исторіи общества указанія на политическій деспотизмъ, и Спенсеромъ, который наоборотъ находитъ здѣсь уроки либеральной политики. Послѣдній полагаетъ, что для удовлетворенія нуждъ политическаго тѣла достаточно интереса и симпатіи. Но, кромѣ нихъ, въ обществѣ есть еще третья сила—идея. Человѣкъ можетъ отказаться отъ самого себя и своихъ симпатій, чтобы уразумѣть высшую истину, идеалъ. Спенсеръ вполнѣ призналъ силу самопроизвольности въ развитіи народовъ, но у него не было достаточно вѣры въ силу мысли, идеи, которая должна руководить обществомъ въ видѣ власти.

Отъ сходствъ между обществомъ и организмомъ Фулльe обращается къ различіямъ между ними, которыхъ онъ находитъ три рода: различія по природѣ, происхожденію и цѣли. Общественный организмъ добровольный и сознательный Различіе между безсознательнымъ и сознательнымъ въ данномъ случаѣ скорѣе различіе въ степени, чѣмъ въ сущности: въ мірѣ животныхъ господствуетъ безсознательность, внѣшняя сила, въ общественномъ организмѣ—сознаніе, внутренняя сила идеи. По своему происхожденію общество—добровольный договоръ, хотя и болѣе идеальный, чѣмъ формальный: граждане извѣстнаго государства принадлежатъ уже съ самаго рожденія къ извѣстной организаціи, которую они принимаютъ добровольно, но эта организація существовала уже до самаго принятія. Наконецъ, что касается различія цѣли въ общественномъ и индивидуальномъ организмѣ, то оно не относится къ сущности общества—связи, взаимной зависимости его членовъ, подчиненныхъ общимъ законамъ. Вопросъ о подчиненіи индивида государству и наоборотъ порождаетъ только разновидности въ родѣ обществъ. Сущность общества, какъ и всякаго организма, въ кооперацiи, но не тѣхъ или другихъ формахъ правленія, хотя бы

мы и признали, что цѣль общества заключается въ благѣ его членовъ. Ни одно изъ разсмотрѣнныхъ различій между общественнымъ тѣломъ и индивидуальнымъ организмомъ не касается главной стороны организма—соотношенія частей и эволюціи цѣлаго. Поэтому мы имѣемъ право помѣстить общество въ органическомъ мірѣ. Но такъ какъ у обществъ есть свои особенныя черты, то необходимо ихъ помѣстить и въ особую группу, отличную отъ растительнаго и животнаго царства. Преобладающее свойство общества—сознаніе и воля у отдѣльныхъ его членовъ. Отсюда отличительныя свойства общества. Кромѣ того, общественныя явленія—самыя многочисленныя и сложныя изъ міровыхъ явленій, обнимаютъ собою всю эволюцію индивида. Различные виды коопераціи должны производить и различные виды обществъ. Фулльэ противъ взгляда Спенсера, который подводитъ всякаго рода общества подъ два типа: военныя или хищническія и промышленныя. Человѣческія общества занимаются не одной войной и торговлей: ихъ жизнь посвящена наукѣ, искусству, морали. Къ промышленной конкуренціи, заступающей мѣсто военной борьбы, присоединяется также научная, на которую Спенсеръ не обращаетъ вниманія. При классификаціи общественныхъ формъ нужно имѣть въ виду, по мнѣнію Фуллье, что общество людей, помимо вліянія внѣшней сферы, подвергается еще вліянію идей, чувствъ, страстей и эстетическихъ вкусовъ. Отсюда прогресивность человѣческихъ обществъ, которая не даетъ имъ замкнуться въ такія тѣсныя и гибкія рамки, какъ зоологическимъ и ботаническимъ формамъ.

Необходимо также при классификаціи обществъ избѣгать крайняго уподобленія или противоположенія животныхъ типовъ общественнымъ, чего не избѣжалъ Спенсеръ. Нельзя отличать индивидуальный организмъ отъ общественнаго тѣмъ, что въ первомъ части существуютъ только для цѣлаго, а во второмъ наоборотъ. Можно утверждать, что въ животномъ организмѣ аггрегатъ существуетъ для составляющихъ его частей, которыя постоянно поэтому прогрессируютъ. Подчиненіе цѣлаго частямъ и частей цѣлому—вопросъ степени: нѣтъ абсолютной ни децентрализаціи, ни централизаціи. Въ научной классификаціи организмовъ человѣческія общества са-

мыя высшія тѣ, въ которыхъ равновѣсіе между цѣлымъ и частями должно быть таково, чтобы первое существовало для послѣднихъ и наоборотъ, благосостояніе цѣлаго обусловливалось благостояніемъ его частей и наоборотъ. На основаніи соотношенія между цѣлымъ и частями Фуллье строитъ классификацію обществъ, въ которой первое мѣсто занимаютъ общества вполнѣ децентрализованныя, а послѣднее—общества на высшей степени своего развитія. Въ нихъ совершенная децентрализація совмѣстима съ совершенной централизаціей. Высшее проявленіе свободы индивидовъ—наука, искусство, философія, мораль, религія. Въ совершенномъ, договорномъ организмѣ примиряются: индивидуальность и коллективность, децентрализація и централизація, свобода частей и связь цѣлаго. Эволюція разныхъ типовъ общества не только не исключаетъ понятія прогресса, но прямо его предполагаетъ. Эволюція общества создаетъ справедливость, нравственность посредствомъ развитія интереса и симпатій и вліянія идей, стремленія къ осуществленію идеала. Прогрессъ въ сущности есть таже эволюція ума и чувства, измѣненія ихъ въ смыслѣ возрастанія мысли и благосостоянія. Совершенное общество—идеалъ, который осуществляется чрезъ наше посредство, удовлетворяя разомъ нашъ умъ и чувства.

Отъ физіологіи общества Фуллье переходитъ къ изученію его психологіи. Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ вопросъ о томъ, что такое національное сознаніе? Авторъ возстаетъ противъ употребленія для его обозначенія выраженія „безсознательный духъ общества". Всѣ историческіе факты, которые, повидимому, доказываютъ его проявленія въ исторіи, обыкновенно объясняются или сокровенными намѣреніями провидѣнія, или же „безсознательной волей націй". Фуллье отвергаетъ рѣшительно какъ провиденціальную точку зрѣнія на исторію общества, такъ и „народную душу" или „генія исторіи". Всѣ соціальные факты, на которые, указываютъ сторонники сознательнаго или безсознательнаго провидѣнія, находятъ свое простое объясненіе въ физіологическомъ и психологическомъ механизмѣ обществъ. Предполагаемая безсознательная воля ничто иное, какъ совокупность воль, сознаній массы людей. Между индивидумами даннаго народа всегда существуетъ симпатическая ко-

операція, какъ результатъ одинаковаго климата, обычаевъ, вѣрованій, общей исторіи. Народъ сознаетъ, къ чему онъ стремится, какъ это видно изъ исторіи крестовыхъ походовъ или разнаго рода политическихъ и соціальныхъ реформъ. Чѣмъ далѣе идетъ цивилизація, тѣмъ возвышеннѣе и сознательнѣе становятся цѣли, полагаемыя себѣ народами. Настоящее объясненіе нѣкоторыхъ историческихъ событій, въ которыхъ безпорядочная въ началѣ агитація вызывала потомъ порядокъ и прогрессъ, лежитъ въ законѣ большихъ чиселъ и среднихъ величинъ, равно какъ въ взаимной нейтрализаціи слѣдствій по мѣрѣ отдаленія. Усиліе цѣлаго народа обыкновенно достигаетъ до максимума своей энергіи въ одномъ или нѣсколькихъ индивидахъ, которые идутъ впереди другихъ. При возникновеніи безсознательнаго въ народахъ мы всегда находимъ *сознаніе* отдѣльныхъ индивидовъ и органическія слѣдствія въ расѣ ихъ сознательныхъ актовъ. Разнаго рода перемѣны въ общественной жизни, сначала вызываемыя властью, переходя въ нравы гражданъ, превращаются въ привычки и обычаи, которые передаются по наслѣдству и такимъ образомъ становятся національными инстиктами, стремленіями. Съ помощью сознанія, олицетворяемаго правительствами, человѣчество создаетъ свою исторію. Безсознательное въ обществѣ—продуктъ идеи и ея могучаго дѣйствія, слѣдъ, оставленный въ организмѣ самимъ сознаніемъ. Разсматривая вопросъ о природѣ сознаніи, Фуллье замѣчаетъ, что въ обществѣ оно разлито по всѣмъ частямъ организма. Но изъ того, что общество есть физіологически организмъ, состоящій изъ индивидовъ и у каждаго изъ нихъ есть сознаніе, еще не слѣдуетъ, какъ это утверждаетъ Эспинасъ, что и въ обществѣ есть свое коллективное сознаніе. Несомнѣнно, что сознаніе сложное психологическое явленіе по своимъ условіямъ и предметамъ. Во всей природѣ существуетъ болѣе или менѣе скрытое сознаніе; клѣточки живаго тѣла могутъ передавать другъ другу свое движеніе и ощущеніе. Человѣческое *я* есть внутренняя форма мысли, которая можетъ подчинить себѣ весь организмъ. Подобно нравственной свободѣ, праву, равенству, *я* или индивидуальность есть идея, которая въ силу непрерывнаго прогресса осуществляется сама собою. *Я*—типъ дѣйствія, идеалъ, который безпрестанно стре-

мится перейти изъ области мысли въ міръ дѣйствительности: всякая идея есть въ тоже время сила, слѣдовательно, фактъ. Такъ физіологически сознаніе—сложное явленіе, психологически же простая форма.

Но есть ли общественное сознаніе индивидуальное, общество есть ли большой индивидъ, существующій для самого себя? На этотъ вопросъ Фуллье отвѣчаетъ отрицательно, вооружаясь противъ положительнаго рѣшенія его Эспинасомъ, который представляетъ рожденіе индивида расщепленіемъ сознаній, а семью ихъ сліяніемъ. Не найдется, однако, примѣра, чтобы два *я* слились въ одно вслѣдствіе ассоціаціи индивидовъ для совмѣстной жизни. Терминъ *я* означаетъ единство и индивидуальность сознанія. Изъ того, что многія сознанія могутъ разомъ воспринимать одни и тѣже мысли и чувства еще не слѣдуетъ, что они могутъ составлять одинъ и тотъ же субъектъ: для этого нужно бы срощеніе мозговъ. Общество состоитъ изъ чувствующихъ, мыслящихъ и дѣятельныхъ субъектовъ, обладающихъ болѣе или менѣе сознательнымъ *я*. Поэтому соціальное сознаніе не можетъ существовать какъ субъектъ, мыслящій самого себя; характеръ общности несовмѣстимъ съ индивидуальнымъ характеромъ всякаго сознанія, имѣющаго свое *я*. Коллективнаго сознанія нужно искать во всѣхъ индивидахъ. Мы наслѣдуемъ отъ своихъ предковъ не ихъ *я*, не ихъ мозгъ, такъ какъ наши родители продолжаютъ жить и имѣть свое *я* и давши намъ жизнь; мы просто наслѣдуемъ только форму ихъ мозговой организаціи. Общество состоитъ изъ отдѣльныхъ, сознательныхъ *я*, изъ которыхъ каждое сознаетъ себя самостоятельнымъ, такъ что сознаніе разсѣяно во всемъ обществѣ. Объединеніе сознаній въ обществѣ есть идеалъ. Исторія человѣческаго развитія указываетъ намъ возрастающее стремленіе сознаній объединяться въ мысляхъ, чувствахъ и желаніяхъ. Наука уже всюду одна; мораль тоже стремится къ установленію одинаковыхъ взглядовъ относительно существенныхъ пунктовъ. Законодательство идетъ за моралью, политика за законодательствамъ. Искусство, промышленность, торговля точно также стремятся къ единообразію. Бладаря же стремленію къ равенству правъ, постепенно будетъ уста-

навливаться и извѣстное равенство состояній. Но на ряду съ стремленіемъ къ единству и централизаціи замѣчается и обратная эволюція, характеризующаяся возрастаніемъ автономіи индивида, развитіемъ разнообразія и децентрализаціи. Эти два противоположныхъ направленія человѣческой эволюціи примиряются тѣмъ, что различіе необходимо для объединенія, энергія индивидуальныхъ сознаній нужна для силы коллективнаго организма. Соціальный организмъ — общество умовъ, создающееся выборомъ, а не необходимостью. Истинный идеалъ общества заключается въ томъ, чтобы каждый членъ соціальнаго тѣла имѣлъ самую ясную идею о *я* другихъ членовъ и полное сознаніе о собственномъ *я*, которое пріобрѣтается только путемъ свободы. Біологія также отвергаетъ поглощеніе индивида государствомъ, къ чему приходятъ нѣкоторыя нѣмецкія теоріи. Истинные законы общественнаго организма говорятъ въ пользу либеральной школы, а не ретроградной. Чѣмъ болѣе развита автономія индивида (въ семьѣ, націи, человѣчествѣ), тѣмъ жизнь общества интенсивнѣе. Направляющей идеей человѣческой эволюціи является, слѣдовательно, не порабощеніе сознаній, а гармонія всѣхъ сознаній въ самой ихъ свободѣ. Такимъ образомъ, только тамъ, гдѣ существуютъ индивидуальныя сознанія и отдѣльныя воли, находится и общественное сознаніе или объединеніе воль.

Важнымъ вопросомъ въ наукѣ объ обществѣ является вопросъ о карательной справедливости и столкновеніи правъ въ обществѣ. Необходимое въ немъ стѣсненіе гражданъ вызываетъ столкновеніе ихъ свободы. Отсюда возникаютъ двѣ главныхъ проблеммы — о предупрежденіи столкновеній и исправленіи уже происшедшихъ. Для избѣжанія конфликтовъ нужно, чтобы свобода человѣка оставалась ненарушимой въ предѣлахъ ограниченій, необходимыхъ для интересовъ общества, сфера свободы была повозможности широка и ограниченіе ея было для всѣхъ одинаково. Какъ сдѣлать, чтобы самое ограниченіе свободы было дѣломъ свободы, — это составляетъ задачу науки объ обществѣ въ ея приложеніи къ юриспруденціи и политикѣ. Фулье отказывается рѣшить вопросъ о минимумѣ ограниченій свободы въ обществѣ; онъ замѣчаетъ, что лучшее рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ соглашенія самихъ индивидовъ

касательно этого пункта. Весь гражданскій порядокъ общества представляетъ собою систему внутреннихъ принужденій, которыя взаимно дѣлаются гражданами по отношенію другъ къ другу. Отсюда право употреблять силу для отраженія силы, когда возникаетъ столкновеніе. Но отраженіе должно быть не предупредительнымъ, а карательнымъ. Предупредительная репрессія была всегда маской деспотизма: подъ предлогомъ злоупотребленія свободой воспрещается ея употребленіе. Поэтому принужденіе справедливо только въ карательной формѣ, причемъ оно должно употребляться по отношенію къ внѣшнимъ дѣйствіямъ, нарушающимъ положительное право. Индивидъ долженъ сохранять въ обществѣ всѣ свои права и всю свою личную свободу. Принужденіе, какъ противоположность праву, служитъ ему орудіемъ и въ обществѣ подвергаются умаленію не право и свобода, а принужденіе и насиліе. Но правомъ принужденія долженъ пользоваться не самъ потерпѣвшій индивидъ, а только посредствомъ общества. Фулье разсматриваетъ проблемму о правѣ общества наказывать преступниковъ, сначала съ точки зрѣнія спиритуалистовъ, именно находитъ, что ни неопредѣленная свободная воля, ни опредѣленное дѣйствіе и характеръ не могутъ служить основаніемъ абсолютной, метафизической отвѣтственности людей за свои дѣйствія. Натуралистическая школа виновата въ томъ, что она низвела преступленіе на умопомѣшательство и невѣжество, а соціальное право репрессіи на право лечить и наставлять. Ей недостаетъ чувства идеала и его руководящаго вліянія на человѣческіе поступки. Истинная теорія отвѣтственности основывается на дѣйствительномъ вліяніи идей и на ихъ способности осуществляться самими собою. Нравственная законность кары выводится изъ идеальной свободы, признаваемой за принципъ права, а ея соціальная законность вытекаетъ изъ общаго принятія этого идеала по договору. Фулье отвергаетъ также и принципъ искупленія вины преступникомъ, какъ основаніе соціальныхъ карательныхъ мѣръ. При возмездіи нѣтъ дѣйствительнаго равновѣсія между страданіями жертвы и преступника. Не достигаетъ цѣли и стремленіе уравновѣсить наказаніе не съ страданіемъ жертвы а съ злонамѣренностью преступника. Именно отсюда вытекала

претензія зондировать сердца и всѣ сокровенныя помышленія преступниковъ и подвергать оцѣнкѣ ихъ намѣренія, чтобы пропорціонально имъ установить наказанія. Проводить это равенство между страданіемъ и злонамѣренностью означаетъ осуществлять идею объ интеллектуальномъ возмездіи, мнимой и вполнѣ матеріальной правильности. А Франкъ и др. моралисты допускают, какъ послѣднее основаніе законности человѣческихъ наказаній, идею нравственной и божественной санкціи. Идеалъ, однако, заключается въ томъ, чтобы въ мірѣ не было ни одного существа, которое было бы обречено на постоянныя страданія. Единственное страданіе, которое было бы спасительнымъ сознаніемъ зла, сознаніе преступникомъ нравственнаго безобразія своего проступка, которое (сознаніе) порождаетъ желаніе нравственной красоты. Истинное раскаяніе въ содѣланномъ злѣ добровольно; оно есть единственное чисто нравственное наказаніе, ибо въ сущности есть исцѣленіе. По мнѣнію Фуллье, наказаніе, которое не имѣетъ значенія средства защиты и соціальной репрессіи или окончательнаго исправленія преступника—временный адъ, отличающійся отъ настоящаго только меньшею продолжительностью. Современная соціальная наука отвергаетъ варварскія идеи тѣлесныхъ „нравственныхъ мукъ и вообще искупительныхъ наказаній“. Карательныя наказанія должны имѣть цѣлью лишь одно возстановленіе между лицами настоящихъ правовыхъ отношеній: только такимъ путемъ можетъ быть возстановлена справедливость между лицами. Изъ этого реальнаго основанія соціальныхъ карательныхъ мѣръ вытекаетъ для пострадавшаго право защиты, а относительно преступника—право репрессіи, устраненія и право компенсаціи, гражданскаго возстановлѣнія убытковъ отъ преступленія. Ко всему этому присоединяется обязанность исправить преступника. Взглядъ Фуллье оправдывается соціальными интересами; сообразно же съ ними онъ предлагаетъ реформировать и уголовные кодексы европейскихъ государствъ, особенно же институтъ присяжныхъ засѣдателей. Фуллье держится того мнѣнія, что принужденіе не составляетъ сущности права, послѣднее и крайнее средство для разрѣшенія столкновеній. Принужденіе служитъ препятствіемъ праву, почему уголовная юстиція должна обратить его на пользу праву и силу, —врага свободы превратить

въ ея помощника. Преступникъ часто есть безумный, часто—невѣжда. Чѣмъ больше будетъ школъ, тѣмъ меньше останется тюремъ и скорѣе на дверяхъ школъ, чѣмъ на вратахъ тюремъ, слѣдовало бы надписывать девизъ права—„свобода“.

Въ послѣдней главѣ своей книги Фуллье занимается вопросомъ о братствѣ и справедливости удовлетворенія. Справедливость, какъ и все остальное, подлежитъ одинаково закону эволюціи и прогресса. Поэтому Фуллье подвергаетъ критикѣ сначала пониманіе братства, равенство между человѣкомъ и животнымъ, которое основывались на общности происхожденія. На Западѣ исходная точка—жизнь гражданская и политическая, но съ тѣмъ же національнымъ отпечаткомъ. Греческіе философы признаютъ присущее человѣку достоинство, какъ основаніе права и братства. Это достоинство они полагаютъ въ разумѣ. Фуллье признаетъ, что есть сближеніе между пониманіемъ любви со стороны современныхъ философскихъ школъ и христіанскимъ ученіемъ. Только христіанская любовь—любовь Бога и людей къ Богу. Христіанство не вѣритъ, чтобы люди могли соединяться въ силу самой своей природы, въ которой оно открываетъ наклонность ко злу. Фуллье того мнѣнія, что нравственная проблемма братства всѣхъ людей не нуждается для своего разрѣшенія въ религіозныхъ или отвлеченно философскихъ идеяхъ. Если мы всѣ одной семьи, то тѣмъ болѣе основанія намъ любить другъ друга; но если бы мы были и разныхъ семей, то это не могло бы служить для насъ поводомъ ненавидѣть другъ друга; разнясь по крови, мы должны сближаться сердцемъ. Истинная человѣческая семья есть та, которая является добровольнымъ дѣломъ самихъ людей. Фуллье критикуетъ мысль Секретана, который старается доказать единство человѣческаго рода посредствомъ отвлеченныхъ религіозныхъ разсужденій о любви. Для установленія братства нужно только имѣть предъ собой его идеалъ. Любовь вездѣ есть чувство, тогда какъ право есть идея. Принципъ любви недостаточенъ для разрѣшенія всѣхъ проблеммъ моральной и соціальной жизни, потому что съ помощью его нельзя опредѣлить положительныхъ отношеній между долгомъ и правомъ которыя должны существовать у людей. Индія и средніе вѣка

представляютъ поразительный примѣръ поглощенія права любовью. Требовать своего права и охранять и поддерживать его передъ всѣми казалось несогласнымъ съ преданіемъ себя на волю божью, кротостью, терпѣніемъ, прощеніемъ, обидъ и смиреніемъ, составляющими столь существенныя черты восточной и христіанской любви. Современный же гражданинъ заявляетъ о своемъ правѣ и требуетъ его признанія, когда оно нарушается. Фуллье становится вполнѣ на сторонѣ англійскихъ утилитаристовъ, доказывающихъ несовмѣстимость исключительнаго проведенія начала альтруизма съ принципомъ сохраненія и развитія человѣческой личности. Самая идея самоотреченія должна уступить мѣсто идеѣ договора, справедливости, воздаянія каждому должнаго. Истиннаго братства нужно искать въ природѣ человѣка. Братство—человѣческая идея самостоятельности каждаго отдѣльнаго лица, признаніе за человѣкомъ идеальнаго достоинства, которое стоитъ выше всякой матеріальной оцѣнки. Идея общества, составленная изъ существъ свободныхъ, равныхъ, братьевъ—высшій нравственный идеалъ. Свободное проявленіе индивидуальныхъ силъ, свободная ассоціація ихъ по договору и соединеніе этихъ силъ путемъ развитія и общественнаго развитія и общественнаго братства—три степени свободы и права, достаточныхъ для разрѣшенія общественныхъ вопросовъ. Къ братству относится весьма важная форма справедливости, которая родится изъ нарушенія права. Это—право удовлетворенія за совершенное зло. Исторія завѣщала намъ тысячи нарушеній правъ, послѣдствія которыхъ существуютъ до сихъ поръ. Высшая и идеальная цѣль справедливости удовлетворенія—возстановленіе раціональныхъ условій общественнаго договора. Государство выполняетъ функцію удовлетворенія въ гражданскомъ порядкѣ, при разрѣшеніи дѣлъ о гражданскихъ правонарушеніяхъ. Посредствомъ разныхъ реформъ въ гражданскихъ и политическихъ учрежденіяхъ выражается активная справедливость общества. Функція удовлетворенія принадлежитъ государству, которое охраняетъ не только права современныхъ и будущихъ поколѣній, но и выполняетъ также обязательства, завѣщанныя прошлыми поколѣніями. Но только въ дѣлѣ исправленія прошлаго не слѣдуетъ выходить изъ надлежащихъ границъ;

общество, желая удовлетворить всѣ давнія несправедливости, рисковало бы совершить новыя. Обязанность удовлетворенія лежитъ на всѣхъ членахъ общества и должна выполняться государствомъ. Великое и самое вѣрное средство выполнить эту обязанность это всеобщее, обязательное и даровое образованіе.

Таково содержаніе соціологіи по представленію Фуллье, который въ заключеніи къ своей книгѣ дѣлаетъ краткій очеркъ исторіи науки въ обществѣ, а затѣмъ вкратцѣ же даетъ общій синтезъ главныхъ принциповъ соціологіи, изложенныхъ въ подробностяхъ въ сочиненіи Фуллье. Соціологіи предшествовала ея родоначальница-философія исторія съ ея апріорнымъ методомъ и сначала теологическимъ, а потомъ метафизическимъ содержаніемъ. Принципъ конечныхъ причинъ, метафическая целесообразность, господствовавшая въ философіи исторіи, требовала объясненія фактовъ сущностями всякаго рода и ранга. Послѣдствіемъ такихъ ученій въ метефизикѣ является чистый или смѣшанный фатализмъ въ жизни человѣка, въ политикѣ болѣе или менѣе смягченный абсолютизмъ. Причина подобныхъ заблужденій заключается въ смѣшеніи метафизики съ наукой, размышленій объ абсолютномъ съ позитивнымъ знаніемъ дѣятельности. Предметомъ позитивной соціологіи является не сущность, причина или цѣль вещей, а строеніе и отправленія общественнаго тѣла. Части соціологіи—статика и динамика, соціальныя явленія со стороны ихъ постоянства и развитія. Руководящимъ принципомъ въ соціологіи ставится естественная причинность, естественнымъ слѣдствіемъ которой является научный детерминизмъ. Если догадка о планѣ міра, исторіи будутъ подчинены обыкновеннымъ правиламъ гипотезъ, контролю логики, метафизика и соціологія могутъ быть объединены, причемъ, конечное средство, связывающее ихъ въ одно цѣлое, заключается въ понятіи объ идеяхъ — силахъ, объ извѣстномъ идеалѣ у человѣческаго общества, который оно полагаетъ своею цѣлью. Метафизика совершенно права, признавая извѣстную систему руководящихъ идей для человѣчества, извѣстную человѣческую цѣль. Общій остатокъ теологическихъ и метафизическихъ ученій, скрытый подъ религіозными миѳами, есть болѣе или менѣе опредѣленный идеалъ нравственности,

свободы, справедливости и братства. Чтобы составить научное понятіе объ идеалѣ, нужно объяснить его образованіе и дѣйствія совершенно естественными причинами. Въ жизни общества наблюдается не одна причинность, но еще и цѣлесообразность, которая возникаетъ сама собою. Эта цѣлесообразность ничто иное, какъ продолженная причинность, отраженная въ сознаніи. Будущее человѣчества, если не всего міра въ рукахъ человѣка. Изо всѣхъ идей высочайшая—идея Конта о великомъ соціальномъ существѣ, цѣломъ человѣчествѣ, выражающая самый идеалъ мысли, руководящая и особенно вліятельная. Самая возвышенная цѣль соціологіи указать синтезъ идей свободы и взаимной зависимости людей подъ различными формами общественнаго договора и организма, справедливости и братства.

Фуллье послѣ повторенія главныхъ вопросовъ соціологіи пытается еще сдѣлать синтезъ науки объ обществѣ и космологіи, разрѣшить съ помощью данныхъ соціологіи общіе вопросы о природѣ, цѣли, принципѣ, образованіи и общемъ законѣ міра. Послѣдній представляется обширнымъ организмомъ, всѣ части котораго обладаютъ силами, заключающими въ себѣ все, что проявляется во внѣ при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Міръ-совокупность ощущеній, мыслей, активныхъ силъ, между которыми происходитъ обмѣнъ и симпатія. Цѣль существованія міра, къ которой онъ стремится,—общественное состояніе. Общій законъ организмовъ (міра и существъ)—развитіе, сначала безсознательное, а потомъ сознательное, имѣющее идею своимъ верховнымъ двигателемъ. Сначала надъ эволюціей господствуетъ законъ причинности, въ человѣческихъ обществахъ появляется категорія цѣлесообразности. Во всякомъ организмѣ способъ самообразованія—самопроизвольность. Поэтому міръ не нуждается въ деміургѣ; онъ самъ себѣ строитель. Основное начало міра поэтому нужно представлять, какъ силу организаціи и ассоціаціи, присущую всѣмъ живымъ существамъ, людямъ же свойственную подъ названіемъ воли. Всю вселенную можно представить въ видѣ обширнаго общества существъ, всѣ члены котораго кооперируютъ въ дѣлѣ жизни цѣлаго. Міръ создался стремленіемъ, желаніемъ существъ. Основная и присущая

всѣмъ существамъ сила, всегда готовая проявляться при свѣтѣ сознанія, — *общественность*. Въ соціологіи все держится однимъ центральнымъ понятіемъ, договорнымъ организмомъ, который осуществляется самимъ сознаніемъ и дѣятельнымъ импульсомъ идеи и силы, объединяющей понятія организма и договора. Равновѣсіе свободы и солидарности, индивидуальности и коллективности осуществляется лишь договорнымъ режимомъ. Человѣчеству предстоитъ установить въ соціальномъ порядкѣ синтезъ двухъ началъ, разлитыхъ во вселенной: жизни и сознанія, движенія и мысли. Тѣже законы, которые создали міры и вселенную, создаютъ и человѣческія общества, которыя отличаются отъ нихъ только развитіемъ сознанія и произвольнаго движенія. На этой идеѣ тождества видимой природы и человѣка Фуллье построилъ, какъ мы видѣли, все зданіе соціологіи, которая у него является дѣйствительно стройной системой знаній о человѣческомъ обществѣ. Фулльe принимаетъ понятіе о соціологіи и раздѣленіи ея на статику и динамику, выставленное О. Контомъ, но онъ, прежде всего, не указываетъ на невозможность провести опредѣленное разграниченіе между этими частями наука объ обществѣ. Затѣмъ, не видно, чтоже составляетъ содержаніе каждой изъ нихъ по Фуллье, что входитъ изъ вопросовъ, разрѣшаемыхъ имъ въ своей книгѣ, въ статику и что въ динамику. Трудно также согласиться съ Фуллье, что понятіе великаго существа — человѣчество должно составить предметъ соціологіи, какъ это утверждаетъ Контъ, котораго Спенсеръ справедливо упрекаетъ въ пренебреженіи фактомъ, что на дѣлѣ существуютъ индивиды и націи, но не человѣчество — чисто отвлеченное понятіе. Также понимаетъ его и самъ Фуллье, который вообще обнаруживаетъ склонность внести въ соціологію болѣе отвлеченныхъ, нежели реальныхъ элементовъ. Такова въ особенности идея договорнаго организма, который составляетъ, по взгляду Фуллье, центральное понятіе въ наукѣ объ обществѣ. Поэтому онъ такъ много потратилъ усилій на то, чтобы, установить это понятіе путемъ примиренія противоположныхъ представленій объ обществѣ идеалистической и натуралистической школы. При этой попыткѣ сближенія и сліянія понятій обѣихъ школъ бросается

въ глаза видимое сочувствіе Фуллье взглядамъ Ж. Ж. Руссо и всей раціоналистической школы. Это видно, главнымъ образомъ, изъ принадлежащаго Фуллье представленія о творческой способности идей въ образованіи не только человѣческаго общества, но даже и всего міра. Мысль его объ идеяхъ, какъ силахъ, вѣрна въ томъ отношеніи, что ими обусловливается не только возможность образованія общества, но и всего дальнѣйшаго его развитія. Но съ этой точки зрѣнія не представляется ли также необходимымъ предположить существованіе первичной, высшей идеи, давшей жизнь всему міру? Всѣ другія идеи, возникающія въ сознаніи людей, представляютъ собою тѣ или другія понятія объ условіяхъ совмѣстной жизни людей, личныхъ и общественныхъ идеалахъ. Каждый изъ нихъ осуществляется людьми, а не самъ по себѣ переходитъ въ жизнь въ силу присущей ему, по Фуллье, какой-то „самопроизвольности". Идея можетъ быть названа силой только въ томъ смыслѣ, что въ ней выражаются тѣ или другія стремленія человѣческой природы, вслѣдствіе чего люди и устраиваютъ свою жизнь сообразно своимъ идеаламъ. Представленіе Фуллье объ идеяхъ—силахъ несомнѣнно имѣетъ важное значеніе въ соціологіи, такъ какъ оно—признаніе могущества человѣческой личности въ созданіи и развитіи общества. Поэтому-то Фуллье выдвигаетъ въ немъ особенно вопросъ объ общественномъ сознаніи, въ которомъ онъ видитъ лишь соединеніе сознаній отдѣльныхъ индивидуумовъ. По той же причинѣ въ самомъ началѣ образованія общества ставится имъ же сознаніе человѣка и онъ отличаетъ общества людей отъ разнаго рода группъ животныхъ тѣмъ, что въ первыхъ появляется сознаніе общественности. На самомъ дѣлѣ примитивныя общества складываются безсознательнымъ путемъ, въ силу инстинктивнаго стремленія къ совмѣстной жизни, гдѣ только могутъ находить удовлетвореніе всѣ потребности людей. Вопросъ о томъ, какъ складывается общество, какое соотношеніе существуетъ между главными его элементами: матеріальнымъ, экономическою жизнью, и духовнымъ, совокупностью идей отдѣльныхъ индивидовъ, соціальныхъ идеаловъ объ образованіи коренныхъ общественныхъ институтовъ—семьи, собственности, государства—и роли въ обществѣ

религіи, науки и искусства, всѣ эти вопросы не находятъ мѣста въ соціологіи Фуллье. Послѣдній ограничивается, какъ мы видѣли, кромѣ изслѣдованія вопроса о понятіи общества и общественномъ сознаніи, еще вопросами объ уголовной справедливости и братствѣ, какъ основныхъ началахъ общественной жизни.

При детальномъ разсмотрѣніи каждаго изъ упомянутыхъ вопросовъ Фуллье также высказываетъ взгляды, съ которыми трудно согласиться. Такъ, стараясь оправдать теорію общественнаго договора Руссо, онъ ставитъ ему въ заслугу, что въ этой теоріи разсматривается государство, какимъ онъ должно быть, а не каково есть въ дѣйствительности. Но это означаетъ, что Руссо, а за нимъ Фуллье строятъ теорію какого-то отвлеченнаго, несуществующаго государства и общества, не желая обращать вниманія на историческое его происхожденіе и соціальныя и политическія формы. Оба они въ данномъ случаѣ смѣшиваютъ два совершенно различныхъ вопроса: вопросъ о происхожденіи государства и общества съ вопросомъ объ ихъ цѣляхъ, которыя ставятся людьми послѣ того, какъ давно уже образовались и общество и государство. Странно также слышать, что современное общество не нуждается въ справедливомъ распредѣленіи благъ, а только въ справедливомъ ихъ обмѣнѣ посредствомъ договора. Фуллье представляетъ какое-то идеальное общество, въ которомъ всѣ отношенія людей основываются на свободномъ соглашеніи, преслѣдующемъ одинаково интересы каждаго. Самъ же онъ замѣчаетъ, то такого рода свободу трудно осуществить въ обществѣ, гдѣ богатство распредѣлено весьма неравно, что стремиться къ уничтоженію существующихъ въ обществѣ ненормальностей значитъ совершить цѣлый рядъ несправедливостей, и что единственное средство въ этомъ отношеніи безплатное, общедоступное и обязательное образованіе. При его помощи подготовляется въ обществѣ и справедливое распредѣленіе благъ между членами общества, изъ которыхъ каждому предоставляется работать на общую пользу сообразно съ своими силами и способностями. Разбирая возраженія противъ французскаго метода въ соціологіи (О. Конта), Фуллье дѣлаетъ неожиданное открытіе, что философія права и политическая экономія—первыя и руководящія

науки, входящія въ соціологію и имѣющія своимъ предметомъ установленіе договорнаго режима. Обѣ эти науки, конечно, имѣютъ тѣсную связь съ соціологіей, но потому, что философія права даетъ общую его теорію, безъ которой нельзя понять роль права въ общественной жизни, а политическая экономія изучаетъ законы экономической жизни общества. Мы не знаемъ, чтобы кто либо изъ ученыхъ, кромѣ Фуллье, утверждалъ, что философія права изучаетъ формы справедливыхъ договоровъ, а политическая экономія ихъ содержаніе. Среди юридическихъ наукъ обоими этими вопросами занимается гражданское право или, точнѣе, право имущественное (обязательственное), которое имѣетъ своей задачей регулировать договорныя отношенія людей, но лишь въ одной области частной ихъ жизни, имущественной, не касаясь публичной жизни общества. Фуллье затрачиваетъ много труда на то, чтобы установить понятіе договорнаго организма въ приложеніи къ обществу и на ряду со сходствами отыскать и черты различія между общественнымъ и индивидуальнымъ организмомъ. Едва ли только можно считать большимъ шагомъ впередъ новую, вводимую Фуллье, поправку въ понятіе организма, считать главнымъ принципомъ его жизни не подчиненіе частей цѣлому, какъ обыкновенно думаютъ, а кооперацію частей. Несамостоятельность частей по отношенію къ цѣлому—характерная черта низшихъ организмовъ, и только о человѣческомъ обществѣ можно сказать, что его части—индивиды существуютъ сами по себѣ, имѣютъ собственные, личные интересы, которые дѣйствительно лучше достигаются при соединеніи ихъ силъ. Поэтому-то Фуллье правъ, когда онъ идеалъ общественной жизни видитъ въ совершенной централизаціи вмѣстѣ съ такой же децентрализаціей, равновѣсіи цѣлаго съ частями, ихъ интересовъ. Съ проповѣдью Фуллье индивидуальной свободы, какъ базиса общественной жизни, совпадаетъ его взглядъ на основаніе отвѣтственности за преступленія и ему же противорѣчитъ мнѣніе автора о правѣ наказанія. Фуллье, подобно многимъ современнымъ криминалистамъ, смотритъ на преступленіе только съ одной соціальной стороны, опасности для общества, и совершенно игнорируетъ другую не менѣе важную—нравственную и юриди-

ческую отвѣтственность преступника за свои дѣйствія. Фуллье преувеличеннаго мнѣнія о способности преступниковъ имѣть нравственные идеалы и сознавать свою преступность. Его замѣчанія о принужденіи, какъ несущественномъ элементѣ права, совершенно вѣрны, но о самомъ правѣ у него нѣтъ правильнаго представленія: Фуллье смѣшиваетъ право съ свободой, которая только цѣль права. Мы также не можемъ согласиться с. его критикой христіанскаго братства. Самъ же Фуллье констатируетъ совпаденіе современныхъ ученій о морали съ христіанскимъ ученіемъ о нравственности и тѣсную связь христіанской этики съ древней. Не видно, почему идеалъ братства долженъ быть основанъ не на идеѣ о Высшемъ Существѣ, положившей начало объединенію всего міра, а на природѣ людей, въ которой кроется много противообщественныхъ инстинктовъ; люди ничего не проиграли бы оттого, если бы христіанскій принципъ любви къ ближнему былъ проведенъ въ жизнь во всей его полнотѣ, былъ принятъ всѣми въ основаніе всего ихъ поведенія. Тогда навѣрное не нашлось бы людей, нарушающихъ права другихъ, и гражданамъ не нужно было бы заявлять о своихъ правахъ, требовать ихъ признанія со стороны каждаго. Полное самоотверженіе не только не повлекло бы за собой разложенія общественнаго организма, но, напротивъ, укрѣпило бы его на незыблемомъ фундаментѣ, такъ какъ въ такомъ случаѣ общество не страдало бы отъ разнообразныхъ проявленій эгоизма человѣка. Христіанство впервые признало за человѣческою личностью идеальное достоинство, независимо отъ разныхъ общественныхъ условій, и въ немъ скрывается зародышъ объединенія въ будущемъ всего человѣчества, начала равенства и свободы всѣхъ людей.

В. Щегловъ.

---

2. *Анри де-Турвиль:* „Соціальная наука представляетъ ли науку?“. Переводъ графа Ланского. Спб. 1895 г. XXV—62 стр.

Въ предисловіи къ этой брошюрѣ французскаго соціолога переводчикъ сообщаетъ интересныя біографическія и научныя свѣдѣнія

о *Ле-Плэ*—основателѣ современнаго направленія въ соціальной французской наукѣ. Графъ Ланской преклоняется предъ геніемъ Ле-Плэ, открывшимъ давно извѣстную истину, что соціальныя явленія нужно изучать наблюденіемъ. Переводчикъ, видимо, не подозрѣваетъ, что соціальная наука основана впервые во Франціи О. Контомъ, но ни Ле-Плэ, ни его ученикомъ, Анри де-Турвилемъ, до сихъ поръ сомнѣвающимся въ существованіи соціальной науки. Изученіе семьи, какъ клѣточки всякаго общества, составляетъ, по Ле-Плэ, начало соціальной науки. Но тотъ же взглядъ, научно только обоснованный, былъ давно высказанъ въ нѣмецкой литературѣ А. Шеффлэ. Ле-Плэ приписываютъ честь изобрѣтенія монографическаго метода для наблюденія семьи-типа; посредствомъ этого метода разсматривается рабочая семья въ ея хозяйственной организаціи. Ле-Плэ открываетъ три вида семейства: патріархальное, неустойчивое и устойчивое или коренное. Различіе между ними основывается на отношеніи между степенью власти отца въ семьѣ и самостоятельностью сыновей, также какъ и имущественными ихъ правами. Практическая задача изслѣдованія Ле-Плэ—устроить семейство по образцу устойчиваго, развить мѣстную жизнь въ коммюнахъ и ограничить административную власть государства, соединить съ политической централизаціей административную децентрализацію. По словамъ переводчика, Ле-Плэ смѣшалъ науку полицейскаго права съ соціологіей, отыскивая условія безопасности и благосостоянія общества, и не опредѣлилъ точно предмета соціальной науки. Эту задачу взялъ на себя ученикъ Ле-Плэ, Анри-де Турвиль, по словамъ котораго соціальная наука занимается условіями или законами различныхъ группировокъ, которыхъ требуетъ между людьми большая часть проявленій ихъ дѣятельности. Турвиль старается разсѣять разные предразсудки противъ изученія соціальной науки, о которыхъ читатель, впрочемъ, найдетъ гораздо больше и лучше въ обстоятельномъ „Введеніи въ изученіе соціологіи“ Спенсера. Турвиль также останавливается на научныхъ пріемахъ, которые находятъ примѣненіе въ соціологіи: методическомъ анализѣ, приложеніи его къ жизни рабочаго, какъ основнаго общественнаго элемента, и рабочему семейству, сравнительнаго

наблюденія различныхъ типовъ семьи, особенно патріархальной, и классификаціи соціальныхъ явленій, соединеніи ихъ однородныхъ классовъ въ высшія группы, особые роды общественныхъ явленій. Анри де-Турвиль указываетъ на основную ошибку Ле-Плэ въ классификаціи рабочихъ семействъ, невозможность въ виду фактовъ принять за ея основу способъ передачи имущества отца къ сыну и необходимость видѣть эту основу въ воспитаніи молодого поколѣнія. Впрочемъ, Турвиль прибавляетъ только одинъ новый видъ семьи къ описываемымъ Ле-Плэ—мнимо-патріархальное или коренное семейство.

Турвиль даетъ, послѣ критики классификаціи соціальныхъ явленій Ле-Плэ, свою собственную, въ которой помѣщено 25 классовъ, куда взошли въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ общественныя явленія, начиная съ наиболѣе простыхъ и оканчивая сложнѣйшими. Первый классъ ихъ составляютъ всѣ явленія, которыя выражаютъ собою физическія условія *мѣста*, гдѣ живетъ общество. Раньше всего остального нужно, чтобы люди гдѣ-либо осѣли и начали пользоваться матеріальными средствами, представляемыми мѣстомъ. Второй классъ соціальныхъ явленій заключаетъ въ себѣ все, что касается физической работы человѣка; работа—дѣйствіе человѣка, служащее для извлеченія изъ мѣста того, въ чемъ онъ нуждается. Отсюда видно, что этотъ классъ явленій тѣсно связанъ съ предъидущимъ. Третій классъ явленій—собственность, которая также тѣсно связана съ работой, какъ работа съ мѣстомъ. Родъ собственности зависитъ вездѣ отъ условій работы. Если работа производится общиной, является общинное владѣніе. Если она производится отдѣльнымъ хозяйствомъ, у Васъ семейная собственность. Отъ свободной инициативы отдѣльнаго лица зависитъ возникновеніе отдѣльной собственности. Съ точки зрѣнія соціальной науки различаются четыре рода собственности. Главнѣйшая изъ нихъ земельная собственность, аграрный режимъ, какъ важный для характеристики всякаго соціальнаго строя въ эпохи покоя и революціонные. Это собственность въ истинномъ смыслѣ слова. Низшій ея родъ—движимое имущество, за которымъ слѣдуетъ заработная плата. Сбереженіе увеличиваетъ собственность всякаго рода, которая укладывается

въ четыре класса соціальныхъ явленій; вмѣстѣ съ первыми двумя они могутъ быть соединены въ одну общую группу: „Средства существованія". Послѣдними опредѣляются обыкновенно формы всякаго, а также и рабочаго семейства, которое составляетъ седьмой классъ соціальныхъ явленій. Изученіе домашней іерархіи стоитъ въ зависимости отъ необходимости удовлетворить разнообразнымъ потребностямъ. Съ другой стороны, невозможно понять различные виды родительской власти и другіе элементы семейства безъ предварительнаго знакомства съ разнообразными условіями ихъ матеріальнаго существованія. Андри де-Турвиль думаетъ, что соціальная наука должна ограничиться изученіемъ рабочаго семейства. Изслѣдованіе способовъ его существованія, приложеніе доходовъ рабочаго семейства для удовлетворенія матеріальныхъ нуждъ разныхъ его членовъ составляетъ восьмой классъ соціальныхъ явленій. Для матеріальныхъ нуждъ рабочаго семейства въ классификаціи находятся особые классы соціальныхъ явленій, въ которыхъ разсматриваются способы удовлетворенія подобныхъ нуждъ. Таковы: торговля, сосѣдство, корпорація, община и проч. Девятый классъ составляютъ фазы существованія—явленія, нарушающія къ добру или худу обыкновенныя условія существованія (рожденіе дѣтей, болѣзни, смерть членовъ семейства и проч.). Послѣдній классъ явленій этой категоріи, важный въ общемъ порядкѣ соціальнаго строя—*покровительство*, котораго Турвиль различаетъ три рода: покровительство работы, собственности и покровительство при самомъ употребленіи семействомъ своихъ доходовъ. Отсюда десятый классъ соціальныхъ явленій подъ названіемъ покровительство, которое заключается въ управленіи людьми, общемъ направленіи жизни. Спеціальными способностями для помощи рабочему семейству обладаютъ патроны—лица, занимающіяся торговлей, умственной культурой (наукой и искусствомъ) и религіей. Это—11, 12 и 13-й классъ явленій. Сношенія патрона съ другими патронами, со множествомъ рабочихъ и нерабочихъ семействъ, порождаютъ 14-й классъ явленій—сосѣдство. Въ 15-мъ классѣ помѣщаются корпораціи, составленныя изъ независимыхъ людей, которые находятся въ взаимныхъ обязательствахъ другъ съ другомъ.

Общіе интересы людей, независящіе отъ доброй воли людей, гарантируются абсолютнымъ принужденіемъ, учрежденіемъ общественной власти. Государственная жизнь раздѣляется на нѣсколько большихъ классовъ явленій: община, общинные союзы, городъ, составныя части провинціи и государство. Эти классы образуютъ 16—21 классъ явленій. Послѣдніе четыре класса соціальныхъ явленій касаются тѣхъ изъ нихъ, которые заходятъ за предѣлы національной территоріи государства. Нація распространяется посредствомъ эмиграціи и колонизаціи. Отсюда 22-й классъ явленій—распространеніе расы. За предѣлами государства—чужіе края, о которыхъ говорится въ 23-мъ классѣ. Исторія расы изучается въ 24-мъ классѣ, а отношеніе расы къ другимъ расамъ, ея рангъ между ними входитъ въ 25-й классъ явленій.

Такова соціальная наука Ле-Плэ и его лучшаго послѣдователя, Анри де-Турвиля. Всѣ ихъ наблюденія и разсужденія относительно предмета соціальной науки, ея метода, какъ и предлагаемая Ле-Плэ и особенно Турвилемъ классификація соціальныхъ явленій сосредоточиваются около „рабочаго семейства", которое составляетъ по ихъ мнѣнію, центръ всѣхъ соціальныхъ явленій, а благосостояніе этого семейства послѣднюю задачу соціальной науки въ практической жизни. Эта „рабочая" соціальная наука далека отъ широкихъ соціологическихъ обобщеній отца французской и общеевропейской соціологіи Огюста Конта, о которомъ новые соціологи даже и не подозрѣваютъ. Оттого-то они и дѣлаютъ разныя „открытія" относительно метода и другихъ вопросовъ соціальной науки, извѣстныя въ ней ранѣе трудовъ Ле-Плэ и Турвиля. Такова, напр., мысль, что изученіе соціальной жизни нужно начинать съ индивида (у Ле-Плэ—рабочаго), на чемъ особенно настаиваетъ О. Контъ. Вслѣдъ за этимъ у Ле-Плэ проводится другая уже мысль, что изучать нужно семейство рабочаго. Ничего нѣтъ новаго въ методологическихъ разъясненіяхъ Ле-Плэ и Турвиля: они только повторили ученіе О. Конта о положительномъ методѣ, притомъ, очень неполно. Мы должны также замѣтить о томъ, насколько невѣрны представленія Ле-Плэ и Турвиля о формахъ рабочей семьи. Указанными ими типами семьи далеко не исчерпыва-

ются всѣ дѣйствительно существующія формы семьи, въ числѣ которыхъ находится, неупомянутая новыми соціологами, семья матріархальная, гдѣ наблюдаются своеобразныя черты всѣхъ отношеній между членами семьи. Патріархальная семья болѣе высшій типъ семьи, за которымъ слѣдуетъ обще-европейская, индивидуальная семья. За трудами Ле-Плэ и Турвиля по соціологіи можно признать только одну заслугу — сосредоточеніе вниманія общества на изученіи семейства рабочаго, экономическомъ родѣ соціальныхъ явленій. Всѣ остальные ихъ роды разсматриваются ими только по отношенію къ этимъ экономическимъ явленіямъ, чѣмъ подрывается самостоятельное значеніе первыхъ и преувеличивается значеніе въ общественной жизни экономическихъ явленій. Причина такого особеннаго вниманія Ле-Плэ и его школы къ рабочей семьѣ заключается въ общемъ характерѣ современной западно-европейской жизни, рабочемъ ея вопросѣ, на разрѣшеніе котораго направлены всѣ усилія мыслителей и государственныхъ дѣятелей. Но такое особенное пріуроченіе соціальной науки къ одному практическому, хотя и жгучему, вопросу, нельзя считать большимъ прогрессомъ въ соціальной наукѣ, гдѣ изучаются законы *всѣхъ* соціальныхъ явленій, а не однихъ только економическихъ.

В. Щегловъ.

---

3. Adolphe Prins, Causerie sur les doctrines nouvelles du droit pénal, fait le 21 décembre 1895 à la conférence du jeune barreau de Bruxelles, Bruxelles, 1896.

Имя бельгійскаго профессора Принса — одно изъ извѣстныхъ и популярныхъ именъ въ семьѣ современныхъ криминалистовъ; перу Принса принадлежитъ много трудовъ, представляющихъ собою цѣнный вкладъ въ современную науку, каковы, напр. „Instruction criminelle“, „Étude comparative sur la procédure pénale à Londres et en Belgique“, „Criminalité et répression“, „La

criminalité et l' état social", (переведено на русскій языкъ) и друг.; Принсомъ совмѣстно съ профессорами Листомъ и Ванъ Гамелемъ основанъ Международный Союзъ Криминалистовъ, оказавшій, какъ извѣстно, неоцѣнимую услугу дѣлу разработки проблемъ борьбы съ преступностью; неутомимымъ трудамъ Принса этотъ союзъ во многомъ обязанъ своему развитію и процвѣтанію; принятіе бельгійскимъ законодательствомъ института условнаго осужденія и института условнаго освобожденія также во многомъ обязано трудамъ почтеннаго профессора.

Чуткій къ развитію научной мысли, чуждый традиціонныхъ предразсудковъ, Принсъ еще въ восьмидесятыхъ годахъ вооружился противъ господства въ наукѣ уголовнаго права сухой догматики, незамѣчающей за юридическими формулами живаго человѣка, и направилъ свои силы на построеніе науки уголовнаго права на новыхъ началахъ, болѣе соотвѣтствующихъ потребностямъ жизни, дѣлу борьбы съ преступностью. Своими трудами (Criminalité et répression", La criminalité et l' état social) онъ внесъ значительную лепту въ дѣло построенія так. наз. соціологической школы уголовнаго права — школы, обязанной своимъ процвѣтаніемъ трудамъ французскихъ ученыхъ (Лакассань, Тардъ) и имѣющей сторонниковъ и неутомимыхъ работниковъ во многихъ странахъ Европы.

Послѣднимъ трудомъ почтеннаго профессора въ этомъ направленіи представляется брошюра, заглавіе которой мы выписали. Эта брошюра есть ничто иное какъ рѣчь, произнесенная Принсомъ въ собраніи бельгійскихъ адвокатовъ, и посвященная уясненію его воззрѣній на современныя теченія въ уголовно-правовой сферѣ. Остановиться на обрисовкѣ этихъ воззрѣній представляется не безъинтереснымъ не только потому, что они принадлежатъ Принсу, съ идеями котораго у насъ, къ сожалѣнію, сравнительно мало знакомы, но также и потому, что эти воззрѣнія высказываются въ настоящее время, когда проникшія въ научную сферу въ послѣднее двадцатилѣтіе новыя начала успѣли окрѣпнуть и подвергнуться сравнительно всесторонней разработкѣ и изученію, да притомъ высказываются однимъ изъ крупныхъ криминалистовъ.

Причисляя себя къ сторонникамъ новой школы, той школы, къ которой принадлежатъ и Листъ, и Ферри, и Гарофало, и Ванъ Гамель, Принсъ вооружается противъ слишкомъ абстрактнаго, слишкомъ отвлеченнаго характера современной классической школы въ уголовно-правовой сферѣ. Онъ совершенно основательно упрекаетъ „классическую школу“ въ томъ, что она разсматриваетъ преступника какъ существо абстрактное, забывая о томъ, что этотъ преступникъ—человѣкъ, что она смотритъ на преступленіе какъ на юридическую формулу (une formule juridique), а не какъ на явленіе реальной жизни, что она видитъ въ наказаніи теоретическую систему (un systéme théorique), а не одно изъ орудій защиты противъ преступныхъ посягательствъ, что она, наконецъ, въ виду присущаго ей узко догматическаго характера, съуживаетъ область науки уголовнаго права (toute la science pénale était ainsi contenue dans les textes et dans les livres). Этимъ особенностямъ „классической школы“ Принсъ противупоставляетъ необходимость, въ интересахъ цѣлесообразнаго построенія дѣла борьбы съ преступностью, изученія преступнаго люда, необходимость изученія преступника какъ человѣка, живущаго и дѣйствующаго въ общественной средѣ, необходимость изученія преступленія не только съ юридической, но и соціальной стороны; онъ замѣчаетъ въ современной постановкѣ дѣла борьбы съ преступностью ощутительныя недостатки, представляющіяся результатомъ незнанія личности преступнаго агента, и указываетъ на необходимость реформъ не только въ области матеріальнаго и процессуальнаго уголовнаго права, но и въ постановкѣ тюремнаго дѣла, а равно и организаціи судебныхъ учрежденій.

Установивъ свое отношеніе къ классической школѣ и современной постановкѣ дѣла борьбы съ преступностью, свою принадлежность къ новой школѣ, школѣ прогрессивной, Принсъ останавливается на тѣхъ многообразныхъ теченіяхъ, которыя выдвинуты въ послѣднее время новымъ направленіемъ въ наукѣ, пытается разобраться въ нихъ и установить свое отношеніе къ основнымъ изъ этихъ теченій.

Онъ останавливается прежде всего на ученіи так. наз. италь-

янской уголовно-антропологической школы, на основномъ положеніи этой школы, защищающей, какъ извѣстно, существованіе антропологическаго типа прирожденнаго преступника. Онъ находитъ, и вполнѣ основательно, что тѣ черты, которыми, по воззрѣніямъ уголовно-антропологической школы, характеризуется типъ прирожденнаго преступника, не отличаются надлежащей устойчивостью: эти черты встрѣчаются съ одной стороны не у всѣхъ преступныхъ агентовъ, съ другой стороны ими обладаютъ и люди честные, ничѣмъ не запятнавшіе своей репутаціи. Эта неустойчивость и устраняетъ, по мнѣнію Принса, возможность признанія существованія антропологическаго типа преступника. Отрицая существованіе антропологическаго типа преступника (это отрицательное воззрѣніе, какъ извѣстно, находитъ себѣ въ настоящее время все бóльшее и бóльшее признаніе), Принсъ не отрицаетъ существованія типа преступника вообще. Примыкая къ воззрѣніямъ Colajani и Тарда, находя, что профессія и условія жизни налагаютъ на человѣка извѣстный отпечатокъ, придаютъ его физической и психической структурѣ особыя черты, онъ признаетъ существованіе так. сказ. соціальнаго, точнѣе выражаясь, профессіональнаго типа преступника; профессіональнымъ преступникамъ, по его воззрѣніямъ, присущъ особый отпечатокъ точно также, какъ онъ присущъ ученымъ, артистамъ, духовенству; но этотъ отпечатокъ, этотъ типъ не представляется продуктомъ наслѣдственности, а результатомъ условій внѣшней среды; силы, создающія этотъ типъ, не представляютъ изъ себя ничего таинственнаго; эти силы зовутся нищетой, алькоголизмомъ, развратомъ; ошибка итальянской уголовно-антропологической школы заключается, по мнѣнію Принса, въ преувеличеніи значенія наслѣдственности въ процессѣ развитія и образованія преступности, въ приданіи ей значенія какого-то фатальнаго рока, неминуемо налагающаго на человѣка извѣстный опредѣленный отпечатокъ; между тѣмъ какъ нельзя, сообразно современнымъ научнымъ изысканіямъ, придать наслѣдственности такое значеніе, признать за ней силу „желѣзнаго закона“: ея сложность, присущее ей безконечное разнообразіе комбинацій, ея безсиліе въ процессѣ образованія нѣкоторыхъ физическихъ и

психическихъ свойствъ, наконецъ, зависимость проявленія ея силъ отъ благопріятствующихъ условій—все это лишаетъ ее абсолютнаго значенія.

Отрицая за наслѣдственностью абсолютное, безусловное значеніе, Принсъ противупоставляетъ ей законъ приспособленія къ условіямъ среды—законъ, уясняющій видоизмѣненіе индивида подъ вліяніемъ условій внѣшней среды, законъ, устанавливающій въ то же время широкое поле дѣятельности для личной инициіативы въ процессѣ самого видоизмѣненія условій внѣшней среды (стр. 22-я).

Придавая, такимъ образомъ, доминирующее значеніе въ процессѣ образованія преступности условіямъ внѣшней среды и допуская видоизмѣненіе этихъ условій, Принсъ приходитъ къ возможности борьбы съ преступностью двоякимъ путемъ: 1) путемъ непосредственнаго воздѣйствія на личность преступнаго агента и 2) путемъ устраненія неблагопріятныхъ условій внѣшней среды. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ горячо защищаетъ необходимость заботы о заброшенномъ и преступномъ юношествѣ, указываетъ на необходимость борьбы съ алькоголизмомъ, возстаетъ противъ порнографической литературы, противъ склонности современной прессы къ различнаго рода сенсаціоннымъ извѣстіямъ, описанію преступленій и проч.; онъ указываетъ на необходимость принятія мѣръ противъ эмиграціи деревенскаго населенія въ города, отмѣчаетъ плодотворность страхованія рабочихъ и проч.

Что же касается мѣръ непосредственнаго воздѣйствія на личность преступнаго агента, то въ этомъ отношеніи Принсъ намѣчаетъ цѣлую систему, въ основу которой кладетъ классификацію преступнаго люда.

Примѣненіе тюремнаго заключенія ко всѣмъ преступнымъ агентамъ безъ различія къ плодотворнымъ результамъ привести не моможетъ; отсюда потребность видоизмѣненія современной карательной системы, придающей, какъ извѣстно, всепоглощающее значеніе тюремному заключенію; въ интересахъ цѣлесообразнаго построенія карательнаго механизма необходимо, по мнѣнію Принса, принятіе института принудительнаго возмѣщенія вреда, необходимо примѣненіе условнаго осужденія въ борьбѣ съ случайнымъ прес-

тупнымъ людомъ, необходимо въ борьбѣ съ профессіональнымъ преступнымъ людомъ примѣненіе долгосрочнаго заключенія (связаннаго съ возможностью условнаго освобожденія), устройство рабочихъ домовъ, примѣненіе ссылки, наконецъ, необходимо устройство спеціальныхъ азилей, убѣжищъ, для душевно-больныхъ преступниковъ, привычныхъ алькоголиковъ и проч.

Примыкая къ такому построенію карательной системы, построенію, намѣченному, какъ извѣстно, современными позитивными теченіями въ уголовно-правовой сферѣ. Принсъ въ то же время, повидимому, расходится съ этими теченіями по вопросу о так. наз. неопредѣленныхъ приговорахъ. Сущность неопредѣленныхъ приговоровъ заключается, какъ извѣстно, въ томъ, что судъ, произнося обвинительный приговоръ, не опредѣляетъ продолжительности назначаемаго осужденному лишенія свободы, освобожденіе же осужденнаго ставится въ зависимость отъ усмотрѣнія спеціально на то созданныхъ органовъ, долженствующихъ руководствоваться при разрѣшеніи этого вопроса результатами карательнаго воздѣйствія. Заключая въ себѣ идею, соотвѣтствующую исправительнымъ задачамъ уголовной кары, задачамъ, представляющимся, такъ сказать, центральнымъ пунктомъ цѣлесообразно организованной карательной дѣятельности, неопредѣленные приговоры нашли себѣ защитниковъ и сторонниковъ среди криминалистовъ всѣхъ странъ и успѣли получить практическое примѣненіе въ Сѣверной Америкѣ. Принсъ хотя и не является безусловно сторонникомъ неопредѣленныхъ приговоровъ, однако онъ признаетъ вполнѣ цѣлесообразнымъ проведенія идеи неопредѣленныхъ приговоровъ въ борьбѣ съ юнымъ и душевно-больнымъ преступнымъ людомъ, въ борьбѣ съ нищими и бродягами. „J'admets parfaitement", говоритъ Принсъ (стр. 28), "le principe en matière de bienfaisanse, quand il s'agit de mendiants et de vagabonds qui n'ont pas de travail et que l'on recueille jusqu'au moment où on a trouvé le moyen de leur procurer un gagne-paine. Je l'admets aussi en matière de médecine mentale; pour les aliénés comme pour les buveurs d'habitude, il est impossible de fixer d'avance un terme à l'internement, et on ne l'a jamais essayé. Je l'admets encore en matiére de

pédagogie, quand il s'agit des enfants. Évidemment, tout le monde est d'accord pour dire que l'on nuit à l'enfant quand on le condamne à une peine fixée d'avance; il faut élever les enfants et ne les libérer qu'au moment où ils peuvent prendre leur place daus la société". Но онъ не идетъ дальше; онъ не допускаетъ примѣненія неопредѣленныхъ приговоровъ при опредѣленіи размѣра наказанія въ борьбѣ съ здоровымъ и зрѣлымъ преступнымъ людомъ. Онъ не только отрицаетъ цѣлесообразность примѣненія неопредѣленныхъ приговоровъ въ борьбѣ съ случайнымъ преступнымъ людомъ (съ чѣмъ нельзя не согласиться, такъ какъ въ интересахъ осуществленія преслѣдуемыхъ въ борьбѣ съ этого рода людомъ задачъ (устрашеніе) потребности въ неопредѣленности продолжительности заключенія не встрѣчается), но и въ борьбѣ съ профессіональнымъ преступнымъ людомъ. Онъ признаетъ достаточнымъ въ борьбѣ съ профессіональнымъ преступнымъ людомъ примѣненіе долгосрочнаго заключенія съ допущеніемъ возможности сокращенія послѣдняго путемъ условнаго освобожденія, находя при этомъ, что примѣненіе неопредѣленныхъ приговоровъ не только представляетъ непреоборимыя практическія затрудненія (стр. 30), но и является въ высшей степени опаснымъ для индивидуальной свободы: „неопредѣленность наказанія", замѣчаетъ Принсъ (стр. 28), „есть ничто иное какъ „lettre de cachet" въ новой формѣ".

Съ этимъ послѣднимъ воззрѣніемъ почтеннаго криминалиста врядъ ли можно согласиться. Въ борьбѣ съ профессіональнымъ преступнымъ людомъ преслѣдованіе исправительныхъ цѣлей, забота о приспособленіи этого люда къ условіямъ общежитія представляется, такъ сказать, завѣтной мечтой, къ осуществленію, къ реализаціи которой слѣдуетъ стремиться всѣми силами; неопредѣленность же кары является однимъ изъ необходимыхъ условій для этой реализаціи; условное освобожденіе, правда, вноситъ этотъ элементъ неопредѣленности, но вноситъ его, такъ сказать, односторонне: имъ создается возможность сокращенія продолжительности заключенія, но не создается возможности его удлинненія; между тѣмъ и въ интересахъ осуществленія исправительныхъ цѣлей, и въ интересахъ защиты общества отъ преступныхъ посягательствъ уста-

новленіе этой послѣдней возможности представляется настоятельно необходимымъ, сочетаніе же возможности сокращенія продолжительности заключенія съ возможностью его удлиненія есть ничто иное какъ та идея неопредѣленности уголовной кары, которая и положена въ основу неопредѣленныхъ приговоровъ. Что же касается, далѣе, опасности, связанной съ примѣненіемъ неопредѣленныхъ приговоровъ для индивидуальной свободы, то это предположеніе кажется мнѣ слишкомъ преувеличеннымъ. Примѣненіе неопредѣленныхъ приговоровъ не представляется результатомъ произвола; оно допускается лишь только по суду; наконецъ, съ примѣненіемъ неопредѣленныхъ приговоровъ не связывается безусловно опасности для свободы и тѣхъ лицъ, на которыхъ эти приговоры распространяются; эта опасность можетъ быть окончательно устранена надлежащей организаціей неопредѣленныхъ приговоровъ, напр., установленіемъ въ судебномъ приговорѣ максимальнаго предѣла возможнаго лишенія свободы, что́ имѣетъ мѣсто, какъ извѣстно, въ проектахъ профессора Листа и въ нѣкоторыхъ кодексахъ Сѣверной Америки, а равно и надлежащей организаціей тѣхъ органовъ, на долю которыхъ выпадаетъ окончательное опредѣленіе продолжительности потребнаго въ данномъ конкретномъ случаѣ лишенія свободы; при такой организаціи неопредѣленные приговоры, собственно говоря, не отличаются существенно отъ защищаемыхъ Принсомъ мѣропріятій. Что же касается организаціи неопредѣленныхъ приговоровъ, связанной съ устраненіемъ какого бы то ни было максимильнаго предѣла возможнаго лишенія свободы (организація, какъ извѣстно, защищаемой современными представителями итальянской позитивной школы), то и при этой организаціи опасенія возможнаго произвола кажутся мнѣ преувеличенными, такъ какъ и при этой организаціи противовѣсъ наступленію произвола можетъ быть созданъ надлежащимъ построеніемъ органовъ, разрѣшающихъ вопросъ о прекращеніи карательнаго воздѣйствія; но это построеніе, думается мнѣ, представляетъ серьёзныя практическія затрудненія, такъ какъ для этого построенія необходимо прежде всего озаботиться надлежащей подготовкой лицъ, способныхъ функціонировать въ качествѣ такихъ отвѣтственныхъ органовъ Эти практическія затрудне-

нія и заставляютъ, и вполнѣ основательно, признать построеніе неопредѣленныхъ приговоровъ по типу итальянскихъ позитивистовъ въ настоящее время, при настоящихъ условіяхъ неосуществимымъ; поэтому замѣчанія Принса относительно практическихъ затрудненій при примѣненіи неопредѣленныхъ приговоровъ кажутся мнѣ правильными только примѣнительно къ построенію неопредѣленныхъ приговоровъ по этому послѣднему типу, а не къ неопредѣленнымъ приговорамъ вообще.

Чтобы покончить съ обрисовкой воззрѣній Принса, слѣдуетъ отмѣтить еще его воззрѣніе на организацію судебныхъ учрежденій.

Судья, по мнѣнію Принса, долженъ знать преступника, его характеръ и особенности, долженъ знать условія его жизни; судью необходимо окружить такими условіями, которыя гарантировали бы пріобрѣтеніе этихъ знаній, необходимо сблизить судебные органы съ населеніемъ; „il faut réagir contre la centralisation; multiplier les justices locales“, замѣчаетъ Принсъ (стр. 31-я). Восхищаясь англійскимъ мировымъ институтомъ, Принсъ ратуетъ за созданіе мѣстныхъ трибуналовъ мѣстныхъ судей, которые, стоя близко къ населенію, зная условія его жизни, могли бы съ успѣхомъ судить преступныхъ сочленовъ этого населенія

Таковы основныя воззрѣнія Принса, обрисованныя имъ въ выше названной брошюрѣ. Отрицательное отношеніе къ эксцессамъ классической и уголовно-антропологической школъ, признаніе необходимости изученія личности преступнаго агента и построенія сообразно результатамъ этого изученія карательной системы, признаніе доминирующаго значенія за соціальными условіями въ процессѣ образованія преступности и необходимости, въ интересахъ борьбы съ преступностью, воздѣйствія на эти условія—таковы основныя особенности этихъ воззрѣній.

Здѣсь не мѣсто подвергать эти воззрѣнія всесторонней критической оцѣнкѣ. Нельзя не замѣтить, однако, что эти воззрѣнія начерчены на знамени современнаго позитивнаго направленія въ въ уголовно-правовой сферѣ.

Для лицъ, интерисующихся современными теченіями въ наукѣ уголовнаго права, ознакомленіе съ разбираемой брошюрой Принса

представляется не безъинтереснымъ и не безполезнымъ: въ ней мастерски сгруппированы основныя черты одного изъ этихъ теченій.

А. Піонтковскій.

В. В. Есиповъ. Отравленіе, историко-догматическое изслѣдованіе. Варшава, 1896 г.

Названное изслѣдованіе принадлежитъ перу профессора уголовнаго права Есипова; оно посвящено изученію той группы преступныхъ дѣяній противъ личности, которая извѣстна подъ именемъ отравленія. Изслѣдованіе носитъ историко-догматическій характеръ и раздѣляется на двѣ части: часть историческую и часть догматическую. Историческая часть посвящена изученію юридическихъ нормъ, въ ихъ историческомъ развитіи, касающихся отравленія; она распадается на семь главъ, изъ которыхъ первая посвящается изученію регуляціи отравленія у Грековъ и Римлянъ, вторая—изученію положенія этого вопроса въ каноническомъ правѣ, третья—въ исторіи германскаго законодательства, четвертая—въ исторіи французскаго законодательства, пятая—въ исторіи англійскаго законодательства, шестая—въ исторіи славянскихъ законодательствъ (чешское и польское право, право южныхъ славянъ) и седьмая—въ исторіи русскаго права. Внимательное изученіе источниковъ и знакомство съ литературой приводятъ автора къ слѣдующимъ результатамъ.

I. По древнему греческому праву, отравленіе преслѣдовалось со всею строгостью, но дѣянія отравителей смѣшивались съ дѣяніями маговъ и чародѣевъ. Въ древнемъ Римѣ, и до и послѣ законовъ двѣнадцати таблицъ, отравленіе смѣшивалось съ чародѣйствомъ, такъ какъ маги, чародѣи и гадатели считались лучшими и профессіональными составителями ядовъ. Во времена Суллы, отравленіе получаетъ значеніе квалифицированнаго лишенія жизни. Наказаніемъ за отравленіе, по закону Корнелія, служила республиканская aquae et ignis interdictio—изгнаніе изъ предѣловъ Италіи, безъ непосредственной утраты правъ гражданства. Во времена Це-

заря къ наказанію изгнаніемъ присоединилась еще конфискація половины имущества. Въ законодательствѣ Юстиніана, отравленіе разсматривается какъ посягательство на жизнь другаго лица, признается то видомъ убійства, то чародѣйствомъ; первое воззрѣніе встрѣчается въ Дигестахъ, второе въ Кодексѣ. Институціи стоятъ на рубежѣ между Кодексомъ и Дигестами: здѣсь, въ общемъ понятіи „artes odiosae“, охватывается и преступленіе отравленія „susurri magici“. Въ наказуемости отравленія по Юстиніанову праву замѣчается бо́льшая строгость сравнительно съ законами Суллы: при отравленіи различается три вида наказанія — deportatio съ лишеніемъ правъ состоянія и правъ служебныхъ, смертная казнь черезъ отсѣченіе головы и растерзаніе дикими звѣрями. На ряду съ отравленіемъ умышленнымъ преслѣдуются и нѣкоторыя неосторожныя дѣйствія, могущія окончиться отравленіемъ (доставленіе какого-либо medicamentum ad conceptionem, даваніе абортивныхъ средствъ и любовныхъ напитковъ).

II. Въ первые вѣка существованія еврейскаго государства не было, повидимому, особенныхъ законовъ, которые преслѣдовали бы спеціально отравленіе; преступленіе это, по всѣмъ вѣроятіямъ, разсматривалось какъ чародѣйство и, вѣроятно, влекло за собою побіеніе камнями; впослѣдствіи же оно пріобрѣло болѣе самостоятельный характеръ и безусловно влекло за собою смертную казнь. По каноническому праву къ числу различнаго рода опасныхъ магическихъ искусствъ относится и причиненіе вреда жизни и здоровью человѣка путемъ то нашептыванія, то при посредствѣ различнаго рода предметовъ изъ царства природы; старыя сочиненія по каноническому праву разсматриваютъ отравленіе какъ религіозное преступленіе, какъ видъ чародѣйства; только болѣе позднее каноническое право уже смотритъ на отравленіе какъ на особый видъ квалифицированнаго убійства, хотя сохраняетъ въ то же время и постановленія о чародѣйственномъ отравленіи; точно также и въ Номоканонѣ опредѣленія объ отравленіи помѣщены между опредѣленіями о чарованіи и опредѣленіями о прорицаніи и волхованіи.

III Въ исторіи германскаго права отравленіе разсматривается, главнымъ образомъ, какъ квалифицированный видъ убійства; толь-

ко въ эпоху городовыхъ и мѣстныхъ правъ отравленіе сопоставляется съ чародѣйствомъ и преслѣдуется какъ отступленіе отъ христіанства, если оно учиняется христіаниномъ; въ противномъ же случаѣ разсматривается какъ убійство; точно также и народныя права германцевъ смотрятъ на отравленіе какъ на особый видъ квалифицированнаго убійства; это воззрѣніе выступаетъ и въ Каролинѣ; его придерживается и баварскій Malefizordnung; это же воззрѣніе проводится и въ уложеніи Іосифа I и въ послѣдующихъ кодексахъ Австріи, а равно и въ Прусскомъ Ландрехтѣ; въ Прусскомъ кадексѣ 1851 г. отравленіе относится къ тѣлеснымъ поврежденіямъ; по общегерманскому уложенію отравленіе подходитъ подъ понятіе Mord, спеціально о немъ упоминается только въ раздѣлѣ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ. Что же касается наказаній за отравленіе, то таковыми въ исторіи германскаго права представляется смертная казнь въ ея различныхъ видахъ, при чемъ этотъ суровый характеръ уголовной кары значительно смягчается Прусскимъ кадексомъ 1851 г.

IV. Въ исторіи французскаго права отравленіе разсматривается какъ дѣяніе, сродное чародѣйству. Сообразно общему характеру сборниковъ обычнаго права отравленіе влечетъ наказаніе установленное за чародѣйство; только съ теченіемъ времени чрезвычайныя кары за отравленіе уступаютъ мѣсто наказаніямъ, установленнымъ за убійство или тѣлесное поврежденіе. Въ уложеніи 1810 года отравленіемъ называется всякое посягательство на жизнь лица посредствомъ такихъ веществъ, которыя могутъ произвести смерть въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени, при чемъ безразлично, какимъ бы способомъ эти вещества ни были употреблены или даны, и каковы бы ни были ихъ послѣдствія; виновные подлежатъ смертной казни.

V. Законы Англовъ стоятъ на рубежѣ между законами Германцевъ и Франковъ, соприкасаясь и съ тѣми и съ другими. Въ началѣ своей политической жизни Англы разсматривали отравленіе какъ квалифицированное убійство, но съ теченіемъ времени этотъ взглядъ измѣняется, и на отравленіе начинаютъ смотрѣть какъ на дѣяніе чародѣйственное, какъ на волшебство; такой

взглядъ замѣчается въ законахъ Генриха I. При Генрихѣ VIII отравленіе признается верховной измѣной; законъ Эдуарда VI относитъ отравленіе къ разряду фелоній; по статутамъ же Викторіи всякій, кто дастъ или заставитъ дать или принять какой-либо ядъ или вредоносное вещество, съ намѣреніемъ совершить убійство, виновенъ въ фелоніи и подлежитъ уголовному рабству или тюремному заключенію.

VI. Древнія южно-славянскія законодательства выдѣляютъ отравленіе среди преступленій противъ жизни, какъ особый видъ убійства; въ сербскомъ правѣ однако убійство посредствомъ яда разсматривалось какъ чародѣйство, какъ преступленіе противъ вѣры, подсудное церковному суду. Древнее чешское право не упоминаетъ спеціально объ отравленіи; только позднѣйшее городовое право Чехіи начинаетъ проводить различіе между отдѣльными видами лишенія жизни. Что же касается Польши, то по ея земскому праву отравленіе разсматривается какъ и всякое другое убійство, оно не выдѣляется въ разрядъ квалифицированныхъ видовъ лишенія жизни; среди же памятниковъ польскаго городскаго права, Porzadek считаетъ лишеніе жизни посредствомъ яда квалифицированнымъ видомъ убійства и караетъ его сожженіемъ, Postepek выдѣляетъ отравленіе изъ ряда другихъ видовъ лишенія жизни и угрожаетъ за него колесованіемъ и утопленіемъ. Въ кодексѣ 1818 года отравленіе хотя и поставлено во главѣ другихъ видовъ лишенія жизни, но не выдѣлено въ разрядъ квалифицированныхъ родовъ убійства; въ уложеніи 1847 года отравленіе разсматривается какъ квалифицированный видъ убійства и выдѣляется въ виду этого изъ понятія обыкновеннаго лишенія жизни.

VII. Древнѣйшіе памятники русскаго свѣтскаго законодательства не содержатъ никакихъ спеціальныхъ опредѣленій объ отравленіи. Только къ Соборномъ Уложеніи помѣщаются впервые самостоятельныя опредѣленія о лишеніи жизни ядомъ, какъ объ одномъ изъ видовъ убійства; этими постановленіями назначается за отравленіе смертная казнь, при чемъ жены отравительницы подлежатъ, сообразно этимъ постановленіямъ, не простой смертной казни, а окопанію въ землѣ. Въ Воинскихъ артикулахъ и въ Морскомъ

Уставѣ встрѣчаются двоякаго рода опредѣленія объ отравленіи: на ряду съ обыкновенными случаями отравленія, появляется еще и отравленіе чародѣйственное, при чемъ то и другое влечетъ за собою квалифицированную смертную казнь. По Литовскому статуту отравленіе довольно категорически выдѣляется изъ разряда обыкновенныхъ убійствъ и значительно квалифицируется; по строгости наказанія оно приравнивается къ отцеубійству: виновные подвергаются утопленію въ мѣшкѣ съ животными. Проекты временъ Елисаветы въ своихъ воззрѣніяхъ на отравленіе не отличаются отъ Соборнаго Уложенія и Воинскихъ Уставовъ. Въ проектѣ Якоба постановленія объ отравленіи, какъ квалифицированномъ лишеніи жизни, помѣщены въ отдѣленіи о предумышленномъ убійствѣ; то же самое замѣчается и въ проектѣ 1813 г. По Своду Законовъ отравленіе не отличается отъ другихъ видовъ лишенія жизни; въ уложеніи же 1845 г. отравленіе занимаетъ мѣсто въ ряду особенно тяжкихъ видовъ убійства.

Таковы результаты, къ которымъ привело г. Есипова его историческое изученіе.

Вторая часть его изслѣдованія посвящается догматическому изученію.

Эта часть въ свою очередь распадается на семь главъ, замѣчанія о проектѣ новаго уголовнаго уложенія и заключеніе.

Авторъ прежде всего останавливается на уясненіи понятій яда и отравленія и, вполнѣ основательно, приходимъ къ заключенію, что точнаго и безусловнаго опредѣленія понятія яда не существуетъ: такого опредѣленія не даетъ и наука, не даетъ и законодательство. Подъ отравленіемъ же разумѣется введеніе въ организмъ вредно-дѣйствующихъ веществъ или приведеніе ихъ въ соприкосновеніе съ тѣломъ, съ умысломъ лишить жизни (стр. 212-я). Отравленіе можетъ быть явное, насильственное и тайное, коварное; отравленіе перваго рода ни чѣмъ не отличается отъ прочихъ видовъ убійства; совершено ли убійство ударомъ ножа, замѣчаетъ профессоръ Есиповъ (стр. 212-я), или выстрѣломъ изъ револьвера, совершено ли оно посредствомъ насильственнаго всунутія въ ротъ ядовитой пилюли—это не представляетъ существенной разницы для состава преступленія и не вызываетъ никакихъ измѣненій въ наказуемости; другое дѣло

отравленіе втораго рода, отравленіе тайное, коварное; это дѣяніе по мнѣнію профессора Есипова, по своей гнустности и низости, вызываетъ усиленную уголовную репрессію, считается квалифицированнымъ видомъ лишенія жизни; наличность тайны, по мнѣнію профессора Есипова, и представляется существеннымъ признакомъ, образующимъ собою понятіе отравленія какъ особаго вида квалифицированнаго убійства (стр. 213 и 408).

Установивъ понятіе отравленія и остановившись нѣсколько на описаніи видовъ отравленія, профессоръ Есиповъ обращается къ изученію основныхъ элементовъ этого преступнаго дѣянія и останавливается прежде всего на субъектѣ, на лицахъ, учиняющихъ это дѣяніе.

Пользуясь, правда, въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ данными уголовной статистики и уголовной антропологіи, профессоръ Есиповъ находитъ, что субъектомъ отравленія въ большинствѣ случаевъ является женщина; женщина-отравительница часто отличается болѣзненной возбужденностью половыхъ страстей или извращеніемъ нравственной чувствительности; отравленіе, по мнѣнію г. Есипова, дѣяніе по преимуществу семейно-супружеское.

Обращаясь далѣе къ объекту преступленія, г. Есиповъ признаетъ таковымъ не только жизнь другаго лица, но также и тѣлесную неприкосновенность, въ смыслѣ тѣлесной цѣлости и здоровья другаго лица, и строго отличаетъ отравленіе отъ дѣяній ему родственныхъ, каковы, напр., вытравленіе плода, зараженіе.

Обращаясь далѣе къ внутренней сторонѣ этого дѣянія, г. Есиповъ останавливается на умышленномъ отравленіи, неосторожномъ отравленіи и его видахъ (недозволенная торговля лекарственными веществами и составами, нарушеніе правилъ о ядовитыхъ и сильно-дѣйствующихъ веществахъ и проч), а также и на отравленіи случайномъ, онъ переходитъ затѣмъ къ внѣшней сторонѣ этого дѣянія и разсматриваетъ признаки, характеризующіе при отравленіи наличность приготовленія, покушенія и совершенія, при чемъ находитъ, что приготовленіе на отравленіе выражается въ *приспособленіи*, но не пріисканіи или пріобрѣтеніи средствъ отравленія (стр. 357-я), покушеніе заключается какъ въ *приспособленіи* средствъ къ дѣйствію, такъ и въ приведеніи ихъ въ дѣй-

ствіе, когда послѣднее не имѣло результата (стр. 361-я), отличительной же особенностью *приспособленія* при покушеніи отъ *приспособленія* при приготовленіи представляется то, что *приспособленіе* при приготовленіи требуетъ для приведенія средствъ въ дѣйствіе дальнѣйшей дѣятельности виновнаго, при покушеніи такая дѣятельность не требуется (стр. 411, 359—360).

Разсмотрѣвъ составные элементы отравленія, авторъ обращается къ его наказуемости и, упомянувъ о наказаніяхъ, полагающихся за отравленіе по западно-европейскимъ законодательствамъ, останавливается на обозрѣніи карательныхъ средствъ, примѣняемыхъ въ борьбѣ съ этого рода преступленіемъ по нашему законодательству.

Наконецъ, авторъ останавливается на проектѣ нашего уложенія, неупоминающемъ, какъ извѣстно, объ отравленіи въ группѣ квалифицированныхъ убійствъ, оспариваетъ это воззрѣніе проекта и защищаетъ взглядъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества на отравленіе какъ квалифированный видъ убійства, подчеркивая при этомъ въ качествѣ основанія необходимости такой квалификаціи, на ряду съ историческими соображеніями и примѣромъ иностранныхъ законодательствъ, наличность тайны при учиненіи этого преступнаго дѣянія.

Таково содержаніе и результаты обширнаго изслѣдованія профессора Есипова.

Не останавливаясь на критической оцѣнкѣ этого труда (выше обрисованное его содержаніе само говоритъ за себя), нельзя не замѣтить, что трудъ г. Есипова содержитъ въ себѣ богатый матеріалъ по изучаемому вопросу. Какъ бы не относиться къ группировкѣ этого матеріала, къ тѣмъ выводамъ, которые изъ него сдѣланы, во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что собраніе этого матеріала, представляясь результатомъ добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу, является не безполезнымъ для нашей слишкомъ бѣдной юридической литературы.

А. Піонтковскій.

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ЛИЦЕЕМЪ.

№ 47.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литогр. Э. Г. Фалькъ, Духовская ул., соб. д.
1897.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

Приложеніе къ Временнику Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

№ 47 Юридической Библіографіи.

1. *В. В. Ивановскій:* „Русское Государственное Право“. Томъ первый. Выпускъ первый. Верховная Власть и ея органы. Казань. 1895. 276 стр.

Мы уже имѣли случай на страницахъ библіографіи констатировать фактъ необычайной плодовитости русскихъ государствовѣдовъ за послѣдніе годы [1]). Почти каждый изъ нихъ считаетъ своею обязанностью выпустить въ свѣтъ свой курсъ русскаго государственнаго права, который онъ читаетъ съ каѳедры университета, гдѣ авторъ профессоромъ. Такъ въ сравнительно короткое время появились курсы этой науки профессоровъ: Сокольскаго, Энгельмана (на нѣмецкомъ языкѣ), Алексѣева, Коркунова, Куплеваскаго. Теперь и казанскій профессоръ Ивановскій рѣшился сдѣлать вкладъ въ русскую науку, началъ изданіе своего курса русскаго государственнаго права. На сколько автору удалось выполнить это дѣло, мы увидимъ при разборѣ его книги. Въ первомъ выпускѣ перваго тома курса излагаются авторомъ основныя понятія изъ науки государственнаго права, которыя служатъ введеніемъ къ ученію о субъектѣ верховной власти въ Россіи и высшихъ государственныхъ установленіяхъ. Послѣдуемъ за авторомъ въ порядкѣ изложенія имъ разныхъ отдѣловъ курса, сопровождая своими замѣчаніями взгляды Ивановскаго на тѣ или другіе вопросы общаго и русскаго государственнаго права.

На первыхъ же страницахъ книги мы встрѣчаемся съ такими взглядами автора, которые возбуждаютъ большое недоумѣніе. Ивановскій считаетъ, какъ давно принято, государственное право частью науки объ обществѣ, но опредѣляетъ науку государственнаго права такимъ образомъ, что изъ его словъ трудно понять, что входитъ въ содержаніе этой науки. Авторъ сначала замѣчаетъ,

---

[1]) См. наши рецензіи на курсы проф. Алексѣева и Коркунова въ 30-хъ №№ Юридической Библіографіи Д. Ю. Лицея.

что государство во всемъ его цѣломъ не составляетъ предмета изученія исключительно государственнаго права. Многочисленныя и разнообразныя низшія формы общественныхъ соединеній, содержащіяся въ государствѣ, изучаются лишь въ ихъ отношеніяхъ къ государству. Слѣдовательно, онѣ составляютъ предметъ государственнаго права съ указанной стороны, входятъ въ эту науку, что нашъ авторъ, однако, отрицаетъ. Но что же разсматривается въ наукѣ государственнаго права? Да, какъ разъ то, что Ивановскій немного выше рѣшительно отвергалъ и объявлялъ ошибкой: государственное право имѣетъ, говоритъ онъ, своей задачей лишь изученіе государства во всемъ его цѣломъ. Не менѣе запутаны разсужденія Ивановскаго по вопросу объ общепринятомъ также раздѣленіи науки государственнаго права на общее ученіе о государствѣ и положительное государственное право. Послѣдняя наука ограничивается только изученіемъ организаціи какого-либо даннаго государства, „пользуясь при этомъ методомъ историко-догматическимъ". Но вслѣдъ за признаніемъ положительнаго государственнаго права за самостоятельную науку мы находимъ у автора сначала объявленіе ея за только вспомогательную науку по отношенію къ общему ученію о государствѣ, какъ наукѣ самостоятельной. Индивидуальность (извѣстное государство) не можетъ служить, по словамъ автора, предметомъ науки, для которой она только матеріалъ, необходимый для отысканія общихъ началъ государственнаго права. Поэтому положительное государственное право, заканчиваетъ свою о немъ рѣчь Ивановскій, не есть истинная наука, но только совокупность обработаннаго законодательнаго матеріала, безъ котораго не мыслима и общая наука о государствѣ. Но медицинскія науки не мыслимы безъ естественныхъ, которыя оттого не лишаются своей самостоятельности, точно также, какъ общественная наука невозможна безъ юридической науки, но никто еще не сомнѣвался вслѣдствіе этого въ самостоятельномъ значеніи юриспруденціи, какъ науки. Различаютъ три рода юридическихъ наукъ: философскія, историческія и догматическія. Каждый ихъ родъ отличается особымъ предметомъ и методомъ, что не исключаетъ извѣстнаго взаимнаго соотношенія между ними и не отни-

маетъ у каждаго изъ нихъ самостоятельнаго характера. Такъ философскія юридическія науки (общая теорія права, исторія философіи права, общее государственное право), имѣютъ своей задачей изученіе основныхъ понятій въ юридическихъ наукахъ—права и государства, историческія изучаютъ развитіе въ исторіи идей права и государства вообще (сравнительная исторія права) или же въ жизни того или другаго народа (исторія русскаго, французскаго права и т. д.). Наконецъ, догматическія юридическія науки изслѣдуютъ начала государственнаго и юридическаго (частно-гражданскаго) устройства, существующаго у того или другаго изъ современныхъ народовъ. Такимъ образомъ, наука общаго государственнаго права—философская наука, между тѣмъ какъ русское государственное право—догматическая. Въ немъ примѣняется, конечно, историко-догматическій методъ, но въ тоже время оно, какъ всякое положительное право, не можетъ при современномъ состояніи общественной науки обойтись безъ помощи сравнительно-историческаго метода, какъ это увѣренно утверждаетъ казанскій профессоръ. Только путемъ историческаго сравненія можетъ быть достигнуто полное и обстоятельное изученіе каждаго изъ юридическихъ учрежденій того или другаго народа. Это—такая общая истина, которая извѣстна каждому спеціалисту—государствовѣду и не дошла только до Казани, быть можетъ, по дальности ея разстоянія отъ европейскихъ университетовъ. Такія же элементарныя, знакомыя первокурснику студенту-юристу, истины составляютъ, приведенныя нами, научныя аксіомы о раздѣленіи юридическихъ наукъ и взаимномъ отношеніи ихъ родовъ. Проф. Ивановскій не обратилъ на нихъ вниманія и поэтому не знаетъ, что дѣлать съ русскимъ государственнымъ правомъ: то онъ считаетъ его за самостоятельную науку, то за вспомогательную, то, наконецъ, лишаетъ его совсѣмъ названія науки и низводитъ до собранія одного матеріала для общаго ученія о государствѣ Какой изъ этихъ точекъ зрѣнія авторъ держится въ самомъ курсѣ, это мы увидимъ впослѣдствіи. Теперь же мы должны отмѣтить вѣрное отчасти опредѣленіе авторомъ содержанія общаго ученія о государствѣ, которое имѣетъ своей задачей уясненіе началъ государственной орга-

низаціи вообще (опредѣленіе общаго понятія государства, классификацію политическихъ формъ и проч.). Но „открытіе законовъ развитія государства“ не входитъ въ задачу общаго о немъ ученія, какъ это думаетъ казанскій государствовѣдъ, точно также какъ сравнительно-историческій методъ не употребляется лишь въ этой наукѣ. Недавно среди юридическихъ наукъ появилась новая, юная наука, съумѣвшая въ короткое время завоевать право гражданства среди другихъ наукъ. Слухи объ уже обширныхъ, достигнутыхъ ею, результатахъ, повидимому, также не донеслись до Казани. Иначе профессоръ мѣстнаго университета зналъ бы, что открытіе законовъ развитія права и государства или, точнѣе, констатированіе въ процессѣ всемірно-историческаго ихъ развитія соціальныхъ законовъ сосуществованія и послѣдовательности и національности составляетъ предметъ науки сравнительной исторіи права. Методомъ же этой науки является исключительно сравнительно-историческая метода. Выводами сравнительной исторіи права, добытыми помощью этого метода, пользуются всѣ юридическія науки и въ томъ числѣ общее государственное право, которое употребляетъ, главнымъ образомъ, дедуктивный методъ при формулированіи общихъ научныхъ началъ.

Тотъ же недостатокъ—отсутствіе знакомства съ современнымъ состояніемъ государственной науки—сказывается и при опредѣленіи Ивановскимъ понятія государства. Изъ всѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ опредѣленій государства у древнихъ и новыхъ ученыхъ авторъ останавливается на взглядѣ на государство Лоренца фонъ-Штейна, вѣроятно, потому, что онъ самъ когда-то спеціально изучалъ своеобразное философско-политическое міровоззрѣніе этого знаменитаго покойнаго нѣмецкаго ученаго. Ивановскій разъясняетъ достоинства и недостатки взгляда на государство Штейна, который опредѣляетъ государство, какъ общество, возвысившееся до самоопредѣленія личности. Мы не станемъ входить съ Ивановскимъ въ споры о томъ, думалъ ли Штейнъ при такомъ пониманіи государства о перенесеніи на него, какъ личность, всѣхъ свойствъ и признаковъ физической личности, или же онъ имѣетъ въ виду лишь единство государственной воли и дѣятельности. Если

мы припомнимъ общій философскій пріемъ Штейна, который неуклонно держался при изученіи всѣхъ вопросовъ науки о правѣ, государствѣ и обществѣ діалектическаго метода Гегеля, то для насъ станетъ ясною необходимость допущенія Штейномъ прежде единства государственной воли и дѣятельности раздвоенія и даже противоположенія въ дѣятельности государства, какъ личности. Это раздвоеніе выражается въ ученіи Штейна объ управленіи въ терминахъ Regierung и Werwaltung, представляющихъ отдѣльные моменты въ нормальной жизни всякаго государства. Мы согласны съ авторомъ, что опредѣленіе Штейномъ государства, какъ личности, означаетъ только то, что „общество, возвысившееся до личности, способно проявлять свою волю въ видѣ законодательства и осуществлять эту волю во внѣ въ формѣ управленія". Въ этихъ словахъ не ясно лишь то, какіе признаки возвышенія общества до личности, при которыхъ можно было бы признать его государствомъ. Иначе говоря, непонятно, когда общество становится государствомъ. Личное начало присуще, конечно, каждому государству, въ которомъ оно проявляется въ видѣ верховной государственной власти. Но чтобы каждое государство было обществомъ, возвысившимся до самоопредѣленія личности, это, какъ вѣрно замѣчаетъ Ивановскій, не подтверждается дѣйствительностью. Въ ней государственная власть обыкновенно представляется съ характеромъ самостоятельности, независимости и верховенства, въ какомъ смыслѣ и можно допустить самоопредѣленіе государственной личности. Пропуская дальнѣйшія разсужденія автора объ отношеніи личнаго начала къ политическимъ формамъ, не менѣе туманныя, какъ и вся философія Штейна и Ивановскаго, мы можемъ только удивляться тому, почему авторъ не подвергаетъ критическому разбору взглядъ на государство, сродный съ теоріей Штейна о государствѣ, новѣйшей школы въ государственной наукѣ, извѣстной подъ именемъ юридической. Эта школа, считающая въ рядахъ своихъ представителей такія крупныя имена ученыхъ, какъ Герберъ, Лабандъ, Еллинекъ и др., смотритъ на государство, какъ юридическую личность. Слѣдовательно, воля, какъ необходимый элементъ личности, предполагается въ такомъ поня-

тіи государства. Ивановскій долженъ бы знать и обратить вниманіе на юридическую школу, разъ онъ выпустилъ цѣлую брошюру по поводу I тома Русскаго Государственнаго Права Коркунова, попытавшагося построить всю его систему на началахъ юридической школы. Если Ивановскій не согласенъ со взглядомъ этой школы на государство, ему слѣдовало, по крайней мѣрѣ, объяснить, почему онъ не можетъ быть принятъ. Вмѣсто этого онъ даетъ ходячее опредѣленіе государства, какъ общества людей, занимающаго опредѣленную территорію и подчиненнаго верховной власти. Моментомъ, отличающимъ государство отъ другихъ общественныхъ союзовъ, является верховная власть. Анализомъ этого послѣдняго понятія Ивановскій занимается очень долго, хотя не только не приходитъ при этой работѣ къ какому-либо новому научному освѣщенію и разъясненію важнаго понятія о верховной власти, а часто запутываетъ своими разсужденіями уже давно установившіеся въ государственной наукѣ взгляды на верховную власть и ея субъекта.

Ивановскій называетъ, какъ и слѣдовало ожидать, первичнымъ общественнымъ союзомъ семью, но послѣдняя извѣстна ему болѣе въ формѣ патріархальной семьи, въ которой власть сосредоточивается въ рукахъ главы семьи—отца. Впрочемъ, тутъ же добавляется: „или матери“, но это добавленіе только показываетъ, что авторъ слышалъ и о матріархальной семьѣ, но совсѣмъ не уяснилъ ея сущности и не знаетъ формы, въ которой власть проявляется въ этого рода первобытной семьѣ. Именно, какъ доказано изслѣдованіями многочисленныхъ ученыхъ, иностранныхъ (Поста, Липперта, Даргуна, Летурно, Тарда и мног. др.) и русскихъ (М. Ковалевскаго, Зибера, Ефимова и др.), власть въ матріархальной семьѣ обыкновенно принадлежитъ брату матери, а не ей самой. Вліяніе же матернитета выражается въ личныхъ отношеніяхъ членовъ семьи и всей области гражданскаго или частнаго права. Изъ семьи путемъ физіологическаго разростанія образуются роды и другіе общественные союзы. Ивановскій находитъ общую черту между всѣми общественными соединеніями: во всѣхъ нихъ есть организація власти. Существуютъ, однако, такіе общественные союзы, которые не имѣютъ органовъ власти. Таковы тѣ общества ди-

карей, которые, по словамъ Спенсера, живутъ уединенно, не сталкиваются съ другими воинственными дикарями. Но, кромѣ того, и въ культурномъ обществѣ есть союзы, въ основаніи которыхъ лежатъ другіе принципы, но не идея власти, которая привходитъ въ нихъ въ качествѣ второстепеннаго элемента. Таковы всякаго рода союзы экономическіе, научные, религіозные и др. Но не въ томъ, главнымъ образомъ, ошибка автора, что онъ не можетъ себѣ представить общественнаго союза безъ власти въ качествѣ важнѣйшаго въ немъ элемента, а въ томъ, что онъ считаетъ *независимость государственной власти отъ власти другихъ общественныхъ союзовъ* существеннымъ, отличительнымъ моментомъ въ понятіи государства. Изъ этихъ словъ Ивановскаго вытекаетъ, что въ одномъ и томъ же обществѣ находится цѣлый рядъ всякихъ союзовъ съ своей особой властью, которая ни въ одномъ изъ нихъ, исключая государственный союзъ, не обладаетъ самостоятельностью и независимостью. Въ обществѣ, слѣдовательно, существуетъ нѣсколько властей союзовъ, чему противорѣчитъ дѣйствительная жизнь, гдѣ власть находится въ рукахъ верховнаго ея органа, кто бы имъ не былъ, и, кромѣ того, она едина. На эти свойства государственной власти, указываетъ потомъ и самъ Ивановскій, который считаетъ неразрывными понятія верховной власти и силы. Организація общества въ государство и есть, заявляетъ онъ, организація въ обществѣ единой и высшей т. е. суверенной власти. Какое отношеніе имѣютъ къ этой верховной власти государства власти другихъ общественныхъ союзовъ, Ивановскій не объясняетъ. Онъ только говоритъ, что „на каждомъ шагу мы находимъ доказательство принудительнаго подчиненія велѣніямъ верховной власти всѣхъ другихъ общественныхъ элементовъ". Напрасно, значитъ, и говорить о власти разныхъ соціальныхъ союзовъ, кромѣ государственнаго: у всѣхъ нихъ эта власть чисто номинальная, призракъ, миражъ, одинъ пустой звукъ. Не будемъ и мы больше говорить о такого рода власти, которая безсильна сдѣлать что-либо безъ содѣйствія верховной власти государства, и обратимся къ дальнѣйшимъ разсужденіямъ проф. Ивановскаго объ этой послѣдней.

Верховная власть, говоритъ онъ, характеризуется внутреннимъ

и внѣшнимъ суверенитетомъ, полной юридической независимостью. Но если внутренній ея суверенитетъ не можетъ подлежать сомнѣнію, то относительно внѣшняго суверенитета возникаетъ вопросъ, составляетъ ли онъ существенный признакъ въ понятіи государства вообще? Ивановскій отвѣчаетъ категорически на этотъ вопросъ въ силу такихъ соображеній. Отрицаніе внѣшняго суверенитета верховной власти съ логическою необходимостью влечетъ за собой и отрицаніе суверенита внутренняго, ибо оба они находятся между собой въ неразрывной связи. Верховная власть одного государства, теряя свою самостоятельность въ пользу верховной власти другаго государства, въ силу того самаго теряетъ свою самостоятельность и въ отношеніи внутреннихъ общественныхъ элементовъ, перестаетъ быть для нихъ единой и высшей властью. Государство, зависимое отъ другого, перестаетъ быть государствомъ за отсутствіемъ одного изъ самыхъ существенныхъ своихъ признаковъ. Поэтому не всѣ общественные союзы, которые носятъ названіе государствъ, суть и въ дѣйствительности государства. Таковы мелкія государства, которыя находятся подъ сильнымъ протекторатомъ болѣе крупныхъ. По сравненію съ ними отдѣльныя провинціи въ нѣкоторыхъ государствахъ пользуются иногда такого самостоятельностью, о которой и не мечтаютъ государства, стоящія въ зависимости отъ другихъ государствъ. Такимъ образомъ, если вѣрить внѣшнимъ формамъ дѣйствительности, то, заключаетъ Ивановскій, придется допустить, что государство можетъ быть менѣе самостоятельнымъ, нежели провинція. — Такова теорія объ отношеніи между внутреннимъ и внѣшнимъ суверенитетомъ, подъ которую Ивановскій хочетъ во что бы то ни стало подогнать окружающую дѣйствительность. Съ упрямствомъ нѣмецкаго ученаго, нежелающаго поступиться ни одной іотой изъ своихъ взглядовъ, нашъ авторъ закрываетъ глаза предъ фактами и отказываетъ въ названіи государствами тѣмъ изъ нихъ, которыя пользуются въ международномъ быту покровительствомъ болѣе сильныхъ государствъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, такія мелкія государства, какъ напр., Болгарія, Сербія и др. при всемъ своемъ второстепенномъ рангѣ между великими европейскими державами и той или другой степени ихъ зависимости отъ одной

или нѣсколькихъ изъ нихъ, все таки, признаются государствами — членами международнаго союза, обладающими правами полнаго внутренняго суверенитета, не смотря на нѣкоторое умаленіе своего внѣшняго суверенитета. Мало того, такія полусуверенныя государства, какъ принято ихъ называть, пользуются въ лицѣ своихъ представителей также правами, равными съ органами верховной власти болѣе сильныхъ членовъ международнаго союза. Провинціи же въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ (Австріи, Пруссіи и др.), которыя имѣетъ въ виду Ивановскій, при всей своей „самостоятельности" никто еще не считалъ государствами, а только ихъ частями съ правами административной автономіи, но не самостоятельной власти, независимой отъ верховной власти своего государства. Такимъ образомъ, суверенитетъ государственной власти, вполнѣ независимый внутри государства, терпитъ необходимыя ограниченія внѣ его, но оттого не наносится никакого ущерба внутреннему суверенитету государства. Подобное отношеніе внутренняго и внѣшняго суверенитета наблюдается въ союзахъ государствъ и союзномъ государствѣ, упоминаемыхъ и авторомъ (Staatenbund und Bundesstaat): въ первыхъ отдѣльныя государства пользуются полнымъ внутреннимъ суверенитетомъ и, отчасти, внѣшнимъ; въ союзномъ государствѣ всѣ внѣшнія дѣла принадлежатъ союзному государству.

Государственная власть, продолжаетъ Ивановскій, не только суверенна, но и едина. Допустить возможность нѣсколько суверенныхъ властей, значитъ отрицать начало самаго суверенитета. При появленіи нѣсколькихъ органовъ государственной власти въ обществѣ между ними начинается борьба, которая можетъ затянуться надолго. При этомъ общественный союзъ можетъ разложиться совсѣмъ. Борьба въ такомъ внѣгосударственномъ, революціонномъ состояніи общества ведется между нѣсколькими верховными властями, которыя существуютъ одновременно. Наиболѣе сильная между ними беретъ обыкновенно верхъ надъ остальными. Установляется единая власть и общество вновь вступаетъ въ государственное состояніе. На этотъ разъ приходится упрекнуть автора не въ одномъ только излишнемъ пристрастіи къ теоріи, доктринерствѣ, но

и, кромѣ того, игнорированіи новѣйшей теоріи въ государственной наукѣ,—принципу совмѣстности влавствованія, который защищаетъ проф. Коркуновъ въ своемъ сочиненіи: „Указъ и законъ“. Коркуновъ здѣсь проводитъ взглядъ, что государство—юридическое отношеніе, въ которомъ субъекты права—всѣ граждане, а объектъ ихъ права—самое пользованіе властью. Совмѣстное осуществленіе одной и той же функціи власти нѣсколькими независимыми другъ отъ друга органами и составляетъ сущность начала совмѣстнаго властвованія, съ которымъ принципъ единства или недѣлимости властвованія находится въ очевидномъ противорѣчіи. Быть можетъ, проф. Ивановскій не согласенъ съ этой новой, сдѣлавшейся всѣмъ, извѣстной теоріей, противъ которой дѣйствительно можно возразить многое [1]). Тѣмъ не менѣе онъ долженъ былъ бы сказать о ней *свое* мнѣніе, разъ онъ держится прежнихъ, противоположныхъ ей взглядовъ на верховную власть, тѣмъ болѣе, что, какъ скоро увидимъ, Ивановскій продолжаетъ пренебрегать этой теоріей и въ послѣдующемъ изложеніи своихъ взглядовъ. Но авторъ съ трудомъ справляется съ давно уже извѣстной теоріей, не говоря о новой. По его мнѣнію, при революціяхъ происходитъ борьба между нѣсколькими верховными властями. Вслѣдъ за этимъ онъ объявляетъ революціонное состояніе общества внѣгосударственнымъ, значитъ, такимъ, гдѣ не можетъ быть рѣчи о политическихъ элементахъ—нѣсколькихъ верховныхъ властяхъ. Немного же выше характеризуетъ внѣгосударственное состояніе общества борьбою противоположныхъ общественныхъ *интересовъ*, которые не могутъ же быть отождествленны съ нѣсколькими верховными властями. Авторъ легко избѣжалъ бы всей этой путаницы, если бы онъ вспомнилъ, что въ революціонныя эпохи отсутствуетъ всякая власть вслѣдствіе борьбы между собою общественныхъ классовъ изъ за обладанія государственною властью. Она попадаетъ обыкновенно въ руки наиболѣе сильнаго класса, который и дѣлается субъектомъ верховной власти или, по крайней мѣрѣ, этотъ

---

[1]) См. нашъ разборъ взглядовъ проф. Коркунова въ 38 и 39 №№ Юридической Библіографіи Демидовскаго Юридическаго Лицея.

субъектъ выходитъ изъ среды господствующаго класса въ обществѣ.

Теперь Ивановскій обращается къ вопросу объ отношеніи къ власти воли, которыя онъ считаетъ нетождественными понятіями. Но верховная власть предполагаетъ опредѣленную волю, содержаніемъ которой является господство надъ другими волями при помощи власти. Слѣдовательно, государственная власть—высшая воля и, при томъ, единая. Ивановскій замѣчаетъ, что это единство государственной воли нужно понимать въ смыслѣ единства стремленія къ государству. Какъ видно отсюда, авторъ не раздѣляетъ взгляда Коркунова, который не только отвергаетъ совершенно мысль объ единствѣ государственной воли, но даже отрицаетъ, чтобы въ проявленіяхъ государственнаго властвованія выражалась вообще воля. Но это только наше заключеніе: самъ Ивановскій почему-то молчитъ объ этомъ оригинальномъ мнѣніи Коркунова, въ которомъ есть нѣкоторая доля истины. Совершенно послѣдовательно нашъ авторъ говоритъ далѣе, что такъ какъ власть немыслима безъ воли, то очевидно долженъ существовать и субъектъ воли. Этотъ субъектъ единый субъектъ воли и власти въ государствѣ. Субъектомъ верховной власти можетъ быть одно только физическое лицо. Единство воли субъекта верховной власти состоитъ въ единствѣ идеи господства; единство власти состоитъ въ единствѣ осуществленія этой идеи субъектомъ верховной власти, дѣйствующимъ чрезъ подчиненные ему и, слѣдовательно, несамостоятельные органы власти. Только въ этомъ смыслѣ и можно говорить объ единствѣ воли и власти субъекта верховной власти. Принадлежность верховной власти одному физическому лицу иногда оправдываютъ тѣмъ, что это лицо той же національности, къ какой принадлежитъ и народъ, исповѣдуетъ господствующую религію, говоритъ на томъ же языкѣ, проникнутъ господствующими въ народѣ убѣжденіями и воззрѣніями, однимъ словомъ, является сыномъ своего народа. Но наука должна не оправдывать явленія, а объяснить его. Объясненіе же указаннаго факта заключается въ томъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ той формой государственнаго устройства, которая извѣстна подъ именемъ: „абсолютное государство“

или „неограниченная монархія". Но въ этихъ словахъ не содержится никакого научнаго объясненія факта, а только указывается, что верховная власть въ такомъ государствѣ принадлежитъ одному лицу. Кромѣ того, „объясненіе" Ивановскаго наводитъ на мысль, что всѣ его предъидущія соображенія о совпаденіи воли и власти въ одномъ субъектѣ относятся, главнымъ образомъ, къ неограниченной монархіи. Тотъ же фактъ, что „субъектомъ верховной власти можетъ быть и совокупность лицъ" является какъ бы исключеніемъ изъ общаго правила. Эта совокупность индивидуумовъ въ качествѣ субъекта верховной власти наблюдается въ аристократіяхъ и демократіяхъ, при чемъ въ послѣднихъ такимъ субъектомъ выступаетъ, по господствующему воззрѣнію, весь народъ. Совокупность индивидуумовъ является въ этихъ обоихъ случаяхъ не физическимъ, а юридическимъ лицомъ. Если это такъ, какое же существуетъ различіе между субъектомъ верховной власти въ аристократіяхъ и демократіяхъ и государствомъ вообще, которое новѣйшая юридическая школа также считаетъ юридическимъ лицомъ? Большое недоумѣніе возбуждаютъ также слова Ивановскаго, что въ средневѣковыхъ аристократіяхъ фигурировали въ качествѣ субъектовъ верховной власти разнаго рода совѣты. Самъ же авторъ заявляетъ сейчасъ же, что въ аристократіяхъ въ качествѣ субъекта верховной власти обыкновенно являлась немногочисленная совокупность выдающихся по своему положенію лицъ. Совѣты же разныхъ названій въ средневѣковыхъ аристократіяхъ были только главными, высшими органами власти меньшинства.

Обращаясь къ современнымъ государствамъ, Ивановскій сначала разсматриваетъ общій вопросъ о происхожденіи конституціоннаго государства въ Европѣ. Этотъ важнѣйшій вопросъ европейскаго государственнаго права разрѣшается авторомъ вѣрно, такъ какъ на самомъ дѣлѣ „конституціонализмъ — не есть что-либо придуманное, но явился какъ результатъ историческихъ условій, представляетъ собою переходную фазу въ исторіи развитія политическихъ формъ". Едва ли только объясняютъ происхожденіе конституціонализма слова Ивановскаго, что для ея возникновенія „требова-

лась извѣстная совокупность естественныхъ условій, выражавшихся попреимуществу въ характерѣ психической жизни общества". Дѣло происходило гораздо проще, какъ объ этомъ докладываетъ самъ же авторъ. Именно послѣдовательное развитіе разныхъ общественныхъ группъ (нужно добавить развитіе въ нихъ политическаго сознанія, идеи необходимости участія въ государственной власти) приводитъ ихъ къ столкновенію съ единоличнымъ представителемъ верховной власти, неограниченнымъ монархомъ. Возникающая отсюда борьба заканчивается примиреніемъ между враждующими политическими элементами, компромиссомъ между ними, по которому оба они теперь обладаютъ извѣстной долей политическихъ правъ, опредѣляемыхъ конституціей. Не вездѣ, однако, конституціонное государство являлось такимъ образомъ. Иногда самъ монархъ шелъ на встрѣчу назрѣвшимъ политическимъ стремленіямъ общества и жаловалъ (октроировалъ) ему конституцію, то есть, обезпечивалъ участіе въ государственномъ управленіи. Такъ происходило въ началѣ XIX ст. во многихъ нѣмецкихъ государствахъ Западной Европы. Ивановскій упускаетъ изъ виду этотъ мирный способъ происхожденія конституціоннаго государства, котораго онъ признаетъ двѣ формы: конституціонная монархія и республика. Намъ кажется, что это классическое дѣленіе формъ политическаго устройства въ примѣненіи къ конституціоннымъ государствамъ должно быть измѣнено сообразно съ характеромъ двухъ главныхъ ихъ группъ. Это уже давно было сдѣлано извѣстнымъ нѣмецкимъ ученымъ, Р. фонъ-Молемъ, который различаетъ дуалистическія конституціонныя государства отъ парламентарныхъ. Въ первыхъ, представляющихъ собою первоначальную стадію развитія конституціонализма, еще продолжается борьба между монархомъ и обществомъ въ лицѣ народныхъ представителей, такъ что монархъ пользуется многими изъ своихъ прежнихъ обширныхъ политическихъ правъ, а народное собраніе видитъ нерѣдко себя вынужденнымъ признать первенство за монархомъ въ рѣшеніи разныхъ политическихъ вопросовъ. Такой характеръ, напр., имѣла долгое время, возникшая послѣ франко-прусской войны, германская имперія, гдѣ рейхстагъ являлся послушнымъ исполнителемъ воли императора. Дуализмъ въ

конституціонномъ государствѣ обыкновенно прекращается рано или поздно вслѣдствіе перевѣса одного изъ политическихъ началъ — народнаго представительства, если только рѣшительное преобладаніе въ государствѣ власти монарха не превратитъ конституціонное государство въ неограниченное. Въ государствѣ, гдѣ народное представительство получаетъ всю власть въ руки, политическая жизнь течетъ сообразно съ взглядами и потребностями народа; парламентъ въ нихъ — центръ всей государственной жизни общества. Это различіе между конституціонными, дуалистическими и парламентарными, государствами не совпадаетъ вполнѣ съ указываемымъ Ивановскимъ различіемъ между конституціонной монархіей и республикой: Англія—монархія и въ тоже время парламентарное государство, какъ и Бельгія, Швеція и Италія. Франція—республика и тоже парламентарное государство. Поэтому нельзя сказать, что конституціоная монархія непремѣнно превращается при перевѣсѣ народнаго элемента въ республику, какъ это утверждаетъ Ивановскій.

Выясненное нами различіе между конституціонными дуалистическими и парламентарными государствами, какъ нельзя лучше, помогаетъ при разрѣшеніи поставленнаго Ивановскимъ вопроса, кто является субъектомъ верховной власти сначала въ конституціонной монархіи, а потомъ республикѣ. Констатируя здѣсь два необходимые фактора организаціи верховной власти (монарха и народное представительство), авторъ приводитъ мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что вся полнота государственной власти принадлежитъ въ конституціонной монархіи королю или вообще единоличному представителю верховной власти. Народное же представительство только ограничиваетъ пользованіе властью со стороны монарха. Мы позволимъ себѣ для лучшей характеристики этого взгляда, возникшаго въ Германіи съ 30-хъ годовъ XIX стол., прибавить, что его представители (Мауренбереръ, и въ послѣднее время, М. Зейдель, Лингъ, Герцефельдъ, Борнгакъ), прямо отождествляютъ государственную власть съ властью монарха. Народное представительство съ этой точки зрѣнія только помогаетъ ему въ государственной дѣятельности и исполняетъ рѣшенія монарха. Эти взгляды нѣмецкихъ ученыхъ, очевидно, отраженіе усиливающейся власти монарха въ конституціонныхъ го-

сударствахъ Германіи, гдѣ на самомъ дѣлѣ не существуетъ такого полнаго подчиненія народнаго собранія монарху, хотя послѣдній и стремится къ преобладанію въ государствѣ Пренебреженіе этимъ фактомъ заставляетъ Ивановскаго прибѣгать къ безплоднымъ разсужденіямъ о невозможности признать въ конституціонной монархіи два органа верховной власти и стремленіе ученыхъ считать въ конституціонной монархіи органомъ верховной власти короля объяснять по преимуществу трудностями отыскать единство въ обоихъ факторахъ организаціи верховной власти. Въ виду указаннымъ нами фактовъ является также совершенно невѣрнымъ его взглядъ, что субъектомъ верховной власти въ конституціонной монархіи является „совокупность физическихъ лицъ, обнимающихъ собою представителя королевской власти и народное представительство, включая сюда и верхнюю палату". Вѣдь, тоже самое, съ перемѣной названія короля на президента, мы видимъ и въ республикѣ по терминологіи Ивановскаго, а по нашей въ близко подходящемъ къ республикѣ парламентарномъ государствѣ! Только въ этомъ послѣднемъ наблюдается также и единство законодательной дѣятельности обоихъ факторовъ, которое Ивановскій относитъ къ монарху: каждый законъ здѣсь—результатъ соглашенія между народными представителями и монархомъ. Высказавшись такъ рѣшительно относительно вопроса о субъектѣ верховной власти въ конституціонной монархіи, нашъ государствовѣдъ вдругъ начинаетъ колебаться и неожиданно заявляетъ, что неуловимость и непостоянство внѣшней формы субъекта верховной власти въ конституціонномъ государствѣ явленіе совершенное нормальное и не исключительное. Авторъ даетъ такую мотивировку этому своему пессимистическому заключенію о конституціонной монархіи. Если она, разсуждаетъ онъ, есть форма историческая и при томъ переходная, то вполнѣ понятнымъ и естественнымъ оказывается стремленіе входящихъ въ ея составъ элементовъ превратиться въ самостоятельную форму государственнаго устройства. Отсюда борьба между ними, которая ведется мирными средствами, но обозначаетъ неустойчивость государственнаго устройства, колебаніе, перемѣщеніе центра тяжести въ организаціи верховной власти изъ одного элемента въ другой. Это

описаніе конституціонной монархіи какъ разъ подходитъ къ представленію о дуалистической формѣ конституціоннаго государства, гдѣ подобная борьба неизбѣжна. Но почему Ивановскій думаетъ, что чѣмъ совершеннѣе конституціонное государство, т. е., чѣмъ болѣе равновѣсія между факторами власти, тѣмъ большая возникаетъ возможность борьбы и колебаній изъ одной стороны въ другую, это трудно понять. Изъ такихъ посылокъ долженъ получиться скорѣе противоположный выводъ: чѣмъ ни большее согласіе господствуетъ между монархомъ и народнымъ представительствомъ, тѣмъ, очевидно, меньше поводовъ къ столкновенію между ними и больше шансовъ мирнаго теченія политической, а также всей общественной жизни. Въ этомъ случаѣ конституціонная монархія переходитъ въ высшую форму конституціоннаго государства — парламентарную съ отличающими ея особенностями: правильной организаціей политическихъ партій, согласіемъ ихъ взглядовъ съ политическими воззрѣніями общественныхъ классовъ и управленіемъ государствомъ сообразно съ политическими взглядами большинства. Ивановскій игнорируетъ различіе между дуалистическимъ и парламентарнымъ конституціоннымъ государствомъ и поэтому приписываетъ всякой конституціонной монархіи „внутреннее противорѣчіе, колебанія и неустойчивость“. Впрочемъ, онъ потомъ признаетъ возможность перехода конституціонныхъ монархій въ республику и также замѣчаетъ, что не слѣдуетъ много полагаться на существующія въ дѣйствительности названія. Представительныя монархіи въ сущности являются представительными республиками. Есть также конституціонныя государства, которыя на самомъ дѣлѣ абсолютныя монархіи или близко къ нимъ подходятъ. Въ числѣ послѣднихъ Ивановскій называетъ, кромѣ Пруссіи, Турцію, которая никогда не была конституціоннымъ государствомъ, хотя одно время и была тамъ выработана и объявлена конституція. Мы полагаемъ, что авторъ хотѣлъ здѣсь упомянуть про Австрію, которая подходитъ вмѣстѣ съ Пруссіей къ типу дуалистическихъ конституціонныхъ государствъ, но уже ни въ какомъ случаѣ не къ абсолютной монархіи.

Разрѣшая вопросъ о субъектѣ верховной власти въ республи-

кахъ, нашъ авторъ отрицательно относится ко взгляду, что есть государства, гдѣ весь народъ—субъектъ верховной власти. Такимъ субъектомъ въ государствѣ—общинѣ является, по его словамъ, лишь относительно небольшая группа лицъ съ выгоднымъ въ ней положеніемъ. Отсюда Ивановскій дѣлаетъ такое заключеніе, что вѣроятно въ дѣйствительной жизни существовали монархіи и аристократіи, но не существовало демократій, хотя это именно названіе присвоивается весьма многимъ государствамъ древняго и новаго міра. Но едва ли кто будетъ оспаривать, что въ древности такія демократическія государства были и на самомъ дѣлѣ. Такой именно характеръ чистыхъ, непосредственныхъ демократій имѣли Аѳины, Римъ въ республиканскій періодъ его исторіи и множество второстепенныхъ греческихъ государствъ, какъ и италіанскихъ республикъ въ средніе вѣка. Даже въ современной Европѣ находятся подобныя демократическія государства, именно въ Швейцаріи, гдѣ въ нѣсколькихъ кантонахъ (Ури, Аппенцелѣ, Унтервальденѣ и др.) въ управленіи государствомъ принимаютъ участіе всѣ граждане. Слѣдовательно, демократическое государство не фантазія ученыхъ, а дѣйствительный историческій фактъ. Только такія непосредственныя демократіи извѣстны были преимущественно въ древности, когда участіе въ политическихъ дѣлахъ было возможно для сравнительно небольшаго количества гражданъ. Въ новое же время являются представительныя демократіи, гдѣ депутаты, избираемые народомъ, составляютъ народное представительство. Послѣднее въ такихъ государствахъ—субъектъ верховной власти, какъ это признаетъ и Ивановскій, который вслѣдъ затѣмъ высказываетъ сомнѣніе, чтобы депутаты и на самомъ дѣлѣ представляли интересы народа: по крайней мѣрѣ, на эту мысль наводитъ его организація выборовъ въ современныхъ республикахъ, при которой рѣдко попадаютъ въ депутаты представители истинныхъ мнѣній и интересовъ народа. Но тогда кто же въ республикахъ субъектъ верховной власти? Этотъ важный вопросъ остается у автора безъ категорическаго разрѣшенія. Отрицая такъ рѣшительно представленіе о суверенитетѣ народа, называя его отвлеченной формулой, неимѣющей никакого отношенія къ дѣйстви-

тельности, Ивановскій вслѣдъ затѣмъ заявляетъ, что понятіе народа неразрывно связано съ понятіемъ субъекта верховной власти. Нѣтъ на лицо такого субъекта, нѣтъ и народа. И наоборотъ, верховная власть не мыслима безъ народа. Но народъ не есть совокупность лицъ, связанныхъ между собой единствомъ языка, вѣрованій, происхожденія, обычаевъ, и пр. Но отвергая это сдѣлавшееся общепринятымъ понятіе народа, Ивановскій спѣшитъ замѣтить, что и устанавливаемая имъ тѣсная связь между субъектомъ верховной власти и обществомъ, составляющимъ народъ, допускается имъ только принципіально: дѣйствительная жизнь обыкновенно не представляетъ этого неразрывнаго соотношенія между ними. Онъ объявляетъ даже, что всѣ взаимоотношенія между субъектомъ верховной власти и народомъ не имѣютъ принципіальнаго характера для понятія государства и народа. Они временныя и важны лишь для характеристики степени развитія государства. Для понятія государства важно лишь объединеніе общества въ народъ при посредствѣ субъекта верховной власти; для понятія народа—признакъ подчиненія субъекту верховной власти всѣхъ входящихъ въ составъ народа индивидуумовъ и общественныхъ союзовъ. Отсюда Ивановскій дѣлаетъ то заключеніе, что разсмотрѣніе отношеній между субъектомъ верховной власти и народомъ въ сущности и не входитъ въ тотъ отдѣлъ науки государственнаго права, гдѣ опредѣляется понятіе государства. Оно важно только при уясненіи законовъ развитія государственной организаціи. Авторъ потомъ нигдѣ въ своей книгѣ не касается разматриваемаго здѣсь вопроса и поэтому читатель недоумѣваетъ, зачѣмъ ему понадобилось говоритъ о предметѣ, который не имѣетъ никакого значенія для уясненія понятія государства. Но самъ же авторъ говоритъ о неразрывности понятій народа и субъекта верховной власти, которую онъ допускаетъ въ тоже время лишь принципіально. Въ довершеніе всей путаницы Ивановскій отказывается признать вліяніе на народъ при его историческомъ образованіи единства языка, вѣрованій, общаго происхожденія, обычаевъ и проч., хотя этотъ историческій фактъ совмѣстнаго вліянія всѣхъ этихъ и другихъ условій признается всѣми учеными, какъ необ-

ходимое основаніе для образованія націи или народа. Предоставимъ самому автору разобраться во всѣхъ этихъ противорѣчіяхъ при слѣдующемъ изданіи его курса, если только оно когда-либо послѣдуетъ. Теперь же обратимся къ его не менѣе оригинальному мнѣнію о территоріи, какъ элементѣ понятія государства.

Казалось бы, что послѣ того, какъ Ивановскій пришелъ ко взгляду на государство, какъ на общество людей, занимающее опредѣленную терреторію и подчиненное верховной власти, не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что территорія въ его глазахъ — необходимый признакъ и элементъ понятія государства. Но авторъ, забывая свое опредѣленіе государства, высказываетъ неожиданно взглядъ, прямо противоположный этому опредѣленію. Ивановскій объясняетъ ходячее представленіе о территоріи, какъ необходимомъ элементѣ государства, тѣмъ фактомъ, что огромное большинство историческихъ и современныхъ государствъ занимаетъ точно опредѣленную территорію. Значитъ, взглядъ ученыхъ подтверждается дѣйствительнымъ фактомъ и сомнѣваться въ правильности этого взгляда нѣтъ основанія, какъ это сначала сдѣлалъ и самъ Ивановскій. Послѣдній, однако, вспомнилъ, что въ литературѣ есть мнѣніе (Коркунова), что территорія вовсе не необходимый элементъ понятія государства, и, не желая отставать отъ „послѣдняго слова науки", пустился доказывать чужой взглядъ, забывая совершенно о своемъ. Авторъ считаетъ теперь необходимою только для понятія государства взаимную связь между субъектомъ верховной власти и народомъ, которую онъ въ предъидущемъ § такъ энергично отвергалъ въ качествѣ дѣйствительнаго факта. Понятіе субъекта верховной власти не стоитъ въ такой неразрывной связи съ понятіемъ точно опредѣленной территоріи: общественный союзъ, во главѣ котораго стоитъ этотъ субъектъ, можетъ быть не мѣстнымъ, а личнымъ союзомъ или совокупностью личныхъ союзовъ. Именно въ формѣ личныхъ союзовъ государства могутъ являться на первичныхъ стадіяхъ своего развитія. Такова первобытная семья, таковы родовые союзы въ періодѣ кочевой жизни. Подчиненіе каждаго члена такого союза субъекту верховной власти — родоначальнику обусловливалось не жительствомъ на опредѣленной

территоріи, но принадлежностью къ роду. Родоначальникъ, какъ субъектъ верховной власти, стоялъ во главѣ рода, объединялъ всѣ отдѣльные личные союзы или семьи въ одно цѣлое, народъ. Но если родовая организація кочевыхъ народовъ государство, то значитъ, заключаетъ Ивановскій, опредѣленная территорія не составляетъ существеннаго признака государства. Опредѣленная территорія устанавливается съ переходомъ народовъ отъ кочевой жизни къ осѣдлой, тогда личные союзы превращаются въ мѣстные, верховенство власти простирается на всѣхъ лицъ, живущихъ на территоріи и вообще создается масса условій для дальнѣйшаго развитія и усовершенствованія государственной организаціи. Отсюда же выходитъ, по заключенію нашего автора, что ученіе о территоріи не слѣдуетъ вводить въ государственное право, такъ какъ оно нисколько не уяснитъ сущности государственной организаціи, но въ тоже время оно можетъ весьма много способствовать уясненію характера роста этой организаціи. Вся эта аргументація Ивановскаго построена на ложныхъ основаніяхъ, мнимо вѣрномъ взглядѣ, что государствомъ можетъ названъ всякій личный союзъ, что родъ и народъ—тождественныя понятія, и что первобытная семья и родовые союзы—уже полныя государства. Опровергать подобныя „научныя положенія" значитъ повторять азбуку государственной науки, но у профессора казанскаго университета при его погонѣ за новизнами въ наукѣ и эта азбука оказалась позабытой. Для всѣхъ государствовѣдовъ давно уже сдѣлалось общимъ мѣстомъ, что примитивная семья и родъ—не государство, такъ какъ они основываются на физіологическихъ и религіозныхъ началахъ и только, отчасти, юридическихъ и политическихъ. Затѣмъ, и семья, и родъ территоріальные союзы, въ которыхъ интересы мѣстности, общаго труда, владѣнія и потребленія стоятъ на первомъ мѣстѣ. Это обстоятельство дало поводъ Штарке даже утверждать, что мѣстные интересы въ примитивныхъ союзахъ важнѣе всѣхъ остальныхъ. Семья и родъ—только зародыши государства, но уже обладающіе территоріей, особенно послѣдней. Никто еще также не отождествлялъ рода съ народомъ; послѣдній несомнѣнно болѣе высшій общественный союзъ, гдѣ господствуютъ духовные интересы

и, главное, гдѣ появляется политическій элементъ—государство, какъ это признаетъ и самъ Ивановскій. Всего оригинальнѣе то, что послѣ такого рѣшительнаго отрицанія связи съ понятіемъ государства понятій народа и территоріи Ивановскій дѣлитъ всю систему русскаго государственнаго права на три части; ученіе о верховной власти въ Россіи, ученіе о народѣ и территоріи. Такимъ образомъ, всѣ эти необходимые теперь элементы понятія государства оказываются дѣйствительными фактами народной жизни, а не только принципіальными положеніями, устанавливаемыми авторомъ невѣдомо для какихъ научныхъ цѣлей.

Изложеніе самого курса русскаго государственнаго права проф. Ивановскимъ не сопровождается такимъ обиліемъ погрѣшностей, какъ его теоретическіе взгляды на государство. Авторъ держится теперь воззрѣній, уже установившихся въ русской историко-юридической литературѣ и читателю уже нѣтъ нужды разбираться въ оригинальныхъ его теоріяхъ и отдѣльныхъ взглядахъ. Весь курсъ излагается по общепринятой системѣ: ученіе о верховной власти въ Россіи, о народѣ и территоріи. Въ первой главѣ перваго отдѣла Ивановскій занимается вопросомъ о развитіи неограниченной власти въ Россіи, который обыкновенно разсматривается въ наукѣ исторіи русскаго права. Авторъ совершенно вѣрно признаетъ, что княжеская власть въ древней Россіи была ограничена властью вѣча и дружиной, что въ домосковской Руси существовали частно—правовыя воззрѣнія князей на свою власть и что управленіе русскою землею принадлежало всему княжескому роду, въ которомъ сохранилось сознаніе единства русской земли, не смотря на ея раздробленность на удѣлы. Въ московскій періодъ совершается процессъ образованія въ Россіи монархической власти, сходный съ подобнымъ же процессомъ въ Западной Европѣ и также, какъ и въ ней, характеризующійся борьбой за политическое преобладаніе между соціальными элементами. Въ этомъ процессѣ принимаютъ участіе самыя разнообразные факторы, подъ совмѣстнымъ вліяніемъ которыхъ государственная власть сосредоточивается исключительно и безраздѣльно въ рукахъ московскаго царя. Народъ сталъ въ исключительно подчиненное отношеніе къ нему. О преж-

нихъ вѣчевыхъ порядкахъ не могло быть и рѣчи. Но время отъ времени московскіе цари считаютъ нужнымъ для прекращенія административной неурядицы обращаться къ народу, выслушивать его мнѣнія по важнѣйшимъ государственнымъ вопросамъ. Съ этою цѣлью созываются царями земскіе соборы, которые не были свободными народными собраніями удѣльно-вѣчеваго періода, а только временными, совѣщательными учрежденіями. Служилое сословіе теряетъ свою свободу вмѣстѣ съ городскимъ и крестьянскимъ. Констатируя фактъ развитія въ московскій періодъ единодержавной власти московскихъ государей, Ивановскій не забываетъ указать и на оппозиціонные элементы въ отношеніи къ этой власти, стремившіеся къ ея ограниченію. Извѣстна ожесточенная борьба Іоанна Грознаго съ боярствомъ, въ которомъ еще живы были преданія о прежнемъ политическомъ значеніи, когда оно принимало участіе въ рѣшеніи важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ и ограничивало власть князя. Сущность политическихъ притязаній боярства и взглядъ Грознаго на самодержавную власть московскихъ государей выражаются въ извѣстной полемикѣ его съ кн. Курбскимъ. Оппозиціонное боярство не было согласно со взглядами Грознаго, но не могло противиться ему и добиться отъ его преемниковъ удовлетворенія своихъ политическихъ притязаній. Россія не знала западно-европейскаго феодализма и наши дружинники превратились въ служилый классъ, обязанный службою московскимъ государямъ. Авторъ отмѣчаетъ и послѣдующія послѣ Грознаго проявленія оппозиціонныхъ стремленій русскаго боярства, которое пользовалось для этого благопріятными обстоятельствами (напр., прекращеніемъ царствующей династіи и необходимостью избрать новаго царя). Въ XVII столѣтіи политическія притязанія заявляются и со стороны представителей церкви, патріарховъ. Изъ нихъ патріархъ Филаретъ управлялъ государствомъ наравнѣ съ своимъ сыномъ, Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Патріархъ же Никонъ, выступившій энергичнымъ борцомъ за права духовенства, высказываетъ даже такія мнѣнія, которыя напоминаютъ воззрѣнія представителей католической церкви. Борьба патріарха съ царемъ окончилась въ пользу послѣдняго, а въ лицѣ Петра I самодер-

жавная власть въ Россіи достигаетъ наибольшаго развитія и основныя начала ея были формулированы въ опредѣленныхъ выраженіяхъ. Мы совершенно согласны съ мнѣніемъ проф. Ивановскаго, что ограничительныя попытки проявлялись со стороны русскаго дворянства и послѣ Петра I и что органъ его верховный тайный совѣтъ фактически ограничиваетъ власть императрицы Екатерины I и формально и оффиціально власть Анны Ивановны[1]). Точно также правиленъ его взглядъ, что самъ императоръ Александръ I-й пытался ограничить самодержавную власть русскихъ монарховъ введеніемъ конституціонныхъ учрежденій въ русскомъ государствѣ. Таковъ одинъ изъ доказываемыхъ нами тезисовъ въ нашей работѣ о русскомъ государственномъ совѣтѣ, въ текстѣ которой (I томъ) напечатанъ весь планъ Сперанскаго относительно предполагаемыхъ преобразованій. Проф. Ивановскій имѣлъ этотъ планъ подъ руками[2]), но почему-то ссылается только на его отрывки, помѣщенные у Тургенева („La Russie et les russes") и трудъ Пыпина. Невнимательное отношеніе его къ плану отразилось потомъ на изложеніи вопроса о государственномъ совѣтѣ при Александрѣ I. Сравненіе образованія совѣта 1810 г. съ планомъ убѣждаетъ, что извѣстная формула, которою сопровождались новые законы, означала именно нѣкоторое ограниченіе власти государя, а не то только, что „совѣтъ призванъ къ законодательству въ качествѣ постояннаго учрежденія и въ его дѣятельности воля государя находитъ законное выраженіе" (168 стр.).

Мы пропускаемъ слѣдующіе отдѣлы (объ организаціи верховной власти, порядокъ ея преемства по дѣйствующему законодатель-

[1]) Мы старались доказать этотъ взглядъ, основанный на изученіи архивныхъ данныхъ, въ своемъ изслѣдованіи: „Государственный Совѣтъ въ Россіи" I т. и I в. II тома (введеніе). Противнаго мнѣнія держится проф. А. С. Алексѣевъ, выступившій съ своей брошюрой (Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ В. Т. Совѣта въ царствованіе Екатерины I-й) противъ нашего мнѣнія и особенно взглядовъ проф. А. Н. Филиппова, выраженныхъ въ его „Исторіи Сената".

[2]) Въ главѣ о государственномъ совѣтѣ онъ цитируетъ наше изслѣдованіе (1-й его томъ), вторая часть 2-го тома котораго не была извѣстна Ивановскому при составленіи его учебника.

ству и учрежденіе императорской фамиліи), гдѣ изложеніе указанныхъ вопросовъ русскаго государственнаго права ведется Ивановскимъ довольно оживленно и согласно съ дѣйствующимъ законодательствомъ. Автора не смущаютъ никакія спорныя теоріи и онъ легко справляется съ положительнымъ матеріаломъ. Но вотъ настаетъ очередь „Ученія о законѣ и законодательствѣ“ и снова начинается путаница въ сужденіяхъ, заключеніяхъ и понятіяхъ казанскаго государствовѣда. Онъ не доволенъ общепринятымъ понятіемъ закона, какъ обязательной правовой нормы, устанавливаемой субъектомъ государственной власти. Въ этомъ понятіи закона есть два признака: 1) законъ—норма, опредѣляющая право и соотвѣтствующія имъ обязанности, и 2) эта норма исходитъ отъ государ. власти и носитъ обязательный характеръ. Оба эти признака присущи понятію закона, причемъ первый опредѣляетъ матеріальную его сторону, а второй—формальную. Вслѣдъ за изложеніемъ этого взгляда Ивановскій задумалъ заняться разсмотрѣніемъ ученія о законѣ въ современной государственной наукѣ, но этотъ трудъ оказался непроизводительнымъ: въ концѣ концовъ онъ пришелъ къ такимъ выводамъ, которые не только разъясняютъ, а скорѣе запутываютъ все ученіе о законѣ. Конечно для такого основнаго понятія въ государствовѣдѣніи, какъ понятіе закона, указываемый Гарейсомъ случайный признакъ, какъ участіе въ его изданіи народнаго представительства, не имѣетъ важнаго значенія. Иначе пришлось бы утверждать, что въ абсолютныхъ государствахъ нѣтъ закона. Съ другой стороны, нельзя признать, чтобы издавать законы могли общины, корпораціи, разныя государственныя установленія и даже отдѣльныя лица, какъ это утверждаютъ Брунсъ, Экъ и др.: тогда уничтожилось бы всякое различіе между закономъ и правительственнымъ распоряженіемъ. Законъ высшая юридическая норма въ государствѣ, по отношенію къ которому всѣ постановленія указанныхъ союзовъ, учрежденій и отдѣльныхъ лицъ занимаютъ второстепенное мѣсто въ государствѣ. Ивановскій замѣчаетъ, что выдающіеся нѣмецкіе ученые (Рённе, Лабандъ, Шульце, Штейнъ и др.) не примыкаютъ къ этому опредѣленію понятія закона и принимаютъ болѣе установившееся и правильное его опредѣленіе, по которому законъ общеобязательная

юридическая норма, устанавливаемая субъектомъ верховной власти. Значитъ, эти ученые держатся общепринятаго воззрѣнія на законъ, которое нашъ авторъ приводитъ въ началѣ главы. Затѣмъ Ивановскій останавливается на различіи между закономъ и административнымъ распоряженіемъ вообще, особенно же на отличіи закона отъ такъ называемыхъ исключительныхъ закономѣрныхъ распоряженій (Noth-und—Verfassunsmäszige Verordnungen), издаваемыхъ въ конституціонныхъ государствахъ главою государства и его министрами. По поводу этого различія Ивановскій совершенно правильно замѣчаетъ, что въ абсолютныхъ государствахъ чрезвычайно трудно провести строгую грань между законами и административными распоряженіями. Здѣсь возможно только условное различіе, какое существуетъ въ Россіи между законами и Высочайшими повелѣніями. Поэтому попытка самаго законодателя разграничить законъ и Высочайшее повелѣніе представляется безуспѣшной. Но, продолжаетъ авторъ, въ отношеніи матеріальной стороны законовъ и распоряженій главы государства также трудно провести рѣзкую грань между нами, въ конституціонныхъ государствахъ. Отсюда же онъ дѣлаетъ цѣлый рядъ заключеній относительно невозможности различія законовъ и распоряженій по ихъ содержанію и полагаетъ, что сущность закона нужно искать не въ его содержаніи, но въ формѣ. „Сказать, говоритъ Ивановскій, что законъ долженъ имѣть какое либо опредѣленное содержаніе, что онъ долженъ, напр., установлять и регулировать правоотношенія, это значитъ ставить субъекта верховной власти въ извѣстные предѣлы, пріурочивать выраженіе его воли къ опредѣленнымъ предметамъ, ограничивать, слѣдовательно, суверенитетъ верховной власти и впадать, такимъ образомъ, въ логическое противорѣчіе.“ Вслѣдъ за этимъ авторъ объявляетъ, что законъ есть выраженіе воли субъекта верховной власти, обязательное для всѣхъ гражданъ, и что многія постановленія, исходящія отъ субъекта верховной власти, не имѣютъ юридическаго характера, подобно нормамъ, которыя опредѣляютъ организацію верховной власти. Чтобы обосновать этотъ свой взглядъ на законъ, Ивановскій старается опровергнуть „заблужденіе“ считать всѣ постановленія субъекта верховной власти прину-

дительными: гдѣ есть такая принудительность, тамъ несомнѣнно есть и право (объективное). На самомъ дѣлѣ признакъ принудительности присущъ только тѣмъ выраженіямъ воли субъекта верховной власти, которыми установляются и регулируются взаимныя отношенія между гражданами или ими и самимъ субъектомъ Такимъ принудительнымъ выраженіемъ его воли можетъ быть присвоено названіе „велѣній“. Но есть случаи, гдѣ воля субъекта верховной власти не содержитъ въ себѣ признака принудительности и не имѣетъ юридическаго содержанія. Такое значеніе имѣетъ эта воля въ отношеніи организаціи учрежденій и созданія массы внѣшнихъ условій въ видахъ обезпеченія общаго благосостоянія. Нормы, издаваемыя въ этихъ случаяхъ, также законы, но послѣдніе не обязательны для гражданъ, которые признаютъ эти нормы и созданный ими порядокъ вещей не потому, что они юридически обязаны это дѣлать, но потому, что они не могутъ не признавать факта. Вся эта арументація Ивановскаго по поводу понятія закона заключается тѣмъ, что онъ признаетъ законъ выраженіемъ воли субъекта верховной власти и—содержаніемъ закона какъ правоотношенія, такъ и отношенія, неимѣющія юридическаго характера. Отсюда же классификація законовъ на правовые и организаціонные (административные, военные, полицейскіе, финансовые и др.), при чемъ послѣдніе не имѣютъ обязательной силы для гражданъ.

Въ примѣненіи къ русскому праву это ученіе о законѣ имѣетъ значеніе у автора лишь только въ той его части, гдѣ идетъ рѣчь о различіи между закономъ и распоряженіемъ. Мы совершенно согласны съ Ивановскимъ, что это различіе не имѣетъ мѣста въ русскомъ правѣ, такъ какъ всякая попытка разграничить законъ и Высочайшее повелѣніе является безуспѣшной; источникъ права въ абсолютномъ государствѣ—воля государя, отъ котораго всегда зависитъ, въ какую форму облечь её. Но если такъ, то зачѣмъ же автору понадобилось особенно настаивать на необходимости различать законъ отъ административнаго распоряженія и на этомъ различіи основывать критику понятія закона и свои воззрѣнія на него? Мы не отвергаемъ необходимости различія между закономъ

и распоряженіемъ, съ которымъ связывается обезпеченіе правъ личности въ западно-европейскихъ государствахъ. Но мы думаемъ, что для доказательства этой мысли нѣтъ нужды прибѣгать къ разнымъ пародоксамъ, въ родѣ того, что если приписывать закону *опредѣленное* содержаніе, то это значитъ ограничивать верховную власть. Едва ли кто будетъ спорить, что вся ея дѣятельность и состоитъ именно въ такомъ опредѣленіи, регулированіи общественныхъ отношеній въ виду удовлетворенія разнаго рода потребностей. Несомнѣнно, что закономъ опредѣляются при этомъ права членовъ общества и, слѣдовательно, соотвѣтствующія ихъ обязанности, и что въ законѣ выражается воля субъекта верховной власти, причемъ законъ правовая норма, обязательная для всѣхъ гражданъ. Распоряженія же—акты дѣятельности органовъ правительственной власти, издаваемые въ развитіе закона и согласно съ общимъ его содержаніемъ. Указываемые Ивановскимъ, особенные виды правительственнымъ распоряженій, очевидно, тѣже законы, только возникающіе при исключительныхъ условіяхъ и получающіе поэтому санкцію послѣ своего примѣненія. Въ виду этихъ соображеній и фактовъ нѣтъ нужды выдвигать на первый планъ формальный элементъ въ понятіи закона и пренебрегать матеріальнымъ, существеннымъ въ немъ элементомъ. Иначе пришлось бы примѣнить въ полномъ видѣ различіе между закономъ и распоряженіемъ къ русскому праву, гдѣ законъ издается съ соблюденіемъ многихъ формальныхъ условій, непринятыхъ въ отношеніи Высочайшихъ распоряженій. Проф. Ивановскаго смущаетъ принудительный характеръ законодательныхъ мѣръ, которая, по его словамъ, присуща не всѣмъ имъ, а только тѣмъ изъ нихъ, въ которыхъ выражается извѣстныя требованія, предъявляемыя къ гражданамъ. На этомъ основаніи авторъ даже строитъ особую классификацію законовъ, неимѣщихъ *юридическаго* характера. Такимъ образомъ, законы военные, полицейскіе—не юридическія нормы. Законъ здѣсь не право, его главная форма, а какія то особенныя правила съ терминомъ „организаціоннаго закона". На самомъ дѣлѣ законъ не перестаетъ опредѣлять общественныя отношенія и во всѣхъ случаяхъ, гдѣ имѣется въ виду „организація внѣшнихъ

условій благосостоянія общества“; только въ такихъ правовыхъ нормахъ есть на ряду съ обязательнымъ элементомъ еще техническій, необязательный. Законы полицейскіе, военные и др. обязательны именно для тѣхъ лицъ, отношенія которыхъ регулируется ими; но только при ихъ примѣненіи приходится имѣть дѣло съ своеобразными условіями, сообразоваться съ которыми задача техническихъ правилъ.

Мы не будемъ касаться дальнѣйшаго, чисто фактическаго изложенія курса русскаго государственнаго права проф. Ивановскимъ. Его общій, научный характеръ достаточно опредѣлился при нашемъ разборѣ разнообразныхъ теорій и взглядовъ автора и мы можемъ только пожелать ему избѣжать такихъ важныхъ ошибокъ при послѣдующемъ печатаніи курса и лучше держаться нѣкоторыхъ общепринятыхъ взглядовъ, чѣмъ увлекаться многими новыми теченіями въ государственной наукѣ, мало еще обработанными и поэтому нерѣдко, при всей ихъ оригинальности, сомнительными и прямо невѣрными, противорѣчащими дѣйствительной жизни.

В. Щегловъ.

---

2. *Карѣевъ:* „Историческое міровоззрѣніе Грановскаго“. Спб. 1896. 72 стр.

Въ текущемъ году исполнилось сорокъ лѣтъ со дня кончины Грановскаго, знаменитаго профессора Московскаго университета, съ именемъ котораго связано цѣлое движеніе въ русской общественной жизни и наукѣ. Изъ числа многочисленныхъ статей и рѣчей, посвященныхъ памяти Грановскаго, названная рѣчь Карѣева выдается особенно полной и безпристрастной характеристикой этой славной личности со стороны историческо-общественнаго міровоззрѣнія Грановскаго, высказавшагося въ его сочиненіяхъ и университетскихъ курсахъ. Грановскій былъ центральною фигурою среди людей сороковыхъ годовъ, первымъ русскимъ ученымъ профессоромъ, которому пришлось играть общественную роль и про-

водить въ своей дѣятельности западно-европейское направленіе въ исторической наукѣ. Грановскій былъ изъ молодыхъ профессоровъ, которые внесли живую струю въ университеты изъ своей поѣздки за границу и содѣйствовали развитію русской науки. Онъ былъ въ Берлинѣ въ то время, когда тамъ читали лекціи Гегель и Савиньи, которые совершили большое вліяніе на научное его міровоззрѣніе, какъ и лекціи знаменитаго историка Ранке и идеи либеральной школы Гизо и Огюстена Тьерри. До Грановскаго на исторію смотрѣли у насъ, какъ на искусство. Грановскій видитъ въ ней науку и притомъ философскую и примыкаетъ ко взгляду Гегеля, что въ исторіи человѣчества каждая эпоха представляетъ собою извѣстный моментъ въ единомъ прогрессивномъ развитіи культуры. Но въ тоже время онъ утверждаетъ, что содержаніе исторіи составляютъ факты, данные опытомъ и опредѣленные обстоятельствами. Задача исторіи, по словамъ Грановскаго, въ опредѣленіи общихъ законовъ, которымъ подчинена земная жизнь человѣчества, и неизбѣжныхъ цѣлей историческаго развитія. Поэтому вся наука, а въ томъ числѣ и юридическая, входитъ въ область всеобщей исторіи, „имѣющей передать всѣ видоизмѣненія и вліянія, какимъ подвергалась земная жизнь человѣчества". Грановскій опережалъ свое время, требуя, чтобы исторія сближалась съ общественными науками и предлагая внести въ проэктируемое имъ историческое отдѣленіе филологическаго факультета и „юридическій элементъ". Но особенно занимала его мысль о томъ значеніи, которое для исторіи должно имѣть естествознаніе. Грановскій проводитъ въ своихъ лекціяхъ ту мысль, что исторія должна идти путемъ естествознанія, хотя все увлеченіе его естествознаніемъ сосредоточивалось въ концѣ концовъ около вопроса о значеніи человѣческихъ расъ въ исторіи народовъ: историческая школа права пріучила Грановскаго пользоваться понятіемъ народнаго духа. Онъ былъ слишкомъ большой идеалистъ, гуманистъ и даже спиритуалистъ, чтобы сдѣлаться натуралистомъ въ исторіи. Позитивная философія Конта осталась неизвѣстною Грановскому, но и безъ того стремленіе его поставить исторію въ связь не только съ филологическими и юридическими науками, но и философіей и

естествознаніемъ достаточно характеризуетъ широту его научнаго воззрѣнія. Грановскій обратилъ вниманіе на связь между исторіей народа и природой обитаемой имъ страны, желалъ видѣть въ дѣйствіи природы на человѣка постоянный историческій факторъ. Онъ съумѣлъ заимствовать изъ каждаго направленія въ западно-европейской наукѣ то, что въ немъ наиболѣе цѣннаго. Умѣнье примирять въ теоріи совершенно разнородные элементы отразилось и въ отношеніяхъ Грановскаго къ людямъ, въ которыхъ онъ обнаруживалъ широкую терпимость и уваженіе къ чужимъ мнѣніямъ. Широкое пониманіе исторической науки, имѣющей своимъ предметомъ жизнь человѣчества во всемъ ея разнообразіи и многосторонности, составляло главную силу Грановскаго, какъ историка-мыслителя. Его идеаломъ было полное научное безпристрастіе. Свѣтлому уму Грановскаго была чужда идея національной исключительности. Онъ одинаково сторонился въ изученіи и преподаваніи исторіи какъ отъ произвола абстрактной мысли, господствовавшаго въ тогдашней философіи, такъ и произвола конкретнаго чувства, выражавшагося въ той или другой романтикѣ. Грановскій не любитъ оперировать съ источниками, а съ дознанными изъ нихъ фактами, ставя цѣлью не изученіе деталей, а широкія обобщенія. Едва ли, однако, можно вмѣнять ему въ заслугу это пренебреженіе источниками, безъ которыхъ невозможны никакія „широкія обобщенія“. Большаго вниманія заслуживаетъ взглядъ Грановскаго на историческіе законы. Положимъ, онъ пользовался выраженіемъ „законъ“ въ слишкомъ общемъ, неопредѣленномъ смыслѣ и имѣетъ не всегда вѣрное представленіе о закономѣрности въ исторіи. Но Грановскій за то не принадлежалъ къ числу историковъ, которые проповѣдуютъ безсиліе человѣка передъ историческимъ рокомъ и слагаютъ съ личности всякую отвѣтственность за ея дѣянія. Закономѣрность онъ понималъ, главнымъ образомъ, въ смыслѣ ея органичности, прилагая сначала идеи организма къ цѣлому человѣчеству. Но впослѣдствіи главнымъ факторомъ историческаго развитія онъ сталъ считать не стихійное развитіе вложенныхъ въ народъ задатковъ, а сознательную дѣятельность личной мысли. Грановскій не съумѣлъ разрѣшить научную загадку о взаимныхъ от-

между личнымъ и общимъ началомъ въ исторіи. Но онъ признавалъ значеніе личнаго начала съ его жизненною борьбою. Великіе люди въ глазахъ Грановскаго были орудіями, осуществлявшими цѣли всемірнаго духа. Свой взглядъ на роль высокихъ людей въ исторіи онъ примиряетъ съ новой идеей о закономѣрномъ ея ходѣ такимъ образомъ, что лицо въ исторіи выступаетъ не какъ орудіе необходимаго закона, а самостоятельно поборникомъ или противникомъ закона. Грановскій не былъ фаталистомъ въ исторіи. Конечная цѣль человѣчества въ его глазахъ—осуществленіе нравственнаго закона. Отдѣльное лицо можетъ явиться самостоятельнымъ дѣятелемъ въ этомъ осуществленіи, почему оно и отвѣчаетъ за свое поведеніе предъ судомъ историка. Грановскій воспитывался въ духѣ прогрессивныхъ западныхъ идей, которымъ онъ глубоко симпатизировалъ. Разсматривая исторію, какъ философскую науку, онъ хотѣлъ, чтобы она служила улучшенію жизни, чтобы такое участіе къ судьбамъ человѣчества подвигало насъ на работу въ потѣ лица въ имя идей добра и просвѣщенія. Поэтому историческое міровоззрѣніе Грановскаго было не только научнымъ мышленіемъ, но и дѣломъ нравственнаго и общественнаго воспитанія современниковъ. Исторія по его убѣжденію должна была научать человѣка сознательнѣе и правильнѣе дѣйствовать въ жизни. Публичныя чтенія Грановскаго были проникнуты этическимъ, гуманнымъ отношеніемъ къ человѣческой личности и человѣчеству. Успѣхъ не оправдывалъ все, совершающееся въ исторіи, и не всѣ средства, ведущія къ цѣли, было одинаково хороши. Другой чертой проповѣди Грановскаго была глубокая терпимость къ чужимъ мнѣніямъ. Карѣевъ особенно останавливается на важной практической сторонѣ дѣятельности Грановскаго, на его вліяніи на современное ему общество. Грановскій хорошо понималъ общественное значеніе университетской науки и при тогдашнихъ крайне неблагопріятныхъ обстоятельствахъ сдѣлалъ весьма многое для того, чтобы сблизить науку съ практическою общественною жизнью. Грановскій сочувствовалъ національнымъ стремленіямъ славянъ, но особенно вѣрилъ, что Россія должна сама участвовать въ общечеловѣческомъ прогрессѣ, создаваемомъ работой мысли. Россія

приняла образованность отъ просвѣщеннаго Запада и должна нести её на варварскій Востокъ—такова была для Грановскаго историческая миссія нашего отечества. Его тянуло къ Западу въ то время, когда славянофилы указывали на Византію, въ которой Грановскій не находилъ начала, оживлявшаго Западъ. Грановскій былъ убѣжденъ въ важности сравнительно—историческаго изученія въ всеобщей исторіи: только такой сравнительный способъ изученія исторіи можетъ освободить сужденія изслѣдователя отъ односторонности и дать ему средство понять смыслъ многихъ историческихъ явленій. Наконецъ, большая заслуга Грановскаго еще и въ томъ, что онъ первый создалъ въ русской исторической литературѣ понятіе и всеобщей исторіи, какъ единомъ всемірно-историческомъ цѣломъ. Всеобщая исторія была въ его глазахъ исторіей развитія всего человѣчества, въ которой выражается взаимодѣйствіе, сближеніе отдѣльныхъ націй, культурное объединеніе человѣчества. Но изучая исторію съ такой широкой точки зрѣнія, Грановскій вездѣ обнаруживалъ этическій интересъ къ человѣку, къ человѣческой личности, ея внутреннему міру, ко всему человѣческому, гдѣ бы оно не проявлялось.

Свою характеристику личности и научныхъ взглядовъ Грановскаго проф. Карѣевъ заключаетъ прекрасными словами, при чтеніи которыхъ возстаетъ невольно величественная фигура этого ученаго историка, оставившаго о себѣ память не одними только теоретическими взглядами, но и небывалымъ до него вліяніемъ ученаго профессора на современное русское общество. Въ широкомъ и благородномъ міросозерцаніи Грановскаго слилось на почвѣ гармоничной, любящей его природы самыя лучшія, научныя и прогрессивныя теченія европейской мысли. Грановскій умѣлъ возвышаться до созерцанія въ исторіи общечеловѣческаго и тамъ, гдѣ онъ являлся проповѣдникомъ идеи науки и гуманности, Грановскій былъ именно проповѣдникомъ самыхъ живыхъ, животворящихъ человѣческихъ идей, которыя были впервые внесены имъ въ изученіе и преподаваніе всеобщей исторіи. Въ потомствѣ навсегда останется благодарная память о Грановскомъ, оставившемъ въ наслѣдіе ему понятіе объ исторіи, какъ органѣ умственнаго, нравственнаго и гражданскаго

воспитанія общественныхъ силъ для жизненной борьбы во имя высшихъ требованій человѣчности.

В. Щегловъ.

---

3. *В. Вагнеръ*: „Простая жизнь". Переводъ. Спб. 1896. 207 стр.

Среди массы голосовъ въ современной общественной жизни, отрицающихъ самый смыслъ жизни или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ пессимистически относящихся ко многимъ ея благамъ, оптомистическіе взгляды автора „Простой жизни" звучатъ также отрадно, какъ и одинаковыя жизненныя воззрѣнія Д. Лэббока въ его „Радостяхъ жизни". Для современнаго скептическаго поколѣнія подобныя прекрасныя книги своего рода жизненный элексиръ, лучшее лекарство, благодѣтельное дѣйствіе котораго выражается въ немногихъ словахъ критика книги Вагнера, С. Корню. „Въ ней нѣтъ мѣста, говоритъ послѣдній, никакимъ тонкостямъ ума, никакой блестящей и глубокой доктринѣ. Вся красота и неотразимая сила морали Вагнера заключается не въ ея нравоучительности, а увлекательности. Мораль Вагнера это не самая глупая, скучная и безцвѣтная вещь, убивающая свѣтлую и божественную мудрость пророковъ, а голосъ—сильный и полный благороднаго энтузіазма и героизма. Самъ Вагнеръ въ предисловіи замѣчаетъ, что наша измученная душа, охваченная тревогой сложнаго современнаго существованія, бредитъ простотой, стремиться къ которому значитъ стремиться къ выполненію высшаго человѣческаго назначенія. Поэтому-то античная простота въ искусствахъ, нравахъ и въ идеяхъ и сохранила свое значеніе до настоящаго времени. Вагнеръ желаетъ внушить своимъ читателямъ это внутреннее понятіе простоты, при которой дѣлается излишнею масса всякаго рода ненужностей, отдѣляющихъ насъ отъ идеала правды, справедливости и доброты".

Вагнеръ беретъ разныя стороны жизненныхъ отношеній людей и

показываетъ, какъ они могутъ быть основаны на этомъ духѣ простоты. Мы, говоритъ онъ, всѣ страдаемъ отъ послѣдствій слишкомъ искусственной жизни. Ничего нельзя дѣлать просто: ни мыслить, ни дѣйствовать, ни веселиться, ни даже умирать. Осложненность жизни выступаетъ во множествѣ нашихъ матеріальныхъ нуждъ, о которыхъ непрестанно думаетъ большинство. Обыкновенное явленіе, что чѣмъ больше человѣкъ имѣетъ, тѣмъ больше ему нужно. Но мы не только не стали оттого счастливѣе и добрѣе; но напротивъ всюду развился утонченный эгоизмъ у людей, думающихъ лишь объ удовлетвореніи своихъ матеріальныхъ потребностей. Постоянно главное (совѣсть, характеръ, воля человѣка) смѣшивается съ второстепенными условіями внѣшней жизни людей. Человѣкъ долженъ быть человѣкомъ, осуществлять повседневной дѣятельностью высшія блага (справедливость, правду, свободу), выполнить свое назначеніе въ жизни. Въ этомъ и заключается духъ простоты. Нужно очистить образъ нашихъ идей, направлять ихъ сообразно съ своими истинными жизненными цѣлями, отбросить манію самоиспытанія и самоизслѣдованія по всякому поводу. Человѣчество живетъ довѣріемъ, надеждой, добротой, живой и дѣятельной религіей. Простое слово—слово правдивое и искреннее. Вагнеръ предостерегаетъ противъ злоупотребленія словомъ въ политикѣ, наукѣ, искусствѣ, печати, обыденной жизни, прекрасныхъ, но безсодержательныхъ рѣчей, невоздержности въ языкѣ со всѣми вредными для жизни ея послѣдствіями. Человѣкъ долженъ стремиться къ выполненію простаго долга, дѣлая то, что доступно его силамъ, оказывая бѣднымъ братскую помощь въ видѣ нравственной и матеріальной поддержки. Простой долгъ—непосредственный ближайшій долгъ, немедленное исправленіе зла, любовь къ своему дѣлу. Авторъ возстаетъ противъ привитія къ жизни искуственныхъ потребностей, ихъ усложненія. Упадокъ счастья, независимости, чувства солидарности, масса всякихъ житейскихъ невзгодъ—таковъ результатъ господства этихъ потребностей. Наравнѣ съ трудомъ человѣку нужно веселье также простое, состоящее не въ искусственномъ оживленіи и подражаніи вреднымъ и скучнымъ способамъ развлеченій нашей общественной городской жизни, а въ готовности къ веселью

отъ всего сердца, въ любезномъ и прямодушномъ отношенiи къ своимъ гостямъ, вниманiи къ нимъ. Вагнера возмущаетъ завладѣвшiй всѣмъ обществомъ духъ корыстолюбiя и наживы. Рядомъ убѣдительныхъ примѣровъ онъ доказываетъ, что деньги только необходимое средство къ жизни, гдѣ есть много благъ (честь, доброта, здоровье, умъ и пр.), недоступныхъ денежнымъ разсчетамъ. Пустота направленiя нашего вѣка особенно выражается въ любви къ рекламѣ, страсти къ извѣстности, которой Вагнеръ противопоставляетъ невѣдомое благо—скромный, но полезный трудъ бѣдняка—крестьянина, учителя, студента, самопожертвованiе старыхъ дѣвъ и милосердiе нѣкоторыхъ богачей. Авторъ сѣтуетъ на упадокъ домашней жизни въ современномъ обществѣ и страсть къ свѣтской, пустой жизни, наполненной одними только вредными для ума и сердца удовольствiями. Жизнь каждаго должна быть чужда безполезной и безтолковой роскоши и расточительности, хотя въ тоже время въ нашу семейную обстановку (одежду, пищу, жилище) мы обязаны вносить изящество, красоту, на что такъ способны всѣ женщины, умѣющiя вкладывать душу въ самыя обыденныя занатiя. Всѣ виды высокомѣрiя возбуждаютъ негодованiе нашего автора, который настаиваетъ на простотѣ въ общественныхъ отношенiяхъ. Этой послѣдней цѣли много помогаетъ воспитанiе дѣтей въ духѣ простоты. Есть два способа воспитывать дѣтей. Первый состоитъ въ воспитанiи ихъ для себя, второй для нихъ самихъ. Ребенокъ становится тѣмъ, чѣмъ позволяютъ ему быть родители. Такъ личность сокращается и поглощается сначала въ семьѣ, а потомъ и обществѣ. Подобная система воспитанiя проста и была бы примѣнима къ людямъ, если бы они были только особью извѣстной породы, а не личностями съ извѣстными, своебразными душевными силами и наклонностями. При другой системѣ родители существуютъ для ребенка, весь мiръ къ услугамъ единственнаго и непогрѣшимаго господина, непризнающаго ни узды, ни закона. Такая система воспитанiл процвѣтаетъ тамъ, гдѣ прошлому не придаютъ никакого значенiя и личность, ея произволъ торжествуетъ надъ историческими традицiями. Вагнеръ находитъ пагубною каждую изъ этихъ системъ воспитанiя, какъ и соединенiе

обѣихъ, которое производитъ полуавтоматовъ, полудеспотовъ, вѣчно колеблющихся между стаднымъ чувствомъ и духомъ протеста или преобладанія. Цѣль воспитанія въ томъ, чтобы помочь дѣтямъ „стать самими собою", дѣятельными членами общества, свободными слугами государства. привязать дѣтей къ прошлому семьи и всего общества, внушать и прививать къ нимъ простоту сердца и простыя привычки въ жизни (въ одеждѣ, наукѣ, развлеченіяхъ). Наше счастье въ томъ, чтобы быть живыми, дѣятельными, быстрыми, свободными отъ искуственныхъ потребностей и сохранить въ себѣ сердце, способное любить и сочувствовать всему доброму, простому и прекрасному. Вообще Вагнеръ противъ всего искусственнаго въ жизни современнаго общества; онъ убѣжденъ, и съ нимъ должны согласиться всѣ, страдающіе отъ излишка искусственныхъ потребностей въ жизни,—что простота въ жизни—единственное условіе счастья людей, противовѣсъ разложенію и упадку современной общественной жизни, гдѣ царитъ грубая погоня за личнымъ благополучіемъ. Духъ простоты, замѣчаетъ въ заключеніе Вагнеръ, сглаживаетъ неровности, соединяетъ руки и сердца, побѣждаетъ сильнѣйшія препятствія и приводитъ къ взаимному пониманію, уваженію и любви людей, которыхъ, повидимому, почти не могло соединить.

В. Щегловъ.

Отчетъ бывшаго Департамента неокладныхъ сборовъ, а нынѣ Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1895 годъ. Спб. 1897.

Департаментъ неокладныхъ сборовъ былъ образованъ въ 1863 г., одновременно съ отмѣной откуповъ, изъ департамента разныхъ податей и сборовъ, путемъ присоединенія къ послѣднему состоявшихъ въ департаментѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ двухъ отдѣленій по соляной части и выдѣленія въ особый департаментъ неокладныхъ сборовъ перваго отдѣленія, вѣдавшаго разнаго рода подати. Первоначально въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ были сосредоточены дѣла по управленію сборами лишь съ питей, соли и герба-

вой бумаги, а также дѣла, касающіяся подчиненныхъ департаменту губернскихъ и окружныхъ акцизныхъ управленій.

Вскорѣ дѣятельность департамента значительно расширилась какъ въ территоріальномъ отношеніи, такъ и въ кругѣ вѣдомства. На основаніи Выс. утв. 26 окт. 1864 г. мнѣнія Госуд. Совѣта къ департаменту неокладныхъ сборовъ присоединено отдѣленіе бывшаго департамента мануфактуръ и внутренней торговли по сборамъ съ табаку и сахарнаго производства. Въ 1866 г. съ введеніемъ акцизной системы взиманія питейнаго дохода въ Привислинскомъ краѣ мѣстное завѣдываніе этимъ сборомъ было возложено на особое отдѣленіе департамента неокладныхъ сборовъ, учрежденное въ Варшавѣ подъ именемъ центральнаго управленія акцизными сборами; съ 1870 г. это управленіе были упразднено и лежавшія на немъ обязанности перешли на департаментъ. Въ 1869 г. дѣятельность департамента снова расширилась въ территоріальномъ отношеніи вслѣдствіе введенія акцизной системы въ Туркестанскомъ краѣ. Съ 1 іюля 1883 г. подчинено было вѣдѣнію министерства финансовъ на общихъ основаніяхъ, установленныхъ для губернскихъ акцизныхъ управленій внутри имперіи, закавказское акцизное управленіе, подчинявшееся до того времени намѣстнику Кавказскому. Съ 1888 года кругъ дѣятельности департамента неокладныхъ сборовъ распространился на Закаспійскую область, вслѣдствіе закона 9 іюня 1887 г. о распространеніи правилъ питейнаго и табачнаго уставовъ на эту область.

Параллельно съ этимъ шло и расширеніе круга вѣдомства департамента. За упраздненіемъ, на основаніи закона 25 дек. 1884 года образованнаго въ составѣ министерства финансовъ особаго отдѣла по финансамъ Царства Польскаго, въ департаментъ неокладныхъ сборовъ были переданы изъ этого отдѣла дѣла по пропинаціонному праву въ Привислянскихъ губерніяхъ. Въ 1886 году на департаментъ неокладныхъ сборовъ возложено завѣдываніе акцизомъ на прессованныя дрожжи, въ 1888 году—акцизомъ на освѣтительныя нефтяныя масла и акцизомъ на зажигательныя спички. Сокращеніе дѣятельности департамента за это время произошло лишь въ одномъ отношеніи: въ 1880 году отмѣ-

нено было взиманіе оклада съ соли и, по Выс. повелѣніи 13 февр. 1881 г., соляная часть передана въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, а въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ осталось лишь окончаніе дѣлъ по акцизу съ соли и прежнимъ солянымъ недоимкамъ.

Въ 1891 г. министерство финансовъ приступило къ коренной реформѣ питейной торговли. Закономъ 8 іюня этого года министру финансовъ предоставлено приступить къ подготовительнымъ работамъ по введенію казенной продажи питей въ 4-хъ восточныхъ губерніяхъ, къ найму или устройству на средства казны помѣщеній для заводовъ, подваловъ и складовъ, предназначенныхъ для очистки, храненія, разсыропки и розлива въ посуду спирта и вина, а равно къ пріобрѣтеніи необходимыхъ для сего аппаратовъ. По докладу министра 21 іюня 1893 года, Высочайше разрѣшено учредить при департаментѣ неокладныхъ сборовъ Особый отдѣлъ по казенной продажѣ питей, на который возложено составленіе проэкта положенія о казенной продажѣ питей, и организація этого дѣла въ 4-хъ восточныхъ губерніяхъ. Въ 1894 г. утверждены были: Положеніе о казенной продажѣ питей и уставъ попечительствъ о народной трезвости. Затѣмъ въ томъ же году 11 іюля послѣдовало Высочайшее повелѣніе о немедленномъ приступѣ къ подготовительнымъ работамъ по введенію казенной продажи вина въ губерніяхъ съ еврейскимъ населеніемъ; организація подготовительныхъ работъ и общее руководство по ихъ выполненію сосредоточены были въ помянутомъ Особомъ отдѣлѣ.

Соотвѣтственно постояннымъ измѣненіямъ круга дѣятельности департамента измѣнялось число отдѣленій и личный составъ, возросшій съ 75 лицъ въ 1864 г. до 126 лицъ въ 1895 г.

Не смотря на постепенное расширеніе сферы дѣятельности департамента неокладныхъ сборовъ вообще, обязанности, возлагаемыя на него положеніемъ о казенной продажѣ питей, представлялись несравненно болѣе сложными и широкими. Законами 2 мая и 9 іюня 1895 года и 19 февраля 1896 г. предписано было ввести казенную продажу питей: съ 1 іюля 1896 г. въ Бессарабской, Волынской, Екатеринославской, Кіевской, Подольской, Полтав-

ской, Таврической, Херсонской и Черниговской губерніяхъ; съ 1 іюля 1897 года—во 6-ти сѣверо-западныхъ губерніяхъ, а также С.-Петербургской, Новгородской, Псковской, Олонецкой, Смоленской и Харьковской. Такимъ образомъ организаціонныя работы по введенію питейной монополіи и надзоръ за ней въ близкомъ будущемъ должны были охватить значительное большинство губерній Европейской Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности департамента по этой новой отрасли его дѣятельности должны были настолько усложниться, что отодвигали его дѣятельность по управленію собственно неокладными сборами на второе мѣсто. Объ обширности и сложности предстоявшей дѣятельности по казенной продажѣ питей можно судить по слѣдующему, приводимому въ отчетѣ, перечню главнѣйшихъ обязанностей центральнаго учрежденія, завѣдывающаго этимъ дѣломъ.

Центральное управленіе должно слѣдить, чтобы заводчики, имѣя вполнѣ обезпеченный сбытъ выкуриваемаго ими спирта въ казну, не выкуривали его слишкомъ много, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ предотвращеніи перепроизводства, ограничивать открытіе вновь винокуренныхъ заводовъ. Это же управленіе должно завѣдывать всѣми дѣлами, касающимися денежныхъ выдачъ заводчикамъ въ замѣнъ безакцизныхъ отчисленій спирта.

По заготовкѣ для надобностей казны спирта центральное управленіе ежегодно опредѣляетъ количество спирта, потребное для казенной винной операціи; производитъ предварительную разверстку спирта, подлежащаго пріобрѣтенію у заводчиковъ; опредѣляетъ ежегодно цѣны на поставляемый по разверсткѣ спиртъ и условія поставки спирта и разсчета съ поставщиками; ежегодно опредѣляетъ количество спирта, подлежащаго поставкѣ съ торговъ для каждой губерніи, а затѣмъ ведетъ все дѣлопроизводство по утвержденію торговъ и разрѣшаетъ всѣ вопросы, могущіе возникать по заготовкѣ спирта хозяйственнымъ способомъ.

По ректификаціи пріобрѣтаемаго спирта центральное управленіе опредѣляетъ количество спирта, подлежащее очисткѣ перегонкою на казенныхъ заводахъ и на заводахъ частныхъ лицъ, а также порядокъ и условія производства очистки на казенныхъ заводахъ

и имѣетъ общее наблюденіе за симъ производствомъ; разрѣшаетъ всѣ хозяйственные и техническіе вопросы по приготовленію на казенныхъ заводахъ ректификованнаго вина, храненіи и перевозкѣ онаго; распредѣляетъ по губерніямъ общее количество казеннаго спирта, подлежащаго очисткѣ на частныхъ заводахъ; назначаетъ предѣльныя цѣны за ректификацію на нихъ; составляетъ проэкты договоровъ по сдачѣ ректификаціи казеннаго спирта частнымъ лицамъ; разрѣшаетъ всѣ вопросы и недоразумѣнія, возникающія при выполненіи заводчиками принятыхъ на себя обязанностей по договорамъ относительно ректификаціи; разсматриваетъ ходатайства частныхъ лицъ о выдачѣ ссудъ подъ устройство спиртоочистительныхъ заводовъ и очистныхъ отдѣленій при винокуренныхъ заводахъ.

Подобныя же обязанности несетъ центральное управленіе по заготовленіи для казны водочныхъ издѣлій.

Затѣмъ на обязанности центральнаго управленія лежитъ весьма сложное дѣлопроизводство по операціямъ казенныхъ очистныхъ и разливныхъ складовъ. Въ этомъ отношеніи оно установляетъ число помянутыхъ складовъ для каждой губерніи монопольнаго раіона, заботится объ устройствѣ сихъ складовъ; составляетъ проэкты договоровъ на пріобрѣтеніе и арендованіе земельныхъ участковъ съ помѣщеніями для означенныхъ складовъ, разсматриваетъ представляемыя управляющими акцизными сборами предварительныя условія на покупку и аренду означенныхъ участковъ; установляетъ предѣльныя арендныя цѣны за помѣщенія для складовъ и за земельныя участки, производитъ ассигнованіе денегъ на покупку участковъ, на выдачу арендной платы и на сооруженіе помѣщеній для складовъ.

Далѣе, на обязанности того же управленія лежитъ выработка типовъ складовъ для очистки и разлива вина, составленіе, разсмотрѣніе и утвержденіе проэктовъ зданій для складовъ; разсмотрѣніе договоровъ со строителями складовъ; учрежденіе строительныхъ коммиссій и подкоммиссій по наблюденію за постройкою казенныхъ складовъ; разсмотрѣніе отчетовъ сихъ коммиссій; составленіе и разсмотрѣніе чертежей, аппаратовъ и приборовъ, необходимыхъ для оборудованія складовъ; заказъ этихъ приборовъ и

другихъ предметовъ; установленіе подробныхъ правилъ о храненіи крѣпкихъ напитковъ въ казенныхъ складахъ, о приготовленіи изъ спирта вина и о разливѣ вина и спирта въ стеклянную посуду; разработка формъ и типовъ стеклянной посуды; составленіе условій на поставку сей посуды; заключеніе договоровъ и разсчеты съ поставщиками оной; разрѣшеніе вопросовъ по заготовкѣ пробокъ, смолки, этикетовъ для наклейки на посуды и по опечатанію сей послѣдней и т. п.

Обязанности центральнаго управленія винной монополіей далѣе заключаются: въ опредѣленіи необходимаго для каждой губерніи числа мѣстъ казенной продажи питей; въ распредѣленіи ихъ по разрядамъ соотвѣтственно потребленію спирта въ той или другой мѣстности и въ размѣщеніи ихъ въ наиболѣе удобныхъ населенныхъ пунктахъ; въ установленіи подробныхъ правилъ о производствѣ торговли какъ въ этихъ заведеніяхъ, такъ и въ питейныхъ заведеніяхъ частныхъ лицъ въ монопольномъ районѣ; въ разрѣшеніи вопросовъ относительно принятія казеннымъ управленіемъ условій продажи питей частныхъ фирмъ на коммиссію для продажи въ казенныхъ заведеніяхъ; въ установленіи продажныхъ цѣнъ на казенные напитки, сообразно мѣстнымъ условіямъ; въ установленіи порядка и условій передвиженія крѣпкихъ напитковъ какъ предназначенныхъ для продажи въ монопольныхъ губерніяхъ, такъ и перевозимыхъ чрезъ оныя лишь транзитомъ, въ разрѣшеніи всѣхъ вообще хозяйственныхъ вопросовъ по продажѣ питей въ казенныхъ заведеніяхъ и въ общемъ наблюденіи за правильнымъ веденіемъ сего дѣла во всемъ монопольномъ районѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ центральное управленіе должно заботиться объ установленіи строгаго контроля не только надъ дѣятельностью акцизныхъ чиновъ по наблюденію за производствомъ казенной торговли крѣпкими напитками, но и надъ всѣмъ составомъ служащихъ по вольному найму въ мѣстахъ выдѣлки и продажи питей, принимая мѣры къ тому, чтобы къ исполненію сихъ обязанностей были привлекаемы лица вполнѣ благонадежныя.

Затѣмъ, въ томъ же центральномъ управленіи сосредоточивается вся операція по ассигнованію денегъ на всякіе вообще расходы по

введенію и веденію казенной торговли питьями, а также все дѣлопроизводство по нарушеніямъ постановленій о казенной продажѣ напитковъ.

Но приведеннымъ перечнемъ дѣлъ не исчерпывается кругъ занятій названнаго управленія. Къ обязанностямъ его относится также и общее руководительство дѣятельностью попечительствъ о народной трезвости, ассигнованіе суммъ на расходы по дѣлопроизводству въ губернскихъ и уѣздныхъ комитетахъ, завѣдующихъ дѣлами означенныхъ попечительствъ, выдача пособій симъ послѣднимъ, ревизія ихъ отчетовъ и сношенія съ другими вѣдомствами по предметамъ вѣдѣнія попечительствъ.

Сверхъ того, въ видахъ правильной постановки и цѣлесообразнаго веденія казенной продажи крѣпкихъ напитковъ, центральное управленіе собираетъ самыя подробныя свѣдѣнія о состояніи всѣхъ отраслей промышленности, имѣющихъ отношеніе къ осуществляемой нынѣ питейной реформы. Равнымъ образомъ оно ведетъ весьма сложную отчетность по дѣлу винной монополіи.

Наконецъ въ виду новости питейной реформы и возможности обнаруженія слабыхъ сторонъ ея предвидѣлась для центральнаго управленія казенной продажи питей и весьма значительная и сложная дѣятельность по предварительной разработкѣ различныхъ вопросовъ питейной реформы, размотрѣніе въ законодательномъ порядкѣ (ч. 2-я, стр. 1—10).

Такимъ образомъ, дѣятельности входившаго въ составъ департамента неокладныхъ сборовъ особаго отдѣла по казенной продажѣ питей предстояло такое расширеніе и усложненіе, что совокупность задачъ названнаго департамента, вслѣдствіе возложенія на него главнаго управленія винною монополіей, въ ближайшемъ будущемъ должна была превзойти не только тѣ предѣлы, которые были намѣчены при учрежденіи департамента въ 1863 году, но и тѣ, которые вообще могутъ быть установляемы для круга дѣйствій одного департамента министерства. Кромѣ того, съ распространеніемъ казенной продажи вина до такой степени увеличились и усложнились обязанности директора департамента неокладныхъ сборовъ, что обязанности эти оказались положительно не по силамъ

одному лицу. Все это указывало на необходимость выдѣленія изъ круга дѣятельности департамента казенной продажи питей и образованія для завѣдыванія сею продажею особаго центральнаго органа. Но при этомъ имѣлось въ виду, что оба учрежденія, какъ завѣдывающее неокладными сборами, такъ и проэктируемое для завѣдыванія казенной продажей питей, отличаясь другъ отъ друга по способу извлеченія въ казну дохода съ вина, должны однако близко соприкасаться между собою по самому источнику означеннаго дохода, каковымъ источникомъ является винокуренная промышленность. Независимо отъ сего, оба учрежденія связаны еще тѣмъ, что мѣстные ихъ органы—одни и тѣже установленія, именно губернскія и окружныя акцизныя управленія, на которыя возложено завѣдываніе какъ акцизно-питейнымъ дѣломъ, такъ и казенною продажею вина въ губерніяхъ" (тамъ же, стр. 12).

Въ виду такой общности предметовъ вѣдѣнія обоихъ учрежденій, для сохраненія стройности и единства въ ихъ дѣйствіяхъ, признано было необходимымъ общее руководительство ими ввѣрить одному лицу и съ этой цѣлью образовать, примѣнительно къ входящимъ въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ главнымъ управленіямъ: тюремному и почтъ и телеграфовъ, въ составѣ министерства финансовъ центральное управленіе подъ названіемъ: „главное управленіе неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей", раздѣленное на два отдѣла: неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. Во главѣ новаго учрежденія стоитъ начальникъ главнаго управленія, которому, между прочимъ, присвоено право присутствовать въ сенатѣ по дѣламъ, относящимся до предметовъ вѣдомства главнаго управленія, на правахъ товарища министра; ближайшимъ помощникомъ его являются управляющіе двумя названными отдѣлами управленія.

Такимъ образомъ въ 1895 году закончилась дѣятельность бывшаго департамента неокладныхъ сборовъ. Это обстоятельство было поводомъ къ тому, что его отчетъ за 1895 г. былъ составленъ не только за одинъ отчетный годъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за все предшествующее 10-лѣтіе. „Дѣятельность департамента за разсматриваемыя 10 лѣтъ отличалась особой напряженностью и разно-

образіемъ и закончилась коренной реформой важнѣйшаго изъ косвенныхъ налоговъ—питейнаго и преобразованіемъ самого учрежденія. Съ 1896 г. акцизное вѣдомство вступило на новый путь, и потому естественно обнаружилась потребность какъ бы подвести итоги результатамъ наиболѣе оживленнаго періода его дѣятельности, чтобы въ опытѣ прошедшаго почерпать указанія для дальнѣйшаго развитія дѣла".

Такимъ образомъ разсматриваемый отчетъ департамента неокладныхъ сборовъ имѣетъ особое значеніе въ томъ отношеніи, что представляетъ собою сводъ данныхъ за 10 лѣтъ, извлеченныхъ изъ цѣлаго ряда отчетовъ и сопоставленныхъ между собою въ однообразной системѣ, такъ что даетъ возможность имѣть постоянно подъ руками, безъ необходимости рыться для этого въ грудѣ изданій, картину состоянія любой промышленности, подлежащей акцизу, за 11-лѣтній періодъ, ознаменовавшійся разнообразными мѣропріятіями правительства относительно этихъ областей хозяйственной жизни. Необходимость пріурочить всѣ данныя къ масштабу 1895 года потребовала многочисленныхъ дополненій, переработки прежнихъ свѣдѣній и обращенія не только къ печатнымъ источникамъ, но и непосредственно по дѣламъ департамента; по многимъ вопросамъ свѣдѣнія значительно рзсширены, введены новыя таблицы, многія главы составлены совершенно заново, на основаніи главнымъ образомъ подлинныхъ дѣлъ (напр., о стоимости производства сахара, о рафинадной промышленности), что, конечно, еще значительно увеличиваетъ цѣнность этого оффиціальнаго изданія.

Наибольшій интересъ, съ точки зрѣнія финансовой злобы дня, представляетъ новый отдѣлъ, впервые появившійся въ отчетѣ департамента неокладныхъ сборовъ и касающійся казенной продажи питей. Здѣсь впервые опубликовываются болѣе или менѣе подробныя данныя о первомъ опытѣ проведенія питейной реформы и о его финансовыхъ и иныхъ послѣдствіяхъ. Заимствуемъ нѣкоторыя важнѣйшія изъ этихъ данныхъ.

Казенная продажа питей въ 1895 году дѣйствовала въ 4-хъ восточныхъ губерніяхъ: Уфимской, Пермской, Самарской и Орен-

ской и доставили, помимо акциза, валоваго дохода 11.461.504 р. $87^3/_4$ к. Хозяйственно-операціонные расходы по казенной продажѣ питей составили къ 1895 году 6.791.183 рубля, такъ что чистый доходъ отъ продажи, не считая акциза, отчетъ опредѣляетъ въ 4.670.321 р. Но эта цифра представляется вычисленной не совсѣмъ правильно: съ одной стороны не принято во вниманіе оставшіяся къ 1 января 1896 года неизрасходованными количества спирта, вина, посуды и разныхъ другихъ матеріаловъ на 1.633.799 р., съ другой—не сдѣлано отчисленія на покрытіе расходовъ по производству подготовительныхъ работъ по введенію казенной продажи питей въ этихъ губерніяхъ, которые достигли за три года 4.931.002 р. Отчисляя 10% на погашеніе этихъ предварительныхъ расходовъ и уменьшая хозяйственно-операціонные расходы на сумму стоимости оставшихся неизрасходованными матеріаловъ, мы получимъ, что чистый доходъ отъ казенной операціи въ 1895 году достигалъ по меньшей мѣрѣ 5.811.000 рублей.

Для надобностей казенной продажи питей въ 1895 году было пріобрѣтено 4.007.741 ведеръ спирта (по разсчету въ 40°), при чемъ средняя для всѣхъ четырехъ губерній цѣна сырого спирта оказалась въ 61,18 коп. за ведро (40°), и ректификованнаго—309.256 в. по цѣнѣ въ среднемъ 86,62 коп. за ведро. Казною были построены 4 спиртоочистительныхъ завода, но два изъ нихъ, въ Уфѣ и Оренбургѣ, не могли быть окончены своевременно, и потому казенное управленіе вынуждено было въ 1894 г. заключить съ мѣстными спиртоочистительными заводами договоры на ректификацію потребнаго количества сырого спирта. При этомъ, „будучи поставлено въ затруднительное положеніе обстоятельствами, которыя не могли быть предвидѣны заранѣе“, казенное управленіе вынуждено было заключить эти договоры съ заводчиками на 6-лѣтній срокъ, такъ что, хотя казенные заводы въ этихъ двухъ городахъ и были окончательно устроены еще въ началѣ 1895 г., но они въ отчетномъ году не дѣйствовали, такъ какъ потребное количество ректификованнаго спирта получалось по договору отъ частныхъ заводчиковъ. Остальные два казенные завода—въ Пер-

ми и Самарѣ—производили ректификацію спирта, хотя и здѣсь значительная часть сырого спирта ($^2/_3$ въ Пермской губ. $^1/_4$ въ Самарской) также была сдана на ректификацію частнымъ заводчикамъ. Ректифапія одного ведра спирта въ 40° обошлось на частныхъ заводахъ отъ 20 до 34,5 коп. (средняя—32,04 к.), на казенныхъ: Самарскомъ—8,88 коп., Пермскомъ 15,31 коп. (среднее 11,21 к.). Эти цифры, конечно, представляются очень благопріятными для казенныхъ заводовъ; но, къ сожалѣнію, въ отчетѣ нѣтъ указаній, были ли при этомъ приняты во вниманіе % на капиталъ, затраченный на устройство и оборудованіе этихъ заводовъ. Имѣя въ виду, что на постройку спиртоочистительныхъ заводовъ и складовъ и снабженіе ихъ машинами и аппаратами было затрачено 2.309.708 рублей и что всего въ 1895 г. на казенныхъ заводахъ было ректификовано спирта 1.184.925 ведеръ мы должны прійти къ тому заключенію, что одни только % на этотъ капиталъ (6%) составляютъ болѣе 11 коп. на ведро; однако, если даже и увеличить приведенную выше стоимость ректификаціи спирта на казенныхъ завадахъ на 11 коп., все таки она будетъ гораздо ниже средней стоимости ректификаціи на частныхъ заводахъ, особенно если вспомнить, что казенные заводы дѣйствовали только частью своей работоспособносли.

Въ 1895 году въ районѣ казенной продажи питей было продано 2.950.241 ведро, при чемъ наибольшая часть—88,5% этого количества шло по цѣнѣ отъ 7 до 8 рублей, почти 7% по цѣнѣ 9 руб. и 9 р. 20 к., 2,8%—по цѣнѣ отъ 5 руб. 55 к. до 6 р. 40 к. и 1% по цѣнѣ 10 и 12 рублей. Всего имѣлось въ Пермской губерніи 9 разныхъ цѣнъ на казенное вино, въ Самарской—6, въ Уфимской—4 и въ Оренбургской—2. Средняя продажная цѣна за ведро вина и спирта было въ Уфимской губерніи—7 р. 73 к., въ Пермской—8 р. 5 к., въ Самарской—7 р. 26 к. и въ Оренбургской—8 р. 2 к., по всему же району 7 р. 75 к. Для продажи казеннаго вина существовало 2817 казенныхъ винныхъ лавокъ и 51 магазинъ при складахъ; изъ нихъ въ городахъ, пригородахъ и станціяхъ—279, на заводахъ 219, въ селахъ 1.398 и въ деревняхъ 962. Число жителей,

приходящихся на одно заведеніе (казенное или частное) для раздробительной продажи питей въ 1895 г. значительно увеличилось сравнительно съ 1894; оно составляло въ Пермской губерніи—2189 человѣкъ (вмѣсто 1.135 въ 1894 г.), въ Уфимской—3.205 (вмѣсто 2.002), въ Самарской—2.068 (1499) и въ Оренбургской—2123 (1161), т. е. въ среднемъ по району увеличилось на 65% или почти на 2/3.

Отчетъ посвящаетъ особую главу составу вольнонаемныхъ служащихъ по казенной продажи питей. Главная задача реформы заключалась въ устраненіи тѣхъ специфическихъ злоупотребленій, для которыхъ представляется широкій просторъ недобросовѣстнымъ владѣльцамъ частныхъ питейныхъ заведеній, благодаря самымъ особенностямъ продаваемаго ими товара и его вліянію на покупателей, и потому имѣлось въ виду улучшить персоналъ лицъ, занятыхъ питейной торговлей. Обстановка, которую законъ 6 іюня 1894 придаетъ казеннымъ виннымъ лавкамъ, приравнявши ихъ ко всякимъ другимъ торговымъ заведеніямъ и отнявши отъ нихъ тотъ характеръ, который дѣлалъ унизительнымъ званіе кабатчика, имѣло между прочимъ цѣлью привлечь на должности продавцевъ въ питейныхъ лавкахъ людей лучшаго, сравнительно съ прежнимъ, круга; той же цѣли должно было способствовать и довольно высокое вознагражденіе: каждый продавецъ казенной лавки въ восточныхъ губерніяхъ получаетъ казенную квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ и кромѣ того содержаніе, которое зависитъ отъ разряда лавки: до 600 руб. въ лавкахъ перваго разряда, до 540 руб. втораго и до 250 руб. третьяго. Не смотря на то, пріискать сразу на должности продавцовъ до 3000 человѣкъ, удовлетворяющихъ болѣе или менѣе строгимъ требованіямъ, оказалось не особенно легкимъ дѣломъ, такъ что акцизному надзору пришлось принять на эти мѣста почти на половину (до 48% общаго числа) такихъ лицъ, которыя прежде или самостоятельно вели винную торговлю или состояли въ качествѣ сидѣльца, такъ что почти половина всей питейной торговли осталась по прежнему въ рукахъ тѣхъ лицъ, которыя, какъ предполагалось, и ранѣе эксплоатировали населеніе тѣмъ же путемъ. Правда въ теченіе отчетнаго года

было уволено или добровольно удалилось 10,5% этихъ лицъ, а въ концѣ года было сдѣлано распоряженіе не принимать ихъ болѣе на службу, но все-таки къ слѣдующему году въ 37% всѣхъ казенныхъ заведеній торговали профессіональныя кабатчики. Среди остальной части продавцевъ почти 10% (мужчинъ и женщинъ) приходится на долю лицъ, бывшихъ ранѣе на государственной службѣ, имѣвшихъ профессіональныя занятія и занимавшія канцелярскія и конторскія должности, при чемъ мы встрѣчаемъ здѣсь одного полковника, двухъ подполковниковъ, одного капитана и двухъ штабсъ-капитановъ, оставныхъ гражданскихъ чиновниковъ, до надворнаго совѣтника включительно, одного мироваго и одного станичнаго судью, акушерокъ, гувернантокъ, сестру милосердія, начальницу пріюта... Такимъ образомъ въ извѣстной степени оправдалась надежда привлечь къ казенной питейной продажѣ людей интеллигентныхъ: въ числѣ продавцевъ въ 1895 году было два лица, окончившія высшее образованіе и 53 (33 муж. и 20 жен.)— среднее.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Свирщевскій.